

Архивное дело № 2803

О.И. Капчинский

ГВАРДЕЙЦЫ Ленина

Центральный
аппарат ВЧК

структура
и кадры

Капчинский Олег Иванович родился в 1972 г. в Москве. Окончил в 2000 г. истфак Московского педагогического государственного университета. В 2005 г. в МПГУ защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук». Автор около 40 научных публикаций по отечественной истории XX в. и истории государства и права. Член Союза журналистов РФ.

В 2000–2006 гг. – младший научный сотрудник Лаборатории средств обучения общественным дисциплинам Центра социально-гуманитарных дисциплин Института содержания и методов обучения Российской Академии образования. С 2006 г. – преподаватель Московской финансово-юридической академии, одновременно с 2007 г. преподаватель Московского университета открытого образования, с 2008 г. доцент кафедры теории и истории государства и права Академии труда и социальных отношений.

Неприязнь в широких слоях населения к чекистским органам привела к возникновению у многих коммунистов, особенно с подпольным стажем, стойкой ассоциации ЧК с царской охранкой, и многие члены партии отказывались идти туда на службу, что и было одной из причин создавшегося кадрового дефицита. Как вспоминал Петерс, «специальные охранники, которые воевали с пролетариатом, делали обыски, высылали в Сибирь, гноили в тюрьмах, посылали на виселицы – все это оставалось свежим в памяти у каждого коммуниста. А тут организовывалась новая власть – власть рабочих и крестьян, и снова обыски, аресты, расправа».

О.И. Капчинский

ГВАРДЕЙЦЫ Ленина

**Центральный
аппарат ВЧК:**

**структура
и кадры**

УДК 94(47).084
ББК 63.3(2)612
К 208

Рецензенты:

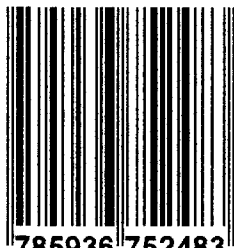
д.и.н. А.А. Исрапов, к.и.н. В.А. Гурковский

Капчинский, Олег Иванович
К 208 **Гвардейцы Ленина.** Центральный аппарат ВЧК: структура и кадры/ О.И. Капчинский. 2-е изд., стереотип. – М.: Крафт+, 2017. – 416 с.: ил. – ISBN 978-5-93675-248-3

Описание каких бы то ни было аспектов деятельности ВЧК не будет полным без подробного изучения ее структуры и персонального состава. Только поняв принципы подбора, расстановки и подготовки кадров, их социальный, партийный и национальный состав, изучив биографические характеристики ответственных сотрудников, можно будет полностью достоверно реконструировать и проводившуюся чекистами работу, какого бы направления она ни касалась.

Автор стремится выявить роль как личного состава в целом, так и отдельных личностей в функционировании чекистского учреждения в годы Гражданской войны.

ISBN 978-5-93675-248-3

9 785936 752483

© Капчинский О.И., 2014, 2017
© Издательство «Крафт+»,
подготовка к изданию и
оформление, 2014, 2017

ВВЕДЕНИЕ

В обществе существует интерес к истории отечественных спецслужб, в том числе в период Гражданской войны и в 1920-е гг. Однако описание каких бы то ни было аспектов деятельности чекистского ведомства не будет полным без подробного изучения его структуры и персонального состава. Только поняв принципы подбора, расстановки и подготовки кадров, их социальный, партийный и национальный состав, изучив биографические характеристики ответственных сотрудников, можно будет полностью достоверно реконструировать и проводившуюся чекистами работу, какого бы направления она ни касалась. «Кадры решают все» – этот лозунг как нельзя более подходит для определения роли как личного состава в целом, так и отдельных личностей в функционировании чекистского учреждения в годы Гражданской войны.

Актуальность данной темы определяется ее научной значимостью, необходимостью уяснения как объективных, так и субъективных предпосылок формирования и развития организационной структуры и кадрового состава карательного органа раннего Советского государства и большевистской партии. Анализ структуры и кадров ВЧК представляет большой интерес и с точки зрения принципов формирования органов государственной власти, а также социальной, партийной и национальной политики на первом этапе существования Советской власти.

В отечественной историографии проблемы можно выделить два этапа: советский (конец 1950 – конец 1980-х гг.) и постсоветский (1990-е гг. и до настоящего времени). Советский этап условно можно подразделить на два подэтапа: конец 1950 – середина 1970-х гг.; середина 1970 – конец 1980-х гг.

Опубликованные в начале 1920-х гг. брошюры М.Я. Лациса и А.Л. Малицкого, посвященные ВЧК, в которых затрагивались, хотя и фрагментарно, некоторые кадровые вопросы, являются скорее источниками по истории чекистских органов, чем собственно историческими исследованиями¹. Вышедшие же в период сталинского тоталитарного режима в 1930–1940 гг. книги, посвященные борьбе ВЧК со всевозможными заговорами, к исторической науке вообще никакого

отношения не имеют². В этих работах, написанных без всяких ссылок на источники, кадровые вопросы вообще не рассматривались, а имена работников ВЧК, за исключением умерших до начала массовых репрессий Ф.Э. Дзержинского и В.Р. Менжинского, убитого в 1918 г. М.С. Урицкого, а также выведенного в образе врага народа и вредителя в чекистском ведомстве Г.Г. Ягоды, не упоминались, поскольку многие из них были арестованы и расстреляны*.

---

* Так, из чекистов, входивших в Коллегию ВЧК с февраля 1919 по февраль 1922 г., не считая умерших до Большого террора Ф.Э. Дзержинского, И.К. Ксенофонтова, В.А. Аванесова и В.Р. Менжинского, лишь троим – С.Г. Уралову, К.М. Валоубеву и В.И. Савинову – удалось избежать репрессий. И.Д. Чугурин в октябре 1937 г., находясь на посту директора Рыбинского завода катеров, был арестован, спустя 7 месяцев благодаря хлопотам Н.К. Крупской вышел на свободу, но в дальнейшем (вплоть до смерти в 1947 г.) неоднократно подвергался партийным и служебным гонениям. В.С. Корнев умер в тюрьме во время следствия в 1939 г. Остальные: Я.Х. Петерс, М.Я. Лацис, В.В. Фомин, Г.С. Мороз, М.С. Кедров, А.В. Эйдук, И.П. Жуков, Ф.Д. Медведь, В.Н. Манцев, С.Т. Ковылкин, Н.Н. Зимин, С.А. Мессинг, Г.Г. Ягода, Г.И. Бокий и И.С. Уншлихт – были расстреляны, причем все, за исключением Кедрова, арестованного в 1939 г. и оправданного в 1941 г. Военной Коллегией Верховного Суда, но вскоре ликвидированного по распоряжению Берии в Саратовской тюрьме, были уничтожены в 1937–1938 гг., то есть во время «ежовщины». За исключением Ягоды, все они в хрущевское время были реабилитированы. Жертвами политических репрессий в период Большого террора стали и некоторые бывшие начальники отделов ВЧК, не входившие в Коллегию. Так, в ноябре 1937 г. был расстрелян М.К. Ихновский, обвиненный как поляк в участии в польской националистической террористической организации, а в августе того же года разбился насмерть, выбросившись из окна четвертого этажа НКВД Армении, С.М. Тер-Габриэлян, перед арестом занимавший пост председателя республиканского Совнаркома (по другой версии, он был забит до смерти во время следствия, и его выкинули, инспирировав самоубийство).

В разное время жертвами своих бывших коллег по службе стали многие члены чекистского руководства 1918 г. Так, если зампред ВЧК В.А. Александрович, один из организаторов левоэсеровского восстания, был расстрелян еще в июле 1918 г., то его однопартиец Д.И. Попов, перешедший в 1919 г. к анархокоммунистам и ставший членом РВС махновской армии, – весной 1921 г., а Г.Д. Закс и Д.А. Магеровский, перешедшие в 1918–

Историография вопроса о кадрах ВЧК берет свое начало от времени XX съезда КПСС (1956 г.). После разоблачения «культа личности» и начала массовой реабилитации репрессированных партийное руководство задалось целью противопоставить деятельности НКВД при И.В. Сталине работу «ленинской» ЧК подчиненным Ягоды, Н.И. Ежова, Л.П. Берии и В.С. Абакумова – чекистов Дзержинского – бескорыстных «рыцарей революции», большей частью ставших жертвами произвола.

В 1958 г. вышло два документальных сборника, один из которых был посвящен непосредственно ВЧК, а другой – ее войскам³. Следует остановиться на первом из них. В нем содержалось много документов из ЦГАОР, в том числе из закрытых «чекистских» фондов (впоследствии, при Ю.В. Андропове, вероятно, на рубеже 1970–1980-х гг., забранных оттуда в КГБ), со ссылкой на архивную единицу, озаглавленную «Коллекция документов по истории ВЧК». Относительно персоналий в сборнике сохранялось некоторое влияние сталинского времени. Это проявилось в изъятии из документов фамилий нереабилитированных чекистов и советских работников. Так, в списке Коллегии ВЧК, утвержденной в июле 1920 г., была

1919 гг. в РКП, – соответственно в 1937 и 1939 гг. Казнены были и другие члены ВЧК 1918 г., в частности Ф.Я. Гжельщак (в 1937 г. по обвинению в шпионаже в пользу Польши), в 1920–1930 гг. член ЦК польской Компартии, и В.Н. Яковлева (в 1941 г.), которая в 1920-е гг., будучи замнаркома просвещения, некоторое время участвовала в троцкистской оппозиции, а арестована была в 1937 г. с должности наркомфина РСФСР. Непосредственный ее начальник по Отделу по борьбе с контрреволюцией ВЧК в 1918 г. Н.А. Скрыпник, имевший коммунистический стаж с 1897 г., в советское время не арестовывался, однако в 1933 г., будучи зампредом Совнаркома УССР, был обвинен в украинском «национал-уклонизме» и застрелился, и, естественно, в сталинское время также был вычеркнут из истории чекистских органов.

Следует также отметить, что массовые репрессии против латышей привели не только к вычеркиванию из истории имен чекистов этой национальности, но и к отсутствию всяких упоминаний о содействовавших ВЧК частях латышских стрелков. Так, в книге В. Парфенова «Разгром левых “эсеров” в Москве» основная роль в подавлении левозероковского мятежа вместо латышских стрелков была отведена курсантам некой инструкторской военной школы.

опущена фамилия Г.Г. Ягоды, а в ленинском письме М.Я. Лацису об украинских ЧК фамилия Л.Б. Каменева заменена на его должность – уполномоченного Совобороны. Одна из купюр носила просто курьезный характер. Из документа о создании 28 мая 1919 г. в Москве межведомственного Оперативного штаба по борьбе с контрреволюцией была выброшена фамилия его члена – Дейча. Из-за отсутствия, как в подавляющем большинстве документов периода Гражданской войны, инициалов составители сборника, по-видимому, решили, что речь идет о нереабилитированном Я.А. Дейче, в 1930-е гг. заместителе начальника УНКВД Московской области, начальнике секретариата НКВД, активном участнике массовых репрессий, в том числе против чекистских кадров. На самом же деле членом штаба назначили видного чекиста того времени М.А. Дейча, который в 1937 г., будучи замнаркомом легкой промышленности, был арестован и расстрелян, а к моменту выхода сборника полностью реабилитирован и восстановлен в партии. В 1978 г. при повторной публикации данного документа в сборнике «МЧК» фамилию Дейча восстановили. Тем не менее при всех этих издержках ряд документов сборника крайне интересен с точки зрения изучения структуры ВЧК и ее кадрового состава.

Первой открытой опубликованной работой по истории ВЧК, которую с определенной долей условности можно назвать научной, была вышедшая в 1960 г. книга П.Г. Софинова⁴. В ней рассматриваются организация ВЧК, борьба с контрреволюцией в первый период интервенции и Гражданской войны, ВЧК в период разгрома белогвардейцев и интервентов. Касаясь кадрового состава, Софинов пишет, что сотрудники ВЧК в первую очередь набирались из рабочих, солдат, матросов, активно проявивших себя в борьбе за Советскую власть. В качестве иллюстрации приводится записка Ф.Э. Дзержинского о направлении красногвардейцев для Банковского подотдела ВЧК, в которой, по мнению автора, он выразил волю партии о составе сотрудников ВЧК. Софинов делает вывод, что ЦК РКП и местные парторганизации направляли на работу в органы ЧК своих лучших представителей, беспредельно преданных Коммунистической партии и советскому народу. Благодаря работе ЦК коммунистическая прослойка среди сотрудников увеличивалась из года в год. При этом каждый из чекистов, и руководящих и рядовых, помнил слова Ленина о том, что хороший коммунист в то же время еще и хороший чекист. Наконец, в книге П.Г. Софинова впервые с 1930-х гг.

приводятся сведения о репрессированных чекистах Я.Х. Петерсе, В.В. Фомине, И.С. Уншлихте и др.

1960-е годы стали временем начала написания диссертаций и монографий по истории ВЧК, в которых затрагивались и кадровые вопросы⁵. Этому способствовали выделение в 1960 г. Главного архивного управления из МВД в самостоятельную архивную службу при Совмине СССР и соответственно превращение входившего в нее ЦГАОР из ведомственного в государственный архив, что существенно облегчило доступ в него исследователям. Кроме того, после XXII съезда КПСС был разрешен, хотя и весьма ограниченно, доступ историков в партийные архивы, в частности в ЦПА ИМЛ. Это существенно подняло качество исследований. В 1960-е гг. наиболее подробно остановился на кадровой проблеме В.В. Сенюшкин. Рассматривая партийное руководство чекистскими органами юга Украины (акцент был сделан на Одесской ЧК), он отметил, что укомплектование коммунистами ЧК на юге Украины в 1919 г. шло крайне медленно. Это, по его мнению, было вызвано недостатком внимания со стороны украинских партийных и советских органов, недооценкой роли ЧК в борьбе с контрреволюцией, отсутствием должного количества опытных коммунистов вследствие частой мобилизации их на фронт, слабостью аппарата Всеукраинской ЧК и отсутствием с ее стороны должного влияния на местные ЧК. Результатом этого стало проникновение в комиссии чуждых элементов. Кардинальное изменение ситуации с кадрами автор отмечает в 1920 г. Вскоре после восстановления Советской власти в Одессу для работы в местную ЧК прибыли 79 человек. Местный губком во исполнение указания ЦК КП Украины об укреплении чекистских органов кадрами систематически стал направлять в Одесскую ЧК коммунистов, что позволило менее чем за год более чем в пять раз увеличить ее партийную прослойку. Говоря о направлении работников из центра, Сенюшкин отмечал, что партия не допускала игнорирования украинских кадров, ссылаясь при этом на ленинское утверждение о необходимости осторожного отношения к отсталой части украинских масс из-за наличия у них националистических тенденций. Немало места в диссертации Сенюшкина уделено проблеме очистки чрезвычайных комиссий от карьеристских и преступных элементов. В качестве примеров он привел случаи привлечения к ответственности ряда сотрудников, допускавших избивание арестованных, а также партийную и ведомственную «чистки» 1921 г. В

диссертации автор использовал материалы центральных, республиканских и местных партархивов, советскую и эмигрантскую литературу, в частности мемуары С.М. Устинова «Записки начальника контрразведки», вышедшие в 1922 г.

Первой фундаментальной работой по истории ВЧК явилась монография А.С. Велидова, изданная Высшей школой КГБ в 1967 г., а спустя три года переизданная с дополнениями, но уже в закрытом варианте⁶. В этой работе, посвященной руководящей роли Компартии в деятельности органов госбезопасности в годы Гражданской войны, достаточно много места уделяется организационному строительству и кадровому составу: исследуются создание ВЧК, образование местных чрезвычайных комиссий, организация особых, транспортных отделов, формирование войск ВЧК и пограничной охраны. Велидов выделяет принципы организации и деятельности чекистских органов: коммунистическое руководство, связь с массами, демократический централизм, пролетарский интернационализм, социалистическая законность и политическая бдительность.

В главе, посвященной деятельности Компартии по подбору и воспитанию чекистских кадров, акцент сделан на партийный состав в центре и на местах. Автор проследил увеличение доли членов РКП(б) среди сотрудников центрального и местных чрезвычайных органов, четко определил основные принципы подбора и расстановки чекистских кадров – партийность и классовый подход, и на конкретных примерах показал принципы их реализации. Рассматривает автор, хотя и значительно более схематично, влияние большевистского принципа пролетарского интернационализма на кадровый состав чрезвычайных комиссий. Круг источников, использованных в монографии, очень широк. Это как опубликованные, так и неопубликованные документы Совнаркома, Совета Труда и Оборона, ЦК РКП(б), ВЦИК, местных советов и партийных комитетов ряда областей, а также материалы центральной и местной печати, специальных чекистских изданий «Еженедельник ВЧК» и «Красный террор». Сильной стороной этой работы является использование материалов из ведомственных архивов, хотя и в открытом варианте без ссылок на них: протоколов заседаний Коллегии и Президиума ВЧК, приказов, циркулярных писем, стенограмм конференций чрезвычайных комиссий и съезда Особых отделов, а также вышедшего в 1922 г. закрытого издания – «Отчета ВЧК за четыре года ее деятельности».

Партийный и социальный состав центрального аппарата ВЧК на сентябрь 1918 г. показан в фундаментальной монографии М.П. Ирошникова, посвященной государственной деятельности председателя Совнаркома В.И. Ленина в 1917–1918 гг.⁷ В этой работе автор детально проанализировал анкеты переписи служащих государственных учреждений Москвы, проводившейся в августе-сентябре 1918 г. специальной комиссией ВЦИК. В монографии приведены данные по всем центральным учреждениям и ведомствам, что дает возможность сделать сравнительный анализ социально-политического состава ВЧК и других советских учреждений: НКВД, Наркомюста, Наркоминдела, Наркомзема и т.д. М.П. Ирошников, анализируя партийный состав центральных учреждений, дает сведения не только по коммунистам, но и по членам других партий, и делает вывод о том, что осенью 1918 г. в ВЧК служило гораздо меньше членов небольшевистских партий, чем в других ведомствах, причем все они были членами политических организаций, невраждебных РКП(б), таких как, например, социал-демократы-интернационалисты или левые эсеры, отмежевывавшиеся от линии ЦК своей партии. Однако поскольку изучение ВЧК не входило специально в задачу автора, при анализе чекистских анкет им были допущены серьезные неточности. Кроме того, в его монографии, а также в работах исследователей, позже изучавших эти анкеты, – Г.А. Трукана и Г.В. Волковой – на основании пункта анкеты о прежнем месте службы делались выводы о социальном составе ВЧК, что, по нашему мнению, не вполне обоснованно⁸. Во-первых, данный пункт содержал сведения именно о месте службы, а не о занимавшейся должности, и, например, указавший в качестве прежнего места работы завод мог быть на нем и рабочим, и конторщиком, и инженером; во-вторых, в условиях Первой мировой войны многие пришли в ВЧК с военной службы, и неизвестно, кем они были до призыва в армию; в-третьих, до сентября 1918 г. многие будущие чекисты успели побывать на службе в советских или партийных органах.

Некоторые вопросы, связанные со структурой и кадровым составом ВЧК (особенно в ранний период), рассмотрены в монографии Ю.П. Титова, посвященной изучению правового положения ВЧК, и в неоднократно переиздававшейся книге Д.Л. Голинкова, рассказывающей о борьбе чекистов с контрреволюционными организациями, заговорами и восстаниями⁹. В работе Голинкова приводится множество фамилий сотрудников ВЧК и ее местных органов, в том числе и нереаби-

литированных. Например, председатель Киевской губЧК Я.А. Лившиц, названный в книге «известным чекистом Яковом Абрамовичем Лившицом», в 1920-е гг. участвовал в левой оппозиции, а в 1937 г. был осужден к расстрелу по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра» и реабилитирован в судебном и партийном порядке только в 1988 г.

1960–1980-е годы характеризуется выходом большого количества популярных и публицистических сборников, посвященных чекистам, книг об отдельных выдающихся деятелях чекистского ведомства, в первую очередь Ф.Э. Дзержинском, а также В.Р. Менжинском, Я.Х. Петерсе, М.С. Кедрове, Г.И. Бокии, С.Т. Ковылкине и др.¹⁰ Эти работы были призваны создать героический образ стражей революции, и в них ничего не говорилось о часто творимых под их руководством насилии и жестокости. Например, в книгах и статьях о Бокии и Кедрове не было какого-либо упоминания об их роли в проведении массового террора: первого – в Петрограде осенью 1918 г., второго – в Архангельске в 1920 г. Однако из данной литературы можно было почерпнуть биографические сведения (хотя и неполные) об этих представителях чекистского ведомства.

Период с середины 1970-х по конец 1980-х гг. можно даже с учетом жесткого идеологического контроля назвать расцветом региональных диссертационных исследований по истории ЧК, в которых в той или иной мере изучались вопросы формирования структуры местных комиссий, подбора, расстановки и воспитания кадров. Работы по истории ВЧК были написаны с тех же позиций, что и ранее, но с привлечением нового фактического материала и с более научно обоснованными характеристиками чрезвычайных комиссий, в том числе и их кадрового состава¹¹. Так, А.Г. Лебедев в диссертации, посвященной партийному руководству чекистскими органами по материалам Тульской и Калужской парторганизаций, подчеркнул их ответственность в деле подбора кадров для местных ЧК. На основе анализа социального и партийного состава руководящих и ответственных работников ЧК автор доказывал реализацию двух основополагающих большевистских кадровых принципов – партийности и классового подхода. По его подсчетам, уже к концу 1918 г. большинство этих комиссий составляли коммунисты, причем многие из них с подпольным стажем. В диссертации приводится много персоналий калужских и тульских чекистов с указанием их должностей, партийного стажа и социального положения.

Следует отметить и вышедшие в 1980-е гг. работы, посвященные чекистским войскам. Так, В.Ф. Некрасов раскрыл развитие организационной структуры и некоторые принципы подбора кадров войск ВЧК-ОГПУ, проследил динамику изменения партийной прослойки в чекистских воинских частях в годы Гражданской войны и исследовал партстроительство во внутренних войсках¹². Более подробно структура, подбор и расстановка кадрового состава войск ВЧК, их партийный состав и воспитание личного состава рассмотрены в монографии С.М. Штутмана¹³. Отличительной особенностью этой книги стали приводимые в ней биографические сведения о многих руководящих работниках войск ВЧК.

В некотором роде итоговыми работами периода 1960–1980-х гг. стали опубликованный в 1987 г. коллективный труд, посвященный Петроградской ЧК и напечатанная в 1988 г. статья о ее парторганизации, написанная двумя авторами книги – В.А. Кутузовым и О.Н. Степановым (Степанов ранее защитил кандидатскую диссертацию о ПетроЧК)¹⁴. Концепция оставалась прежней: Компартия осуществляла руководство всеми направлениями деятельности ВЧК и ее кадрами, окружив чекистов повседневной заботой. Но несомненным достоинством книги и статьи было то, что в них нашли отражение практически все наработки советских историков ВЧК 1960–1980-х гг., так или иначе затрагивавших организационные и кадровые проблемы. Положительным моментом работы ленинградских историков стало прослеживание динамики изменения партийного состава Петроградской ЧК с 1918 по 1922 г., в частности, оказалось, что произошло уменьшение партийной прослойки с 60% до 42,5% к 1921 г. На основании результатов анкетирования партячейки ПЧК, проведенного в августе 1918 г., делаются выводы о возрастном составе чекистов-коммунистов, их образовании, партстаже и, что нехарактерно для советских исследований, национальном составе. Затронута проблема текучести чекистских кадров, которая объяснена наряду с мобилизацией на фронт и другую работу перегрузкой сотрудников ЧК, а также избавлением ее от примазавшихся карьеристских и преступных элементов. Подробно описаны в книге и статье деятельность чекистской партячейки и политическое воспитание личного состава. Кроме того, в книге приводятся структура ПетроЧК, биографии всех ее председателей, а также краткие справки о многих ответственных работниках.

Таким образом, период 1970–1980-х гг. был серьезным шагом в изучении советскими историками ВЧК, в том числе ее кадрового состава. Однако существовавшие жесткие идеологические рамки не позволяли критически подойти к изучению данной проблемы. Исследования базировались на изучении роли правящей партии в подборе, расстановке, подготовке и воспитании чекистских кадров с исключительно апологетической точки зрения.

Фундаментальные работы западных историков, посвященные ВЧК, появились во второй половине 1970-х гг. В монографии американца Л. Герсона о роли ВЧК в становлении большевистской власти¹⁵ один из параграфов главы, посвященной совершенствованию чекистской деятельности, озаглавлен «Горячие сердца, холодные головы и чистые руки» и затрагивает некоторые кадровые проблемы. Говоря о большом проценте нерусских и иностранцев среди сотрудников ЧК, Герсон сделал вывод о том, что это был один из главных факторов отчуждения советской секретной полиции от широких слоев населения. Положительным моментом является описание дел о служебных злоупотреблениях чекистов, сделанное на основе изучения центральной и региональной печати.

Гораздо подробнее и на более высоком научном уровне кадровые вопросы рассмотрены в книге другого англоязычного историка – Дж. Леггетта – «Чека: ленинская политическая полиция»¹⁶. На сегодняшний день она является самым крупным зарубежным исследованием чекистского ведомства. В ней автор впервые в зарубежной историографии попытался проследить эволюцию организационной структуры ВЧК до момента реорганизации ее в ГПУ. Говоря о Коллегии ВЧК, Леггетт отметил, что лишь формально она утверждалась Совнаркомом, а фактически – ЦК большевистской партии, органом которой, по мнению автора, ВЧК на деле и являлась. Изучая чекистские кадры, автор, в частности, исследовал сотрудничество в ВЧК большевиков и левых эсеров и пришел к выводу о том, что левые эсеры представляли более либеральную часть чекистов.

В книге Леггетта приведены биографии наиболее видных руководящих работников ВЧК: Ф.Э. Дзержинского, Я.Х. Петерса, М.Я. Лациса, М.С. Кедрова, В.Р. Менжинского, И.С. Уншлихта, М.С. Урицкого, на многих членов Коллегии даются сведения об их возрасте, национальном и социальном происхождении, партийности и времени работы в ВЧК, а в приложении даны биографические справки о многих крупных чеки-

стах как центрального аппарата, так и региональных органов. На основании этих сведений Легgett сделал выводы о социальном, партийном и национальном составе в основном руководящих чекистов. Оспаривая утверждение Петерса, часто приводимое советскими исследователями, о том, что в ранний период ВЧК почти все ее комиссары и следователи были пролетарского происхождения, Легgett отметил, что большинство руководящих чекистов являлось выходцами из буржуазии и интеллигенции, что соответствовало социальному происхождению руководителей большевиков и меньшевиков. В книге отмечается поразительное национальное разнообразие как среди руководящих, так и среди рядовых чекистов. По мнению автора, это обусловлено разными причинами. Так, причина службы евреев (на чекистском верху, по мнению автора, гораздо менее заметных, чем в партийном руководстве большевиков и меньшевиков) лежит в их озлобленности погромами и притеснениями в дореволюционной жизни. Положительным моментом является стремление автора на основе доступных источников проследить эволюцию структуры чекистского аппарата и изменение его численности.

Канадский исследователь М. Паттерсон, в 1991 г. защитивший диссертацию, посвященную изучению чекистов периода Гражданской войны¹⁷, описал четыре категории чекистских организаций по службе в ней сотрудников: Коллегию ВЧК, Московскую ЧК (в которую включил не только сотрудников собственно МЧК, но и работников центрального аппарата, за исключением членов Коллегии), Петроградскую ЧК и провинциальные комиссии. Основной акцент сделан на московских чекистах, в том числе работниках центрального аппарата. Автор рассмотрел их социальное и этническое происхождение, а также возрастной и половой состав. Изучение полового состава преследовало цель установить процент женщин в различных чекистских органах. При анализе социального состава Паттерсон исходил из сословного положения и занятий родителей. На основе этого он выделил 6 категорий чекистов: из рабочих, крестьян, служащих, интеллигенции, буржуазии и дворянства, – при этом справедливо подчеркнув неопределенность и приблизительность этих категорий.

Говоря о партийном составе, Паттерсон писал, что, скорее, речь должна идти не о собственно большевистской, а о социал-демократической партии, включая и ее меньшевистскую фракцию, а также о социал-демократиях Латвии, Польши и др. Автор проанализировал время вступления чекистов в

партию с целью проверки советского утверждения о том, что многие из них были большевиками еще с дооктябрьским стажем. На основе имевшихся в советских книгах материалов он пришел к выводу, что большинство московских и петроградских чекистов вступили в партию в 1917 г. и позднее, и только руководящие работники имели большой стаж: члены Коллегии ВЧК – в среднем с 1907 г., Московской ЧК – с 1913, а Петроградской – с 1914 г.

Путем статистических подсчетов автор приходит к выводу о том, что члены Коллегии ВЧК в большей степени, чем московские и петроградские чекисты, были выходцами из интеллигенции и буржуазии. Однако он не согласен с выводами Леггетта о том, что около 55% членов Коллегии были буржуазного и интеллигентского происхождения. Согласно его подсчетам, по социальному происхождению большинство из них были выходцами из рабочих и крестьян. Несмотря на многонациональный состав московских чекистов, среди ее сотрудников преобладали русские. Латыши, пишет Паттерсон, сформировали самую крупную группу из национальных меньшинств во всех четырех категориях чекистских организаций. Однако впечатление об их крайне большом числе среди чекистов складывалось у современников под влиянием действий латышских стрелков, которые кадровыми сотрудниками ЧК не являлись. Паттерсон приходит к общему выводу, что среди московских чекистов преобладали молодые русские мужчины, выходцы из рабочего класса с небольшим большевистским партстажем. В качестве приложения в диссертации приведен список работников разного уровня четырех выведенных автором категорий чекистских организаций, с указанием пола, года рождения, национального и социального происхождения, партстажа, пребывания в другой партии, а также службы в военно-революционных комитетах и Красной гвардии. В этом списке содержатся определенные неточности, связанные не только с теми или иными биографическими данными, но и с причислением к числу чекистов ряда лиц, вообще в органах госбезопасности никогда не работавших*.

---

* Так, в списке вместо одного из братьев-чекистов В.Д. или И.Д. Фельдмана указан военачальник Б.М. Фельдман, вместо В.В. Яковлева (Мячина) – Я.А. Яковлев (Эпштейн), наряду с чекистом Е.Г. Евдокимовым приводится и секретарь Петроградского губкома партии Г.Е. Евдокимов.

Основную часть вышедшей в 1992 г. в Нью-Йорке книги М. Пэрриша «Советские контрразведывательные и разведывательные органы» занимает биографический словарь сотрудников советских органов госбезопасности, в том числе сотрудников ВЧК²⁰. В нем указаны фамилия, инициалы, год рождения и смерти (в случае гибели от репрессий с пометкой об этом) и занимавшиеся должности. Однако, как и в приложении к диссертации Паттерсона, в этом словаре допущены многочисленные неточности, в том числе включен ряд лиц, не имевших к чекистским органам никакого отношения.

Вышедшие за рубежом работы Гертсона, Леггетта и Паттерсона были не скованы жесткими идеологическими рамками, однако их объединял один принципиальный недостаток: отсутствие документов советских архивов, недоступных тогда зарубежным исследователям. Их труды базировались на тщательно изученных материалах печати периода Гражданской войны, эмигрантской прессы, советских книг, статей и мемуаров разных периодов, а также заграничных архивов. Однако все эти источники не могли заменить документы советских архивов, что приводило к большому количеству неточностей, а также к не всегда обоснованным выводам.

Качественно новый этап в изучении ВЧК начался примерно в середине 1990-х гг. после почти десятилетнего перерыва, заполненного лишь публицистическими книгами и статьями, большая часть из которых была написана по принципам «больше сенсационности» и «чем хуже, тем лучше»¹⁹. Характерной чертой нового периода стала деидеологизированность этой тематики, а главное – большая доступность архивов, в первую очередь бывшей КПСС, и доступ, хотя и крайне ограниченного круга исследователей, в архивы чекистского ведомства.

Вышедшая в 1995 г. монография и защищенная в том же году докторская диссертация новгородского историка М.Н. Петрова посвящена изучению чрезвычайных комиссий Петроградской, Новгородской и Псковской губерний²⁰. Исследование отличает большое число архивных источников, в том числе из архивов ФСК, и взвешенность оценок.

Петров анализирует эволюцию структуры и изменение численности местных чекистских органов, рассматривает проблему мобилизации чекистов на военную службу. Первым в открытой научной работе он показал деятельность секретных сотрудников и агентов наружного наблюдения. Автор выделил источники кадрового пополнения ЧК, среди которых наряду с партийными, советскими и профсоюзными органи-

зациями большую роль отвел поручительствам видных деятелей Компартии и самих чекистов. Петров отметил, что за три военных года органы ВЧК были превращены в централизованный боевой аппарат, укомплектованный особо подобранными кадрами, четко проводившими политическую линию на укрепление государства диктатуры пролетариата. Кадровый состав, структура, охватившая важнейшие сферы жизнедеятельности общества, наряду с широким спектром методов открытой и тайной работы государственной секретной службы обеспечили ликвидацию основных противореволюционных очагов в советском тылу. В приложении к монографии приведен список председателей губЧК и начальников губотделов ОГПУ на северо-западе России в 1918–1927 гг. с указанием дат их жизни, партстажа и времени пребывания в должности.

Некоторые сведения об эволюции структуры и кадрах ВЧК, в том числе на основе материалов ведомственных архивов центра и Казани, приведены в вышедшей в 1995 г. и переизданной с дополнениями в 2004 г. книге казанского историка А.Л. Литвина²¹. Однако в связи с тем, что работа посвящена изучению красного и белого террора, никакого анализа организационной структуры и кадрового состава в ней не содержится.

В 1995 г. в журнале «Вестник Еврейского университета» была опубликована, а спустя несколько лет с незначительными дополнениями перепечатана в научном сборнике под редакцией О.В. Будницкого статья Л.Ю. Кричевского о службе евреев в ВЧК-ОГПУ-НКВД²². Автор статьи проанализировал материалы переписи советских служащих 1918 г., хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), некоторые материалы ЦК и ЦКК РКП(б), находящиеся в Российском Государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), а также многочисленные эмигрантские мемуары и другие опубликованные источники. Поскольку подсчет представителей той или иной национальной группы, например в 1918 г., он проводил на основе только одного источника, в работе имеются серьезные неточности и не совсем обоснованные выводы. Однако несомненной заслугой автора можно считать то, что он первый на научной основе поднял проблему службы национальных меньшинств в органах госбезопасности, в частности в ВЧК.

В докторской диссертации Л.П. Рассказова и монографии Г.Л. Олеха прослеживается влияние партийного аппара-

та на подбор и расстановку кадров в чекистских органах²³. Анализируя партийные документы, Рассказов сформулировал вывод о том, что после левозсеровского восстания карательные органы, по сути, стали подразделениями РКП(б), способствуя установлению и укреплению диктатуры партии. По его мнению, чекистскую кадровую политику конкретизировал приказ ВЧК от 21 мая 1921 г., согласно которому при зачислении на службу требовались в обязательном порядке направление партийного комитета или две рекомендации коммунистов. Положительным моментом диссертации является использование ряда документов из архивов ФСК. В приложении к диссертации Рассказов приводит схемы чекистских органов с 1917 по 1941 г., из которых четыре посвящены ВЧК. Однако данные схемы, особенно за период 1917–1918 гг., являются крайне неточными: например, на них изображены отделы, в одно время не существовавшие.

Олех в своей работе, в частности, отмечает, что важнейшим рычагом воздействия руководства РКП(б) на советские органы госбезопасности в первой половине 1920-х гг. первоначально являлись узкие коллегии – секретариаты парткомитетов. Это влияние поначалу осуществлялось стихийно и бессистемно, но потом вошло в устойчивое русло. На основе сибирских архивных материалов Олех воспроизводит схему кадровой политики РКП(б) на губернском и уездном уровнях. Как отмечает автор, президиумы губкомов через свои орготделы участвовали не только в подборе кандидатур на все ответственные посты в местном карательном аппарате. Олех приходит к выводу, что в вопросе кадровой политики в первой половине 1920-х гг. было несомненное доминирование секретариатов парткомитетов над чекистскими учреждениями.

Представляет интерес вышедшая в 1998 г. монография Е.Г. Гимпельсона, посвященная советским управленцам первых лет Советской власти²⁴. В этой работе исследуются процессы формирования советских руководящих кадров центральных и местных органов государственного управления в годы Гражданской войны. Е.Г. Гимпельсон приходит к выводу о том, что чрезвычайные комиссии среди местных советских органов были на первом месте по количеству коммунистов, и объясняет это тем, что они осуществляли важнейшую функцию диктатуры пролетариата – «насильственную». По данным, относящимся к местным ЧК, можно, считает автор, заключить, что рабочих среди руководства было значительно больше, чем в других советских структурах, и приводит

список рабочих-большевиков с большим партийным стажем, стоявших во главе ряда губернских ЧК. Однако сведения даны выборочно, к тому же в книге Е.Г. Гимпельсон не касается центрального аппарата, в результате чего картина получается крайне неполной.

В диссертации А.Ю. Данилова, посвященной местным ЧК (на материалах Ярославской и Рыбинской губерний)²⁵, проводится изучение официальной кадровой политики и взаимодействия в данном вопросе местных чрезвычайных комиссий и партийных органов, дается характеристика состава местных ЧК. На основании материалов местных архивов, в том числе некоторых документов Ярославского управления ФСБ, Данилов приходит к выводу, что проведение в жизнь трех основополагающих принципов кадровой политики в органах ЧК: партийности, социальной чистоты и сменяемости – повлекло серьезные проблемы с образовательным уровнем чекистов, их профессиональной готовностью, а также с дисциплиной и преступностью в их рядах. Отдельные меры по сглаживанию этих проблем: привлечение в ЧК профессиональных следователей и интеллигенции, открытие школы для чекистов, провозглашение жестких наказаний за должностные преступления – по мнению автора, не смогли должным образом повлиять на ситуацию. Данилов выводит особый социально-психологический тип провинциального чекиста – всевластного и безнаказанного хозяина подконтрольной ему территории, чему способствовали особое положение органов ЧК в большевистском государстве, широкое применение насилия в совокупности с отсутствием ограничительных законодательных актов и слабой контролируемостью их работы.

В монографии и статьях С.В. Леонова, написанных с привлечением большого количества архивных источников, в том числе некоторых документов из архива ФСБ²⁶, показана роль политических факторов и большевистской идеологии в возникновении ВЧК, изменении ее структуры и численности. Говоря о роли ВЧК и чекистов в системе новой власти, автор приходит к выводу, что отсутствие правовой регламентации ВЧК и ее фактически неограниченные полномочия приводили к самоличному изменению руководством ведомства ее структуры, а также к возникновению мессианских настроений в среде ее сотрудников.

В работе А.М. Плеханова, посвященной ВЧК-ОГПУ в 1921–1928 гг.²⁷, имеются разделы о совершенствовании организационной структуры ВЧК-ОГПУ, а также о подборе, расстанов-

ке кадров, подготовке и воспитании сотрудников центрального и местного чекистского аппаратов. Основной акцент в изучении кадров в монографии сделан на воспитании чекистов. Однако главным образом в книге освещается период ГПУ-ОГПУ.

Появился ряд работ, затрагивающих в тех или иных аспектах структуру и кадры не ВЧК в целом, а ее отдельных подразделений. В исследовании Д.Б. Павлова, посвященном борьбе большевистской диктатуры против оппозиционных левосоциалистических партий, рассматриваются методы и организация работы репрессивных органов, даются некоторые сведения о кадровом составе сотрудников секретных отделов как в центре, так и на местах²⁸. Автор отмечает крайне низкий образовательный уровень чекистов, занимавшихся оппозиционными партиями, следствием чего явилось введение института референтов – приглашенных в ВЧК консультантов по истории, теории и тактике небольшевистских партий.

В монографии А.А. Здановича, посвященной отечественным контрразведывательным органам в годы Первой мировой и Гражданской войн²⁹, изучается организационное строительство Особого отдела ВЧК, а также затрагиваются некоторые вопросы, связанные с его руководящими кадрами. Большая роль в организационном строительстве Особого отдела отводится субъективному фактору – руководству отделом М.С. Кедровым (роль которого оценивается крайне негативно) и Ф.Э. Дзержинским. Показана также роль Г.Г. Ягоды в реформировании отдела.

В 2004 г. в Поморском университете была защищена кандидатская диссертация О.М. Санковской, посвященная формированию кадров ВЧК³⁰. Основной акцент в данной работе сделан на изучении профессионального, морально-нравственного и психологического облика сотрудников. Автор исследовала пути профессионального образования и принципы воспитания сотрудников ВЧК, требования, предъявлявшиеся к морально-нравственному облику сотрудников ВЧК, вывела основные составляющие типологического портрета чекиста. В частности, Санковская указывает, что для работы в Секретном, Иностранном и Специальном отделах требовался особый тип сотрудника: политически развитый, тонкий психолог, образованный и волевой, обладающий аналитическим умом, склонный к интеллектуальному поединку. В результате воспитания сотрудников, по мнению автора, были заложены

основные качества чекистов: преданность партии, стойкость, верность идеалам революции, восприятие окружающего мира с позиции «белое-черное», «свой-чужой», дисциплинированность, ответственность и готовность к самопожертвованию.

Несмотря на заявленную тему – формирование чекистских кадров центрального аппарата, в диссертации Санковской много места уделено изучению вопросов, напрямую не относящихся к данной проблеме – организационно-правовому оформлению ВЧК, ее месту в системе советской государственности, направлениям и методам чекистской деятельности, а также социально-политическому составу региональных ЧК, а кадровый состав центрального аппарата рассмотрен крайне поверхностно и неполно. Существенно снижают ценность работы некорректные заимствования из публикаций других авторов как советского (А.С. Велидов, М.П. Ирошников), так и постсоветского времени (Л.Ю. Кричевский, автор настоящего исследования) со ссылками на архивные источники, приводимые в их работах, как на введенные в оборот диссертантом.

В 1990-е гг. продолжали выходить региональные сборники и монографии, посвященные местным чекистам³¹. В отличие от подобных изданий прошлых лет они, как правило, значительно менее идеологизированы, более критично оценивают сотрудников органов госбезопасности, и многие из них написаны с привлечением большего количества источников, в том числе из архивов местных управлений ФСБ.

Следует сказать еще об одной работе, относящейся к жанру исторической публицистики, в которой некоторым образом затрагивается тема кадров ВЧК. Речь идет о вышедшей в 2002 г. второй части труда А.И. Солженицына «Двести лет вместе», во многом посвященной роли евреев в установлении коммунистической власти³². В ней он подробно останавливается и на участии евреев в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД. Хотя концептуально книга выглядит далеко не бесспорно и содержит неточности относительно национальности ряда лиц, в том числе и чекистов (например, в числе евреев названы русские А.М. Шанин и Л.Н. Захаров-Мейер, взявший вторую фамилию в честь товарища по кадетскому корпусу немца Мейера), большая роль этой работы состоит в том, что в ней поднята на новый уровень сама проблема участия евреев в структурах большевистской власти, в том числе в ее карательных органах. Учитывая известное имя автора, можно утверждать, что эта проблема не осталась незамеченной и послужила по-

водом для публикаций некоторых историков и журналистов на эту тему.

Ряд работ, в той или иной степени касающихся темы нашего исследования, вышел во второй половине «нулевых» годов.

Так, Д.С. Новоселов опубликовал несколько статей, посвященных организационно-правовому положению ВЧК и дискуссии конца 1918 – начала 1919 г. о ее существовании и ведомственной подконтрольности³³.

В 2008 г. был издан труд К.В. Скоркина, посвященный становлению и развитию отечественных органов правопорядка в первые постреволюционные годы³⁴. В нем впервые на серьезном научном уровне анализируются структура центрального аппарата НКВД РСФСР и его деятельность в 1917–1923 гг., фигурирует несколько тысяч фамилий сотрудников, а на руководителей – от наркомов до начальников отделов включительно – даны биографические справки разного объема, что вполне естественно, поскольку о многих начальниках среднего и низшего руководящих звеньев того времени, особенно беспартийных, подробную информацию найти весьма проблематично. Важными для нас являются главы о взаимоотношениях НКВД и ВЧК (сотрудничество и трения в 1918 г. и прочные связи начиная с 1919 г. после назначения Дзержинского наркомом внутренних дел). В книге даны структура ВЧК и расстановка ее руководящих кадров, но в отличие от центрального аппарата НКВД не совсем полно и с неточностями, впрочем, и главной темой автора было изучение именно ведомства общественного порядка.

Во многом продолжением данной работы явилась еще более объемная его монография, посвященная региональным аспектам проблемы за тот же временной отрезок, но охватывающая уже не только советские органы милиции, уголовного розыска и исполнения на местах, но также (хотя и в меньшей степени) местные структуры ЧК-ГПУ и армейские Особые отделы³⁵. Определенный интерес представляет глава о «красном терроре» в Крыму, в которой перечисляются чекистские структуры и их руководители, ответственные за крымские расстрелы, правда, по нашему мнению, необоснованно приуменьшается роль в организации репрессий руководителей ревкома и областкома партии Крыма Б. Куна и Р.С. Землячки (Залкинд).

Во второй половине «нулевых» годов продолжали выходить работы, посвященные отдельным подразделениям цен-

трального аппарата ВЧК и ее региональным органам, а также ряду аспектов ее деятельности. В статье В. Макарова, посвященной первому пятилетию ВЧК, много места было уделено эволюции ее Секретного отдела³⁶. В книге С.С. Войтикова показаны борьба между военным и чекистским ведомствами за обладание контрразведывательным органом и ее нюансы, а также эволюция Особого отдела ВЧК в годы Гражданской войны³⁷. В монографии С.А. Павлюченкова освещены некоторые вопросы взаимодействия ВЧК с РКП(б), а в работе О.Б. Мозохина – внесудебные полномочия органов госбезопасности, в том числе и ВЧК³⁸.

Из трудов этого времени, посвященных региональным чекистским органам, особо нужно отметить работу А.Г. Теплякова о ВЧК-ОГПУ в Сибири³⁹. Автор, в частности, анализирует организацию Сибчека, функционирование чекистской машины в этом регионе (в частности, репрессивную составляющую и организацию агентурного аппарата), ее место в системе власти, структуру, функции, численность и кадровый состав, в том числе психологию, нравы и быт сибирских чекистов. Американский историк А. Рабинович в своей монографии, посвященной первому году большевистской власти в Петрограде, немало страниц уделяет органам ЧК Петрограда того времени, разным аспектам их деятельности, в частности работе чекистских агентов в английском военно-морском представительстве, взаимоотношениям с партийным руководством города, останавливается на личности первого руководителя ЧК Петрограда и Северной области М.С. Урицкого⁴⁰.

Если все указанные работы носят научный характер, то опубликованная в 2008 г. книга И. Симбирцева, посвященная ВЧК – чисто публицистический⁴¹. Интерес представляет обилие фактов, приводимых в этом издании, однако не все они проверенные, а иногда и просто недостоверные. Кроме того, в книге, основанной на опубликованных источниках, дается весьма мало указаний на них – в частности, информация по структуре и кадрам явно взята из предшествующих публикаций других лиц, в том числе и автора настоящего исследования, но почти без ссылок на них.

Во второй половине «нулевых» годов появился ряд книг и статей об отдельных работниках центрального аппарата ВЧК, как правило, имевших нетипичную для чекиста биографию или любопытные моменты в ней, таких, например, как Я.Д. Березин, В.И. Кривош, В.А. Александрович или Ф.П. Другов⁴². Эти публикации тоже являются довольно серьезным вкладом в

изучение кадрового состава чекистского ведомства в первые постреволюционные годы.

Подводя итоги историографического обзора, нужно сказать, что в последние десятилетия основной темой современных исследований, посвященных чекистским органам, являются те или иные аспекты их деятельности. До настоящего времени отсутствуют исследования организационного строительства центрального аппарата ВЧК, за исключением работ о формировании его отдельных подразделений, в частности Особого отдела. В разделах, посвященных кадровому составу чекистских органов, монографий и диссертаций, написанных и защищенных за последнее десятилетие, основное внимание по-прежнему сосредоточено на политике правящей большевистской партии в области подбора и расстановки сотрудников, регулировании социально-политического состава, воспитании кадров. В отличие от предыдущих периодов это делается без идеологической окраски и идеализации чекистов, под значительно более критическим углом зрения и с привлечением гораздо большего числа архивных источников. На сегодняшний день относительно изученными являются проблема положения ВЧК в системе госорганов, организационная структура и социально-политический состав ряда региональных чрезвычайных комиссий, а также войск ВЧК, подготовка и воспитание, особенно политическое, чекистских кадров.

Однако по-прежнему важными остаются и такие вопросы, как кадровая политика самого чекистского руководства, роль личного фактора в подборе и расстановке кадров, наличие противоречий по кадровым вопросам в чекистской среде. Оставлена без внимания важнейшая проблема службы в карательном органе большевистской партии действующих и бывших членов других партий и взаимоотношения их с чекистами-коммунистами. Не всегда затрагивается в отечественных работах часто обсуждаемая в исторической публицистике тема национального состава ВЧК, широкого участия в ее работе представителей этнических меньшинств, в частности евреев. Дискуссионным является и вопрос, также часто поднимаемый в популярной литературе, допускались ли на службу в ВЧК сотрудники правоохранительных органов и спецслужб дореволюционной России, и если да, то по каким направлениям деятельности и в каком количестве они использовались. Кроме того, редко проводится сопоставление кадрового состава ВЧК с другими государственными органами нового ре-

жима, в том числе часто соприкасавшимися с ней по работе НКВД и Наркомюстом, отсюда иногда возникает не совсем правильное понимание ситуации с кадрами в чекистском ведомстве. Представляют несомненный интерес изменение численности, социально-политический и национальный состав управленцев и специалистов центрального аппарата, а также его подразделений (политического розыска, экономического контроля, контрразведки и особенно внешней разведки).

Таким образом, вопросы, связанные с организационной структурой и кадровым составом органов ВЧК, в исторической литературе нуждаются в дальнейшем освещении.

* * *

Объектом настоящего исследования является Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем, спекуляцией и преступлениями по должности (ВЧК) как центральное учреждение, сотрудники ее центрального аппарата, в первую очередь занимавшие руководящие, следственные и оперативные должности.

Предметом работы является анализ организационной структуры и кадрового состава ВЧК с момента ее организации в декабре 1917 г. до момента реорганизации в Государственное Политическое управление (ГПУ) в феврале 1922 г. Этот период характеризуется крайней насыщенностью событиями и относительной неоднородностью. ВЧК за это время прошла путь от малоизвестного столичного учреждения до одного из ключевых институтов большевистского государства.

Целью исследования является изучение основных аспектов данной проблемы применительно к центральному аппарату ВЧК (организационного, социально-политического и национального).

С точки зрения формирования организационной структуры и кадрового состава ВЧК прошла ряд этапов, которые впервые были выделены в вышедшем в 1922 г. закрытом ведомственном издании «Отчет ВЧК за четыре года ее деятельности. Организационная часть». Хотя эта периодизация носит в значительной мере условный характер, она, на наш взгляд, в целом адекватно передает особенности формирования и эволюции структуры и кадров ВЧК.

Первый период охватывает декабрь 1917 г. – декабрь 1918 г. и характеризуется становлением аппарата ВЧК. Второй крупный период – с 1919 по 1921 г. – связан с совершенствованием оргструктуры и изменением кадрового состава. Внутри

этого периода выделяются периоды с января 1919 по конец 1920 г. – время завершения решающих сражений Гражданской войны в Европейской России, и с 1921 по 1922 г. – время реорганизации ВЧК в связи с изменившейся обстановкой и переходом к нэпу до ликвидации ВЧК.

Источниковая база исследования состоит из опубликованных и архивных источников. Важнейшим опубликованным источником является «Отчет ВЧК за четыре года ее деятельности»⁴³. В этом издании подробно описано изменение структуры ВЧК, приводится ряд штатных расстановок с указанием имен руководителей подразделений, даются сведения о ее штатной и списочной численности в разное время, рассказывается об обстоятельствах создания и реформирования ведущих чекистских подразделений. Однако если данные за период с 1919 по 1921 г. приводятся обстоятельно, то до начала 1919 г. сведения даются неполно и с серьезными неточностями. В «Орготчете» приведены сведения по социальному, партийному и национальному составу ВЧК, включая ее местные органы, содержатся списки лиц, в разное время входивших в чекистскую Коллегию, и краткие биографические справки о многих из них.

Крайне полезными для нас источниками являются вышедшие в 1918–1920 гг. сборники постановлений и приказов по ВЧК⁴⁴. Они не только содержат важные сведения о чекистских подразделениях, но и по фамилиям сотрудников, стоящим под документами, а также приказам позволяют уточнить расстановку руководящих кадров.

При изучении структуры и кадрового состава ВЧК важны также публиковавшиеся с конца 1950-х гг. сборники документов по истории органов госбезопасности. В сборнике «Ленин и ВЧК», вышедшем в 1975 г. и переизданном в дополненном виде в 1987 г.⁴⁵, помещены документы о вхождении в ВЧК левых эсеров в 1918 г., выступления В.И. Ленина, касающиеся чекистов, документы партийных и государственных органов о создании или реформировании ряда чекистских подразделений, циркулярное письмо ЦК РКП(б) всем губкомам о возвращении в ВЧК ранее отозванных работников, приведены списки членов Коллегии ВЧК 1919 и 1920 гг., а также ряд других документов. Ко многим документам даны квалифицированные комментарии, не только разъясняющие, но и дополняющие публикации. В конце сборника приводятся краткие биографические справки о чекистах, упомянутых

в книге, с указанием партстажа и должностей, занимавшихся ими в годы Гражданской войны.

Большое количество документов по интересующей нас тематике помещено в сборниках, посвященных внутренним войскам и МЧК⁴⁶. Но необходимо учитывать, что в советское время подбор документов проводился тенденциозно, с целью иллюстрации официальной точки зрения на историю ВЧК, в том числе проблему ее кадров.

Ряд сборников документов, в которых так или иначе затрагиваются кадровые вопросы, вышел в 1990-е гг. Из них наибольший интерес представляет сборник «Левые эсеры и ВЧК»⁴⁷, в котором помещены неизвестные ранее документы, хранящиеся в Центральном архиве ФСБ, об участии левых эсеров в ВЧК и последующих репрессиях против них. В частности, полезную информацию могут дать содержащиеся в нем протоколы заседаний ВЧК, прошедших с февраля по май 1918 г. Однако следует отметить, что в изданных в 1990-е гг. сборниках не удалось избежать тенденционности в подборе материала, но в отличие от советского времени с обратным знаком, – призванного показать именно репрессивную сторону и произвол чекистов. Например, в том же сборнике «Левые эсеры и ВЧК» относительно взаимоотношений левых эсеров и чекистских органов после восстания 6 июля 1918 г. даются только материалы о репрессиях против членов этой партии, в том числе в 1930-е гг., но ничего не говорится о тех выходцах из нее, кто работал после 1918 г. в ВЧК-ОГПУ-НКВД, таких как Н.Н. Алексеев, Л.М. Брагинский, И.В. Запорожец, М.С. Горб, В.М. Горожанин и др.

В 2007 г. вышел составленный В.К. Виноградовым и Н.М. Перемышленниковой сборник материалов Центрального архива ФСБ (ЦА ФСБ) о деятельности ВЧК в 1917–1921 гг., предваренный статьями Виноградова об истории ВЧК⁴⁸. Наибольший интерес для исследователей, в том числе эволюции организационной структуры, подбора и расстановки кадров, представляют составившие большую часть сборника протоколы заседаний ВЧК, ее Коллегии и Президиума. Однако у сборника существует ряд серьезных недостатков. К ним относятся отсутствие комментариев к документам, довольно многочисленные ошибки в написании фамилий фигурантов материалов и других лиц, но главное – отсутствие многих протоколов. При этом речь, естественно, не идет о пропуске протоколов заседаний ВЧК и ее Президиума между 20 мая и 1 октября 1918 г., которые по непонятным причинам просто

не сохранились, да и до конца данного года в архиве представлены не полностью. С большими пропусками приведены и дошедшие до нас протоколы Отдела по борьбе с контрреволюцией, публикация которых в какой-то мере призвана была восполнить отсутствие документов руководящего органа ВЧК за 1918 г., а также протоколы заседаний Коллегии и Президиума лубянского ведомства за последующие три года. Эти пробелы снижают научную ценность данного сборника и не всегда, например, позволяют ответить на вопрос, почему то или иное организационное или кадровое решение не было проведено в жизнь, так как нужная информация может содержаться в последующем неопубликованном протоколе*.

В том же 2007 г. вышел сборник, персонально посвященный Дзержинскому как руководителю советских органов госбезопасности с 1917 до его смерти в 1927 г., подготовленный А.М. и А.А. Плехановыми⁴⁹. Подавляющее большинство вошедших в сборник документов (всего их приведено 1164), ранее никогда не публиковавшихся, найдены в первую очередь в ЦА ФСБ и фонде Ф.Э. Дзержинского Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и в меньшей степени взяты из Государственного архива РФ (ГАРФ) и архивов некоторых местных подразделений ФСБ. Немало из них в той или иной степени касаются структуры и кадрового состава чекистских органов. Сборник

---

* Необходимо отметить, что один из чекистских протоколов, датированный 18–19 января без указания года, составителями сборника самовольно отнесен к 1920 г., по всей видимости, на основании написанной на нем от руки резолюции И.К. Ксенофонтова об отправлении его К.М. Валоубуеву 12 января 1920 г. (с. 361–362). Составителей не смутил тот факт, что фигурирующих в тексте как действующие органы Корпуса войск ВЧК и Контрольно-ревизионной коллегии при ВЧК к 1920 г. уже более полугода как не существовало, Ксенофонтов, подписавшийся как секретарь ВЧК, еще в марте 1919 г. стал ее зампредом, а упоминавшийся в качестве руководителя Особого отдела М.С. Кедров с августа 1919 г. таковым не являлся; наконец, в заголовке значилось: «Протокол заседания ВЧК», хотя к тому времени уже давно существовала Коллегия, и, например, следующий приводимый протокол (от 31 января 1919 г.) озаглавлен «Протокол заседания Коллегии ВЧК». Вывод из всего этого можно сделать только один: искомое заседание ВЧК состоялось не в 1920 г., а годом раньше.

снабжен краткими примечаниями к части документов и аннотированным именованным указателем.

Однако если подбор документов осуществлен на довольно высоком уровне, то этого нельзя сказать о научно-справочном аппарате, который изобилует ошибками и неточностями. Так, в сборнике приводятся полученная Дзержинским информация о существовании в квартире гражданки М.И. Живаго подпольного игорного заведения и причастности к его деятельности руководящего чекистского следственного работника М.К. Ихновского и поручение предВЧК расследовать это дело А.Я. Беленькому и С.Ф. Реденсу⁶⁰. На документе стоит только дата без года: 30 декабря. Составители датируют этот материал 1917 г., не зная или не обратив внимание на то, что на службу в ВЧК указанные лица пришли позднее, и, соответственно, это расследование, несомненно, относится к концу 1918 г.

Составители приводят подписанную Дзержинским и заведующим неуказанным отделом Г.С. Морозом телеграмму всем губчека об усилении надзора за партиями левых эсеров и меньшевиков и, поскольку год в ней не указан, датируют самолично 1918 г. Через 20 страниц приводится телеграмма, подписанная теми же лицами и секретарем ВЧК Ксенофоновым, аналогичного содержания, но на данном документе отправители уже указали дату – 17 марта 1919 г.⁵¹ Если бы составители сравнили эти телеграммы, то пришли бы к выводу об их полной идентичности, тем более что взяты они из одного источника – из Центрального архива ФСБ – до листа включительно, и даже номер у них один – 5708. Мороз в 1919 г. возглавлял Инструкторский отдел ВЧК, а в 1918 г. никаким отделом не руководил, являясь секретарем ряда отделов.

В сборнике опубликовано письмо Наркомюста по поводу освобождения арестованных за контрреволюционные выступления в печати журналистов периодических изданий «День» и «Воля народа» и приводится резолюция ВЧК о невозможности освобождения Заславского, равно как и выдающихся правых эсеров. В аннотированном именованном указателе о Заславском говорится лишь как о правом эсере и при этом не приводится даже его инициалов⁵². Составители не удивились тому, что его фамилия дана отдельно от членов партии ПСР. На самом же деле соредaktor газеты «День» Д.И. Заславский никогда эсером не был, а являлся бундовцем и меньшевиком. В 1917 г. в газете он выступил с рядом статей, в которых обвинял большевиков в шпионаже в пользу Германии.

Естественно, после захвата ими власти он был арестован. Позднее Заславский был освобожден, после 1919 г. отошел от социал-демократической деятельности и в середине 1920-х гг. стал сотрудничать в «Известиях», а затем и в «Правде». Вступив в середине 1930-х гг. в Компартию, он со страниц ее главного печатного органа стал обличать теперь уже, естественно, «врагов народа», в частности проходивших по открытым политическим процессам, и сам благополучно избежал всех «чисток» и репрессий. Ошиблись составители также с партийной принадлежностью горвоенкома Москвы 1918 г. Я.Я. Пече, которого они в указателе не только дали без инициалов и должностей, но и назвали анархистом⁵³. На самом же деле он никогда в рядах анархистов не состоял, а с 1903 г. являлся латышским большевиком.

Приводится в сборнике и заметка Дзержинского по обвинению журналистов петроградской прессы в саботаже⁵⁴. В ней говорится следующее: «Рев. Ком. постановил: взять под стражу Аргунова, Яроцкого, Дмитриевского освободить», – как мы видим, написано в стиле знаменитой фразы «казнить нельзя помиловать». Кого же все-таки из них предлагалось взять под стражу, а кого освободить? Складывается впечатление, что составители сборника не только не сочли нужным обратить внимание на бессмыслицу приведенной фразы, но и ничего или почти ничего не знают о данных лицах, поскольку в аннотированном именном указателе только у Аргунова приведены инициалы и про всех троих лишь написано, что они – жители Петрограда и журналисты, то есть то, о чем говорилось в документах⁵⁵.

А.А. Аргунов являлся старейшим и видным деятелем эсеровской партии. В 1917 г. он был членом редколлегии газеты «Воля народа», входил в бюро эсеровской фракции Учредительного собрания. В.Я. Яроцкий тоже был эсером с дореволюционных времен, заведовал хроникой газеты «Народное слово» и являлся членом редколлегии журнала «Богатство». Успевший побывать и эсером, и народным социалистом, С.В. Дмитриевский являлся членом редколлегии газеты «Народное слово». Все трое были арестованы в ноябре 1917 г. Военно-революционным комитетом вскоре после захвата власти большевиками, и в ночь на 23 ноября освобождены Яроцкий и Дмитриевский, а Аргунов – позднее. Составителей не смутил фигурирующий в источнике ВРК, и они привели данный документ после документов 1917 г. о ВЧК, хотя последняя была создана после упразднения первого.

Аргунов позднее состоял товарищем председателя Уфимской директории, а затем эмигрировал. Яроцкий вступил в 1920 г. в большевистскую партию и находился на преподавательской работе, но в 1937 г. был арестован и в 1938 г. расстрелян. Интереснее всего сложилась судьба Дмитриевского. В 1919 г. он вступил в Компартию, в следующем году стал работать на руководящих постах в НКПС, а в январе 1921 г. был назначен управделами этого ведомства. Интересно, что в указанном сборнике приводится документ от 26 сентября 1921 г. за подписями Дзержинского в качестве наркомпути и управделами Дмитриевского, но в именном указателе фамилия также дана без инициалов и приводится лишь его должность, которой он подписался под приказом. Составители явно не знают, что журналист Дмитриевский и управделами НКПС Дмитриевский – одно и то же лицо. Впоследствии он занимал аналогичную должность в НКВД, а в 1930 г., будучи советником посольства в Швеции, стал невозвращенцем и за границей опубликовал ряд нашумевших книг о советском режиме и его вождях⁵⁶.

Однако незнанием вышеуказанных деятелей недостатки научно-справочного аппарата издания отнюдь не ограничиваются. Составители приводят записку Дзержинского, адресованную Березину и касающуюся уплотнения в Москве, датированную 22 апреля, но без указания года, и самостоятельно проставляют его: «1918», озаглавив документ: «Записка Я.Д. Березину о необходимости проверки по агентурным сведениям»⁵⁷. Однако чекисту Я.Д. Березину (в именном указателе в отличие от заголовка документа искажены его инициалы, и он назван «Я.К.») не могла быть адресована записка Дзержинского, поскольку на соответствующую службу он пришел только в начале декабря 1918 г.⁵⁸ Поэтому если записка была адресована вышеуказанному Березину (в центральном аппарате работали несколько однофамильцев), то написана она была явно в 1919 г., когда он являлся секретарем Московской ЧК. Но если в данном случае спутан год, то в другом – уже и сам Березин с Берзиным. Составители приводят записку от 25 сентября, самовольно датированную ими 1925 г., о сокращении штатов. Они не только неправильно расшифровали фамилию адресата: Берзин – вместо Березина на самом деле, но еще и озаглавили документ как «Записка Я.К. Берзину о сокращении штатов», написав в указателе, что Я.К. Берзин в 1925 г. был сотрудником центрального аппарата ОГПУ⁵⁹.

В центральном аппарате ВЧК-ОГПУ работали на низовых должностях несколько латышей с фамилией Берзин, но никто из них таких инициалов не имел. Составители, вероятно, имеют в виду «Почетного чекиста» Я.К. Берзина (П.И. Кюзи-са). Однако ни в 1925 г., ни в другие годы в центральном чекистском аппарате он не работал. В 1918–1919 гг. Берзин находился на руководящих должностях в НКВД РСФСР, в 1919–1920 гг. служил начальником Особого отдела 15-й армии (за что впоследствии и получил почетное звание), а затем перешел в военную разведку, которую возглавил в 1924 г. Он входил в Коллегию ОГПУ, но лишь как представитель спецслужбы военного ведомства в целях координации деятельности разведывательных структур, и, естественно, никакими административными и кадровыми вопросами он там не занимался и не мог заниматься. На самом же деле речь шла все о том же Я.Д. Березине, который в 1923–1924 гг. был помощником начальника Административно-организационного управления ОГПУ. Соответственно и записка была написана не в 1925 г., а в 1924 г., а может быть, даже и в 1923 г., тем более что как раз в эти годы проводилось сокращение штатов.

Наоборот, как Березин, была прочитана в документе и соответственно опубликована составителями фамилия получившего от английского посланника Р. Локкарта деньги и передавшего их в ВЧК командира артдивизиона Латышской дивизии Э.П. Берзина, впоследствии чекиста, начальника Дальстроя⁶⁰. В одном случае председателем Военно-транспортной коллегии Верховного трибунала правильно назван Ю.Ю. Межин, а в другом – некий Нежин, хотя на самом деле составители просто не разобрали в документе фамилию первого⁶¹. Во всех документах, где фигурирует фамилия Маршан, ссылка дается на французского журналиста левых взглядов, бывшего редактора газеты «Фигаро», находившегося в России Р. Маршана⁶². Составители не обратили внимания на такие странности, как назначение в 1919 г. журналиста, к тому же иностранного, представителем от ВЧК по организации квартирного хозяйства на Лубянке, а в 1920 г. на данное ему поручение организовать войска ВОХР на территории Польши⁶³. На самом деле в большинстве документов речь явно шла об его однофамильце – выходце из Польши Н.К. Маршане, который в декабре 1918 г. начал службу в МЧК в должности завхоза, а затем командовал ее 1-м батальоном, и только в одном – действительно о Р. Маршане.

В сборнике опубликована резолюция Дзержинского своему заместителю И.С. Уншлихту, посвященная письму Розенгольца, о том, что в Крымской ЧК очень много деклассированных матросов, среди которых процветают уголовщина, грабежи и пьянство. В указателе фамилия Розенгольца дана без инициалов, и говорится, что в 1921 г. он был председателем Крымской ЧК⁶⁴. Однако в августе 1921 г. председателем КрымЧК был А.И. Ротенберг, а фамилия Розенгольца вообще не значится не только среди председателей, но и в списках членов ее Коллегии. Однако известен А.П. Розенголец – старый большевик, в годы Гражданской войны член РВС Республики и Коллегии НКПС, в августе 1921 г. возглавлявший ЦК Союза транспортников (впоследствии, в 1930-е гг., он являлся наркомом внешней торговли и в 1938 г. был расстрелян по процессу «Правотроцкистского блока»). Если составители просто не перепутали фамилии «Ротенберг» и «Розенголец», можно предположить, что письмо Дзержинскому направил именно вышеуказанный Розенголец.

В именном указателе в справках о некоторых лицах, расстрелянных в годы Большого террора, указаны более поздние даты смерти, как это обычно делалось до конца 1980-х гг. Так, годом смерти Г.С. Мороза назван 1940-й (как в сборнике «В.И. Ленин и ВЧК»), хотя он был расстрелян 2 ноября 1937 г. Год смерти М.А. Дейча – 1942 – явно взят из вышедшей в 1983 и 1987 гг. энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР», тогда как на самом деле казнили его 30 октября 1937 г. Жизнь В.Н. Яковлевой оборвалась не в 1944 г., а 11 сентября 1941 г., когда она была расстреляна в числе многих заключенных Орловского централа перед его эвакуацией. Для того чтобы узнать точную дату расстрелянных в Москве по приговорам Военной Коллегии Верховного Суда, не нужно обращаться в Центральный архив ФСБ или Главный информационный центр МВД – данные сведения можно получить из опубликованных «Расстрелянных списков» или на сайте «Мемориала» в Интернете.

О ряде видных чекистов, фигурирующих в документах, составители, судя по всему, просто ничего не знают. Так, о С.С. Пилявском, фамилия которого приведена без инициалов, говорится лишь, что он – сотрудник центрального аппарата ВЧК⁶⁵. А ведь он более высокие должности, чем в ВЧК, занимал в Центросоюзе (являлся членом правления), в НКВД РСФСР возглавлял в 1921 г. Центроэвак. В 1922 г. Пилявский состоял секретарем советской делегации в Генуе, а в конце

1920–1930-х гг. находился на руководящих постах в Прокуратуре и Верховном Суде СССР (последняя должность – председатель Спецколлегии), в сентябре 1937 г. был арестован, а спустя 2 месяца расстрелян.

В приводимом письме Дзержинского Л.Д. Троцкому от 1 февраля 1924 г. о принятии мер предосторожности в связи с возможным покушением на последнего со стороны грузинских националистов фигурирует Каузов, инициалы которого в указателе тоже отсутствуют, о нем говорится лишь как о сотруднике аппарата Троцкого⁶⁶. Между тем А.И. Каузов с 1918 г. являлся комиссаром ВЧК и в начале 1920-х гг. по чекистской линии был прикомандирован к поезду Троцкого для обеспечения его безопасности (в июне 1938 г. Каузов с руководящей должности в небезызвестном совхозе НКВД «Коммунарка» был арестован, а в апреле 1939 г. «по месту последней работы» расстрелян).

Составители публикуют список членов Коллегии ВЧК на 2 марта 1921 г., направленный Очаковскому, которого в указателе называют сотрудником аппарата Совнаркома РСФСР⁶⁷. На самом деле в указанное время Ю.Я. Очаковский работал старшим делопроизводителем в возглавляемом Я.И. Серебрянским секретариате Административно-организационного управления ВЧК^{68,*}.

Наконец, ошибки встречаются и в указании чекистских подразделений. Так, Региструп в заголовке документа назван подразделением ВЧК, хотя он всегда входил в военное ведомство, несмотря на несколько попыток Дзержинского подчинить его своему учреждению⁶⁹.

Учитывая все вышесказанное, мы можем констатировать наличие в данном сборнике большого контраста между серьезным подходом составителей к поиску и подборке для публикации документов и весьма низким уровнем подготовки ими научно-справочного аппарата.

---

* Интересно, что впоследствии Очаковский, как и его непосредственный начальник Серебрянский, работал во внешней разведке. Осенью 1938 г. и Очаковский, и Серебрянский по разным делам были арестованы и затем приговорены к расстрелу (соответственно в марте 1939 г. и июле 1941 г.). Но если первый был расстрелян, то второй в августе 1941 г. освобожден и возвращен в центральный аппарат органов госбезопасности (позднее, в 1953 г., он вновь был арестован и умер спустя два с половиной года во время допроса).

К следующей необходимой группе источников надо отнести справочные и энциклопедические издания. Здесь следует выделить вышедший в 2003 г. справочник «Лубянка», составителями которого являются А.И. Кокурин и Н.В. Петров, содержащий информацию о структуре и кадровых назначениях в органах госбезопасности с 1917 по 1991 г.⁷⁰ Однако период ВЧК, особенно до 1921 г., представлен крайне неполно и с большим количеством неточностей. Это обусловлено тем, что в справочнике структура дается на основе приказов по Административно-организационному управлению чекистского ведомства, созданному в декабре 1920 г. До этого времени штаты ВЧК никакими специальными приказами вообще не утверждались. Поэтому до января 1921 г. штатная структура и расстановка руководящих кадров приводятся в значительной мере отрывочно и неточно. Так, например, в структуре ВЧК на начало 1919 г. названы некоторые подразделения, которых вообще в то время не было в чекистском ведомстве, а другие названы неточно, а также неправильно указаны или вообще отсутствуют имена их руководителей. В приложении к справочнику содержатся документы из большей частью до сих пор закрытого фонда МВД СССР ГАРФ, некоторые из которых касаются изменения структуры и кадров ВЧК.

Много полезной информации содержится в написанных на основе архивных материалов биографических справочниках С.М. Штутмана, посвященном начальникам внутренних войск, и Н.В. Петрова и К.В. Скоркина, содержащем биографии руководящего состава НКВД за 1934–1941 гг.⁷¹ Последнее издание содержит полезную информацию по персоналиям тех сотрудников, которые начинали службу еще в центральном аппарате ВЧК. В справочнике даются необходимые нам сведения о национальном и социальном происхождении чекистов, образовании, профессии, трудовой деятельности, времени пребывания в политических партиях, должностях, занимавшихся в органах госбезопасности. Следует, однако, отметить, что чекистские послужные списки за период Гражданской войны часто содержат пробелы и неточности, что объясняется использованием при составлении справок документов более позднего времени, так как основной акцент в работе сделан на периоде НКВД 1930 – начале 1940-х гг. Скоркин впоследствии подготовил биографические справки о многих высших руководящих работниках ВЧК, вошедшие в следующие издания: именной комментарий к сборнику «Архив

ВЧК», книгу автора об НКВД РСФСР 1917–1923 гг. (Приложение № 2), а также в Приложения к его труду, посвященному внутрипартийной оппозиции 1920–1930-х гг., в котором приведено немало биографий сотрудников центрального аппарата ВЧК, впоследствии примкнувших к оппозиции или, наоборот, с ней активно боровшихся⁷². Нужно отметить и его справочник, посвященный местным милицмейским и чекистским органам в 1917–1923 гг.⁷³ В нем приведены список всех региональных административно-милицмейских учреждений и ЧК и фамилии их руководителей, а в приложении – список персоналий с указанием возглавлявшихся ими местных милицмейских и чекистских органов и, где это удалось установить, годов рождения и смерти и партстажа. Поскольку многие из этих лиц успели поработать и в центральном аппарате ВЧК, в этом справочнике можно найти определенную информацию о региональных перемещениях чекистов.

Сведения о многих чекистах центрального аппарата различного ранга можно получить по совокупности из ряда других справочников: А.М. Буюкова (о награжденных впоследствии почетными ведомственными званиями), Л.Г. Протасова (о членах Учредительного собрания), М.А. Тумшиса и В.А. Золотарева (о евреях в органах НКВД в 1936–1938 гг.; правда, должности, занимавшиеся ими в органах ЧК, к сожалению, часто не расписаны), в комментариях Я.В. Леонтьева и М.И. Люхуздаева к сборнику документов о левых эсерах (членах ПЛСР) и, наконец, в биографических справках к книге, посвященной роли коренных народов стран Балтии в установлении и укреплении большевистского режима, составленных группой авторов, в том числе В.А. Гончаровым, А.И. Кокуриным, В.Я. Кочиком и автором настоящего исследования (об эстонцах, литовцах и особенно латышах)⁷⁴.

В последнее десятилетие появился ряд книг, громко именующихся справочниками или даже энциклопедиями, в которых содержатся сведения о руководящих и наиболее известных работниках центрального аппарата ВЧК, но поскольку они, во-первых, как правило, написаны в публицистическом стиле, а во-вторых, являются простой компиляцией из некоторых вышеуказанных справочников (причем нередко без указания на них), то к подобного рода литературе мы в нашем исследовании если и обращаемся, то лишь в исключительных случаях.

Важной группой источников является мемуаристика. В первую очередь сюда относятся мемуары самих сотрудников

ВЧК, особенно ее руководителей – М.Я. Лациса и Я.Х. Петерса, опубликованные в 1920-е г.⁷⁵ Большое количество воспоминаний бывших работников ВЧК разного уровня было опубликовано в 1960–1980-е гг. как в различных сборниках, так и отдельными изданиями⁷⁶. Необходимо при этом иметь в виду, что в целях создания образа кристально чистого «бойца революции» эти мемуары подвергались тщательной цензуре и обработке в КГБ. Причем соответствующим образом «редактировались» как воспоминания, публиковавшиеся впервые, так и перепечатываемые мемуарные очерки Лациса и Петерса, из которых изымались наиболее острые моменты, в том числе касающиеся и чекистских кадров. К тому же следует учесть, что многие из опубликованных в данное время мемуаров были написаны спустя несколько десятилетий после описываемых событий, что также снижает точность их изложения. Соответственно, к данным этих источников нужно относиться крайне осторожно. Несомненный интерес представляют и издававшиеся за границей воспоминания лиц, подвергавшихся репрессиям⁷⁷, а также невозвращенцев, в первую очередь из чекистских органов⁷⁸. Нужно, однако, учитывать, что их авторы, так же как и ветераны-чекисты, далеко не всегда были объективны в своих наблюдениях и оценках, стремясь показать чекистское ведомство и его сотрудников только с негативной стороны. К тому же никто из чекистов-невозвращенцев, за исключением Ф.П. Другова, не работал в центральном аппарате ВЧК, поэтому их воспоминания могут дать скорее общее представление о кадрах карательных органов.

Определенную группу источников представляют и материалы печати периода Гражданской войны, в первую очередь газет «Правда» и «Известия», несущие информацию о ВЧК, в частности освещающие судебные дела о различных злоупотреблениях ее сотрудников, а также ведомственные печатные органы ВЧК («Еженедельник ВЧК» и «Красный террор») и НКВД РСФСР («Власть советов»).

Для тщательной разработки данной темы наиболее важными являются первоисточники – архивные материалы. Документы, хранящиеся в Центральном архиве ФСБ по кадровым вопросам, остаются до сих пор недоступными для широкого круга исследователей. Тем большее значение приобретают материалы государственных архивов. В целом автор изучил около 500 дел, хранящихся в 45 фондах 6 архивов.

В Государственном архиве РФ (ГАРФ) хранятся анкеты переписи, составленные комиссией при ВЦИК по проверке

служащих и сотрудников советских учреждений (ф. 3524, оп. 1). Указанная комиссия в сентябре 1918 г. провела перепись служащих ВЧК. В анкетах приводятся сведения о фамилии, имени, отчестве сотрудника, подразделении, в котором он служил, его должности, прежнем месте работы, времени начала чекистской службы, окладе, источнике рекомендаций, партстаже. Кроме того, были изучены анкеты переписи служащих родственных ВЧК ведомств – НКВД и Наркомюста, что дало возможность сопоставить партийный и национальный состав этих трех учреждений. В фонде ВЦИК (ф. 1235) имеется большой массив документов ВЧК, в том числе ряд протоколов заседаний ее Коллегии и Президиума за 1919 г. (оп. 94). В фонде НКВД (ф. 393) представляют большой интерес финансовые ведомости ВЧК (оп. 18), в частности содержащие должностные списки за июль-ноябрь 1918 г. сотрудников всех отделов, за исключением Особого, имевшего свою бухгалтерию. Кроме того, в этих ведомостях отсутствуют фамилии ряда сотрудников, как правило, руководящих, работавших в ВЧК по совместительству и получавших зарплату в других учреждениях. Просмотрены личные дела сотрудников НКВД (оп. 85), в то или иное время работавших в ВЧК. Автором изучены также личные дела членов Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, среди которых были и сотрудники ВЧК (ф. 533, оп. 2, 3).

Определенный интерес представляют также документы по периодам, выходящим за хронологические рамки исследования. В картотеке дореволюционного Департамента полиции МВД (ф. 102 «Центральный справочный алфавит») содержатся сведения об участниках революционного движения. Карточки позволяют уточнить настоящие фамилию, имя, отчество, вероисповедание, сословное происхождение и партийную принадлежность многих будущих чекистов. К документам более позднего периода относятся личные дела и анкеты некоторых ведомств 1920–1930-х гг., особенно наркоматов Рабоче-крестьянской инспекции (ф. 374, оп. 23) и Комиссии совконтроля (ф. 7511, оп. 2), в которых работало много бывших сотрудников ВЧК. Кроме того, представляют интерес материалы Комиссии Верховного Совета по лишению государственных наград (ф. 7523, оп. 44), так как среди них имеются дела бывших чекистов, репрессированных в конце 1930-х гг.

Большое количество документов, раскрывающих кадровый состав аппарата органов госбезопасности, хранится в РГАС-

ПИ, в первую очередь в фонде ЦК партии (ф. 17). Это документы Политбюро (оп. 3), Оргбюро (оп. 112), Общего (оп. 65, 66), Учетно-распределительного (оп. 34, 35), Организационно-распределительного (оп. 68) и других отделов. Среди этих документов – переписка ЦК с ВЧК по кадровым вопросам, доклады руководителей органов госбезопасности о состоянии кадров вверенного им учреждения, различные списки, содержащие сведения о национальном и социальном происхождении, профессии, образовании, партийном и чекистском стаже сотрудников. Ряд важных документов по интересующим нас проблемам находится в фонде Секретариата В.И. Ленина (ф. 5, оп. 2). Немало материалов по структуре ВЧК и кадровым вопросам содержится в фонде Ф.Э. Дзержинского (ф. 76, оп. 3, 4).

Особо следует остановиться на хранящихся в РГАСПИ личных документах чекистов. Это анкеты переписи служащих-коммунистов, работавших в ВЧК и МЧК, составленные в декабре 1918 г. (ф. 17, оп. 4), и анкеты партпереписи 1922 г. (ф. 17, оп. 8). В отличие от анкет служащих учреждений, составленных комиссией ВЦИК, в листах анкетирования служащих-коммунистов, проводившегося Секретариатом ЦК, не приводилось отчеств сотрудников и часто названия подразделения, указывались должность, образование, профессия, прежнее место работы, время пребывания не только в РКП, но и в других партиях и сведения о дореволюционных репрессиях. Все анкеты были разделены на три группы по дореволюционному социальному положению сотрудников: рабочие, крестьяне и служащие. Если анкеты членов партии МЧК представлены почти на всех сотрудников, то анкет коммунистов ВЧК сохранилось немногим более 50%. Еще меньше сохранилось анкет переписи коммунистов 1922 г. В них содержатся пункты о роде занятия родителей, национальности, образовании, пребывании в различных партиях, местах работы и службы после 1917 г. Однако следует отметить, что многие коммунисты весьма небрежно заполняли анкеты переписи, в результате чего часто те или иные графы оставались пустыми.

В фонде ЦК большой интерес представляют и документы более позднего периода: анкеты партийной переписи 1926 г. (оп. 9), личные дела работников, снятых с номенклатурного учета (оп. 100), регистрационные бланки коммунистов 1936 и 1954 гг. (оп. 99, 107). Заполненные, как правило, в начале 1927 г. анкеты партийной переписи 1926 г., помимо фамилии, имени, отчества, содержат пункты о национально-

сти, родном языке и владении другими, образовании, партстаже и пребывании в других партиях, профессии и стаже работы по ней и трудовом списке с 1917 г. Следует отметить, что проверки указываемых сведений, как и ранее, не было. Например, национальность анкетируемый указывал по своему усмотрению, и имелись случаи, когда родные братья в анкетах называли ее по разному. Кроме того, анкетируемые нередко должности, занимавшиеся ими в одном учреждении, объединяли в одну: например, работавший в ВЧК-ГПУ-ОГПУ в качестве делопроизводителя, следователя, затем уполномоченного мог написать против места работы – ВЧК-ОГПУ, а против должности – уполномоченный. Регистрационные бланки членов ВКП(б)-КПСС заполнялись при вступлении в партию и в ходе обмена партбилетов с их слов. В этих документах содержатся сведения о дате и месте рождения, национальности, образовании, послужной список с указанием года и месяца пребывания в той или иной должности. Однако в послужных списках регбланков должности, занимаемые в органах госбезопасности, нередко скрывались под названиями «чекист», «чекистская работа», а относительно периода ВЧК – «сотрудник ВЧК». Во многом это было связано с тем, что в июне 1929 г. чекистским руководством было предписано сотрудникам ОГПУ в целях предотвращения расконспирации и расшифровки ведомственной структуры в анкетах, заполняемых для других учреждений, указывать лишь «сотрудник ОГПУ»⁷⁹.

Личные дела работников, входивших в номенклатуру ЦК, либо тех, чье назначение проходило через высший партийный орган, содержат сведения об образовании, партстаже, занимаемых должностях и т.д. Однако следует отметить, что в 1920-е гг. эти дела представляют собой, как правило, одну или несколько заполненных от руки анкет, в которых зачастую приводятся крайне отрывочные сведения. Только после 1929 г. в связи с усилением бюрократизации партийного учета эти дела приобретают определенную форму с развернутой автобиографией, личным листком по учету кадров и дополнением к нему в случае продолжения пребывания работника в номенклатуре.

Таким образом, каждая из групп вышеупомянутых источников по отдельности не может являться полностью репрезентативной. Только комплексное изучение биографических документов может дать наиболее точные сведения о том или ином сотруднике и составить общую картину социальной структуры, национального состава и т.д.

В Российском государственном военном архиве (РГВА) документы, интересующие нас, большей частью касаются структуры и кадров Особого отдела и Управления войск ВЧК, а также это личные дела военнослужащих, в разное время являвшихся сотрудниками ВЧК (ф. 33, оп. 1; ф. 16011, оп. 14; ф. 37976, оп. 1 и др.).

В Центральном архиве общественно-политической истории Москвы (ЦАОПИМ) в фонде Городского райкома партии (ф. 64, оп. 2) сохранились протоколы заседаний парторганизации ВЧК и Особого отдела, списки коммунистов ВЧК, МЧК и чекистских курсов. В этом же архиве содержатся материалы «партчистки» сотрудников ВЧК в 1921 г. (ф. 685, оп. 1), а также личные партийные дела ряда чекистов – участников борьбы за установление Советской власти в Москве (ф. 8654, оп. 1).

В Центральном государственном архиве Московской области (ЦГАМО) изучена переписка Совнаркома Москвы и области с ВЧК за 1918 г. (ф. 4619, оп. 2). В фонде Мосревтрибунала просмотрены дела по обвинению в различных преступлениях сотрудников ВЧК (ф. 4613, оп. 1).

В Центральном архиве города Москвы (ЦАГМ) в фондах районных комиссий по делам бывших красногвардейцев и красных партизан (ф. 2185, оп. 1 и др.) просмотрен ряд личных дел бывших сотрудников ВЧК.

Для изучения данной темы важна отложившаяся в большинстве вышеуказанных архивов официальная переписка ВЧК с различными учреждениями. Определенный интерес представляют указанные в ней чекистские подразделения, что позволяет уточнить структуру ВЧК, а фамилии подписавших документ сотрудников дают возможность установить занимавшуюся ими в тот момент должность, тогда как в заполняемых позднее анкетах и автобиографиях должности могли быть указаны неточно и с ошибками во времени их исполнения, а также с неправильным названием подразделений.

* * *

Основной акцент в изучении чекистских кадров в настоящем исследовании сделан на управленцах и специалистах центрального аппарата ВЧК. Под управленцами мы понимаем руководящих работников высшего, среднего и низшего звеньев – от председателя и его заместителей до начальников отделений включительно. Специалистами мы именуем сотрудников, выполнявших в том или ином учреждении специальные функции. В ВЧК это были главным образом сотруд-

ники, ведущие следственную и оперативную работу. Чекистская оперативная работа заключалась в проведении наружной разведки, агентурной деятельности, арестов, обысков, реквизиций, контроле за печатью и т.д.

В настоящей работе в главе о социально-политическом составе большое внимание уделено партийному составу ВЧК. Объясняется это тем, что главной архивной базой явились документы РГАСПИ, бывшего Центрального партархива, где в первую очередь скапливались документы о партийном составе советских учреждений, в том числе органов госбезопасности. В этих документах имелаась такая информация, как распределение работников по партстажу, доля коммунистов среди сотрудников данного учреждения и т.д.

Историки советского времени, писавшие о социальном составе чекистских органов, говорили прежде всего о социальном происхождении с целью преувеличения роли выходцев из рабочих и крестьян. Эту же классификацию применяли и активно использовавшие, за неимением архивных источников, советские работы западные историки. Акцент именно на социальном происхождении делает и большинство нынешних исследователей. Однако имеющиеся в архивах данные о социальном происхождении того или иного лица не могут быть объективными. Ведь известно, что многие члены партии, в том числе занимавшие ответственные посты в различных учреждениях, стремились «понизить» свое происхождение в силу имевшего место классового подхода в подборе кадров. И, например, сын владельца слесарной мастерской в своей анкете указывал, что он – сын рабочего-слесаря, а сын лавочника мог назваться крестьянским сыном лишь на том основании, что формально его отец принадлежал к крестьянскому сословию. Указавший себя в анкете выходцем из служащих мог быть сыном сельского писаря или заводского конторщика, а мог происходить из семьи царского чиновника. Вряд ли можно отнести к числу рабочих и крестьян тех, кто окончил средние, а то даже и высшие учебные заведения и ручным трудом сам никогда не занимался. Поэтому в настоящем исследовании автор, говоря о социальном составе чекистов, имеет в виду не их происхождение, а профессию и работу до 1917 г.

Нельзя считать до конца точными и сведения о дореволюционном партстаже многих чекистов, поскольку имели место случаи, когда коммунисты, состоявшие до революции в других партиях, записывали это время в свой партийный

стаж. Как пример можно привести биографию Г.Г. Ягоды, который с 1907 г. являлся членом организации анархистов и лишь после Февральской революции перешел к большевикам. Однако во всех анкетах и автобиографиях свой партийный стаж он указывал с 1907 г. Вообще, вплоть до второй половины 1930-х гг. биографии чекистов, особенно руководящего звена, не подвергались серьезной проверке, что давало возможность многим сотрудникам давать неверные сведения о своем социальном происхождении, партстаже, национальности и т.д. Все эти замечания следует учитывать при анализе социально-политического и национального состава ВЧК.

Проблематика исследования сложна и многогранна. Не все ее стороны автору удалось осветить с достаточной полнотой. Но сокупность использованных материалов, в первую очередь архивных источников, в целом позволяет раскрыть проблемы, связанные с формированием и эволюцией организационной структуры и кадрового состава ВЧК. В перспективе, по мере выявления новых документов, в том числе при дальнейшем открытии архивов ФСБ, можно будет конкретизировать и детализировать аспекты данной темы.

Первое издание данного исследования под названием «Госбезопасность изнутри. Национальный и социальный состав» вышло в издательстве «Яуза» в 2005 г. вскоре после защиты автором в Московском педагогическом государственном университете диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук⁸⁰. В настоящем издании в основном тексте и примечаниях сделаны исправления и значительные дополнения, в Приложениях приводятся материалы одного из следственных дел ВЧК, имеющего определенное отношение к некоторым аспектам исследуемой темы, а также очерк о ротации чекистских кадров, а в конце книги дается именной указатель.

Автор благодарен С.В. Леонову, С.А. Павлюченкову, Ф.Я. Березину, А.Я. Серебрянскому, Н.И. Запорожец, Ю.В. Бустрем, Б.И. Гудзю, Г.Р. Штаркману, А.И. Кокурину, Н.В. Петрову, К.В. Скоркину, Я.В. Леонтьеву, В.Ю. Воронову, С.М. Штутману, С.С. Войтикову, П.В. Батулину, Д.С. Новоселову, А.В. Мельник (Смоленск), Е.П. Асабину (Уфа), А.Г. Теплякову (Новосибирск) за оказанную в разное время помощь в предоставлении информации и необходимых консультациях при данном исследовании.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ВЧК

Формирование структуры и численность центрального аппарата ВЧК в 1917–1918 годах

Организационная структура главного карательного органа большевистской диктатуры была адекватной его основным задачам и месту в системе государственного аппарата новой власти. Изменение структуры ВЧК и ее численности происходило в зависимости от выполнения возложенных на нее задач, текущего политического момента, линии большевистского руководства и других факторов.

После захвата власти большевики поначалу не собирались создавать специальные органы по борьбе с контрреволюцией, эту задачу наряду со многими другими выполнял Военно-революционный комитет. Однако 5 (18) декабря 1918 г. ВРК был распущен. 7 (20) декабря 1917 г. на заседании СНК было решено учредить Всероссийскую Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем. В официальных документах не указываются причины ликвидации ВРК и создания ВЧК. В работах советских и некоторых российских историков это объясняется обострением обстановки в Петрограде и саботажем госслужащих¹. Но это не дает ответа на вопрос, зачем в критический момент понадобилось распускать ВРК, обладавший своим аппаратом и воинскими частями, и создавать ничего этого не имеющую, поначалу крайне малочисленную ВЧК.

Современный историк С.В. Леонов предположил, что причины создания ВЧК заключались не столько в обострении обстановки, сколько в стремлении большевиков избавиться от влияния левых эсеров, входивших в ВРК, в сфере борьбы с контрреволюцией и тем самым обеспечить более жесткое и оперативное подавление всех своих политических противников. По мнению Леонова, эту проблему актуализировали вхождение левых эсеров в состав Советского правительства, где они, в частности, получали должность наркома юстиции,

и приближавшийся созыв Учредительного собрания, на котором должен был решаться вопрос о власти. Учреждение ВЧК, подотчетной лишь Совнаркому, в котором преобладали большевики, позволило им обзавестись своим партийным органом, что устанавливало монополию на борьбу с контрреволюцией и играло важную роль в развертывавшейся «красногвардейской атаке на капитал»². Став карательным органом партии, ее «щитом и мечом», ВЧК в какой-то мере явилась отражением разочарования Ленина в своей прежней идее о подавлении контрреволюции руками самих трудящихся.

Однако мнение Леонова выглядит неубедительным. Во-первых, как раз в день образования ВЧК Совнарком, обменявшись мнениями по вопросу привлечения эсеров в наркоматы, постановил считать приемлемым такое привлечение, хотя с некоторыми изменениями условий последних³; отсюда выглядит странным то, что подобное учреждение было создано при Совнаркоме, куда как раз должны были войти левые эсеры (в том числе в особенно соприкасавшийся по работе с ВЧК Наркомюст). Во-вторых, уже в первые дни существования ВЧК в нее стали вводить левых эсеров, что тоже не соотнобразуется с данной версией. Главным источником ее Леонов считает утверждение одного из руководящих чекистов – М.Я. Лациса. Однако нужно отметить, что это утверждение впервые им было публично озвучено в журнале «Красный террор» в ноябре 1918 г.⁴, то есть уже после подавления восстания левых эсеров, и к тому же он негативно относился к их участию в ВЧК даже в период союзничества с ними, о чем мы еще скажем. На политико-конъюнктурный характер утверждения Лациса и, соответственно, ошибочность точки зрения Леонова указывает и А.Л. Литвин⁵.

По мнению некоторых исследователей, в том числе и автора данной книги, причиной создания ВЧК явилось стремление сосредоточить дело борьбы с противниками новой власти и саботажем в руках Совнаркома, то есть правительства, а не Петросовета, которому фактически подчинялся ВРК.

Следует отметить, что часто встречающееся в литературе утверждение о том, что ВЧК была создана на заседании Совнаркома под председательством В.И. Ленина, не совсем точно. 7 (20) декабря поначалу он действительно председательствовал на заседании СНК, на котором присутствовали 18 чел. Повестка заседания в тот день насчитывала 9 пунктов, последним из которых был вопрос о Комиссии по борьбе с саботажем. Однако именно этот пункт стал рассматри-

ваться после перерыва, когда не явился не только Ленин, но и ранее присутствовавшие еще 12 чел., включая председателя ВЦИК Я.М. Свердлов и наркоминдела Л.Д. Троцкого. Остались же наркомвнудел Г.И. Петровский, наркомнац И.В. Сталин, наркомпочтель Н.П. Глебов, замнаркома финансов В.Р. Менжинский, члены коллегий наркоматов внутренних дел, финансов, почт и телеграфов – соответственно Ф.Э. Дзержинский, А.Е. Аксельрод и А.В. Шотман⁶. Отсутствие руководителя Советского правительства, как и ряда других ключевых фигур, может свидетельствовать о том, что для большевистских вождей создание подобной комиссии явилось довольно рядовым явлением, что тоже является аргументом в пользу скорее ведомственной, нежели партийной ее подчиненности.

Поначалу деятельность ВЧК распространялась только на Петроград. Она была лишь одной из комиссий и комитетов, боровшихся с контрреволюцией и спекуляцией. Однако постепенно ВЧК начала концентрировать в своих руках эти функции. Так, 16 февраля было принято решение об упразднении возглавлявшегося В.Д. Бонч-Бруевичем Комитета по борьбе с погромами винных складов при Петросовете, что было произведено в следующем месяце, а его полномочия и часть работников были переданы в ВЧК⁷.

Первоначально в задачи ВЧК входили пресечение и ликвидация контрреволюции и саботажа на территории страны, предание суду ревтрибуналов саботажников и контрреволюционеров, а также выработка мер по борьбе с ними. Ей было разрешено вести только предварительное расследование. Начавшееся 18 февраля 1918 г. немецкое наступление на Петроград создало чрезвычайную военную ситуацию. 21 февраля 1918 г. Совнарком утвердил декрет-воззвание «Социалистическое отечество в опасности!», на основании которого «неприятельские агенты, спекулянты, громилы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы» должны были расстреливаться на месте. После его выхода чекисты стали выносить приговоры вплоть до расстрела. В дальнейшем полномочия ВЧК возрастали.

Председателем ВЧК по постановлению СНК от 7 (20) декабря 1917 г. был утвержден Ф.Э. Дзержинский, который являлся не только членом Коллегии НКВД, но и членом ЦК РСДРП(б) и Президиума ВЦИК. Согласно этому же постановлению был объявлен следующий состав ВЧК, как отмечалось, еще не полный: И.К. Ксенофонтов, Н.А. Жиделев, В.К. Аверин,

К.А. Петерсон, Я.Х. Петерс, Д.Г. Евсеев, В.А. Трифонов, Ф.Э. Дзержинский, Г.К. Орджоникидзе, В.Н. Васильевский – фамилии двух последних были указаны в протоколе СНК под знаком вопроса. Но если Орджоникидзе присутствовал на первом заседании ВЧК и пробыл в ее составе около 2 дней, то назначение Васильевского вообще не состоялось, и в ВЧК он ни дня не работал вопреки встречающемуся иногда в литературе утверждению^{8,*}. Одновременно с Орджоникидзе ВЧК покинул и Петерсон.

На второй день существования Комиссии в нее были введены В.Р. Менжинский, который должен был отвечать за борьбу с саботажем чиновников бывшего Министерства финансов и банковских служащих, А.П. Смирнов, В.В. Яковлев (К.А. Мячин)^{9,**}. Нужно сказать, что Смирнов, приехавший в Петро-

* Говоря об Орджоникидзе, нужно отметить, что зачастую именно его историки органов госбезопасности, особенно в сталинское время, как не объявленного, подобно Петерсу, Трифонову и Аверину, «врагом народа» (хотя и застрелившегося в 1937 г.) и наиболее известного (в отличие от преданных забвению, хотя и не репрессированных, умерших до Большого террора Ксенофонтова и Петерсона и благополучно его переживших Жиделева и Евсеева) называли членом Коллегии ВЧК, значительно «продлевая» его службу.

** Из данной троицы как в «чекистской» литературе 1930–1950-х гг., так и, за небольшим исключением (вроде сборника «В.И. Ленин и ВЧК»), позднее упоминался только Менжинский. Ведь Смирнов в начале 1930-х, будучи кандидатом в члены Оргбюро ЦК ВКП(б), являлся организатором оппозиционной правой группировки, за что был снят со всех постов и исключен из партии. В начале 1937 г. он был арестован и спустя год по приговору Военной Коллегии Верховного Суда расстрелян. Реабилитирован он был по судебной линии в 1958 г., а по партийной – еще спустя 2 года.

Еще более интересной (и неудобной для советской чекистской историографии) была судьба Яковлева-Мячина. Получивший известность как руководитель (по заданию Свердлова) перевозки царской семьи из Тобольска в Екатеринбург в апреле 1918 г., он затем перешел на сторону войск Учредительного собрания, а позднее эмигрировал в Харбин, где занялся коммерческой деятельностью и в 1920-е гг. сотрудничал с советской внешней разведкой. Вернувшись в СССР в начале 1928 г., Яковлев был арестован и годом позже Коллегией ОГПУ осужден к 10 годам лагерей, однако уже в 1933 г. из Соловков был освобожден. После этого до 1937 г. он возглавлял ряд подразделений в системе

град из Богородска Московской губернии, откуда был избран делегатом Учредительного собрания, в ВЧК не задержался, пробыв в ней всего лишь два дня, а 11 (23) декабря был назначен в Коллегию НКВД¹⁰.

Пятеро из вышеупомянутых лиц (Дзержинский, Петерс, Евсеев, Трифонов и Петерсон) ранее являлись членами Петроградского ВРК. Так, Евсеев заведовал в нем продовольственным отделом, а Трифонов являлся членом Бюро Центральной красногвардейской регистратуры. На заседании членов ВЧК 8 (21) декабря был избран Президиум в составе пяти человек: Дзержинский – председатель, Жиделев и Яковлев – заместители председателя, Петерс и Ксенофонтов – секретари ВЧК¹¹. Некоторые члены ВЧК одновременно находились на ответственной работе в других учреждениях: Яковлев был комиссаром телефонных и телеграфных станций Петрограда, Менжинский – исполняющим обязанности замнаркома финансов, Трифонов – начальником отдела Главного штаба Красной гвардии. Это обстоятельство привело к тому, что уже в первые дни состав ВЧК сменился более чем наполовину. К 11(24) декабря из старого состава остались только Дзержинский, Евсеев (вместо Жиделева, назначенного секретарем Коллегии НКВД, ставший зампредом), Яковлев, Ксенофонтов, Петерс и Аверин, вошли вновь – В.В. Фомин, И.И. Ильин, Ф.П. Другов, С.П. Чернов и С.Е. Щукин, а к 25 декабря (7 января) убитого в Екатеринослав для руководства Военно-революционным штабом по борьбе с Центральной радой Аверина сменил в составе членов ВЧК И.Н. Полукаров, назначенный секретарем Комиссии^{12*}. Интересно, что если одним из секретарей на протяжении 1918 г. неизменно был И.К. Ксенофонтов, вторым в течение нескольких месяцев – И.И. Ильин, то третьего регулярно меняли, пока должность не была упразднена: в январе 1918 г. Полукарова примерно на две недели сменил В.Д. Волков, затем с конца января до середины февраля секретарствовал Ф.Я. Гжельщак¹³.

ГУЛАГ в Сибири, затем работал замначальника снабжения одного из заводов Горьковской области. В феврале 1938 г. Яковлев-Мячин был вновь арестован и спустя полгода по приговору выездного заседания Военной Коллегии Верховного Суда расстрелян. В советское время (в 1967 г.) он был реабилитирован лишь по второму делу.

* Яковлев в середине января 1918 г. выбыл из состава ВЧК, получив назначение военкомом на Урал. На посту зампреда его сменил В.А. Александрович (П.А. Дмитриевский).

Согласно представленному 7 (20) января 1918 г. Держинским в Совнарком списку членов ВЧК в это время было 12: Держинский, Ксенофонтов, Петерс, Яковлев, Евсеев, Полукаров, Другов, Ильин, Фомин, Чернов, Щукин, Менжинский, – из которых 7: Яковлев, Полукаров, Другов, Ильин, Фомин, Чернов, Щукин – не были утверждены Совнаркомом¹⁴. Таким образом, уже тогда начала складываться практика не обязательности прохождения назначения высших чекистских руководителей через главный распорядительный орган Советской власти. Именно это обстоятельство привело к тому, что, когда 25 января (7 февраля) 1918 г. на заседании СНК было объявлено о том, что Держинский должен уйти в недельный отпуск для лечения в карельском санатории, исполнять его обязанности в ВЧК был назначен М.С. Урицкий, в то время работавший в Малом Совнарком¹⁵. Однако на следующий день члены ВЧК, заслушав вопрос об отпуске Держинского, ему отказали. Интересно, что следующее заседание Комиссии состоялось только спустя 9 дней, когда Держинский, наконец, был отпущен в недельный отпуск, исполняющим его обязанности был избран зампред В.А. Александрович (П.А. Дмитриевский)¹⁶. Возможно, это было связано с тем, что после вышеуказанного решения Совнаркома и вплоть до 21 февраля член Коллегии НКВД левый эсер В.А. Алгасов (Бурдаков) почти ежедневно предлагал включить в повестку дня вопрос о создании при Совнарком^е комиссии полностью аналогичной по функциям ВЧК, то есть ее заменяющей, в составе большевика Урицкого и левых эсеров Алгасова и В.Е. Трутовского (в то время комиссара по местному самоуправлению)¹⁷. Однако вопрос постоянно откладывался, а 22 февраля, когда по докладу однопартийца Алгасова, замнаркома земледелия Н.Н. Алексеева (кстати, впоследствии коммуниста и видного чекиста), была создана ЧК по разгрузке Петрограда, первый был назначен ее руководителем и больше с предложением о создании альтернативной комиссии по борьбе с контрреволюцией, судя по всему, не выступал¹⁸. Урицкий же в феврале стал работать в Комитете революционной охраны, который был связан с ВЧК по совместным действиям, а после переезда последней в Москву в марте 1918 г. возглавил ЧК в Петрограде.

Первоначально аппарат ВЧК состоял из трех основных отделов: Информационного (сбор политической информации) – руководитель и организатор Евсеев, затем в помощь по организации ему направили Щукина; Организационного

(связь с советами и другими революционными организациями) и Отдела по борьбе с контрреволюцией и саботажем, организацией которого занимался Трифонов, но по его выбытию возглавил Щукин.

11 (24) декабря 1917 г. был создан Отдел по борьбе со спекуляцией¹⁹, который возглавил бывший помощник начальника отдела вооружений ПВРК В.В. Фомин. В те же дни были созданы Хозяйственная часть во главе с бывшими председателем Комиссии по реквизиции помещений ВРК И.И. Ильиным и работником ВРК А.А. Минейко и Казначейство (заведующий Петерс). Последнему вместе с Авериным было поручено формировать Орготдел (до этого Менжинскому как финансисту было поручено изыскать для него средства). Кроме того, Яковлев и Ильин занялись организацией Бюро печати для борьбы с «контрреволюционной» прессой²⁰. Это бюро позже вошло в состав Информационного отдела. Наконец, 18 (31) декабря, когда для Комиссии было решено подыскать 3 легковых автомобиля и грузовик, заведующим формирующегося автохозяйства было решено назначить Антонова (возможно, М.Д. Антонов [Герман]), позднее перешедшего на службу в Комитет охраны Петрограда²¹.

Серьезные изменения оргструктуры ВЧК пришлось на начало 1918 г. В начале января была введена должность коменданта, которым вскоре назначили (с введением в члены ВЧК) бывшего секретаря ВРК Ф.П. Другова (до него комендантами по несколько дней успели побывать некие Арефьев [арестованный позднее за пьянство и должностное преступление] и Малиновский)²².

В конце января в Отделе по борьбе с контрреволюцией был создан Банковский подотдел, занимавшийся борьбой с саботажем банковских служащих²³. Его возглавил бывший комиссар одного из крупных петроградских банков Г.Г. Делафар (Де Лафар, Лафар). Этот подотдел, по сути, состоял из него и Н.Е. Гальперштейна, которых ВЧК уполномочивала для работы по банковским делам²⁴.

24 февраля коменданту ВЧК Другову было поручено организовать разведку²⁵. Данное отделение направляло деятельность бойцов отряда разведчиков, бывших красногвардейцев, проводивших наружное наблюдение и участвовавших в арестах, засадах, облавах и обысках.

Количество сотрудников ВЧК было вначале крайне незначительным: в декабре 1917 г., согласно воспоминаниям Другова, помимо членов ВЧК, ее персонал состоял из сотрудни-

ка для негласного наблюдения некоего Оккера и конторщика Гукало*. Как в ведении следствия, так и в производстве арестов и обысков непосредственно принимали участие руководители ВЧК²⁶.

Однако штат ВЧК постоянно расширялся. Так, 11 (24) декабря 1917 г., заслушав вопрос о приеме работников, постановили привлечь Косого, Малиновского и В.И. Савинова. Тогда же было решено для постоянного пребывания при Комиссии вооруженной силы вызвать 30 красногвадейцев²⁷. А 11 (23) января 1918 г. Дзержинский обратился к Ленину с просьбой о выделении продовольствия для ВЧК уже на 100 чел.²⁸ Правда, следует отметить, что в это число вошли не только штатные сотрудники, но и бойцы приданных Комиссии отрядов разведчиков и «свеаборжцев»**. К концу марта 1918 г., согласно «Орготчету» ВЧК, количество ее сотрудников равнялось 131 чел., однако из них 35 являлись бойцами Свеаборгского отряда, 24 – служащими отряда разведчиков и 10 – отряда шоферов²⁹. Из 96 штатных сотрудников членами ВЧК, заведующими отделами и их помощниками, секретарями отделов, следователями и комиссарами были 56 чел. Осталь-

---

* Так, на заседании ВЧК 11 (24) декабря 1918 г. Евсееву было поручено арестовать М. Жербина, Ксенофонтову – В.К. Саблера, Дзержинскому и Аверину – У. Потоцкого, Ильину – Добрынина, Яковлеву – Степанова и Шукину – фальшивомонетчиков (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 31. Л. 107).

** В частности, 25 декабря (по ст. стилю) 1917 г. Президиумом ВЧК ее члену Ильину было поручено «переговорить с отрядом свеаборжцев, пожелавшим вступить на службу в ВЧК». На следующий день их включили в состав ВЧК с удовлетворением пищевым, вещевым и квартирным довольствием (Отчет ВЧК. С. 274). Интересно, что отряд был создан в октябрьские дни, по всей видимости, комиссаром телефонных станций В.В. Яковлевым, вскоре ставшим членом ВЧК. Как писал в марте 1928 г. И.В. Сталину и председателю ОГПУ В.Р. Менжинскому Яковлев, им был организован небольшой отряд из солдат Выборгского полка (так в тексте, речь, по всей видимости, идет именно о Свеаборгском полке), которыми он заменил саботировавших работу телефонисток, и после налаживания работы станции отряд перешел в ЧК под командование Успенского (Авдонин А.Н. В жерновах революции. Документальный очерк о комиссаре В.В. Яковлеве. Екатеринбург, 1995. С. 154). После марта 1918 г. начальником отряда был К.Я. Долман.

ные – канцелярский и обслуживающий персонал: машинистки, конторщики, курьеры и т.д.³⁰

Новый этап в организационном строительстве ВЧК начался в марте 1918 г. после переезда в Москву. В изданном в 1922 г. «Орготчете» ВЧК были приведены обстоятельства, при которых произошли изменения в чекистской структуре. «Образование местных чрезвычайных комиссий, – говорилось в «Отчете», – заставляет сделать коренное изменение в аппарате ВЧК. Нужен новый отдел, который взял бы на себя руководство над провинциальными комиссиями. Но к этому времени увеличилась работа ВЧК и на месте, создался уже довольно сильный аппарат, насчитывающий 120 чел. служащих. Уже нельзя было кассу Комиссии носить в кармане, а с плохим продовольственным состоянием страны необходимо было взять на себя и заботу о материальных нуждах служащих». Кроме того, как отмечалось в «Отчете», местные операции развивались так успешно, что накопилась масса конфискованного имущества и вещей арестованных. Разросло и число арестованных. К тому же теперь ВЧК дела разбирала не только в порядке предварительного следствия, но доводила их до конца и сама приводила приговоры в исполнение³¹. 9 марта 1918 г., заслушав вопрос об эвакуации, ВЧК постановила эвакуировать всю Комиссию, не отставляя никого, что было поручено отстаивать в СНК Александровичу. Была создана Оперативная коллегия, в которую вошли три члена ВЧК – Александрович, Другов и Евсеев, а также В.Л. Борщевский, которой была поручена вся текущая работа, связанная с переездом³². Несмотря на то что во вновь образованную Петроградскую ЧК был назначен Урицкий – «внешний», хотя и имевший некоторое отношение в ВЧК, руководитель, все же некоторая часть сотрудников (но не членов Комиссии) центрального аппарата, в том числе Борщевский, осталась в северной столице.

После переезда ВЧК в Москву в середине марта 1918 г. встал вопрос о ее слиянии с созданной за неделю до этого Комиссией по борьбе с контрреволюцией при Президуме Моссовета. 19 марта 1918 г. ВЧК, а затем 22 марта 1918 г. Совнарком Москвы и области приняли постановление о таком слиянии³³. На ВЧК теперь возлагалась ответственность не только перед центральным, но и перед столичным Совнаркомом, и она должна была делать доклады Моссовету³⁴. Председатель Московской комиссии В.П. Янушевский и ее члены В.В. Артишевский и Д.А. Магеровский были введены в состав членов ВЧК: первые двое – в качестве представителей Мос-

совета, а третий – Совнаркома Москвы и области. Однако вскоре Магеровский заявил о своей отставке. 25 марта 1918 г. Малый Совнарком Москвы и области постановил отклонить его просьбу до подыскания ему заместителя. На следующий день Малый Совнарком поручил своему ответственному работнику В.Н. Яковлевой переговорить с членом Президиума Моссовета И.С. Кизильштейном о вхождении в ВЧК, и 2 апреля последний и Дзержинский были уполномочены вместо Магеровского представлять Московский Совнарком в чекистском ведомстве³⁵. На следующий день Янушевский и Артишевский заявили о своей отставке, но Малый Совнарком не нашел достаточных оснований для их отозвания из ВЧК. Вновь с просьбой об отставке Янушевский и Артишевский обратились 10 мая 1918 г. На этот раз свое требование они мотивировали прекращением членства в Исполкоме Моссовета и, соответственно, неясностью их статуса в чекистском ведомстве. Однако их обращение осталось без ответа, и они продолжили работать в ВЧК: Янушевский – в качестве заведующего Бюро разведки Отдела по борьбе с контрреволюцией, а Артишевский – его заместителем³⁶. После ухода в июне 1918 г. из ВЧК Кизильштейна в нее более не входили представители столичных органов, что подчеркивало ее статус как центрального учреждения, подотчетного лишь Совнаркому РСФСР и ЦК РКП*.

17 марта 1918 г. одновременно с принятием Магеровского, Янушевского и Артишевского в ВЧК было решено ввести в ее состав и тесно сотрудничавшего с ней в Петрограде В.Л. Панюшкина – командира 1-го Социалистического отряда при ВЦИК, в функции которого, помимо борьбы с контрреволюцией, входила и охрана правительственных учреждений. Некоторое время Панюшкин даже временно исполнял обязанности зампреда ВЧК. Однако 3 апреля 1918 г. ВЧК, заслушав его доклад, «о развитии контрреволюционного движения в Туле и Тульской губ. и, главным образом, в Новосильском уезде, что объясняется значительностью крупно-

---

* 2 апреля 1918 г. Совнарком Москвы и Московской области, заслушав вопрос о реорганизации Комиссариата по военным делам, постановил переименовать его Военно-политический отдел в Военконтроль (с оставлением его руководителем прежнего начальника А.Я. Аросева), «постепенно передавая дела политического сыска Комиссии Дзержинского» (ЦГАМО. Ф. 4619. Оп. 2. Д. 141. Л. 19).

поместных владений и экономий*», постановила командировать его туда с сотней людей из его отряда (еще 400 бойцов были подчиненными военного ведомства и находились под командованием московского окрвоенкома Н.И. Муралова)^{36, **}.

Еще одним важным изменением, связанным с переездом в Москву, стала реорганизация Комендатуры. Функция коменданта, говорилось в решении ВЧК, состоит в охране здания ВЧК и арестованных и конвоировании их в места заключения. Над всеми помещениями ВЧК был назначен комендантом начальник отряда разведчиков Л.М. Заковский (Г.Э. Штубис), которому подчинялись коменданты всех чекистских зда-

* Панюшкин до революции работал в этих местах.

** Главной причиной этой командировки, возможно, являлось стремление Панюшкина избежать ответственности за самовольную казнь. Дело в том, что в начале марта в Петроградскую ВЧК поступили сведения, что в одном из домов собрались контрреволюционеры (город находился на осадном положении). Ее комиссар Черкашин и Панюшкин с бойцами из своего отряда, прибыв по указанному адресу, застали 7 студентов, составлявших воззвание с призывом свергнуть правительство. Студенты были задержаны, отвезены к амбарам Александро-Невской лавры, и все, кроме одного, которому удалось бежать, расстреляны. Этот самовольный расстрел вызвал возмущение не только горожан, но даже и властей. Управделами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевич объявил в печати, что расстрел был произведен самочинно, без всякого указания свыше, а наркомюст И.З. Штейнберг поручил Следкомиссии при Петроградском трибунале расследовать это преступное действие. Уже после переезда в Москву Моссовет постановил арестовать и предать суду Панюшкина и Черкашина, на что чекистское руководство заявило, что они – истинные революционеры, допустившие в боевой революционной обстановке невольные ошибки (*Велидов А.С.* На пути к террору. – *Велидов А.С.* К истории ВЧК-ОГПУ. Без вымысла и купюр. С. 109–110). Куда менее жестко, чем к антибольшевистски настроенным студентам, Панюшкин и подобные ему рабочие-революционеры относились к представителям левосоциалистических партий: 2 апреля 1918 г. по докладу Дзержинского о необходимости выяснения обстоятельств побега 4 анархистов, конвоировавшихся людьми Панюшкина, было решено ввиду наличия подозрений в нераспорядительности конвоиров и жалоб на распущенность отряда создать специальную следственную комиссию (Архив ВЧК. С. 197). В результате отъезда Панюшкина дела и о расстреле студентов, и о побеге анархистов были спущены на тормозах.

ний и от него как старшего коменданта получали все распоряжения. Другов остался только руководителем разведки ВЧК, однако 18 марта ВЧК постановила организовать аналогичное подразделение при каждом ведущем отделе, хотя и центральная разведка еще некоторое время существовала. Произошли некоторые изменения и в организации автомобильной связи, начальником отдела которой 18 марта 1918 г. назначили Н.И. Якушенко. Отныне все пропуска на автомобили для оперативных и прочих целей должен был выдавать дежурный секретарь, а для председателя в экстренных случаях выделялся особый автомобиль³⁸.

К началу мая 1918 г. «линейными» подразделениями ВЧК, то есть отвечавшими за направления чекистской работы, являлись отделы по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, должностными преступлениями и Информационный³⁹.

Отдел по борьбе с контрреволюцией, который после ухода в конце февраля 1918 г. из ВЧК Щукина после его служебного конфликта с Дзержинским возглавил Полукаров (в середине мая на время болезни последнего его заменял сам Дзержинский), на начало мая 1918 г. насчитывал 29 руководящих, следственных оперативных и старших канцелярских работников*.

На 1-й Всероссийской конференции ЧК 13 июня было принято положение об Отделе по борьбе с контрреволюцией. Основной частью отдела было Секретное отделение, ведущее борьбу с контрреволюционными организациями, политическими партиями, не стоящими на советской платформе, а также осуществляющее наблюдение за армией. Помимо заведующего, в состав учрежденного президиума отдела должны были входить секретарь, которому подчинялся заведующий оперативной частью, и канцелярия, заведующие секретным отделением, внешним наблюдением и наблюдением за армией. Через президиум осуществлялся прием сотрудников⁴⁰.

---

* Заведующий И.Н. Полукаров, зам. зав. Г.Д. Закс, секретари А.Н. Терентьева, Григорьев и В. Кожура (врио секретаря), пом. секретаря И.К. Гукало, делопроизводитель В.А. Гайле, зав. Бюро разведки В.П. Янушевский, пом. зав. Бюро разведки В.В. Артишевский, члены отдела А.Я. Березин и Ф.Н. Чугунихин, комиссары И.О. Матулевич, А.П. Шерстобитов, Ф.В. Горбатов, Черкашин, Олехно, Иваненко, Титов, Марков, Ф.А. Мельник, Ю.К. Пискунов, В.Ф. Паличkevич, следователи Александров, А.М. Трепалов, М.А. Венгеров, Н.Е. Гальперштейн, Я.М. Дабол, А.И. Ротенберг, З.И.(?) Кикодзе (ЦГАМО. Ф. 4619. Оп. 2. Д. 140. Л. 51–51об).

К осени 1918 г. Отдел по борьбе с контрреволюцией, возглавлявшийся последовательно Полукаровым, М.Я. Лацисом (с 20 мая 1918 г.) и Н.А. Скрыпником (с 16 июля 1918 г.), стал основной структурой в системе чекистского ведомства. На конец сентября, помимо Секретного отделения, он включал отделения, занимавшиеся военной контрразведкой, борьбой с антисоветской прессой, Регистрационное бюро, проводившее оперативный учет и содержавшее архив отдела, Бюро фотографии, а также Отделение хранилищ (бывший самостоятельный отдел), предназначенное для хранения конфискованных и реквизированных вещей. Сотрудники Контрреволюционного отдела вели следствие, проводили аресты, обыски, занимались наружным наблюдением и агентурной деятельностью^{41,*}. Основу подотдела связи составляла телефонная станция, которую Президиум ВЧК создал 20 мая 1918 г. для «выслушивания разговоров контрреволюционеров»⁴². Таким образом, отдел совмещал в себе множество самых разных направлений деятельности, что делало его крайне гипертрофированным образованием.

О том, что Отдел по борьбе с контрреволюцией являлся самым важным в ВЧК, особенно в период «красного террора», свидетельствует и то, что как раз в это время его строение во многом стало повторять структуру всего учреждения. 5 сентября 1918 г. было издано постановление о реорганизации коллегии отдела и образовании в ее составе более узкого президиума. В коллегию входили: заведомом Н.А. Скрыпник, секретарь отдела В.Н. Манцев (на эту должность он пришел в начале сентября из ВСНХ), заместители Я.Я. Закис, В.Н. Яковлева и В.П. Янушевский, а в президиум – трое первых⁴³.

Важное направление деятельности Отдела по борьбе с контрреволюцией – военная контрразведка – было связано с борьбой вокруг участия военспецов в Красной Армии. Линия ВЧК по этому вопросу расходилась с линией председателя

---

* На 25 сентября 1918 г. структура отдела была следующей: заведующий (Н.А. Скрыпник), заместители заведующего (Я.Я. Закис, В.Н. Яковлева и В.П. Янушевский), секретарь (В.Н. Манцев), Следственная часть (Я.Я. Закис), Оперативная часть (Ж.Я. Шимкус), разведка (К.И. Лашков), Военное отделение (В.П. Янушевский), Секретное (политическое) отделение (А.М. Трепалов), Отделение хранилищ, Бюро печати (В.Я. Забельский), Регистрационное бюро (Д.Г. Евсеев), Бюро фотографии (К.И. Яункалн).

РВС Л.Д. Троцкого, взявшего курс на массовое привлечение царских офицеров. Уже в январе 1918 г. Дзержинский поднял вопрос о ликвидации старой военной контрразведки. Совнарком не поддержал его, и при РВС был создан Военный контроль, наполовину состоявший все из тех же военспецов. Тем не менее Президиум ВЧК 9 апреля 1918 г. постановил «взять в ведение ВЧК работу по военной контрразведке»⁴⁴. В первых числах июня в Отделе по борьбе с контрреволюцией было создано секретное отделение, занимавшееся борьбой с немецким шпионажем и контролем за германским посольством. Возглавил его Я.Г. Блюмкин*, ранее являвшийся помощником и исполняющим обязанности начальника штаба 3-й армии, отступающей из Одессы от германских и австро-венгерских войск. Однако просуществовало оно недолго. В литературе разнятся сведения о времени его ликвидации. Часто утверждается, что это произошло в районе 1 июля 1918 г., подтверждением чему служат показания, данные Особой следственной комиссии по делу о заговоре и выступлении левых эсеров (председатель – П.И. Стучка, члены – В.Э. Кингисепп и Я.С. Шейнкман) Дзержинским (10 июля) и Лацисом (16 июля). Дзержинский показал, что за несколько дней, может быть за неделю, до покушения на германского посла графа В. Мирбаха он получил от Ф.Ф. Раскольников^{**} и О.Э. Мандельштама^{***} информацию о вызывающем поведении Блюмкина. Заключалось оно, в частности, в осуществленной в присутствии Мандельштама угрозе подписать поэт^у Пусловскому на некой бумаге смертный приговор, в результате чего он спустя два часа будет расстрелян^{****}. Полученные от Раскольников^а и Мандельштама сведения (видный большевик оказался здесь как нельзя кстати, поскольку од-

---

* Блюмкин подавал в ВЧК свой проект по расширению отделения в центр Всероссийской контрразведки, но эта идея не нашла поддержки у большинства членов Комиссии (Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 264).

** Раскольников – бывший замнаркома по морским делам, в это время находился в столице между командировками в Новороссийск и на Восточный фронт.

*** Знаменитый поэт, тогда заведовал художественно-педагогическим подотделом Отдела реформы высшей школы Наркомпроса, а ранее руководил Бюро печати Комиссии по разгрузке Петрограда.

**** Это, естественно, было досужей выдумкой Блюмкина, поскольку приговор могли вынести голосованием лишь члены

ному беспартийному служащему невысокого ранга, каковым являлся Мандельштам, предВЧК мог и не поверить) Дзержинский передал своему заместителю Александровичу и в тот же день на собрании Комиссии предложил отделение Блюмкина ликвидировать, а самого его пока оставить без должности. Но тут же он оговаривался, что до получения объяснений от левэсеровского ЦК решил о данных против Блюмкина ВЧК не докладывать⁴⁵. Однако большой тайной сведения Раскольникова и Мандельштама, вероятно, не стали, поскольку в письме Ленину и ЦК РКП 25 июля 1918 г. Партколлектив ВЧК писал, что примерно за неделю до мятежа в Комиссии появились слухи о подозрительном поведении Блюмкина⁴⁶.

В отличие от Дзержинского непосредственный начальник Блюмкина по отделу – Лацис – был более категоричен в показаниях относительно этого отделения: он заявил, что в отделе хода Блюмкину не давал и после первых жалоб на того со стороны подчиненных решил вообще удалить его, в результате чего за неделю до 6 июля отделение было расформировано, а Блюмкин остался без определенных занятий⁴⁷. Но в показаниях Лациса могли иметь место стремление задним числом, «досрочно» избавиться от скомпрометированного работника и, кроме того, учитывая его старое неприязненное отношение к партии левых эсеров, попытка выдать желаемое за действительное. Однако 1 июля, то есть тогда, когда, по словам Лациса, отделение уже было расформировано, Блюмкин представлял ВЧК на заседании Комиссии по организации разведки и контрразведки при Наркомвоене⁴⁸. Кроме того, согласно показаниям самого Блюмкина, данным год спустя, 4 апреля он сдавал материалы одного из дел Лацису, а 6 июля перед самым покушением снова их брал, причем он подчеркивал, что в тот день обычно работал в Комиссии⁴⁹. Выходит, что до восстания левых эсеров Секретное отделение вообще не расформировывалось? Однозначный ответ мог бы дать упомянутый Дзержинским и Лацисом протокол заседания ВЧК, но он, как и другие протоколы за конец мая – сентябрь, не сохранился. Однако в блюмкинском портфеле, оставшемся в посольстве, сотрудниками МУРа была

ВЧК, а он таковым не являлся, но, что интересно, делом Пусловского действительно занимался – об этом свидетельствовало письмо с подписью последнего на немецком языке в переводе на русский в его портфеле, оставленном в германском посольстве и после покушения обысканном сотрудниками угрозыска.

сделана одна находка, которая в какой-то мере может пролить свет на данный вопрос. Речь идет о папке с надписью: «Бумаги по ликвидации Отделения», в которой соответствующие документы отсутствовали, а находилась лишь копия секретного документа о роли германского и австрийского Генштабов в отношении России⁵⁰. Сопоставляя все вышеизложенное, можно прийти к выводу, что в каком-то виде решение о расформировании отделения все-таки приняли (по всей видимости, из-за поведения Блюмкина), но вплоть до убийства Мирбаха оно не было проведено в жизнь.

8 июля 1918 г., согласно материалам делопроизводства Отдела по борьбе с контрреволюцией, к сожалению, не вошедшим в сборник «Архив ВЧК»⁵¹, было создано Военное отделение. Произошло это, скорее всего, на основе слияния небольшого аппарата заведующего наблюдением за армией (его возглавлял, вероятно, член коллегии отдела Ф.Н. Чугунихин) с расформированным бывшим блюмкинским Секретным отделением (отныне подобное название получило Политическое отделение отдела) и Контрразведывательным бюро отряда Д.И. Попова. Функциями созданного подразделения были уже не только наблюдение за военспецами Московского военного округа и осведомление политкомиссаров, но и борьба с переплетающимся с антибольшевистскими организациями иностранным шпионажем. Возглавил его член ВЧК, бывший начальник Бюро разведки отдела В.П. Янушевский, вскоре ставший и замначальника отдела, что показывало то значение, которое было придано новому подразделению⁵².

---

* Отец В.П. Янушевского П.С. Янушевский (1870–1934), являясь крупным инженером-путейцем, в годы Гражданской войны руководил Владикавказской железной дорогой и активно участвовал в Белом движении, в частности ездил в Англию для агитации в поддержку деникинских добровольцев. В декабре 1920 г., уже при большевистской власти, он был назначен председателем Кавказского окружного комитета, что вызвало протест со стороны местных совработников, направленный в Оргбюро ЦК РКП. Ленин поручил Дзержинскому разобраться в этой истории. 27 марта 1921 г. Дзержинский связался по телефону с его сыном, который в то время был зампредом ЧК Украины, и тот характеризовал отца как человека не только исключительной личной порядочности и честности, но и в настоящее время вполне лояльного к Соввласти. Дзержинский на следующий день письменно доложил об этом Ленину, в результате чего Янушев-

В сентябре 1918 г. произошли изменения в структуре и составе «исполнительных» подразделений Отдела по борьбе с контрреволюцией. Назначенный 5 сентября 1918 г. руково-

ский-старший был вызван в Москву и стал как старый «спец» членом совета НКПС и зампредом его Высшего технического комитета (Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 288, 682, 798).

В.П. Янушевский, будучи прапорщиком инженерных войск, в сентябре 1917 г. вступил в большевистскую партию, являлся членом Московского исполкома. После Октябрьского восстания Янушевский командовал красногвардейским отрядом (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 21936). С марта по июль 1918 г. он последовательно занимал должности председателя Комиссии по борьбе с контрреволюцией при Президиуме Моссовета, представителя Исполкома Моссовета в ВЧК, зав. Бюро разведки при Контрреволюционном отделе, зам. зав. этого отдела. Именно он, по всей видимости, упомянут в документальной повести В.Ф. Кравченко, посвященной чекисту Я.Я. Буйкису, как безымянный начальник контрразведки ВЧК, обсуждавший по просьбе Дзержинского с героем книги и другим комиссаром Отдела по борьбе с контрреволюцией Я.Я. Спрогисом, как внедриться в Петрограде в антибольшевистскую организацию (*Кравченко В.Ф.* Под именем Шмидхена. М., 1970. С. 30–32). Правда, судя по всему, данная беседа состоялась в июне, когда Янушевский еще формально не был начальником Военного отделения (контрразведки), а возглавлял Бюро разведки. Но, даже просматривая протоколы заседаний ВЧК, можно обнаружить, что контрразведчики и внутренние разведчики (внешних в то время еще не было, не считая доверенных лиц Дзержинского) нередко фактически отождествлялись, а внедрением в антибольшевистские организации (что на самом деле не так уж и часто имело место) как раз и должно было заниматься Бюро разведки.

Кроме того, в книге Кравченко наблюдается некоторый «сдвиг» в хронологии службы Буйкиса. Согласно повести, он начал чекистскую службу в марте 1918 г., то есть фактически сразу после переезда Комиссии в Москву. Между тем, как следует из, наверное, самой ранней из сохранившихся его анкет, заполненной в сентябре 1918 г., произошло это в середине мая (ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Л. 80). Вряд ли автора волновал вопрос, каким именно подразделением руководил в момент беседы Янушевский, да и Буйкис за истекшие полвека мог это просто запечатлеть, а уточнять по документам данные для этого проходного сюжета, к тому же, по сути, художественного произведения, Кравченко не стал.

директором Бюро разведки Лашков согласовал с руководством отдела проект его реорганизации, направленной на большую

Но почему же он в книге не назвал его фамилии? Ответ может крыться в дальнейшей биографии Янушевского. Дело в том, что в середине 1920-х гг. Янушевский, работая научным сотрудником в Госплане, стал активным участником троцкистской группы в этом учреждении, возглавлявшейся И.А. Бурцевым, за что в 1926 г. был под предлогом сокращения штатов уволен с работы, а спустя 2 года, когда гонения на оппозиционеров приобрели уже массовый и открытый характер, был исключен из партии, арестован ОГПУ и осужден Особым Совещанием к ссылке. Затем он работал на Дальнем Востоке, и последней должностью, которую он занимал, была помощник начальника контрольно-планового отдела Байкало-Амурского управления лагерей. 25 августа 1936 г., в день расстрела осужденных по процессу «Троцкистско-зиновьевского террористического центра», Янушевский был вновь арестован (у него были обнаружены письма Троцкого), привезен в Москву и после 11-месячного следствия Военной Коллегией Верховного Суда СССР осужден к высшей мере наказания. Интересно, что официально признан невиновным он был пленумом Верховного Суда только в июле 1990 г., в отличие от подавляющего большинства других участников троцкистской оппозиции, которые по делам периода Большого террора были реабилитированы если и не после XX, то после XXII съезда КПСС (правда, многие из них только в юридическом, а не в партийном отношении, как, например, тот же коллега Янушевского по Госплану Бурцев, проведенный в заключении и ссылке в общей сложности 17 лет). Вероятно, дело было лишь в чисто бюрократической процедуре – отсутствии обращения родственников, которых просто могло у Янушевского не остаться. Однако В.Ф. Кравченко, который руководил Пресс-бюро КГБ СССР, в целях перестраховки так и не решился назвать нереабилитированного троцкиста, точно так же как и указать фамилию председателя аттестационной комиссии, присвоившей в 1935 г. Буйкису звание капитана госбезопасности – им был наркомвнудел Г.Г. Ягода (там же. С. 223).

Существует, правда, и другая версия, высказанная А.А. Здановичем: неназванный Кравченко начальник чекистской контрразведки не кто иной, как савинковский разведчик, полковник Ф.А. Бредис, контактировавший с Петерсом (*Зданович А.А. Латышское дело. – Военно-исторический архив, 2004, № 3. С. 29–30*). Однако, по нашему мнению, данная версия крайне маловероятна. Бредиса можно было назвать как угодно, но только не «опытным чекистом», как написал о «начальнике контрразвед-

конспиративность в работе: отныне большинство разведчиков не должны посещать здание на Лубянке и видаться со своими кураторами на частных квартирах, для обысков они, как правило, тоже больше не должны были употребляться, и, наконец, заведующий Бюро фотографии Яункалн должен был для них подобрать соответствующий гардероб из конфискованных вещей⁵³. В этом явно присутствовало стремление в обстановке «красного террора» ограничить деятельность секретных сотрудников, ко многим из которых чекистское руководство не питало большого доверия. Изменения произошли в построении следственного аппарата, включавшего следователей особых поручений, дежурных следователей, и коснулись входившей в Военное отделение группы военследователей. 24 сентября 1918 г. по докладу зампреда отдела, руководившего одновременно Следчастью, Я.Я. Закиса в Следчасти отдела создавалась своя коллегия в составе В.В. Липшица (от дежурных следователей), М.Я. Лапшина (от следователей для особых поручений) и Шмидта (вероятно, от военной группы). В нее же входил и сам Закис, имевший право *вето*. (Примечательно, что спустя 10 дней Липшиц станет замначальника отдела, а Шмидт позднее возглавит в отделе Следчасть.) Следователи отныне могли присутствовать во время обысков, но не принимать в них участия с тем, чтобы хоть как-то уменьшить почву для злоупотреблений. Наконец была отвергнута идея о сосредоточении в Следчасти всего архива подразделения⁵⁴.

Отдел по борьбе с контрреволюцией в отличие от других «линейных» отделов имел мощную регистрационную структуру с архивом. Предыстория ее создания следующая. Спустя три дня после левоэсеровского восстания всю отработанную бумажную документацию изъяли из находившегося до последнего момента в ведении левых эсеров Хозотдела, после чего она оказалась в Общей канцелярии⁵⁵. В.К. Виноградов, по нашему мнению, ошибается, когда пишет, что 1 сентября 1918 г. был сформирован Регистрационно-справочный отдел

ки» Кравченко, – с чекистами он находился больше по разные стороны баррикад и в конечном итоге был ими расстрелян (хотя у Петерса планы по использованию своего земляка, возможно, действительно имелись). В конце концов, если предположить, что Буйкиса и Спрогиса консультировал на самом деле Бредис, то возникает вопрос: почему в таком случае Кравченко вообще не опустил в книге данный эпизод?

во главе с В.Э. Кингисеппом⁵⁶. На самом деле в этот день был образован не самостоятельный отдел, а Регистрационное бюро в Контрреволюционном отделе. Относительно же Кингисеппа допущена серьезная неточность не только Виноградовым, но и автором настоящего исследования в вышедшей в 2005 г. книге, о том, что он возглавлял регистрационную структуру⁵⁷. На самом деле в чекистском постановлении от 1 сентября говорилось, что ему было поручено ее организовать. Еще 23 апреля 1918 г. руководство ВЧК, признав определенное несовершенство в построении обвинений (в техническом плане) и самом учете обвиняемых, объясняемом недостатком познаний сотрудников в юридической области, признало желательным для решения этих проблем привлечь в ВЧК опытного юристконсультанта из лиц, вполне пользующихся доверием ВЧК⁶⁴. Пришедший в августе на следственную работу в ВЧК Кингисепп был вполне подходящей фигурой: с одной стороны, он являлся выпускником юрфака Петроградского университета, а с другой – видным большевиком, ранее возглавлявшим отделы исполкома Эстонского края в непродолжительный период Советской власти в этом регионе. Но далеко не всегда организатор подразделения становился его руководителем, и Кингисепп, сосредоточившись на особо важных делах, причем даже не в Контрреволюционном отделе, а в Президиуме ВЧК, по всей видимости, таковым не являлся. Начальником же Регистрационного бюро стал бывший член ВЧК Д.Г. Евсеев – в то время инспектор-инструктор при коллегии Иногородного отдела, одновременно возглавивший организованные 2 сентября 1918 г. курсы по подготовке чекистских ответработников – соответственно, материалы дел ему были нужны и в учебных целях. О том, что именно Евсеев возглавлял Регистрационное бюро Отдела по борьбе с контрреволюцией, свидетельствует, в частности, тот факт, что 24 сентября президиум отдела поручил ему составить годичный отчет, в котором должны были содержаться сведения о количестве дел, в том числе разрешенных и сданных в архив, общем числе репрессированных по политическим делам и их классификация⁵⁹.

Интересно, что впоследствии М.Я. Лацис писал, что Евсеев был назначен заведующим архивом ВЧК⁶⁰. Однако он явно вольно трактовал его должность (дело здесь не только в прошедших трех с половиной годах, но и еще в большей мере в том, что в период работы Евсеева в Отделе по борьбе с контрреволюцией Лацис отсутствовал в Москве). Архивом же

в возглавляемом Евсеевым подразделении заведовала беспартийная сотрудница с окладом рядового делопроизводителя, до поступления в ВЧК в марте 1918 г. находившаяся на канцелярской работе в ревкоме 1-й армии, С.А. Шворина⁶¹. Что же касается Евсеева, то данную должность он занимал, по-видимому, до ноября 1918 г., когда в связи с поступлением на учебу в Академию Генштаба он сдал дела члену Ревбюро А.П. Дороговой, бывшей работнице МК партии, перешедшей в ВЧК в августе 1918 г.⁶² Впрочем, вскоре архив был выделен из Ревбюро и стал самостоятельным подразделением (точнее, в составе Общей канцелярии), а возглавил его бывший секретарь Коллегии Наркомзема Н.Н. Мещеряков⁶³. В.К. Виноградов не совсем точен, когда пишет, что возглавивший архив Мещеряков был заведующим канцелярией ВЧК⁶⁴. Он действительно занял последнюю должность, однако произошло это позднее – весной 1919 г., но тогда «архивный» пост он сдал своему подчиненному Б.Э. Хржонцу.

Структура Отдела по борьбе со спекуляцией в силу значительно меньшего количества стоявших перед ним задач была более простой и состояла из Следственной и Секретной (оперативная работа) частей. Соответственно, гораздо меньшей была численность его личного состава: в начале мая 1918 г. в отделе было 17 руководящих, следственных, оперативных и старших канцелярских работников*. Вплоть до своего расформирования в начале декабря 1918 г. структура Отдела по борьбе со спекуляцией оставалась практически без изменений**.

Весной 1918 г. определилось еще одно важное направление чекистской деятельности – борьба с должностными преступлениями, включавшими уже не только саботаж доре-

---

* Зав. отделом В.В. Фомин, зам. зав. В.И. Савинов, секретарь Г.С. Мороз, зав. делопроизводством Ф.И. Слюсаренко, комиссары Тобиас, Стивено, И.М. Гадло, сотрудник для особых поручений Х.В. Пинес, следователи Д.И. Гразкин, Гришин (В.Г. Гриш), И.К. Даниловский, Зайцев, Я.Я. Закис, В.Т. Лебедев, С.Н. Лебедев, М.Ю. Лосев, И.Ю. Пульяновский (ЦГАМО. Ф. 4619. Оп. 2. Д. 140. Л. 51об.).

** На 25 сентября 1918 г. структура Отдела по борьбе со спекуляцией была следующей: зав. (В.В. Фомин), зам. зав. (Ф.И. Слюсаренко), секретарь (Н.М. Лазарев – ранее он заведовал чекистской столовой), Следственная часть (возможно, Х.В. Пинес), Секретная часть (А.Я. Спрадзе) (установлено на основании анкет сотрудников отдела [ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10] и др. источников).

волюционных служащих, но и различные служебные злоупотребления работников госучреждений и предприятий. 20 марта 1918 г. был создан Отдел по борьбе с преступлениями по должности⁶⁵. Это подразделение поначалу возглавлял зампред ВЧК В.А. Александрович, с апреля 1918 г. – М.Н. Гуркин, а с середины июня 1918 г. – А.И. Пузырев. Оно было организовано на базе Банковского подотдела Отдела по борьбе с контрреволюцией, а бывший заведующий подотделом Делафар стал членом коллегии нового отдела и вошел в состав членов ВЧК. Кроме того, в новое подразделение вошел и другой бывший подотдел Контрреволюционного отдела – Уголовный, который возглавил И.А. Визнер, ранее служивший в Московском окружном военкомате⁶⁶. К началу мая 1918 г. руководящее ядро отдела составили свыше 10 чел.**

* Примечательно, что незадолго до поступления на чекистскую службу, 24 марта 1918 г., Визнер был арестован ВЧК. Ему было предъявлено обвинение по показаниям его арестованного сослуживца, что, находясь на службе в штабе армии Ю.В. Саблина на Украине в качестве организатора партизанских отрядов в тылу германских войск, Визнер пытался присвоить себе денежную сумму и уехать с ней в Америку. Однако ведший следствие Дзержинский, знавший Визнера по Польской социал-демократической партии, в которой тот состоял с 1905 г., в течение нескольких дней прекратил дело и, по-видимому, тогда же предложил ему работу следователя в Отделе должностных преступлений (ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 1. Д. 678. Л. 11, 74, 164, 165, 166), поскольку в конце марта он уже стал там работать и 2 апреля оказался вместе с членами ВЧК Петерсом и Черновым в составе следственной комиссии по деятельности отряда Панюшкина (Архив ВЧК. С. 197). Это свидетельствует о серьезном дефиците чекистских кадров, в результате чего на ответственные посты приходилось выдвигать даже лиц, подозревавшихся в должностных преступлениях. Так, например, ввиду значительного числа арестованных анархистов (около 400 чел.) 13 апреля 1918 г. было решено дополнительно усилить штат следователей в количестве 12 лиц. Через два дня Закс, выступая на заседании ВЧК с докладом о ходе следствия по данному делу, заявил о тяжелых условиях работы, вызванных не только внешними факторами, но и недостатком следователей. Три дня спустя, получив телеграмму из Петрозаводского совета о присылке от Комиссии представителя для расследования организации в городе Белой гвардии, ВЧК предложила совету самостоятельно произвести расследование, так как за неимением свободных следователей командирование невозможно (там же. С. 210, 212, 217).

11 мая 1918 г. ВЧК приняла положение об Отделе по борьбе с преступлениями по должности. Согласно ему отдел состоял из заведующего, секретаря и членов отдела. Отдел выбирал из своей среды президиум в числе не более трех человек, который совместно с заведующим руководил работой подразделения, а также подбирал штат сотрудников. При отделе имелись коллегии следователей и комиссаров, назначавшихся заведующим отделом, их число определялось на общем собрании отдела. Обязанности следователя состояли в самостоятельном ведении следствия, он давал отчет только общему собранию отдела. Комиссары могли вести обыски, выемки документов, аресты, а также проводить следствие под ответственностью отдельных следователей и исполнять по их указаниям отдельные следственные действия⁶⁷. Эта структура отдела сохранялась в неизменном виде вплоть до его расформирования в начале декабря 1918 г.^{***}

31 марта 1918 г. постановлением ВЧК были конкретизированы задачи Информационного отдела. В постановлении говорилось, что все сообщения печати о деятельности ВЧК и ее отделов сосредотачиваются в Информационном отделе, начальником которого назначался журналист Я.М. Лурье. Ему было выдвинуто требование отказа от всякого сотрудничества с буржуазной прессой, а в социалистические газеты разрешалось давать статьи о тех делах, которые признавались Комиссией подлежащими опубликованию⁶⁸. В распоряжение этого же отдела было передано Бюро печати, контролировавшее оппозиционную прессу. О значении, придававшемся в ВЧК Информационному отделу, говорит тот факт, что 15 апреля 1918 г. его начальником был назначен вместо отстраненного от чекистской работы Лурье (с конца февраля временно исполнявшего обязанности после ушедшего из Комиссии Щукина), «как не соответствующего по своей про-

---

^{**} Зав. М.Н. Гуркин, секретарь В.Я. Ивановский, пом. секретаря Смирнов, члены отдела – Ф.Э. Дзержинский, Аббакумов, А.Х. Беленький, Кудрейко, М.Г. Владимиров, И.А. Визнер, М.К. Ихновский, И.Ф. Чибисов (ЦГАМО. Ф. 4619. Оп. 2. Д. 140. Л. 51об).

^{***} На 25 сентября 1918 г. структура Отдела по борьбе с преступлениями по должности была следующей: заведующий (А.И. Пузырев), заместитель (И.Ф. Чибисов), секретарь (В.Я. Ивановский), коллегия следователей (председатель М.К. Ихновский), коллегия комиссаров, Уголовный подотдел (И.А. Визнер) (установлено на основе анкет сотрудников отдела [ГАРФ. Ф. 3524. Оп.1. Д. 10] и др. источников).

шлой деятельности задачам Комиссии и до настоящего времени ничего не сделавшего по организации отдела», член ВЧК Петерс⁶⁹. При этом в Информационный отдел были влиты аналогичные по функциям подразделения Контрреволюционного отдела, в том числе восстановленное 19 марта 1918 г. и возглавлявшееся все тем же Лурье Бюро «по борьбе с контрреволюционной печатью» (не только в этом качестве, но и как начинформ материалы прессы он должен был предоставлять для чтения всем заведующим отделами)⁷⁰. Уже на третий день Петерс сделал доклад о необходимости принять меры к отмене существующего порядка, установленного Моссоветом, согласно которому газеты могут быть закрываемы лишь по постановлению ревтрибунала. Комиссия под председательством Александровича постановила войти в Совнарком с предложением «передать в руки ВЧК все дело борьбы с контрреволюционной печатью», для чего было решено делегировать председательствующего⁷¹. Впоследствии у ВЧК с Моссоветом неоднократно возникали трения по поводу разграничения полномочий в отношении печати.

К началу мая 1918 г. штат Информационного отдела состоял из 6 чел. В него входили: заведующий Петерс, секретарь Дроздов, делопроизводитель К.С. Гобов, заведующий Бюро печати В.Я. Забельский, заведущая Бюро иногородней печати Ю.Ю. Янель, заведующий Иногородним бюро П.А. Мюллер⁷². По-видимому, в середине июня Информационный отдел был расформирован. Бюро печати на правах отделения было передано в Отдел по борьбе с контрреволюцией, а остальные подразделения – в формирующийся Иногородний отдел. Петерс же остался на должности только зампреда ВЧК. Нужно отметить, что в литературе часто, по нашему мнению, ошибочно говорится о том, что он был вторым лицом в ВЧК еще с января 1918 г. Однако доступные нам и опубликованные, а также архивные документы свидетельствуют лишь об одном заместителе Дзержинского в период с января по начало мая 1918 г. – В.А. Александровиче. Петерс же в этот отрезок времени руководил Казначейством и Информационным отделом и являлся помощником председателя по Президиуму. Зампредом же он стал, по имеющимся косвенным данным, не раньше второй половины мая, но не позднее первой половины июня 1918 г., и 7 июля в связи со сложением председательских полномочий Дзержинским был назначен руководителем ВЧК, которым являлся до возвращения в председательское кресло первого 22 августа.

18 марта 1918 г. Организационный отдел был преобразован в Иногородный, ведавший создающимися региональными чрезвычайными комиссиями. В течение первых трех месяцев он представлял собой «коллегию по управлению чрезвычайными комиссиями на местах», в которую входили три полноправных члена – представители от каждого ведущего отдела. По итогам состоявшейся в июне 1-й Всероссийской чекистской конференции был организован аппарат отдела, основной частью которого стал Инструкторский подотдел, состоявший из штата инструкторов-организаторов местных ЧК, командировавшихся в провинцию. Отдел возглавил заведующий Спекулятивным отделом В.В. Фомин, ранее от Спекулятивного отдела входивший в его коллегию⁷³. Внутренние функции отдела постоянно менялись, в течение короткого времени ему ставились все новые задачи, в соответствии с этим изменялась и его структура. Если на 17 июня 1918 г. отдел состоял из трех подотделов: Инструкторского, Инспекторского и Снабжения, то уже на 11 июля в него входили следующие подотделы: Инструкторский, Железнодорожный, Пограничный, Связи, а также Информационное бюро⁷⁴.*. Создание в системе Иногородного отдела Пограничного подотдела было обусловлено тем, что некоторые из создававшихся региональных ЧК являлись пограничными, поскольку находились в приграничной зоне с оккупированными германскими войсками территориями, что накладывало на эти органы дополнительные функции по охране границы. Подотдел первоначально возглавил сам начальник отдела Фомин, а в августе 1918 г. его сменил бывший следователь Спекулятивного отдела Д.И. Гразкин.

Разгоравшаяся Гражданская война и проведение политики «военного коммунизма» привели к установлению чекистского контроля и за транспортом, в первую очередь за наиболее важным – железнодорожным. 1-я Всероссийская конференция ВЧК поставила вопрос о передаче железнодорожной охраны в ВЧК, мотивируя это ее ненадежностью в подавляю-

---

* На 25 сентября 1918 г. структура Иногородного отдела была следующей: заведующий (В.В. Фомин), секретарь (Г.С. Мороз), Инструкторская часть (Ю.Ю. Янель), Бюро информации (Я.Ю. Клявин), Железнодорожный подотдел (М.Н. Смирнов), Пограничный подотдел (Д.И. Гразкин), подотдел Связи (П.А. Мюллер) (установлено на основании анкет сотрудников отдела (ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10) и др. источников).

щем большинстве мест Советской России⁷⁵. 15 июня ввиду саботажа на железных дорогах, а также для охраны путей, Президиум ВЧК признал необходимым организовать Железнодорожный отдел. Членами коллегии этого подразделения, организованного через некоторое время на правах подотдела Иногородного отдела, стали Фомин, Полукаров и Закс⁷⁶. 7 августа 1918 г. вышло подписанное Лениным постановление Совнаркома, в котором говорилось о создании при ВЧК особого Железнодорожного отдела⁷⁷.

Однако постановление о создании самостоятельного Железнодорожного отдела реализовано не было. Железнодорожный подотдел в то время так и остался подразделением Иногородного отдела. Причин этому было несколько. Первая заключалась в том, что, по мнению начальника Иногородного отдела В.В. Фомина, для успешной охраны железных дорог необходима была более тесная связь соответствующего отдела с провинциальными ЧК, находившимися в ведении Иногородного отдела⁷⁸. Кроме того, не была до конца организована система железнодорожных ЧК. Наконец, важной причиной невыделения подотдела в самостоятельный орган было то, что, по словам Фомина, на предстоящей конференции чрезвычайных комиссий планировалось организовать «более общий орган борьбы за восстановление транспорта». «Поскольку “Главвод”, – писал Фомин, – также пришел к правильному решению вопроса о передаче борьбы с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией на всех водных системах в руки Чрезвычайных комиссий, этот вопрос борьбы за восстановление транспорта становится более централизованным... Как в центре, так и на местах после Конференции надо будет вместо железнодорожных отделов создать Отдел путей сообщения, в состав которого, как подотделы, войдут железные дороги, водно-речные и морские пути, шоссейные дороги и, как однородный по сложности аппарат, почтово-телеграфный, где ЧК также необходимо иметь своих комиссаров, выделенных из коммунистических фракций этих ведомств»⁷⁹.

Следствием августовского (1918 г.) постановления Совнаркома стали изменения в кадровом составе железнодорожного подразделения. Заведующим подотделом стал М.Н. Смирнов, членами коллегии – А.Н. Горбунцев, С.А. Коротков и В.Л. Мазия (секретарь подотдела). Трое из четырех членов новой коллегии до своего перехода в августе в ВЧК имели прямое отношение к системе Наркомата путей сообщения.

Двое из них – М.Н. Смирнов, ставший заведующим подотделом, и С.А. Коротков – были членами исполкомов, соответственно, Александровской и Самаро-Златоустовской железных дорог, а третий – А.Н. Горбунцев – служил непосредственно в НКПС⁸⁰.

Помимо основных отделов, занимавшихся борьбой с противниками большевистской власти, должностными преступлениями и т.д., во второй организационный период в системе ВЧК создавались отделы, предназначенные для решения некоторых важных задач, стоявших перед столичными властями. Так, с 21 августа 1918 г. при ВЧК начал функционировать Отдел стратегического уплотнения (заведующий Э.И. Карповиц). В его функции входили обследование и реквизиция помещений верхних этажей, признанных новой властью важными в стратегическом отношении. Отдел наблюдал за ходом выселения из реквизированных у буржуазии квартир и заселением их «советским» элементом по ордерам Президиума Моссовета и Центральной жилкомиссии. Кроме того, у подразделения были полномочия накладывать штрафы или реквизировать имущество лиц, не исполнявших распоряжения ВЧК⁸¹. Летом 1918 г. при ВЧК был создан отдел, занимавшийся контролем столичных складов*. Наконец, в начале сентября 1918 г. при ВЧК был создан отдел, руководивший создававшимися районными ЧК. Повсеместная организация районных ЧК в Москве началась летом 1918 г. Они должны были в условиях разгоравшейся по всей стране Гражданской войны принять на себя некоторые столичные функции ВЧК. К 30 августа 1918 г. РЧК приступили к работе почти во всех районах Москвы. Они содержались на средства ВЧК, которой направляли крупные и групповые дела, тогда как мелкие

---

* ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. В этом деле сохранилось около двух десятков анкет служащих Отдела контроля складов, но, к сожалению, отсутствует анкета заведующего. В документах, касающихся деятельности отдела, указана фамилия и первая буква инициалов его начальника – А. Антонов (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 201. Л. 40–43), но каких-либо подробных сведений об этом человеке у нас не имеется. Известно только, что до того, как возглавить отдел, Антонов являлся казначеем при Президиуме ВЧК (на 2 июля 1918 г.), то есть был на должности, в свое время занимавшейся Петерсом, а также то, что до революции он, возможно, был как-то связан (по хозяйственным делам?) с духовенством (Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 55, 65).

дела, наоборот, передавались из центрального аппарата в РЧК⁸². Отдел районных ЧК возглавил бывший член коллегии Уральской областной ЧК и комендант дома Ипатьева, руководивший расстрелом царской семьи, Я.М.(Х.) Юровский.

С первых месяцев существования ВЧК перед ее руководством встала проблема создания внутри нее подразделения, призванного осуществлять контроль за деятельностью самого карательного органа. 13 мая 1918 г. на заседании ВЧК была организована Контрольная комиссия, первоначальными функциями которой стали наблюдение за внутренним порядком охраны и ведение выдачей пропусков в здание ВЧК. Ее председателем был назначен комендант ВЧК Л.М. Заковский⁸³. Однако на этом же заседании говорилось о том, что функциями организованной комиссии должны стать и борьба со злоупотреблениями сотрудников, и предотвращение различных конфликтов. Дзержинскому и членам ВЧК Г.Д. Заксу и И.С. Кизильштейну (представителю Совнаркома Москвы и области) было поручено обратиться во ВЦИК, а также в ЦК большевистской и левозсеровской партий с просьбой о делегировании в Контрольную комиссию надежных и работоспособных партийных товарищей⁸⁴. Наконец, 20 мая 1918 г. Президиум ВЧК, обсудив вопрос об организации Ревизионной комиссии, принял решение передать ее функции Контрольной⁸⁵.

В принятой 11 июня 1918 г. на 1-й Всероссийской чекистской конференции резолюции говорилось, что Контрольно-ревизионная коллегия ставит своей задачей борьбу со всякими злоупотреблениями, чинами, отдельными лицами, имеющими то или иное соприкосновение с комиссией и учреждениями, входящими в состав ВЧК. Она должна состоять из трех представителей ВЧК. Коллегия во внутренней своей работе была автономна. Ей предоставлялось право самой набирать штат своих служащих: секретаря, бухгалтера, машинисток и т.д.⁸⁶ Однако, когда реально она начала функционировать, нам неизвестно. Первые достоверные данные о ее работе относятся к концу сентября 1918 г.⁸⁷ Возглавил Контрольно-ревизионную коллегию член ВЧК В.И. Савинов. Он являлся сотрудником ВЧК почти с самого ее основания, с марта 1918 г. входил в состав ее членов и до назначения в Контрольно-ревизионную коллегию был заместителем начальника и заведующим Секретной частью Спекулятивного отдела⁸⁸. От Московского комитета партии в коллегию вошел бывший военком Сокольнического района Ф.Д. Медведь⁸⁹. К сентяб-

рю 1918 г. Контрольно-ревизионная коллегия при ВЧК состояла уже из пяти членов^{90,*}.

Еще одним подразделением при ВЧК был созданный летом 1918 г. для руководства чекистскими отрядами Военный штаб. С марта по конец апреля 1918 г. численность вооруженных формирований ВЧК в центре серьезно возросла за счет прикомандирования нескольких отрядов. 18 марта 1918 г. после включения в состав ВЧК отряда балтийских матросов под командованием А.Я. Полякова чекистские отряды было решено объединить в единый Боевой отряд под временным руководством члена Оперативного штаба С.П. Чернова. 8 апреля 1918 г. Дзержинский обратился в МВО с просьбой передать в ВЧК прибывший из Гельсингфорса Красный советский финляндский отряд, получил согласие, и 13 апреля это формирование было признано за основное в Боевом отряде. Общее руководство Боевым отрядом было возложено на Оперативный штаб, который возглавил Д.И. Попов, а Чернов стал его помощником⁹¹. Самостоятельным был оставлен только Свеаборгский отряд ввиду надежности его личного состава из-за довольно высокого процента коммунистов, причем был признан желательным переход свеаборжцев на оперативную работу в качестве комиссаров и разведчиков⁹². Кроме того, в него не были включены отряды шоферов и разведчиков. Фактически Боевой отряд представлял собой лишь группу чекистских вооруженных формирований, располагавшихся в столице, и как мощная боевая единица до конца оформлен не был. Его функциями были: несение караула, охрана ВЧК, участие в подавлении антибольшевистских восстаний, а до середины мая – и производство облав, арестов и обысков. 15 мая ВЧК постановила лишить отряд права самостоятельно производить операции обысков и арестов и не выдавать на него книги ордеров. С этого времени участие бойцов отряда в этих операциях носило эпизодичес-

---

* Диапазон вопросов, рассматривавшихся этой коллегией, был довольно широким. Так, например, 12 сентября 1918 г. президиум Отдела по борьбе с контрреволюцией по заявлению его казначея В.В. Шибова решил обратиться к чекистскому руководству дать распоряжение Контрольно-ревизионной коллегии проверить счета бывшего сотрудника отдела Я.Г. Блюмкина, который уже более 2 месяцев находился в розыске (Архив ВЧК. С. 268). К сожалению, неизвестно, была ли проведена указанная проверка и что она обнаружила.

кий характер⁹³. Боевой отряд находился в распоряжение Президиума ВЧК⁹⁴.

На 1-й Всероссийской конференции ЧК, проходившей в Москве 11–14 июня 1918 г., с докладом о необходимости создания особого корпуса, включавшего бы уже не только отряд ВЧК, но и вооруженные формирования местных чрезвычайных комиссий, выступил член ВЧК Полукаров⁹⁵. По его докладу конференция приняла соответствующее постановление. Согласно ему, корпус должен был являться подразделением при ВЧК. Во главе него стоял председатель Комиссии, при котором создавался Военный штаб из 4 лиц (членов ВЧК), распределяющий оперативные, строевые, инструкторские, инспекционные и снабженческие функции. 13 июня в соответствии с решением конференции ВЧК подчинила отряды в центре организованному Военному штабу, который начал функционировать спустя примерно месяц⁹⁶. В его состав, помимо начальника и секретаря, входили заведующие снабжением, оперативной и дежурной частями⁹⁷. Создание же самого корпуса пока осталось только проектом. Первым начальником Военного штаба был назначен подполковник царской армии В.В. Каменщиков*. На данном посту он пробыл недолго. Уже 1 августа Каменщикова откомандировали в распоряжение Наркомвоенмора, и врид начальника штаба был назначен его помощник Полукаров. 1 октября 1918 г. Полукарова сменил полковник старой армии К.М. Валоубуев, до своего назначения командовавший Московской резервной дивизией¹¹⁰. Однако до декабря 1918 г. и он оставался врид начальника штаба, возможно, по причине позднего вступления в партию – в 1918 г. Таким образом, перед чекистским руководством встала проблема подбора руководителя чекистского войскового штаба, имевшего бы, с одной стороны, серьезный военный опыт, а с другой – дореволюционный партийный стаж. Однако решить ее в то время так и не удалось, и Валоубуев в декабре 1918 г. был утвержден в своей должности. В ноябре 1918 г. все закрепленные за цент-

---

* В июне 1917 г., будучи членом армейского комитета 2-й армии, Каменщиков вступил в большевистскую партию. После Октябрьского восстания его назначили командующим Запфронтом, а затем военкомом Западной области. В июне 1918 г. на 1-й чекистской конференции Каменщиков был выдвинут начальником Военного штаба и членом ВЧК, а официально назначен 15 июля 1918 г. (*Штутман С.М.* Внутренние войска: история в лицах. М., 2004. С. 75–77).

ральным чекистским аппаратом отряды были объединены в 1-ю отдельную роту ВЧК, командовать которой стал комендант ВЧК Я.М. Дабол^{99,*}.

Все возраставшее число политзаключенных потребовало создания 18 марта 1918 г. Тюремного отдела, который возглавил Д.Г. Евсеев¹⁰⁰. Отдел не имел своего аппарата и в июле 1918 г. на правах отделения был передан в Комендатуру (Евсеев еще в июне стал работать инструктором-инспектором Иногородного отдела и, кроме того, входил в Военный штаб). После объявления «красного террора», в связи с передачей 16 сентября 1918 г. Бутырской тюрьмы из Наркомюста в ВЧК, Тюремный подотдел стал мощной структурой в системе лубянского ведомства¹⁰¹, хотя и оставался формально в системе Комендатуры. Подразделение возглавил Я.А. Бялогородский, одновременно назначенный комендантом Бутырской тюрьмы¹⁰². С этого времени в чекистском ведомстве сложилось положение, когда заведующий Тюремным отделом одновременно руководил главной подведомственной ВЧК тюрьмой (впрочем, оно не всегда соблюдалось).

После роспуска Оргкомиссии 24 февраля 1918 г. прием новых служащих осуществлялся через чекистский Президиум. Однако после переезда в Москву Дзержинский сделал попытку взять кадровые вопросы под свой личный контроль. 18 марта на заседании ВЧК, где, кроме Дзержинского, присутствовали Александрович, Гуркин, Ксенофонтов, Фомин, Полукаров, Емельянов, Ильин и Чернов, было решено, что каждый отдел обязан был сообщать о поступающих на службу председателю ВЧК, только с согласия последнего те могли

---

* В 1918 г. функциями Комендатуры поначалу были охрана чекистского здания и приведение в исполнение расстрельных приговоров. Штат ее в начале мая 1918 г. состоял из коменданта (Другова в начале месяца сменил Л.М. Заковский) и трех его помощников (Я.Р. Стыра, С.А. Смирнов и В.С. Вильнераг) (ЦГАМО. Ф. 4619. Оп. 2. Д. 140. Л. 52). Однако постепенно ее функции расширялись. Летом 1918 г. за ней были закреплены тюремное дело, а также хранение и регистрация оружия («оружейным делом» стал заведовать К.Г. Намнек, ранее служивший завхозом в Венденском уездном совдепе Лифляндской губернии), а затем приданы ей некоторые чекистские воинские части. В конце мая 1918 г. Заковского, назначенного комиссаром для особых поручений при Президиуме и командированного в Казань, на посту коменданта сменил бывший следователь Контрреволюционного отдела Я.М. Дабол.

считаться принятыми, а зарегистрированными они должны быть в создаваемом столе личного состава¹⁰³.

Прием на службу сотрудников осуществлялся через созданное 5 апреля 1918 г. Управделами ВЧК, куда были переданы частично функции расформированного Оперштаба (зав. А.П. Пятницкий). Пятницкий 18 апреля был уполномочен по предоставлению отделами числа вакансий следователей и комиссаров производить соответствующий подбор из лиц, имеющих личные и партийные рекомендации¹⁰⁴. На начало мая 1918 г. управление включало в себя организованную М.Ф. Емельяновым по решению ВЧК от 18 марта Общую канцелярию со столом справок численностью в 8 руководящих и старших канцелярских работников¹⁰⁵. Летом 1918 г. Управделами ВЧК было расформировано, а канцелярия была переведена в оперативное подчинение секретарю Президиума (позднее секретарь Президиума официально являлся руководителем Общей канцелярии). На 25 сентября 1918 г. Общая канцелярия, которую возглавлял бывший помощник управделами ВЧК И.В. Шилов, включала в себя стол личного состава (Э.П. Рутенберг), стол ордеров (В.В. Скоринко), стол отправлений (Ф.Н. Шепелинский), справочное бюро, архив (Е.Н. Шилова)¹⁰⁶.

К началу мая 1918 г. в ВЧК было сформировано 5 технических и обслуживающих отделов: Казначейский (зав. Петерс), Хозяйственный (зав. М.Ф. Емельянов), Хранилищный (зав. П.Ф. Сидоров), Автомобильный (зав. Н.И. Якушенко) и Санитарный (зав. А.Н. Терентьева). Общая численность сотрудников этих отделов без обслуживающего и младшего канцелярского персонала составила 25 чел.^{107,*}

---

* В июле 1918 г. после назначения Петерса временным председателем ВЧК и отстранения от чекистской работы из-за участия в левоэсеровском восстании Емельянова Казначейский и Хозяйственный отделы были слиты в единый Финансово-хозяйственный отдел, начальником которого назначили бывшего секретаря Хозотдела А.Я. Рамана, а заведующими Казначейским и Хозяйственным подотделами – соответственно, А.А. Рутенберга (бывшего секретаря Казначейского отдела) и П.П. Матросова (ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Л. 415, 543, 566). Хранилищный отдел, в который сдавались реквизированные деньги и ценности, был летом 1918 г. на правах отделения передан в Отдел по борьбе с контрреволюцией. В оперативном подчинении Автомобильного отдела находились воинские отряды самокатчиков и шоферов (служащие последнего летом 1918 г. были переве-

Таким образом, расширение фронта работы ВЧК привело к увеличению количества подразделений. Если на начало мая 1918 г. было 13 отделов: 4 «линейных» (по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, должностными преступлениями и Информационный) и 8 вспомогательных, технических и обслуживающих (Управделами с Общей канцелярией, Комендантский с Тюремным подотделом, Казначейский, Хозяйственный, Хранилищный, Автомобильный, Санитарный и справочное бюро), то в конце сентября их число равнялось 15: 4 «линейных» (по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, должностными преступлениями и Иногородный), 6 вспомогательных, технических и обслуживающих (Общая канцелярия, Тюремный, Комендатура, Финансово-хозяйственный, Автомобильный и Врачебно-санитарный) и 5 подразделений при ВЧК (отделы стратегического уплотнения, контроля складов, районных ЧК, Контрольно-ревизионная коллегия и Военный штаб).

Основную работу в отделах по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией осуществляли следователи, их помощники и оперативные сотрудники, в свою очередь делившиеся на старших – комиссаров и младших – разведчиков. В штате Отдела преступлений по должности в связи с ведением работы по служащим советских учреждений, в том числе ответственным, младших сотрудников – помощников следователей и разведчиков – не было. Оперативные подразделения при ВЧК – стратегического уплотнения и контроля складов – своего следственного аппарата не имели и состояли только из комиссаров с большим штатом младших сотрудников – разведчиков и контролеров. Кроме того, в штатах отделов иногда (но не постоянно) были сотрудники для поручений (или особых поручений). Летом 1918 г. во главе каждого из 4 «линейных» отделов стояла коллегия, состоявшая из заведующего отделом, его заместителя и секретаря отдела. Впоследствии, осенью 1918 г., коллегия была расширена путем

дены в штат отдела). Заведующим отделом вместо Якушенко назначили бывшего военнослужащего Автобронеполка ВЦИК В.Д. Гарша (там же. Л. 139). В середине сентября 1918 г. Санитарный отдел, оказывавший медицинскую помощь сотрудникам ВЧК и арестованным и проводивший медэкспертизу, был объединен с лазаретом войск ВЧК во Врачебно-санитарный отдел. Новое подразделение возглавил М.Г. Кушнер, так же как и Терентьева, врач по профессии, а начальник лазарета войск Р.Б. Гиршфельдт стал врачом лазарета ВЧК (там же. С. 149, 343).

введения в нее руководителей отделений, и образован президиум по составу аналогичный коллегии отдела в прошлом.

Вплоть до конца 1918 г. в ВЧК не было института руководящей Коллегии, а высшие руководящие работники именовались членами ВЧК. При этом не был четко определен порядок их назначения. Совнарком занимался введением в состав ВЧК руководящих работников с самого основания до марта 1918 г. Так, 24 февраля ВЧК, заслушав вопрос о приеме в члены Комиссии И.Ю. Пуляновского, постановила принять его и просить СНК об утверждении¹⁰⁸. Однако после переезда в Москву члены Комиссии либо назначались постановлением самого чекистского руководства, либо избирались на конференциях чрезвычайных комиссий. Так, например, 5 апреля 1918 г. на заседании ВЧК без обращения в Совнарком были приняты в члены Комиссии В.А. Алгасов и Г.Д. Закс¹⁰⁹. Члены ВЧК избирали из своей среды узкий Президиум, осуществлявший руководство всей деятельностью Комиссии. 26 апреля структура Президиума была более четко регламентирована: председатель, два его помощника и два личных секретаря, назначаемые по выбору председателя¹¹⁰. При этом если одним из секретарей при Президиуме в течение 1918 г. и в начале 1919 г. (до марта) был Г.Н. Левитан, то на посту второго секретаря с весны 1918 до февраля 1919 г. (с перерывом на осень 1918 г., когда секретарь был один) успело побывать как минимум 4 чел.: В.Г. Гриш, А.М. Лидэ, С.Ф. Реденс (назначенный в начале декабря, этот пост он занимал недолго и вскоре стал личным секретарем Дзержинского – ранее эти должности совмещались) и Г.М. Мурнек. Менялся и состав членов Президиума. 3 мая на заседании ВЧК был заслушан вопрос о выборах двух товарищей председателя Комиссии, из которых один – на время отсутствия Александровича, и последним стал замначальника Отдела по борьбе с контрреволюцией Г.Д. Закс (в отделе на его место был назначен спустя несколько дней А.М. Трепалов). 13 мая, когда во время болезни непосредственного руководителя Закса и Трепалова Полукарова временно заведовать отделом стал Дзержинский, и его даже было решено освободить на этот период от председательских обязанностей (что, впрочем, не состоялось), в Президиум был введен Евсеев, который наряду с Заксом стал фактически зампредом¹¹¹.

На начало мая 1918 г. в состав членов ВЧК входили: председатель Ф.Э. Дзержинский, товарищ (заместитель) председателя В.А. Александрович, секретари И.К. Ксенофонтов

и И.И. Ильин, зав. Отделом по борьбе с контрреволюцией И.Н. Полукаров, его заместитель Г.Д. Закс, зав. Бюро разведки этого отдела В.П. Янушевский, его заместитель В.В. Артишевский, зав. Отделом по борьбе со спекуляцией В.В. Фомин, его заместитель В.И. Савинов, зав. Отделом по борьбе с преступлениями по должности М.Н. Гуркин, зав. Информационным и Казначейским отделами Я.Х. Петерс, зав. Тюремным отделом Д.Г. Евсеев, зав. Хозяйственным отделом М.Ф. Емельянов, зав. Отделом хранилищ П.Ф. Сидоров, нач. штаба Боевого отряда Д.И. Попов, его помощник С.П. Чернов, комиссар 1-го Всероссийского социалистического отряда, прикомандированного к ВЧК, В.Л. Панюшкин, представитель Совнаркома Москвы и области И.С. Кизильштейн. Кроме того, на правах члена ВЧК в тот период при Президиуме состоял секретарь В.Г. Гриш¹¹². В конце сентября 1918 г. членами ВЧК были: председатель Дзержинский, его заместитель Петерс, секретарь Ксенофонов, зав. Контрреволюционным отделом Н.А. Скрыпник, его первый заместитель В.Н. Яковлева, второй заместитель и зав. Военным отделением Янушевский, зав. Спекулятивным и Иногородним отделами Фомин, зав. Отделом должностных преступлений А.И. Пузырев, председатель Контрольно-ревизионной коллегии Савинов, врио нач. Военного штаба Полукаров и председатель созданной в июле 1918 г. ЧК Восточного фронта М.Я. Лацис (ранее зав. Контрреволюционным отделом ВЧК)¹¹³.

Таким образом, к осени 1918 г. состав высшего руководящего чекистского органа был значительно сокращен и упорядочен. Если ранее в него входили начальники отрядов, руководители хозяйственных подразделений, то теперь членами ВЧК, помимо ее руководства (председателя, его заместителя и секретаря), были только руководители главного отдела – Контрреволюционного, заведующие другими «линейными» отделами, и только двое являлись руководителями подразделений при ВЧК – Контрольно-ревизионной коллегии и штаба чекистских войск. Эти изменения диктовались обстановкой Гражданской войны и проведением «красного террора», требовавшими максимальной унификации чекистского руководящего ядра.

Численность сотрудников ВЧК на начало мая 1918 г. без младшего канцелярского и обслуживающего персонала составила 110 чел. Из них руководящих работников и специалистов (секретари «линейных» отделов, следователи, комиссары, сотрудники для особых поручений, работники Комен-

датуры) было 76 чел.¹¹⁴ В этот период аресты, обыски и выемки, помимо штатных сотрудников, проводили бойцы Боевого отряда и отряда разведчиков, а также агенты – внештатные сотрудники ВЧК. Кроме того, агентам часто давались полномочия производить ревизии и даже вести дознание и следствие по многим делам (исключая дела о контрреволюции и преступлениях ответственных совработников). По причине отсутствия регламентации положения внештатных и секретных сотрудников зачастую по усмотрению кого-либо из руководителей ВЧК, в первую очередь Дзержинского, они фактически пользовались такими же правами, как и кадровые чекисты.

Уже в первый месяц существования ВЧК некоторые ее члены стали привлекать к сотрудничеству доверенных лиц. Так, в начале 1918 г. был приглашен Б.М. Ржевский – до революции член Петроградского клуба журналистов, доверенное лицо министра внутренних дел А.Н. Хвостова и сподвижник Г.Е. Распутина.

18 февраля 1918 г. в Совнарком поступило заявление от отстраненного руководителя Следственной комиссии при Петросовете М.Ю. Козловского о том, что 17 января представитель ревизирующего комиссию органа А.А. Шрейдер сообщил о получении им сведений из ВЧК о получении Козловским взятки в размере 10 тыс. рублей от некоего Черепенникова во время следствия по делу последнего. Источником информации для ВЧК явился Ржевский. Тот предлагал свои услуги по сыску, и когда это было отвергнуто, то сообщил, что ему известно о получении Козловским от Черепенникова 1500 рублей. Александрович послал записку о сообщении Ржевского в Ревизионную комиссию С.Д. Мстиславскому. Шрейдер же в докладе Совнаркому не сообщил, что первоисточник – Ржевский, зато «увеличил» сумму взятки до 10 тыс. рублей, а на заседании СНК Мстиславский промолчал, не поправив Шрейдера. Козловский просил Совнарком затребовать у Мстиславского и Козловского чекистскую записку и заодно привлечь их к ответственности за лжесвидетельство. СНК на заседании 18 февраля поручил секретарю ознакомить персонально всех членов с заявлением Козловского, а спустя 8 дней последний был восстановлен в должности¹¹⁵. Можно предположить, что использование Александровичем информации Ржевского явилось одним из приемов в то время еще неофициальной конкуренции между ПЛСР и РКП в советских учреждениях, так как Александрович, Мстиславский (Масловский) – впоследствии довольно известный советский

писатель, и Шрейдер были левыми эсерами, а Козловский – большевиком (он состоял в СДКПЛ). После этой истории Ржевский был предан суду, но от наказания освобожден. Зампред ВЧК не забыл об его услугах. 9 апреля 1918 г. ВЧК, заслушав предложение Александровича о принятии Ржевского в состав сотрудников по уголовному розыску в Отдел по борьбе с преступлениями по должности, постановила ввиду некоторых сомнений во внутренних качествах Ржевского принять его под наблюдение отдела¹¹⁶. Став внештатным сотрудником, Ржевский получил полномочия вести следствие по ряду уголовных и хозяйственных дел, а также проводить аресты, обыски, отключения телефонов¹¹⁷.

20 мая ВЧК в составе Дзержинского, Александровича и Петерса, рассмотрев заявление Ржевского, решила рекомендовать его начальнику Московского уголовного розыска М.Г. Розенталю, вероятно, теперь уже для штатной, хотя и не чекистской, а милицейской, работы. Интересно, что на этом заседании была рассмотрена просьба начальника Центральной Уголовно-следственной комиссии Северной Коммуны (Петроград) Б.И. Орлинского о выдаче пишущей машинки, аванса на текущие нужды и разрешении пользоваться служебным автомобилем, что было удовлетворено.

Аванс решено выдать с условием предоставления счетов и сметы, а относительно техники – сообщить Урицкому¹¹⁸. Под именем Орлинского скрывался бывший царский военный контрразведчик и будущий руководитель контрразведывательных структур В.Г. Орлов, который в то время вел работу не только против уголовных преступников, но и немецких шпионов и – тайно – большевиков. И одним из его информаторов по последним, в первую очередь по чекистам, являлся завербованный им Ржевский¹¹⁹. Однако не прошло и 2 месяцев после направления Ржевского в угрозыск, как он вновь был арестован, причем главным обвинением против него было взяточничество, и 18 июля 1918 г. его дело было направлено Отделом по борьбе с контрреволюцией в Мосревтрибунал (антибольшевистскую работу чекисты так, вероятно, и не смогли вскрыть), откуда ему, судя по всему, не без помощи все того же Орлова удалось скрыться, после чего он бежал на юг России – в Одессу, где, работая в структурах по борьбе с преступностью, вновь стал служебным «оборотнем», связавшись с криминальными авторитетами города; 23 января 1919 г. был убит, по всей видимости, коллегами по угрозыску.

Работники более низкого, чем Александрович, ранга, приглашая к внештатному сотрудничеству доверенных лиц, тоже иногда давали им полномочия по ведению следствия. Например, весной 1918 г. следователь по особо важным делам Контрреволюционного отдела М.А. Венгеров доверил вести ряд дел своему бывшему армейскому сослуживцу Е.Н. Мейчику, которого привлек в качестве секретного сотрудника¹²⁰. Платили секретным сотрудникам, как правило, начальники отделов из средств, выделявшихся на оперативные расходы¹²¹.

О больших полномочиях, зачастую дававшихся внештатным сотрудникам, свидетельствует и рассмотренное 24 апреля 1918 г. Малым Совнаркомом Москвы и области заявление комиссара по гражданской части Москвы М.И. Рогова о попытке его ареста 21 апреля на 1-м казенном винном складе агентом ВЧК. Агент пытался обвинить его в причастности к незаконному получению спирта. Малый Совнарком Москвы предложил Комиссии Дзержинского обратить самое серьезное внимание на такого рода поведение агентов. В тот же день Малый Совнарком рассмотрел вопрос о задержанных как кадровых сотрудниках ВЧК, так и ее агентах и постановил по заключению Дзержинского не освобождать ни тех, ни других до решения Президиума Комиссии или руководителей соответствующих отделов¹²². Вопрос оплаты подобным лицам был урегулирован 17 февраля 1918 г. ВЧК постановила платить осведомителям за услуги не более 10%, причем только за оконченные дела, и выдать заведующим отделами авансы для уплаты «сотрудникам специального назначения», то есть агентам, работающим по определенным линиям, 5 тыс. рублей на отдел. При этом услугами секретных сотрудников было решено пользоваться вне Комиссии¹²³. У осведомителей 21 февраля было решено отобрать удостоверения и выдать взамен пропуска для входа в здание ВЧК¹²⁴.

Нужно остановиться на сотрудничестве с ВЧК с января по март 1918 г. К.А. Шевары (Шеваро-Войцицкого) – до революции секретного сотрудника по особо важным поручениям при штабе расквартированного в Финляндии 42-го армейского корпуса. А.А. Зданович считает, что он стал кадровым чекистом, а руководимое им Контрразведывательное бюро – структурным подразделением ВЧК. Однако тут же он пишет: «...Дзержинский, стремясь добиться конспиративности, не посвятил в существо начинаемого дела даже своих соратников по президиуму ВЧК. По крайней мере, ни в одном из сохранившихся протоколов заседаний президиума нет даже

упоминания о создании контрразведывательного органа в структуре ВЧК»¹²⁵. Но если принятие в штат ВЧК кого-то в обход сослуживцев хоть каким-то образом еще могло состояться, то создание подразделения со штатом не менее чем в 35 чел. самолично Дзержинским и тайком от других руководителей выглядит уже просто фантастическим, хотя бы потому, что финансирование данной структуры и зарплата сотрудников должны были проходить через чекистскую бухгалтерию. К тому же Дзержинский не был единоличным руководителем ВЧК, чтобы иметь возможность самостоятельно принимать столь важные решения*. Однако С.В. Леонов приводит, со ссылкой на Центральный архив ФСБ, содержание удостоверения, 5 января 1918 г. выданного Дзержинским Шеваре, согласно которому тот являлся не больше не меньше как «заведующим секретной разведкой и контрразведкой», и, кроме того, в нем указывалось, что военные и гражданские власти должны оказывать ему законное содействие. Автор также пишет, что спустя три дня Дзержинский выдал Шеваре еще 10 удостоверений «по разведке», 11 – «по контрразведке», а еще 8 – «на право задержки контрабанды», которые давали лишь право на беспрепятственный проезд по России и действовали до 1 марта 1918 г.¹²⁶

По нашему мнению, реальный статус Шевары был указан в письме Ленину и в ЦК РКП руководства чекистского Партийного коллектива, направленном 25 июля 1918 г. В нем Шевара именовался секретным сотрудником¹²⁷ – так, по всей видимости, и было на самом деле, а его агенты были осведомителями, и, таким образом, Контрразведывательное бюро являлось, по сути, частным сыскным агентством, находившимся под контролем ВЧК, точнее, ее председателя, который оплачивал деятельность данной организации из средств, выделенных на оперативные цели.

Вместе с тем шаги к введению КРБ в состав ВЧК, вероятно, все же предпринимались. Так, 21 февраля ВЧК под председательством Александровича, рассмотрев вопрос «О печати для Шевар», постановила: «Отказать в выдаче печати отряду Шевара»¹²⁸. Интересно, что в это время Дзержинский

---

* Достаточно упомянуть о том, что 26 января (9 февраля) 1918 г. коллеги по руководству не отпустили его в отпуск, а 15 мая того же года разбирали его поступок, выразившийся в самоличном распоряжении о расстреле двух бандитов, пойманных на месте преступления с оружием и взрывчаткой.

находился в отпуске (не специально ли вопрос был рассмотрен именно в это время?), а если бы он присутствовал, то решение могло стать противоположным. Нужно сказать о том, что под отрядом имелся в виду приданный в оперативных целях Бюро отряд балтийских матросов под командованием сотрудника Наркомвоена А.Я. Полякова. Последний вскоре после отъезда ВЧК в Москву, не обращаясь в ЧК Петрограда, самочинно арестовал Шевару и, обвинив его в попытке своего убийства и измене, после 2-дневного дознания приказал своим матросам расстрелять, что и было сделано. Расследование этого дела было начато лишь 17 июля, причем выяснилось, что изъятые у Шевары документы Поляков, чей отряд с весны уже официально находился в составе ВЧК, передал Александровичу, который ко времени начала следствия был расстрелян, и документы пропали¹²⁹. Следователь Отдела по борьбе с преступлениями по должности Я.Я. Фогель, который вел это дело, постановил его прекратить, признав правомерность действий Полякова.

Нужно отметить, что придача вооруженной силы ВЧК в помощь внештатным сотрудникам имела место в то время не только в случае с Шеварой. В ночь на 24 февраля 1918 г. в петроградский ресторан «Медведь» явился отряд ВЧК, во главе которого находились секретные сотрудники-информаторы по контрреволюционным организациям бывший поручик В.А. Смирнов и казак И.В. Заноза (Строганов), и, предъявив ордер на обыск, они отобрали у посетителей 40 тыс. рублей. Руководители налета чекистами были арестованы, и на следствии выяснилось, что это уже не первая их «экспроприация от имени ЧК». Оба они спустя несколько дней были расстреляны¹³⁰.

О численности сотрудников центрального аппарата ВЧК осенью 1918 г., в разгар «красного террора», можно привести лишь приблизительные данные. В литературе часто указывается, что к сентябрю 1918 г. в ВЧК служил 781 чел.¹³¹ Эту цифру запустил в научный оборот М.П. Ирошников, основываясь на количестве анкет, заполненных в 20-х числах сентября 1918 г., сохранившихся в деле переписи служащих ВЧК комиссией ВЦИК¹³². Однако М.П. Ирошников не ставил своей целью изучение собственно кадрового состава ВЧК. Отсюда вытекают некоторые неточности. Дело в том, что из 781 содержащейся в деле анкеты 179 принадлежат военнослужащим подчиненных ВЧК боевых отрядов. Еще 11 анкет заполнены служащими магазина в Верхних торговых рядах, национализированного у купца Алленова, в котором чекисты про-

давали реквизированные вещи. Большинство персонала магазина работало еще при владении Алленовым, и только заведующий – М.И. Смирнов – был «прислан» из ВЧК. Наконец, в дело была включена анкета Н.И. Мизикина – заведующего одной из районных ЧК, которые также не относились к центральному аппарату. Таким образом, только 589 анкет принадлежат собственно работникам ВЧК. Из них 217 чел. – это обслуживающий персонал – курьеры, шоферы, медики, портные, сапожники, горничные, посудомойки и т.д. Еще 148 чел. – канцелярский и административно-хозяйственный персонал – делопроизводители, статистики, конторщики, счетоводы, приемщики ценностей, приказчики и артельщики Хозотдела.

На специалистов приходится 198 чел. К этой категории мы относим сотрудников учреждения, несущих специальные функции. В ВЧК это были помощники начальников отделений, члены Контрольно-ревизионной коллегии, секретари оперативных подразделений, следователи, их помощники, комиссары, разведчики, контролеры отделов уплотнения, контроля складов и Бюро печати, ревизоры Спекотдела, инструкторы, а также надзорные работники Комендантского и Тюремного отделов. И, наконец, 26 анкет принадлежат руководящим работникам – членам ВЧК, заведующим отделами и подотделами, начальникам отделений¹³³. Однако следует отметить, что в деле есть анкеты не всех сотрудников ВЧК, в том числе руководящих. Например, по непонятным причинам отсутствуют анкеты заведующего Спекулятивным и Иногородным отделами В.В. Фомина, должностных преступлений А.И. Пузырева, контроля складов А. Антонова. О некоторых достоверно известно, что они во время анкетирования находились в командировках. Например, заведующий Уголовным подотделом И.А. Визнер во второй половине августа был направлен в Брянск для помощи в организации местной ЧК, где пробыл до середины октября¹³⁴. Вполне вероятно, что и часть разведчиков, находившихся на выполнении оперативных заданий либо желая себя законспирировать, анкеты не заполнила. Всего по различным архивным источникам установлены фамилии почти 50 чел., в конце сентября 1918 г. работавших в ВЧК, чьи анкеты отсутствуют в материалах переписи.

Исходя из всего вышеуказанного, можно предположить, что количество сотрудников центрального аппарата ВЧК на конец сентября 1918 г. было не меньше 650 чел. и с начала мая возросло как минимум в 6 раз. Столь резкое увеличение было достигнуто за счет расширения штатов и их заполнения

новыми работниками, поступившими на службу, перевода в кадры наиболее надежных из внештатных и секретных сотрудников, а также части бойцов Свеаборгского отряда, включения в состав оперативных подразделений служащих отряда разведчиков, а Автомобильного отдела – шоферов и некоторых самокатчиков. Наконец, был значительно увеличен штат канцелярского, административно-хозяйственного и обслуживающего персонала.

Примерно в это же время, согласно данным анкет, численность других ведомств, имевших карательные функции – НКВД и Наркомюста – была гораздо ниже. Число сотрудников НКВД вместе с формирующимся Управлением милиции составила 402 чел., а Наркомюста с имеющейся при нем Тюремной коллегией – 177 чел. Из них руководящих работников и специалистов в этих наркоматах было по 42 чел.¹³⁵

Таким образом, число руководящих и специальных сотрудников в ВЧК было почти в три раза больше, чем в двух остальных ведомствах вместе взятых. Объяснялось это тем, что основную работу по проведению большевистской политики «красного террора» и контроля над госаппаратом взяли на себя именно чекистские органы. Однако и при таком количестве сотрудников главное карательное учреждение испытывало серьезную нехватку оперативных и особенно следственных работников.

Другим принципиальным отличием ВЧК был чрезмерно раздутый штат обслуживающего персонала. Довольно большой была численность Санитарного, Автомобильного и Хозяйственного отделов, тогда как в НКВД и НКЮ обслуживающий персонал состоял, как правило, из курьеров. Это свидетельствует об исключительности чекистского ведомства, которое обслуживалось несравненно лучше других аналогичных учреждений*. Кроме того, играло роль стремление сотрудников устроить своих знакомых и родственников на получение относительно хорошего по тем временам пайка.

---

* Четкое обоснование значительно лучшего снабжения чекистов по сравнению с работниками других ведомств было приведено в письме Хозотдела ВЧК, адресованном в провинциальные чрезвычайные комиссии, с призывом создавать в них хозяйственные части. В нем говорилось: «Поставить хозяйство в комиссиях на должную высоту уже при организации комиссии – первая задача, за которую необходимо взяться со всей энергией, ибо нельзя плодотворно бороться с контрреволюцией и спекуляци-

Раздутые штаты, в том числе обслуживающего персонала, были следствием значительно большего, чем в других учреждениях, финансирования. Официально финансирование ВЧК шло через НКВД. Согласно перечню статей сметы расходов на 1918 г., во второе полугодие 1918 г. на весь аппарат НКВД предполагалось отпустить 2 701 000 руб., а на ВЧК – 3 016 500 руб.¹³⁶ Однако, помимо НКВД, источником финансирования были реквизиции. Существовавший с начала 1918 г. Отдел хранилищ аккумулировал средства от штрафов, конфискации и реквизиций. Денежные средства выручались за счет продажи реквизированных вещей в ведомственном магазине в Верхних торговых рядах. По всей видимости, желание большего контроля за этими средствами со стороны руководства ВЧК стало основной причиной передачи летом 1918 г. Отдела хранилищ в состав главного чекистского отдела – Контрреволюционного. Однако при раздутых штатах ВЧК не хватало специалистов, особенно следственных работников. Это приводило к тому, что к следствию и другой ответственной работе иногда привлекались и канцелярские сотрудники, и руководители «технических» отделов. Так, весной 1918 г. начсанотдела врач А.Н. Терентьева исполняла обязанности следователя в Отделе по борьбе с контрреволюцией, а затем там же была одним из секретарей¹³⁷.

Одной из причин существенного различия в численности ВЧК от НКВД и Наркомюста была и еще одна – организационная. Она заключалась в том, что ВЧК не имела своего сто-

---

ей, когда будешь голоден или придется идти на другой конец города обедать, или когда в вашем распоряжении не будет подходящей мебели, канцелярских принадлежностей, не будут работать телефоны, или если вы не будете иметь подходящих помещений и т.д. и т.д. Но если все это у вас будет, то вы не можете работать, если у вас не будет средств передвижения, служителей, наконец, если у вас не будет подходящего служебного персонала, который вел бы отчетность самую ясную и полную... Изловим всех контрреволюционеров и спекулянтов, но дай жилище, одень и снабди обувью, а разведчику устрой еще гардероб; дано все это – заботься еще о духовном отдыхе и поднятии культурного уровня товарищей, и необходимо устроить клуб с чаем, читальней, сценой и т.д. и т.д... В настоящее время при Хозяйственном отделе организованы и работают продовольственная и мануфактурная лавочки, парикмахерская, слесарная, сапожные и портновские мастерские, столовая, клуб, прачечная... (Организация чрезвычайных комиссий. С. 38.)

личного органа (за исключением районных ЧК) и сочетала в себе решение как республиканских, так и московских задач. Поэтому значительное сокращение центрального аппарата ВЧК к январю 1919 г. (примерно до 500 чел.¹³⁸) было связано, главным образом, с тем, что со 2 декабря 1918 г. в Москве начала функционировать городская чрезвычайная комиссия.

На волне массовой критики ВЧК начали предприниматься попытки изменения ее организационных форм. 1 октября 1918 г., заслушав вопрос о взаимоотношениях ВЧК и ЧК с другими комиссариатами, чекистское руководство отметило, что ВЧК с ее Корпусом войск является органом Совнаркома и ЦИК и только ему подконтрольна. Этим заявлением оно стремилось как бы уйти от многочисленных обвинений в самоуправстве и произволе. В рамках практической реализации этого своего тезиса была создана комиссия из Петерса, Полукарова и Фомина, которой было поручено разработать положение о ВЧК и ее взаимоотношениях с другими органами власти как в центре, так и на местах для представления такового на утверждение ЦИК и Совнаркома¹³⁹. С 15 ноября 1918 г. руководство ВЧК начало реформирование структуры ведомства. В первую очередь Президиум ВЧК вынес постановление организовать для местной московской работы самостоятельный орган – Московскую ЧК, председателем которой сделать по совместительству председателя ВЧК¹⁴⁰. Созданная ЧК должна была не только подчинить себе районные комиссии, но и включить подразделения, отвечавшие за направления чекистской деятельности в столице (отделы по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и т.д.). 24 ноября 1918 г. специальная комиссия, рассмотрев вопрос о сроке передачи дел и личного состава от ВЧК к МЧК, поручила каждому отделу ВЧК подготовить списки сотрудников¹⁴¹. Из сопоставления анкет переписей служащих ВЧК сентября 1918 г. и коммунистов МЧК декабря 1918 г.¹⁴² видно, что примерно две трети

---

* Так, комиссар Отдела контроля складов ВЧК Д.Ф. Маздревич в январе 1919 г. перешел в МЧК и стал помощником начальника Особой группы по борьбе с бандитизмом, ранее его руководителя по Отделу контроля складов А.М. Трепалова. После ограбления Ленина шайкой Я. Кошелькова и ухода его служебного «Роллс-Ройса» в связи с усилением борьбы со столичным криминалом группа была реорганизована в возглавленный Маздревичем Уголовный подотдел, в котором Особую группу возглавил Ф.Я. Мартынов. Мартынов с июля 1918 г. был бой-

сотрудников МЧК ранее работали в ВЧК. Это подтверждает то, что сокращение чекистского центрального аппарата к началу 1919 г. произошло, главным образом, за счет перевода части его сотрудников в МЧК. Стремление показать ВЧК подчиненной Совнаркому, каждое из ведомств которого имело свой верховный орган – Коллегию – с довольно четко очерченными функциями, выразилось в принятом чекистским руководством 15 ноября 1918 г. положении о Коллегии ВЧК из 9 членов во главе с председателем, выделяющей из своего состава Президиум нового типа в составе 5 чел.: председатель, два заместителя, секретарь и член Президиума¹⁴³. Однако данное решение в то время так и не было проведено в жизнь – Коллегия реально будет создана несколькими месяцами позднее. Об этом свидетельствуют, в частности, постановление Президиума ВЧК от 26 декабря 1918 г. о делах, направляемых отделами в Президиум, «тройку» (принимавшую решения о расстреле) и Комиссию – как мы видим, фигурирует все та же Комиссия, а не Коллегия, а также тот факт, что в заполненных в конце декабря 1918 г. сохранившихся анкетах переписи коммунистов учреждений высшие руководящие чекистские работники по-прежнему именуются членами ВЧК.

Кроме того, встала и проблема распределения функций в самом центральном аппарате. Она была напрямую связана со структурой «линейных» отделов. Такие чрезмерно раздутые по своим направлениям деятельности и задачам подразделения, как Отдел по борьбе с контрреволюцией, больше не могли эффективно решать поставленные перед ними задачи. В проекте реорганизации ВЧК, рассмотренном ее Президиумом, содержалось положение о ее трех планировавшихся отделах: Секретно-оперативном, Юридическо-следственном и Инспекторском, занимающемся сношениями с Контрольно-ревизионной коллегией и местными ЧК (забегая вперед, нужно отметить, что как самостоятельное подразделение он так и не будет создан)¹⁴⁴.

цом Свеаборгского отряда, затем до конца декабря – 1-й отдельной роты при ВЧК. В январе он перешел на оперативную работу, став разведчиком, и вскоре был откомандирован в МЧК. После ликвидации 21 июня 1919 г. под его руководством Кошелькова Мартынов был возвращен в центральный аппарат на должность комиссара при Президиуме. Маздревич в середине августа 1919 г. стал заместителем начальника МУРа, которым с апреля руководил все тот же Трепалов.

Новая организационная структура была обсуждена на проходившей с 26 по 30 ноября 1918 г. 2-й Всероссийской конференции ВЧК¹⁴⁵. По итогам конференции были проведены серьезные изменения в структуре ведомства. Началось расформирование Отдела по борьбе с контрреволюцией. Из него было выделено в самостоятельное подразделение Регистрационное бюро (зав. А.П. Дорогова), а Хранилищное отделение передано в Финансово-хозяйственный отдел. Был также упразднен Отдел стратегического уплотнения, и, таким образом, из вспомогательных оперативных подразделений в центральном аппарате остался только Отдел контроля складов*. Тюремный отдел стал объединенным подразделением ВЧК и МЧК, а впоследствии вместе с Бутырской тюрьмой полностью перешел в распоряжение МЧК. Образование МЧК стало причиной некоторой отсрочки реорганизации центрального аппарата. Дзержинский писал В.В. Фомину, что с организацией Юридического и Секретного отделов придется несколько задержаться из-за необходимости передать все дела и арестованных МЧК и уже затем взяться за реорганизацию ВЧК. Планировалось, в частности, созвать ее членов и сформировать список Коллегии (чего в те дни сделано не было), а также распределить по отделам работу и сотрудников¹⁴⁶.

Заседание ВЧК, реализовавшее организационные решения 2-й конференции, состоялось 9 декабря 1918 г.¹⁴⁷ На нем руководителем организованного на базе Отдела по борьбе с контрреволюцией Секретно-оперативного отдела был избран Скрыпник**. На этом же заседании Военное отделение Контр-

---

* В начале декабря 1918 г. в Отделе контроля складов были организованы коллегия, членом которой стали А. Антонов и А.М. Трепалов, и небольшая Следственная часть, которую возглавил Э.Э. Линде, ранее заведовавший аналогичным подразделением в Контрреволюционном отделе. В начале 1919 г. отдел был передан в МЧК. Поводом для этого решения, по-видимому, послужила докладная записка, отправленная сотрудниками московского отделения Наркомата госконтроля руководителю своего ведомства. В ней описывались ряд хищений и неправильная отчетность, вскрытые при передаче ряда бывших купеческих столичных складов из Отдела контроля складов ВЧК в Хозотдел Моссовета в конце 1918 г. (ГАРФ. Ф. 4390. Оп. 4. Д. 49. Л. 35).

** Секретно-оперативный отдел в ВЧК просуществовал недолго. Уже 23 декабря он был реорганизован в Секретный отдел – из него была выделена и передана в состав Президиума

революционного отдела было реорганизовано в самостоятельный Военный отдел. Ранее, в начале ноября или в конце октября 1918 г., начальником Военного отделения Отдела по борьбе с контрреволюцией вместо Янушевского назначили М.С. Кедрова, прибывшего в ВЧК из Комиссии по разгрузке Московского железнодорожного узла*. Из Иногороднего отдела были выделены его основа – отдел Инструкторский и связи, который возглавил по совместительству Фомин**, и

ВЧК Оперативная часть, производившая аресты и обыски и выполнявшая другие поручения всех ведущих отделов. Секретный отдел возглавил М.Я. Лацис, а Скрыпник в первых числах января 1919 г. отбыл на Украину. Вопрос о руководителе Оперчасти был оставлен открытым, и некоторое время она находилась в подчинении у секретаря ВЧК Ксенофонтова (Архив ВЧК. Л. 305, 316). После угона служебной машины Ленина в январе 1919 г. на это подразделение была возложена также его личная охрана. Примерно в феврале 1919 г. его возглавил комиссар при Президиуме ВЧК А.Я.(Х.) Беленький, а само подразделение стало именоваться Оперативным, а позднее Активным, отделением при Президиуме.

* Назначение на столь ответственный пост человека, только что перешедшего из другого учреждения, явилось своеобразным компромиссом между чекистским ведомством и Наркомвоеном в условиях начавшегося в ноябре 1918 г. спора между ними о ведомственной принадлежности военной контрразведки. Суть этого компромисса заключалась в том, что Кедров после Октябрьского восстания состоял членом Коллегии Наркомвоена, комиссаром по демобилизации старой армии, а в мае-сентябре 1918 г. – командующим Северо-Восточным участком завесы и председателем Комиссии по организации обороны Севера. Таким образом, Кедров, с одной стороны, становился штатным сотрудником ВЧК, а с другой – в прошлом являлся ответственным работником военного ведомства. Что же касается Янушевского, то он в ноябре 1918 г. расстался с должностью зампреда Контрреволюционного отдела и перешел на военно-политическую работу в Главвоздухфлот, комиссаром которого являлся его бывший сослуживец по Московскому ВРК видный большевик А.Я. Аросев, а в марте 1919 г. и сменил последнего. Однако позднее, в 1921–1922 гг., Янушевский вновь находился на чекистской работе, но уже не в центральном аппарате, являясь зампредом Всеукраинской ЧК – начальником Административно-организационного управления ГПУ Украины.

** В конце января 1919 г. на посту заведующего Инструкторским отделом Фомина заменил бывший секретарь подразделе-

Транспортный отдел, временно исполнять обязанности заведующей которого стала Ю.Ю. Янель*. Должность заведующей

ния Г.С. Мороз. Преобразование Иногородного отдела в Инструкторский затянулось на несколько месяцев, причем руководить связью он так и не стал: телеграф из отдела 3 января 1919 г. передали в ведение Общей канцелярии (возглавил его бывший заведующий подотделом связи П.А. Мюллер, которому, кроме того, тогда же было поручено набрать телефонисток для секретного телефона), а задачей отдела были оставлены организация и централизация инструкций для местных ЧК (Архив ВЧК. С. 316, 318). Завершение вливания Иногородного отдела ВЧК в Инструкторский относится к 28 января 1919 г., когда на заседании ВЧК Морозу было поручено подобрать подходящие кандидатуры для коллегии Инструкторского отдела и соответствующий список представить на утверждение Президиума ВЧК (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 94. Д. 176. Л. 403).

* 5 декабря 1918 г. Ф.Э. Дзержинский обратился к Фомину с запиской следующего содержания: «Транспортным отделом пока руководите Вы. Янель пусть будет временно Вас заменяющей» (МЧК. С. 121). Судя по записке, Дзержинский был недоволен кандидатурой Ю.Ю. Янель, заведовавшей Инструкторской частью Иногородного отдела, – лица крайне некомпетентного в вопросах транспорта. Ее назначение на должность руководителя Транспортного отдела, по всей видимости, стало возможным благодаря вмешательству земляка по Латышскому краю зампреда ВЧК Петерса. К тому же она была вторым лицом в возглавляемом Петерсом чекистском Партколлективе. Дзержинский же явно хотел видеть на этом посту более крупного деятеля и к тому же разбирающегося в железнодорожных вопросах. Не случайно Президиум ВЧК 27 декабря 1918 г. постановил «обратиться в ЦК РКП, чтобы он командировал в Транспортный отдел тов. Пятницкого» (Архив ВЧК. С. 308). Речь, несомненно, шла о видном большевистском деятеле И.А. Пятницком (Таршисе) – члене Исполкома Моссовета и председателе столичного профсоюза железнодорожников (в 1917 г. он руководил Железнодорожным районом Москвы). Однако ЦК данную просьбу не удовлетворил. В декабре-марте 1919 г. Янель оставалась временно исполняющей обязанности заведующей ТО и в учрежденную в феврале Коллегию ВЧК не вошла. Фактическое же руководство отделом попеременно осуществляли члены коллегии ТО Фомин (после ухода в январе 1919 г. с поста заведующего Инструкторским отделом ставший комиссаром Центрального управления военных сообщений) и И.П. Жуков (начальник созданного в декабре 1918 г. Транспортного отдела ВЧК Московского округа).

щего Следственно-юридическим отделом, созданным на базе следчастей упраздненных Контрреволюционного, Спекулятивного и Преступлений по должности отделов осталась вакантной. Назначен был только заместитель начальника отдела – М.К. Ихновский, ранее заведовавший Следчастью Отдела должностных преступлений. На заседании было решено подыскать заведующего, а Ихновскому совместно с начальником Следчасти Транспортного отдела М.К. Романовским и под руководством М.Ю. Козловского (представителя Наркомюста в ВЧК) – организовать аппарат Следственного отдела и подготовить для него инструкции*. Все дела, направляемые на рассмотрение руководства, должны были проводиться через этот день, а он уже должен был по ним докладывать¹⁴⁸.

Многочисленные злоупотребления со стороны чекистов, особенно участвовавшие после провозглашения «красного террора», заставили большевистских руководителей и руководство ряда ведомств, в том числе финансирующий ВЧК

Конец этому «двоевластию» в руководстве транспортным подразделением был положен в марте 1919 г. после ухода с поста зампреда ВЧК Петерса. 16 марта ЦК РКП направил И.Д. Чугурина в ВЧК членом Коллегии и заведующим Транспортным отделом (Известия ЦК КПСС, 1989, № 8). До своего назначения Чугурин руководил продовольственным поездом и, следовательно, хорошо знал положение на железных дорогах (РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 2. Д. 1014. Л. 5). Итоги реорганизации отдела были подведены 25 июня 1919 г., самым важным ее итогом было названо налаживание связи с местными транспортными ЧК. Отмечались также недостаток работников и необходимость пополнить коллегию отдела, в результате в нее были введены сотрудники И.К. Даниловский и М.Н. Смирнов – в прошлом руководитель Железнодорожного подотдела (Архив ВЧК. С. 327).

* По всей видимости, чекистское руководство стремилось найти на эту должность человека, имеющего, с одной стороны, опыт работы юриста и соответствующее образование, а с другой – продолжительный партийный стаж. Ихновский же этим требованиям удовлетворял только частично. Юрист по профессии, до революции работавший присяжным поверенным, а в 1917–1918 гг. народным судьей, он в партию вступил только в октябре 1918 г., уже работая в ВЧК (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 247. Л. 67). Однако подобрать подходящую кандидатуру не удалось, и Ихновский так и остался исполнять обязанности заведующего отделом вплоть до конца января 1919 г., когда он был отстранен от должности в связи со служебным расследованием.

НКВД, добиваться существенного реформирования подразделения чекистского внутреннего контроля – Контрольно-ревизионной коллегии. 2 ноября 1918 г. по предложению НКВД Президиум ВЧК принял решение о реорганизации КРК на следующих основаниях: в комиссию должны были быть введены по одному представителю от комиссариатов внутренних дел, юстиции, ВЦИК, ЦК РКП и Президиума ВЧК¹⁴⁹. КРК, как и раньше, самой предоставлялось право набирать необходимый штат служащих для выполнения своих задач, а члены коллегии выбирали из своей среды председателя, который ведал всеми делами КРК. Коллегия должна была собираться не реже одного раза в неделю, и все решения в ней принимались простым большинством голосов¹⁵⁰. К концу года постоянный штат КРК составил 27 сотрудников, руководящих и оперативных работников из них было 15*. Председателем ее в декабре 1918 г. вместо Савинова был избран член Контрольно-ревизионной коллегии НКВД Т.К. Грикман. Тогда же в состав КРК вошел прибывший с Дона комиссар юстиции местной советской республики С.Л. Лукашин (Срапионян), юрист по образованию, успевший поработать и следователем в Контрреволюционном отделе.

Однако структурные изменения и кадровые перестановки не привели к заметному улучшению работы Контрольно-ревизионной коллегии. Как писал 10 декабря 1918 г. наркому внутренних дел Г.И. Петровскому представитель комиссариата в КРК и ее член А.И. Лацис (не имевший никакого отношения к М.Я. Лацису-Судрабсу), коллегия не может выполнять сколько-нибудь успешной работы, так как ее членами являются чекисты, и она, собственно, является вспомогательным органом ВЧК¹⁵¹. В письме же Петровскому председателя КРК Грикмана вообще констатировалось, что коллегия, планировавшаяся как орган контроля и ревизий всех распоряжений ВЧК, находящихся в ее ведении дел и действий отдельных сотрудников, превратилась в своего рода «справочное бюро»¹⁵². Таким образом, превращения коллегии из внутриведомственного в межведомственный контрольный орган так и не произошло, вследствие чего сохранялась бесконтрольность карательного учреждения.

---

* 5 членов коллегии, 1 управделами, 2 контролера-ревизора для работы в центре, 5 контролеров-ревизоров для разъездов и 2 контролера для поручений (ГАРФ.Ф. 1235. Оп. 94. Д. 176. Л. 410).

Делая выводы о формировании структуры ВЧК, нужно сказать, что начальный период ее существования характеризуется созданием отделов, занимавшихся борьбой с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией, и поиском ее организационных форм. С весны 1918 г. основная чекистская работа была сосредоточена в 4 главных отделах – по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, должностными преступлениями и Информационном, позже реорганизованном в Иногородний. Эти отделы, особенно Контрреволюционный, к середине 1918 г. превратились в гипертрофированные по своим функциям образования, что особенно ярко проявилось в разгар «красного террора» осенью 1918 г. В середине 1918 г. был создан ряд вспомогательных, «технических» подразделений, а также отделов, выполнявших временные поручения большевистской власти.

Отсутствие юридических документов, четко регламентировавших организационные формы, функции и права ВЧК, приводило к постановке перед ней как партийным, так и ведомственным руководством новых задач и, соответственно, к расширению аппарата и созданию новых подразделений. В связи с этим в 1918 г. многократно выросла численность как руководящих, следственных и оперативных работников, так и канцелярского и обслуживающего персонала, значительно превзойдя численность сотрудников смежных ведомств – НКВД и Наркомюста, что говорит об исключительности карательного органа большевистской диктатуры.

Крайне раздутые структура и штаты отделов ВЧК в 1918 г. явились (наряду с практическим отсутствием мощной агентуры и низкой квалификацией сотрудников) важными факторами низкой эффективности ее работы. Многие контрреволюционеры имели возможность относительно спокойно действовать даже в условиях разворачивания массового террора. Так, князь С.Е. Трубецкой вспоминал, как в 1918 г., служа в Московском Союзе кооперативных обществ, он принимал участие в разных политических делах и организациях, в частности соприкасался с работой «Азбуки» В.В. Шульгина, отмечая, что в то время ВЧК была далеко не так прекрасно организована, как позднее¹⁵³. Сын инженера из обрусевших немцев и писательницы, входившей в ЦК кадетской партии, А.В. Тырковой (по второму мужу – Вильямс) А.А. Борман, являвшийся в 1918 г. агентом контрразведки Добровольческой армии в Москве, впоследствии писал, что «в те времена Чека была направо и налево еще в значительной степени вслепую... Чека

еще не оплела всю Россию своей сетью и действовала ощупью, работать было не только возможно, но даже не очень трудно. Чекисты были заняты, главным образом, ловлей невинных людей, а лица, стремящиеся работать против большевиков, разъезжали в комиссарских вагонах, сидели на видных постах в комиссариатах и в крупных штабах»¹⁵⁴.

Примеры вышеупомянутого чекистского «бития вслепую» привел в своих воспоминаниях Л.Д. Любимов. Его отец – начальник канцелярии МВД царского времени, виленский губернатор, камергер и сенатор Д.Н. Любимов после объявления «красного террора» в Петрограде был арестован и отправлен в Петропавловскую крепость, а спустя примерно две недели чекисты вновь приехали с ордером на его арест на квартиру Любимовых. Мемуарист писал:

«Аресты множились с каждым днем, но опыта у арестовывающих еще не было. За отца взялись дважды*... Зато койкого упустили самым наивным образом. Так, избежал тюрьмы один из крупнейших дореволюционных деятелей Кривошеин, впоследствии главный помощник Врангеля в Крыму... Случилось так, что он сам открыл дверь, когда приехали его арестовывать в московскую контору Морозовых, где он был одним из директоров.

– Мы за гражданином Кривошеиным

– Сейчас позову его. Подождите минутку.

Медленно спустился другим ходом. У внутренней двери стоял часовой. Оделся не торопясь... также медленно вышел на улицу мимо сбитого с толку часового...»¹⁵⁵

В конце 1918 – начале 1919 г. на волне массовой критики деятельности ВЧК было проведено реформирование ее структуры, заключавшееся, в частности, в создании московского органа и разделении отделов по специализации. Последнее выразилось в создании на базе расформированных отделов по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и должностными преступлениями подразделений, занимавшихся конкретными направлениями чекистской деятельности (Военного, Секретно-оперативного, Транспортного и Следственно-юридического). Следствием создания МЧК стало заметное уменьшение численности центрального аппарата в декабре 1918 г.

---

* В октябре 1918 г. в результате энергичных хлопот жены и помощи польского дипломата Любимов-сарший был освобожден и впоследствии вместе с семьей эмигрировал.

Изменение организационно-штатного и численного состава ВЧК (1919–1922)

С января 1919 г. начался третий период структурной эволюции чекистского ведомства.

Многочисленные злоупотребления сотрудников ВЧК и небывалый вал критики ее деятельности послужили важными факторами для разворачивания в конце 1918 – начале 1919 г. в обществе широкой дискуссии о месте ВЧК в системе госорганов, подчиненности и вообще о дальнейшем ее существовании. Причиной дискуссии стала фактическая бесконтрольность чрезвычайных комиссий как на местах, так и в центре, наглядно проявившаяся в период «красного террора». Ход этой дискуссии оказал свое влияние на дальнейшее изменение структуры ВЧК, в первую очередь ее руководящего органа. В январе чекистское руководство разработало новую редакцию «Положения о ВЧК и губЧК». В ней был ряд существенных изменений. Так, впервые создавался официальный институт Коллегии ВЧК в составе 9 чел., на которую возлагалась вся ответственность за чекистскую деятельность и которая целиком утверждалась Совнаркомом*. В Коллегию должны были входить только руководящие чекисты рангом не ниже заместителя начальника отдела, а также по одному представителю от НКЮ и НКВД. Каждый из ее членов мог обжаловать решение своих коллег в Совнаркоме и ВЦИК. Председатель ВЧК назначался СНК и утверждался ВЦИК, он одновременно входил в состав коллегий наркоматов юстиции и внутренних дел с правом решающего голоса. В последних числах января 1919 г. на заседании Комиссии новый вариант «Положения о ВЧК» в целом был принят¹⁵⁶. Одна из причин введения института Коллегии состояла в желании руководства страны упорядочить назначение высшего управленческого чекистского звена. Введение Коллегии было также связано со стремлением чекистского руководства создать руководящую структуру карательного ведомства по типу схожую с руководящими органами наркоматов. Это делало более четко офор-

---

* А.Л. Литвин без всяких ссылок на источник конец ноября 1918 г. называет временем создания чекистской Коллегии ВЧК и утверждение ее Совнаркомом, однако имеющиеся в нашем распоряжении материалы факта, что указанная Коллегия до февраля 1919 г. функционировала (если она действительно была тогда сформирована), не подтверждают.

мленным представительство в высшем руководящем органе ВЧК членов коллегий наркоматов внутренних дел, юстиции и, наоборот, представительство чекистов в НКВД.

Первый состав членов чекистской Коллегии из 7 чел. (не считая представителей других комиссариатов) был утвержден на заседании ВЧК 18 февраля 1919 г. Было признано необходимым, чтобы члены Коллегии были заведующими отделами, и желательным, чтобы в нее входили представители Революционного трибунала¹⁵⁷. Пункт о представителях судебного органа был следствием принятого за день до этого постановления ВЦИК, согласно которому право вынесения приговоров по всем делам, ведущимся в чрезвычайных комиссиях, передавалось реорганизованным трибуналам, однако при наличии вооруженных выступлений, а также в местностях, объявленных на военном положении, за ЧК оставлялось право непосредственной расправы. Однако никто из представителей Ревтрибунала в Коллегию ВЧК не был введен. В первый состав Коллегии из руководящих чекистов вошли Ф.Э. Дзержинский (пред. ВЧК). Я.Х. Петерс (зампред ВЧК), И.К. Ксенофонов (секретарь ВЧК), М.Я. Лацис (зав. Секретным отделом), Г.С. Мороз (зав. Инструкторским отделом), М.С. Кедров (пред. Особого отдела) и И.П. Жуков (нач. Московского Транспортного окротодела).

Постановлениями ЦК РКП(б) от 25 марта и СНК от 27 марта 1919 г. был утвержден состав Коллегии ВЧК¹⁵⁸. По сравнению с февральским составом она была увеличена вдвое. В нее вошли Дзержинский, Ксенофонов, с 5 марта сменивший Петерса на посту зампреда ВЧК, продолжая исполнять обязанности секретаря Комиссии, руководители отделов: Мороз (Инструкторского), Кедров (Особого). А.В. Эйдук (Секретного), С.Г. Уралов (зам. зав. Секретного), И.Д. Чугурин (Транспортного), Жуков (Транспортного Московского округа), К.М. Валобуев (Штаба корпуса). Трое чекистов, ставшие членами Коллегии, вопреки «Положению о ВЧК» в тот момент подразделений не возглавляли. Это были командированный на Украину для руководства Всеукраинской ЧК Лацис, находившийся в командировке в Петрограде Петерс, с 18 февраля являвшийся представителем ВЧК в Верховном ревтрибунале ВЦИК и, кроме того, занимавший должность сопредседателя Мосревтрибунала, и Ф.Д. Медведь, официально вообще не занимавший никакой должности*. Из представителей других ве-

---

* Ранее Медведь также работал в центральном аппарате ВЧК, являясь членом Контрольно-ревизионной коллегии. С сентября

домств в составе Коллегии были утверждены член Президиума ВЦИК и правления Наркомгоскона В.А. Аванесов (С.К. Мартиросян), а также комиссар Управления военных сообщений В.В. Фомин. Однако не был реализован пункт «Положения о ВЧК» о вхождении в Коллегию представителей от НКВД и Наркомюста, что может свидетельствовать о продолжавшейся борьбе большевистского карательного органа с попытками установления контроля со стороны юридических учреждений*.

По мере необходимости в состав Коллегии ВЧК отдельных членов могли вводить и другие высшие государственные, а также партийные органы. Так, 12 ноября 1919 г. Совет Обороны принял постановление на время сохранения военного положения на железных дорогах подчинить Транспортный отдел ВЧК вновь учрежденному Особому комитету. В тот же день Совет Обороны назначил начальником Особого комитета и ТО ВЧК члена Коллегии НКПС С.Т. Ковылкина с одновременным введением его в Коллегию ВЧК¹⁵⁹. К исполнению своих обязанностей он приступил после возвращения из

1918 по март 1919 г. он возглавлял в Туле губЧК. Делегированный на VIII съезд партии, Медведь был оставлен в Москве в распоряжении ВЧК. По всей видимости, целью его введения в Коллегию было предполагавшееся назначение руководителем какого-либо подразделения (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 40047. Л. 4), но в то время в центре он так и остался «руководителем без портфеля». В конце апреля Медведь был командирован в Петроград и возглавил губЧК, при этом сохранив членство в Коллегии ВЧК.

* Позднее член Коллегии НКВД М.И. Васильев (Южин), возглавлявший милицию РСФСР, в течение непродолжительного времени входил в Коллегию ВЧК в целях координации деятельности милицейских и чекистских органов. Что же касается представителей НКЮ, то их в состав чекистской Коллегии не вводили вообще. По всей видимости, большевистскому руководству была памятна история с введением в декабре 1918 г. в состав ВЧК члена Коллегии Наркомюста М.Ю. Козловского, который вскоре, ознакомившись с некоторыми делами, выразил протест против чекистских методов. Назвав действия Козловского неосновательными и дезорганизаторскими, чекистское руководство обратилось в ЦК с вопросом: уполномочен ли Козловский от лица своего ведомства заявлять о враждебных отношениях комиссара юстиции и ВЧК. 19 декабря 1918 г. Бюро ЦК предложило НКЮ временно заменить Козловского в качестве представителя ВЧК до улаживания конфликта (*Леонов С.В. Рождение советской империи. С. 254*).

командировки 3 декабря 1919 г.¹⁶⁰ Членом чекистской Коллегии Ковылкин пробыл до середины января 1920 г., когда в связи с упразднением Оскома он перестал быть и начальником Транспортного отдела. 28 июля 1919 г. Оргбюро ЦК приняло решение ввести в Коллегию ВЧК Савинова, месяцем раньше назначенного единоличным секретарем ВЧК, и В.Н. Манцева (зампреда МЧК, фактически ею руководившего), поскольку лица, занимавшие эти должности, должны были входить в высший руководящий орган¹⁶¹. В начале 1920 г. в связи с направлением в захваченную красными Донскую область для организации и руководства местной ЧК Савинов из Коллегии выбыл. Следует отметить, что не всегда высшие партийные органы шли навстречу чекистскому руководству в отношении перемен в составе Коллегии. Например, 6 апреля 1919 г. Оргбюро, рассмотрев предложение Дзержинского о введении в Коллегию ВЧК С.А. Гарина и Н.К. Клышко, в отношении первого постановило просьбу отклонить, а второго – решение отложить^{162, *}. Таким образом, несмотря на введение института Коллегии, четкого порядка назначения ее членов в период существования ВЧК не было.

24 апреля 1919 г. по предложению Дзержинского Коллегия ВЧК постановила создать постоянный Президиум ВЧК в

---

* Бывший морской офицер С.А. Гарин (Гарфильд) незадолго до этого вернулся из Дании, где исполнял обязанности полпреда (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 1268. Л. 160). Н.К. Клышко, будучи студентом Петроградского технологического института, в 1907 г. эмигрировал в Англию, где в течение 10 лет работал на военных заводах конструктором оружия, а с осени 1918 г. до момента своего возвращения в Россию в феврале 1919 г. являлся первым секретарем советской дипломатической миссии в Стокгольме (там же. Ф. 124. Оп. 1. Д. 878. л. 7–9). По всей вероятности, Гарина и Клышко как старых большевиков-подпольщиков (соответственно, с 1903 и 1904 гг.), с одной стороны, и хорошо знающих европейские страны – с другой, Дзержинский планировал поставить на посты руководителей будущей Центроразведки, о подборе заведующего которой говорил на заседании Оргбюро пять дней спустя (там же. Оп. 112. Д. 3. Л. 18). Поначалу Гарин был направлен в Главвод. Однако 9 июня Оргбюро все же перевело его на чекистскую службу – заведующим Бюро жалоб ВЧК при Наркомате госконтроля, куда могли обращаться родственники арестованных и граждане, пострадавшие от действий чекистов (там же. Д. 4. Л. 22. Д. 5. Л. 19.). Клышко же не поступил на службу в ВЧК вообще.

составе Ксенофонтова (зампреда ВЧК) и членов – Мороза (зав. Инструкторским отделом) и Чугурина (зав. Транспортным отделом)¹⁶³. Секретарь при Президиуме Н.Н. Мещеряков возглавил Общую канцелярию ВЧК. В середине мая 1919 г. в состав Президиума ВЧК вошли штаты упраздненного Инструкторского отдела, а руководитель отдела Г.С. Мороз был назначен секретарем ВЧК. Второе лицо в отделе – член его коллегии В.И. Савинов – занял аналогичную должность в Секретном отделе, но через полтора месяца сменил Мороза на секретарском посту*. Штат инструкторов, Бюро информации, собиравшее и объединявшее все материалы о политическом состоянии республики, и подотдел специальной связи (телеграфной и телефонной) были переданы в Общий отдел при Президиуме. Туда же еще раньше (3 января) было переведено подавляющее большинство канцелярских служащих отделов. Все это свидетельствует о дальнейшем усилении к середине 1919 г. контроля чекистского руководства за деятельностью карательного ведомства**.

---

* 25 июня 1919 г. Коллегия ВЧК постановила отпустить Мороза для партийной работы в Госконтроль и Савинова утвердить на его место (Архив ВЧК. С. 328). Неизвестно, приступил ли он к партработе в Наркомгосконе, но 10 августа он стал начальником политотдела войск ВОХР (*Некрасов В.Ф.* На страже интересов Советского государства. С. 232). В конце января 1920 г. Мороз вернулся на должность секретаря ВЧК, сменив Савинова.

** На начало июля управленцами и специалистами Президиума (не считая членов Коллегии ВЧК и находившихся в его распоряжении, то есть как бы в резерве, М.К. Ихновского и К.М. Карлсона [первый после ликвидации Следственно-юридического отдела весной 1919 г. руководящей должности временно не занимал – возможно, это было связано с начатым ранее в его отношении расследованием по заявлению М.Ю. Козловского о причастности его к нелегальному игорному заведению, и, вероятно, исполнял обязанности юристконсультанта, второй – только что вернулся в Москву]) были следующие лица: секретарь межведомственного Оперштаба по борьбе с контрреволюцией М.А. Дейч, представители ВЧК при Бюро жалоб, Тюремной коллегии и в Центральном управлении снабжения, соответственно, С.А. Гарин (в том же месяце он возглавит отделение сводок в Секретном отделе), Н.Е. Ляхин и Ф.Н. Кутузов, зав. Общей канцелярией Н.Н. Мещеряков, его помощники Н.Н. Целиков и А.С. Гришнят, зав. машинописным столом К.С. Гришнят, зав. ар-

В начале 1919 г. была упразднена Коллегия, занимавшаяся контролем и ревизией. В середине января чекистское

хивом Б.Э. Хржонш, зав. Информбюро Я.Ю. Клявин, его помощник Ф.И. Мильтер, зав. клубом ВЧК И.В. Зоссен, начальник телефонной станции Г.П. Сопранцев, начальник телеграфа П.А. Мюллер, его помощник А.Д. Игнатьев, механик телеграфа С.С. Чистилин, дежурные по связи Ф.М. Полис, С.Ф. Гусев, Л.И. Янсон, ночные дежурные М.П. Яковлев, Г.Х. Удре, М.К. Сержант, начальник Оперативного отделения А.Я. Беленький, комиссары С.Л. Пупко, А.И. Гольдинфудин, В.В. Скоринко, А.Я. Дальдер, Ф.Я. Мартынов, Л.М. Заковский, Г.М. Иванов, Т.Т. Семенов, И.И. Скраме, К.И. Вейс, И.И. Шимановский, Г.В. Хрусталев, А.П. Лебедев, А.О. Белов, А.И. Каузов, В.А. Уткин, А.Г. Битенек, А.П. Эрман, А.Ф. Глейтнер, Р.А. Зарин, следователи П.Я. Валескалн (10 июля он возглавит образованную Следчасть), И.Н. Чугунихин (он тогда же стал следователем в Секретном отделе, а 9 октября переведен помощником завхоза ВЧК), И.А. Визнер, И.В. Игнатьев, Г.В. Соловьев, Э.М. Удрис, инструктора Д.И. Логинов, А.И. Комлев, М.М. Каширин, Б.И. Пчелкин, Б.И. Травягин, М.С. Танский, В.М. Малаховский, И.А. Кадушин (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 18. Л. 10–13).

Состав следователей и комиссаров при Президиуме постоянно менялся. Так, в октябре 1919 г. в числе комиссаров Президиума уже не было Мартынова, который после взрыва здания МК партии анархистами, произведенного 25 сентября, был возвращен в МЧК для руководства борьбы с последними. Зато в этом списке фигурировал приехавший из Петрограда В.Л. Борщевский, работавший в ВЧК еще в первые месяцы ее существования (там же. Л. 168об.). Однако во второй половине 1918 г. в северной столице он являлся помощником Главного комиссара Военконтроля. Как установили исследователи С.С. Войтиков и П.В. Батулин, в начале 1919 г. вместе со своим непосредственным начальником И.С. Плотниковым (Плотником) он был привлечен к следствию ПетроЧК за незаконные изъятия имущества со складов конфиската и уже лично – за его продажу. 30 июня 1919 г. по приговору Петроградского трибунала и Плотников, и Борщевский были лишены на 1 год права занимать ответственные советские должности (*Войтиков С.С. Высшие кадры Красной Армии. С. 461–469*). Но если первый вследствие этого отправился в Красную Армию, то второй – в Москву, чтобы вернуться на чекистскую службу – должность комиссара ВЧК руководящей не являлась и под приговор фактически не подпадала; впрочем, в тех условиях о точном следовании букве судебного решения речь шла далеко не всегда.

руководство постановило, с одной стороны, упразднить в ней представительство наркоматов и других учреждений, а с другой – предоставить ей право приостановления решения «расстрельной тройки» до пересмотра его пленумом ВЧК, то есть собранием ее членов, причем в заседаниях и ВЧК, и ее Президиума мог присутствовать только один член КРК – данные принципы должны были стать основой для соответствующего положения ВЦИК¹⁶⁴. Однако после постановления ВЦИК от 17 февраля 1919 г., согласно которому вынесение приговоров по всем чекистским делам передавалось реорганизованным трибуналам (за исключением случаев вооруженных выступлений и местностей, объявленных на военном положении), функция приостановления расстрелов ВЧК отошла на задний план. Кроме того, как раз к этому времени в КРК почти не осталось членов, а оставшимся, как заявил ее фактический чекистский руководитель В.И. Савинов на заседании ВЧК 18 февраля 1919 г., приходится заниматься делом, не относящимся к задачам коллегии, в результате чего работать стало крайне трудно. Результатом сообщения Савинова стали упразднение в тот же день КРК и передача ее функций Инструкторскому отделу. Личный состав коллегии (контролеров, ревизоров и др.) было решено использовать по усмотрению. Впредь все заявления о делах арестованных должны были направляться бывшему члену КРК Г.В. Соловьеву, назначенному инспектором по делам арестованных. Савинову, утвержденному членом коллегии Инструкторского отдела, и его новому начальнику Морозу было поручено составить обращение к населению об упразднении коллегии для публикации в печати¹⁶⁵. Важными факторами ликвидации КРК были как нехватка сотрудников коллегии и ее полная дискредитация в связи с делом арестованного в декабре 1918 г. и осужденного 17 февраля 1919 г. Мосревтрибуналом к расстрелу зампреда коллегии Ф.М. Косарева. Косарев обвинялся в вымогательстве крупной денежной суммы у женщины, муж которой сидел в тюрьме, и в ряде других злоупотреблений. Кроме того, в этом деле был замешан управделами коллегии Н.Л. Назаренко и косвенно ее члены Соловьев, Ф.М. Либерт и А.И. Ротенберг^{166, *}.

---

* Примечательно, что обвинителем на процессе Косарева был Н.В. Крыленко – в то время активный сторонник передачи функций чрезвычайных комиссий ревтрибуналам. Свое мнение Крыленко в первую очередь доказывал отсутствием контроля за че-

Помимо Контрольно-ревизионной коллегии до начала 1919 г. не был четко определен статус в системе чекистского ведомства и другого важнейшего подразделения – Штаба корпуса. Сам корпус фактически был организован осенью 1918 г. путем объединения чекистских отрядов в центре и на местах. Первый шаг к превращению его штаба в полноправный отдел был сделан на заседании Комиссии ВЧК 9 декабря 1918 г., когда по итогам доклада о состоянии Штаба войск, для установления более тесной связи с корпусом, его командующему Валобуеву было предложено присутствовать на заседаниях Комиссии¹⁶⁷. 18 февраля на заседании ВЧК был рассмотрен проект положения «О вооруженной силе ВЧК и ЧК», согласно которому Штаб войск приравнивался в правах к отделам ВЧК. В целом проект был принят, но для окончательной редакции «Положения» создана комиссия в составе Лациса, Валобуева и Мороза. В постановлении ВЧК говорилось: «Штаб войск образуется как отдел при ВЧК». Эта формулировка нашла свое отражение в принятом 12 марта 1919 г. Президиумом ВЧК «Положении о корпусе войск»¹⁶⁸. Таким образом, был, наконец, определен статус командования чекистскими войсками. Основные причины реорганизации Штаба в отдел центрального аппарата косвенно объясняет заседание Президиума ВЧК 30 марта 1919 г., на котором Валобуеву было поручено выработать проект декрета о создании единого операционного центра по руководству борьбой при подавлении контрреволюционных восстаний, чтобы этим центром была ВЧК в лице Штаба ее войск. На этом же заседании войсковому штабу наряду с Секретным и Инструкторским отделами было поручено совместно обрабатывать информационный материал, поступающий в Комиссию¹⁶⁹. 28 мая 1919 г. в целях передачи внутренней вооруженной силы в распоряжение ведомства, наиболее полно охватывающего советское госстроительство, большинство вспомогательных воинских подразделений Советом Обороны было передано в распоряжение НКВД, который должен был управлять ими через Штаб войск ВЧК, переименованный в Штаб войск Внутренней охраны (ВОХР). Дзержинскому, назначенному 30 марта 1919 г. по совместитель-

---

кистским следствием (Из истории взаимоотношений чрезвычайных комиссий и революционных трибуналов. – Вопросы истории, 1990, № 7. С. 157). Поэтому процесс Косарева служил для него серьезным аргументом в пользу его точки зрения (Крыленко Н.В. За пять лет. С. 14.).

ству наркомом внутренних дел, удалось сохранить руководство внутренними войсками. Под его председательством Коллегия ВЧК 18 августа 1919 г. предложила Президиуму циркулярно известить все ЧК о непосредственном наблюдении за войсками ВОХР, циркуляр о чем было поручено выработать начштаба К.М. Валоубеву¹⁷⁰.

В данный организационный период серьезные изменения коснулись как «линейных» подразделений, так и отделов, занимавшихся обеспечением чекистской деятельности. 30 марта 1919 г. было принято решение об упразднении Следственно-юридического отдела, а всех следователей Президиум ВЧК постановил распределить между Инструкторским и Секретным отделами¹⁷¹. Основной причиной его ликвидации была предполагавшаяся передача следственных функций трибуналам¹⁷². Однако спустя три месяца из-за того, что передача функций трибуналам не состоялась, Х.В. Пинесу было поручено организовать вновь следственное подразделение на правах отделения при Президиуме¹⁷³. То, что следственное подразделение было воссоздано в составе Президиума, по всей видимости, отражало желание чекистского руководства взять работу по делам, присылаемым из региональных ЧК, под свой больший контроль. Принципиальное отличие вновь созданного отделения от прежнего Следственно-юридического отдела заключалось и в том, что оно не имело функции кодификации чекистских законодательных актов^{174,*}. Если в период существования Следственно-юридического отдела кроме него следствие могли вести Особый и Транспортный отделы, то при восстановлении следственного подразделения, его организатор – уполномоченный Секретного отдела Пинес – добился передачи следственных функций и своему отделу. Это основывалось на выводе чекистского руководства о том, что работа уполномоченных Секретного отдела тесно переплетена со следствием. Следственной же части при Президиуме, возглавленной бывшим инспектором по особым поручениям Секретного отдела П.Я. Валескалом, вменялись в обязанность разбор дел, возникающих в отно-

---

* После упразднения Следственно-юридического отдела специального органа, занимавшегося кодификацией, до 1920 г. не существовало. 6 апреля 1920 г. при ВЧК было учреждено Юридическое бюро – юристконсультантская часть (Отчет ВЧК. С. 122). Ее заведующим был назначен М.М. Луцкий, до революции работавший адвокатом, а в 1917–1919 гг. руководивший юротделом НКВД (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 1834. Л. 197).

шении самих сотрудников ВЧК и ее местных органов, а также просмотр дел, присылаемых местными комиссиями на утверждение приговоров*. Согласно положению о Следчасти, принятом Президиумом ВЧК 17 октября, она должна была состоять из заведующего, его помощника, восьми следователей и пяти канцелярских работников¹⁷⁵.

В начале 1919 г. заведующим Секретным отделом Лацисом был четко очерчен круг стоявших перед отделом задач: 1) негласный надзор за «противосоветскими» политическими партиями, группами и лицами; 2) предупреждение и пресечение «контрреволюционных явлений», а также спекуляции, бандитизма и преступлений по должности; 3) гласный надзор за лицами, ограниченными в правах ЧК, и учет совслужащих и прочих учреждений¹⁷⁶. В соответствии с этими задачами в Секретном отделе были введены 5 уполномоченных: 1) по «антисоветским левым» партиям; 2) «правым» партиям и духовенству; 3) по спекуляции; 4) по общим делам (бандитизму, преступлениям по должности); 5) по разведке (наружному наблюдению). В качестве подсобного аппарата в Секретном отделе были созданы Бюро розыска, Статистическое отделение и Регистрационно-карточное бюро, усовершенствование которого на заседании Президиума ВЧК от 30 марта 1919 г. было поручено члену коллегии Инструкторского отдела Савинову¹⁷⁷. Штат отдела был установлен в 57 чел., из них руководящих и оперативных работников (заведующий, его заместитель, секретарь отдела, начальники отделений, уполномоченные по разным группам и их помощники, выполняющие роль следователей) – 30¹⁷⁸.

В середине марта на посту заведующего Секретным отделом Лациса, командированного на Украину, сменил Эйдук, по совместительству – начальник Секретно-оперативной части Особого отдела, а в начале мая 1919 г. заведующим Секретным отделом стал Уралов, до этого заместитель начальника отдела**. Уралов придерживался иных взглядов, чем его

---

* С 21 ноября 1919 г. по 7 апреля 1920 г. Следственную часть при Президиуме возглавлял член Коллегии ВЧК Мороз, а Валескалн являлся его заместителем (Архив ВЧК. С. 353).

** Уралов 4 октября 1919 г. Президиумом ВЧК был назначен ответственным инструктором ЧК при поезде особого назначения им. Ленина, едущем на Урал и в Сибирь. В декабре 1919 – апреле 1920 г. он возглавлял Омскую губЧК и СибЧК, а в мае-августе 1920 г. вновь работал в центральном аппарате, занимая должность секретаря ВЧК, после чего перешел на работу в ВСНХ (Ар-

предшественники, на предназначение данного подразделения. После его прихода к руководству вся московская работа по политическим партиям была передана в МЧК, а за отделом были оставлены только руководство над секретно-оперативными отделами местных ЧК и в отдельных случаях ведение следствия¹⁷⁹. Соответственно, численность сотрудников Секретного отдела была уменьшена втрое и к середине июля составляла 19 чел., из которых руководящими работниками и специалистами были всего 9 чел.^{180,*}

17 сентября 1919 г. начальником Секретного отдела был вновь назначен Лацис, вернувшийся с Украины, который в короткий срок перестроил отдел практически по прежней схеме¹⁸¹. Уже к ноябрю 1919 г. численность сотрудников отдела вновь заметно возросла, составив 44 чел. (управленцев и специалистов – 28)¹⁸². До конца 1920 г. структура Секретного отдела претерпевала лишь незначительные изменения, даже после того как 6 сентября 1920 г. Лациса, откомандированного ЦК на продрабл, сменил Т.П. Самсонов (Бабий), в 1919 г. – начальник Особого отдела МЧК, а между работой в МЧК и ВЧК успевший побывать на руководящих должностях в военной разведке и Главкомтруде^{183,**}. Почти

хив ВЧК. С. 343; биографич. справка об Уралове: *Скоркин К.В.* НКВД РСФСР. С. 755–756).

* В июле 1919 г. руководящими работниками и специалистами Секретного отдела были: зав. отделом С.Г. Уралов, зам. зав. М.К. Романовский, пом. зав. Г.М. Иванов, зав. Статистическим отделением Н.И. Кутын, зав. отделением сводок С.А. Гарин, уполномоченные Х.В. Пинес и И.Н. Чугунихин, следователи Б.А. Бердичевский и О.П. Наумова. Кроме того, 10 июля 1919 г. Президиум ВЧК постановил, что начальник Следчасти Президиума П.Я. Валескалн свободное время должен посвящать работе в Секретном отделе. Тогда же в его коллегия был введен К.М. Карлсон (Архив ВЧК. С. 329). Карлсон прибыл незадолго до этого из Казани, где возглавлял губЧК. Спустя 6 дней после введения в коллегия отдела он по совместительству был назначен начальником создаваемой школы ВЧК по подготовке следователей, комиссаров и разведчиков, а в конце августа возглавил отделения районных политбюро Секретно-оперативного отдела МЧК (Гвардейцы Октября. С. 417).

** С конца 1919 г. по начало 1920 г. отдел именовался Секретно-оперативным в связи с временной передачей ему права проведения арестов и обысков и откомандированием ряда сотрудников из Оперативного отделения при Президиуме, пере-

не изменилась до конца 1920 г. и численность отдела, составив на 15 сентября 1920 г. 47 чел. (руководящих, следственных и оперативных работников – 30)^{184,*}.

С деятельностью Секретного отдела тесно была связана работа созданного в начале 1919 г. на базе Регистрационного бюро Регистрационного отдела, который возглавлял бывший начальник Регистрационного отделения Особого отдела Я.П. Роцен. В середине 1919 г. отдел состоял из трех отделений: 1) учета преступного элемента (состояло из столов по-

именованного в Активное отделение. Самсонов в отличие от своих предшественников, не работавший в центральном аппарате ВЧК, был назначен временно и не введен в Коллегию, а лишь получил права ее члена, однако на посту руководителя данного отдела он оставался до конца существования ВЧК (правда, 23 января 1921 г. на заседании Президиума ВЧК было рассмотрено его заявление об уходе, которое было отклонено) (Архив ВЧК. С. 399, 424, 703).

* На начало ноября 1919 г. Секретный отдел состоял из следующих руководящих, следственных и оперативных работников: зав. М.Я. Лацис, его зам. М.К. Романовский, члены коллегии Г.М. Иванов и К.М. Карлсон, помощник зав. М.А. Дейч, инспектор В.А. Балицкий (бывший член Коллегии, возглавлявшейся Лацисом Всеукраинской ЧК, и будущий руководитель ГПУ Украины), зав. Статистическим отделением Н.И. Кутьин, уполномоченные Х.В. Пинес, Ф.Д. Чайковская, З.И. Красильщик, Л.П. Резаусский, Р.С. Каменецкая, следователи О.В. Тейфельман, Ф.Ф. Крюковский и И.С. Фрид, помощники следователей М.Я. Иванов и В.Л. Шатковский, комиссары С.Р. Боярский, И.М. Шамес, С.Г. Нефедьев, В.П. Субачев, М.Н. Орлов, разведчики Ф.П. Гоба, Л.Л. Зильберман, Л.Л. Шатковский, В.С. Шкурин, Г.И. Уточкин, Б.А. Манькин (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 18. Д. 20. Л. 108–109). К лету 1920 г. управленцами и специалистами Секретного отдела были: зав. М.Я. Лацис, зам. зам. М.К. Романовский, секретарь В.В. Шибов, зав. подотделами Б.А. Бердичевский, Я.Н. Кожевников и Л.П. Резаусский, зав. Бюро Г.Я. Розенталь, зав. столом Я.Ю. Клявин, зав. Техчастью О.А. Дукат, зав. Статистическим отделением Н.И. Кутьин, уполномоченные Р.И. Боднек, М.В. Бренер, В.И. Витлицкий, Ю.Ф. Девингаль, Р.С. Каменецкая, З.И. Красильщик, А.А. Крафт, Х.В. Пинес, И.Я. Розе (по анархистским группировкам), В.В. Фортунатов, В.Х. Штейнгардт, помощники уполномоченного П.М. Вилистер, К.Я. Кокорев, Ф.М. Малаховский, Ф.А. Ульман (по политпартиям), следователь В.Я. Озол и ревизор М.Л. Гринштейн (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 290. Л. 9).

литпартий и духовенства, контрреволюционных, шпионских и белогвардейских элементов, уголовного элемента, а также арестованных лиц); 2) учета комсостава Красной Армии; 3) учета совслужащих. Кроме того, в отдел входили стол регистрации иностранных подданных, карточное бюро и архив ВЧК^{185,*}. На июль 1919 г. отдел насчитывал 29 сотрудников^{186,**}. 21 мая 1920 г. Совет Труда и Оборона в целях подготовки к проведению профессиональной, сельскохозяйственной и промышленной переписей издал декрет «Об обязательном учете статистических сил РСФСР». В соответствии с этим 25 мая 1920 г. Президиум ВЧК постановил переименовать Регистрационный отдел в Регистрационно-статистический, возложив на него всю статистическую разработку данных по ВЧК и руководство этой работой по всем губЧК^{187,***}. Однако в качестве самостоятельного подразделения ВЧК Регистрационно-статистический отдел просуществовал недолго: в ноябре 1920 г. на правах отделения он вошел в состав вновь организованного Оперативного отдела^{****}.

---

* Архив был передан в Регистрационный отдел из Президиума 19 июля 1919 г. Месяц спустя Коллегия ВЧК постановила обязать губчека пересылать в архив законченные дела о контрреволюционных восстаниях и организациях после вынесения приговора. Через отдел должны были проходить дела, не только отправляемые в архив, но в какое-либо судебное учреждение (Архив ВЧК. С. 333, 337).

** К лету следующего года управленческий аппарат отдела состоял из 5 чел.: зав. Я.П. Роцен, зам. зав. Е.Г. Смиттен, секретарь В.Н. Назаров, зав. архивом Б.Э. Хржонш и Справочным бюро Ш.Э. Эру (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 290. Л. 10). Смиттен была назначена зам. заведующего 10 ноября 1919 г. (Архив ВЧК. С. 352).

*** 1 июня 1920 г. было решено назначить заведующим Регистрационным отделом Лациса, а его помощником временно – Жукова (бывший начальник Транспортного отдела) (Архив ВЧК. С. 382). Назначением руководителей двух ведущих подразделений чекистское руководство, по всей вероятности, стремилось поднять его статус, а с другой – учитывая должность Лациса, еще больше подчинить его в оперативном отношении Секретному отделу. Однако данные назначения, судя по всему, так и не состоялись, и отделом по-прежнему продолжили руководить «второстепенные» работники – Роцен и Смиттен.

**** Оперативный отдел был создан 26 ноября 1920 г. путем слияния части Активного отделения при Президиуме и Регист-

Важной проблемой, вставшей перед чекистским руководством к началу третьего организационного периода, был вопрос о ведомственной принадлежности военной контрразведки. Вопрос о полном сосредоточении в чекистском ведомстве контрразведывательной работы в 1918 г. вызывал острые споры между руководителями ВЧК и Реввоенсовета. Результатом дискуссии стало принятое 19 декабря 1918 г. постановление Бюро ЦК, в котором выражалось согласие с выработанным при Реввоенсовете положением об объединении деятельности ВЧК и Военного контроля. Троцкому предлагалось переговорить с другими членами РВСР относительно кандидатуры Кедрова на должность заведующего Военконтролем¹⁸⁸. Спустя неделю РВСР принял постановление о новом подразделении, названном Управлением Особого отдела. В нем говорилось, что начальником управления назначается Кедров, а общее руководство лежит на члене РВСР С.И. Аралове, входящем постоянным членом с правом решающего голоса в Коллегию ВЧК¹⁸⁹. Однако в «Положении» об Особом отделе, разработанном Кедровым и Лацисом, спустя три дня утвержденном ВЧК, а 3 февраля – ВЦИК, отмечалось, что заведующим Особым отделом назначается один из членов Коллегии ВЧК по согласованию с Реввоенсоветом Республики, но последний может выдвигать и свои кандидатуры на эту должность^{190, *}. Этим постановлением было закреплено правило, согласно которому Особый отдел должен воз-

---

рационно-статистического отдела. Зав. Оперативным отделом был назначен работник аппарата ВЦИК Б.М. Футорян. В составе Президиума было оставлено только отвечавшее за охрану большевистского руководства отделение, получившее название Специального. Во главе его встал бывший начальник Активного отделения Беленький.

* Особый отдел, по всей видимости, начал действовать с 6 января 1919 г. Как установил С.С. Войтиков, именно в этот день В.Х. Штейнгарт сложил с себя полномочия начальника Военного контроля, передав их Кедрову. Спустя же 11 дней Троцкому было доложено, что Военконтроля больше нет, а есть никому не подчиняющийся Особый отдел (*Войтиков С.С. Отечественные спецслужбы и Красная Армия. М., 2010. С. 319*). Примечательно, что в протоколе заседания ВЧК 18–19 января 1919 г., когда было поручено Кедрову и Лацису разработать в трехдневный срок проект об организации Особых отделов, их центральное подразделение именовалось Особым (Военным) отделом при ВЧК (Архив ВЧК. С. 363). По всей видимости, полностью

главлять именно чекист. Что же касается члена РВС Аралова, то вместо общего руководства за ним была оставлена лишь функция наблюдения за работой нового органа военной контрразведки¹⁹¹. К апрелю 1919 г. Особый отдел насчитывал 8 отделений, в которые входили 52 руководящих, следственных и оперативных работника^{192,*}.

Достичь существенной эффективности в работе нового контразведывательного органа на первых порах не удавалось. По мнению А.А. Здановича, основная причина этого была связана с деятельностью руководителя Особого отдела Кедрова, проводившего местническую политику, которая проявлялась в оторванности и бесконтрольности подразделения в ВЧК. Кроме того, Кедров в условиях менявшейся обстановки не принимал должных мер к усовершенствованию организационно-штатной структуры Управления и занимался выдавливанием квалифицированных сотрудников, работавших ранее в Военконтроле РВСР¹⁹³.

Одной из важнейших проблем, стоявших перед руководством чекистской контрразведки в первой половине 1919 г., было фактическое отсутствие связи между Управлением Особого отдела и его региональными и армейскими органами¹⁹⁴. На заседании Президиума ВЧК 12 марта 1919 г. был заслушан доклад прибывшего в Москву начальника Особого отдела 5-й армии И.П. Павлуновского о работе фронтовых Особых отделов. По итогам доклада Павлуновский был утвержден вторым помощником начальника и членом коллегии Особого отдела ВЧК¹⁹⁵. Этим назначением чекистское руководство, по-видимому, стремилось дать Кедрову помощника, в отличие от его первого заместителя Эйдука, гораздо более осведомленного о положении дел с органами военной контр-

---

название «Особый отдел» заменило «Военный отдел» после утверждения чекистским руководством данного проекта.

* На апрель 1919 г. структура Управления Особого отдела выглядела следующим образом: председатель (М.С. Кедров), 1-й зампред (он же зав. Секретно-оперативным отделом, А.В. Эйдук), 2-й зампред (И.П. Павлуновский), Общее отделение (секретариат, Ф.И. Эйхманс), Активное отделение (агентурная работа, наблюдение, аресты и обыски, А.Х. Артузов), Следственное отделение (В.Д. Фельдман), Организационно-инструкторское отделение (брид И. Зорин), Регистрационное отделение (Я.П. Роцен), Комендантское отделение (К.П. Крумин), Казначейское отделение (В.И. Гайлит), Бюро по выдаче пропусков (П.А. Барда).

разведки на местах. Однако вплоть до осени 1919 г. связь с местными органами серьезно не улучшилась.

18 августа 1919 г. решением ЦК РКП(б) руководство Особым отделом было возложено на Дзержинского (по совместительству). Расстался со своей должностью и первый заместитель начальника Особого отдела протезе Кедрова Эйдук, замененный перемещенным с поста второго заместителя Павлуновским. Вторым же заместителем стал Аванесов*. Секретно-оперативный отдел вместо А.В. Эйдука возглавил прибывший с Южного фронта бывший начальник Особого отдела 11-й армии Г.А. Атарбеков (Атарбекян).

Данные кадровые перестановки, по мнению А.А. Здановича, были обусловлены недовольством Троцкого работой Особых отделов вообще и Управления Особого отдела во главе с Кедровым в частности, а также тем, что ЦК стало известно от чекистов о существовании в столице разветвленной белогвардейской организации «Национальный центр». Поэтому было решено сосредоточить руководство ее разгромом в руках одного человека, доказавшего свою способность объединять для достижения цели все звенья розыскной и карательной системы¹⁹⁶.

В сентябре 1919 г. в Особом отделе были введены должности особоуполномоченных. Помимо начальников отделений А.Х. Артузова (Фраучи) и В.Д. Фельдмана, ими стали заместитель наркома госконтроля К.И. Ландер, прибывший с Украины замнаркома социалистической и военной инспекции УССР, уже работавший в ВЧК в первые дни ее существования Менжинский, а в октябре – секретарь Малого Совнаркома Я.С.(Ш.) Агранов. Особоуполномоченные должны были вести крупные дела, изучать направления шпионской и контрреволюционной деятельности и предлагать формы борьбы с ней¹⁹⁷.

---

* 28 июля 1919 г. на заседании Оргбюро Ф.Э. Дзержинский поднял вопрос о переводе члена Коллегии ВЧК В.А. Аванесова из Наркомгосконтроля на работу в Особый отдел ввиду важности работы Особого отдела. Оргбюро высказалось за перевод Аванесова, но окончательное решение вопроса отложили до переговоров с наркомом госконтроля Сталиным (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 6. Л. 178). Следует отметить, что Аванесов к тому времени уже являлся членом чекистской Коллегии, в которую входил в качестве представителя ВЦИК и Наркомгосконтроля, и о чекистской работе, в том числе контрразведывательной, был хорошо осведомлен.

Желание чекистского руководства в условиях крайне напряженной обстановки на фронте преодолеть децентрализацию системы Особых отделов и создать гораздо более мощный по структуре и штатной численности контрразведывательный орган стало причиной начавшегося осенью 1919 г. его кардинального реформирования. На учрежденную должность управделами Особого отдела был назначен Г.Г. Ягода. До сентября 1918 г. он был управделами Высшей военной инспекции, а после ее расформирования занимался созданием военного отдела Наркомгоскона и являлся, таким образом, подчиненным Аванесова, и с августа 1918 г. по совместительству зампреда Особого отдела, который и выдвинул Ягоду на чекистскую службу^{198,*}. В течение ноября 1919 г. Ягода разработал новую организационно-штатную структуру, которая в декабре была утверждена на проходившем в Москве 1-м Всероссийском съезде Особых отделов фронтов и армий. По новому положению Управление Особого отдела состояло из четырех подразделений: Управделами, Административно-организационного, Секретно-оперативного и Информационного (систематизация сведений, поступающих из местных органов и создание сети информаторов в центральных военных учреждениях) отделов¹⁹⁹. По проекту, утвержденному Павлуновским и Ягодой, штатное количество сотрудников Особого отдела должно было быть 431 чел., что в несколько раз превышало их численность в апреле 1919 г.²⁰⁰ Однако из-за дефицита чекистских кадров списочная численность Управления Особого отдела к апрелю 1920 г. возросла до 320 чел., из которых 35 чел. были сотрудниками Секретно-оперативного отдела²⁰¹.

Изменения затронули и руководство Особого отдела. 1 февраля 1920 г. на пост заместителя председателя, ставшего единственным, был назначен особоуполномоченный отдела Менжинский²⁰². 20 июля 1920 г. он сменил Дзержинского в должности председателя Особого отдела и был введен в Коллегию ВЧК, а Ягода стал его заместителем, одновременно оставаясь управделами отдела.

Другим подразделением, имевшим, как и Особый отдел, внутри ВЧК относительную автономию, являлся Транспортный. Эта автономия была обусловлена тем, что, кроме че-

---

* Дзержинский также хорошо знал Ягоду с 1917 г., когда последний состоял в Петроградской военной организации РСДРП(б) и был членом Петросовета.

кистского ведомства, отдел был тесно связан с Наркомпути. 7 мая 1919 г. Чугурина, назначенного секретарем ВЧК (на этой должности он тоже пробыл недолго и был командирован в Саратов, где вскоре возглавил местный совет – при этом еще несколько месяцев числился членом Коллегии ВЧК), на посту начальника Транспортного подразделения сменил бывший неофициальный руководитель отдела Фомин²⁰³. Уже на следующий день он выступил с докладом о серьезной реорганизации подразделения²⁰⁴. Согласно подписанному Дзержинским 10 мая 1919 г. положению о транспортных органах ВЧК, коллегия отдела состояла из заведующего, двух его помощников, всех заведующих частями, представителей НКПС и военного ведомства. Серьезные изменения претерпела и структура отдела. По новому положению он состоял из 4 частей. Общая (административная) часть включала в себя четыре делопроизводства: железнодорожное, водное, шоссе-ных и грунтовых дорог, военных сообщений. Аппарат главного инспектора ведал личным составом всех местных органов ТО, а также осуществлял надзор за всеми мероприятиями по транспорту. Специальная часть (разведка) занималась секретным сыском. Следственная часть вела транспортные дела и подготавливала для руководства ВЧК те из них, по которым должна была быть применена высшая мера наказания²⁰⁵. Серьезно увеличилась численность сотрудников Транспортного отдела. Если вскоре после его организации в декабре 1918 г. она составляла 35 чел., из которых руководящими, следственными и оперативными работниками были 21 чел.²⁰⁶, то в июле 1919 г. отдел насчитывал 95 чел. (управленцев и специалистов – 52)²⁰⁷. Правда, осенью его численность стала резко уменьшаться в связи с командировками многих сотрудников на фронт и на места для контроля за транспортом*.

Разрастающаяся преступность на железных дорогах, все более усиливавшиеся разруха и конфликты с НКПС заставили советское руководство обратить большее внимание на чекистские органы на транспорте. Возникла острая необходимость регламентирования прав и обязанностей Транспортного отдела и четкого определения его оргструктуры. 9 января 1920 г. Советом Обороны была учреждена специальная

---

* На начало осени расстановка руководящих, следственных и оперативных работников была следующей. Исполняющим обязанности зав. отдела являлся Ф.И. Слюсаренко, его зам. Б.А. Романов, секретарем В.Л. Мазия, зав. Следственной частью И.К. Даниловский, следователями С.А. Херувимов, Н.П. Ба-

комиссия, которой было поручено выработать проект реорганизации Особого комитета по проведению чрезвычайного положения на железных дорогах (Оскома) и ТО ВЧК таким образом, «чтобы они были слиты с Комиссариатом путей сообщения в духе единообразия, единоначалия и милитаризации»²⁰⁸. 12 ноября 1919 г., как мы уже указывали, Советом Обороны, председателем Особого комитета по проведению военного положения на железных дорогах и заведующим Транспортным отделом ВЧК был назначен особоуполномоченный по введению военного положения на железных дорогах Востфронта и член Коллегии НКПС С.Т. Ковылкин с оставлением в последней должности*. 16 января 1920 г. по его докладу Совет Обороны под председательством Ленина принял соответствующее постановление о реорганизации отдела. В нем, в частности, говорилось, что заведующий ТО назначается ВЧК по согласованию с наркомом путей сообщения²⁰⁹.

лашев, И.М. Гадло, Пименов, главным инспектором – М.Н. Смирнов, инспекторами – П.Е. Сердюк, Н.А. Курбатов, Г.И. Сомов, А.С. Клягин, Ф.С. Гилев, А.П. Альпов, ревизорами – Н.М. Чекмазов, К.С. Гобов, Прудников, С.И. Смирнов, Зименков, А.Н. Маргилевич, инструкторами – Аблесимов, К.С. Зильберман, Ф.Н. Чугунихин, Добряков, В.Ф. Шаров, М.А. Чеботарь. В конце осени управленцами и специалистами отдела были: зав. И.П. Жуков, его зам. Слюсаренко, секретарь Мазия, зав. Секретной частью И.Н. Шейнкман, руководитель Следственно-юридической части Даниловский, следователи Херувимов, Балашев, Гадло, Клягин, главный инспектор Смирнов, инспектора Чугунихин, Альпов, Зильберман, Аблесимов, Зименков, Маргилевич, Сомов, Таланов, Гобов.

* С именем С.Т. Ковылкина позднее была связана довольно курьезная история. В 1919 г. по случаю его приезда по служебным делам на станцию Арапово Московско-Казанской железной дороги (юг Мордовии) прилегающее село местный совет переименовал в Ковылкино. Постепенно причина получения селом этого названия забылась. Лишь в конце 1950-х гг., накануне получения этим пунктом статуса города (в 1960-х), местные краеведы обнаружили в архивах сведения о визите Ковылкина и решении поселковой власти. Но дело-то в том, что в июле 1937 г. Ковылкин, занимавший должность начальника Оренбургской железной дороги, был арестован, в феврале 1938 г. по приговору Военной Коллегии Верховсуда СССР расстрелян, а в июле 1956 г. реабилитирован. Таким образом, 19 лет село носило имя «врага народа»!

В дополнение к данному постановлению на состоявшейся в середине февраля 1920 г. 4-й Конференции чрезвычайных комиссий было принято новое положение о Транспортном отделе. В нем определялись следующие средства выполнения задач: регистрация служащих НКПС, осведомление о состоянии транспорта, выемки, обыски и аресты, дознание и следствие, контроль и наблюдение за пассажирами и группами, оказание содействия органам НКПС, предотвращение нарушения движения транспорта. Наблюдение за работниками транспорта должно было осуществляться как штатными сотрудниками, так и путем вербовки осведомителей из профессиональных и партийных ячеек системы НКПС, а также сотрудничества с комиссарами железнодорожных узлов. Была объявлена и новая структура отдела со штатом в 102 чел. (руководящих, следственных и оперативных работников – 64), состоявшая из коллегии, секретариата, Секретно-оперативного, Общеадминистративного подотделов и Инспекторской части. В состав коллегии входили заведующий отделом, назначаемый ВЧК по соглашению с Наркомпути, и начальники подотделов²¹⁰.

Были проведены и кадровые перестановки в руководстве отдела. 10 февраля 1920 г. его возглавил Н.Н. Зимин, 2 июля 1920 г. он был введен в состав Коллегии ВЧК²¹¹. До своего назначения Зимин был секретарем партийного комитета Железнодорожного района Москвы, собственной территории не имевшего, но объединявшего работников Московского железнодорожного узла в пределах Окружной железной дороги^{212, *}. Это назначение характеризует стремление чекистско-

---

* 16 января 1920 г. Оргбюро постановило назначить начальником Транспортного отдела комиссара Общеадминистративного управления Наркомпути Ганецкого (по всей видимости, речь шла о занимавшем должности в нескольких ведомствах известном финансовом деятеле Я.С. Ганецком [Фюрстенберге], который как видный и старейший участник польского социал-демократического движения был хорошо известен Дзержинскому еще с 1900 г.), а его заместителем – Зимина. Перевод этих лиц на чекистскую работу вызвал решительный протест: первого – со стороны члена Коллегии НКПС А.П. Розенгольца, а второго – Железнодорожного райкома. 23 января Оргбюро согласилось оставить Ганецкого в наркомате, протест же относительно Зимина остался без удовлетворения (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 12. Л. 19, 23). После откомандирования 24 января 1920 г. Ковылкина на Рязано-Уральскую железную дорогу и до назначе-

го руководства к установлению более тесных связей с партийными и профессиональными организациями на транспорте с целью вербовки из их среды надежной агентуры*. Окончательно принцип единоначалия в Транспортном отделе был установлен в ноябре 1920 г., когда была упразднена коллегия отдела и Зимин остался его единственным руководителем. Автономия ТО внутри ВЧК была значительно сужена²¹³.

Существенно изменилась к осени 1920 г. и численность сотрудников отдела. Если в первой половине ноября 1919 г. она была равна 38 чел. (управленцев и специалистов – 20), то за 10 месяцев она возросла почти в пять раз, составив к середине сентября 1920 г. 173 чел. (управленцев и специалистов – 95), что к тому же в полтора раза превысило штатную структуру отдела, установленную 4-й чекистской конференцией²¹⁴. Это свидетельствует о том, что и концу Гражданской войны объем чекистской работы на транспорте не только не снизился, но даже существенно возрос.

Процветавшие, несмотря на все репрессивные меры, спекуляция и должностные преступления в хозяйственных учреждениях, в первую очередь хищения, вынудили советское руководство, помимо продолжения карательной политики (в ВЧК осуществляемой уполномоченными по спекуляции и общим делам), изучать источники спекуляции, недочеты экономического законодательства и организационные недостатки хозяйственных органов. Кроме того, большевики стремились к установлению более серьезного контроля за служащими хозяйственных учреждений, в первую очередь старыми специалистами.

Серьезным шагом к проникновению чекистских органов в хозяйственную жизнь страны стало создание в сентябре 1919 г. Спецотдела, занимавшегося борьбой со спекуляцией, саботажем, преступлениями по должности в учреждениях и на предприятиях, обеспечивающих деятельность Крас-

---

ния 10 февраля Зимина обязанности начальника ТО ВЧК исполнял бывший председатель Московской железнодорожной ЧК П. Портнов.

* 1 июня 1920 г. по докладу Зимина Транспортному отделу было решено поручить большое количество работы как в центре, так и на местах и заслушать доклад его руководителя о взаимоотношениях с НКПС, и уже на основе доклада разработать конкретный план реорганизации отдела и его будущей конституции (Архив ВЧК. С. 382).

ной Армии и Флота. Спецотдел насчитывал 17 чел. (управленцев и специалистов – 15)²¹⁵. Отдел возглавил помощник начальника Управления чрезвычайного уполномоченного Совета Обороны по снабжению Красной Армии и Флота (Чусоснабарма) С.М. Тер-Габриэлян^{216,*}. В октябре 1919 г. при участии Тер-Габриэляна был организован Экономический отдел ВЧК, который возглавил Ихновский²¹⁷. 1 ноября 1919 г., заслушав его доклад и доклад руководителя Транспортного отдела Жукова, было решено отделения по борьбе со спекуляцией оставить в других отделах (например в Секретном), но эти подразделения, а также борющиеся с другими хозяйственными преступлениями, и следователи должны были представлять в Экономический отдел и обвинительные заключения, и соображения по искоренению подобных явлений²¹⁸.

На момент создания отдела численность его сотрудников была 13 чел., из которых руководящих, следственных и оперативных работников – 8^{219,**}.

Помимо Специального и Экономического отделов, чекистское руководство осенью предпринимало попытки создать и другие подразделения, работа которых должна была быть связана с экономической сферой. В ноябре 1919 г. Дзержинский внес на заседании Оргбюро предложение образовать особую чрезвычайную комиссию или отдел в ВЧК для наблюдения за кооперацией, в частности для контроля за Всероссийскими кооперативными съездами. 12 ноября Оргбюро постановило, не считая целесообразным создание при ВЧК специального кооперативного отдела, предложить Дзержинскому при помощи существующего при ВЧК аппарата для борьбы с контрреволюцией установить наблюдение за кооперацией. Согласно просьбе самого Дзержинского, Оргбюро предоставило для руководства этой работой в распоряжение ВЧК С.С. Пилявского, при этом оставляя его на работе в Центросоюзе²²⁰, после чего он стал соответствующим упол-

---

* Кроме того, на назначение на этот пост С.М. Тер-Габриэляна, по-видимому, оказало влияние то обстоятельство, что в июне-июле 1918 г. он возглавлял Бакинскую ЧК по борьбе с контрреволюцией и шпионажем.

** В октябре 1919 г. состав управленцев и специалистов ЭКО был следующим: зав. отделом М.К. Ихновский, член коллегии отдела И.И. Сорин, секретарь С.М. Семенов, следователь С.М. Цвибак, ревизоры С. Каплун, А. Щербаков, Ю.Ф. Бизне, Ф.С. Некрасов.

номоченным в Секретном отделе. Это свидетельствует о серьезных попытках чекистского ведомства создать мощную сеть своих подразделений, контролирующих все основные сферы экономической жизни.

Осенью 1919 г. чекистские отделы, работавшие в сфере народного хозяйства, стали частью созданной постановлением СНК от 21 октября 1919 г. Особой межведомственной комиссии, давшей начало объединению на экономическом фронте карательных и хозяйственных органов²²¹. Руководителем комиссии был назначен заместитель наркома юстиции П.И. Стучка, секретарем – Г.А. Бениславская, также сотрудница Наркомюста, наибольшую известность получившая как одна из неофициальных жен С.А. Есенина, покончившая с собой в годовщину его самоубийства. Особмежком организовал из своего состава постоянное рабочее бюро, в которое, помимо Стучки, вошли зав. Экономическим отделом ВЧК Ихновский (зампред комиссии), зав. Спецотделом ВЧК Тер-Габриэлян, зав. Отделением по борьбе со спекуляцией Секретно-оперативного отдела МЧК В.Н. Николаев и представитель Наркомгосконтроля. В состав комиссии вошли некоторые сотрудники Экономотдела ВЧК, например член коллегии отдела И.И. Сорин, возглавивший работу по топливу^{222,*}. ОМК по особому соглашению с Президиумом ВЧК получала регулярные доклады от всех заведующих отделами ВЧК и МЧК по борьбе со спекуляцией и должностными преступлениями. Бюро ОМК совместно с Президиумом ВЧК предварительно

---

* Летом 1920 г. Стучку на посту председателя Особмежкома сменил Н.В. Крыленко, по совместительству исполнявший обязанности члена-докладчика Верховного ревтрибунала при ВЦИК. Секретарь комиссии Г.А. Бениславская была дочерью обрусевшего француза А. Карьера и грузинки, фамилию получила отчима, обрусевшего поляка А.К. Бениславского, врача по профессии. В мае 1917 г. под влиянием подруги по Виленскому пансионату и отца последней – видного польского социал-демократа и большевика М.Ю. Козловского, вступила в большевистскую партию. По рекомендации же Козловского, ставшего членом Коллегии Наркомюста, Бениславская поступила на службу в ОМК. После ликвидации данной комиссии она была переведена в Экономическое управление ВЧК, где до апреля 1922 г. состояла сотрудницей для поручений Сельскохозяйственного отдела, а затем по собственному желанию уволилась со службы и ушла на газетную работу. Подробно о ней: *Бениславская Г.А. Дневник. Воспоминания. Письма к Есенину*. СПб., 2001.

рассматривало все дела по спекуляции на предмет передачи их в Особый трибунал при ВЧК*. Все отделы ВЧК и МЧК, в обязанности которых входила борьба со спекуляцией и связанных с этим должностными преступлениями (ЭКО и Спецотдел ВЧК, отдел контроля складов МЧК), должны были выполнять задания бюро ОМК. При этом рабочим аппаратом Особмежкома являлся Экономический отдел, а вся добытая Комиссией информация обрабатывалась в Спецотделе^{223, **}.

В 1919 г. в ВЧК, как и ранее, создавались временные подразделения, призванные решать текущие конкретные задачи момента. Так, во время наступления на Москву войск А.И. Деникина и на Петроград Н.Н. Юденича осенью 1919 г. большевики вновь расширили практику заложничества. В начале сентября 1919 г. при ВЧК начала функционировать специальная Коллегия по делам заложников, в которую вошли Ф.П. Другов, М.М. Каширин, В.М. Мовчан и Ф.Д. Медведь^{224, ***}. Каширин возглавил следствие в данной коллегии. 18 августа 1919 г. все дела заложников, привезенных из Петрограда руководителю Следственной части П.Я. Валескалну, было приказано передать в распоряжение Каширина «для разработки и учебы»²²⁵. Коллегия была ликвидирована в январе 1920 г. после разгрома основных сил противника и временной отмены смертной казни по приговорам ВЧК.

В результате всех организационных изменений, произошедших за год, на 22 января 1920 г. структура ВЧК состояла из Президиума, включавшего Общую канцелярию, секретариат (секретарь Комиссии В.И. Савинов, секретарь Президиума [он же зав. Общей канцелярией] Н.Н. Мещеряков, личный секретарь Дзержинского С.Ф. Реденс), Активное отделение (зав. А.Я. Беленький), Следчасть (зав. Г.С. Мороз, зам. зав. П.И. Валескалн) и технические службы, Секретно-опера-

---

* Особый трибунал при ВЧК под председательством Дзержинского был создан одновременно с Особмежкомом специально для суда по делам о спекуляции. Упразднен в июле 1920 г.

** В феврале 1920 г. после откомандирования Тер-Габриэляна на Кавказский фронт Спецотдел как самостоятельное подразделение был расформирован и на правах отделения передан в Особый отдел.

*** Медведь вошел в Коллегию по делам заложников как председатель созданного 5 сентября 1919 г. Управления лагерями – межведомственной комиссии ВЧК–НКВД, занимавшейся выработкой условий содержания заключенных.

тивного отдела (зав. М.Я. Лацис, зам. зав. М.К. Романовский), Транспортного отдела (зав. И.П. Жуков, зам. зав. Ф.И. Слюсаренко), Особого отдела (пред. Дзержинский, зампред И.П. Павлуновский), Регистрационного отдела (зав. Я.П. Рощен), Межведомственной комиссии при ВЧК (пред. П.И. Стучка, зампред М.К. Ихновский) со Спецотделением (зав. С.М. Тер-Габриэлян), Особого ревтрибунала при ВЧК (пред. Дзержинский), Комендатуры (зав. К.И. Вейс)²²⁶. Одним из результатов перестройки структуры к концу третьего организационного периода стало изменение состава чекистской Коллегии.

В июне 1920 г. Дзержинский, находясь в командировке на Украине, отправил из Харькова письмо замначальника Особого отдела Менжинскому в связи с обострившимися отношениями между Президиумом ВЧК и руководством Особого отдела по причине стремления последнего к определенной самостоятельности. «Если бы необходимость существования ЧК, – писал Дзержинский, – сознавалось партией и рабочими так же, как необходимость, скажем, органов снабжения, тогда можно было бы позволить роскошь расчленения одного целого ВЧК на ведомственные органы... У меня созревает план совершенно реорганизовать Президиум ВЧК. В том виде, как он есть, его надо упразднить. Ответственные за ВЧК должны быть председатель и его заместитель... Необходимо будет видоизменить и Коллегию ВЧК, вычеркнув членов, фактически не несущих ответственности, и ввести фактических руководителей... Вы должны стать патриотом ВЧК как единственного боевого органа и не проводить линии обособления, а принять самому участие в укреплении ВЧК и ее органов там и тогда, где это понадобится в данный момент... Органы борьбы с контрреволюцией и шпионажем должны быть едины, наши отделы – это дополняющие друг друга части... Тов. Лацис приходил к шпионажу, исходя из гражданской контрреволюции*. Вы приходили к “Национальному центру”, исходя из шпионажа**. И у Лациса тенденция: Особый отдел сделать частью Секретно-оперативного отдела, а у Вас есть тенденция стать самостоятельным органом по борьбе с контрреволюцией, организованной вообще. Эти тенденции надо перебороть.

---

* Имеется в виду июль 1918 г., когда он после Отдела по борьбе с контрреволюцией возглавил ЧК на Восточном фронте.

** Как известно, знаменитая антибольшевистская организация была раскрыта особистами.

Организационно надо их изжить, сделав ответственными за всю ВЧК, т.е. надо будет просить ЦК ввести в Коллегию ВЧК Вас, Зими́на...»²²⁷

29 июля 1920 г. постановлением СНК был утвержден ее новый состав в количестве 13 чел.²²⁸ В нее вошли: председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский, его заместитель И.К. Ксенофонтов, начальник Секретного отдела М.Я. Лацис, председатель Особого отдела В.Р. Менжинский, его заместитель и управделами отдела Г.Г. Ягода, начальник Транспортного отдела Н.Н. Зимин, полпред ВЧК в Туркестане Я.Х. Петерс, полпред ВЧК в Архангельской, Вологодской и Северо-Двинской губерниях М.С. Кедров, председатель Всеукраинской ЧК В.Н. Манцев, начальник Особого отдела Запфронта Ф.Д. Медведь, зам. наркома Рабоче-крестьянской инспекции В.А. Аванесов. Кроме того, для координации деятельности органов ЧК и внутренних войск в Коллегию был введен начальник войск ВОХР В.С. Корнев, который был включен «по должности», то есть на время исполнения им этой должности. При Коллегии по-прежнему действовал постоянный Президиум, главной функцией которого было принятие внесудебных решений по следствию, проводимому ВЧК²²⁹.

Исходя из нового состава утвержденной Совнаркомом Коллегии, можно утверждать, что к концу третьего организационного периода ВЧК первостепенными по важности подразделениями остались Особый, Секретный и Транспортный отделы. В этих же трех отделах было сосредоточено наибольшее количество следственных и оперативных работников. Самым же важным из них являлся Секретный, отвечавший за важнейшую функцию органа большевистской диктатуры – политический розыск. Об этом, в частности, свидетельствует то, что, когда 12 февраля 1920 г. было решено отменить в ВЧК «титул членов Президиума», в его составе, помимо председателя, его заместителя и секретаря, оставили заведующего Секретным отделом²³⁰.

Следует отметить, что состав Коллегии, утвержденный сначала ЦК, а затем СНК, отличался от планировавшегося Дзержинским. Последний полагал, что он должен быть меньшим по численности и туда должны входить только руководители ведущих отделов. Однако по-прежнему туда входили такие лица, как полпред ВЧК в Туркестане Петерс и Кедров – уполномоченный на Севере, а затем (на март 1921 г.) и вообще работавший в Наркомпросе, но сохранивший членство в Коллегии, в то время как некоторые лица, сменявшие членов

Коллегии на должностях руководителей главных отделов, формально в этот орган не входили, поскольку не проводились через Совнарком²³¹. Президиум, как мы видим, тоже был сохранен в несколько большем составе: 4 человека, а не 2 – председатель и зампред, как предполагал Дзержинский.

Если в июле 1919 г. численность центрального аппарата ВЧК (без Особого отдела) составляла 392 чел. (управленцев и специалистов – 126), то к ноябрю 1919 г. она выросла до 478 чел. (управленцев и специалистов – 158)²³². Основная причина роста численности ВЧК в этот период состояла в постановке перед ней новых задач, что приводило к образованию новых отделов (Специального, Экономического, Коллегии по заложникам). Кроме того, в изменении численности сотрудников играл роль и территориальный фактор. Он был обусловлен эвакуацией сотрудников чрезвычайных комиссий из областей, занятых Белой армией, в первую очередь деникинскими войсками. Однако значительно большее возрастание численности пришлось на 1920 г. К сентябрю 1920 г. центральный чекистский аппарат (также без учета Особого отдела) по сравнению с ноябрем 1919 г. вырос в полтора раза, составив 723 чел., из которых более трети были руководящими, следственными, оперативными и оперативно-надзорными работниками²³³. В изменении численности сотрудников главную роль сыграло значительное укрепление после победы на колчаковском и деникинском фронтах большевистского режима и, соответственно, его карательного органа, перед которым ставились все новые задачи.

Четвертый период в организационном строительстве ВЧК начался осенью 1920 г. после завершения основной фазы Гражданской войны. Многочисленные крестьянские восстания на Тамбовщине, Украине, в Кронштадте, прокатившиеся по стране забастовки рабочих и голод в Поволжье, введение «новой экономической политики» заставили чекистское руководство заняться перестройкой карательных органов. Целью этой перестройки, по мысли руководителей ВЧК, было перенесение центра тяжести из военной в экономическую область – переход от активной борьбы на фронтах к вылавливанию неприятельских шпионов и предупреждениюготавливаемых контрреволюционных восстаний²³⁴. В конце 1920 г. начались серьезные структурные преобразования в центральном чекистском аппарате. Он был реорганизован по управлениям. Все административные функции были объединены в Административно-организационном управлении, ра-

бота в области контрразведки и политического розыска – в Секретно-оперативном управлении, деятельность в экономической сфере – в Экономическом управлении.

14 сентября 1920 г. было организовано Управление делами ВЧК. Через него должны были проходить все служебные бумаги, и оно же должно было отправлять их по принадлежности и следить за ними как в центре, так и на местах, а кроме того, оно ведало вопросами, связанными с личным составом и занималось постановкой оргинструкторских вопросов^{235, *}. В соответствии с данными задачами в него вошли Канцелярия, состоявшая из стола личного состава, Информационного бюро и Учетно-регистрационного отдела, Комендатура, служба связи и Хозчасть. Управляющим делами ВЧК был назначен Ягода, одновременно занимавший аналогичную должность в Особом отделе (и, таким образом, был сделан первый шаг к их объединению, произошедшему два с половиной месяца спустя), а его помощником – А.Я. Лурье (по всей видимости, сын бывшего руководителя Бюро печати ВЧК Я.М. Лурье), также, как и его руководитель, служивший в Особом отделе. 1 декабря Управделами ВЧК было слито с Управделами Особого и Транспортного отделов. От Особого отдела в Управделами ВЧК вошли тюрьма и полк особого назначения. Кроме того, в объединенную структуру были включены и ранее самостоятельные вспомогательные службы – санчасть, типография и фотография. Начальником Управделами ВЧК остался Ягода, но его помощником был назначен Я.Д. Березин, в 1919–1920 гг. работавший секретарем МЧК и

---

* Начало воссозданию Управделами ВЧК было положено в июне 1920 г. Дзержинским в цитировавшемся нами ранее письме Менжинскому о необходимости урегулирования вопроса о порядке распределения чекистских ответработников и создании органа по их учету – вопросы эти он предлагал обсудить по возвращении с Украины (Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 195). Согласно кадровой инструкции от 19 декабря 1920 г., прием на службу, увольнение, перемещение, командировки, предоставления отпусков сотрудникам ВЧК должны были отдаваться приказами по Управделами. При этом прием новых сотрудников теперь должен был утверждаться либо предВЧК, либо управляющим делами, увольнение – производиться председателем по представлению как начальника соответствующего отдела, так и Управделами, а перемещение – с ведома последнего (Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 226–227).

управляющим делами Управления Особых отделов Южного и Юго-западного фронтов²³⁶.

Одновременно с Управделами были слиты и административно-организационные отделы ВЧК, Особого и Транспортного подразделений. 20 декабря 1921 г. было введено положение о новом подразделении, получившем название Административно-организационное управление (АОУ). В числе главных его задач были названы учет личного состава сотрудников ВЧК, их распределение, перемещения и смещения согласно указаниям Президиума и отделов ВЧК, а также подбор и подготовка кадров²³⁷. Управление подразделялось на секретариат, Административный отдел (включавший резерв назначения сотрудников, учетное и распределительное отделения, стол личного состава и курсы ВЧК) и Организационный отдел, состоявший из шести отделений и Контрольно-инструкторской части²³⁸. Начальником АОУ стал И.А. Апетер, до этого возглавлявший Особый отдел Западного фронта. Выходцами из военной контрразведки были и большинство руководящих работников Управления. Так, секретарь АОУ Я.И. Серебрянский, начальники Административного и Организационного отделов Л.М. Брагинский и М.Е. Климов ранее занимали аналогичные должности в Управлении Особого отдела.

Назначение на большинство руководящих постов во вновь образуемых управлениях сотрудников Особого отдела объяснялось тем, что с 1919 г. он был основным «рабочим подразделением ВЧК. Его роль еще более возросла во время советско-польской войны, а также из-за активизации после победы над белыми борьбы с зарубежным шпионажем. С этими причинами связано и назначение начальника Особого отдела Менжинского руководителем созданного 14 января 1921 г. Секретно-оперативного управления, куда, кроме Особого, вошли Секретный, Транспортный и Оперативный отделы»^{239,*}.

Начавшееся после победы на белогвардейских фронтах активное наступление большевиков на политические партии, включая и социалистические, привело к заметному изменению структуры и численности Секретного отдела. До конца 1920 г. в отделе существовали скромные аппараты уполно-

---

* Весьма характерным является и тот факт, что начальником Следственной части при Президиуме ВЧК 18 января 1921 г. вместо Валескална (оставшегося заместителем) назначили бывшего начальника Следственного отделения Особого отдела В.Д. Фельдмана (Лубянка. С. 21).

моченных по политическим партиям, один из которых работал по всем левым, а другой – по всем правым организациям. В декабре 1920 г. аппараты уполномоченных были расширены до отделений, а количество их увеличилось, теперь каждое из них специализировалось на конкретной политической партии*.

В приказе ВЧК № 10, подписанном Дзержинским и управлениями ВЧК Ягодой, говорилось: «...Борьба с подпольными организациями эсеров, подготавливающих восстания и террористические акты, ловля политических и экономических шпионов требует тонких приемов работы внутреннего осведомления и т.д... Всех подозрительных, которых могут принять участие в активной борьбе, беспартийных офицеров или лиц право-эсеровского, махновского и тому подобного толка нужно держать на учете, выяснить, проверить... Это гигантская информационная работа, которая должна выступить на первый план – наполнять же подследственные тюрьмы арестованными по подозрению – нельзя»²⁴⁰.

На 7 марта 1921 г. Секретный отдел, состоявший из 9 отделений и Бюро обработки материалов, насчитывал по штату 156 чел., по списку – 84 чел. Из них руководящих, следственных и оперативных работников было соответственно 91 и 53²⁴¹. Наиболее многочисленными и по штатам и по фактическому наличию сотрудников были отделения, занимавшиеся борьбой с правыми партиями, правыми и левыми эсерами, что показывает, какие направления в то время являлись приоритетными в работе советского политического розыска. В осведомительском же отделении, несмотря на штат в 15 чел.

---

* В январе 1921 г. возглавлявшийся Т.П. Самсоновым Секретный отдел насчитывал 9 отделений: 1-е (работа против анархистов) – М.В. Бренер, 2-е (работа против меньшевиков) – А.Ю. Ремишевский, 3-е (работа против правых эсеров) – Я.Н. Кожевников, 4-е (работа против правых партий) – Я.М. Генкин, 5-е (работа против левых эсеров) – У.И. Пюкинен, 6-е (работа против духовенства) – П.Л. Вaleyчик, 7-е (работа против разных партий) – И.А. Шпицберг, 8-е (осведомительское) – вакансия, 9-е (работа по противосоветским еврейским партиям) – Л.И. Юргенс (Лубянка. С. 20–21). 1 декабря 1921 г. в связи с усилением в условиях начавшегося нэпа кооперативных начал в экономической жизни Президиум ВЧК постановил организовать при Секретном отделе Специальное кооперативное отделение – ранее в отделе существовал лишь институт уполномоченного по кооперации в числе одного сотрудника (Архив ВЧК. С. 483).

(управленцев и специалистов – 12), фактически не было ни одного сотрудника, и оно существовало только на бумаге. Таким образом, реализовать пункт чекистского приказа о постановке аппарата осведомления по политическим партиям на высокую ступень в силу дефицита специалистов в то время полностью не удалось.

Окончание советско-польской войны и разгром Белого движения привели к существенным изменениям в деятельности советского контрразведывательного органа и, соответственно, в его структуре. В конце 1920 г. Особый отдел был разбит на 5 спецотделений уже не по методам (следствие, агентура и т.д.), а по направлениям работы – внешней и военной контрразведки*.

Численность сотрудников Особого отдела на начало марта 1921 г. составила по штату 133 чел., по списку – 76 чел., из которых руководящих работников и специалистов было соответственно 76 и 57²⁴². Сокращение по сравнению с апрелем 1920 г. списочной численности в 2,5 раза объяснялось тем, что благодаря окончательному слиянию в конце 1920 г. Особого отдела с центральным чекистским аппаратом все его административные, финансовые, хозяйственные подразделения и тюрьма вошли в состав Управления делами и Административно-хозяйственного управления ВЧК. В Особом отделе, таким образом, остались только подразделения, отвечавшие за направления работы. При этом все они, за исключением спецотделения по Красной Армии, испытывали нехватку специалистов. Так, например, в 14-м (восточном) спецотделении, несмотря на штат в 16 чел., в наличии были только начальник отделения С.Г. Могилевский, его помощник

---

* На 7 марта 1921 г. в Особом отделе были следующие отделения: 13-е спецотделение (работа по приграничным европейским государствам) – нач. П.В. Эйдукевич, 14-е (страны Востока) – нач. С.Г. Могилевский, 15-е (страны Антанты) – нач. Щепкин, 4) 16-е (Красная Армия) – нач. Я.С. Агранов, осведомительное отделение – нач. Л.Ф. Скуйскумбре (ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 89. Л. 560об.–561; Отчет ВЧК. С. 206). Кроме того, до марта 1921 г. существовало и 17-е отделение, занимавшиеся бывшими царскими офицерами (нач. Н.И. Калинин), однако в начале месяца оно было расформировано. Номера спецотделений начинались с 13-го, так как предполагалась единая нумерация всех подразделений, входивших в состав созданного 1 января 1921 г. Секретно-оперативного управления.

М.М. Великовский и один из восьми полагавшихся сотрудников для поручений²⁴³. Это свидетельствует о серьезном дефиците квалифицированных кадров для работы по линии внешней контрразведки*.

По итогам 1-го съезда Особых отделов фронтов и армий, проходившего с 22 по 25 декабря, была принята резолюция, в которой, в частности, говорилось о необходимости организовать зафронтовую и закордонную работу в местностях, занятых белыми армиями, и в некоторых странах Западной Европы, где имелись «белогвардейские центры»²⁴⁴. Война с Польшей в 1920 г., взаимоотношения с приграничными государствами – Эстонией, Латвией, Литвой и Финляндией – сделали еще более актуальным вопрос обеспечения советского руководства информацией о состоянии дел в других странах. Встала необходимость создания в чекистском ведомстве мощного разведывательного органа**. Весной 1920 г. в

---

* Этот дефицит чекистское руководство пыталось восполнить за счет немногочисленных работников армейских Особых отделов, знающих границу. Так, в августе 1920 г. уполномоченным Особого отдела, а затем на некоторое время начальником 14-го спецотделения назначили бывшего начальника следчасти 14-й армии А.А. Вербова. Член большевистской партии с 1903 г., он в 1909 г. бежал из ссылки за границу, где до 1917 г. работал на различных предприятиях Бельгии, Австрии, Сербии и Болгарии, состоял членом Болгарской социал-демократической партии (ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 334. Л. 3–5; РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 2. Д. 17. Л. 6–7).

** Вопрос о создании в ВЧК специального разведывательного органа возник еще весной 1919 г. В первую очередь этот орган должен был проводить разведдеятельность на территории, занятой войсками А.В. Колчака и А.И. Деникина. 11 апреля 1919 г. Ф.Э. Дзержинский обратился в Оргбюро с просьбой подыскать человека, который мог бы стать заведующим центральной разведкой ВЧК. Однако просьба Дзержинского была лишь принята к сведению (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 3. Л. 18). Тут, возможно, сыграла роль конкуренция с военным ведомством за право иметь специальную разведывательную службу. В пользу этого предположения говорит тот факт, что Оргбюро 28 июня 1919 г. утвердило решение РВСР о назначении С.И. Сырцова заведующим разведкой в тылу противника на Южфронте (там же. Д. 5. Л. 116). Партийное руководство явно не желало дублирования функций различными силовыми ведомствами, к тому же, вероятно, не нашлось для чекистского органа подходящей кандида-

составе Особого отдела было создано Иностранное отделение, занимавшееся созданием резидентур как на оккупированной польскими войсками территории, так и в отдельных случаях за пределами Советской республики. Однако деятельность этого отделения оказалась малоуспешной, и после окончания Гражданской войны встал вопрос о его выделении в самостоятельное подразделение. Определенную роль здесь сыграло и стремление руководства ВЧК вывести разведку из-под ревизий Наркомгосконтроля. Чекистское руководство стремилось ликвидировать параллелизм в работе по иностранцам, осуществляемой Иностранным отделением Особого отдела и возглавляемым Т.К. Грикманом отделением иностранной регистрации Оперода. Важной проблемой была и постоянная текучесть управленческих кадров в Иностранном отделении по причине отсутствия подходящего высококвалифицированного руководителя*. Наконец, остро стоял вопрос с организацией заграничной агентуры. В связи с последней проблемой 28 сентября 1920 г. Коллегия ВЧК учредила Комиссию из представителей Секретного, Особого отделов и Региструпра Красной Армии²⁴⁵.

12 декабря 1920 г. Дзержинский дал распоряжение управлениями Ягоде издать приказ о том, что ни один отдел ВЧК не имеет права самостоятельно отправлять уполномоченных, агентов и осведомителей за границу без согласия предВЧК, а также проект приказа о ликвидации Иностранного подотдела Особого отдела и создании самостоятельного отдела ВЧК, который только и может посылать за границу по чекистской линии²⁴⁶. Наконец, 20 декабря 1920 г., согласно приказу, подписанному Дзержинским и Ягодой, Иностранное отделение Особого отдела было расформировано, а все его сотрудники, инвентарь и дела передавались в распоряжение организованного Иностранного отдела (ИНО). Отныне все сношения с заграницей, НКВДом, Наркомвнешторгом, Центроэвакуом и Бюро Коминтерна отделы ВЧК должны были производить только через ИНО. Этим же приказом Иностранный

туры. После апрельского решения Оргбюро Дзержинский не поднимал вопрос о создании в ВЧК самостоятельного разведывательного подразделения вплоть до начала советско-польской войны.

* Достаточно сказать, что только в течение осени 1920 г. сменилось три начальника Иностранного подотдела: Л.Ф. Скуйскому-бре, З.М. Левин и Я.Х. Давыдов (Давтян).

отдел был подчинен начальнику Особого отдела Менжинскому, а врид начальника ИНО назначался Я.Х. Давыдов, которому в недельный срок поручалось представить на утверждение Президиума ВЧК штаты нового подразделения²⁴⁷. В резолюции Президиума ВЧК от 21 апреля 1921 г. по докладу начальника Адморгупра Апетера уполномоченные по странам ИНО должны были быть помощниками начальника соответствующих отделений Особого отдела²⁴⁸.

Поначалу выделение Иностранного отделения в самостоятельную службу носило скорее формальный характер, и фактически оно продолжало оставаться в подчинении Особого отдела, что подтверждает наше предположение об одной из причин создания самостоятельного подразделения – желании избавить разведку от ревизий. В пользу этой версии говорит и тот факт, что исполняющим обязанности начальника отдела был назначен Давыдов, до этого исполнявший обязанности начальника Иностранного подотдела Особого отдела*.

Чекистское руководство при образовании Иностранного отдела его основную задачу видело в выявлении иностранного шпионажа, белогвардейских и других антибольшевистских политических и экономических группировок за границей и их связей в РСФСР. Кроме того, на ИНО возлагались наблюдение за иностранцами на территории Республики, а также контроль за выдачей виз выезжающим за границу. Для решения этих задач 24 декабря 1920 г. отдел был сконструирован из 4 подразделений: Канцелярии, Агентурного и Специального иностранных отделений и Бюро виз²⁴⁹.

К началу марта 1921 г. численность Иностранного отдела составила по штату 43 чел., по списку – 23 чел. Из них руководящих и оперативных работников было соответственно 22 и 14^{250, **}. На основе сопоставления штатной и списочной чис-

---

* 28 октября 1920 г. Ф.Э. Дзержинский обратился в Оргбюро с просьбой откомандировать в его распоряжение Я.Х. Давтяна (в то время заведующего отделом Прибалтийских стран и Польши НКИДа), знающего за границу и иностранные языки, и спустя две недели эта просьба была удовлетворена (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 94. Л. 2). С 30 ноября Давтян, получивший оперативный псевдоним «Давыдов», начал исполнять обязанности начальника Иностранного подотдела (Очерки истории российской внешней разведки. Т. 2. М., 1997. С. 45).

** На 7 марта 1921 г. руководящими и оперативными работниками ИНО были: начальник отдела Р.П. Катанян, заместитель

ленности можно сделать вывод о существенной нехватке сотрудников для вновь образованного отдела. Определенные сложности возникали даже с подбором руководителя ИНО. 26 декабря 1920 г. Дзержинский обратился в Оргбюро с просьбой откомандировать для руководства Иностранным отделом Р.П. Катаняна, в то время заведующего Агитпропом ЦК РКП. Назначением крупного партработника Дзержинский, по-видимому, стремился придать более высокий статус вновь созданному подразделению. Оргбюро просьбу отклонило, поручив Дзержинскому и секретарю ЦК Л.П. Серебрякову сперва наметить список товарищей, которые будут работать в Иностранном отделе²⁵¹. Катанян был назначен начальником ИНО 20 января 1921 г., а Давыдов стал его заместителем²⁵². Однако уже 10 апреля 1921 г., по-видимому, из-за загруженности в Агитпропе, Катанян ушел с поста начальника ИНО, и его вновь сменил Давыдов²⁵³.

Сложности возникали и с подбором управленцев более низкого звена*. Однако основная проблема состояла в под-

---

Я.Х. Давыдов, помощник К.С. Зильберман, сотрудник для особых поручений Г.Е. Луцкий, сотрудник для поручений И.Я. Гузик, юристконсультант И.Я. Одиень, начальник Канцелярии Рудников, его помощник Жариков, начальник Агентурного отделения Ф.Х. Булле, сотрудник для поручений отделения Френкель, уполномоченный 1-го иностранного спецотделения Г.Е. Прокофьев (секретарем отделения была его жена С.Е. Прокофьева), уполномоченный 2-го иностранного спецотделения Н.Г. Самсонов, начальник Бюро виз И.П. Казаков и его помощник М.А. Краузе.

* Об этом, в частности, свидетельствует рапорт Давыдова на имя Дзержинского от 22 декабря 1920 г. следующего содержания: «Отказ ЦК откомандировать в ОО ВЧК тов. Прокофьева ставит Иностранный отдел в крайне затруднительное положение. Тов. Прокофьев – весьма ценный работник с большим чекистским опытом, кроме того, он незаменимый специалист по чехословацким делам, число которых у нас возрастает и принимает угрожающий характер. Полагаю, что отказ ЦК командировать тов. Прокофьева вызван исключительно нежеланием Главполитпути расстаться с таким квалифицированным работником. В частности, насколько мне известно, если будет согласие тов. Розенгольца, зам. Наркомпути, ЦК против откомандирования Прокофьева возражать не будет» (РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 7. Л. 18). Согласие Оргбюро на откомандирование Г.Е. Прокофьева было получено только спустя более месяца – 31 января 1921 г. (там

боре оперативных работников, с одной стороны, владеющих иностранными языками и имеющих серьезный опыт нелегальной работы, а с другой – абсолютно надежных и преданных режиму. В рапорте, поданном Давыдовым на имя Дзержинского на третий день после создания ИНО, указывалось, что отдел будет совершенно не в состоянии справиться с возложенными на него заданиями без усиления личного состава сотрудников. «Иностранный отдел, – сообщал Давыдов, – нуждается, в первую очередь, в нескольких квалифицированных партийных работниках. При отсутствии притока новых сил работа дальше расширяться не будет»²⁵⁴.

Первоначально кадровую проблему руководство внешней разведки пыталось решить за счет перевода в ВЧК сотрудников военной разведки Западного фронта*. Этому, в частности, способствовало назначение 13 апреля 1921 г. зампредом ВЧК вместо ушедшего на работу в ЦК Ксенофонтова

же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 119. Л. 51). В феврале 1921 г. Прокофьев стал уполномоченным (начальником) 1-го иностранного спецотделения. Подбор кадров для ИНО проходил через Особый отдел – еще одно свидетельство того, что выделение внешней разведки в самостоятельный отдел на первых порах носило чисто формальный характер.

* Показательным примером является судьба И.В. Мильграма, во время польской войны являвшегося резидентом разведотдела 4-й армии. Прикомандированный в ноябре 1920 г. РВС Западного фронта к Исполкому Коминтерна, Мильграм за отсутствием для него работы был переведен на службу в Наркоминдел. Однако 28 марта 1921 г. начальник ОО Менжинский и замначальника ИНО Давыдов обратились в Учраспредотдел ЦК РКП с просьбой откомандировать Мильграма как крайне необходимого работника в распоряжение Иностранного отдела, если не имеется особых препятствий. Спустя два дня ЦК направил его в ВЧК (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 29709. Л. 1–7). Другим примером руководства Особым отделом внешней разведкой можно считать письмо Дзержинского Менжинскому от 7 января 1921 г. по поводу связи с разведкой военного ведомства: «Думаю, для того, чтобы Иностр. наш отдел воспользовался практикой Региструпа (в смысле руководства агентами, системы заданий, классификации сведений и т.д.) и чтобы ближе связаться с Региструпом (это дает возможность узнать и их недостатки), стоит пригласить 2–3 товарищей из Региструпа в наш Иностр. отдел. Опасаюсь, что иначе отдел долго будет идти ощупью» (Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 237).

И.С. Уншлихта^{255,*}. В декабре 1919 – апреле 1921 г. Уншлихт был членом РВС Западного фронта, где по должности курировал военную разведку. Однако далеко не всегда руководство Разведупра, находившегося в подчинении РВСР, соглашалось откомандировывать в ВЧК своих сотрудников.

Разрыв между требующимся и существующим числом сотрудников сильно тормозил работу внешней разведки. Осенью 1921 г. секретарь Коминтерна К.Б. Радек предложил чекистскому руководству до момента правильной постановки аппарата ИНО посылать ему для оценки иностранные материалы. Уншлихт согласился с Радеком, отметив, что пока непосредственно чекистами серьезному изучению может быть подвергнута лишь белогвардейская пресса²⁵⁶.

С лета 1921 г. начался новый этап в эволюции структуры Иностранного отдела. 6 августа ушедшего на дипломатическую работу Давыдова сменил бывший его заместитель С.Г. Могилевский, находившийся на руководящих должностях в Особых отделах МЧК и ВЧК с октября 1919 г.²⁵⁷ Будучи назначенным начальником ИНО, Могилевский, формально не войдя в состав Коллегии ВЧК, фактически получил права ее члена²⁵⁸. 2 декабря его заместителем стал Апетер, до июля 1921 г. возглавлявший Административно-организационное управление и руководивший подбором и расстановкой кадров²⁵⁹. Могилевский и Апетер добились существенного увеличения численности ИНО за счет перевода чекистов из Особого отдела и в меньшей степени работников Коминтерна**. К началу 1922 г. число сотрудников ИНО значительно возросло. Если в начале марта 1921 г. их было 23, то в феврале 1922 г. только число членов партячейки отдела равнялось 56, а руководящих и оперативных работников из них было 37²⁶⁰. Претер-

---

* 16 апреля 1921 г. Дзержинский предписал всем начальникам управлений и отделов ВЧК обращаться по всем вопросам к Уншлихту, так как он назначен наркомом путей сообщения по совместительству с работой в ВЧК (*Литвин А.Л.* Указ. соч. С. 391). Уншлихт, таким образом, получил в ВЧК широкие полномочия, в том числе по подбору и расстановке кадров.

** Так, помощником начальника отдела в начале декабря 1921 г. был назначен М.А. Трилиссер. В 1920–1921 гг. он являлся членом Дальневосточного бюро ЦК партии, а в августе 1921 г. стал начальником 14-го (восточного) спецотделения Особого отдела и одновременно заведующим Дальневосточным отделом Исполкома Коминтерна.

пела серьезные изменения и структура внешней разведки. ИНО был выведен из подчинения Особого отдела и вскоре на равных правах с последним стал подразделением Секретно-оперативного управления. К концу 1921 г. Иностранный отдел состоял из Закордонной части (нач. М.А. Трилиссер), Осведомительной части (нач. Л.Б. Залин [З.М. Левин]) и Бюро виз (нач. Н.Ф. Угаров)²⁶¹.

К началу 1921 г. чекистское руководство сделало серьезный шаг в развитии еще одного направления – обеспечения контроля за экономикой. «Сейчас русской буржуазии не до широких задач, – говорилось в чекистском приказе от 8 января 1921 г., – она подавлена нашими победами, национальные и прочие центры уничтожены... но иностранная буржуазия жива, и она решила убить большевиков, если не дубьем, так рублем... Если наряду с миссиями разных мелких, а может быть и крупных, держав удастся наводнить РСФСР иностранными приемщиками русских товаров, которые будут прекрасными экономическими шпионами и в то же время свяжут воедино рыхлую массу спецов, то верхи наших служащих могут сыграть роль песка, засыпанного в коммунистическую машину... Но эту опасность технической контрреволюции, руководимую иностранным капиталом, нельзя предотвратить грубыми ударами чекистского молота... Здесь нужно иметь в руках точные улики, конкретные данные, которые опять-таки можно получить лишь хорошей информацией, иначе против органов ЧК поднимутся вопли, что они мешают экономическому возрождению РСФСР своими произвольными арестами, и задержанных спекулянтов придется выпускать»²⁶².

22 декабря 1920 г. Коллегия ВЧК заслушала доклад руководителя Особмежкома Н.В. Крыленко о работе его учреждения. По итогам выступления было решено рабочее бюро Особмежкома перевести на правах отдела в ВЧК, руководителем которого являлся бы председатель Особмежкома, а заместитель последнего постоянно работал бы в отделе. На эту должность намечался М.К. Ихновский, которому было предложено сдать дела по руководимому им экономическому подразделению МЧК. Наконец, Коллегия ВЧК постановила ликвидировать Спецотделение по спекуляции при Особом отделе (бывший Спецотдел) и передать не только дела, но и часть людей в Особмежком²⁶³.

Реорганизация Особмежкома заняла месяц и завершилась постановлением Президиума ВЧК от 21 января 1921 г. об организации на его базе Экономического управления (ЭКУ)

ВЧК. На него была возложена борьба с преступлениями, способствующими разрухе в хозяйственной жизни (экономический шпионаж, саботаж, спекуляция), а также содействие всем хозяйственным учреждениям. 23 января было утверждено положение об Экономическом управлении и его штатах. Штаты ЭКУ были объявлены вместе со штатами Особмежкома, который по-прежнему занимал главенствующее положение. В состав последнего входили 6 чел.²⁶⁴ Начальником управления стал председатель Особмежкома Н.В. Крыленко, а заместителем – Ихновский. В управление на 7 марта 1921 г. входили Канцелярия, резерв уполномоченных, Отдел надзора и публичного обвинения, Статистико-экономический отдел и 15 спецотделений, контролирующих ВСНХ, Внешторг, Наркомпрод, Центросоюз, Наркомфин, Наркомзем и другие экономические ведомства и учреждения. По штату в ЭКУ только управленцев и специалистов насчитывалось 183 чел. Однако реально их было всего 23²⁶⁵. Так, в отделе публичного обвинения и надзора вместо полагавшихся 90 чел. в наличии был только его начальник А.М. Дьяконов.

С первых же дней существования управления его руководство предпринимало попытки хотя бы частично ликвидировать нехватку сотрудников. Сразу после организации ЭКУ его руководящие работники Ихновский и П.К. Мармузов обратились в Учраспредотдел ЦК с просьбой дать распоряжение Политуправлению Красной Армии направить «для производственных работ в резерв Экономического Управления 50 товарищей». Однако, судя по резолюции ЦК, оставленной на документе, это обращение было положено в архив²⁶⁶. В результате чекистское руководство начало предпринимать попытки хотя бы частично восполнить кадровый дефицит уже по своим каналам. Так, 11 августа 1921 г. Президиум ВЧК решил предложить губЧК выделить по одному человеку для ЭКУ²⁶⁷.

Серьезная проблема Экономического управления состояла и в подборе для него подходящего руководителя. Начальник ЭКУ Крыленко не был специалистом в области народного хозяйства. 9 августа 1921 г. Дзержинский обратился к секретарю ВЦСПС А.И. Догадову с запиской: «В ВЧК нет человека, который мог бы стать во главе Экономического Управления... Не могли ли Вы выдвинуть крупного кандидата на эту должность, связанного с ВЦСПС и хозяйственной жизнью республики. При авторитетном руководстве это Управление могло бы много сделать... Не подошел ли бы для этой роли товарищ Куйбышев, и могли бы Вы его нам уступить?»²⁶⁸ 29 июля

Оргбюро ЦК, рассмотрев вопрос о заведующем Экономическим управлением ВЧК, поручило Секретариату ЦК наметить крупного хозяйственного работника на эту должность²⁶⁹. Однако подходящей кандидатуры так и не удалось найти. В результате в конце сентября 1921 г. Крыленко, целиком сосредоточившегося на работе в Верхтрибунале, сменил его заместитель Ихновский, также юрист по образованию, слабо разбирающийся в хозяйственной жизни.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в силу огромного расхождения требуемого и реального числа квалифицированных сотрудников, а также трудностей в подборе руководителя, в 1921 г. Экономическое управление так и не начало нормально функционировать.

В 1921 г. расширялась сфера деятельности чекистских органов. 28 января 1921 г. при Президиуме ВЧК было создано Специальное (шифровальное) отделение, спустя месяц реорганизованное в самостоятельный Специальный отдел*, который возглавил Г.И. Бокий²⁷⁰. Спецотдел занимался шифровальной связью и постановкой секретного делопроизводства. Постановлением Малого СНК от 5 мая 1921 г. на Спецотдел ВЧК была возложена функция контроля работы всех шифровальных служб РСФСР. В постановлении подчеркивалось, что начальником Специального отдела может быть только член Коллегии ВЧК^{271, **}. 24 марта 1918 г. Дзержинский предложил привлечь Бокия наряду с замначальника ИНО С.Г. Могилевским к организации чекобслуживания Наркоминдела²⁷². 18 июля Бокий Президиумом ВЧК был уполномочен выступить с докладом в НКИДе о предстоящей работе Спецотдела и необходимости тесного контакта и оказания внешнеполитическим ведомством содействия. Начальнику же ИНО Давыдову в тот же день было приказано приравнять Секретный отдел в финансовом отношении к чекистской заграничной агентуре²⁷³. Спецотдел имел и «внутричекистские» функции. 20 марта 1921 г. Дзержинский предложил Менжинскому поручить Бокию техническое наблюдение за чекистскими шифровками. Спецотдел должен был разработать особые правила размножения секретных телеграмм, которое произ-

---

* Подразделение с аналогичным названием, занимавшееся некоторыми экономическими вопросами, было упразднено еще в начале 1920 г.

** Г.И. Бокий был введен в Коллегию ВЧК постановлением Оргбюро ЦК от 11 июля 1921 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 188. Л. 3).

водилось Шифрбюро, оставшимся в составе Президиума ВЧК и в новое подразделение не вошедшим²⁷⁴.

Создание информационной структуры ВЧК предопределила активизация крестьянского движения. Выступления против продразверстки, трудовой, воинской и других повинностей в самых разных, удаленных друг от друга районах – на Украине, Тамбовщине, в Кубано-Черноморской области, Западной Сибири, Заволжье, мятеж матросов в Кронштадте и т.д. – поставили перед большевистским руководством проблему получения достоверной информации о политическом и экономическом положении на местах. 28 марта 1921 г. были слиты отделения обработки материалов Оперативного и Секретного отделов. На их основе был создан Информационный отдел (ИНФО), непосредственно подчиненный начальнику СОУ. В задачу ИНФО входила аналитическая обработка материалов, получаемых с мест в виде сводок о политическом и экономическом положении. Согласно утвержденной позже инструкции для местных органов ВЧК, источниками составления информационных сводок являлись: аппарат осведомителей в учреждениях и на предприятиях, регистрация (количественный учет событий), доклады уполномоченных на местах, материалы прессы и перлюстрированной корреспонденции²⁷⁵. Начальником ИНФО стал бывший редактор газеты «Советская Сибирь» И.Н. Стуков, незадолго до этого прикомандированный Оргбюро к Секретному отделу в качестве референта на правах совместительства с партийно-журналистской работой²⁷⁶. 18 мая 1921 г. по его докладу на заседании Президиума ВЧК было принято решение обязать Иностраный, Особый и Секретный отделы получаемый материал по использованию передавать в распоряжение начальника Информационного отдела. Кроме того, начальнику Административно-организационного управления И.А. Апетеру выделить для Информационного отдела в срочном порядке 12 сотрудников²⁷⁷. 4 июля замначальника ИНФО Л.Г. Эльберт, пришедший в отдел в апреле с профсоюзной работы (ранее, в 1919 г., он являлся членом Коллегии Минской губЧК и начальником ОО ЧК Литовско-Белорусской советской республики, находился на военно-политической работе), сделал сообщение, посвященное ряду вопросов отдела. По его итогам Президиум ВЧК принял ряд решений, в частности признал необходимым выпуск бюллетеней Информационного отдела, объединив их с бюллетенями НКВД и Региструпра РВСР (для последнего предлагалось созвать совещание с

представителями этих учреждений), в которых основное внимание обратить на деятельность антибольшевистских организаций как в Советской России, так и за ее пределами^{278, *}.

20 июня 1921 г. по докладу кандидата в члены Оргбюро П.А. Залуцкого «О военной цензуре» Оргбюро передало военную цензуру из штаба РККА в ВЧК²⁷⁹. Постановлением СНК РСФСР от 13 октября утверждалось «Положение о военной цензуре ВЧК», на основании которого «для ограждения политических, экономических и военных интересов РСФСР» вводилась цензура печатных произведений, почтово-телеграфной корреспонденции²⁸⁰. Начальником подотдела военной цензуры ИНФО 22 ноября 1921 г. был назначен ответственный работник Наркомпроса, партийный журналист Б.Е. Этингф. Основной контингент нового чекистского подразделения составили служащие военно-цензурных органов РККА^{**}. В связи с включением в систему военной цензуры Информационного отдела сменилось и его руководство. 21 сентября 1921 г. отдел возглавил Б.Б. Бортновский²⁸¹. В 1920–1921 гг. он являлся сначала заведующим информацией, затем начальником

---

* Судя по тому, что, согласно протоколам заседания Президиума ВЧК, по вопросам об ИНФО выступал Эльберт, он фактически возглавлял отдел, а Стуков как видный партийный работник и к тому же старый член партии (с 1905 г., тогда как Эльберт – только с мая 1918 г.) являлся скорее формальным руководителем. 12 августа 1921 г. Стуков был откомандирован в ЦК РКП и временно исполняющим обязанности заведующего ИНФО до 21 сентября 1921 г. был Эльберт (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65а. Д. 12932. Л. 1–2; *Скоркин К.В.* Обречены проиграть. С. 715–716, 872). Что же касается Стукова, то фактически он занялся лишь частью работы отдела. 27 апреля 1921 г. Президиум ВЧК постановил образовать при ИНФО Литературное отделение, начальником которого был назначен Стуков. Ему было поручено наладить постоянную связь с центральной партийной печатью, в частности с «Правдой», и предложено установить контакт с «РОСТА» в целях информирования провинции (Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 303).

** Например, А.М. Баевский, в 1920–1921 гг. работавший последовательно цензором-контролером отдела военной цензуры Полевого штаба РККА, старшим цензором-контролером и помощником начальника отделов военной цензуры Симферополя и Ростова-на-Дону, в августе 1921 г. был откомандирован в Информационный отдел ВЧК и назначен старшим цензором-контролером (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 1610. Л. 53; оп. 97. Д. 74. Л. 8).

всей военной разведки штаба Западного фронта, а ранее, в 1918 г., служил в ВЧК в качестве следователя Отдела по борьбе с контрреволюцией^{282,*}.

К началу 1921 г. в связи с окончанием боев с белогвардейцами в Европейской России работа чекистских органов стала рассматриваться как выполнение боевых задач в военной обстановке на внутреннем фронте²⁸³. Главная из этих задач состояла в подавлении крестьянских восстаний. В соответствии с этим укреплялся и военный аппарат ВЧК. Приказом РВС Республики и НКВД от 24 января 1921 г. было определено, что «все части и отряды бывших войск ВНУС, несущие службу по заданию чрезвычайных комиссий, а также отряды особых отделов ВЧК и войска по охране границ передаются в ведение ВЧК с исключением их личного состава из списков Красной Армии». Этим же приказом командующий войсками внутренней службы Республики В.С. Корнев был освобожден от занимаемой должности и направлен в распоряжение председателя ВЧК. 29 января 1921 г. Дзержинский утвердил положение о войсках ВЧК Республики и назначил Корнева командующим этими войсками²⁸⁴. 9 июля 1921 г. был утвержден штат Управления войск ВЧК в составе аппарата начальника управления (на правах командующего войсками), штаба, отделов: Оперативного (состоящего из оперативного, разведывательно-информационного, топографического и пограннадзора отделений), Административно-строевого, Инспекторского, Морской инспекции, Политсекретариата и резерва комсостава²⁸⁵. Штатная численность управления (без Политсекретариата) составила 142 чел., из которых на долю руководящих и оперативных работников пришлось 58 чел.²⁸⁶

За 1921 г. на посту командующего чекистскими войсками сменилось 6 чел. Последним был назначен 21 декабря 1921 г. Ф.В. Патаки²⁸⁷. В отличие от своих предшественников, пришедших с командных должностей в Красной Армии, Патаки

---

* 23 января 1922 г. вместо Бортновского, ставшего замначальника ИНО, временно начальником ИНФО был назначен партийный журналист и литератор В.Ф. Ашмарин (Архамович), который в ноябре 1921 г. сменил ушедшего на работу в полпредство в Латвии Эльберта на посту замначальника данного подразделения; полноценным руководителем ИНФО Ашмарин станет 1 марта 1922 г. уже в ГПУ (Лубянка. С. 25; Чекисты: История в лицах. М., 2008. С. 44; Скоркин К.В. Обречены проиграть. С. 872).

являлся кадровым чекистом, по совместительству возглавлявшим организованное в августе 1921 г. спецотделение по борьбе с бандитизмом Особого отдела, а до этого с 1920 г. служивший сотрудником для поручений 4-го отделения Секретного отдела²⁸⁸. *. Кадровыми чекистами были замещены и некоторые другие руководящие посты в Управлении войск ВЧК. Так, начальником Административного отдела 21 апреля 1921 г. был назначен К.М. Бартошевич, с середины 1918 г. работавший в ВЧК и МЧК²⁸⁹. Назначение на руководящие посты не военных, а сотрудников ВЧК свидетельствует о том, что к 1922 г. внутренние войска окончательно стали полноправным чекистским органом.

К концу последнего организационного периода (на 1 декабря 1921 г.) центральный аппарат ВЧК состоял из Президиума с Секретариатом, Следчастью и 1-м спецотделением и Курсами по подготовке ответработников, Управделами, включавшего Общую часть, Отделение личного состава, Учетно-регистрационный отдел, Комендатуру, Внутреннюю тюрьму и обслуживающие подразделения, Административно-организационного управления с Административным и Организационным отделами, Секретно-оперативного управления, включавшего Оперативный, Особый, Секретный, Информационный (с подотделом военной цензуры) и Транспортный отделы, Экономического управления, Управления службы войск и самостоятельных Иностранного и Специального отделов²⁹⁰.

К декабрю 1921 г. Коллегия ВЧК состояла из 12 чел.²⁹¹ В нее входили председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский, зампред ВЧК и председатель МЧК И.С. Уншлихт, начальник Секретно-оперативного управления и Особого отдела В.Р. Менжинский, его заместитель по СОУ и ОО и управделами ВЧК Г.Г. Ягода,

---

* Получивший в венгерском Тэмешваре педагогическое и горно-инженерное образование, младший офицер австро-венгерской армии Ф.В. Патаки в 1915 г. в Перемышле попал в русский плен, находился в Сибири. В марте 1918 г. он возглавил в Красноярске Объединенный Исполком иностранных рабочих, вступив через месяц в большевистскую партию. Затем Патаки находился на партизанской работе, военно-полевым судом Чехословацкого корпуса был приговорен к расстрелу, но ему удалось бежать. В конце 1919 г. он возглавил штаб Рабочей боевой дружины в Черемхово, а в 1920 г. там же возглавил ревком. Летом 1920 г. он стал работать уполномоченным Секретно-оперативного отдела Иркутской губЧК, а в сентябре 1920 г. переведен в центральный аппарат ВЧК (*Скоркин К.В. НКВД РСФСР. С. 707*).

начальник Спецотдела Г.И. Бокий, работавший после Наркомпроса полпредом ВЧК по Каспию М.С. Кедров, председатель ЧК Украины Манцев, председатель Петроградской ЧК С.А. Мессинг, зампред МЧК Ф.Д. Медведь, полпред ВЧК в Туркестане Я.Х. Петерс. Еще два члена Коллегии – И.К. Ксенофонтов и М.Я. Лацис, официально уже никаких ответственных чекистских постов не занимавшие, – оставались в ней как опытные работники карательного ведомства*. Ряд руководящих чекистов, формально не входивших в Коллегию, фактически находились на правах ее членов, хотя Совнаркомом не утверждались. Это были сменивший Зимина на посту начальника Транспортного отдела Г.И. Благонравов, начальник ИНО С.Г. Могилевский, его заместитель И.А. Апетер, начальники Секретного отдела Т.П. Самсонов и Административно-организационного управления С.Ф. Реденс²⁹². Исходя из должностей, занимаемых сотрудниками центрального аппарата – членами Коллегии и приравненными к ним, можно выделить приоритетные направления деятельности ВЧК к концу ее существования – внешнюю разведку, контрразведку и политический розыск.

К началу 1922 г. завершилась реформа должностей, явившаяся следствием усиления секретности работы чекистских органов при переходе к нэпу. В целях большей конспирации должностей старшие следственные и оперативные работники (следователи, комиссары и ревизоры) именовались уполномоченными, а младшие (помощники следователей и разведчики) – помощниками уполномоченных. Должности комиссаров были оставлены только для сотрудников Оперативного отдела и Спецотделения при Президиуме. Кроме того, ответственные оперативные работники Административно-организационного управления, Управления войск и Транспортного отдела по-прежнему именовались инспекторами.

---

* В январе 1921 г. Лацис вернулся в ВЧК, но уже не в качестве руководителя «линейного» отдела. 27 декабря 1920 г. Дзержинский направил ему письмо следующего содержания: «Не пора ли Вам вернуться на работу? Мы хотели предложить Вам быть нашим редактором и заняться исключительно отчетами, изданиями, статьями, политическими циркулярами и т.д. У нас самый большой недостаток – это отсутствие отчетности, о нас никто ничего не знает. Надо издать официальный отчет за три года. Возьметесь за это. Наметьте проект самого отчета и кого привлечь, кому дать какое задание...» (Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 230).

На 7 марта 1921 г. численность центрального аппарата была по штатам 2450 чел., по списку – 1415 чел.²⁹³ Из них руководящих, следственных, оперативных и надзорных работников было соответственно 690 и 425²⁹⁴. При переходе к нэпу началось сокращение численности работников различных ведомств и госучреждений. Встал вопрос и о сокращении сотрудников ВЧК. Возражая против этого, чекистское руководство ссылалось на существенную разницу между штатной и реальной численностью сотрудников. «Принимая во внимание, – писали в Малый Совнарком зампред ВЧК Ксенофонтов и начальник Адморгупра Апетер, – военно-политическую ситуацию РСФСР, требующую максимум развития работы ЧК, а также учитывая, что ВЧК в силу указанных мотивов приходится неоднократно из своего состава выделять целые ударные группы работников, как, например, в Петроград, Тамбов, Донбас, Сибирь и т.д., ВЧК сообщает, что сокращение ВЧК в настоящее время не представляется возможным»²⁹⁵. В итоге на заседании Малого СНК 10 марта 1921 г. по докладу Апетера о сокращении числа сотрудников ВЧК было решено предложить ВЧК сократить число лиц обслуживающего персонала (курьеров, дворников, шоферов и т.п.) не менее чем на 25% и совместно с РКИ в месячный срок выяснить возможность дальнейшего сокращения числа сотрудников²⁹⁶.

Таким образом, сокращение коснулось только вспомогательного персонала и лишь в перспективе предусматривалось сокращение других категорий работников. Что же касается специалистов ВЧК, то, наоборот, было принято решение об их увеличении. «В связи с открытием торговых операций за границей и изменением нашей продполитики, – говорилось в совместном циркулярном письме секретаря ЦК РКП В.М. Молотова и председателя ВЧК Дзержинского, – необходимо усилить вдвойне нашу бдительность. Соответственно этому, само собой разумеется, должен быть надлежащим образом налажен наш боевой аппарат борьбы с контрреволюцией на внутреннем фронте – ВЧК со всеми ее отделами и местными органами». Реализуя это требование, 17 февраля 1921 г. Оргбюро ЦК постановило возратить для работы в органы ЧК «бывших неskomпрометированных чекистов, которые без особого ущерба для данной работы могут быть сняты с таковой в интересах наиболее успешной охраны Советской власти от покушения на нее и борьбы с техническим предательством, подпольной контрреволюционной работой и т.д.»²⁹⁷ Результатом этого циркуляра стало увеличение общей численности

центрального аппарата ВЧК с 1415 чел. в марте 1921 г. до 2645 в сентябре и 2735 в январе 1922 г.²⁹⁸

Этот рост произошел не только за счет призыва чекистов из запаса, но и создания новых подразделений – Информационного отдела с подотделом военной цензуры и Управления войск (в него перешло много работников из Штаба войск ВНУС). Достаточно сказать, что на начало 1922 г. в Управлении войск ВЧК только партиячейка насчитывала 51 чел., из которых подавляющее большинство являлись руководящими и оперативными работниками²⁹⁹.

Окончание Гражданской войны, переход от политики «военного коммунизма» к нэпу поставили проблему коренной реорганизации чрезвычайных органов власти, и в первую очередь Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. Соответствующие факторы можно условно разделить на внутренний и внешний. Внутренний фактор состоял в разгроме войск белогвардейцев, значительном сокращении антибольшевистских вооруженных выступлений. Кроме того, чрезвычайные методы, бесконтрольность карательного органа, массовые аресты специалистов и злоупотребления его сотрудников являлись серьезным тормозом в проведении новой экономической политики. Почти не ограниченные права ВЧК привели к возникновению мессианских настроений в чекистской среде, что не могло не настораживать партийное руководство. Роль внешнего фактора заключалась в стремлении большевиков к дипломатическому признанию РСФСР. Массовые аресты чекистами иностранных подданных стали мешать реализации взятого большевистским руководством курса на установление дипломатических и экономических отношений с капиталистическими странами. Эти факторы в преддверии Генуэзской международной конференции, с которой Ленин связывал прорыв дипломатической и экономической блокады Советской республики, по мнению С.В. Леонова, дали повод для кардинальной реорганизации ВЧК³⁰⁰.

В резолюции IX Всероссийского съезда Советов 28 декабря 1921 г. отмечалось, что «ныне укрепление Советской власти вовне и внутри позволяет сузить круг деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии и ее органов, возложив борьбу с нарушением законов советских республик на судебные органы». Президиуму ВЦИК поручалось в кратчайший срок пересмотреть положение о Всероссийской чрезвычайной комиссии и ее органах в направлении их реоргани-

зации³⁰¹. 23 января 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло проект постановления, в котором говорилось об упразднении ВЧК и создании при НКВД Государственного политического управления (ГПУ) под председательством наркома внутренних дел и назначаемого СНК его заместителя*. ГПУ поручалась борьба со шпионажем, бандитизмом и подавление открытых контрреволюционных выступлений, охрана железнодорожных и водных путей, границ Республики, а также выполнение спецпоручений СНК и ВЦИК. Ряд положений принимался особым постановлением высшего партийного органа. Согласно ему, деятельность ГПУ должна сосредоточиться на постановке дела осведомления внутренней информации и изучения контрреволюционных и антисоветских проявлений во всех областях. В особом положении также указывалось на необходимость ввиду перехода карательных функций в суды введения в их состав выдвигаемых чекистами лиц. Кроме того, в этом постановлении говорилось о сохранении максимально боевого аппарата ВЧК с таким расчетом, чтобы при обострении Гражданской войны его можно было быстро развернуть. В целях выполнения возложенных на ГПУ заданий в его распоряжении были оставлены войска. ГПУ, как и ВЧК, по-прежнему имело право проводить выемки, обыски и аресты³⁰². 6 февраля 1922 г. декретом ВЦИК ликвидация ВЧК и создание ГПУ были оформлены законодательно³⁰³.

Делая выводы о развитии организационной структуры ВЧК в 1919–1922 гг., нужно сказать, что относительная стабилизация внутривластной обстановки в начале 1919 г. стала поводом для дискуссии в высших эшелонах власти о месте ВЧК в системе госорганов. Это предопределило дальнейшую реорганизацию ВЧК. В январе 1919 г. вводился институт чекистской Коллегии, что было связано со стремлением руководства ВЧК создать руководящую структуру карательного

---

* Интересно, что на заседании Президиума ВЧК 22 декабря 1921 г. в положении о ней, принятом по докладу Уншлихта, говорилось о переименовании ее в Государственную Политическую Охрану (Архив ВЧК. С. 486). Сделано это было, возможно, на манер существовавшей в то время Госполитохраны Дальневосточной республики. Однако затем советское руководство заменило слово «охрана» на «управление», по всей видимости, чтобы новое название не ассоциировалось в народе, и особенно в партии, с нелюбимым для революционеров Охранным отделением Департамента полиции царского времени.

ведомства наподобие руководящих органов наркоматов. В этот период продолжались поиски наиболее приемлемых организационных форм подразделений, осуществлявших политический розыск, военную контрразведку и контроль за транспортом – Секретного, Особого и Транспортного отделов. С образованием осенью 1919 г. Специального и Экономического отделов, а затем включением их в Особую межведомственную комиссию было дано начало установлению чекистского контроля за экономической сферой. Таким образом, оргструктура ВЧК стала более совершенной. Ее изменение сказалось на эффективности работы ряда подразделений, что проявилось, в частности, в раскрытии мощных антибольшевистских организаций «Национального» и «Тактического» центров. Однако продолжали отрицательно сказываться низкая квалификация сотрудников, несовершенство агентурного аппарата (главным источником оставались «сознательные» рабочие, указывающие на след контрреволюционеров), а также отсутствие правовых рамок деятельности ВЧК, следствием чего было по-прежнему отдаваемое предпочтение репрессивным действиям.

С конца 1920 г. в силу ряда внутренних и внешнеполитических факторов начался новый этап эволюции чекистской структуры. Он характеризовался ее централизацией – объединением всех подразделений, ведавших административными, организационными и хозяйственными функциями и унификацией – объединением в составе единого Секретно-оперативного управления Оперативного, Особого, Секретного и других отделов.

Таким образом, созданная спустя полтора месяца после прихода большевиков к власти как временный чрезвычайный орган по борьбе с контрреволюционерами и саботажниками к концу Гражданской войны ВЧК превратилась в мощную специальную службу нового государства с колоссальными по объему задачами. Помимо своей главной функции – политического розыска, она включала внешнюю и военную контрразведку, контроль за экономическими предприятиями и транспортом, осведомление партийного руководства, внутреннее войска и т.д.

С лета 1919 г. постоянно росла численность сотрудников ВЧК, особенно управленцев и специалистов. Этот рост был предопределен тремя факторами: организационным (созданием новых подразделений), территориальным (эвакуацией из захваченных деникинскими войсками областей сотрудников местных ЧК) и политическим (укрепление в начале 1920 г.,

после победы над войсками А.В. Колчака и А.И. Деникина, большевистской власти и, соответственно, ее карательного органа). При этом наибольший рост численности руководящих, следственных и оперативных работников наблюдался в Особом и Транспортном отделах, что было вызвано необходимостью серьезного контроля за Красной Армией и транспортными коммуникациями в военное время.

Новые задачи, ставившиеся в 1921 г. перед ВЧК, вели к значительному расширению ее штатов. Однако из-за кадрового дефицита возникли серьезные сложности с их полным укомплектованием. Результатом этого стало значительное отставание списочной численности сотрудников от требуемой по штату, особенно в подразделениях, требовавших наиболее квалифицированных специалистов. В результате этого несоответствия между требуемым и реальным количеством сотрудников работа некоторых подразделений в 1921 г. либо была крайне незначительной, либо вообще не велась. Это заставило советское и партийное руководство, при переходе к нэпу начавшее сокращение сотрудников госучреждений, относительно ВЧК ограничиться лишь уменьшением численности обслуживающего персонала. В отношении же чекистских специалистов, наоборот, было принято решение о возвращении их из запаса на службу, что помогло к началу 1922 г. хотя бы частично восполнить кадровый дефицит в подразделениях разведки и контрразведки, а также привело к серьезному увеличению общей численности ВЧК.

В изменении структуры ВЧК в годы Гражданской войны немалую роль играли субъективные факторы, в первую очередь понимание ее задач как председателем Комиссии и его заместителями, так и руководителями отдельных подразделений. В условиях остроты обстановки и отсутствия юридических документов, четко регламентировавших организационные формы, функции и права ВЧК, ее руководители сами изменяли структуру и численность карательного учреждения. При этом советское и партийное руководство принимало участие в этом процессе обычно в тех случаях, когда в ходе создания или перестройки того или иного отдела затрагивались интересы других ведомств. Это доказывает то, что ВЧК, являясь органом большевистской диктатуры, имела довольно широкую автономию, нашедшую свое отражение, как в формировании и совершенствовании организационной структуры, так и в политике подбора и расстановки кадров.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОСТАВ ВЧК

Социальный, образовательный и партийный состав чекистских кадров (1917–1918)

Придя к власти, большевики, исходя из своих идеологических воззрений, сформулировали два принципа подбора кадров для советских госучреждений: партийность и классовый подход. В обстановке разгоравшейся Гражданской войны, политики «военного коммунизма» и террора первый принцип, состоявший в подборе наиболее надежных для режима кадров, приобретал особое значение. В.И. Ленин в числе неперемennых условий подбора кадров наряду с добросовестностью, знанием дела и административными способностями ставил подбор и оценку «с политической стороны»¹. Применительно к кадрам карательного ведомства руководитель большевистской партии был еще более категоричен, называя главным качеством чекиста верность². Таким образом, при подборе служащих для чекистского аппарата деловые качества являлись второстепенными, а основным критерием была политическая благонадежность, которая в первую очередь могла обеспечиваться членством в правящей партии. По мнению М.Я. Лациса, служба в чрезвычайных комиссиях членов правительственных партий является первым условием обеспечения чекистской работы, поскольку на ЧК возложена охрана Советской власти и вместе с ней правящей Коммунистической партии³.

Лица, состоявшие в большевистской партии, были крепко связаны партийной дисциплиной, что должно было обеспечивать и поддержание чекистской дисциплины. Кроме того, для карательного политического ведомства далеко не последнюю роль играла присущая Компартии вертикальная подчиненность в ее кадровой структуре и, соответственно, большая возможность влияния на рядовых членов.

При подборе чекистских кадров с принципом партийности было напрямую связано наличие опыта партийно-боевой

работы. При изучении по опубликованным источникам биографий членов Коллегии ВЧК и ответственных работников Московской и Петроградских чрезвычайных комиссий Паттерсон обратил внимание на то, что многие из них ранее работали в военно-революционных комитетах или служили в Красной гвардии. Отсюда исследователь сделал вывод, с которым можно полностью согласиться, что наряду с партийным опытом многие чекисты были объединены участием в Красной гвардии и ВРК; во время пребывания в этих организациях ими были приобретены опыт и определенное мышление, что облегчало их приспособленность к работе в чекистских органах⁴. В Красной гвардии, Петроградском и Московском ВРК главную роль играли большевики и в меньшей степени левые эсеры, что затем и нашло свое отражение в партийном составе ВЧК.

В первый состав ВЧК от 7 (20) декабря 1917 г. были включены только члены большевистской партии с большим дореволюционным стажем (из большевиков, вошедших в нее в первые три дня существования, только Д.Г. Евсеев и В.В. Фомин вступили в партию в 1910 г., а остальные 11 – еще до первой русской революции, то есть являлись старейшими членами партии; трое: Ф.Э. Дзержинский, А.П. Смирнов и К.А. Петерсон – с самого ее основания). Однако уже спустя несколько дней после основания ВЧК туда стали входить и представители левых эсеров и анархистов. В «Отчете ВЧК за четыре года деятельности» объяснена причина, побудившая правящую большевистскую партию допустить к руководству своего главного карательного органа представителей других партий: «Здесь, конечно, играло роль не только отсутствие отдельных работников, но и давление лев. с.-р., которые начали борьбу против Чрезвычайной Комиссии и требовали своего в ней участия как бы для контроля. Поэтому, чтобы предупредить огульное вхождение лев. с.-р. или на паритетных началах, пришлось привлекать отдельных товарищей из лев. с.-р., которые были уже известны по работе в Петроградском военном комитете»⁵.

Еще в декабре 1917 г. по предложению Ф.Э. Дзержинского секретарем и членом Коллегии был назначен И.И. Ильин – член партии левых эсеров, ранее работавший с большевиками в Петроградском военно-революционном комитете. В качестве члена ВЧК он фигурирует в протоколе ее заседания уже на четвертый день после создания Комиссии⁶. То же можно было сказать и про анархо-коммунистов, в период

Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде активно сотрудничавших с большевиками. В конце декабря 1917 г. комендантом и членом ВЧК, а затем и начальником учрежденной ее разведки стал анархо-индивидуалист Ф.П. Другов*. Став впоследствии невозвращенцем, в эмигрантском журнале он так описывал обстоятельства принятия его на службу в ВЧК: «...Все члены первой коллегии ВЧК состояли в то же время членами ВЦИКа, но назначение в ВЧК они получали не от ВЦИКа, а от ЦК партии большевиков по личному отбору Дзержинского. Я лично не состоял в партии большевиков и был известен Дзержинскому как анархист-индивидуалист, однако Ленин против моего назначения не возражал, ибо знал меня по ВЦИКу и особенно по Петроградскому военно-революционному комитету»⁷. Несколько позднее, в феврале 1918 г., Ф.Э. Дзержинским был рекомендован на чекистскую службу еще один анархист – Г.Г. Делафар (Лафар). Работавший до прихода в ВЧК комиссаром при одном из петроградских банков, Делафар был назначен начальником Банковского подотдела, а после его реорганизации в Отдел должностных преступлений – секретарем этого отдела.

30 марта 1918 г. на заседании ВЧК было заслушано заявление Дзержинского о том, что, несмотря на принятое руководством Комиссии решение о разоружении анархистов, разведка (которую в это время возглавлял Другов) ничего не предприняла по этому делу⁸. Когда же в апреле разоружение анархистов было произведено чекистами, Другов написал заявление о выходе из состава ВЧК ввиду принципиального расхождения с ее деятельностью по отношению к его поли-

---

* Ф.П. Другов родился в Петрограде в семье печника в 1891 г. Окончил 3 класса городского училища и работал в отцовском деле. Став анархистом-максималистом в 1905 г., он принимал участие в экспроприациях, за что в 1909 г. военно-окружным судом был приговорен к смертной казни через повешение, замененной по малолетству тюремным заключением, затем до конца 1914 г. находился в Нарымской ссылке. В 1915–1917 гг. Другов служил рядовым на Юго-Западном фронте и в мае 1917 г., делегированный своей дивизией на 1-й Всероссийский съезд крестьянских депутатов, прибыл Петроград, где был избран членом Иполкома образованного съездом Совета. В это время он свою политическую ориентацию объявил как анархо-индивидуалистскую, а в октябрьские дни вошел в состав ВРК в качестве своеобразного «третейского судьи» между большевиками и левыми эсерами и стал членом ВЦИК.

тическим единомышленникам, но при этом обратился, уже устно, с просьбой пользоваться ввиду «материальной стеснимости» ведомственной столовой. 13 апреля ВЧК под председательством Дзержинского в составе Александровича, Евсеева, Ильина, Закса, Фомина, Емельянова, Кизильштейна, то есть 4 большевиков и 4 левых эсеров, признала мотивировку выхода неосновательной и оценку деятельности Комиссии несоответствующей действительным ее целям (а каким именно?), предоставив принятие решения самому Другову, но столовой пользоваться разрешила^{9,*}.

---

* Позднее Другов вернулся на чекистскую работу. Осенью 1918 г., находясь в Астрахани, он стал управляющим делами и заведующим политотделом армейской ЧК, в начале 1919 г. – начальником Морской части и разведки Особого отдела Каспийско-Кавказского фронта, а затем – начальником Активной части Особого отдела 11-й армии и Астраханского края. Позднее по заданию Дзержинского Другов проводил ревизию ЧК на Западном фронте, после чего в августе 1919 г., прибыв в столицу для доклада предВЧК, вновь оказался на работе в центральном аппарате, возглавив Коллегию по заложникам. В конце 1919 г. его командировали в Сибирь, где в Омске он стал комендантом концлагеря. В начале 1920-х гг. Другов последовательно занимал должности начоперода штаба Восточно-Сибирского сектора войск ВОХР, помощника комиссара военно-дорожного управления ЦУПВОСО РККА (ПУР согласился назначить беспартийного в виде исключения) и помначальника разведки штаба ЧОН Республики, откуда в конце 1923 г. был комиссован. После этого Другов находился на хозяйственной работе: однако карьера его пошла вниз, поскольку он, с одной стороны, являлся беспартийным и к тому же выходцем из небольшевистской политической организации, а с другой – был малообразованным и не имел никакой специальности. С должности помощника начальника Лесоохраны Ленинграда он перешел в делопроизводители, некоторое время работал дворником (!) в Промбанке, затем кассиром на ряде предприятий. В марте 1930 г. из Сестрорецка Другов бежал через границу в Финляндию и в том же году с помощью секретаря местной русской колонии из Гельсингфорса перебрался в Париж, где стал активно сотрудничать в эмигрантской прессе и в изданиях советских невозвращенцев. Однако в 1933 г. в силу ряда причин он решил вернуться и обратился в советское полпредство с предложением оказания разведуслуг, но, оказавшись на советской территории, в июле был арестован, в октябре того же года Коллегией ОГПУ приговорен к расстрелу, а казнен в феврале 1934 г. (подробно жизнь Друго-

Делафар же остался рядовым следователем Отдела должностных преступлений. Последний раз в качестве члена Комиссии он присутствовал на ее заседании 19 апреля 1918 г.¹⁰ На сентябрь 1918 г. он, вновь несколько повышенный в статусе, был следователем при Президиуме ВЧК, но уже указывал себя беспартийным¹¹. Сын выходца из Франции, владевший языком предков, Делафар занимался расследованием деятельности членов французской дипломатической и военной миссий и на своем посту оставался незаменимым сотрудником¹². Позднее, в конце года, он был направлен резидентом в занятую интервентами Одессу, где был разоблачен и расстрелян. Посылка на нелегальную работу в контролируемые французами учреждения человека, который вел дела должностных лиц Франции, свидетельствует не только о неопытности чекистских руководителей в ведении внешней разведки, но и о дефиците подходящих кадров для данной работы.

На начало января 1918 г. пришелся один из пиков спора между большевиками и левыми эсерами о контроле над ВЧК. Нарком юстиции левый эсер И.З. Штейнберг с момента вступления на свой пост пытался урезать полномочия ВЧК по части арестов политических противников и расстрелов подозреваемых контрреволюционеров без судебного решения¹³. 7 января он сделал предложение, чтобы ЦК его партии получил право непосредственно вводить в состав членов ВЧК своих представителей. Вопреки мнению Дзержинского Совнарком принял решение о включении в члены ВЧК левозсеровских представителей от ВЦИК. Им был предоставлен пост товарища (заместителя) председателя ВЧК. Одновременно с этим СНК оставил за собой право утверждать кандидатов в члены ВЧК¹⁴. На следующий день левозсеровская фракция ВЦИК представила на утверждение Совнаркома список из шести своих представителей – кандидатов в члены ВЧК: В.А. Александровича, В.Д. Волкова, М.Н. Гуркина, М.Ф. Емельянова, П.Ф. Сидорова. Совнарком утвердил всех, кроме Гуркина, который стал членом ВЧК позднее, в марте 1918 г. Следует отметить, что все левозсеровские представители являлись членами ВЦИК, а двое из них, Александрович и Сидоров, совместно с большевиками работали в Военно-революционном комитете. Вошедшие в ВЧК левые эсеры получили в ней руководящие должности. Александрович стал зампредом ВЧК, Еме-

---

ва описана в следующем очерке: *Генис В.Л. Федор Павлович Другов. – Вопросы истории, 2010, № 3. С. 57–66).*

льянов – заведующим Хозотделом, Сидоров – Отделом хранилищ^{16,*}. Соруководителем последнего в Отделе хранилищ, включавшем кладовую и камеру вещественных доказательств, стал Гуркин. 15 апреля 1918 г. в связи с переходом в члены Оперштаба, руководящего боевыми отрядами, он был освобожден от этих обязанностей и заменен двумя однопартийцами (ими стали И.Н. Николаев и П.И. Рязанов, назначенный секретарем отдела). Наконец, 26 апреля Гуркин пошел на повышение, будучи назначенным заведующим Отделом по борьбе с преступлениями по должности¹⁶. Что касается Волкова, то он пробыл в ВЧК совсем недолго, занимая должность секретаря Комиссии¹⁷.

В марте 1918 г. в ВЧК вошел член существовавшей меньше месяца ЧК при Исполкоме Моссовета Д.А. Магеровский, а в апреле 1918 г. в члены ВЧК ВЦИК делегировал еще одного левого эсера – Г.Д. Закса, который стал заместителем начальника Контрреволюционного отдела, а затем некоторое время исполнял обязанности зампреда ВЧК¹⁸. В это же время управделами ВЧК (на правах члена Комиссии) стал левый эсер А.П. Пятницкий. Подавляющее большинство высших руководящих чекистских работников – левых эсеров так же, как и большевиков, имели дореволюционный подпольный партстаж. Так, Александрович являлся членом ПСР с момента ее основания – с 1902 г., Закс и Пятницкий – с 1903 г., Сидоров – с 1906 г., Ильин – с 1913 г.

С конца января по начало июля 1918 г. в состав членов ВЧК входили в общей сложности 19 большевиков (Ф.Э. Дзержинский, Я.Х. Петерс, И.К. Ксенофонтов, Д.Г. Евсеев, В.В. Фомин, И.Н. Полукаров, С.Е. Щукин, С.П. Чернов, Ф.Я. Гельщак, А.М. Дьяконов, И.Ю. Пульяновский, В.И. Савинов, В.Л. Панюшкин, В.П. Янушевский, В.В. Артишевский, И.С. Кизильштейн, М.Я. Лацис, А.И. Пузырев и В.В. Каменщиков), 10 левых эсеров (И.И. Ильин, В.А. Александрович, В.Д. Волков, М.Ф. Емельянов, П.Ф. Сидоров, М.Н. Гуркин, Д.А. Магеровский, Г.Д. Закс, Д.И. Попов, М.Г. Владимиров [К.А. Штримпфлер] и 2 анархиста (Ф.П. Другов и Г.Г. Делафар)**. Двое левых эсеров состояли на

---

* Заместителем Сидорова в Отделе хранилищ стал левый эсер И.Н. Николаев, а секретарем отдела – левый эсер П.И. Рязанов.

** Нужно отметить, что в начале 1918 г. в состав ВЧК для координации действий недолго входили сначала руководитель Комитета обороны Петрограда большевик К.Е. Ворошилов, а затем руководивший разгрузкой Москвы после переезда

правах членов Комиссии. Это были управделами А.П. Пятницкий и секретарь при Президиуме и одновременно следователь Спекулятивного отдела В.Г. Гриш.

21 февраля ВЧК, заслушав сообщение «О приеме новых сотрудников», постановила «принимать партийных т.т., а беспартийных как исключение. Все новые служ. и сотрудники должны проходить через контроль Организац. Комиссии»¹⁹. Лацис впоследствии так раскрыл условия работы в ВЧК членов политических партий: «Каждая партия, которая перестает быть правительственной партией, которая перестает делить с ней ответственность, в то же время становится не в дружескую оппозицию, а непременно по ту сторону баррикад и не может быть допущена к работе боевых органов, выдвинутых против контрреволюции. Партии неправительственные не могут работать в Чрезвычайных комиссиях. Это нам жизнь доказала. Когда левые с.-р. с нами разделяли государственную власть, было очень естественно их участие в Чрезвычайных Комиссиях, и они работали там»²⁰.

Позиции большевиков и левых эсеров в руководстве ВЧК по ряду важных вопросов, в частности относительно расстрельных приговоров, расходились. Вот как об этом говорится в одной из статей А.С. Велидова:

советского правительства член Коллегии НКВД левый эсер В.А. Алгасов (Бурдаков) – соответственно, в конце января-феврале и в апреле. Однако в связи с тем, что они представляли другие ведомства и, судя по сохранившимся протоколам ВЧК, практически не участвовали в ее заседаниях (Алгасов участвовал только в день приема), мы в статистику их не включили. Однако в книгах о ВЧК, вышедших в 1930–1950-х гг., в силу известных причин именно Ворошилова нередко упоминали в качестве члена чекистской Коллегии. К.В. Скоркин пишет, что в состав членов ВЧК в 1918 г. входил большевик А.В. Галкин, который, по его словам, в декабре 1917 – январе 1918 г. был ее секретарем. Здесь автор явно путает его с Гжельщаким или Волковым, занимавшими эту должность в данный небольшой промежуток времени. Члену Коллегии НКПС, а ранее председателю Петроградского ревтрибунала и члену Комиссии по борьбе с контрреволюцией ВРК (до создания ВЧК) Галкину 18 марта было предложено войти в состав ВЧК, вероятно, для координации деятельности в области контроля за транспортом. Судя по тому, что далее в протоколах заседания ВЧК Галкин не фигурировал, это вхождение не состоялось, а вскоре он вернулся в судебную систему, став членом Ревтрибунала при ВЦИК.

«Левые эсеры в первое время не принимали участия в голосовании, но и не голосовали против расстрелов, давая возможность большевикам принимать решение о суровом наказании бандитов. Позже они нередко поддерживали предложения о расстреле опасных уголовных преступников. Однако, когда вставал вопрос о таком же наказании политических противников, эсеры, ссылаясь на директиву своего ЦК, неизменно выступали против, накладывали «вето». В Комиссии по этому поводу возникали ожесточенные споры между большевиками и их союзниками по правительственному блоку»²¹.

В решении острейшей проблемы, стоявшей перед ВЧК, – подбора кадров, участвовали большевистские и левозэсеровские партийные организации – как внутренние, так и руководящие их органы. Уже на первом заседании чекистского коллектива РКП(б), состоявшемся 20 апреля 1918 г., было решено обратиться в местный райком партии, чтобы «получить в сотрудники партийных товарищей»²². 29 апреля 1918 г. Дзержинский обратился в ЦК РКП(б) с просьбой о пополнении ЧК опытными партийными работниками, мотивируя ее большой перегруженностью сотрудников. 18 мая ЦК принял решение перевести из Наркомата внутренних дел РСФСР М.Я. Лациса (члена партии с 1905 г.), а также поручить Я.М. Свердлову переговорить с В.Н. Яковлевой (товарищем председателя Совнаркома Москвы и области, состоявшей в партии с 1904 г.) и И.Н. Стуковым (политработником Московского военного округа, членом партии с 1905 г.) по поводу перехода их в ВЧК²³. Лацис был назначен начальником Отдела по борьбе с контрреволюцией, а Яковлева перешла в ВЧК 19 июля, став заместителем начальника Отдела по борьбе с контрреволюцией, который к тому времени уже возглавлял сменивший Лациса социал-демократ с 1897 г. Н.А. Скрыпник²⁴. Назначение же Стукова в ВЧК в данное время вообще не состоялось, это произойдет гораздо позднее.

Занималось подбором и расстановкой кадров в ВЧК и руководство левых эсеров. Так, например, 12 июня 1918 г. ЦК ПЛСР принял решение дать месячный отпуск Гуркину, возглавлявшему Отдел должностных преступлений ВЧК, заменив его Ярощуком²⁵. В.Н.(?) Ярощук стал заместителем начальника отдела, который возглавил большевик А.И. Пузырев.

Многие командировки в ВЧК шли через ВЦИК. 3 июня 1918 г. зампред ВЧК Закс и зам. управделами В.В. Шилов обратились в Президиум ВЦИК с просьбой откомандировать в срочном порядке в ВЧК для исполнения обязанностей сле-

дователей старых партийных работников²⁶. Речь шла о членах партий большевиков и эсеров. В течение лета 1918 г. ВЦИК направил на чекистскую следственную работу несколько своих членов. Однако после событий 6 июля командируемые высшим исполнительным советским органом были исключительно членами Компартии. Так, 26 июля секретарь ВЦИК В.А. Аванесов направил в Отдел по борьбе с контрреволюцией ВЧК члена ВЦИК от Тверской губернии большевика с 1917 г. М.Я. Лапшина, которого назначили в отделе следователем особых поручений²⁷, а 17 августа Президиумом ВЦИК в ВЧК был откомандирован большевик с 1906 г. В.Э. Кингисепп²⁸. Являясь членом ВЦИК, Кингисепп работал следователем в подведомственном ВЦИК Верховном ревтрибунале. В ВЧК он получил должность следователя при Президиуме ВЧК, в качестве которого он уже в начале сентября 1918 г. вел дело о покушении на В.И. Ленина 30 августа 1818 г.

С первых дней своего существования большевистский Партколлектив стремился взять под контроль подбор и расстановку кадров в центральном аппарате ВЧК. Уже на втором заседании Партколлектива 23 апреля 1918 г. его членам Я.Я. Закису и Ю.Ю. Янель было поручено разработать анкеты и провести регистрацию всех служащих²⁹. В начале мая Коллективом было принято решение о приеме через него на службу в ВЧК. Однако это вызвало возражение со стороны Дзержинского. Видимо, последний не только не желал поступиться своей властью, но и опасался осложнений со стороны левых эсеров. 8 мая, заслушав доклад Петерса, Коллектив оставил свое решение в силе, но при этом заявил, что если будет создан в ВЧК Коллектив партии левых эсеров, то работать с ним в контакте и предоставить им право принимать на службу число сотрудников, пропорциональное количеству левоэсеровского Коллектива³⁰. Только 18 мая руководство ВЧК согласилось с постановлением Коллектива, однако оставило вне аттестации делегируемых на чекистскую работу центральными комитетами большевиков и левых эсеров³¹. 8 мая 1918 г. по докладу комиссара Отдела преступлений по должности А.Х. Беленького Коллектив постановил потребовать от руководства ВЧК, чтобы была создана коллегия комиссаров при ВЧК, а не по отделам, причем комиссарами были откомандированы только ответственные коммунисты³². В тот же день Коллектив рекомендовал на ответственные должности двух сотрудников-коммунистов – одного следователем, а второго – комиссаром³³.

Коллектив стремился к увеличению партийной прослойки внутри ВЧК и за счет приема новых членов из числа уже работающих сотрудников. 29 апреля было решено принимать новых членов на общем собрании фракции по рекомендации двух коммунистов. Кандидат считался принятым, если за него проголосуют более двух третей членов фракции³⁴. 8 мая на собрании фракции было принято в партию 8 чел., 10 июля – 8 чел. и т.д.³⁵

Многие члены чекистского Партколлектива стремились не допускать лиц, являвшихся членами неправительственных партий, не только до следственной и оперативной, но и до канцелярской работы в ведущих отделах. 21 мая 1918 г. комфракция, рассмотрев постановление Коллектива об увольнении члена партии Народной Свободы (кадетской) Лапшиной и постановление Президиума ВЧК об оставлении Лапшиной на службе, выразила категорический протест чекистскому руководству и заявила, что постановление Коллектива об увольнении Лапшиной подлежит немедленному исполнению³⁶.

12 июня на заседании комфракции разгорелась дискуссия о работе в ВЧК беспартийных. Комиссар Контрреволюционного отдела Р.П. Энин предложил беспартийных вообще выпроводить из Комиссии. Аналогичным по содержанию было выступление сотрудника разведки этого отдела Э.Д. Лепинлауска. Он заявил, что у них в отделении работает беспартийная машинистка, что недопустимо. Им возразила секретарь Коллектива Ю.Ю. Янель, заметившая, что всех беспартийных сразу уволить невозможно, так как многие из них себя успели хорошо зарекомендовать, и поэтому придется увольнять их «по мере надобности». Сходной позиции придерживался и начальник разведки Контрреволюционного отдела К.М. Карлсон, подчеркнувший важность того, чтобы руководящие работники были партийными, а других сотрудников-беспартийных заменять постепенно. Подводя итоги обсуждения, зампред ВЧК и председатель Партколлектива Петерс заявил, что очистить Комиссию легко, но проблема в недостатке «соответствующих рабочих рук». Большинство участников высказалось за постепенное удаление беспартийных, как это предложили Карлсон и Петерс³⁷. 27 июня 1918 г. Коллектив постановил сообщить в Президиум о необходимости гарантии того, что без аттестации Коллектива действительно никто не сможет поступить на службу³⁸.

После заключения Брестского мира левые эсеры вышли из состава Советского правительства, встал вопрос и об их

пребывании в ВЧК. 25 апреля ЦК ПЛСР предложил Александровичу, Емельянову и другим остаться на своих местах³⁹. На заседании ЦК спустя неделю Александрович заявил, что поскольку ВЧК предлагается ввести «красный террор», то, по его мнению, все левые эсеры должны из Комиссии уйти. Выступивший затем другой член ВЧК Емельянов высказался против выхода и, наоборот, предложил усилить ВЧК новыми работниками. Емельянова поддержал член ЦК П.П. Прошьян, сказавший, что этот выход повлечет уже выход отовсюду, и поэтому всем нужно остаться на своих местах. После долгих прений было принято решение об оставлении всех членов своей партии на чекистской службе⁴⁰. 19 мая Александрович обратился вновь с просьбой об уходе левых эсеров из «Комиссии Дзержинского», однако ЦК ПЛСР подтвердил свое прежнее постановление и принял решение по возможности делегировать еще работников, если нужно заменить желающих этого товарищей⁴¹. 15 июня в выступлении Александровича речь шла уже не о выходе из ВЧК, а о требовании вхождения в особую «тройку», выносящую расстрельные приговоры. Левоэсеровский ЦК постановил ультимативно потребовать от чекистского руководства вхождения в данную «тройку», что и было исполнено. От левых эсеров в ее члены вошел Александрович, а в заместители членов – Ильин⁴².

Позиция ЦК левых эсеров по вопросу о службе членов своей партии в ВЧК нашла поддержку в лице ее председателя – Дзержинского. Одной из причин этого, возможно, была совместная борьба левых эсеров и «левых коммунистов», к которым принадлежал и Дзержинский, против заключения Брестского мира. По-видимому, сыграло роль и стремление Дзержинского сохранить некоторый противовес жесткой большевистской части сотрудников ВЧК относительно более «либеральной» левоэсеровской*. Кроме того, Дзержинский по-

---

* Крайний радикализм большевистских членов ВЧК Я.Х. Петерса и М.Я. Лациса ярко проявился в их деятельности и даже «на бумаге». Так, широко известно высказывание Лациса, сделанное им в печатном органе ЧК на Восточном фронте «Красный террор», о том, что относительно арестованных следует искать не доказательства их деятельности против Советской власти, а их происхождение, образование и профессию, которое было подвергнуто критике и в центральной большевистской прессе, и лично Лениным. Почерк Лациса и Петерса нетрудно узнать в 8-м пункте протокола заседания Президиума ВЧК, в котором

нимал, что уход левых эсеров, среди которых было много опытных революционеров-подпольщиков, непременно создаст дефицит квалифицированных кадров. Однако такая позиция председателя ВЧК натолкнулась на серьезное противодействие со стороны своего заместителя Петерса и возглавлявшегося последним Партколлектива, а также только что перешедшего в Комиссию из НКВД Лациса. Лацис впоследствии писал: «Сталкивающиеся ближе с эсерами по практической работе члены коллегии Петерс и Лацис указывали и

наряду с Ксенофонтовым они оба участвовали, подписанном секретарем Г.М. Мурнек «Об утверждении высшей меры наказания чл. Быв. Императорск. – Романовск. своры (и это в официальном протоколе! – О.К.)». В нем речь шла о расстрельном приговоре, вынесенном Петроградской ЧК великим князьям и произведенном по распоряжению из Москвы Петерса (возможно, оно было инициировано Свердловым или, наоборот, из Петрограда Г.Е. Зиновьевым), несмотря на протест А.М. Горького и некоторых ответственных работников центра (председатель ПетроЧК А.К. Скороходов в это время вместе с Горьким находился в столице). Постановление было соответствующим не только по содержанию (иного было сложно ожидать), но и по стилю: «Приговор ПЧК (в тексте ошибочно стояло “ВЧК”, но над буквой “В” карандашом была написана буква “П”. – О.К.) к лицам быв. имп. своры – утвердить, сообщив об этом в ЦИК» (Архив ВЧК. Л. 319).

Следует отметить, что Дзержинский не представил к награждению орденом Красного Знамени активно участвовавших в Гражданской войне не только в центре, но и на местах, и наиболее отличившихся в проведении «красного террора» руководящих работников центрального аппарата Петерса, Лациса и Кедрова. Все трое награждены были этим орденом только в 1927 г., то есть уже после смерти «Первого чекиста». Советский биограф Петерса В.А. Штейнберг, который, естественно, в своей книге замалчивал противоречия между его героем и Дзержинским, как и некоторые другие «невыгодные» стороны его биографии, писал: «Когда к десятилетию ВЧК-ГПУ отмечали “старых” чекистов... то Петерса наградили орденом Красного Знамени “за активную борьбу с контрреволюцией”. Говорили, правда, что награда запоздала, но ведь так всегда с истинными наградами – они, как правило, приходят позже, бывает слишком поздно, но приходят обязательно!» (Штейнберг В.А. Екаб Петерс. М., 1989. С. 198). При этом автора явно не смутил тот факт, что орден Красного Знамени ко многим руководящим чекистам-регионалам, особенно украинским, «пришел в срок», то есть в начале 1920-х гг. – еще при жизни Дзержинского.

Дзержинскому, что с эсерами не стало возможно работать: в тройке по расстрелу они постоянно голосуют против, а для приговора необходимо единогласное решение... Разногласия были перенесены на решение Якова Михайловича Свердлова. Петерс и Лацис ставили вопрос ребром: или мы, или эсеры. Яков Михайлович посоветовал подождать до съезда Советов...»^{43,*} Впоследствии Лацис следующим образом обосновывал необходимость удаления всех левых эсеров с чекистской службы: «Но вот левые с.-р. от власти ушли, а в чрезвычайных комиссиях сотрудничать продолжали. Это уже было ненормально, ибо лев. с.-р. не могли не использовать аппарат Чрезв. Комиссии против партии правительственной, против нас, коммунистов. Это так и случилось. 6-го июля заговор лев. соц.-р. воспользовался его положением, чтобы поднять отряд В.Ч.К. против последней и против всей Советской власти»⁴⁴. Желая ограничить партийную агитацию левых эсеров в чекистской среде, большевистский Коллектив еще до левозэсеровского восстания – 4 июля – отложил просьбу

---

* Согласно воспоминаниям бывшего коменданта Кремля П.Д. Малькова, Дзержинский считался с мнением Я.М. Свердлова, постоянно наблюдавшего за работой ВЧК. Как рассказывал Малькову В.А. Аванесов, «Яков Михайлович, бывало, пишет Феликсу Эдмундовичу товарищескую записку: в ЧК, мол, такие-то и такие-то не порядки, следовало бы сделать то-то и то-то. Феликс Эдмундович берет эту записку и, не меняя в ней ни единого слова, не переставляя ни одной запятой, сняв лишь обращение и поставив свою подпись, рассылает ее органам ВЧК в качестве директивы» (Мальков П.Д. Записки коменданта Кремля. М., 1987. С. 232). Конечно, следует, учитывая, что помогал писать книгу престарелому и больному Малькову, подвергавшемуся в конце 1930-х гг. гонениям по партийной линии, а в 1948 г. и по чекистской – аресту и отбыванию срока в лагере до 1954 г., сын Свердлова А.Я. Свердлов, который между своими арестами в 1938 и 1951 гг. (соответственно, по делам «молодежной террористической группы» и «сионистской организации в органах госбезопасности») находился на ответственной работе в НКВД-НКГБ-МГБ. Соответственно, роль своего отца в деятельности ВЧК он мог в книге несколько «усилить». Вместе с тем Свердлов, учитывая его роль в партаппарате, вполне мог повлиять на исход спора по поводу службы левых эсеров в ВЧК. Однако, основываясь на воспоминаниях Лациса, можно предположить, что в тот период он еще не выработал четкого мнения по этому вопросу.

недавно созданного Коллектива партии левых эсеров об участии в клубной комиссии⁴⁵.

7 июля в связи с мятежом левых эсеров Совет Народных Комиссаров принял постановление о выводе их представителей из состава членов ВЧК. Петерсу, назначенному председателем ВЧК (Дзержинского, который должен был выступать одним из главных свидетелей по делу об убийстве графа Мирбаха, отстранили от должности), было поручено «в недельный срок представить Совнаркому доклад о личном составе работников Чрезвычайной комиссии на предмет устранения всех тех ее членов, которые прямо или косвенно были прикосновенны к провокационно-азефовской деятельности члена партии “левых социалистов-революционеров” Блюмкина»⁴⁶.

9 июля был сформирован новый руководящий орган ВЧК в составе 9 большевиков. На следующий день состоялось заседание фракции коммунистов ВЧК. Казначей Партколлектива латышский социал-демократ с 1912 г. А.М. Лидэ посвятил свое выступление контролю за служащими ВЧК. «...В Комиссии в наших рядах, – сказал он, – не могут оставаться поднявшие знамя безумного восстания левые эсеры, а также сочувствующие им... Коллектив предлагает, что в Комиссии могут временно остаться те беспартийные, которые ни в чем предосудительном не были замешаны; со временем состав служащих Комиссии должен стать исключительно из членов партии». Коллектив по его предложению должен был представить список беспартийных на рассмотрение комфракции – кого уволить, а кого оставить. Левых же эсеров и им сочувствующих Лидэ потребовал немедленно уволить. Ему возразил секретарь Иногородного отдела член большевистской партии с 1917 г., а до этого член Бунда, Г.С. Мороз. Он отметил, что «нельзя вытолкнуть левых эсеров, которые ради куска хлеба записались в партию или заявили, что они левые эсеры». В ответ на это Лидэ заявил, что «выступление (левых эсеров 6 июля. – О.К.) имело место благодаря бесконтрольному проникновению в Комиссию людей из лагеря противника. Оставляя рядовых членов партии левых эсеров в Комиссии, мы даем возможность членам ЦК партии левых эсеров узнать о происходящем и продолжению существованию партии левых эсеров в нерасколотом виде, снова и теперь – удачно захватить Комиссию в свои руки». В результате обсуждения была принята резолюция, согласно которой все сотрудники – члены партии левых эсеров должны быть уволены; беспартийные и

сочувствующие большевикам должны в 3-недельный срок подать заявления с рекомендациями членов РКП и описанием своей прежней деятельности⁴⁷.

К этому времени между Партколлективом, возглавлявшимся Петерсом, и чекистским руководством, в первую очередь Дзержинским, после левоэсеровского восстания ушедшим с поста председателя, но остававшимся членом ВЧК, еще более усилился раскол по поводу пребывания левых эсеров на чекистской работе. В отличие от Партколлектива, состоявшего из сплоченной в партийном отношении группы латышских социал-демократов, и его руководителя – члена ЦК Латвийской социал-демократии Петерса, Дзержинский и ряд других чекистов высшего руководящего звена и после восстания левых эсеров полагали, что часть из них можно оставить на службе и даже в отдельных случаях принимать новых из числа лиц, недавно бывших левыми эсерами, при поручительстве за них двух членов большевистской партии.

20 июля 1918 г. на заседании Партколлектива его секретарь Янель предложила принять резолюцию, в которой, подтверждая принятое ранее постановление чекистской фракции об увольнении левых эсеров, в отдельных случаях, когда некоторые их представители активно выступили против своей партии, считать их наравне с беспартийными. Вопрос был перенесен на следующее заседание, и членам Коллектива Закису, Лидэ и Янель было поручено сделать обстоятельный доклад относительно условий службы в ВЧК⁴⁸.

25 июля 1918 г. Коллектив постановил: в случае крайней необходимости на неотчетственные должности аттестовать беспартийных и одновременно сообщить райкому о том, что от аттестации левых эсеров Коллектив отказывается⁴⁹. На этом же заседании был подготовлен доклад, обсуждавшийся затем на заседании комфракции. Выступивший в прениях Лидэ заявил, что левые эсеры, оставшись в ВЧК, могут принести много вреда: передавать служебные секреты своим партийным коллегам, устанавливать связь с арестованными и т.п. «Ведь ясно, – сказал он, – что часть партии эсеров, согласная со своим ЦК, будет продолжать разрушительную провокационную работу. Пусть левые эсеры работают в других советских учреждениях, но в Чрезвычайной Комиссии им абсолютно не место. Комиссия, как административный орган (имелся в виду руководящий орган ВЧК. – О.К.), может принимать левых эсеров, но мы будем настаивать на нашем мнении, и, вероятно, ЦК партии нас в этом поддержит». В заклю-

чительном слове на заседании комфракции секретарь Партколлектива Янель заявила, что члены партии левых эсеров неотделимы от своего ЦК: «Это доказала их фракция на 5-м съезде, выставившая тех же Карелиных и Камковых. Принимать на веру, хотя бы и по рекомендации двух членов партии большевиков, заявления левых эсеров о желании работать в Комиссии – это преступно. Исключения могли бы быть только разве по отношению к тем, кто активно выступил с оружием в руках против своей партии». На возражение председателя Контрольно-ревизионной коллегии ВЧК В.И. Савинова о том, что, согласно постановлению ЦК РКП, бывших левых эсеров нужно принимать и на работу в ВЧК, зампред Партколлектива Закис заявил: «...Коллектив верит, что при рассмотрении вопроса об эсерах и их работе, особенно по отношению к нашей Комиссии, ЦК партии примет аналогичное с нами решение». В результате восемью голосами против четырех и трех воздержавшихся доклад Партколлектива в ЦК, касающийся условий службы в ВЧК, был утвержден⁵⁰.

Подписанный Закисом и Янель доклад, адресованный в комиссию П.И. Стучки, ЦК и лично Ленину, был направлен против ряда членов ВЧК, и в первую очередь Дзержинского*. «Хотя соглашательство с левыми с-р, – говорилось в докладе, – было тактическим приемом всей нашей партии, но все-таки в нашей Комиссии это соглашательство дало себя сильно чувствовать... Большинство же членов Комиссии – коммунистов не считали нужным обратить на это внимание и даже покровительствовали этому. Уже за неделю до левоэсеровского мятежа в Комиссии шли слухи и были подготовлены соответствующие сообщения об антисоветской агитации в отряде Попова, о подозрительности некоторых с-р. деятелей (напр. Блюмкина). Комиссия же очень просто передоверила расследовать дело самим эсерам (Александровичу). Нельзя обойти молчанием тот факт, что в последнее время т. Дзержинский по болезни мало мог принимать участие в работах Комиссии, и Президиум всецело находился в руках лев. с-р... Комиссия в новом составе (в нее вошли только два новых члена) не считала нужным решительно отмежеваться от ста-

---

* Следует отметить, что из всех чекистов высшего звена членом Партколлектива – руководящего органа комфракции служащих учреждения – был только Я.Х.Петерс (ЦАОПИМ. Ф. 64. Оп. 2. Д. 716. Л. 3). Это еще более усугубляло существовавшие противоречия.

рой тактики. И когда фракция служащих вынесла постановление о том, что все члены партии лев. с-р. подлежат увольнению, а беспартийные должны представить рекомендации партийных товарищей сослуживцев, так Комиссия поначалу выразила свое принципиальное согласие, удерживая за собой право судить отдельно о каждом увольняемом, но после уже, опираясь будто бы на постановление ЦК партии, оповестила по отделам, что лев. с-р. остаются на службе по рекомендации двух коммунистов»⁵¹. Резюмируя все сказанное по левоэсеровскому вопросу, в докладе говорилось: «Как партийная единица мы подчиняемся дисциплине, но аттестовать левых эсеров отказываемся. Мы не призываем товарищей к активному протесту – к уходу из Комиссии, но не можем воспрепятствовать и слагаем с себя ответственность, если Комиссия заставит уйти партийных товарищей, не желающих работать вразрез со своими убеждениями»⁵². В этом пассаже членов Партколлектива явно ощущалась неприкрытая угроза оставить ВЧК без сотрудников, если их требования по «очистке» Комиссии не будут выполнены.

Доклад содержал критику чекистского руководства не только по левоэсеровскому вопросу. В нем перемешивались с упреками в пьянстве, распутной жизни, служебными злоупотреблениями ряда работников, в том числе руководящих, политические обвинения. В частности, члены ВЧК обвинялись в том, что, приняв постановление об аттестации Коллективом всех вновь поступающих сотрудников, часто сами от него и отступали, покровительствуя самостоятельному приему служащих по отделам.

«Комиссия и заведующие отделами, – говорилось в письме, – без достаточного осмотра и контроля, часто по личному усмотрению и впечатлениям принимали на службу людей, не интересуясь их прошлым... С согласия Дзержинского в Комиссию были введены секретные сотрудники Шувара (правильно Шевара. – О.К.), Смирнов и некий казак (И.В. Заноза-Строганов. – О.К.), которые все через некоторое время за разные проделки были расстреляны... Авантюрист Ржевский – бывш. арестованный, преданный суду Рев. Триб., но освобожден от наказания, дело его прекращено, сам он сотрудничал в ВЧК, теперь за взяточничество опять арестован и подлежит суду... Владимиров – провокатор, рекомендованный Комиссией, потом был расстрелян (речь идет о члене ВЧК левом эсере Владимирове-Штримпфлере. – О.К.)... Уволен отделом по борьбе со спекуляцией Чичинадзе, поступив-

ший по рекомендации т. Дзержинского помимо аттестации Коллектива (последний отказался аттестовать)... Филиппов – секретный сотрудник, часто целыми часами сидел в помещении Президиума, арестован по распоряжению Петrorадской чрезв.к... Коллектив предложил Комиссии немедленно уволить служившую в Комиссии машинистку Лапшину, члена партии Народной свободы, которая еще во время выборов в Учредительное собрание агитировала за к-д. список и называла большевиков “германскими шпионами”. За нее вступились левые с-р., и Комиссия постановила оставить Лапшину на службе. Фракция потом подтвердила постановление Коллектива, и последний вторично обратился уже с категорическим требованием об увольнении Лапшиной. Тогда в разговоре с представителем Коллектива т. Дзержинский просто и коротко разрешил вопрос: “Распустить Коллектив”, но так как это было постановление фракции – значит, распустить фракцию. Это, разумеется, только разговор, но все-таки характерный»⁵³.

При этом следует отметить, что некоторые упомянутые Коллективом в письме лица, например А.Ф. Филиппов – бывший издатель газеты «Деньги», доверенное лицо Дзержинского по сбору развединформации в Финляндии, вообще являлись внештатными сотрудниками*. Однако в связи с тем, что секрет-

---

* 9 апреля 1918 г. ВЧК, заслушав вопрос об осведомителе Филиппове, ранее работавшем у Дзержинского и ныне предлагавшем Комиссии свои услуги в том же деле, постановила принять его под ответственность Дзержинского (Архив ВЧК. Л. 208). Подробно об аресте Филиппова возглавлявшейся М.С. Урицким ПетроЧК по делу русской националистической организации «Каморра Народной расправы» см.: *Коняев Н.М.* Гибель Красных Моисеев. М., 2004. С. 265–279; о работе Филиппова по заданию Дзержинского в Финляндии в 1918 г.: *Антонов В.С., Карпов В.Н.* Тайные информаторы Кремля-2. С них начиналась разведка. М., 2003. С. 15–27; о его последующей работе по линии Секретного отдела в среде духовенства: *Крапивин М.Ю.* А.Ф. Филиппов и «Исполнительный комитет по делам духовенства всея России» (1919–1920 гг.). – Исторические чтения на Лубянке: 15 лет. М., 2012. С. 62–73. Последний автор на стр. 62 ошибочно утверждает, что Филиппов в 1918 г. был штатным сотрудником Отдела должностных преступлений. На самом же деле если он и был штатным сотрудником, то только в 1919–1920 гг. Секретного отдела, и то нет стопроцентной уверенности в том, что здесь он вошел в кадры, а не остался внештатным сотрудником на пра-

ные сотрудники в тот период зачастую имели такие же полномочия, как и кадровые чекисты, в частности по производству арестов, обысков, а в отдельных случаях и ведению следствия (как Ржевский), то в отношении подбора и этих лиц существовали серьезные разногласия между Дзержинским и парторганизацией, требовавшей значительно более строгого подхода к принимаемым с политической точки зрения. Подводя итоги и заявляя, что «мы измучились в тисках этой атмосферы уголовщины, которая царит в Комиссии», Коллектив просил ЦК прийти к нему на помощь со своим авторитетным мнением и распоряжениями⁵⁴.

Реакция высшего партийного руководства и лично Ленина на данное обращение неизвестна, но, судя по тому, что Дзержинский 22 августа снова возглавил ВЧК, оно было оставлено без внимания. Следует отметить, что подавляющее большинство левых эсеров было уволено из ВЧК в период с июля по август 1918 г., то есть во время руководства карательным ведомством Петерса. Видимо, конфликт между Дзержинским и Партколлективом был «приглушен» после объявления «красного террора», потребовавшего максимальной консолидации чекистских сил.

После левозсеровского восстания и особенно после объявления «красного террора» контроль комфракции за беспартийными служащими ВЧК усилился. Так, 11 сентября 1918 г. по предложению Я.Х. Петерса при клубе ВЧК была создана организация сочувствующих РКП, куда должны были войти все сотрудники – не члены Коммунистической партии⁵⁵. В октябре 1918 г., желая усилить большевистскую пропаганду среди беспартийных, Партколлектив принял решение направить всех недавно принятых членов партии и беспартийных по мере возможности в партийную школу при чекистском клубе и об-

---

вах кадрового (то есть, говоря более поздним языком, спецagenta): в приведенном в книге Антонова и Карпова удостоверении, подписанном Дзержинским и С.Г. Ураловым, говорится что в Секретном отделе Филиппов работает в качестве сотрудника, «тогда как по штатам имелись должности сотрудников для поручений или особых поручений»; кроме того, в сохранившихся в фонде НКВД РСФСР в ГАРФ финансовых ведомостях отдела (июль-ноябрь 1919 г.) его фамилия не фигурирует, правда, это можно объяснить тем, что он там считался совместителем и зарплату не получал. Филиппов в начале 1920-х гг. некоторое время являлся мужем родной сестры Дзержинского Я.Э. Кушелевской.

ратиться в райком по вопросу об организации в ВЧК среди беспартийных группы сочувствующих РКП⁵⁶. 18 декабря было объявлено, что беспартийные, не подтвердившие старые рекомендации и не представившие новых, будут считаться лицами без всякой рекомендации и подлежат увольнению⁵⁷. В апреле 1919 г. было решено зарегистрировать оружие только у чекистов-коммунистов, а у беспартийных оружие отобрать⁵⁸. У нас нет данных, было ли это решение реализовано, скорее всего, по причине напряженной военной обстановки и военизации ведомства оно осталось только на бумаге.

Одним из последствий ухода левых эсеров с руководящей и рядовой работы в ВЧК стал резко возросший дефицит чекистских кадров. 16 июля 1918 г. комфракция ВЧК направила в ЦК РКП(б) записку: «В виду того, что после провокационной авантюры партии левых с-р. из Комиссии увольняются все члены партии левых с.-р. и им сочувствующие, в Комиссии освобождается много вакансий, и одновременно в связи с текущими событиями надвигается масса новой работы, в особенности по следственной части, то коллектив фракции РКП просит командировать сюда, хотя бы временно, партийных товарищей на разные должности». В письме приводится целый список требуемых категорий сотрудников, в том числе специалистов – следователей, комиссаров, секретарей, разведчиков⁵⁹.

Наиболее остро проблема с партийными кадрами для ВЧК встала в начале сентября 1918 г. – после объявления большевиками политики «красного террора». 5 сентября 1918 г. Совнарком, заслушав доклад Дзержинского о деятельности ВЧК, нашел, «что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью; что для усиления деятельности Всероссийской чрезвычайной Комиссии и внесения в нее большей плановости необходимо направить туда возможно большее число партийных товарищей...»⁶⁰ Партийная ячейка при ВЧК неоднократно печатала объявления, в которых приглашала коммунистов идти на службу в ВЧК. Петерс впоследствии писал: «...рассчитывать на беспартийную интеллигенцию не приходилось, и даже коммунистов не всех, кого намечали, удавалось вовлечь в работу ВЧК... И Дзержинскому немало приходилось уговаривать товарищей идти на работу в ВЧК»⁶¹.

Неприязнь в широких слоях населения к чекистским органам привела к возникновению у многих коммунистов, особенно с подпольным стажем, стойкой ассоциации ЧК с

царской охранкой, и многие члены партии отказывались идти туда на службу, что и было одной из причин создавшегося кадрового дефицита. Как вспоминал Петерс, «специальные охранники, которые воевали с пролетариатом, делали обыски, высылали в Сибирь, гноили в тюрьмах, посылали на виселицы – все это оставалось свежим в памяти у каждого коммуниста. А тут организовывалась новая власть – власть рабочих и крестьян, и снова обыски, аресты, расправа»⁶². Свою роль играло и нежелание многих коммунистов участвовать в проведении политики «красного террора». Поэтому в отличие от учреждений, сходных по выполнению внутривластных и юридических функций и задач – НКВД и Наркомюста, ВЧК испытывала серьезные сложности с комплектованием партийными кадрами, по сравнению с другими учреждениями для ее работы гораздо более необходимыми.

Сопоставим партийный состав в период официального «красного террора» (данные на сентябрь 1918 г.) руководящих работников и специалистов ВЧК, наркоматов внутренних дел и юстиции. Основанием для рассмотрения послужат данные анкет переписи служащих комиссией ВЦИК⁶³.

**Политический состав руководящих работников
и специалистов ВЧК, НКВД и НКЮ**

	ВЧК	НКВД	НКЮ
Коммунисты*	202 (90,2%)	27 (64,3%)	13 (31%)
ППС-Левиза	3 (1,3%)		
Левые эсеры	2 (0,9%)	3 (7,1%)	
Меньшевики		1 (2,4%)	
Соц.-демократы (интернационалисты)		1 (2,4%)	1 (2,4%)
Анархо-коммунисты		1 (2,4%)	
Беспартийные	17 (7,6%)	9 (21,4%)	28 (66,7%)
Всего	224 чел.	42 чел.	42 чел.

Сравнивая партстаж руководящих работников и специалистов в этих трех учреждениях (см. с. 166), можно прийти к выводу, что самый высокий процент большевиков с подпольным стажем приходился на ВЧК. В чекистском учреждении

---

* В число членов Компартии входят члены Социал-демократической партии Польши и Литвы (СДКПил) и Социал-демократической партии Латвии (СДПЛ), поскольку эти партии в своем большинстве, особенно последняя, поддерживали большевиков и пребывание в них засчитывалось в стаж пребывания в РКП(б).

**Партстаж руководящих работников
и специалистов-большевиков ВЧК, НКВД и НКЮ**

	ВЧК	НКВД	НКЮ
До 1905 г.	17 (8,4%)	6 (22,2%)	6
1905– 1916 гг.	86 (42,6%)	12 (44,4%)	1 (1909, Н.П. Плеханов)
1917 г.	72 (35,6%)	5 (18,5%)	3
1918 г.	25 (12,4%)	2 (7,4%)	3
Кандидаты	2 (1%)	2 (7,4%)	–
Всего	202 чел.	27 чел.	13

служило и меньше всего беспартийных. Наибольшая же беспартийная прослойка была среди специалистов Наркомюста. Объясняется это тем, что для кодификации новых правил, а также постановки тюремного дела в НКЮ были оставлены на службе либо привлечены заново чиновники дореволюционного Министерства юстиции. В ВЧК же привлечения старых специалистов, по крайней мере в качестве кадровых сотрудников, не было. В НКВД задачи были менее политизированными, чем в ВЧК, – советское строительство на местах и охрана общественного порядка, – что позволяло в большей мере использовать беспартийных работников.

Об источнике пополнения чекистских кадров руководителей и специалистов можно судить по графе анкеты «Кем рекомендованы на службу». Коллегами-чекистами были рекомендованы на службу 45 чел., из которых 15 – руководителями ВЧК Дзержинским и Петерсом, национальными партийными и государственными организациями – 34 чел., крупными партийными и советскими деятелями – 16 чел., центральными и местными государственными учреждениями, в том числе наркоматами, – 16 чел., чекистским Партколлективом – 13 чел., местными парторганизациями – 13 чел., рядовыми коммунистами – 12 чел., ЦК РКП – 7 чел., воинскими частями – 6 чел., профсоюзами – 2 чел., ВЦИК – 2 чел. Члены ВЧК с самого ее основания Дзержинский, Петерс и Ксенофонтов были рекомендованы Совнаркомом. У остальных источник рекомендации не известен, в том числе и 13 из них, указавших, что рекомендованы партией, поскольку не известно, какой партийный орган или же отдельные коммунисты их направили.

Из крупных советских деятелей наибольшее число будущих чекистов (4 чел.) рекомендовал управделами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевич. Связано это было с тем, что он в конце 1917 – начале 1918 г. в Петрограде руководил одной из

предшествовавших ВЧК организаций – Комитетом по борьбе с погромами, и все четверо рекомендованных им сотрудников – комиссары Отдела по контрреволюции (Ф.В. Горбатов, И.О. Матулевич, Ф.А. Мельник и А.П. Шерстобитов) – ранее работали в этом Комитете⁶⁴. Я.М. Свердлов рекомендовал 3 чел. – комиссара при Президиуме А.Х. Беленького, заведующего пограничным подотделом Д.И. Гразкина и следователя Спекулятивного отдела, а одно время и члена ВЧК, И.Ю. Пульяновского^{65,*}. По рекомендации Ленина в ВЧК поступил (12 июля 1918 г.) только один оперативный сотрудник – ревизор Спекулятивного отдела, большевик с октября 1917 г. Г.Б. Воронцов, ранее работавший в Совнарком^{66,**}. Остальные крупные ответственные работники (П.А. Красиков, Н.В. Крыленко, С.С. Пестковский, Л.С. Сосновский, Н.А. Семашко и др.) рекомендовали, как правило, по одному человеку.

Анализ этих данных позволяет сделать вывод о том, что основную роль в подборе кадров для карательного учрежде-

---

* Сохранилась рекомендация, данная Я.М. Свердловым А.Х. Беленькому. 23 января Свердлов написал в ВЧК: «Дорогие товарищи. Направляю Вам в работу нашего старого партийного товарища Беленького. Тов. Дзержинский лично знает его» (РГАСПИ. Ф. 76. Д. 7. Л. 1). Как печатник с большим стажем в ВЧК А.Х. Беленький был назначен комиссаром по типографиям, а после образования в марте 1918 г. Отдела должностных преступлений – комиссаром в этом отделе. По всей видимости, Я.М. Свердлов также способствовал переводу В.Н. Яковлевой из московского областного Совнаркома в ВЧК в июле 1919 г. (в анкете в качестве рекомендателя она указала ВЦИК) (ГАРФ. Ф. 3524. Оп.1 Д. 10. Л. 776). Сведения о других лицах, рекомендованных Свердловым на работу в ВЧК, у нас отсутствуют. Поэтому иногда в литературе явно преувеличивается роль Я.М. Свердлова в подборе и расстановке чекистских кадров с целью отработки версии об организации чекистами по заданию Свердлова покушения на Ленина 30 августа 1918 г. и заинтересованности председателя ВЦИК в быстром расстреле Ф.Ф. Каплан (см., например: *Литвин А.Л. Фейга Файвеловна Каплан. – Дело Фанни Каплан, или Кто стрелял в Ленина. М., 2003. С. 48–49*).

** Из других категорий сотрудников по рекомендации Ленина поступила 22 августа 1918 г. конторщица Отдела контроля складов, член левого крыла Финской социал-демократии Х.Ф. Хайконен, эвакуировавшаяся из занятого чехами Екатеринбурга, где работала в комитете финансов (ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Л. 684).

ния играла система личных рекомендаций. ЦК РКП оказывал на формирование кадров, в том числе управленческих среднего и нижнего звеньев и специалистов, значительно меньшее влияние. Оно проявлялось главным образом в назначениях на высшие руководящие посты в ведущие отделы, в направлении в ВЧК ряда работников, прибывших из оккупированных немцами областей, и в отдельных случаях в выполнении заявок карательного ведомства на посылку для работы в нем того или иного коммуниста. Согласно хронике деятельности ЦК РКП, подготовленной В.В. Аникеевым, высшее партийное руководство за весь 1918 г. лишь три раза на своих заседаниях так или иначе касалось вопроса подбора и расстановки чекистских кадров⁶⁷. М.Н. Петров выделяет три источника формирования состава чрезвычайных комиссий: комитеты РКП, исполкомы советов, личные рекомендации видных коммунистов и чекистов⁶⁸.

Анализ пункта о рекомендации на службу анкет переписи сентября 1918 г. приводит к мысли, что аналогичным образом шло формирование кадрового состава и центрального чекистского аппарата. При этом гораздо более важную роль по сравнению с ЦК в подборе сотрудников играла столичная парторганизация. Так, только в течение лета 1918 г. Московский комитет РКП дважды заслушивал на своих заседаниях вопрос об укреплении ВЧК кадрами⁶⁹. Еще меньше внимания высшее партийное руководство страны уделяло формированию кадрового состава смежных с ВЧК по роду деятельности учреждений – НКВД и Наркомюста, что было обусловлено меньшей политизированностью их задач. Анализ анкет служащих этих ведомств показывает, что почти никто из них не был рекомендован ЦК. Члены же коллегий данных наркоматов направлялись, как правило, Совнаркомом или ВЦИК. Однако следует отметить, что свое партийное влияние ЦК осуществлял главным образом через партийные ячейки учреждений и ведомств, а также через партийную дисциплину коммунистов, которые занимали руководящие должности. В ВЧК в 1918 г. был мощный, сплоченный не только партийной дисциплиной, но и совместным пребыванием в латышской секции, Коллектив. Почти все его члены являлись ответственными чекистскими работниками. Так, председателем Партколлектива был зампред ВЧК Я.Х. Петерс, его заместителем – начальник Следчасти Отдела по борьбе со спекуляцией Я.Я. Закис, секретарем – заведующая Инструкторской частью Иногородного отдела Ю.Ю. Янель, членами – заведующий Фин-

хозотделом А. Я. Раман и командир Свеаборгского отряда К.Я. Долман. Сочетанием членами Партколлектива в одном лице партийной и служебной власти во многом объясняется его значительная роль в подборе кадров. Эта роль подтверждается большим числом сотрудников, поступивших в ВЧК по рекомендации Партколлектива*.

Следствием сложившейся системы личных рекомендаций, а также влияния того или иного руководящего лица, например Дзержинского или Петерса, стали периодически возникавшие в ВЧК внутриведомственные конфликты по поводу подбора и расстановки кадров. Причем споры велись не только между представителями большевиков и левых эсеров, но и между членами одной – большевистской – партии. При этом ЦК РКП не предпринимал серьезных попыток эти конфликты разрешить. Это, по нашему мнению, было связано с двумя причинами. Во-первых, большевистские руководители, вероятно, не до конца ясно представляли себе, какая из конфликтующих сторон может представлять большую пользу для чекистской работы, поскольку не были четко определены функции и задачи карательного ведомства. Во-вторых, доверяя Дзержинскому как члену ЦК и одному из руководителей Октябрьского восстания, они при этом, по-видимому, не желали обострения отношений с серьезным источником пополнения партийными кадрами органов новой власти – латышскими коммунистическими секциями, членами которых являлись представители противоположной стороны (подробно это будет рассмотрено в главе о национальном составе ВЧК).

При образовании новых отделов в ВЧК ее руководство стремилось направить туда как можно больше своих партийных сотрудников. При передаче в сентябре 1918 г. Совнаркомом в ведение ВЧК Бутырской тюрьмы встала проблема с партийными кадрами для формировавшегося чекистского Тюремного отдела. Как докладывал в Президиум ВЧК произ-

---

* О большом влиянии Партколлектива на изменение кадрового состава ВЧК может, например, свидетельствовать следующий факт. 4 июля 1918 г. Партколлектив заслушал доклад его зампреда Я.Я. Закиса о деле по обвинению в моральном разложении члена ВЧК коммуниста С.П.Чернова. По докладу Партколлектив принял постановление обратиться в Комиссию с требованием о выводе из нее Чернова (ЦАОПИМ. Ф. 64. Оп. 2. Д. 716. Л. 34). В сформированный 9 июля 1918 г. новый состав членов ВЧК он уже не вошел.

водивший ревизию Бутырской тюрьмы в начале сентября 1918 г. помощник начальника Отдела преступлений по должности И.Ф. Чибисов, тюремные служащие – администрация, старшие и младшие надзиратели – слишком сомнительный в политическом отношении элемент и в подавляющем своем большинстве не знакомы с текущим моментом. Администрация в основном состоит из числа бывших офицеров, большинство старших надзирателей – также старые служащие, и среди 309 чел. персонала нет ни одного партийца. Основываясь на всем вышеизложенном, Чибисов предложил чекистскому Президиуму, ввиду предполагаемого перехода тюрьмы в ВЧК, принять следующие меры: добавить число недостающих надзирателей если не партийными товарищами из Красной Армии, то уж, безусловно, красноармейцами из надежной и дисциплинированной воинской части, а комендантом тюрьмы назначить товарища, которому Президиум безусловно доверяет и который основное внимание должен обратить на поднятие дисциплины в среде надзора, на немедленное удаление всех не желающих работать рука об руку с Советской властью и на введение строгого революционного режима⁷⁰.

Следствием доклада стало то, что при передаче Бутырской тюрьмы туда была направлена группа коммунистов – оперативных работников ВЧК, получивших должности дежурных и резервных комиссаров Тюротдела, и военнотружущих чекистских отрядов, ставших надзирателями. Комендантом Бутырской тюрьмы с исполнением должности начальника Тюротдела стал польский социалист с 1896 г., член партии ПСС Я.А. Бялогородский, а в конце 1918 г. его сменил член РСДРП с 1902 г. большевик Н.Е. Ляхин⁷¹.

Следует отметить тот факт, что если осенью 1918 г. весь чекистский оперативно-надзорный состав тюремного подразделения был коммунистический, то в ведущих отделах – по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и должностными преступлениями – продолжали работать, в том числе на ответственных должностях следователей и комиссаров, беспартийные сотрудники. Это свидетельствует о том, что в подразделениях, где требовалась более высокая квалификация, заместить все посты коммунистами, несмотря на все усилия, не удавалось.

Беспартийными были и начальники некоторых вспомогательных отделов. 4 июля 1918 г. Партколлектив, заслушав заявление Н.И. Якушенко (начальника Автоотдела ВЧК) о не-

коем Сергачеве, беспартийном, постановил сообщить Якушенко, самому лишь незадолго до этого принятого в партию, что «в случае крайней нужды Коллектив соглашается на то, что Сергачев останется на службе как беспартийный, но с условием, чтобы он не занял должность заведующего отделом»⁷². Однако спустя полтора месяца на посту заведующего Автоотделом Якушенко сменил беспартийный В.Д. Гарш, рекомендованный на эту должность из Автобронепотряда ВЦИК начальником отряда. Автобронепотрядом ВЦИК в то время командовал Ю.В. Конопко. Будучи в то время беспартийным, Конопко руководил охраной поезда председателя ВЦИК Свердлова. Отряд под его командованием выполнял задания ВЧК по разоружению анархистов и подавлению левоэсеровского восстания⁷³. Таким образом, к мнению Конопко в ВЧК вынуждены были прислушиваться, в частности по вопросу о кандидатуре заведующего Автомобильного отдела, находившегося в оперативном взаимодействии с Автобронепотрядом. Более ответственный отдел – Общую канцелярию ВЧК – осенью 1918 г. возглавлял беспартийный И.В. Шилов. На службу он был рекомендован весной 1918 г. членами ВЧК Ксенофонтовым, Савиновым и Панюшкиным и сразу же занял пост заместителя управляющего делами ВЧК⁷⁴. Таким образом, это еще раз подтверждает вывод о том, что при назначении человека на ту или иную должность влияло мнение не только Партколлектива (об этом, в частности, свидетельствует большое количество лиц, согласно анкетам переписи рекомендованных им на чекистскую службу), но и значимость лица, этого человека выдвигавшего⁷⁵. Степенью влияния данного лица зачастую определялось привлечение на чекистскую работу или даже назначение на ответственный пост беспартийных.

Принципы приема на чекистскую следственную и оперативную работу беспартийных рассмотрим на основных категориях специалистов ведущих подразделений (отделов по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности) – следователей, их помощников, комиссаров и разведчиков⁷⁶. По данным анкет переписи, на конец сентября 1918 г. из 121 лица указанной категории беспартийными являлись 9. Из них 7 чел. были следователями и комиссарами в отделах по борьбе со спекуляцией и преступлениями по должности. В более важном в политическом отношении отделе – по борьбе с контрреволюцией – служили только 2 беспартийных специалиста – и оба на младших должностях – помощник следователя Ю.С. Копыт и разведчица Л.И. Эндзелин.

Как правило, в привлечении беспартийных на специальную работу в ведущие отделы играли роль их прежнее место службы и должностное положение рекомендовавшего. Предпочтение при приеме отдавалось заводским рабочим, солдатам и служащим советских учреждений*. Так, комиссар Отдела должностных преступлений И.И. Шимановский до поступления в ВЧК работал токарем на Путиловском заводе, следователь Спекулятивного отдела П.И. Угаров служил в армейской мотоциклетной команде, помощник следователя Ю.С. Копыт – в Наркомсобесе. Ряд беспартийных поступили по рекомендации руководящих работников ВЧК или видных советских деятелей. К примеру, комиссар Спекулятивного отдела Г.А. Левин был рекомендован Секретарем и членом ВЧК Ксенофонтовым, следователь должностного отдела М.С. Низковский – членом ВЧК Магеровским, комиссар этого отдела К.И. Ковальский – Л.С. Сосновским (членом Президиума ВЦИК).

Еще об одном источнике пополнения чекистских следственных кадров беспартийными свидетельствует история некой Успенской. Успенская, оказывавшая услуги ВЧК в качестве осведомительницы, летом 1918 г. явилась к Петерсу и предложила принять ее как курсистку юрфака на штатную работу. Петерс решил дать ей место следователя и предложил представить партийную рекомендацию^{77, **}. Здесь, как мы видим, играла роль совокупность факторов – секретного сотрудничества с чекистским ведомством и юридическое образование.

Сопоставим среди руководителей и специалистов ВЧК, НКВД и НКЮ долю членов небольшевистских партий⁷⁸. В ВЧК

---

* Петерс впоследствии писал: «...постепенно вокруг аппарата ВЧК стали спланиваться и беспартийные рабочие, которые верно шли за большевистской партией» (*Петерс Я. Х. Пролетарский якобинец*. С. 13.). Однако на специальной работе в ВЧК находились, хотя и в меньшем числе, и беспартийные служащие.

** Назначение Успенской следователем так и не состоялось. Вскоре после открытия вымогательства с ее стороны у жены арестованного денег за его освобождение с Успенской было вообще прекращено чекистское сотрудничество, она сама оказалась под следствием ВЧК, а в феврале 1919 г. Мосревтрибуналом была осуждена к 5 годам заключения. Причем выяснилось, что Успенская курсисткой вообще не была: после окончания среднего учебного заведения она действительно поступала на юрфак, но не поступила (*Крыленко Н.В. За пять лет*. С. 512).

такowymi были левые эсеры – следователи Отдела по борьбе с контрреволюцией М.А. Додзин и В.И. Леонович, члены Польской социалистической партии – начальник Тюремного отдела Я.А. Бялогородский, комиссар Отдела по борьбе с контрреволюцией М.Р. Баумгарт и следователь Уголовного подотдела М.В. Капаля. В НКВД трое из шести членов неболшевиcтских партий находились на руководящих постах: левые эсеры Л.М. Брагинский и Р.М. Зильбер занимали должности соответственно председателя Контрольно-ревизионной коллегии и заведующего Иностранным отделом, а анархо-коммунист Р.Ф. Берзин являлся заместителем начальника Финотдела. Что же касается Наркомюста, то в этом ведомстве только один сотрудник состоял членом неболшевиcтской партии – социал-демократов (интернационалистов) – юристконсультант Следственного отдела.

Чтобы понять, почему в период становления однопартийной диктатуры в важнейших политических ведомствах, в том числе в ВЧК, продолжали служить отдельные члены других партий, необходимо подсчитать среди руководящих работников и специалистов процент лиц, ранее работавших в аналогичных учреждениях дореволюционной России⁷⁹.

Если, по данным анкет, среди чекистов не было ни одного сотрудника Департамента полиции, то в НКВД один сотрудник – заведующий общим отделением Ветотдела – ранее служил в Ветуправлении МВД*. Наибольшее количество дореволюционных специалистов (10 чел.) служило в Наркомюсте. Так, начинали свою деятельность еще в Министерстве юсти-

---

* В литературе приводятся данные о широком участии в первые послереволюционные годы в НКВД старых специалистов, особенно в области уголовного сыска. Так, А.В. Борисов пишет о том, что в центральном аппарате НКВД к 1919 г. из всех служащих было около 46% старых специалистов (*Борисов А.В. Ф.Э. Дзержинский об идейно-политическом воспитании сотрудников органов внутренних дел. М., 1989. С.14*). Эти цифры представляются нам явно преувеличенными. В 1918 г. старые специалисты в основном служили в региональных подразделениях уголовного розыска, в частности в МУРе. Однако следует отметить, что в момент анкетирования служащих НКВД, в конце сентября – начале октября 1918 г., штаты Управления милиции только формировались. Вполне возможно, что в созданный в октябре в Управлении отдел угрозыска действительно было приглашено определенное количество специалистов дореволюционного сыска, в частности в области криминалистики.

ции царского времени трое из четырех членов Тюремной коллегии, ряд сотрудников карательного подотдела и конвойной стражи, в том числе ее начальник И.И. Буркгард, и др.

Таким образом, высокий процент большевиков-подпольщиков среди специалистов ВЧК и в меньшей степени в НКВД и служба после июля 1918 г. в этих ведомствах бывших, а в ряде случаев действующих, членов партии левых эсеров во многом объяснялись полным отсутствием (в ВЧК) и малым количеством (в НКВД) служащих аналогичных дореволюционных учреждений. О нежелании использования большевиками старых специалистов Петерс впоследствии писал: «Чрезвычайно скверно обстояло дело с организацией аппарата. Это дело было в тяжелом положении и во всех организовавшихся наркоматах, но там все-таки, несмотря на саботаж интеллигенции, кое-кто оставался, кое-кто давал кое-какую помощь наркомам, в то время как в ВЧК нужно было железной метлой вымести все, что имело хоть малейшее отношение к бывшей царской охране или охране Керенского»⁸⁰. Из-за отсутствия дореволюционных специалистов и дефицита своих партийных кадров большевики держали в ВЧК, в том числе и на оперативных и следственных должностях, определенное количество представителей других социалистических партий, особенно имевших серьезный опыт нелегальной и боевой работы левых эсеров.

Следует отметить и некоторые отличия в обстоятельствах, при которых отдельные члены левоэсеровской партии остались после июля 1918 г. на службе в ВЧК и НКВД. В первом случае оставшиеся левые эсеры были рекомендованы на службу не своей партийной организацией или товарищами по партии, а коммунистами. Так, Додзина рекомендовали на службу в мае 1918 г. чекисты-большевики, из которых двое – В.П. Янушевский и В.В. Артишевский – были членами ВЧК⁸¹. Этими людьми, а также двумя другими ответственными работниками ВЧК – членами РКП В.Г. Вороницким и А.М. Трепаловым – был рекомендован и Леонович⁸². В оставлении Додзина на службе в ВЧК, по-видимому, также сыграло роль то обстоятельство, что сразу после левоэсеровского восстания он направил на имя председателя ВЧК письмо, в котором заявил, что решительно порывает со своей партией, действия которой он сравнил с поступком римского Брута⁸³. Среди продолжавших свою службу в НКВД были и те, кого в свое время направила левоэсеровская партия или отдельные ее представители. Например, Брагинский в наркомат был команди-

рован левоэсеровской фракцией ВЦИК, членом которой он состоял⁸⁴.

Ряд левых эсеров, оставшись на чекистской службе, были сняты с руководящей и оперативной работы, понижены в должности или переведены на менее ответственные посты внутри Комиссии. Так, член ПСР с 1905 г. П.Ф. Сидоров, от левых эсеров вошедший в январе 1918 г. в состав членов ВЧК и назначенный начальником Хранилищного отдела, после июля, выбыв из партии, в том же подразделении стал заведовать распределением содержимого кладовой. В конце ноября 1918 г. Сидоров был принят в РКП⁸⁵. Еще более интересна судьба заместителя начальника Отдела по борьбе с контрреволюцией, а некоторое время зампреда ВЧК Г.Д. Закса. Сразу же после левоэсеровского выступления он направил на имя ставшего председателем ВЧК Петерса письмо, в котором говорил, что для него провокация левых эсеров явилась совершенно неожиданной и что он решительно разрывает с ЦК своей партии⁸⁶. Осенью 1918 г., редактируя газету отколовшихся от левых эсеров народников-коммунистов «Знамя труда», Закс сотрудничал и в чекистском еженедельнике, выступая с апологетикой «красного террора»⁸⁷. В начале декабря его вновь назначили на руководящий, хотя и менее высокий, чекистский пост временно исполняющего обязанности начальника Отдела должностных преступлений только что образованной Московской ЧК, однако на этой должности он пробыл недолго, уйдя в середине месяца на учебу в Академию Генштаба^{88,*}.

Отдельные левые эсеры, как бывшие, так и члены отколовшейся от партии группы «революционных коммунистов», поступали на работу в ВЧК и после 6 июля 1918 г. С конца осени 1918 г. в качестве следователей в ВЧК начали работать член ПСР с 1916 г., а после июльского восстания член ЦК революционных коммунистов В.Н. Черный (Паниашвили) и эсер-максималист с 1903 г. С.Л. Пупко. Оба они вскоре были приняты в Компартию⁸⁹.

---

* По окончании 1-го курса академии Закс с 1919 по 1924 г. находился на штабных, командных и политических должностях в Красной Армии. В годы Гражданской войны он был начштаба и командиром бригады, помначштаба дивизии, военкомом разведотдела и штаба Запфронта, затем занимал должность начальника-военкома 2-й пехотной школы и военного атташе в Эстонии. После демобилизации Закс перешел на руководящую работу в систему ВСНХ.

После перехода в начале 1919 г. в Компартию (со стажем с 1903 г.) максималиста С.Л. Пупко в центральном аппарате ВЧК не осталось ни одного действующего члена большевистской партии, и, таким образом, состав карательного органа большевистской диктатуры стал полностью однопартийным – состоящим из коммунистов и им сочувствующих.

Чекистское руководство стремилось усилить партийную работу и среди низовых сотрудников, в том числе и занимавшихся секретной работой. Так, во второй половине 1918 г. Дзержинский телеграфировал председателю Курской губЧК И.И. Каминскому об откомандировании в распоряжение ВЧК одного или двух разведчиков для секретной «ответственной государственной и партийной работы», не только опытных и инициативных, но и политически грамотных, с краткой анкетой со сведениями о чекистском и партийном стаже⁹⁰. Нужно отметить, что секретные и другие внештатные сотрудники ВЧК в большинстве своем являлись беспартийными – это можно предположить по косвенным данным, а именно именам тех из них, которые стали известными (Б.М. Ржевский, А.Ф. Филиппов, К.А. Шевара и др.). Однако среди лиц, не состоявших в рядах ВЧК, но выполнявших ее задания, были и коммунисты, в частности сотрудники Комендатуры Кремля, возглавлявшейся членом партии с 1904 г. П.Д. Мальковым. Так, 9 мая 1919 г. Дзержинский выдал мандат, действительный до 1 июля, помощнику коменданта М.А. Пешкову – сыну А.М. Горького, состоявшему членом РСДРП(б) с марта 1917 г. В нем говорилось, что он имеет право задержания всех подозрительных лиц по его усмотрению для немедленного препровождения в МЧК без права обыска на квартире арестованного, и всем совучреждениям и парторганам предлагалось оказывать всемерное содействие при исполнении возложенного на него поручения⁹¹.

Вторым по значимости после принадлежности к Компартии условием успешности чекистской работы Лацис называл личные качества сотрудников, состоящие в выдержанности характера, непреклонной воле, объективном взгляде, устойчивых политических убеждениях и хорошей личной репутации. При отсутствии этих качеств, по мнению Лациса, работа чрезвычайных комиссий «делает из них расслабленных неврастеников и аферистов». Однако тут же он признавал, что работа чрезвычайных комиссий привлекает аферистов и просто уголовный элемент, которые, пользуясь именем сотрудника ЧК, занимаются шантажом и вымогательством, на-

бивая себе карманы. Поэтому, писал Лацис, «при подборе сотрудников нужно смотреть в оба, чтобы туда не затесался бывший охранник и бандит», записавшийся всеми правдами и неправдами и прикрывающий партийный билет в прикрытие своей подлинной физиономии»⁹². В действительности же в результате сложившейся системы личных рекомендаций и нерегулярно присутствовавшей в условиях хаоса Гражданской войны и дефицита кадров серьезной проверки биографических данных поступающих на службу, в ВЧК, в том числе на ответственные должности следователей, нередко попадали лица, имевшие уголовное прошлое.

В конце мая 1918 г. за присвоение ценностей при обыске у американского подданного В.А. Бари и вымогательство денег у родственников арестованных был взят под стражу следователь Отдела по борьбе с контрреволюцией М.А. Венгеров. В ходе следствия, проводившегося комиссией Мосревтрибунала, выяснилось, что до революции за уголовное преступление он был осужден на длительный каторжный срок. Выйдя на свободу по амнистии после Февральской революции, переименовав имя и отчество (Моисей Соломонович на Михаил Александрович), Венгеров выдал себя за политкаторжанина, вступил в большевистскую партию, а в начале 1918 г. устроился на службу в ВЧК, где вскоре получил должность начальника 1-го (секретного) отделения. Из-под ареста Венгерову удалось бежать, и он был осужден заочно и объявлен вне закона⁹³.

В процессе расследования дела арестованного в декабре 1918 г. члена Контрольно-ревизионной коллегии Ф.М. Косарева, о котором уже говорилось в предыдущей главе, выяснилось, что он, пришедший на чекистскую службу по рекомендации Дзержинского и Трепалова, выдававший себя за члена партии с 1907 г. и политкаторжанина, на самом деле в прошлом был уголовным преступником*. Оказавшись на свободе после Февральской революции, Косарев стал предсе-

---

* В 1908 г. за убийство с целью ограбления в Кологриве богатой вдовы костромским судом присяжных Косарев был приговорен к 10 годам каторги, откуда бежал в Сибирь. В 1915 г. было возбуждено дело по факту похищения 4000 рублей у псаломщика, и в одном из грабителей потерпевший опознал Косарева. После Февральской революции по амнистии как уголовный он был освобожден из Ярославской каторжной тюрьмы (Правда, 14 февраля 1919 г.).

дателем районного кожевенного комитета, однако вскоре открылось его уголовное прошлое, и он уехал в Москву. Здесь в начале 1918 г. он поступил в ВЧК в качестве следователя, а 15 сентября при содействии Дзержинского был назначен зампредом Контрольно-ревизионной коллегии⁹⁴. При этом, по словам выступившего в качестве свидетеля в трибунале Петерса, Косарев был принят в ВЧК как беспартийный⁹⁵. Однако уже в сентябре 1918 г. в анкете переписи служащих Косарев указал, что являлся членом большевистской партии с 1907 г.⁹⁶

Таким образом, уголовное прошлое того или иного сотрудника обычно раскрывалось, если он привлекался к ответственности за применение своих прежних «навыков», уже находясь на чекистской службе. Это нашло отражение в приговоре Мосревтрибунала по делу Косарева, в котором говорилось: «Косарев имел возможность изменить свою репутацию человека с большим уголовным прошлым, однако не только этого не сделал, но не остановился и перед тем, чтобы своими действиями загрязнить и дискредитировать столь авторитетное советское учреждение, как ВЧК...»⁹⁷

Я.Х. Петерс считал залогом отсутствия уголовных элементов в ВЧК высокий процент коммунистов. Возражая ему на страницах «Правды», зампред Мосревтрибунала И.В. Цивцивадзе (Илья) заявил, что пример Венгерова, Косарева и ряда других лиц показал, что уголовные элементы могут подвизаться и в качестве членов Компартии⁹⁸. Впрочем, Дзержинский официально признавал, что им приходится пользоваться и заведомыми преступниками⁹⁹.

Помимо партийности и личной безупречности, важным принципом подбора чекистских кадров был провозглашен классовый подход, поскольку, согласно официальной большевистской установке, диктатура пролетариата должна была обеспечиваться руками самого пролетариата. Таким образом, сотрудник карательного органа рабоче-крестьянского государства должен был являться представителем «правлящих» классов, в первую очередь пролетариата.

Насколько в реальности удавалось соблюдать классовый принцип подбора и расстановки чекистских кадров? Данные о профессиональном и образовательном составе сотрудников ВЧК в 1918 г. могут дать материалы переписи коммунистов – сотрудников совучреждений, проводившейся в декабре 1918 г. Секретариатом ЦК¹⁰⁰. Сохранилось 189 анкет служащих ВЧК. Сопоставляя данное количество со списком парт-

ячейки ВЧК за этот же период, можно прийти к выводу, что это почти две трети партийных сотрудников¹⁰¹. Мы рассмотрим 103 анкеты, поскольку остальные 80 принадлежат состоявшим в партии канцелярским и административно-хозяйственным сотрудникам, а 6 – работникам обслуживающего персонала.

Председатель ВЧК Дзержинский не имел никакой профессии. С 17-летнего возраста, будучи учеником гимназии, он стал революционером-партизаном и вплоть до революции ни в каких официальных учреждениях не работал и не служил. Среди остальных 102 руководящих сотрудников и специалистов служащие составляли 47 чел. (46,1%), рабочие – 35 чел. (34,3%), лица интеллигентного труда – 10 чел. (9,7%), учащиеся – 7 чел. (6,8%), крестьяне – 2 чел. (1,9%), данных нет – 1 чел. (1%).

Обращает на себя внимание крайне малый процент крестьян. На первый взгляд, это расходится с утверждением о большой роли солдат в формировании кадрового состава ВЧК (подавляющая часть рядового состава армии была по социальному составу крестьянской). Однако следует учесть, что большинство сотрудников, пришедших с военной службы в первые месяцы существования ВЧК, были выходцами не из армейских частей, а из петроградской Красной гвардии. Позднее главным источником пополнения оперативных работников из числа военнослужащих был Свеаборгский отряд ВЧК, также бывшее красногвардейское формирование. По данным В.И. Старцева, в петроградской Красной гвардии подавляющее большинство составляли рабочие, затем шли военнослужащие, учащиеся и служащие¹⁰². Таким образом, крестьянский элемент если и присутствовал в Красной гвардии, то, возможно, только через армейских солдат.

Большой процент служащих среди руководителей и специалистов ВЧК во многом объясняется их высокой долей в революционном движении, в частности в РСДРП, из членов которой вышли многие чекисты того периода. Можно согласиться с выводом Дж. Леггетта о том, что высокий процент выходцев из непролетарских слоев был отражением социального состава руководителей РСДРП, которые были по происхождению в большинстве своем из буржуазии. По мнению Леггетта, это подтверждало ленинский принцип, согласно которому политическое сознание не возникает у рабочих стихийно, оно должно быть привнесено им извне¹⁰³.

В январе-сентябре 1918 г. среди членов ВЧК – большевиков по профессиональной принадлежности было: 9 рабочих

(Я.Х. Петерс, И.К. Ксенофонтов, Д.Г. Евсеев, Ф.Я. Гжельщак, С.Е. Щукин, В.И. Савинов, В.Л. Панюшкин, В.В. Артишевский, А.И. Пузырев), 8 служащих (В.В. Фомин, И.Ю. Пуляновский, И.Н. Полукаров, И.С. Кизильштейн, С.П. Чернов, М.Я. Лацис, В.В. Каменщиков, Н.А. Скрыпник), 2 интеллигента (А.М. Дьяконов и В.Н. Яковлева), 1 революционер-партрботник (Ф.Э. Дзержинский), 1 учащийся (В.П. Янушевский). Среди левых эсеров, в январе-июле 1918 г. входивших в члены ВЧК, 5 являлись рабочими (И.И. Ильин, М.Ф. Емельянов, П.Ф. Сидоров, Г.Д. Закс, Д.И. Попов), 2 – интеллигентами (В.Д. Волков и Д.А. Магеровский), 1 – революционером-партрботником (В.А. Александрович), 1 – служащим (М.Н. Гуркин), 1 – не установлено (М.Г. Владимиров). Как видим, социальный состав чекистских руководителей – большевиков и левых эсеров – в процентном отношении был примерно одинаковым.

Таким образом, пролетарский состав ВЧК, особенно ее управленцев и специалистов, в 1918 г. соблюсти не удалось. Крайне слабый общий и политический уровень чекистов – бывших рабочих и особенно крестьян – являлся причиной их низкой служебной квалификации и, соответственно, значительно уменьшал продуктивность их деятельности, особенно в таких областях работы, как следствие. Крайне незначительное количество среди сотрудников центрального аппарата ВЧК бывших крестьян во многом объяснялось малым их процентом среди членов дореволюционной РСДРП, из рядов которой вышли многие руководящие работники и специалисты ВЧК.

Несмотря на преобладание в центральном аппарате служащих над рабочими, образовательный уровень чекистов был сравнительно невысоким. Из 103 руководящих работников и специалистов высшее и незаконченное высшее образование имели 13 чел. (12,6%), среднее и неполное среднее – 30 чел. (29,1%), начальное и самоучки – 58 чел. (56,3%), 2 чел. (1,9%) – данных нет. Однако можно предположить, что в то время образовательный уровень чекистов в среднем примерно соответствовал уровню городской руководящей элиты среднего звена. Так, по данным на 1 декабря 1918 г., из 662 депутатов Моссовета с высшим образованием были 45 чел. (6,8%), со средним – 33 чел. (5%), с начальным и домашним – 566 чел. (85,5%), не указано – 18 чел. (2,7%)¹⁰⁴.

Довольно высоким образовательный уровень был у большинства работников, занимавших во второй половине 1918 г. высшие и средние руководящие должности. Заместитель начальника Отдела по борьбе с контрреволюцией в

июле-сентябре 1918 г. В.Н. Яковлева окончила в 1907 г. математический факультет Московских Высших женских курсов и полтора года училась на естественном факультете этого вуза¹⁰⁵. Другой заместитель начальника этого отдела – В.П. Янушевский – учился в Петроградском институте путей сообщения, а затем, во время Первой мировой войны, призванный в армию, окончил Николаевское Военно-инженерное училище¹⁰⁶. Сын сельского учителя Э.И. Карповиц, с августа по ноябрь 1918 г. возглавлявший Отдел стратегического упрочнения, закончил коммерческое училище, учился на химическом отделении рижского политехнического вуза, но прервал учебу из-за эвакуации из Риги в 1915 г.¹⁰⁷ Адвокатами по профессии были руководитель Следственно-юридического отдела в декабре 1918 г. М.К. Ихновский и начальник Следчасти Транспортного отдела М.К. Романовский. Выходец из дворян, потомственный юрист, начальник Военного отдела М.С. Кедров имел два высших образования – юридическое и медицинское.

Однако на более низком уровне лиц со средним образованием было значительно меньше, а с высшим – единицы. Так, в декабре 1918 г. из специалистов-коммунистов юристами были только три человека – следователи Юридического и Военного отделов В.Н. Черный и З.Б. Кацнельсон и член Контрольно-ревизионной коллегии С.Л. Лукашин.

Делая выводы, нужно сказать, что кадровый состав ВЧК комплектовался, исходя из ее фактического положения как органа РКП, по выражению Дзержинского, «внезаконного партийного предприятия». Соответственно, главным критерием поступления на службу являлась верность большевистской партии. Однако, прослеживая эволюцию социального и партийного состава ВЧК, нужно отметить, что реализация большевистских принципов подбора и расстановки чекистских кадров в условиях Гражданской войны: партийности, «классовой чистоты» и личной безупречности – столкнулась с серьезными проблемами. Главная из них состояла в дефиците партийных кадров в силу частой их мобилизации на фронт, с одной стороны, и нежелания многих коммунистов идти на службу в карательный орган – с другой. Кроме того, для службы в ВЧК в большом количестве требовались члены партии, имевшие опыт нелегальной и партийно-боевой работы, как знавшие работу царской охраны, так как в отличие от других учреждений, в частности НКВД и НКЮ, специалистов царских спецслужб в ВЧК почти не принимали.

В обстановке Гражданской войны основным источником чекистских кадров являлись не центральные органы государственной и партийной власти, а местные советские и особенно партийные органы – применительно к центральному аппарату это были городской и районный комитеты РКП, а также парторганизация самой ВЧК. Внутри чекистской парторганизации большую роль в подборе кадров играл ее руководящий орган – Партколлектив, поскольку большинство его членов, являясь одновременно руководящими сотрудниками Комиссии, представляли собой не только партийную, но и служебную власть.

В условиях кадрового дефицита и отсутствия четких правил, регламентировавших поступление на службу, важное значение приобретала и система личных рекомендаций со стороны ответственных работников ВЧК, а также партийных и государственных деятелей. Поэтому вряд ли можно согласиться с выводами ряда историков, в частности А.С. Велидова, о полном контроле Центрального Комитета за подбором и расстановкой чекистских кадров. Однако по сравнению с другими учреждениями, в частности НКВД и НКЮ, партийное руководство страны и сам Ленин придавали кадрам ВЧК более серьезное значение в силу ее большей политизированности и важности для сохранения режима.

Касаясь социального состава ВЧК периода Гражданской войны, следует отметить, что, несмотря на провозглашенную большевиками «классовую чистоту» своего карательного ведомства и довольно высокий процент рабочих среди оперативных сотрудников ВЧК, доминирующей социальной группой в центральном чекистском аппарате являлись служащие, а крестьян было крайне мало.

Официальный курс на пролетарский состав ВЧК на практике не соблюдался. В центральном аппарате на различных должностях находились представители разных социальных слоев. Однако курс на «классовую чистоту», разумеется, серьезно отразился на их соотношении – большинство сотрудников ВЧК были выходцами из социальных «низов» дореволюционного общества. Преобладающая социальная группа среди чекистов – служащие – были до революции именно мелкими служащими – конторщиками, счетоводами и т.д. В связи с этим несколько преувеличенным выглядит утверждение Дзержинского, содержавшееся в беседе с журналистом «Правды», опубликованной к 5-летию юбилею карательного органа 17 декабря 1922 г. Говоря о том, что ВЧК была оружием

диктатуры трудящихся, он все же добавил, что «пролетариат выделил для работы в органах ЧК лучших сынов своих»¹⁰⁸.

Однако по сравнению с другими советскими учреждениями в ВЧК, в том числе среди управленцев и специалистов, и процент рабочих был высоким. Одной из главных причин высокого процента служащих и рабочих и малого – крестьян являлась доля этих социальных групп в дореволюционной РСДРП, членами которой были многие ответственные работники ВЧК. В пользу этого говорит возрастание выходцев из служащих по мере повышения чекистских должностей. В целом в социальном составе ВЧК в 1918 г. отразились противоречия между декларируемым классовым подходом и реальным положением дел, в первую очередь обусловленным кадровым дефицитом.

Попытки руководства государства и ВЧК провести в жизнь принцип «социальной чистоты» карательного органа повлекли серьезные проблемы с образовательным уровнем чекистов, их общим и политическим развитием. Образовательный ценз чекистов, за исключением высшего и среднего руководящего состава, был невысоким, преобладали сотрудники с начальным образованием.

Эволюция социально-политического состава ВЧК в 1919–1922 годы

Завершившаяся к началу 1919 г. специализация чекистских подразделений – создание самостоятельных отделов, занимающихся военной контрразведкой, политическим розыском, экономическим контролем и охраной транспорта, – наложила свой отпечаток на образование и социальный статус начальников того или иного отдела.

Все заведующие Транспортным отделом в 1919 г.: И.Д. Чугурин, В.В. Фомин, И.П. Жуков и С.Т. Ковылкин – имели образование не выше начального и, кроме Фомина, были до 1917 г. рабочими. Так, С.Т. Ковылкин, руководивший отделом с 3 декабря 1919 г. по 24 января 1920 г., выходец из семьи деревенского плотника и сам до революции с 12 лет работавший столяром, в графе «образование» указывал «самоучка»¹⁰⁹. Выше был интеллектуальный уровень у начальников

Секретного отдела. Так, возглавлявший отдел с марта по июнь 1919 г. А.В. Эйдук был сыном сельского учителя, в 1903 г. закончил Рижское коммерческое училище, а в 1910 г., находясь в эмиграции в Австрии, учился в Вене в Высшей сельскохозяйственной школе^{110,*}. Сменивший Эйдука С.Г. Уралов, сын торговца, в 1917 г. закончил саратовское среднее химико-механическое училище, и затем, уже работая ВЧК, заочно учился в Петроградском горном институте¹¹¹.

Среди чекистов среднего руководящего звена наблюдалась довольно пестрая картина их соцположения и образования. Возглавлявший в 1919 г. Спецотдел С.М. Тер-Габриэлян, имевший образование в объеме трех классов реального училища, до революции служил конторщиком на азербайджанских нефтепромыслах¹¹², тогда как не имевший никакого образования начальник Оперативного отделения при Президиуме А.Х. Беленький работал печатником в типографии¹¹³. Таким же разнообразным были соцположение и образование низших руководящих работников и старших специалистов. Отделением сводок Секретного отдела в 1919 г. заведовал С.А. Гарин (Гарфильд) – сын театрального режиссера, писатель и публицист¹¹⁴, а помощник начальника отдела М.А. Дейч, сын извозчика, не получивший никакого образования, до революции работал текстильщиком и маляром¹¹⁵.

В составе Коллегии ВЧК, утвержденной Совнаркомом в марте 1919 г., было 5 рабочих (И.К. Ксенофонтов, Я.Х. Петерс, Г.С. Мороз, И.П. Жуков, И.Д. Чугурин), 5 служащих (В.В. Фомин, М.Я. Лацис, А.В. Эйдук, К.М. Валобуев, Ф.Д. Медведь), 2 работника интеллектуального труда (М.С. Кедров и В.А. Аванесов), 1 профессиональный революционер-партизан (Ф.Э. Дзержинский). Кедров, Аванесов и Валобуев имели высшее и незаконченное высшее образование, Дзержинский, Лацис, Эйдук и Медведь – среднее и незаконченное среднее.

---

* Нужно отметить, что ряд сотрудников отдела по образовательному уровню превосходили своих начальников. Так, инспектор А.П. Альпов, член большевистской партии с сентября 1917 г., сын учительницы, до революции образование получил в реальном училище (*Скоркин К.В. Обречены проиграть. С. 761*). Следователь С.А. Херувимов, большевик с 1908 г., являвшийся внуком театрального художника и актера и сыном артиста хапжопковского киноателье, в 1913–1919 гг. сыгравшего в нескольких десятках фильмов, окончил коммерческое училище (*Кочевых С. Урал и три поколения Херувимых. – Петербургский генеалогический портал [http://www.petergen.com/publ/heruvimov. Shtml]*).

Начиная с 1919 г. в связи с линией на чекистскую специализацию остро встала проблема с верными большевистской власти кадрами уже не просто в области следственной и оперативной работы, а для подразделений по направлениям деятельности (контрразведка, политический розыск и т.д.).

Острый дефицит сотрудников, имевших опыт не только подпольной партийной, но и военной контрразведывательной работы испытывал Особый отдел. Связано это было с тем, что опытных руководящих, оперативных и следственных сотрудников направляли в Особые отделы фронтов, армий и прифронтовых районов. Еще более кадровая проблема обострилась осенью 1919 г. во время реформирования Особого отдела с последующим расширением штатов. 1 ноября 1919 г. Оргбюро ЦК, заслушав заявление Ф.Э. Дзержинского, что дела в Особом отделе задерживаются из-за недостатка следователей, поручило Секретариату ЦК «направить в Особый отдел нескольких товарищей, могущих быть следователями»¹¹⁶.

Весной 1920 г. в связи с советско-польской войной вновь увеличился объем работы чекистской военной контрразведки. 12 мая 1920 г. начальник Оперативного отдела Управления Особого отдела В.И. Плятт обратился к секретарю ЦК РКП Е.А. Преображенскому с просьбой о выделении для Управления 92 чел. Для Секретной части Особого отдела Плятт требовал секретаря («исключительно надежный товарищ с элементарными познаниями в области статистики»), а кроме того, начальников отделений разведки, секретной агентуры, Технического бюро (со специальными знаниями в области борьбы с экономическим шпионажем) и их помощников; для Иностранного бюро, помимо начальника, были затребованы трое уполномоченных: по странам Антанты, по польским делам и по приграничным государствам. Плятт затребовал также не менее 48 рядовых работников-разведчиков, сотрудников Информационного бюро для сбора сведений от осведомителей и составления сводок в количестве 4 чел. Для Бюро печати Отдела обработки материалов в письме требовались сотрудники, владеющие английским, французским, польским, финским и эстонским языками. Для собственно Оперативного отдела и Активной части Плятт просил прислать 5 комиссаров и сотрудников для поручений¹¹⁷.

В архивном деле нет сведений, насколько полно просьба Плятта была выполнена. Отбор высококвалифицированных и одновременно партийных сотрудников для Особого отдела соприкасался с определенными сложностями. Так, 20 фев-

раля 1920 г. зампред Особотдела ВЧК И.П. Павлуновский направил начальнику Особотдела Востфронта Г.И. Бокию телеграмму: «В центре полное отсутствие людей с опытом. Вы знаете из телеграмм, какие организации раскрыты. Развернуть их и ликвидировать – общая задача, требующая в настоящем переброски наших сил. Поэтому ваш отказ командировать старого партийного работника Кадомцева для меня не понятен. Настаиваю на немедленном откомандировании Кадомцева»¹¹⁸. В телеграмме речь шла о бывшем начальнике Особого отдела Туркестанской армии и Южной группы войск Восточного фронта, затем при фронтовом штабе возглавившем военную разведку, члене партии с 1901 г. Э.С. Кадомцеве. Однако он так и не был откомандирован в центр, а 30 марта 1920 г. его назначили начальником войск ВОХР Приуральского округа¹¹⁹. В мае 1920 г. управделами Особого отдела Г.Г. Ягода обратился в ЦК с просьбой об «откомандировании для работы в ОО ВЧК тов. Женю Егорову, работающую в настоящее время в Петроградском комитете РКП»¹²⁰. Судя по тому, что член партии с 1911 г. Е.Н. Егорова (М.Э. Лепинь) в 1920 г. осталась на партработе в Петрограде, прошение Г.Г. Ягоды осталось без внимания¹²¹. 29 марта 1921 г. помощник начальника Особого отдела А.Х. Артузов обратился к начальнику Админоргупра ВЧК с просьбой откомандировать к нему в отдел преподавателя пехотных курсов Венгерской секции ЦК РКП О. Штейнбрюка¹²². Речь шла о бывшем капитане австро-венгерской армии О.О. Штейнбрюке, в 1917 г. попавшем в русский плен, в 1918 г. вступившем в большевистскую партию, а затем находившемся на командных должностях в венгерской Красной армии и на нелегальной партийной работе в Венгрии и Германии, владеющем шестью языками. 25 апреля Оргбюро согласилось откомандировать Штейнбрюка в ВЧК. Однако спустя три дня центральное бюро венгерских секций обратилось в ЦК с просьбой отозвать его обратно, мотивируя это тем, что Штейнбрюк является лучшим преподавателем, а без его участия курсы просто не смогут действовать¹²³. Спор был решен в пользу ВЧК, и вскоре О.О. Штейнбрюк был назначен уполномоченным 15-го отделения (работа по странам Большой Антанты) Особого отдела.

На октябрь 1920 г. из 40 младших руководящих работников и специалистов Особого отдела – коммунистов подавляющее большинство вступило в партию в 1918–1920 гг. По социальному положению до 1917 г. большая их часть – 23 чел. (57,5%) – в прошлом являлась служащими, как пра-

вило, мелкими – конторщиками, приказчиками и т.д. Рабочими были 9 чел. (22,5%), учащимися – 4 чел. (17,4%), крестьянами – 3 чел. (7,5%), интеллигентами – 1 чел. (2,5%)¹²⁴.

Наряду с Особым отделом важнейшим по подбору кадров подразделением являлся Секретный отдел, работа которого состояла в борьбе с антибольшевистскими партиями и группировками. Не только руководящие, но и практически все следственные и оперативные должности в Секретном отделе вследствие большей по сравнению с другими чекистскими подразделениями политизированности его задач занимали коммунисты. При этом, по данным на июнь 1920 г., половина лиц указанных категорий имела подпольный партийный стаж¹²⁵.

Руководители отдела часто обращались в ЦК партии с просьбой о пополнении подразделения партийными кадрами, и в отличие от Особого отдела в отношении подразделения, решавшего важнейшие для большевиков задачи в области политического розыска, просьбы эти, как правило, удовлетворялись.

17 ноября 1919 г. начальник Секретного отдела М.Я. Лацис обратился в ЦК к Е.Д. Стасовой с просьбой откомандировать в распоряжение отдела «двух товарищей, хорошо политически грамотных, на должности уполномоченных политических групп (партий. – О.К.) и десять человек для секретной работы и статистики»¹²⁶.

В начале декабря 1920 г. начальник Секретного отдела Т.П. Самсонов обратился с письмом к секретарю ЦК РКП Л.П. Серебрякову, в котором просил направить в распоряжение Секретного отдела 8 коммунистов из Главкомтруда, Наркомсобеза, трибунала Московско-Виндавской железной дороги и других ведомств и учреждений, взамен этих людей Самсонов предлагал откомандировать из Секретного отдела других коммунистов, могущих вышеуказанных с успехом заменить по службе. «Кроме того, – указывал далее Самсонов, – для развития и упорядочения работы СО ВЧК нам необходимо получить от ЦК РКП еще следующих работников: 1) Вполне ответственных, надежных и стойких товарищей, не ниже стажа губисполкомщика или губкомщика – 12 товарищей; 2) Не ниже уисполкомщика или уездкомщика – 8 товарищей... 4) владеющих литературным языком, не ниже редактора партийной газеты губкома – 2-х товарищей»¹²⁷. 5 декабря Оргбюро ЦК РКП постановило обращение Самсонова передать в Учетно-распределительный отдел для удовлетво-

рения этой просьбы при условии согласия ведомств, где указанные в обращении лица работают¹²⁸. И в том же месяце группа коммунистов была направлена в Секретный отдел. Так, указанный в письме Самсонова ответственный работник Наркомсобеса, член большевистской партии с июня 1917 г. Я.М. Генкин был назначен начальником 4-го отделения, ведавшего борьбой с правыми политическими партиями, а его заместителем – бывший председатель Павлодарского уездисполкома и уездпарткома, член партии с 1903 г. Т.Д. Дерибас¹²⁹.

16 марта 1921 г. начальник 3-го отделения (работа по правым эсерам) Секретного отдела Я.Н. Кожевников направил начальнику отдела Самсонову письмо, в котором констатировал отсутствие достаточного количества сотрудников. Ввиду загруженности работой (в это время в связи с Кронштадтским восстанием обострилась борьба с правыми эсерами), отмечал Кожевников, в дальнейшем такое положение в 3-м отделении может привести к невыполнению срочных боевых задач. В связи с этим он срочно просил пополнить штат сотрудников 3-го отделения И. Слепченко, бывшим начальником Особого отдела Самарской губЧК, и В. Беляевым, в прошлом заведующим Секретно-оперативным отделом этой же губЧК. «Вышеуказанных товарищей, – писал Кожевников, – рекомендую как бывших чекистов, коих знаю с 1918 г. по совместной работе в период борьбы с чехословаками в Поволжье. В наст. время названные товарищи находятся вне чекистской работы, проживают в г. Самара, члены РКП. Для ускорения их вызова в Москву из Самары прошу провести внеочередной запрос через ЦК РКП». На следующий день Оргбюро согласилось откомандировать Слепченко и Беляева в ВЧК¹³⁰.

25 марта Самсонов писал в ЦК РКП(б): «В связи с чрезвычайно увеличивающейся активной деятельностью антисоветских партий (с-р., меньшевиков, анархистов и др.) в Республике Секретный отдел ВЧК благодаря крайнему недостатку крепких работников не успевает справляться с той неотложной важной боевой работой, какая ставится перед ним в связи с происходящими тревожными событиями. Во избежание осложнений в работе Секретный отдел ВЧК просит командировать в его распоряжение 15–20 крепких товарищей коммунистов, желательно бывших чекистов, интеллигентных рабочих»¹³¹. 31 марта 1921 г. Оргбюро ЦК, рассмотрев просьбу дать для Секретного отдела 15–20 ответственных товарищей-коммунистов, постановило «Поручить Учетно-распределите-

лительному отделу в месячный срок дать до 10 политических ответственных работников в распоряжение Секретного отдела ВЧК»¹³², а 7 июня 1921 г. – еще пять человек¹³³.

Стремление чекистского руководства как можно быстрее усилить аппарат политического розыска новыми сотрудниками проявилось в письме секретарю ЦК В.М. Молотову начальника Административно-организационного управления ВЧК И.А. Апетера и Адмотдела Л.М. Брагинского о том, что из пяти откомандированных Оргбюро в СО работников к 16 июню прибыл только один человек – А.И. Крымов, и тот с предварительным отпуском в две недели. В связи с этим чекистские руководители просили Молотова ускорить откомандирование остальных четырех партийных товарищей¹³⁴. Командируемые назначались на ответственные должности в отдел, причем зачастую независимо от стажа пребывания в партии. Так, упомянутый в письме А.И. Крымов, которому в момент откомандирования было 20 лет, вступил в партию в феврале 1918 г. Получив начальное образование, до революции он служил певчим в церкви, а в годы Гражданской войны находился на комсомольской работе в Серпухове и Москве. В ВЧК Крымов был назначен помощником начальника 8-го отделения¹³⁵. На аналогичную же должность в другом отделении назначили командированного с Украины 34-летнего А.Г. Гордона (Шайке-са), столяра-модельщика по профессии, члена партии с 1904 г., в годы Гражданской войны руководителя Николаевского и секретаря Одесского комитетов партии¹³⁶.

Большее по сравнению с другими чекистскими подразделениями внимание большевистского руководства к комплектованию партийными кадрами Секретного отдела объяснялось не только возросшей к концу Гражданской войны важностью выполняемой им задачи – борьбе с политическими противниками режима, но и пониманием того, что чем больше сотрудников данного отдела будет принадлежать к Компартии, тем эффективнее они будут бороться за политическую лояльность к ней среди населения. При этом подбор кадров для политического розыска был сопряжен с двумя серьезными проблемами.

Первая проблема, являвшаяся общей для всех «линейных» отделов, состояла в нехватке следователей, что в отношении Секретного отдела особенно сильно начало сказываться в 1921 г. в связи со значительным возрастанием числа арестованных членов различных политических партий и группировок. 2 июня 1921 г. в письме на имя зампреда ВЧК И.С. Унш-

лихта и начальника Секретно-оперативного управления ВЧК В.Р. Менжинского заведующий Секретным отделом Самсонов отмечал катастрофическое состояние следственного аппарата СО ВЧК, «одного из самых серьезных в смысле следственной техники отделов ВЧК». «...Благодаря большому недостатку следовательских сил, – писал Самсонов, – многие весьма серьезные дела чрезвычайно долго остаются не разработанными, от чего общие результаты агентурных дел часто, если не совсем идут насмарку, то в значительной степени теряют то значение, которое они имели бы при умелой и своевременной разработке. Доводя вышеизложенным до вашего сведения, прошу срочных мероприятий по укреплению СО ВЧК достаточными и умелыми кадрами следователей»¹³⁷. Согласно прилагаемой к письму «Краткой цифровой сводке следственной работы по отделениям СО ВЧК», подготовленной заместителем начальника отдела Я.С. Аграновым, «за исключением семи-восьми квалифицированных следователей и трех-четырёх более или менее пригодных к следствию, следственный аппарат является слабо подготовленным как в политическом, так и в общем культурном отношении. Их ориентировка в делах происходит чрезвычайно медленно и весьма неумело»¹³⁸. Агранов отмечал, что в некоторых отделениях число следователей явно недостаточно. Например, в 1-м (работа по анархистам) было 2 следователя, на которых приходилось 36 дел и 61 арестованный; во 2-м (по меньшевикам) – 3, 61 и 80 соответственно; в 3-м (по правым эсерам) – 5, 144 и 176; в 4-м (по правым партиям) – 4, 22 и 42; в 5-м (по левым эсерам) – 4, 79 и 80. Исходя из этой статистики, Агранов считал необходимым пополнить следственный персонал Секретного отдела на 10–12 чел., более или менее подготовленных в смысле политического и общего развития. Просьбу Т.П. Самсонова и Я.С. Агранова зампред ВЧК передал в ЦК РКП Молотову, и 7 июня 1921 г. Оргбюро поручило Учетно-распределительному отделу ЦК не позднее 1 июля выделить по соглашению с ВЧК не менее 5 ответственных работников для работы в качестве следователей Секретного отдела¹³⁹.

Вторая важная кадровая проблема Секретного отдела состояла в подборе сотрудников, по выражению Дзержинского, «подготовленных в смысле политического и общего развития». Отмечая в марте 1921 г. в письме в ЦК, что в настоящий момент для большевистской партии наибольшая опасность исходит от мелкой буржуазии, вследствие чего неизбежно усиливается борьба с меньшевиками, эсерами, анар-

хистами, Дзержинский писал о необходимости связать в этой борьбе работу репрессивного и политического аппаратов. В этих целях он просил ЦК командировать в ВЧК коммунистов-литераторов И.В. Вардина, А.К. Воронского, К.Б. Радека, Л.С. Сосновского, И.Н. Стукова «для проведения следующих мероприятий: составления циркулярных писем для провинциальных партийных комитетов и органов ЧК, в которых местных чекистов и партработников знакомят с историей, программой, тактикой оппозиционных партий; составления проектов правительственных сообщений, партийных брошюр, статей и листовок на основе собранного в ВЧК материала о политпартиях; осведомления Коминтерна о деятельности эсеров, меньшевиков, анархистов, поскольку последние ведут за границей широкую кампанию против большевиков; консультирования работников Секретного отдела ВЧК»^{140, *}. Просьба Дзержинского была Оргбюро удовлетворена, и указанные лица были прикомандированы к ВЧК на правах совместительства с основной партийно-журналистской работой. И.В. Вардин (Мгеладзе) стал штатным чекистским референтом, совмещая эту должность с работой в редакции «Правды», а журналист и бывший партработник И.Н. Стуков, как мы уже писали, вскоре был назначен начальником созданного на основе двух бюро Секретного отдела – Информационного и обработки материалов – Информационного отдела ВЧК.

6 апреля 1921 г. уже в качестве заведующего Информационным отделом И.Н. Стуков отправил записку Ф.Э. Дзержинскому, в которой указывал на серьезный недостаток квалифицированных кадров. «Для того чтобы Информационный отдел выполнил возведенную на него задачу, – писал Стуков, – имеющаяся в моем распоряжении публика чрезвычайно слаба, во-вторых, ее недостаточно... Полагаю, что надо бы на очередном заседании Оргбюро этот вопрос выдвинуть. Нужны политически грамотные... товарищи, ибо Вы сами знаете, работа нашего отдела не должна быть шаблонной и рутинной. Думаю, что человек 7 будет достаточно, чтобы... приступить к выполнению задач, лежащих на отделе»¹⁴¹. 25 апреля 1921 г. Оргбюро назначило редактора «Известий», участника социал-демократического движения с 1893 г. Ю.М. Стеклова

---

* После передачи в ИНФО военно-цензурных функций 24 ноября 1921 г. по докладу его начальника Б.Б. Бортновского Президиум ВЧК, в частности, признал необходимым политически усилить состав подотдела военной цензуры (Архив ВЧК. С. 480).

(О.М. Нахамкиса) и редактора газеты «Беднота», члена РСДРП с 1898 г. В.А. Карпинского референтами при уполномоченных созданного за месяц до этого Информационного отдела ВЧК¹⁴². Спустя 4 дня Оргбюро откомандировало также для работы по совместительству в этот отдел еще трех человек из газет «Беднота», «Коммунистический труд» и Коминтерна¹⁴³. 29 июля Оргбюро, рассмотрев заявление партийной журналистки, члена партии с 1903 г. А.В. Савельевой о невозможности выполнения постановления ЦК о назначении ее редактором газеты «Новый мир» в Берлине ввиду неполучения ею до сих пор визы Наркоминдела, предложило НКИДу ускорить выдачу визы, но до ее получения предложило Савельевой временно работать в Информационном отделе ВЧК¹⁴⁴.

Различия в социальном и образовательном составе отделов, занимавшихся политическим розыском – Секретного и Информационного, можно выявить на основании анализа кадров младших руководителей и специалистов (из числа членов партии) этих подразделений на момент преобразования ВЧК в ГПУ. Если в 1922 г. вскоре после преобразования ВЧК в ГПУ среди сотрудников Секретного отдела было 15 рабочих, 14 служащих, 3 учащихся, 1 интеллигент, 1 крестьянин, 1 не установленный; то в Информационном отделе интеллигентами были 6 чел., служащими – 5 чел., учащимися – 3 чел., а рабочими всего 2 чел., при одном не установленном. Соответственно, различался и образовательный состав в этих подразделениях: 8 чел. со средним, 25 чел. с начальным образованием и 2 не установлено – в первом и 3 чел. с высшим, 10 чел. со средним и 4 чел. с начальным – во втором¹⁴⁵. Можно сделать вывод о том, что критерием подбора кадров для подразделения, занимавшегося информированием высшего партийного руководства о положении в стране и контролем за печатью, был не партийный стаж, а образование и профессиональная классификация. Например, начальник отделения зрелищ подотдела военной цензуры Д.А. Черномординов в начале века закончил Петербургскую консерваторию. До революции он редактировал ежедневную газету «Театр» и ряд других изданий, заведовал музыкальной частью Еврейской энциклопедии, затем был профессором консерватории во Владикавказе¹⁴⁶.

Помимо Информационного подразделения, сотрудники которого должны были быть не только идеологически преданными, но и обладать определенным интеллектуальным уровнем, был созданный в декабре 1920 г. Иностранный отдел.

12 августа 1921 г. зампред ВЧК И.С. Уншлихт попросил Дзержинского провести через Оргбюро ЦК откомандирование для работы в ИНО ВЧК начальника снабжения Донбасса партийца с 15-летним стажем Подвица. Подвиц был известен Уншлихту по 16-й армии, в которой также руководил снабжением. По словам зампреда ВЧК, он знал 7 языков, имел химическое образование, кроме того, был знакомым А.Я. Бельского по дореволюционной парижской эмиграции и в настоящее время сам просился на работу в Москву. Дзержинский дал указание своему секретарю В.Л. Герсону снести от его имени с Главуглем с указанной просьбой. Вскоре Герсон передал ответ руководства Главугля, согласно которому, Подвиц – «единственный человек, который вошел в курс дела» и которому доверяет Г.Л. Пятаков (в то время – ответственный секретарь Донецкого губкома партии и председатель Центрального правления каменноугольной промышленности Донбасса). В результате Дзержинскому осталось поставить на заявлении Уншлихта следующую резолюцию: «Ввиду такого заявления нельзя снимать его с Донбасса, положение снабжения которого катастрофическое»¹⁴⁷.

21 октября 1921 г. Уншлихт направил записку секретарю Коминтерна Радеку, в которой говорилось, что «несомненно, работа ИНО ВЧК не стоит на должной высоте, чему основной причиной является невозможность найти подходящих работников для этого отдела. Для работы в ИНО ВЧК нужны люди политически грамотные, разбирающиеся в международной обстановке, знающие политические группировки за границей и владеющие по крайней мере двумя иностранными языками. Учитывая всю важность работы этого отдела, мы неоднократно обращались в ЦК с просьбой дать для постоянной работы людей указанной квалификации, но пока безрезультатно. Ясно, что раз отсутствие работников мешает ИНО ВЧК справиться с основной своей задачей, каковой является непосредственное выявление иностранного шпионажа, белогвардейских, политических и экономических группировок за границей и их связей в СССР, то не приходится удивляться, что многие, может быть, и очень ценные материалы, касающиеся лишь косвенно наших заданий, остаются неиспользованными»¹⁴⁸.

Озабоченность подбором кадров как для работы за рубежом, так и для деятельности по линии внешней контрразведки стала причиной обращения чекистского руководства в ЦК в начале сентября 1921 г. с предложением взять на учет всех

коммунистов, владеющих иностранными языками. 5 сентября 1921 г. Оргбюро одобрило это предложение и поручило С.И. Сырцову и Молотову его отредактировать¹⁴⁹. 12 сентября 1921 г., когда Президиум ВЧК дал указание ИНО разослать всем членам Коллегии, в НКВД и Наркомвнешторг для ознакомления проекты инструкции о въезде иностранцев и их регистрации, и в случае получения согласия дать на утверждение зампреду ВЧК, Реденсу было предложено в 24 часа выяснить, сколько коммунистов, владеющих иностранными языками, зарегистрировались в МК партии, какие должности они занимают и для какой работы подходят, а также запросить губЧК о результатах взятия на учет этой категории партийцев¹⁵⁰.

Вскоре после реформирования ВЧК в ГПУ в ИНО, как и в большинстве других отделов, преобладали коммунисты, вступившие в партию в годы Гражданской войны, – 22 чел. С 1917 г. состояли в партии 9 чел., и до 1916 г. в партию вступили 5 чел. Однако здесь относительно высоким был образовательный уровень управленцев и специалистов: 3 чел. с высшим образованием, 18 – со средним и 15 – с низшим¹⁵¹.

27 января 1921 г., через 2 дня после организации Экономического управления, его руководящие работники М.К. Ихновский и П.К. Мармузов обратились в Учраспредотдел ЦК с просьбой дать распоряжение Политуправлению Красной Армии направить «для производственных работ в резерв Экономического Управления 50 товарищей»¹⁵². Судя по резолюции ЦК на этом документе, обращение было положено в архив.

К 1921 г. из всех чекистских подразделений Экономическое управление испытывало наибольший дефицит кадров – как специалистов, так и руководящих работников. На 7 марта 1921 г. из 183 полагавшихся по штату руководящих, оперативных и следственных работников было всего 23. Из 15 спецотделений управления в десяти вообще не было ни одного сотрудника, а еще в трех и в отделе надзора заполнено было только место начальника или его помощника¹⁵³. Во многом это положение было связано с тем, что для его сотрудников требовались хотя бы элементарные экономические знания и соответствующих этим требованиям в среде коммунистов явно не хватало. Результатом такого положения стало новое обращение в Учраспред в мае 1921 г., на сей раз подписанное, помимо Мармузова, председателем ВЧК Дзержинским и начальником Экономического управления Н.В. Крыленко, с просьбой откомандировать в распоряжение ЭКУ 100 коммунистов для занятия оперативных должностей¹⁵⁴.

Меньше проблем было с комплектованием работниками другого отдела, занимавшегося экономическим контролем, – Транспортного. По данным на июнь 1920 г., большинство руководящих работников и специалистов отдела вступило в партию в годы Гражданской войны. Подпольный стаж имели только 4 чел.¹⁵⁵ На апрель 1922 г. среди управленцев и специалистов этого отдела в ГПУ в прошлом служащими были 21 чел., рабочими – 20 чел., интеллигентами и учащимися по 2 чел., крестьянином – 1 чел., нет данных – 1 чел. Интеллигентами были двое членов партии из числа путейских инженеров, входивших в созданное при отделе бюро консультантов¹⁵⁶.

К концу Гражданской войны определенные изменения претерпел социальный состав не только отдельных подразделений, но и ВЧК в целом.

Социальный состав партиячейки ВЧК и МЧК

	Декабрь 1918 г. ¹⁵⁷	Июнь 1920 г. ¹⁵⁸
Служащие	129 (41,5%)	131 (26,4%)
Рабочие	119 (38,3%)	321 (64,6%)
Учащиеся	25 (8%)	16 (3,2%)
Интеллигенция	21 (6,8%)	13 (2,6%)
Ремесленники	4 (1,3%)	6 (1,2%)
Крестьяне	2 (0,6%)	5 (1%)
Профессиональные революционеры-партизаны	2 (0,6%) В.Н. Манцев, Ф.Э. Дзержинский	1 (0,2%) Ф.Э. Дзержинский
Торговцы		1 (0,2%)
Нет данных	9 (2,9%)	12 (2,4%)
Всего	311 чел.	497 чел.

Заметное увеличение доли пролетарского элемента можно объяснить тем, что в условиях Гражданской войны основным источником пополнения центрального аппарата коммунистическими кадрами являлись московские партийные и советские организации и профсоюзы. В связи с этим к середине 1920 г. социальный состав ВЧК в большей степени, чем в 1918 г., отражал социальный состав столичной партийной организации. По данным Статистического отдела ЦК, в конце 1920 г. среди коммунистов Москвы и уезда по дореволюционному социальному положению было 49% рабочих, 20% служащих, 7% интеллигентов, 7% крестьян, 3% ремесленников, 9% прочих, 5% – не установлено¹⁵⁹.

С 29 июля 1920 по 1 декабря 1921 г. из 15 чел., входивших в чекистскую Коллегию, по профессиональной принадлежности

ти служащими были 5 чел. (М.Я. Лацис, Ф.Д. Медведь, Г.Г. Ягода, С.А. Мессинг, В.С. Корнев), работниками интеллектуального труда – 4 чел. (М.С. Кедров, В.А. Аванесов, В.Р. Менжинский, Г.И. Бокий), революционерами-партизанами – 3 чел. (Ф.Э. Дзержинский, В.Н. Манцев, И.С. Уншлихт), рабочими – 2 чел. (Я.Х. Петерс и И.Н. Ксенофонтов), студентами – 1 чел. (Н.Н. Зимин). Из них 7 чел. (Кедров, Аванесов, Менжинский, Бокий, Манцев, Зимин и Корнев) имели высшее и незаконченное высшее образование, 5 чел. (Дзержинский, Уншлихт, Лацис, Медведь, Ягода, Мессинг) – среднее, образование Петерса и Ягоды ограничивалось лишь начальной школой, а Ксенофонтов вообще был самоучкой.

После реорганизации ВЧК в ГПУ по роду занятий до 1917 г. руководящие работники центрального аппарата высшего и среднего звеньев были: учащимися – 5 чел., служащими – 4 чел., интеллигентами – 4 чел., рабочими – 3 чел., профессиональными революционерами – 1 чел. Среди управленцев младшего звена и специалистов (есть сведения только по членам партии, отсутствуют данные на сотрудников реформировавшегося Экономического управления и младших сотрудников Особого и Специального отделов) служащими были 113 чел., рабочими – 101 чел., учащимися – 35 чел., интеллигентами – 18 чел., крестьянами – 10 чел., ремесленниками – 2 чел., профессиональными революционерами – 1 чел., не указано – 23 чел.¹⁶⁰ Как можно видеть, социальный состав чекистского руководства остался примерно тем же, что и в 1918 г. Существенных изменений не претерпел и социальный состав работников более низкого звена, за исключением некоторого увеличения доли рабочих и крестьян большей частью за счет бывших красноармейцев¹⁶¹. Соответственно, примерно на таком же уровне, что и в 1918 г., остался образовательный уровень чекистов. Если среди старшего управленческого персонала с высшим и незаконченным высшим образованием было 7 чел., со средним и неполным средним – 5 чел., с начальным – 3 чел. и самоучкой был 1 чел., то среди младших руководящих работников и специалистов (имеются данные по коммунистам Управделами, АОУ, СО, ТО, ИНО, ИНФО и ОО [последний отдел без рядовых сотрудников]) аналогичный показатель равнялся соответственно – 14, 81, 98, 1 и 21¹⁶².

На протяжении Гражданской войны из-за сохранявшегося дефицита кадров и мобилизаций коммунистов на фронт большевистскому руководству не удалось увеличить в ВЧК процент членов партии. В сентябре 1918 г. из 589 сотрудни-

ков ВЧК, чьи анкеты сохранились в материалах переписи служащих, коммунистами были 344 чел. (60%)¹⁶³. В июне же 1920 г. из приблизительно 723 работников ВЧК (без Особого отдела) в партии состояли 255 чел., что составляло 35%, а из примерно 320 сотрудников Особого отдела коммунистами были 162 чел., то есть около 50%¹⁶⁴. Таким образом, в процентном отношении партийная прослойка центрального аппарата ВЧК даже сократилась.

В циркулярном письме ЦК РКП(б) местным парторганизациям от 20 декабря 1920 г. говорилось: «...Только тогда работники ЧК будут достигать положительных результатов и не вызывать вполне справедливых подчас нареканий, когда на всех ответственных постах там будут находиться коммунисты, вполне сознательные бойцы за рабоче-крестьянскую власть. А этого в настоящее время нет, и многие ответственные работы, например работу следователей, приходится поручать беспартийным»¹⁶⁵.

Попытка заменить беспартийных следственных работников на партийных, пусть и менее квалифицированных в области юриспруденции, была предпринята в середине 1920 г. Из-за крайней нужды в работниках зампред ВЧК И.К. Ксенофонов и секретарь при Президиуме Н.Н. Мещеряков обратились в ЦК с просьбой командировать в распоряжение ВЧК 100 выпускников Комуниверситета им. Свердлова, главным образом для ведения работы следователей¹⁶⁶. Комвузы, особенно Университет им. Свердлова, в тот период были важными источниками пополнения кадров партийного и советского аппарата. Их распределением занимался Учраспредотдел ЦК, и многие ведомства подавали туда заявки на определенное количество выпускников. Часть запрашиваемых чекистским руководством выпускников определенно предназначалась для центрального аппарата. К сожалению, отсутствуют сведения о том, сколько из требуемых работников было откомандировано в ВЧК.

Серьезные шаги к тому, чтобы при подборе чекистских кадров в основном выдвигались коммунисты, были сделаны руководством госбезопасности сначала в декабре 1920 г., а затем в мае 1921 г. В декабре 1920 г. в кадровой инструкции указывалось, что для приема в ВЧК к личному рапорту наряду с документами с последнего места службы и об отношении к воинской повинности, рекомендациями и заполненным анкетным листом из отделения личного состава Управделами должны были прилагаться партийные документы¹⁶⁷. Прика-

зом ВЧК от 21 мая 1921 г. при зачислении на службу требовалось в обязательном порядке либо направление партийного комитета, либо две рекомендации членов РКП со стажем не менее одного года¹⁶⁸. Этим шагом серьезно ограничивалось поступление в ВЧК беспартийных, поскольку вероятность того, чтобы тот или иной партком рекомендовал лицо, не состоящее в РКП или комсомоле, была чрезвычайно мала.

30 июля 1921 г. на заседании бюро ячейки РКП было решено выяснить у руководства ВЧК, какие ответственные посты могут заниматься беспартийными, которых заменить на коммунистов лишь желательно, а какие не могут заниматься беспартийными вообще¹⁷⁹.

20 августа 1921 г. по докладу начальника Административного отдела ВЧК Л.М. Брагинского бюро ячейки постановило, что пост помощника начальника Следственной части при Президуме ВЧК не может быть занят беспартийным. Кроме того, было решено к следующему заседанию бюро представить список ответственных работников-беспартийных, подлежащих замене коммунистами, а чекистским парттройкам предложено выделить коммунистов, могущих занимать более ответственные посты, и список таковых представить в бюро ячейки¹⁷⁰. В нашем распоряжении нет данных, было ли это решение реализовано и насколько полно. Однако само решение свидетельствует о продолжении политики замещения ответственных должностей членами большевистской партии.

Так, согласно разработанному летом 1921 г. положению о войсках ВЧК, коммунистами должны быть руководители следующих подразделений Управления войск: Штаба, Оперативного и Разведывательно-информационного отделений, Административно-строевого отдела, Организационного отделения, Инспекторского отдела¹⁷¹. Следует отметить, что коммунисты, занимавшие ответственные должности в Управлении войск ВЧК, как правило, были членами партии с периода революции и Гражданской войны. Объяснялось это тем, что на этих постах требовались не революционеры-подпольщики, знающие методы работы царских охранных структур, а кадровые военные. Многие из них были офицерами еще в царской армии, что, как правило, исключало их участие в революционном движении. Так, 17 июля 1921 г. начальником инспекторского отдела Управления чекистских войск был назначен Ю.Ю. Аплот – бывший офицер царской армии, уже будучи начальником штаба дивизии Красной Армии вступивший в партию в августе 1918 г.¹⁷² Назначенный в ноябре 1921 г. на-

чальником отдела службы войск К.А. Батманов Первую мировую войну встретил студентом Московского Высшего технического училища. Уйдя в армию, он закончил Алексеевское военное училище и был выпущен в звании подпоручика. Сразу же после Февральской революции он вступил в большевистскую партию и в начале 1918 г. стал начальником боевой дружины бакинской организации РСДРП(б) и членом местного ревкома¹⁷³.

После образования ГПУ наибольший процент членов партии был сконцентрирован в Иностранном и Секретном отделах, осуществлявших функции внешней разведки и политического розыска¹⁷⁴. Таким образом, после окончания Гражданской войны большевикам в наиболее важных в политическом отношении подразделениях удалось реализовать принцип подбора на службу чекистских кадров, который наиболее ясно сформулировал Ф.Э. Дзержинский: «Если приходится выбирать между безусловно нашим человеком, но не совсем способным, и не совсем нашим, но более способным, у нас, в ЧК, необходимо оставить первого»¹⁷⁵.

Как изменился за время Гражданской войны состав коммунистов-чекистов по партийному стажу? Ответ на этот вопрос может дать анализ списков партячек ВЧК (без ячейки Особого отдела) на июнь 1920 г., где приводятся сведения о партстаже их членов. Согласно списку, состав членов партии – управленцев и специалистов ВЧК по стажу был следующим: старейшие (до 1905 г.) – 7 чел. (5,5%), с 1905–1916 гг. – 25 чел. (19,7%), с 1917 г. – 37 чел. (29,1%), с 1918–1920 гг. – 56 чел. (44,1%), не установлено – 2 чел.¹⁷⁶ Таким образом, за два года существенно изменился партстаж чекистов. Подавляющее их большинство вступило в партию уже в годы Гражданской войны. Мы можем констатировать, что к концу Гражданской войны поколение революционеров сменилось послеоктябрьскими коммунистами, это было связано с некоторыми факторами. Во-первых, сыграла роль передача опыта разведывательной работы профессиональными революционерами молодым сотрудникам, многие из которых до поступления в ВЧК служили в Красной Армии и чекистских войсках, где прием в партию был значительно облегчен. Еще одну причину предположил А. Терне в вышедшей за границу в начале 1920-х гг. книге впечатлений о Советской России. Говоря о коммунистах-чекистах, он писал: «Контингент чрезвычайек вербуются исключительно из коммунистов, и к тому же из числа записавшихся в партию начиная лишь с 1918 г. и

позднее», объясняя это тем, что «революция открыла в партию дверь карьеристам, для которых служба в чека представлялась теплым местечком»¹⁷⁷. Частично с ним согласен и М. Паттерсон, писавший, что многие из чекистов, вступивших в партию в 1917 г. и позднее, были простыми карьеристами и приспособленцами, однако при этом подчеркивавший, что это всего лишь предположение¹⁷⁸.

Несомненно, в какой-то мере это утверждение является справедливым. Однако, по нашему мнению, основная причина все же состояла в указанной выше передаче чекистского опыта от старых партийцев-подпольщиков молодым коммунистам.

Изгнание карьеристов и примазавшихся элементов, а также общее укрепление партийной прослойки среди ответственных работников и специалистов советских учреждений, в том числе и ВЧК, была призвана осуществить партийная «чистка», решение о которой приняли ЦК и ЦКК в июне 1921 г. ЦК нацелил парткомы на то, чтобы в чекистских органах остались наиболее подготовленные коммунисты, понимавшие сущность нэпа и необходимость новых приемов с учетом перехода от войны к миру¹⁷⁹.

«Чисткой» партячейки ВЧК–МЧК в отличие от ячеек других учреждений районная проверочная комиссия (Городского райкома партии) занималась лишь частично. Проверку части сотрудников, особенно ведущих подразделений, проводила Московская губернская проверочная комиссия. Она тщательно изучала биографию каждого проверявшегося, и этот процесс затянулся на несколько месяцев. 21 октября 1921 г. зампред ВЧК И.С. Уншлихт в письме председателю Центропроверкома П.А. Залуцкому отмечал, что с начала «чистки» (14 сентября) до момента написания письма проверено только 600 чел., а осталось 700, и такой медленный темп нервирует сотрудников и разваливает чекистский аппарат. Уншлихт просил в интересах работы ускорить всю процедуру и устранить ненужное конспирирование постановления проверочной комиссии¹⁸⁰. Партийная «чистка» 1921 г. явилась новым серьезным шагом к установлению контроля партийного руководства за кадровым составом карательных органов.

Во время «партчистки» осени 1921 г. в числе исключенных были даже руководящие работники ВЧК, например помощник начальника Экономического управления, член большевистской партии с 1905 г. А.С. Сонье-Доманский (исключен «как сомнительный элемент») и начальник Санчасти, член

партии с 1918 г. (участник социал-демократического движения с 1903 г.) М.Г. Кушнер (исключен «как балласт»)^{181,*}. Подобные обвинения были предъявлены и другим исключенным, а члену партии с 1921 г. М.А. Додзину наряду с обвинением в том, что он «сомнительный элемент», в вину было поставлено и прошлое пребывание в другой партии, поскольку в 1917–1918 гг. Додзин был левым эсером¹⁸². Впрочем, вскоре некоторые исключенные, как, например, А.С. Сонье-Доманский, вышестоящими партийными организациями были восстановлены, но и многие из тех, кто остался вне партии, продолжали чекистскую службу, причем некоторые, как М.Г. Кушнер, – без понижения в должности. В отношении М.Г. Кушнера свою роль, скорее всего, сыграл личный момент. Дело в том, что с декабря 1918 по май 1919 г. он работал на ответственной должности в Высшей военной инспекции, заместителем председателя которой был Г.Г. Ягода. В частности, Ягода подписывал положительную характеристику М.Г. Кушнеру при его переходе в мае 1919 г. в Московское окружное военно-санитарное управление^{183,**}. Ягода же в начале 1921 г. уже в качестве управделами ВЧК способствовал назначению своего бывшего подчиненного на должность начальника Санчасти ВЧК, тем более что Кушнер уже занимал этот пост в сентябре-декабре 1918 г. По всей вероятности, покровительство Г.Г. Ягоды и стало причиной его оставления во главе чекистского подразделения, хотя и вспомогательного. Это еще раз подтверждает, что в тот период зачастую решающим критерием для нахождения на чекистской работе сотрудника, остававшегося вне партии, были не только политическая значимость его подразделения и ценность данного человека как работника, но и покровительство какого-либо высокопоставленного лица. Свою роль играли и мотивы исключения из партии того или иного сотрудника. Согласно директиве ЦК РКП, исключенные во время «чистки» за какое-либо уголовное и политическое преступление, открывшееся при проверке, лишались права находиться на ответственной советской работе; исключенные же просто как «обывательские элемен-

---

* Сонье-Доманский являлся сыном польского дипломата С. Патека, в 1918–1919 гг. – министра, и поддерживал дружбу с некоторыми деятелями Польши.

** При этом нужно отметить, что предшественник Кушнера врач Р.Б. Гиршфельдт, возглавлявший отдел в 1920–1921 гг., в партии вообще никогда не состоял.

ты» в случае их лояльности к Советской власти могли остаться на службе¹⁸⁴.

А.М. Плеханов пишет, что при приеме в чекистские органы лиц, ранее состоявших в оппозиционных большевикам партиях, играло роль то обстоятельство, что эти люди хорошо знали специфику и особенности этих партий и могли более успешно бороться со своими вчерашними соратниками¹⁸⁵. Однако, с нашей точки зрения, такой подход является несколько упрощенным и однобоким. Чтобы понять мотивы принятия в ВЧК того или иного бывшего члена небольшевистской партии, нужно знать обстоятельства поступления, а также функцию подразделения, в котором он начал службу, и характер выполнявшейся им в нем работы. Исходя из этих факторов, условно можно выделить три группы таких лиц.

К первой можно отнести тех, чье пребывание в небольшевистской партии не сыграло ощутимой роли в их поступлении на службу в ВЧК. Многие из этих лиц порвали со своей партийной средой еще до октября 1917 г. и к моменту начала чекистской карьеры уже состояли в РКП(б). Одним из них был руководящий работник ряда чекистских отделов С.А. Басов-Верхоянцев. В 1887 г., в 18-летнем возрасте, он начал революционную деятельность в народовольческом кружке, находясь в эмиграции в Париже, вступил в Боевую организацию эсеров. После начала первой русской революции Басов-Верхоянцев приехал в Петроград, участвовал в подготовке покушения на министра юстиции М.В. Муравьева, затем занимался литературной работой, был автором революционных памфлетов, а после 1917 г. сотрудничал в левозсеровской прессе. В феврале 1919 г. Басов-Верхоянцев на короткое время был арестован Петроградской ЧК по проводимому под руководством начальника Следчасти С.А. Байковского (в 1922 г. он заведовал Юристоконсультнтским отделением уже в центральном чекистском аппарате) делу о левозсеровском кружке Р.В. Иванова-Разумника (по этому делу тогда же арестовывался А.А. Блок), но затем, работая в Петроградском Совете профсоюзов, вступил в РКП(б). С осени 1919 г. Басов-Верхоянцев работал в системе Наркомата путей сообщения и в мае 1920 г. был направлен на работу в ВЧК, где являлся начальником отделения Особого отдела, находился в длительной спецкомандировке на Дальнем Востоке. В конце 1921 г. как литературного работника, владеющего иностранными языками и до революции некоторое время учившегося в парижской Высшей школе общественных наук, С.А. Басова-Верхоянцева пе-

ревели в Информационный отдел ВЧК начальником Отделения иностранной регистрации, где он проработал до своего перевода политредактором в Наркомпрос в ноябре 1925 г.¹⁸⁶

Другим примером данной категории выходцев из меньшевистских партий является Л.М. Брагинский. Член партии социалистов-революционеров с 1904 г., Брагинский в 1918 г. стал членом ВЦИК от левых эсеров и одновременно работал в НКВД, занимая должность председателя Контрольно-ревизионной коллегии, где в числе других вопросов проводил инспектирование органов ЧК, в восстании 6 июля он не участвовал. Принятый по рекомендации наркома внутренних дел Г.И. Петровского в РКП(б) в январе 1919 г., Брагинский спустя некоторое время был переведен на ответственную работу в Высшую военную инспекцию, заместителем начальника которой в то время был Г.Г. Ягода. Спустя три месяца после назначения последнего управделами Особого отдела в декабре 1919 г. Брагинский стал помощником начальника его административного подразделения, а в середине 1920 г. возглавил Адмотдел всей ВЧК¹⁸⁷. В конце 1921 г., во время «чистки» РКП(б), когда встал вопрос о пребывании Л.М. Брагинского в партии, Ф.Э. Дзержинский написал в Центропроверком за него поручительство, в котором указывал, что Брагинский за время его двухлетней чекистской службы показал себя как деловой работник и партийный товарищ и что «его бывшее эсерство абсолютно не сказывается в его работе», в результате чего тот был оставлен в большевистской партии¹⁸⁸. Таким образом, в назначении Л.М. Брагинского на ответственные должности в ВЧК сыграли роль неоднократно доказанная им лояльность к большевистскому режиму, знание чекистской деятельности со времен работы в НКВД и совместная служба с Г.Г. Ягодой.

Так, В.И. Плятт, в декабре 1919 г. – апреле 1921 г. руководивший Оперотделом Управления Особого отдела, еще будучи гимназистом, в 1904 г. вступил в партию эсеров, но в 1913 г., находясь в эмиграции, отошел от партийной деятельности, вернувшись в Россию летом 1917 г., примкнул к большевикам¹⁸⁹.

Вторую группу составляли лица – большей частью выходцы из левозерсовской партии, чей опыт боевой и подпольной работы был затребован в первую очередь для внешней разведывательной деятельности.

19 января 1921 г. Дзержинский отправил Предсовнаркома УССР Х.Г. Раковскому письмо следующего содержания: «Ко

мне несколько раз обращались добровольцы из б. эсеров (разных толков) с предложением убить Савинкова. Я отклонял эти предложения, так как считаю, что такая авантюра нам никогда никакой пользы причинить не может, а может быть санкцией для их актов против наших товарищей. Но второе их предложение – наблюдение за Керенским, Зензиновым, Черновым и др. – вполне приемлемо, и желательно, если это люди для этого подходящи. Может быть, им пройти через фильтр Манцева* и приехать к нам в Москву для дальнейшего направления за границу»¹⁹⁰.

Указанная возможность представилась уже спустя считанные дни. 1 февраля помощник начальника Регистрационного (разведывательного) управления Полевого штаба РВСР А.М. Устинов, в прошлом член ЦК партии левых эсеров, входивший от этой организации в Президиум ВЦИК, направил в Оргбюро ЦК РКП Н.Н. Крестинскому служебную записку, в которой просил откомандировать из Харькова и Киева для работы по линии военной разведки в Галиции, Румынии, Болгарии и Греции 7 членов Компартии Украины, в том числе Н.Н. Алексеева, И.В. Запорожца, М.С. Горба. В прошлом все они были левыми эсерами и левыми эсерами-борьбистами. «Почти все вышеозначенные товарищи, – писал Устинов, – подпольщики и боевики времени господства германцев и гетманщины на Украине». Оргбюро согласилось передать в распоряжение Региструпра большинство из указанных им лиц¹⁹¹. Однако приезд украинской группы в апреле 1921 г. совпал с формированием штатов Иностранного отдела ВЧК и подбором для него квалифицированных кадров, в результате чего Алексеев, Горб и Запорожец были переведены в чекистское ведомство**.

---

* В то время он был руководителем чекистов Украины.

** Левый эсер, а затем большевик, во время Гражданской войны командир левоэсеровского партизанского отряда И.В. Запорожец (Гарькавый) писал в своей автобиографии с 1918 по 1920 г. : «Командированный в распоряжение Разведупра, я, впрочем, не работал в нем, т.к. вся та группа, с которой я и был послан в Разведупр, вскоре была перечислена в Иностранный отдел ВЧК, откуда всех нас в мае 1921 года бросили на секретную работу за кордон. За кордоном я проработал до ноября месяца того же года и за этот промежуток времени фактически выполнил те задачи, которые были возложены на меня. При первом моем посещении в конце ноября 1921 года Москвы с целью отчета я был оставлен в ИНО ВЧК в качестве официального ра-

Другим примером из этой группы выходцев из небольшевистской партии – чекистов центрального аппарата являлся секретарь Адмчасти Особого отдела, а затем Адморгупра всей ВЧК Я.И. Серебрянский, с 1908 по начало 1919 г. состоявший в ПСР, после 1917 г. активно работавший в ее Бакинской организации. В июне 1920 г. Я.Г. Блюмкин, служивший военкомом штаба Персидской Красной армии, способствовал поступлению Серебрянского в только что созданный ее Особый отдел. Тут, по всей видимости, роль сыграло то, что вряд ли в Реште можно было найти много профессиональных революционеров, знакомых с методами конспирации, составивших костяк ВЧК. Когда в начале августа 1920 г. под натиском шахских войск Персидская Красная армия отступила в Советский Азербайджан и ее Особый отдел был эвакуирован, Блюмкин с Серебрянским отправились в Москву, где последний поступил на службу в Управление Особых отделов, а 21 сентября был назначен секретарем Административно-организационного отдела. Служба Серебрянского в центральном аппарате ВЧК продлилась недолго – 26 августа 1921 г. он уволился.

Один из его коллег по Бакинской эсеровской организации, Я.И. Штерин (Штерн), писал 10 августа однопартийцу о Серебрянском, что «он с места своей службы (ВЧК. – О.К.) ушел, поступил учиться (в Электротехнический институт. – О.К.), хочет стать инженером радио-телеграфа. До сегодняшнего дня представляет, говорит свои бредни, что он “народник-коммунист” и что он в коммунистической партии не состоит»¹⁹². Стоит, однако, отметить, что отколовшиеся летом 1918 г. от левых эсеров народники-коммунисты во главе со своими лидерами, в том числе Г.Д. Заксом, объявили о самороспуске и переходе в РКП(б) еще в ноябре 1918 г. Таким образом, серьезное «полевение» эсера Серебрянского относится только к началу 1920-х гг., и он фактически являлся сторонником другой партии, даже находясь на чекистской службе в 1921 г., что к тому времени было для него уже отнюдь не безопасно, хотя, естественно, от сослуживцев по ВЧК он свои политические взгляды скрывал. Вместе с тем в де-

---

ботника-уполномоченного» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 40284. Л. 8). Вернувшись из командировки, стали штатными сотрудниками Иностранного отдела с 1914 по 1920 г. эсер и левый эсер М.С. Горб (Розман), а также эсер и левый эсер с 1910 по 1920 г. Н.Н. Алексеев.

кабре 1921 г., зайдя к старому товарищу по правозэсеровской партии Д.М. Абезгаузу, Серебрянский попал в засаду, устроенную чекистами и 4 месяца просидел в тюрьме. 29 марта 1922 г. Президиум ГПУ, рассмотрев вопрос о принадлежности Серебрянского к правым эсерам, вынес решение: из-под стражи освободить, но взять на учет и лишить права работать в политических, розыскных и судебных органах, а также в Наркомате иностранных дел. Но в октябре 1923 г., работая в редакции «Известий», он окончательно перешел на большевистские позиции, вступив кандидатом в члены ВКП(б), а в ноябре Блюмкин, собиравшийся по линии внешней разведки на нелегальную работу в Палестину, выбрал в качестве помощника Серебрянского. Чекистское руководство же, как бы забыв о своем недавнем решении, сняло с оперативного учета бывшего эсера и зачислило Серебрянского особоуполномоченным в Закордонную часть Иностранного отдела ГПУ¹⁹³.

Наконец, третью группу составляли лица, чьи знания специфики и особенностей партий их бывшего пребывания, а также их старые партийные связи, могли использоваться чекистами для борьбы с этими партиями. Однако анализ биографий сотрудников ВЧК – выходцев из небольшевистских партий подводит к выводу, что таких были единицы. Дело в том, что многие из чекистских секретных сотрудников в рядах политпартий были «засвечены» и скомпрометированы в глазах партийных товарищей и продуктивно работать на этом направлении уже не могли. С другой стороны, часто чекистские руководители им недостаточно доверяли, опасаясь, что, став кадровыми чекистами, они, используя свою должность, будут, наоборот, своим бывшим соратникам помогать. Поэтому крайне немногие из агентов ВЧК, завербованных из числа членов небольшевистских партий, затем продолжили эту свою деятельность уже в качестве штатных работников. Одним из них был анархо-коммунист с января 1918 г. П.М. Шестеркин. В 1919 г. он входил в боевую группу московской организации анархистов подполья, принимал участие в экспроприации «Союза кооперативов» в Туле¹⁹⁴. В ноябре 1919 г. Шестеркин был арестован в МЧК¹⁹⁵. Неучастие его в организованном анархистами подполья взрыве здания МК РКП в Леонтьевском переулке и знание всех его участников, а также пребывание до января 1918 г. в большевистской партии дали повод чекистам для его перевербовки в тюрьме. Кроме того, важным фактором привлечения к сотрудничеству Шестеркина, по всей видимости, была состоявшаяся неза-

долго до этого вербовка его жены В.Н. Кузнеченко, также члена анархистской организации. После своего освобождения в начале декабря он под фамилией Сидорова стал штатным сотрудником – комиссаром – МЧК, в качестве которого работал против своих бывших товарищей по партии¹⁹⁶.

Но иногда на приход в ВЧК выходцев из небольшевистских партий, в том числе и на получение ими ответственных должностей, оказывал влияние не один, а несколько факторов. В назначении в сентябре 1920 г. начальником Секретного отдела Т.П. Самсонова (Бабий-Самсонова), всего лишь за полтора года до этого перешедшего от анархистов к большевикам, сыграли роль как большой опыт разведывательной и контрразведывательной работы по линии ВЧК и Наркомвоенна, так и, по всей видимости, хорошее знание деятельности своих бывших товарищей по политическим убеждениям*. Коммунистический стаж Самсонова – руководителя отдела, занимавшегося политическим розыском, исчислялся с февраля 1919 г., тогда как его заместитель А.А. Андреева-Горбунова (урожденная Ашихмина), которую он перевел из Разведуп-

---

* Батрак из Бессарабии, Самсонов еще в период первой русской революции вступил в организацию анархо-коммунистов, участвовал в экспроприациях, хранении и транспортировке нелегальной литературы, был сослан на поселение в Сибирь, откуда бежал за границу. Находясь в Англии, он также активно участвовал в анархистском движении. Вернулся в Россию осенью 1917 г., во время наступления чехословацких войск весной 1918 г. Самсонов поступил на службу в Отдел военного контроля 3-й армии Восточного фронта, где за полгода прошел путь от инструктора до начальника отдела и при реорганизации в январе 1919 г. Военконтроля в Особый отдел ВЧК 3-й армии остался на посту начальника отдела. Здесь, уже являясь чекистом, в феврале 1919 г. Самсонов заявил о переходе от анархо-коммунистов в РКП(б). Спустя три месяца он был отозван по инициативе Ф.Э. Дзержинского в Москву и назначен начальником только что созданного в МЧК Особого отдела и членом Коллегии МЧК. Летом 1919 г. его командировали для ведения нелегальной работы по линии военной разведки в родную Бессарабию, по возвращении из которой Самсонов был назначен заместителем Регистрационного управления Красной Армии. Наконец, в сентябре 1920 г. по предложению Ф.Э. Дзержинского Самсонова назначили начальником Секретного отдела ВЧК, одним из направлений деятельности которого была работа против анархистов (ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 1785. Л. 5–6, 14).

правления осенью 1921 г., состояла в партии с 1905 г., а другой заместитель, Я.С. Агранов – с 1915 г. (ранее с 1912 г. он был эсером).

Если выходцев из социалистических партий на работу в ВЧК, в том числе на руководящие должности, допускали, то с привлечением на чекистскую службу другой категории лиц, сомнительных с точки зрения большевиков, – специалистов бывшего Департамента полиции, дело обстояло иначе. Еще в период Гражданской войны в антибольшевистских кругах родилась, а в 1920-е гг. получила распространение версия о якобы широком сотрудничестве в главном советском карательном органе специалистов дореволюционного политического сыска. Так, советник посольства СССР в Стокгольме С.В. Дмитриевский, в 1930 г. попросивший политического убежища, говорил об активном участии в работе чекистского ведомства бывших штатных и секретных сотрудников Департамента полиции. «Да и заведомых провокаторов, – писал Дмитриевский, – ГПУ ничтоже сумняшеся использует у себя, как использует старых охранников и полицейских...»¹⁹⁷ Другой эмигрантский автор – журналист, арестовывавшийся ВЧК, Г. Попов – в вышедшей в 1925 г. в Лондоне книге «ЧК: Красная инквизиция» вообще утверждал, что «не без основания считается, что 50% чекистов – бывшие жандармы и агенты охранки»¹⁹⁸. Последнее утверждение уже явно ни на чем не основано. Сотрудники Департамента полиции принимались на службу лишь в крайне редких случаях в качестве специалистов по дешифровальному делу. Так, В.И. Кривош-Неманич, до революции служивший переводчиком-дешифровщиком в Секретном отделении Департамента полиции, с июля 1919 г. на этой же должности начал работать в Особом отделе ВЧК, а после образования в начале 1921 г. Специального отдела, занимавшегося шифровальной и дешифровальной работой, был переведен туда в качестве эксперта¹⁹⁹. В этом же подразделении в 1920-е гг. служил другой бывший дешифровальщик из Департамента полиции – И.А. Зыбин²⁰⁰.

Возможно, отдельные представители царского Департамента полиции могли использоваться чекистами в качестве консультантов и без приема в штат. Член военной организации «Тактического центра» князь С.Е. Трубецкой, в январе 1920 г. арестованный ВЧК, впоследствии вспоминал, что ему довелось сидеть в камере с бывшим полицейским чином, которого как незаменимого специалиста даже из тюрьмы ежедневно возили работать в уголовный розыск²⁰¹. Сложно допустить,

Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК

*Я.Х. Петерс – заместитель
председателя ВЧК*

*И.С. Уншлихт – заместитель
председателя ВЧК*

*В.Р. Менжинский – член Коллегии
ВЧК, затем председатель ОГПУ*

*Председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский и заместитель
председателя ВЧК И.К. Ксенофонтов, 1919 г.*

В.А. Аванесов – член Коллегии ВЧК

*М.С. Кедров – в 1919 г. член Коллегии
и начальник Особого отдела ВЧК*

В.В. Фомин – член Коллегии ВЧК

С.Г. Уралов – член Коллегии ВЧК

*И.И. Ильин – секретарь и
член Коллегии ВЧК*

*М.Я. Лацис (Судрабс) –
член Коллегии ВЧК, председатель
Всеукраинской ЧК в 1919 г.*

Коллегия ВЧК, 1919 г.

*Слева направо: Уралов, Дзержинский, Валобуев (сидит),
Васильев-Южин, Савинов, Ксенофонтов, Мороз*

*Ф.Э. Дзержинский и В.Н. Манцев с группой чекистов.
Фото из архива Ф.Я. Березина*

Ответственные сотрудники ВЧК.

Фото из архива Ф.Я. Березина

Стоят слева направо: Уткин, неизвестен, неизвестен, Я.Д. Березин, А.Х. Артузов, Г.В. Хрусталеv, Г.К. Сорокин (курьер), И.П. Павлуновский, В.Л. Герсон, М.С. Кедров, Г.И. Благодравов, неизвестен, неизвестен.

Сидят слева направо: М.Я. Лацис, А.Я. Беленький, Г.Г. Ягода, В.Р. Менжинский, Ф.Э. Дзержинский, И.С. Уншлихт, В.Н. Манцев.

Сидят на полу слева направо: неизвестен, С.А. Мессинг, неизвестен, С.Ф. Реденс, Г.И. Бокий.

*С.Г. Могилевский – начальник
ИНО ВЧК при СНК РСФСР*

*Я.Х. Давтян (Давыдов) – начальник
ИНО ВЧК при СНК РСФСР*

*Г.И. Благодоров – начальник
Транспортного отдела ВЧК*

*И. Цивцивадзе – зампред
Мострибунала*

*В.Н. Манцев – председатель
МЧК, член Коллегии ВЧК*

*С.А. Мессинг – председатель
Петроградской ЧК*

*Я.И. Серебрянский – начальник
Административно-оперативного
отдела ВЧК.*

Фото из архива автора, 1945 г.

Т.П. Самсонов (Бабий)

А.Х. Артузов

*П.Ф. Сидоров-Шестёркин,
середина 1930-х гг.*

*А.Я. Поляков – командир
отряда чекистов*

Р.А. Пилляр

В.Н. Яковлева

Я.Я. Буйкис

Коллегия МЧК в 1918 г.

*Сидят слева направо: В.Н. Манцев, Н.А. Рославец,
Ф.Э. Дзержинский, А.Г. Глузман, В.Н. Николаев.
Стоят: С.А. Мессинг, Е.Г. Евдокимов, Я.Д. Березин*

Типы рядовых чекистов, 1921–1922 гг.

*Вениамин Вениаминович Литицкий,
в 1918 г. заместитель
начальника Отдела по борьбе
с контрреволюцией ВЧК*

*Осип Брик, в начале 1920-х гг. —
следователь МЧК*

*Ян Янович Фогель, в 1918 г.
следователь ВЧК (фото 1944 г.)*

что даже в отдельных случаях аналогичным образом дело обстояло и с бывшими сотрудниками политического сыска*. Однако следует учесть, что подавляющее большинство сотрудников спецслужб дореволюционной России являлись принципиальными противниками Советской власти, и потому их нельзя было привлечь для работы в органе, эту власть охраняющем. Помимо сотрудников царской охраны, с ее

---

* В литературе встречается утверждение о службе в чекистском учреждении бывшего начальника Корпуса жандармов В.Ф. Джунковского (см., например: *А.Л. Литвин. Красный и белый террор в России. С. 72*). Однако версию о его службе в ВЧК опровергает письмо в ЦК зампреда ВЧК И.С. Уншлихта и заместителя начальника Следчасти А.А. Холшевникова от 23 сентября 1921 г. следующего содержания: «По постановлению Президиума ВЦИК подлежал освобождению гр. Джунковский, быв. тов. министра внутренних дел при царе, б. генерал "свиты его величества" и б. шеф жандармов. Согласно ходатайства ВЧК Президиум ВЦИК временно приостановил исполнение своего постановления впредь до окончательного разрешения этого вопроса. Резкое изменение нашего курса экономической политики не могло быть сразу усвоено отдельными членами нашей партии и широкими рабочими массами и внесло некоторое смущение, освобождение же таких сознательных контрреволюционеров, как Джунковский, возглавлявший царскую жандармерию и в течение ряда лет душивший всякое проявление свободной мысли, в то время как до сего времени производились аресты аресты с-р. и меньшевиков, безусловно, может быть понято широкими пролетарскими массами как столь же резкое изменение нашего политического курса. ВЧК, учитывая все вредные последствия освобождения подобных лиц, просит ЦК РКП рассмотреть вопрос об освобождении гр. Джунковского и вынести по нему свое решение, о каковом поставить в известность ВЧК» (РГАСПИ. Ф.17. Оп. 35. Д. 372. Л. 1–2).

По нашему мнению, ближе всех к истине по вопросу о взаимоотношениях В.Ф. Джунковского с чекистскими органами подошла Дунаева, сообщая на основе архивно-следственного дела, что он несколько раз приглашался для консультаций в разные подразделения ОГПУ в конце 1920 – начале 1930-х гг. (*Дунаева А.Ю. Реформы полиции в России начала XX века и Владимир Федорович Джунковский. М., 2012. С. 303–304*). Однако само по себе консультирование чекистского ведомства по тому или иному вопросу еще не означало вербовку его в секретные сотрудники и, тем более, принятия в кадры даже в указанное время, а уж тем более в период ВЧК, когда он находился в заключении.

методами могли быть знакомы только революционеры-подпольщики. Это явилось одной из главных причин ставки, сделанной советским руководством на коммунистов с большим подпольным стажем. Неслучайно Ленин предлагал назначать на ответственную работу в ВЧК коммунистов, не только хорошо разбиравшихся в вопросах политики, но и обладавших опытом борьбы против царской охранки^{202, *}.

Однако они далеко не во всем могли заменить дореволюционных специалистов. Не случайно отсутствие в 1918 г. опытных криминалистов привело к тому, что осмотр и первичное дознание в немецком посольстве после убийства Мирбаха, носившего не уголовный, а политический характер, вела не ВЧК, а Московская уголовно-розыскная милиция, где таковые имелись^{203, **}.

Подводя итоги эволюции политического состава ВЧК в 1919–1921 гг., можно отметить, что важной чертой этого пери-

---

* Достоверно также известно, что чекисты использовали в своей работе старые полицейские инструкции. В июне 1918 г. на 1-й чекистской конференции Д.Г. Евсеев, в то время инспектор-инструктор Иногороднего отдела, предлагал изучать опыт деятельности спецслужб царской России и взять на вооружение ВЧК многие применявшиеся ими средства, включая агентуру (Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 109). Заместитель директора библиотеки Румянцевского музея известный историк Ю.В. Готье записал в своем дневнике, что 12 октября 1918 г. в музее его посетил заведующий Следственной частью Иногороднего отдела ВЧК Романов (правильно – М.К. Романовский) и просил помочь «найти инструкции или правила для жандармов, чтобы правила эти, видоизменив, приложить к теперешнему хаосу, особенно чувствуемому в иногородних чрезвычайных комиссиях» (Готье Ю.В. Мои заметки. – Вопросы истории, 1991, № 12. С. 148). Но одно дело – в условиях отсутствия каких-либо руководств и теоретических наработок пользоваться при работе жандармскими инструкциями, а другое – приглашать на кадровую службу самих бывших чинов Департамента полиции, что совсем бы шло вразрез с курсом на «социальную чистоту» чекистских органов.

** По чекистской линии следствие по данному делу вел заведующий Уголовным подотделом Отдела должностных преступлений И.А. Визнер, по служебной линии наиболее тесно контактировавший с милицейскими уголовно-розыскными структурами – впоследствии, в январе 1920 г., он возглавит Центрозыск НКВД РСФСР (Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 254; Скоркин К.В. НКВД РСФСР. С. 621).

ода явилось полное отсутствие в ее составе действующих членов меньшевистских партий. Служба же лиц, ранее состоявших в этих партиях, определялась их ценностью как работников, а также покровительством того или иного руководящего чекиста. При этом большая часть работавших в ВЧК выходцев из меньшевистских партий была теми, чье пребывание в этих партиях не сыграло ощутимой роли в их поступлении на чекистскую службу.

Начиная с 1919 г. доля коммунистов в том или ином чекистском подразделении уже стала напрямую зависеть от важности данного подразделения для новой власти. Подбор партийных кадров для отделов, отвечавших за то или иное направление работы, является важной чертой данного периода. Руководящие партийные органы гораздо чаще выполняли заявки чекистского ведомства на присылку работников для органа политического розыска – Секретного отдела, тогда как запросы на сотрудников для контрразведывательного, экономического и других подразделений наталкивались на определенные сложности. В этот период большинство коммунистов, служивших в ВЧК, уже не имели дореволюционного партийного стажа. Это было обусловлено принятием в партию с целью увеличения коммунистической прослойки уже работающих сотрудников, передачей чекистского опыта от первого поколения чекистов новым работникам, а также, возможно, с приходом на выгодную службу лиц, вступивших в партию после победы большевиков по карьерным соображениям.

Чекистские руководители практически не разделяли понятия «диктатура пролетариата» и «диктатура партии». Зампред ВЧК и руководитель ее парторганизации Петерс в конце октября 1918 г. в ответ старому большевику М.С. Ольминскому и другим партийным критикам деятельности чрезвычайных комиссий со страниц ведомственного еженедельника заявил, что ВЧК и ЧК на местах должны быть органом беспощадной диктатуры не только пролетариата, но и партии²⁰⁴. Секретарь Иногородного отдела Мороз, говоря, что «Хозяином ЧК, если можно так выразиться, является пролетариат в целом в лице его партии, ему они ответственны, ему и подконтрольны»²⁰⁵, не отделял партийную власть над своим учреждением от пролетарской. Наконец, в опубликованном «Известиями ВЦИК» 28 января 1919 г. обращении Партколлектива сотрудников ВЧК за подписью Петерса, Ю.Ю. Янель и Ж.Я. Шимкуса, осуждающем критику деятельности чекис-

тов со стороны многих учреждений и коммунистов, говорилось, что ЧК проводили «не свою волю, а постановления и волю пролетариата, его органов власти, его авангарда – коммунистической партии»²⁰⁶.

Однако, несмотря на полную подчиненность ВЧК, по мысли ее руководителей, диктатуре рабочего класса, даже к концу Гражданской войны среди оперативных работников ВЧК по социальному составу доминирующей группой оставались служащие, хотя и произошло определенное изменение социального состава за счет некоторого увеличения рабочей и в меньшей степени крестьянской прослоек. Это во многом было связано с возросшей в условиях Гражданской войны ролью столичных профсоюзов, городских и районных парторганизаций, в которых был высокий процент рабочих. Кроме того, с 1921 г. в ВЧК стали поступать демобилизованные красноармейцы, многие из которых до призыва были рабочими и крестьянами. Свою роль сыграли и начало политики планомерного распределения чекистских кадров, и, соответственно, большая реализация на практике принципа классового подхода. Однако это повлекло за собой дальнейшее снижение образовательного уровня сотрудников. Высокий процент среди чекистов рабочих и низкий образовательный уровень большинства сотрудников заметно отражались на качестве работы, особенно следственной и агентурной. К тому же многие выходцы из пролетариата, попадая на службу в карательный орган, в своей работе руководствовались не знаниями, а классовым самосознанием*.

---

* Характерный тип чекиста-рабочего выведен в образе начальника агентурного отделения губЧК латыша Яна Пепела в написанной в 1923 г., а опубликованной в годы перестройки повести В.Я. Зазубрина «Щепка»: «Вырос на заводе... Перенес в душу железное упорство машины. С завода ушел на войну, а с войны в революцию... Но рабочим остался. И на службе, в кабинете слышал шипящее ползание приводных ремней, щелканье зубчатых колес жизни. В кабинете как в мастерской, за столом как за станком. Писал безграмотно, но быстро... на ходу распоряжения агентам, на ходу два-три слова посетителям. Быстро, быстро. Некогда сидеть, много думать у машины. На полном ходу завод». На вопрос председателя губЧК потомственного интеллигента Андрея Срубова, задумывался ли он над проблемой террора, Пепел ответил: «Я есть рабочий, ви есть интеллигент. У меня есть ненависть, у вас есть философий» (Зазубрин В. Щепка. – Наш современник, 1989, № 9. С. 47).

Однако при этом нельзя сказать, что принадлежность к интеллигенции и наличие высшего, в том числе юридического, образования всегда были залогом грамотной работы на ответственном чекистском посту. Например, потомственный русский дворянин, имевший дипломы врача и юриста, Кедров, руководя Особым отделом, отдавал предпочтение сугубо репрессивным методам, а не серьезной оперативной работе. По его же приказаниям впоследствии проводились массовые и зачастую ничем не обоснованные аресты и расстрелы в Архангельске и Баку. Массовым же террором на Северном Кавказе и в Астрахани руководил выходец из зажиточной армянской семьи, бывший студент Московского университета Г.А. Атарбеков (Атарбемян).

Глава III

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕКИСТСКОГО АППАРАТА

Проблема национального состава чекистских кадров (1917–1918)

Вопрос о том, кем по национальности являются сотрудники карательного органа большевистской партии, от которых нередко зависела человеческая жизнь, интересовал в годы Гражданской войны и простых обывателей, и госслужащих. Так, согласно докладу МЧК по делу сотрудников гаража автобазы Совнаркома, обвинявшихся в ряде должностных преступлений, 18 октября 1918 г. начбазы Ушаков обратился к шоферу машины Дзержинского со следующим вопросом: «Как у вас там, в В.Ч.К., расстреливают, много ли расстреливают, где расстреливают и кто расстреливает? Китайцы ли, или латыши, или русские?..» На что получил ответ, что он не знает¹.

Что касается евреев, то их широкое представительство на чекистской службе обращало на себя особое внимание еще и потому, что в следственных и судебных органах царского правительства евреи полностью отсутствовали, а представители других нерусских народностей были в крайне незначительном числе.

Член «Национального» и «Тактического» центров князь С.Е. Трубецкой в своих воспоминаниях отмечал, что начальниками чекистских тюрем обычно были поляки или латыши, а Отдел по борьбе со спекуляцией, менее опасный и наиболее доходный, находился в руках евреев². Широкое участие иностранцев в ВЧК отмечали представители всех сторон антибольшевистского лагеря – от русских националистов, например В.В. Шульгина, до либералов и социалистов, в том числе и из евреев. Сидевший в чекистских тюрьмах социал-демократ Г.Я. Аронсон писал, что следователи ВЧК большей частью латыши или евреи. Оказавшись в 1921 г. во Внутренней тюрьме ВЧК и увидев в коридоре вооруженного латыша, Аронсон пришел к выводу, что, по-видимому, для большевиков рус-

ские солдаты ненадежны, что «приходится снова прибегать к латышам и китайцам»^{3,*}. Однако многие противники большевиков еврейского происхождения стремились сделать акцент на участии в карательном органе представителей других национальных меньшинств. Так, философ Л. Шевцов (Л.И. Шварцман) в изданной в 1920 г. в эмиграции книге говорил о «латышских чрезвычайках» и «китайских солдатах»⁴. Впрочем, не только противники большевиков, но иногда и члены Компартии из числа евреев стремились подчеркнуть ответственность за чекистские эксцессы представителей других инородцев. Так, большевик с 1915 г., слушатель Института Красной профессуры И.И. Литвинов (Литвин), читавший лекции по общественно-политическим дисциплинам в том числе и в чекистской школе, в феврале 1922 г. во время реорганизации ВЧК в ГПУ, записав в своем дневнике о непринимаемых им ее «диких, варварских приемах», тут же отметил роль «буйанов-латышей» (интересно, что в годы Гражданской войны он руководил еврейской секцией при подпольном Рижском комитете Социал-демократии Латвии)⁵.

А.И. Солженицын в книге, посвященной русско-еврейским отношениям, отмечает большую роль евреев в карательном органе большевиков. Подвергая критике совершенно голословное утверждение, сделанное в 1924 г. эмигрантским публицистом еврейского происхождения Б. Мирским, о том, что «наиретивейшими стрелками в чрезвычайках... являются вовсе не какие-то "Ритуальные евреи", а недавние верные слуги престола, генералы и офицеры», он пишет: «Стали бы их там терпеть, в ЧК. Туда их приглашали только самих под расстрел»; однако тут же замечает, что «те евреи, что служили в ЧК, конечно, были не какие-то "ритуальные", а молодые "идейные" с революционным мусором в голове. Да, наверное, и не стрелками они служили по большей части – а следователями»⁶.

Советские историки, изучавшие деятельность ВЧК, как правило, вообще обходили стороной вопрос о ее националь-

---

* По свидетельству сидевшего в сентябре 1918 г. в «Таганке» одного из лидеров Бунда Р.А. Абрамовича (Рейна), чекистские следователи – сплошь малограмотный и совершенно неопытный народ (почти исключительно латыши и 2–3 еврея) (Рабочее оппозиционное движение в большевистской России 1918 г.: Собрания уполномоченных фабрик и заводов: документы и материалы. М., 2006. С. 483–484).

ном составе. Лишь в очень немногих работах эта тема так или иначе была затронута. Так, А.С. Велидов посвятил одну из глав своей монографии большевистскому принципу «пролетарского интернационализма», на основе которого, по мнению автора, комплектовалась и которым всегда руководствовалась в своей деятельности ВЧК. Свои выводы он подкрепляет данными, приведенными в «Орготчете ВЧК», о национальном составе центрального и местных чекистских органов к концу 1921 г. Согласно этим данным, в ВЧК служило 77% русских, 9% евреев, 3,5% латышей, 3,1% украинцев⁷.

Участие национальных меньшинств в карательном органе большевистской власти особенно обращало на себя внимание в период активного проведения ВЧК репрессивных мер, в частности политики «красного террора». Первым попытался провести анализ национального состава карательного органа периода «красного террора» Л.Ю. Кричевский. В своей статье, посвященной участию евреев в органах ВЧК-ОГПУ, он дает картину национального состава ВЧК в 1918 г. на основе анкет переписи служащих сентября 1918 г.⁸ Кричевский пришел к выводу, что в эпоху «красного террора» национальные меньшинства составляли около 50% центрального аппарата ВЧК, а их доля на ответственных должностях достигала 70%. Автор полагает, что, возможно, евреи и представители других национальных меньшинств были в меньшей степени подвержены общему негативному настрою по отношению к ЧК, поэтому и занимали должности, не пользовавшиеся особой популярностью в партии большевиков⁹. К сожалению, в этой статье допущены серьезные неточности. В частности, автор не вычленил анкеты солдат воинских частей и служащих ведомственного магазина, в центральный аппарат не входивших и сотрудниками ВЧК вообще не являвшихся, поэтому численность представителей нацменьшинств у него получилась несколько приуменьшенной.

Реальную картину национального состава чекистов периода официального «красного террора» на основании анкет Комиссии переписи служащих¹⁰ можно получить только при сопоставлении их с другими, главным образом архивными материалами, так как анкеты, как и подавляющее большинство других биографических документов периода Гражданской войны, не содержат прямых сведений о национальности. Помимо информации из данных анкет (фамилии, имени, отчества, региона, из которого данное лицо прибыло в ВЧК, принадлежности к национальной политической партии или

другой национальной организации), проводилось сопоставление этих сведений с данными из анкет партийных переписей 1922 и 1927 гг.¹¹ Относительно лиц, участвовавших в революционном движении, изучалась картотека Департамента полиции МВД¹². Кроме того, в отношении многих руководящих, следственных и оперативных работников проводилось изучение и других архивных материалов – московских районных комиссий по делам бывших красногвардейцев, личных дел членов Обществ политкаторжан и старых большевиков, партийных номенклатурных дел, регбланков членов ВКП(б), а также наиболее достоверных из опубликованных источников¹³. Следует отметить, что даже документы, в которых указывалась национальность, не всегда могут дать точные сведения об этническом происхождении того или иного лица. Дело в том, что вплоть до конца 1930-х гг. никакого серьезного контроля за указанием в личных документах национальности не велось. Поэтому, например, еврей или литовец – выходец из Польши мог записать себя поляком, а крещенный в православие поляк или еврей, учитывая то, что до революции фиксировалась не национальность, а вероисповедание, назваться русским. Следует также учесть то обстоятельство, что данные переписи сентября 1918 г. не являются на 100% репрезентативными по причине отсутствия анкет многих сотрудников*. Поэтому дать точную картину национального состава ВЧК невозможно, но основные тенденции просматриваются верно.

На 25 сентября 1918 г., по данным анкет, среди 372 сотрудников управленческого, следственного, оперативного,

---

* Достаточно сказать, что отсутствовали анкеты сотрудников, о чьей службе в этот период в ВЧК известно из достоверных источников: русских – членов Комиссии В.В. Фомина, А.И. Пузырева и И.Н. Полукарова, заведующего Регбюро Контрреволюционного отдела Д.Г. Евсеева, латышей – замначальника Контрреволюционного отдела Я.Я. Закиса, зав. Инструкторской части Ю.Ю. Янель и зав. Информационного бюро Иногородного отдела и Я.Ю. Клявина, члена Контрольно-ревизионной коллегии Э.Э. Линде, комиссара Контрреволюционного отдела Я.Я. Спрогиса, коменданта Я.М. Дабола, евреев – члена Контрольно-ревизионной коллегии А.И. Ротенберга, зав. Уголовным подотделом Отдела должностных преступлений И.А. Визнера, Х.В. Пинеса – вероятного заведующего Следчастью Спекулятивного отдела, поляка Э.А. Прухняка и эстонца В.Э. Кингисеппа – следователей при Президиуме и др.

надзорного, канцелярского и административно-хозяйственного персонала было 179 (48,1%) латышей, 113 (30,4%) русских (включая украинцев и белорусов), 35 (9,4%) евреев, 23 (6,2%) поляка и литовца, 4 (1,1%) немца, 3 (0,8%) финна, 2 (0,5%) эстонец, 1 (0,4%) француз, 1 (0,4%) грек, не установленных – 11 (2,1%)¹⁴. Таким образом, до 70% сотрудников центрального аппарата ВЧК (без учета обслуживающего персонала) были представителями национальных меньшинств. Хотя эти данные нельзя в полной мере считать репрезентативными, они подводят к выводу о том, что доля нерусских народов была в ВЧК гораздо больше, нежели это считалось в литературе.

Объяснение данного национального состава карательно-го органа большевиков обусловлено рядом факторов. В первую очередь повышенное представительство нерусских народов в ВЧК во многом было связано с их широким сотрудничеством в учреждениях большевистской власти в целом. Для того чтобы правильно понять положение с присутствием после революции в госорганах, в том числе и в ВЧК, представителей национальных меньшинств, необходимо рассмотреть ситуацию с общим их участием в политических событиях в России начала века.

Уже к началу XX в. удельный вес национальных меньшинств в российском революционном движении многократно превышал их долю в общей численности населения. По данным Б.Н. Миронова, среди отбывавших в 1907–1917 гг. ссылку в Сибири революционеров на долю русских приходилось около 40%, а на долю нерусских – 60%. Сопоставив долю той или иной национальности в населении с ее долей среди революционеров, а за единицу приняв революционную активность русских, он подсчитал, что латыши были в 8 раз активнее русских, евреи – в 4, поляки – в 3, армяне и грузины – в 2 раза. Остальные народы, согласно подсчетам Миронова, проявляли слабую революционную активность, причем украинцы и белорусы по этому показателю значительно отставали от русских: первые – в 3 раза, а вторые – в 11 раз¹⁵. Важными факторами участия инородцев в революционном движении, наряду с другими – общими для всех россиян, были национальное притеснение (особенно поляков и евреев) со стороны царского правительства и относительно более высокий в среднем образовательный уровень. Поэтому не случайно, что как для русских националистов, так и для широких

масс населения понятие «революционер» во многом ассоциировалось со словами «жид» или «поляк»¹⁶.

Первая мировая война вызвала серьезные демографические изменения в структуре городского населения, повлекшие за собой и значительные перемены в национальном составе государственного аппарата. Главным образом это выразилось в притоке в партийные и государственные органы представителей народностей, в силу войны оказавшихся вне своей среды, таких как латыши и поляки, либо вообще не имевших своей территории проживания – евреев.

В 1915 г. по постановлению царского правительства из Курляндии и прибалтийской прифронтовой зоны были эвакуированы во внутренние губернии многие предприятия вместе с их работниками и членами семей. Выехали из Латвии и те, кто не пожелал жить в условиях немецкой оккупации. Таким образом, в годы Первой мировой войны только в столицах разместились сотни тысяч латышей, и к 1918 г. в Москве их насчитывалось 80 тыс. чел., не считая четырех полков латышских стрелков, а в Петрограде – 30 тыс. чел.¹⁷ Вместе с эвакуированными рабочими в Петроград и центр России отправились и многие члены Латвийской социал-демократической партии, и к августу 1918 г. численность ее секций только в Москве составила 1100 чел.^{18,*}

Последовавшая за Первой мировой войной революция еще более отделила многих представителей национальных меньшинств от своей социокультурной среды, поставив перед ними проблему выживания, и сделала их более восприимчивыми к политическим лозунгам левых партий. Относительно евреев известный советский экономист и государственный деятель Ю. Ларин (М.З. Лурье) выделил две основные причины их притока в госорганы после революции: 1) уравнивание революцией евреев во всех правах с основными национальностями; 2) переселение евреев в крупные города¹⁹.

---

* Характерной является биография латышского социал-демократа с 1909 г. И.И. Скраме, работавшего на заводе в Риге. В начале 1916 г. он эвакуировался в Москву, где устроился слесарем-инструментальщиком на завод Фаберже. В начале июня 1918 г. совдепом Городского района столицы Скраме был направлен в ВЧК, где работал следователем Отдела по борьбе с контрреволюцией (РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 2. Д. 537; ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Л. 603).

Однако следует отметить, что в тот период лишь очень немногие обитатели черты оседлости смогли воспользоваться дарованной революцией равноправием и переселиться в Москву и Петроград в силу напряженной военной обстановки, так как подавляющее большинство военных действий разворачивалось как раз в районах черты оседлости. Евреи же, поступившие в то время на службу в столичные учреждения, были большей частью либо вернувшимися из ссылки или эмиграции революционерами, либо военнослужащими Петроградского и Московского гарнизонов, а также многочисленных тыловых и нестроевых частей, в которых процент евреев был особенно высок*. Кроме того, в поступлении в 1918 г. евреев на службу в центральные советские учреждения, особенно в ВЧК, сыграл роль и другой фактор, связанный с продолжавшейся войной. В 1918 г., согласно данным анкет переписи служащих, среди чекистов-евреев, особенно следственных и оперативных работников, был немалый процент коммунистов, эвакуированных (либо прибывших с нелегальной работы) из оккупированных германскими и австро-венгерскими войсками Украины и Белорусии^{20, **}. Из-за имевшегося серьезного дефицита партийных кадров в чекистс-

---

* Так, А.И. Ротенберг в 1916–1917 гг. в Москве служил аптечным фельдшером эвакуированного Двинского военного госпиталя. В июне 1917 г. он вступил в большевистскую партию и Красную гвардию, а в феврале 1918 г. Моссоветом был направлен в ВЧК, где последовательно являлся следователем, начальником Следчасти Отдела по борьбе с контрреволюцией (РГАС-ПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 196037. Л. без нумерации). По данным на сентябрь 1918 г., бывшими военнослужащими являлись и многие другие следственные и оперативные работники этого отдела – евреи. Например, комиссар И.А. Фридман до поступления в ВЧК в конце апреля 1918 г. работал как бывший солдат царской армии во Всероссийской военной организации фронта и тыла (ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Л. 681); с военной службы в конце мая 1918 г. пришли также следователь С.Е. Премыслер, разведчик Д.И. Житомирский и др. (там же. Л. 525, 733).

** Так, в середине сентября 1918 г. на должность следователя в Отдел по борьбе с контрреволюцией был принят прибывший из Западной области местный советский работник, член партии с ноября 1917 г. Е.Б. Коган, а в конце декабря 1918 г. контролером в Контрольно-ревизионную коллегия – бывший секретарь райпарткома Слуцка, член партии с марта 1917 г. М.М. Зинде.

ком ведомстве в него распределяли многих коммунистов, прибывших в Москву, а у тех в отличие от столичных партийцев было значительно меньше возможностей для выбора места службы.

Важной роли национальных меньшинств, особенно евреев, в учреждениях новой власти в немалой степени способствовал интернационализм большевиков, их ориентация на мировую революцию и полное игнорирование ими национального происхождения. Серьезным фактором явилась и недостаточная поддержка большевистской власти русской интеллигенцией и госслужащими царского времени. Русский экономист еврейского происхождения Б.Д. Бруцкус, находясь в эмиграции, писал: «Ввиду саботажа и политической ненадежности старого чиновничества и интеллигенции, Ленин поставил перед партией определенную задачу создания из общественных низов новых кадров государственных служащих, довольно многочисленная еврейская полуинтеллигенция, а также и еврейский рабочий класс, среди которых немало людей со сметкой, выделили тогда из себя заметную часть коммунистических комиссаров. Отсутствие у них связей с контрреволюцией делало их надежными»²¹.

Чтобы окончательно убедиться в том, что служба евреев, латышей и поляков в ВЧК являлась частью их службы в советском госаппарате, достаточно сопоставить приведенные выше данные об их представительстве в чекистском ведомстве с национальным составом аналогичных групп служащих смежных учреждений – НКВД и Наркомюста, а также руководящими государственными и партийными органами республики и депутатским корпусом Моссовета (см. с. 222).

Из этих данных можно сделать вывод, что латыши, поляки, евреи являлись основными представителями нацменьшинств в различных советских и партийных учреждениях, но в избираемых органах, таких как Моссовет, их процент был ниже, а русских – значительно выше. ВЧК же кардинально от других ведомств и учреждений отличалась заметно более высоким процентом латышей.

Однако служба представителей национальных меньшинств в ВЧК имела и свою специфику. Во-первых, она была связана с тем, что ВЧК имела неограниченные полномочия, являясь органом расправы со всеми противниками большевиков, в том числе представителями прежней царской власти. Во-вторых, в отличие от других учреждений в ВЧК не могли, особенно на первых порах, сотрудничать дореволюционные специа-

Национальный состав госслужащих

	ВЧК ¹⁴	НКВД ²²	НКЮ ²³	Совнарком ²⁴ (июль 1918)	ЦК больш-в ²⁴ (март 1918 – апрель 1919)	Моссовет ²⁵ (декабрь 1918)
Русские	113 (30,4%)*	205 (64,5%)	111 (68,9%)	66,7%	46,7%*	560 (86%)*
Евреи	35 (9,4%)	39 (11,9)	8 (5%)	11,1%	33,3%	20 (3,1%)
Латыши	179 (48,1%)	33 (10%)	11 (6,8%)	11,1%	0,7%	21 (3,2%)
Поляки, литовцы	23 (6,2%)	11 (3,3%)	12 (7,5%)	6,5% (поляки)	0,7% (поляки)	14 (2,1%)
Немцы	4 (0,4%)	6 (1,8%)	3 (1,9%)			
Эстонцы	2 (0,5%)	3 (0,9%)				
Армяне		2 (0,6%)	2 (1,2%)			
Мусульм. наrodnости		1 (0,3%)				
Грузины						
Финны	3 (0,8%)			5,6%	0,7%	
Французы	1 (0,4%)					
Греки	1 (0,4%)					
Нет данных	11 (2,1%)	29 (8,8%)	14 (8,7%)			
Всего	372 чел.	329 чел.	161 чел.			

* Включая украинцев и белорусов.

листы. Это способствовало широкому приему на службу в ВЧК представителей народностей, наиболее притеснявшихся при царском режиме. После революции 1917 г., отменившей все ограничения для евреев, многих из них, наряду с мессианской идеей всеобщего равенства и братства народов, одолевали и более насущные идеи – выживания в чуждой среде, получения высокого статуса в обществе, а также в какой-то мере и мести представителям прежней власти за свои поруганные права*. Это привело их на службу в карательный орган победившей большевистской партии. Солженицын пишет: «...как до революции революционеры и радикал-либералы охотно и активно использовали стеснения евреев совсем не из любви к евреям, а для своих политических целей, – так и в первые месяцы, затем и годы после Октября большевики с величайшей охотой использовали евреев в своем государственном и партийном аппарате опять-таки не из сродства с евреями, а по большей выгоде от их способностей, смелости и отчужденности от русского населения. В дело шли на своих местах и латыши, и венгры, и китайцы – эти не расчувствуются»²⁶.

Однако дореволюционное ущемление прав евреев, как и поляков и латышей, сыграло роль в их будущем поступлении в ВЧК и иным образом. Притеснение этих народов стало главным фактором участия многих их представителей в революционном движении. Соответственно, на практике они знакомились с методами деятельности царской охраны; этот опыт впоследствии был востребован на чекистской службе. Подтверждением того, что важнейшим фактором широкого присутствия на руководящих и специальных должностях в ВЧК латышей, евреев и поляков был их стаж революционной подпольной и партийно-боевой работы, может служить то, что из 14 членов Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев,

---

* В этой связи весьма характерными являются воспоминания Н.С. Немзера – в 1918 г. младшего следственного работника ВЧК и следователя МЧК. В развернутой автобиографии для Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев в середине 1920-х гг. он останавливался на тяготах жизни в черте оседлости, в частности на ужасающих порядках в низшей духовной еврейской школе хедер. Эти порядки, по его словам, чуть было не привели его в уголовную среду и склонили к участию в революционном движении (ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д.1379. Л. 34). Во время первой русской революции Немзер вступил в Бунд, а после Октябрьской – в большевистскую партию.

в разное время служивших в центральном чекистском аппарате, было 7 евреев, по 2 поляка и латыша и лишь 3 русских²⁷. Учитывая, что в царской России на каторгу и поселение ссылали, как правило, за активное участие в подпольной деятельности или работу в боевых организациях революционных партий, из вышеуказанных данных можно сделать вывод о большом количестве евреев, поляков и латышей среди революционеров-подпольщиков и боевиков, впоследствии ставших чекистами*. Напротив, участие мусульманских народностей в революционном движении было ничтожным, соответственно, отсутствовали они в центральном аппарате ВЧК**.

Понять роль фактора партийности при поступлении в чекистское ведомство поможет сопоставление национального состава управленцев и специалистов ВЧК с аналогичными категориями служащих НКВД и Наркомюста.

Основное различие в национальном составе ВЧК и НКВД – доля русских и латышей: относительно большое число пер-

---

* Так, член Обществ политкаторжан и старых большевиков, состоявший в партии с 1904 г., латыш Ж.Ф. Скрабе в октябре 1908 г. был осужден за активное участие в латышской социал-демократической боевой группе на 25 лет каторги и вплоть до Февральской революции сидел в тюрьмах Риги, Пскова и Владимира. С 17 сентября 1918 г. он стал работать в ВЧК разведчиком, а затем и комиссаром Отдела по борьбе с контрреволюцией (РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1777. Л. 3–4; ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Л. 602).

** 13 мая 1918 г. чекистское руководство, заслушав предложение Центрального мусульманского комиссариата об организации при ВЧК Особого отдела по мусульманским делам и делегировании для этой цели А. Мухаметова и М. Алиева, не возразило против этой идеи, но выставило условия: во-первых, предоставить надежные рекомендации, а во-вторых, чтобы данная деятельность соответствовала направлениям чекистской работы. В результате назначение указанных лиц не состоялось, а само подразделение не было создано. 23 сентября президиум Отдела по борьбе с контрреволюцией, заслушав заявление о поступлении на службу лица одной из мусульманских народностей – некоего Х. Гостимирова, решил передать эту бумагу в Президиум самой Комиссии, хотя нередко и без вышестоящего руководства принимал на работу. Судя по тому, что фамилия Гостимирова больше нигде не фигурирует, можно утверждать, что чекистским сотрудником (во всяком случае штатным) он так и не стал (Архив ВЧК. С. 250, 273).

**Национальный состав управленцев и специалистов
ВЧК, НКВД, НКЮ**

	ВЧК	НКВД	НКЮ
Русские	58 (25,9%)*	18 (42,9%)	24 (57,9%)
Латыши	113 (50,4%)	7 (16,7%)	3 (7,1%)
Евреи	27 (12,1%)	5 (11,9%)	3 (7,1%)
Поляки, литовцы	20 (8,9%)	4 (9,5%)	5 (11,9%)
Немцы	2 (0,9%)		1 (2,4%)
Французы	1 (0,4%)		
Греки	1 (0,4%)		
Армяне			2 (4,8%)
Нет данных	2 (0,9%)		4 (9,5%)

вых в НКВД и крайне высокий процент вторых в ВЧК. Несколько иная картина наблюдается в Наркомюсте. Здесь подавляющее большинство служащих – русские, а латыши представлены в крайне незначительном количестве. Отличие в представительстве национальных меньшинств в ВЧК, НКВД и Наркомюсте объясняется взаимосвязью количества членов партии с подпольным стажем и служащих сходных по функциям дореволюционных ведомств (см. гл. 2). Как известно, до Февральской революции путь в правоохранительные и судебные органы был закрыт для евреев и серьезно ограничен для поляков и неправославной части латышей**.

Таким образом, служившие на руководящих, следственных и оперативных должностях представители нацменьшинств помогали соблюдать главный критерий подбора чекистских кадров – партийность. Следует отметить, что, согласно партийной переписи 1922 г., латыши-коммунисты в среднем имели

* Включая украинцев и белорусов.

** Некоторые из поступивших на службу в ВЧК латышей имели опыт работы в судебных или правоохранительных органах Латвии после Февральской революции. Так, латышский социал-демократ с 1908 г. Д.Ф. Маздревитц с апреля 1917 г. являлся начальником уголовной милиции Риги. После занятия города немцами он остался без работы и переехал в Москву, где в начале июня по рекомендации Центрального бюро латвийских социал-демократов поступил работать в ВЧК сначала в качестве разведчика, спустя два месяца – комиссара Отдела контроля складов, а 15 октября был назначен заместителем начальника этого отдела и Отдела стратегического уплотнения (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 86. Д. 306а. Л. 1–2; ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Л. 393).

наибольший из всех национальных групп партстаж – 5 лет; тогда как средний партстаж коммунистов-русских был чуть более 3 лет, евреев – 3,4 года, поляков и литовцев – более 3,5 лет. В Москве среди коммунистов со стажем до 1917 г. было 914 русских, 396 евреев, 357 латышей, 76 поляков. Если иметь в виду, что в это время в столичной парторганизации латышей было примерно в два раза меньше евреев и более чем в десять раз меньше русских, то становится очевидным, что процент партийцев-подпольщиков среди латышей был наивысшим²⁹. Соответственно данным анкет переписи служащих 1918 г. партийный стаж большинства следственных и оперативных работников-латышей исчислялся периодом до Февральской революции. Большая часть этой категории сотрудников-евреев также являлась членами большевистской партии, но примерно две трети из них вступили в нее в 1917 г. Это было связано с переходом в это время в РСДРП(б) многих членов еврейских социалистических и социал-демократических партий (Бунд, Поалей-Цион и т.д.), а также меньшевиков, вызванным антивоенной агитацией большевиков, а затем и приходом их к власти*. Среди русских же чекистских специалистов был наиболее высокий процент вступивших в партию в 1918 г., а также беспартийных вообще. Высокий процент среди чекистских управленцев и специалистов латышей и евреев помогал, хотя и частично, реализовывать и другой принцип кадровой политики – классовый подход. Подавляющее большинство сотрудников ВЧК – латышей являлись выходцами из пролетариев и батраков, многие из них сами до революции были заводскими и фабричными рабочими. Евреи же по определению не могли являться детьми царских чиновников, дворян, офицеров и православных священнослужителей – наиболее враждебных большевикам слоев российского общества.

---

* Так, помощник следователя Отдела по борьбе со спекуляцией Н.С. Немзер и секретарь Железнодорожного подотдела, а затем Транспортного отдела В.Л. Мазия были выходцами из Бунда, а секретарь Спекулятивного, Иногородного отделов, а затем зав. Инструкторским отделом и член Коллегии ВЧК Г.С. Мороз в 1912–1914 гг. состоял в объединенной социал-демократической и бундовской организации, а в мае 1917 г. вступил в большевистскую партию (ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Л. 453; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 248. Л. 66; оп. 9. Д. 1837. Л. 102; д. 1867. Л. 119).

Большой партийный стаж был одной из главных причин того, что осенью 1918 г. латыши находились во главе многих чекистских подразделений. Так, на конец сентября в Отделе ВЧК по борьбе с контрреволюцией помощником начальника Секретного отделения являлся А.М. Лидэ (начальником был русский А.М. Трепалов), начальником Следчасти – Э.Э. Линде, Оперативной части – Ж.Я. Шимкус, заведующим Бюро контроля печати – В.Я. Забельский, Бюро фотографии – К.И. Яункалн. В Отделе по борьбе со спекуляцией Следственную и Оперативную части возглавляли латыши: Я.Я. Закис (в начале октября он станет первым зам. начальника Контрреволюционного отдела) и А.Я. Спрадзе. В Иногородном отделе во главе трех из пяти отделений стояли латыши: Инструкторского – Ю.Ю. Янель, Бюро информации – Я.Ю. Клявин, связи – П.А. Мюллер. Латышами также возглавлялись Комендатура (Я.М. Дабол) и Отдел стратегического уплотнения (Э.И. Карповиц), секретарем которого являлся брат В.Я. Забельского А.Я. Забельский. Почти все вышеупомянутые лица имели до-революционный подпольный партийный стаж (подавляющее большинство из них являлись членами латышской социал-демократии). Не имевшие же подпольного стажа латыши возглавляли хозяйственные подразделения: Финансово-хозяйственный отдел – член партии с 1917 г. А.Я. Раман, а его Казначейский подотдел – член партии с 1918 г. А.А. Рутенберг.

Евреев среди чекистских управленцев в сентябре 1918 г. было значительно меньше. Уголовным подотделом Отдела должностных преступлений заведовал И.А. Визнер, Отделом районных ЧК – Я.М.(Х.) Юровский. Кроме того, евреи возглавляли обслуживающие отделы: М.Г. Кушнер – Санитарный и В.Д. Гарш – Автомобильный. Два еврея в сентябре 1918 г. также являлись секретарями ведущих подразделений: Г.Н. Левитан – Президиума и Г.С. Мороз – Иногородного отдела. Кушнер вступил в партию в 1903 г., Визнер и Юровский – в 1905 г., Левитан и Мороз – в 1917 г., а Гарш вообще являлся беспартийным, и, таким образом, только половина из них имела подпольный партстаж.

В сентябре 1918 г. наиболее малочисленными среди руководящих работников были поляки. Только двое из них руководили чекистскими подразделениями: М.К. Ихновский – Следственной коллегией Отдела должностных преступлений и Я.А. Бялогородский – Тюремным отделом. Следует отметить, что в отличие от латышей они не являлись старыми коммунистами. Поступивший в начале апреля 1918 г. в ВЧК

как дипломированный юрист, разделяющий социалистические взгляды, Ихновский состоял членом Отдела преступлений по должности и руководил в нем Следчастью, будучи беспартийным, и только в октябре 1918 г. вступил в Компартию*, а Бялогородский, возглавивший тюремное подразделение, как старый революционер, до революции неоднократно сидевший в тюрьмах, был членом Польской социалистической партии (ППС)** . Таким образом, чекисты-поляки по сравнению с латышами представляли более разнородную в партийном отношении группу.

Соотношение латышей, евреев и поляков среди чекистского управленческого персонала свидетельствует о том, что процент представителей национальных меньшинств среди руководителей среднего и низшего звеньев примерно соответствовал их общей доле среди сотрудников ВЧК.

Существовало ли «разделение» следственных и оперативных должностей между чекистами различных национальностей? Чтобы дать ответ на этот вопрос, рассмотрим национальный состав на конец сентября 1918 г. основных категорий специалистов – следователей, их помощников, комиссаров и разведчиков трех ведущих подразделений: отделов по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и должностными преступлениями^{30***}.

---

* Другой дипломированный юрист и одnogодка по партстажу Ихновского – М.К. Романовский, – с октября возглавлявший следственный аппарат Иногороднего и Транспортного отделов, а затем являвшийся зам. зав. Секретным отделом, был пасынком поляка. Уроженец Вильно, он в раннем детстве потерял родителей и из приюта был усыновлен домовладельцем К. Романовским. По национальности же Романовский-младший, по-видимому, был евреем, но в служебных анкетах указывал себя русским.

** 27 декабря 1918 г. Президиум ВЧК, рассмотрев решение о наблюдении за своими арестованными, содержащимися в тюрьмах, не находящихся в ведении ВЧК, постановил иметь в них чекистского представителя и утвердил комендантом «Таганки» от МЧК Бялогородского (Архив ВЧК. С. 308). Начальником же Тюремного отдела стал русский Н.Е. Ляхин.

*** Конечно, это не совсем точные данные, поскольку, как мы указывали, не все анкеты сохранились. Например, не сохранились анкеты работавших осенью 1918 г. следователей: в Контрреволюционном отделе – русских Н.И. Кутыина и И.П. Белобородова, еврея Перельштейна, латыша Ф.М. Либерта, армя-

Национальный состав основных категорий специалистов отделов по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и должностными преступлениями ВЧК

	Следователи, зам. следователей	Оперативные работники
Русские	10	18
Латыши	12	42
Евреи	10	7
Литовцы, поляки	8	9
Немцы	1	1
Греки		1
Нет данных	1	1
Всего	42 чел.	76 чел.

Таким образом, можно прийти к выводу, что среди следственного персонала наиболее высоким был процент евреев, тогда как подавляющее большинство оперативных работников были латышского происхождения. Связано это было с тем, что следственная работа даже в условиях Гражданской войны и правового нигилизма требовала относительно большего (по сравнению с другими категориями чекистских специалистов) интеллекта и образования, и этим требованиям отвечали многие евреи. Судя по анкетам переписи служащих-коммунистов декабря 1918 г., где присутствовал пункт об образовании, подавляющее большинство чекистов-евреев, особенно занимавшихся следственной работой, имели образование не ниже гимназии или реального училища, а некоторые даже учились в высших учебных заведениях^{31,*}. Должность же комиссара и разведчика предполагала наличие не образования, а опыта нелегальной и боевой работы, имев-

нина С.Л. Лукашина (Срапионяна), грузина В.Н. Черного (Паниашвили), в Отделе по борьбе с преступлениями по должности – еврея А.Я. Розенштейна.

* Так, следователь Отдела должностных преступлений Г.М. Меламед до революции учился на юридическом факультете Психоневрологического института, зав. Уголовным подотделом этого отдела, а затем следователь при Президиуме ВЧК И.А. Визнер окончил коммерческое училище (ГАРФ. Ф. 7511. Оп. 2. Д. 764. Л. 3–5; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100; д. 127932. Л. 1–2), следователь возглавляемого Визнером Уголовного подотдела А.Я. Розенштейн тоже окончил коммерческое училище (Скоркин К.В. Обречены проиграть. С. 687).

шегося у подавляющего большинства оперативных сотрудников-латышей*. Причем сильной стороной многих латышских социал-демократов был опыт не просто нелегальной, а боевой, террористической работы. В результате в самом важном в политическом отношении чекистском отделе – по борьбе с контрреволюцией – большинство следователей были евреями, тогда как подавляющая часть комиссаров и разведчиков – латышами.

Следует сказать и о роли в комплектовании чекистских кадров латышских стрелков – солдат латышских воинских частей. По наблюдению сотрудника британской разведслужбы в России Дж. Хилла, «Латышские дивизии состояли из людей, прошедших великолепную физическую подготовку. Это были опытные солдаты, хорошо тренированные и дисциплинированные»³². Соответственно, латышские стрелки являлись весьма ценными для чекистской оперативной работы, особенно связанной с применением физической силы и оружия. Большинство из них поступило в ВЧК с июля 1918 г., то есть после левоэсеровского восстания, в подавлении которого они принимали участие. Можно согласиться с мнением Дж. Леггетта, который, говоря об охране латышскими стрелками Смольного и Кремля, об их активном участии в ликвидации анархистского оплота в апреле, спасении Ленина от левых эсеров в июле и подавлении крестьянских восстаний в августе 1918 г., отметил, что, доказав всем этим свою преданность и крайнюю необходимость, они надолго обеспечили ВЧК кадро-

---

* Иллюстрацией данного тезиса может служить выдержка из приведенной в книге современного Санкт-Петербургского автора И.В. Лосева автобиографии, написанной в 1926 г. сотрудником советской внешней разведки в Лондоне латвийским социал-демократом с 1903 г. Я.Г. Жирмунским (к сожалению, в книге, содержащей данный документ, изменена его настоящая фамилия, но, судя по всему, речь идет о Я.Г. Жилинском-Штале): «После оккупации Риги германцами, я... стал работать профессионально как редактор нелегальной большевистской газеты "Спартак" на латышском языке, воззваний на латышском и немецком языках и организовал нелегальную технику по старым испытанным традициям 1905 года, в которых главную роль играла так называемая "внутренняя конспирация", то есть привлечение к делу минимума необходимых работников, а не всех вообще верных людей. Как известно, по этим принципам успешно работает наш ГПУ» (Лосев И. ОГПУ против Скотланд-Ярда. М.–СПб., 2005. С. 46).

вым резервом*. Некоторые из латышских стрелков вначале поступили на службу в чекистский Свеаборгский отряд и уже потом в качестве его бойцов были переведены в центральный аппарат на должности комиссаров и разведчиков.

Однако доля бывших латышских стрелков по сравнению с латышскими партработниками в ВЧК была невысокой, так как, несмотря на неоднократно доказанную новой власти верность солдат латышских частей, стоявшие полностью на большевистских позициях латвийские социал-демократы считались более надежной опорой режима. При этом все поступившие на чекистскую службу латышские стрелки также являлись членами партии, причем некоторые из них помимо военного опыта имели и опыт нелегальной работы (в латышских стрелковых полках численность коммунистов была довольно высока – от 13 до 18%, и 15% из них вступили в партию еще до 1917 г.)³⁴. В этой связи вполне характерной является судьба члена латвийской социал-демократии с 1905 г. Я.П. Грицмана. В годы Первой мировой войны он служил в латышском батальоне, откуда в мае 1918 г. по рекомендации рижской парторганизации был переведен в отряд ВЧК, а в сентябре направлен на оперативную работу в Отдел по борьбе с контрреволюцией, получив должность комиссара³⁵.

При анализе анкет переписи служащих ВЧК обращает на себя внимание высокий процент латышей среди курьеров, горничных, посудомоек, сапожников и другого обслуживающего персонала. Из 203 служащих этой категории примерно четверть приходилась на латышей, тогда как на долю поляков немногим более 10 чел., а среди евреев работников обслуживающего персонала, за исключением врачей из Санотдела, практически не было³⁶. Здесь сыграло роль стремле-

---

* В частности, осенью 1918 г. в Контрреволюционном отделе ВЧК солдатами и младшими офицерами латышских стрелковых частей были начальник Следчасти Э.Э. Линде, зав. Бюро фотографии К.И. Яункалн, комиссары Я.П. Грицман, Я.Ю. Авотин, Я.Я. Буйкис и Я.Я. Спрогис и др. Так, Линде в годы Первой мировой войны служил в 1-м латышском стрелковом полку, где дослужился до чина поручика. В сентябре 1917 г. он вступил в полковую большевистскую организацию РСДРП, по рекомендации которой, а также Наркомата по латышским делам 9 июня 1918 г. поступил на работу в Отдел по борьбе с контрреволюцией ВЧК, где стал сначала следователем, а затем и начальником Следчасти (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 2625 Л. 9–10).

ние чекистов-латышей устроить своих родственников на получение приличных по тем временам пайка и жалованья. Так, у комиссара Отдела по борьбе с контрреволюцией С.В. Вайсберта (вошедшего в историю тем, что 24 ноября 1918 г. он проводил обыск у патриарха Тихона) родители работали в Хозяйственном подотделе, отец – сапожником, а мать – посудомойкой; а разведчик этого же отдела Н.А. Гравин устроил на службу в Хозяйственный подотдел жену и сестру³⁷. В итоге в ВЧК образовывались целые латышские семейные кланы*. Вполне справедливым выглядит утверждение С.П. Мельгунова о том, что, занимая особое положение в учреждениях ВЧК, «латыши служат здесь целыми семьями»³⁸. Вместе с тем это не дает повода согласиться с приводимым Мельгуновым утверждением левозсеровского Бюллетеня, что латыши «в Москву из Латвии в ВЧК едут как в Америку, на разживу»³⁹. Такие случаи, по-видимому, бывали. Большинство латышей к моменту поступления на службу в ВЧК проживали на территории России, куда эвакуировались из Латвии в период Первой мировой войны. Другой причиной высокого процента латышей среди обслуживающего персонала было то, что большинство латышей, поступивших в Хозяйственный подотдел, так же как и в другие, являлись членами партии, причем многие из них с дореволюционным стажем. Это давало возможность увеличить его коммунистическую прослойку, поскольку обслуживающие работники других национальностей почти все были беспартийными.

Многие латыши, поступившие в ВЧК в качестве работников канцелярского, хозяйственного и обслуживающего персонала, стремились к занятию более высоких должностей. Так, на вопрос анкеты переписи «Удовлетворяет ли Вас работа в идейном отношении?» приемщица Отделения хранилищ Контрреволюционного отдела М.А. Траукман, состоявшая в

---

* В этом плане вполне типичной была картина, наблюдавшаяся левозсеровским публицистом Р.В. Ивановым-Разумником, в феврале 1919 г. сидевшим в тюрьме ВЧК: «За столом с бумагами сидела за стаканами чая целая семья латышей: седоусый старик, человек средних лет, третий помоложе и мальчишка лет пятнадцати, все в военной форме с револьверами в кобурах. Это были дед, сын и два внука, как я узнал из их полурусского, полуллатышского разговора между собой; не хватало здесь для полноты коллекции только матери и бабушки этой почтенной чекистской семьи» (*Иванов-Разумник Р.В.* Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. М., 2000. С. 152).

партии с 1916 г., ответила: «Мною занимаемая должность не удовлетворяет, а идейное направление удовлетворяет». Конторщица Финхозотдела О.Ю. Зведре, член партии с 1918 г., в этом пункте анкеты написала: «Желаю активную работу для пользы идей нашей партии»^{40,*}. Эти ответы наглядно свидетельствуют о том, что многие чекисты-латыши не только были довольны службой в советском карательном органе, но и стремились сделать в нем карьеру.

Сложившаяся к середине 1918 г. в ВЧК система личных рекомендаций при приеме на службу, призванная восполнить дефицит надежных кадров, привела к росту в кадровой работе роли «субъективного фактора». Во многом это было связано также с деятельностью по подбору кадров зампреда ВЧК (а с 7 июля по 22 августа 1918 г. в период отстранения от руководства Ф.Э. Дзержинского – и председателя) и руководителя Партколлектива Я.Х. Петерса, с 1904 г. состоявшего в Латышской социал-демократической партии, а с 1917 г. – члена ее ЦК. Уже в первый месяц существования ВЧК при ней был сформирован отряд разведчиков, состоявший из одних латышей⁴¹. Судя потому, что разведчика, а затем и начальника отряда Л.М. Заковского (Г.Э. Штубиса) на чекистскую работу направил Петерс, в тот период единственный латыш – член ВЧК, он и занимался формированием этого подразделения^{42,**}. Только, по данным анкет переписи сентября 1918 г., Петерс рекомендовал на службу 14 чел., что превышало количество рекомендованных на службу всеми другими членами ВЧК вместе взятыми. Все поступившие по его протекции лица были латышами по национальности⁴³. Рекомендованные Петерсом чекисты нередко рекомендовали но-

---

* Вскоре Зведре стала делопроизводителем при Президиуме ВЧК (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 18. Д. 20. Л. 13).

** Интересно, что в апреле 1918 г. в период формирования Боевого отряда ВЧК разведчики-латыши на своем общем собрании потребовали выбирать, а не назначать лиц комсостава, что вполне понятно, поскольку в данном случае они имевшимся у них большинством смогли бы проводить на командные посты «своих». 19 апреля члены ВЧК под руководством Александровича это требование отклонили, однако Петерс, возглавивший только что образованный Партколлектив, заявил, что данная организация, также выступающая против выборности, тем не менее, желает, чтобы при назначении не только на командные, но и на ответственные должности принимались во внимание ее аттестации кандидатов (Архив ВЧК. С. 222).

вых сотрудников, как правило, тоже латышей. Например, в январе 1918 г. на должность разведчика Петерс рекомендовал члена латышской группы РСДРП(б) Заковского, который за полгода дослужился до комиссара особых поручений при Президиуме. В марте 1918 г. уже Петерс и Заковский рекомендовали в ВЧК сотрудницу партийной типографии М.К. Грикис, к сентябрю 1918 г. занявшую должность контролера Бюро печати, начальником которого был также рекомендованный Петерсом бывший работник Вольмарского уездсовета латыш В.Я. Забельский⁴⁴. Таким образом, получалась своеобразная «цепочка» назначений латышей на чекистские посты. Кроме того, Петерс явно стремился взять под контроль текущее делопроизводство в отделе. Так, 27 августа по рекомендации Петерса и Закиса в ВЧК начала работать большевичка с 1912 г., латышка Г.М. Мурнек, ставшая личным секретарем заведомо Скрыпника⁴⁵. Нужно отметить, что работу секретаря отдела В.Н. Манцева в какой-то мере дублировал завканцелярией латыш К.А. Рацен.

Сосредоточение в руках Петерса и административной, и партийной (в качестве руководителя парторганизации) власти в ВЧК дало возможность к лету 1918 г. сформировать руководящий орган комфракции из одних латышей*. Таким образом, учитывая большую роль в кадровой работе Партколлектива, под контроль латышей было взято не только устройство на службу, но и прием уже работающих сотрудников в партию**. Вследствие этого принятые в первоочередном порядке латыши получали серьезное преимущество в продвижении по службе и при назначении на ответственные посты. Высокий же процент членов партии среди латышей – работников обслуживающего персонала дал возможность председателю Партколлектива Петерсу заявить на собрании комф-

---

* На 27 июля 1918 г. состав Партколлектива был следующим: председатель – Я.Х. Петерс, товарищ председателя – Я.Я. Закис, секретарь – Ю.Ю. Янель, товарищ секретаря – А.П. Менгель, казначей – А.М. Лидэ, члены – А.Я. Раман и К.Я. Долман (ЦАОПИМ. Ф. 64. Оп. 2. Д. 716. Л. 3).

** Например, сотрудник для поручений ВЧК Э.Я. Вевер был рекомендован Петерсом, которого он знал еще по дореволюционной эмиграции; помощник коменданта В.Ю. Якобсон – Петерсом и Заковским; начальник казначейской части Финансово-хозяйственного отдела ВЧК А.А. Рутенберг – Э.Д. Лепинлауксом (членом партии с дореволюционным стажем) и П.И. Треем (членом партии с 1917 г.) и т. д. (ЦАОПИМ. Ф. 64. Оп. 2. Д. 716. Л. 54).

ракции в июне 1918 г., что проблема удаления всех беспартийных состоит в нехватке подходящих сотрудников, но «ни в коем случае это не должно касаться Хозяйственного отдела, где любая латышка, вовсе не зная изготовления кушанья, приготовит гораздо лучше». Объясняя большое количество латышей в Хозотделе необходимостью увеличения партийной прослойки, Петерс явно стремился переложить ответственность за процветавший в подразделении протекционизм на руководивших с декабря 1917 по июль 1918 г. отделом левых эсеров И.И. Ильина и М.Ф. Емельянова, русских по национальности. Он отметил, что «работниц партийных, честных – сколько угодно, но в то же время тов. Емельянов устроил в Хозяйственном отделе 5–6 своих родственников, тоже Ильин»⁴⁶.

Национальный состав большевиков и левых эсеров, с января по июль 1918 г. являвшихся членами ВЧК и приравненными к ним лицами, был несколько различным. Если среди 21 большевика было 14 русских (И.К. Ксенофонтов [Крайков]), Д.Г. Евсеев, И.Н. Полукаров, С.Е. Щукин, В.В. Фомин, С.П. Чернов, В.И. Савинов, А.М. Дьяконов, В.Л. Панюшкин, В.П. Янушевский, В.В. Каменщиков, А.И. Пузырев и В.Н. Яковлева), 4 поляка (Ф.Э. Дзержинский, Ф.Я. Гжельщак, И.Ю. Пуляновский и В.В. Артишевский), 2 латыша (Я.Х. Петерс и М.Я. Лацис [Я.Ф. Судрабс]), 1 еврей (И.С. Кизильштейн) и 1 украинец (Н.А. Скрыпник), то из 12 левых эсеров 10 были русскими (И.Н. Ильин, В.А. Александрович [П.А. Дмитриевский]), В.Д. Волков, М.Ф. Емельянов, П.Ф. Сидоров, Д.А. Магеровский, Д.И. Попов, А.П. Пятницкий и М.Н. Гуркин), В.Г. Гриш, 1 – евреем (Г.Д. Закс) и 1 немцем (М.Г. Владимиров [К.А. Штримпфлер]). Таким образом, национальный состав левых эсеров был менее «интернациональным». Это было связано с тем, что главной социальной опорой их партии являлось русское крестьянство. Представительство же евреев среди членов ВЧК – левых эсеров объяснялось высоким их процентом во всех революционных партиях. У нас нет данных о национальном составе всей левозесеровской организации, но на основании сведений о ряде чекистах – левых эсерах (русских В.И. Леоновиче, И.Н. Николаеве, П.И. Рязанове, М.А. Богданове и Г.И. Уточкине, евреях Я.Г. Блюмкине и М.А. Додзине) можно предположить, что и нижестоящие сотрудники в основной своей массе были русскими и в меньшей степени евреями. Среди чекистов-большевиков, наоборот, имелся резкий контраст между членами Комиссии, большая часть которых являлась

русскими, а латыши по численности были лишь на третьем месте, и управленцами более низшего звена, а также рядовыми сотрудниками, среди которых латыши составляли подавляющее большинство. Этот контраст был обусловлен в первую очередь ролью Петерса и возглавлявшегося им латышского Партколлектива – они могли оказывать серьезное влияние на назначение руководителей среднего и низшего звеньев и прием рядовых работников. Высшие же руководящие работники в своем подавляющем большинстве направлялись в ВЧК центральными и столичными государственными, советскими и партийными органами.

Среди чекистов-латышей практически никто не состоял в партии левых эсеров. Связано это было с крайне слабой позицией ПСР в дореволюционной Латвии – крестьянство там отличалось сильным расслоением. Зажиточная часть крестьянства, так называемые «серые бароны», ориентировалась на национальные разновидности кадетской партии*. Батраки же, по сути являвшиеся сельскими пролетариями, в массовом порядке поддерживали местную социал-демократическую партию, в которой формально до 1918 г. не было деления на большевиков и меньшевиков, но по вопросам тактики большинство ее членов склонялось к большевизму, и стаж пребывания в ней засчитывался как большевистский. В связи с этим латыши являлись наиболее активными сторонниками удаления с чекистской службы всех левых эсеров.

Все возростающая в чекистском ведомстве роль латышей вызывала серьезную озабоченность со стороны Дзержинского и других членов ВЧК, среди которых, как уже отмечалось, кроме Петерса, латышом был только Лацис. 27 июня 1918 г. Партколлектив ВЧК рассмотрел «Заявление т. Дзержинского, что будто бы Петерс привлекает на службу “своих”, то есть латышей». Партколлектив решил «сообщить Ко-

---

* Примечательной в этом случае выглядит история, связанная с отказом в приеме в Компартию сотрудника ВЧК Пуйсена. На заседании комфракции ВЧК 10 июля 1918 г. его просьба о вступлении в партию была отклонена, так как выяснилось, что он – бывший член Латвийской партии народной свободы (кадетской), хотя в анкете указал о пребывании ранее в левозэсеровской партии; при этом Пуйсен уже успел запасть членской карточкой Латсекции Городского райкома РКП. Большинство голосов было решено отобрать у него членскую карточку (ЦАО-ПИМ. Ф. 64. Оп. 2. Д. 716. Л. 60).

миссии (руководству ВЧК. – О.К.), по каким причинам в последнее время в Комиссию поступает много латышей»⁴⁷.

Особенно остро разногласия по поводу национального аспекта подбора кадров проявились в июле 1918 г., когда на службу в ВЧК, в том числе и на руководящие должности, стали поступать новые сотрудники из латышских коммунистов, занимавшие вакантные места увольняемых левых эсеров*. 25 июля 1918 г. на заседании комфракции русские чекисты подняли вопрос о заинтересованности именно латышей в увольнении левых эсеров. Так, сотрудник Отдела по борьбе с контрреволюцией И.Я. Яковлев прямо заявил, что «Коллектив уволит неправильно много безвинных, несчастных служащих. Всюду виднеется тенденция со стороны латышей выкинуть всех остальных из Комиссии». В ответ на это члены бюро Партколлектива Я.Я. Закис и А.М. Лидэ потребовали привлечь к партийной ответственности лиц, «сеющих национальную рознь и ненависть»⁶³. В результате в отправленном в тот же день письменном докладе В.И. Ленину и ЦК о положении дел с чекистскими кадрами Закис и Янель затронули и национальный вопрос. «Между служащими, – говорилось в докладе, – началась травля против латышей, среди которых больше всего оказалось старых и партийных работников и которые руководствуют всей жизнью фракции... И когда в обращениях к Коллективу и на фракционных собраниях слышатся фразы: “Я не латыш”, “латыши не понимают по-русски и не знают, за что голосуют”, “Коллектив принимает на службу “своих”, т.е. латышей” (знаменательно, что последняя фраза принадлежит председателю Комиссии т. Дзержинскому), то ясно, что такими необдуманными выражениями ответственных лиц прививается национальная ненависть среди беспартийных и несознательных сотрудников против латышей, выдвинутых во главе партийной работы и жизни служащих ВЧК»⁴⁹.

Утверждение о «выдвижении» латышей, намекавшее на объективный характер этого процесса, было во многом демагогическим, поскольку латышские коммунисты за счет покровительства зампреда ВЧК Петерса и большой численности фактически сами себя и выдвигали. В письме делался ак-

---

* Так, например, начальника Финансово-хозяйственного отдела левого эсера М.Ф. Емельянова сменил большевик с сентября 1917 г. латыш А.Я. Раман, при Емельянове занимавший должность секретаря этого отдела (ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Л. 543; ЦГАМО. Ф. 4619. Оп. 2. Д. 140. Л. 51об.).

цент на партийность большинства латышей, что подчеркивало их незаменимость для карательного органа большевистской диктатуры. Следует также отметить, что среди сотрудников ВЧК, упомянутых в письме в негативном плане, не было ни одного латыша, что также должно было, хотя и косвенно, показать их преимущество перед сотрудниками других национальностей, особенно русскими, среди которых был самый высокий процент беспартийных. Фактически в докладе говорилось о конфликте между латышами и чекистами других национальностей. Однако никакой ответной реакции со стороны высшего партийного руководства на данное обращение не последовало.

Упомянутый в письме упрек латышам в слабом знании русского языка был вполне справедливым. Многие из представителей этой национальности, поступивших на чекистскую службу, крайне плохо говорили по-русски. А ведь значительная их часть являлась не только оперативными работниками – комиссарами и разведчиками, но и начальниками отделений и следователями, от которых зачастую зависела судьба арестованных. Можно только догадываться, как незнание русского языка отражалось на качестве чекистской работы и решении судебных подследственных. По словам С.П. Мельгунова, «латыши и латышки, зачастую не владея русским языком, ведут иногда допросы, производят обыски, пишут протоколы и т.д. Рассказывают “забавные” истории, но далеко не забавные для тех, кто является объектом их»⁵⁰.

Плохое знание русского языка многими чекистами-латышами было также одной из причин серьезной озабоченности их засильем в Комиссии, высказывавшейся Дзержинским*.

---

* Здесь уместно привести неопубликованные воспоминания латвийской коммунистки Л. Браже, приехавшей из Риги в РСФСР в 1920 г., а спустя год направленной в ВЧК. Один раз начальник подразделения, в котором она служила, велел отнести папку с документами на подпись Дзержинскому. В приемной председателя ВЧК ее остановил сотрудник, который, не пропустив к Дзержинскому, стал интересоваться, зачем она к нему идет. На это Браже ответила ему на ломаном русском языке: «Дзержинский скорее документы подпиши». Как раз в это время из кабинета появился сам Дзержинский. «Подражая моим словам, – пишет Браже, – спросил: “Где же Дзержинский скорее подпиши надо?”. Подписав документы, он вернул мне папку и спросил: “...почему не учишься правильно говорить по-русски?”. Я гордо ответила ему, что я работаю, а не учусь, что я латыш из рижской

Сам он хорошо знал русский язык, поскольку в Виленской гимназии, где он учился, как и в других средних учебных заведениях, обучение велось только на русском языке, а говорить по-польски и по-литовски было запрещено вообще⁶⁷. Что же касается чекистов-латышей, то очень не многие из них имели образование выше начального, и изучать русский язык они не всегда имели возможность.

Различия в позициях Дзержинского и многих чекистов-латышей, включая Петерса, по национальному моменту в подборе и расстановке кадров во многом предопределила их дореволюционная партийная деятельность. Дзержинский в 1900–1917 гг. был одним из руководящих работников социал-демократии Польши и Литвы, в которой активную роль, помимо собственно поляков, играли евреи, литовцы и в меньшей степени белорусы. Наиболее точно корни интернационализма Дзержинского вскрыл его соратник по социал-демократии Польши и Литвы К.Б. Радек (Собельсон). Он писал: «В Литве не было фабричного пролетариата. Были еврейские и польские ремесленники, и среди них 16-летним юношей Дзержинский начал свою работу. Необходимость работы и среди польских и еврейских подмастерьев в стране, в которой крестьянство в большинстве своем было литовским, объясняет международное направление чувств и дум Дзержинского. Он учился социализму на польской и на русской литературе, а для работы среди еврейских рабочих учился по-еврейски. Мы смеялись позже, что в правлении польской социал-демократии, в которой был целый ряд евреев, читать по-еврейски умел только Дзержинский, польский дворянин и католик»⁵². Свою интернационалистскую позицию Дзержинский обозначил, в частности, в 1917 г. на 7-й Апрельской конференции РСДРП(б), выступив против большевистского те-

---

тюрьмы». На это последовало возражение Дзержинского: «Коммунист у нас должен работать и учиться... Понял это, латыш?» После этого случая начальник ее отдела, тоже латыш по национальности, направил Браже учиться на общеобразовательные курсы при чекистском клубе (РГАСПИ. Ф.76. Оп. 4. Д. 58. Л. 86–87). Несмотря на то, что эти воспоминания относятся к началу 1920-х гг., можно сделать вывод о том, что как в 1918 г., так и в более поздний период многие сотрудники-латыши, даже пришедшие вновь на чекистскую службу, крайне плохо говорили по-русски. Из этих воспоминаний видно, что глубокая озабоченность Дзержинского их засильем в ВЧК была вызвана в том числе и слабым знанием многими из них русского языка.

зиса о самоопределении наций, считая его противоречащим интернационализму, а сепаратизм – способом борьбы против социализма^{53,*}.

В соответствии с его интернационалистскими воззрениями среди рекомендованных им на чекистскую службу, судя по данным анкет переписи служащих сентября 1918 г., были люди разных национальностей – например обрусевший француз Г.Г. Делафар^{54,**}. Дзержинский на протяжении существования ВЧК действительно привлек в нее на службу ряд своих бывших соратников по работе в СДКПЛ, однако не все они были этническими поляками^{***}. Поэтому с утверждени-

---

* Нужно отметить, что, когда в январе 1921 г. Центроэвак предложил назначить руководителем Смешанной комиссии в Варшаве поляка А.С. Сонье-Доманского, Дзержинский выступил против этой кандидатуры, в частности потому, что, по его словам, «председателем должен быть более русский, чем Сонье» (Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 236).

** Другие члены ВЧК, за исключением Петерса и Лациса, также рекомендовали на службу лиц разных национальностей. Так, в июле 1918 г. заведующим Отделом по борьбе с контрреволюцией и членом ВЧК был назначен социал-демократ с 1897 г. украинец Н.А. Скрыпник, ранее являвшийся председателем Народного секретариата (правительства) Украинской советской республики. Спустя месяц на должность следователя в свой отдел он рекомендовал бывшего подчиненного по секретариату, члена партии с 1901 г. еврея В.В. Липшица, в начале октября ставшего заместителем начальника отдела. Как мы видим, при поступлении в Контрреволюционный отдел ВЧК Липшица, а затем и повышении его в должности, сыграла роль не национальная принадлежность, а прежняя совместная работа со Скрыпником и большой партийный стаж (ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Л. 369, 604; РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1128. Л. 2–3).

*** В 1918–1921 гг. Дзержинским к чекистской работе были привлечены коллеги по СДКПЛ: поляки У.Я. Цимек (член СДКПЛ с 1918 г., а до этого с 1905 г. состоявший в ППС [левице]), назначенный разведчиком в Отдел контроля складов, а затем в Секретный; Ю.А. Шпаровский (член партии с 1905 г.), ставший следователем Отдела по борьбе с контрреволюцией, и С.С. Пилевский (член партии с 1903 г., назначенный уполномоченным по кооперации, а затем юристконсультантом; евреи: сын портного из Лодзи И.А. Визнер (член партии с 1905 г.), занявший пост заведующего Уголовным подотделом Отдела должностных преступлений, а затем следователя при Президиуме, и сын служащего из Млавы И.С. Уншлихт (член партии с 1900 г.) – двою-

ем Дж. Леггетта, выводившего высокий процент лиц польской национальности в ВЧК частично из близкой связи между СДКПЛ и большевистской партией, частично из доминирующей роли Дзержинского, окружившего себя поляками, можно согласиться лишь в первой его части⁵⁵. В качестве доказательства своего тезиса Леггетт приводит пример С.Ф. Реденса, работавшего личным секретарем Дзержинского. В действительности же Реденс в ВЧК был рекомендован в сентябре 1918 г. московской группой польских социал-демократов⁵⁶. Большинство поляков поступило в ВЧК (во всяком случае в 1918 г.) не по рекомендации Дзержинского. Так, например, член социал-демократии Польши и Литвы с 1904 г. Ф.Я. Гжельщак, в январе-феврале 1918 г. являвшийся одним из секретарей ВЧК, поступил в Комиссию как бывший член Петроградского Военно-революционного комитета (с весны 1917 г. он был членом армейского комитета 2-й армии, от которого в октябре 1917 г. вошел в состав ВРК) и работник Военного отдела при ВЦИК^{57,*}.

родный брат жены Дзержинского), ставший зампредом ВЧК; литовец П.В. Эйдукиявичус (социал-демократ с 1894 г., еще в 1890-е гг. состоявший вместе с Дзержинским в литовском социал-демократическом кружке), в 1921 г. возглавивший 13-е спецотделение Особого отдела.

* Далеко не все поляки, работавшие в ВЧК в 1918 г., были связаны с какими-либо своими национальными организациями. Так, поляк православного вероисповедания У.Л. Шуган во время Первой мировой войны бежал из города Докшицы Витебской губернии в Петроград, где, будучи шорником по специальности, поступил работать на одно из предприятий. После Февральской революции он вступил в большевистскую партию, а сразу после Октябрьского восстания был принят на службу в Петроградский ревтрибунал, откуда в январе 1918 г. по рекомендации председателя Следственной комиссии П.А. Красикова перешел в ВЧК, где занимал (на конец сентября 1918 г.) должность следователя Спекулятивного отдела (ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Л. 742. Дополнительные сведения о У.Л. Шугане взяты из воспоминаний его дочерей [Архив автора]). Среди поляков, которые были связаны со своими национальными организациями, можно назвать старшего делопроизводителя Отдела по борьбе с контрреволюцией, а позднее заведующего чекистским Архивом Б.Э. Хржонша. Сын варшавского котельщика, он, окончив 4-классное городское училище, стал работать маляром-живописцем, а затем киномехаником. В 1905 г. Хржонш

В отличие от Дзержинского Петерс являлся выходцем из Социал-демократической партии Латвии, которая в основном была мононациональной по своему составу, и одной из черт ее идеологии являлся национализм. Неудивительно, что рекомендованные Петерсом чекисты были латышами. Таким образом, можно полностью согласиться с утверждением Дзержинского, что Петерс принимал на службу сотрудников сугубо по национальному признаку, и это, по нашему мнению, является свидетельством его националистической позиции по вопросу подбора кадров. Сходная националистическая направленность в приеме сотрудников была и у другого латыша – члена ВЧК, также выходца из латвийской социал-демократии М.Я. Лациса. В пользу этого свидетельствует то, что, согласно анкетам переписи, рекомендованные им как чекисты, так и сотрудники НКВД (где он являлся членом Коллегии) были латышской национальности^{58,*}. Однако в отличие от Петерса он не руководил ВЧК и не возглавлял ее партийную организацию, поэтому возможностей для подбо-

---

вступил в СДКПЛ, подвергался репрессиям властей и был сослан на поселение в Сибирь. Приехав осенью 1917 г. в Москву, он стал работать в Польском комитете по беженцам, а 8 августа 1918 г. по рекомендации Польбюро ЦК был принят на службу в ВЧК (Архив ВЧК. С. 710–711).

* Весной 1918 г. Петерс и Лацис рекомендовали на службу только что вернувшегося из эмиграции члена партии с 1903 г. латыша П.А. Мюллера. В 1906 г. в 20-летнем возрасте Мюллер, получивший к этому времени в Риге среднее образование, скрываясь от властей, нанялся простым матросом и кочегаром на корабль дальнего плавания. Добравшись до Австралии, он остался работать там сначала в качестве разнорабочего, а затем, купив участок земли, стал фермером. После Февральской революции Мюллер отправился в Россию, до которой добрался только в 1918 г. Поступив на службу в ВЧК, Мюллер занял пост начальника Иногородного бюро Информационного отдела, а затем, в июне 1918 г., после организации Иногородного отдела, как техник телеграфа по своей первой специальности возглавил в нем подотдел связи. В начале сентября 1918 г. совместно со своим соплеменником А.М. Лидэ Мюллер привлек на чекистскую службу работника завода «Проводник» Ф.М. Полиса, также латыша по национальности, ставшего замещать его в подотделе (ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Л. 448, 515. Дополнительные сведения о П.А. Мюллере взяты из его анкеты партпереписи декабря 1918 г. [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 242]).

ра, а тем более расстановки, кадров у него было значительно меньше. Кроме того, 16 июля 1918 г. Лацис был командирован на Восточный фронт, и в период образования множества вакантных мест в связи с увольнением левых эсеров он не мог оказывать серьезного влияния на прием сотрудников. Соответственно, число рекомендованных им на службу по сравнению с Петерсом было невелико.

Вполне вероятно, что не только Петерс, Лацис, но и многие рядовые чекисты-латыши сохранили свои идеологические воззрения, что соответствующим образом отражалось на работе Партколлектива ВЧК. Арестованный в начале сентября 1918 г. глава британской дипломатической миссии в России Р. Локкарт впоследствии вспоминал о своих беседах с конвоирами из числа латышей: «Многие из них относились к русским презрительно, считая их стоящими ниже себя. Один латыш сказал мне, что если бы Россия могла выставить в окопы миллион нерусских войск, она непременно выиграла бы войну. Каждый раз, когда латыши наступали, говорил он, их подводили русские, которые никогда не могли их поддержать». При этом некоторые из беседовавших с Локкартом конвоиров стремились вернуться в Латвию⁵⁹. Упомянутые британцем латыши являлись не кадровыми сотрудниками ВЧК, а солдатами принадлежавшего ей воинского отряда. Однако, учитывая, что из бойцов этих отрядов комплектовались кадры разведчиков и комиссаров, можно предположить, что свои воззрения они сохраняли, став и кадровыми чекистами.

Плохое знание многими работавшими в ВЧК латышами русского языка, а также зачастую присущие им националистические взгляды являлись основными причинами того, что они теснее представителей других народностей были связаны со своей национальной средой. Многие из них участвовали в работе латышских партийных клубов, являлись членами латышских секций райкомов партии, а некоторые ранее служили в Комиссариате по латышским делам. По данным анкет переписи, латышскими организациями было рекомендовано 32 только руководящих и специальных сотрудника, тогда как польскими секциями интернационалистской по составу и идеологии СДКПЛ – лишь 2 чекиста, причем один из них – М.Р. Баумгарт – являлся немцем⁶⁰. Еврейские же организации, по данным анкет, вообще никого не направляли, и единственный из чекистов-евреев, состоявший в национальной коммунистической секции – помощник следователя Отдела по борьбе со спекуляцией Н.С. Немзер, – был рекомендован

на службу заместителем наркома по делам национальностей С.С. Пестковским, поляком по национальности^{78,*}.

Таким образом, по сравнению с чекистами-латышами поляки и еще в большей степени евреи имели слабую связь со своими национальными организациями. Однако при этом нельзя согласиться с распространенным мнением о том, что все работавшие в ВЧК евреи, как и другие их соплеменники из большевиков, жестко придерживаясь принципа пролетарского интернационализма, с родным народом себя никак не отождествляли. Большинство евреев-чекистов, как и других советских и партийных работников, вышли из городов и местечек черты оседлости, получили традиционное еврейское воспитание. Многие из них, как минимум до Первой мировой войны, проживая в черте оседлости, были тесно связаны со своей национальной средой. Наконец, целый ряд евреев лишь незадолго до поступления на чекистскую службу перешел к большевикам из национальных левосоциалистических партий – Бунда, Поалей-Циона, СЕРПа и др., и вряд ли за такой небольшой временной промежуток они могли существенно пересмотреть свои воззрения^{**}. В пользу этого сви-

---

* Следует отметить также тот факт, что по сравнению с латышами чекисты-евреи были значительно более разнородной в социальном и партийном отношении группой. Например, комиссар при Президиуме А.Х. Беленький не имел никакого образования, до революции работал типографским наборщиком, с 1900 г. включился в социал-демократическое движение, а секретарь Президиума Г.Н. Левитан закончил среднее химико-техническое училище, в 1917 г. несколько месяцев учился в Михайловском артиллерийском училище в Петрограде, в партию вступил в апреле 1917 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 241. Л. 67; д. 247. Л. 213; оп. 100. Д. 92822. Л. 1–3).

^{**} А.И. Солженицын, говоря о Л.Д. Троцком, пишет, что «сам Троцкий был несомненный интернационалист, и можно поверить его демонстративным декларациям, в которых он отталкивал от себя всякое еврейское... Однако знаменитая фраза Троцкого, что “Россия не созрела до того, чтобы во главе ее стоял еврей”, показывает, что ему, применяя к себе, небезразличен был этот вопрос» (Солженицын А.И. Указ. соч. С. 83–84). Очевидно, что сказанное Солженицыным о Троцком с полным основанием можно отнести и к чекистам-евреям, тем более что многие из них до революции в значительно большей степени, чем Троцкий, долгое время живший в эмиграции, были связаны со своей национальной средой.

детельствует выступление на упомянутом выше собрании ком-фракции 25 июля 1918 г. присутствовавшего в качестве гостя председателя Невельской ЧК А.Г. Бейлина, еврея по национальности. «Я уверен, – сказал он, – что среди вас имеются провокаторы, намеренно раздувающие национальную вражду. Я так и ожидал, что кто-либо крикнет: “Троцкий – еврей”... Я уверяю, что контрреволюционеры всех мастей прыгали бы от радости, слыша, что в выбрасывании левых эсеров виноваты латыши...»⁶² Приводя расхожий антисемитский лозунг «Троцкий – еврей», Бейлин явно исходил из логики, что если среди сотрудников ВЧК – русских существуют антилатышские настроения, то нечто подобное может возникнуть и в отношении его соплеменников, также широко представленных в ВЧК*.

К сентябрю 1918 г. конфликт вокруг засилья в ВЧК латышей, по всей вероятности, удалось внутри ведомства хотя бы внешне сгладить; во всяком случае нами не обнаружено никаких свидетельств того, что этот вопрос вновь поднимался. Причина этого заключалась в том, что официальное объявление после убийства Урицкого и покушения на Ленина «красного террора», ответственность за проведение которого ложилась на чекистов, потребовало от них объединения усилий и максимальной консолидации. Резко обострившийся дефицит чекистских кадров снял актуальность «национального вопроса» с повестки дня. К тому же при проведении террора, в первую очередь касавшегося бывших привилегированных слоев общества, инородцы, угнетенные при прежнем режи-

---

* Весьма примечательно также и то, что единственным из поляков, выступившим на собрании с поддержкой коммунистов-латышей был Я.А. Бялогродский, заявивший, хотя и в более обтекаемой форме, чем Бейлин, что между служащими ВЧК не должно быть национальной розни (ЦАОПИМ. Ф. 64. Оп. 2. Д. 716. Л. 63об.). Он являлся одним из немногих чекистов-поляков, который, будучи членом Польской секции РКП, принадлежал не к СДКПЛ, а к левому крылу партии ПСС, в отличие от первой имевшей в своей идеологии националистический уклон (там же. Л. 11; ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Л. 92). Поэтому, видимо, поляк Бялогродский исходил из той же логики, что и еврей Бейлин: критика русскими латышей может затем быть обращена и против его соплеменников. Из этого можно сделать вывод, что наиболее резко к критике на национальной почве со стороны русских, помимо евреев, относились представители различных народностей – члены националистических партий.

ме и к тому же не имевшие корней в центре России, для этого дела были гораздо предпочтительнее этнических русских.

Исходя из всего вышесказанного, можно лишь частично согласиться с утверждением А.С. Велидова о главенстве в ВЧК в области комплектования личного состава принципа пролетарского интернационализма, по крайней мере применительно к 1918 г.⁶³ Многие служившие в ВЧК латыши, включая ее зампреда Петерса, имели в значительной мере националистические взгляды, что приводило к конфликтам на этой почве их с чекистами других национальностей. При этом у нас отсутствуют сведения о том, что ЦК партии предпринимал какие-либо попытки разрешить эти противоречия. По всей видимости, это было связано с тем, что лидеры большевиков, перегруженные решением множества острейших проблем, не хотели и не могли всерьез вмешиваться во внутренние дела ВЧК, тем более что политический курс этого учреждения их в целом устраивал, а латыши служили важнейшей опорой их режима, что в полной мере проявилось, например, при подавлении левоэсеровского восстания 6 июля 1918 г. Поэтому, следуя в своей деятельности принципу пролетарского интернационализма, руководство ЦК РКП(б), тем не менее, не желало осложнять отношения с латышскими национальными секциями, являвшимися важным источником пополнения коммунистами не только ВЧК, но и других государственных институтов новой власти, включая Красную Армию. Таким образом, в 1918 г. выдвигавшее доктрину пролетарского интернационализма большевистское руководство из-за отсутствия в его распоряжении других кадровых резервов для чрезмерно раздутого аппарата карательного органа вынуждено было примиряться со службой в нем националистически настроенных бывших латышских социал-демократов.

Подводя итоги, необходимо отметить, что широкое участие в работе ВЧК национальных меньшинств, в первую очередь латышей, евреев и поляков, явилось важнейшей особенностью ее кадрового состава. Широкое представительство этих национальностей на чекистской службе было обусловлено рядом факторов. В первую очередь это было проявлением активного участия представителей ряда нерусских народов в революционном движении, а затем в политическом сотрудничестве с большевистскими властями. Это было вызвано демографическими изменениями в структуре городского населения вследствие Первой мировой войны и революции, интернациональной идеологией большевиков и не-

достаточной поддержки новой власти со стороны русской интеллигенции и старого чиновничества. Однако сотрудничество в ВЧК национальных меньшинств имело и свою специфику, связанную с ее функцией расправы с противниками большевиков из числа представителей царской власти и невозможностью сотрудничества в ней специалистов дореволюционного сыска. Угнетение национальных меньшинств при царской власти приводило многих их представителей в ряды революционеров, и они получали опыт нелегальной и боевой работы, а также знакомились с методами деятельности политического сыска. Играло роль и желание многих представителей угнетенных при прежнем режиме народностей отмщения за свое бывшее бесправие.

Служба латышей, евреев и поляков в ВЧК во многом помогала большевикам реализовывать два важнейших принципа подбора и расстановки кадров – партийности и классового подхода. Первый принцип был связан с высоким процентом среди евреев, поляков и особенно латышей членов партии, а второй обусловлен высоким процентом выходцев из пролетариата среди латышей и отсутствием детей дворян, офицеров, чиновников и православного духовенства у евреев.

Внутри ВЧК существовало некоторое распределение обязанностей среди представителей различных национальных групп, связанное с их прежней работой, профессией и уровнем образования. Если на следственных должностях, требовавших хоть какого-то минимума интеллектуального уровня, был высокий процент евреев, то на оперативных должностях, где был полезен опыт боевой работы – латышей. При этом кадры оперативных работников-латышей подбирались не только из латышских революционеров, но и из латышских стрелков из-за наличия у них военного опыта, с одной стороны, и их партийности – с другой. Процент латышей был крайне высок среди обслуживающего персонала, что объяснялось стремлением чекистов-латышей устроить вывезенных из оккупированных немцами прибалтийских областей родственников на получение хорошего пайка, большим количеством среди них лиц рабочих профессий и членством многих из них в Латышской социал-демократической партии. Основной контингент служивших в ВЧК в 1918 г. евреев, как и в других центральных и столичных советских учреждениях, состоял из вернувшихся в 1917 г. из ссылки и в меньшей степени эмиграции революционеров, военнослужащих Петроградского, Московского военных округов и тыловых частей, а также ком-

мунистов, эвакуированных или прибывших с нелегальной работы из мест бывшей черты оседлости (Украина и Белорусия), занятых германскими и австро-венгерскими оккупантами.

Численность в ВЧК представителей национальных меньшинств определили и субъективные факторы, связанные со сложившейся в 1918 г. системой личных рекомендаций при подборе кадров со стороны ответственных работников, в первую очередь Петерса, сосредоточившего в своих руках внутри ведомства не только административную, но и партийную власть. Петерс и многие другие ответственные работники-латыши в силу своей принадлежности к мононациональной латвийской социал-демократии исповедывали националистические взгляды, что приводило к приему ими на чекистскую работу, как правило, своих соплеменников. Это говорит о том, что о главенстве в подборе кадров большевистского принципа пролетарского интернационализма применительно к 1918 г. можно говорить лишь относительно.

В отличие от латышей принадлежавшие к интернациональным по своему составу и идеологии партиям чекисты рекомендовали на службу представителей различных национальностей. В частности, среди привлеченных на службу Дзержинским бывших коллег по СДКПЛ только примерно половина была этническими поляками. Это свидетельствует о глубоком различии в национальном подходе к подбору кадров ВЧК, существовавшем между ее руководителями – Дзержинским и Петерсом.

Националистическая политика Петерса и возглавлявшегося им Партколлектива по подбору кадров и плохое знание многими рекомендованными ими латышами русского языка, существенно отражавшееся на качестве чекистской работы, вызывали протест со стороны ряда чекистов других национальностей, особенно Дзержинского. Это стало одной из причин конфликта между Партколлективом и членами ВЧК, среди которых, кроме Петерса и Лациса, с середины июля 1918 г. в центральном аппарате не работавшего, латышей не было.

К осени 1918 г. можно отметить сглаживание противоречий среди сотрудников ВЧК по национальному вопросу, вызванное введением «красного террора», потребовавшего от чекистов максимальной консолидации. Кроме того, сыграли роль обострившаяся проблема дефицита чекистских кадров, а также то обстоятельство, что в проведении террора инородцы, не имевшие корней в России и ранее подвергавшиеся угнетению, являлись весьма полезным элементом.

Интересно посмотреть на национальный состав репрессированных в 1918 г., и в первую очередь расстрелянных, лиц, «подопечных» главного отдела – Контрреволюционного⁶⁴. Основную массу расстрелянных составляли русские. Однако это объясняется не национальными, а политическими причинами: принадлежностью их к белогвардейским и монархическим организациям (в разгар «красного террора» иногда и мнимым), прошлой службой в жандармерии и Охранном отделении*. Другие же подследственные были в незначительном количестве. Вторая по численности национальная группа арестованных – евреи – в разы была меньше русских (впрочем, сюда мы включаем малороссов и белорусов), причем большая их часть либо освобождалась, либо заключалась в концлагерь. В качестве примера можно привести рассмотренное 10 октября** дело 5 правых меньшевиков, 4 евреев (в их числе упомянутый ранее Г.Я. Аронсон) и 1 русского. Было решено троих (в том числе Аронсона) отправить в концлагерь как заложников, Зарха освободить под поручительство ответственного работника ВСНХ М.З. Ларина-Лурье, до 1917 г. тоже меньшевика, а Коровкина освободить без поручительства. Однако спустя 18 дней и все остальные были освобождены под поручительство Всероссийского совета профсоюзов⁶⁵.

Среди расстрелянных представителей нацменьшинств в то время были большей частью лица, имевшие отношение к савинковскому «Союзу защиты Родины и Свободы». Это были такие люди, как латыши капитан К.Б. Рубис и полковник Ф.А. Бредис, еврей присяжный поверенный А.(Ю.)А. Виленкин. Рубис был расстрелян как близкий сподвижник од-

---

* Неслучайно впоследствии, 17 декабря 1919 г., в приказе ВЧК «О заложниках и арестах специалистов», подписанном Дзержинский и Лацисом – в то время заведующим Секретным отделом, говорилось, что «за какого-нибудь сельского учителя, лесника, мельника или мелкого лавочника, да еще еврея противник не заступится и ничего не даст» (Лубянка. С. 347).

** В этот день вообще пересматривались дела многих меньшевиков, в числе которых были будущие видный советский юрист В.И. Яхонтов и посол СССР в США А.А. Трояновский. Под поручительство члена Коллегии Наркомпрода, имевшего партстаж с 1898 г. (а до этого год состоявшего в Бунде), М.И. Фрумкина был освобожден арестованный по делу о бундовском Московском комитете Геликман (неактивных бундовцев, проходивших по данному делу, освободили еще 24 сентября).

ного из руководителей «Союза защиты...» капитана А.П. Пинки (тоже латыша), державший связь с провинциальными белогвардейцами. Сам Пинка был ранее отпущен Петерсом под обещание о сотрудничестве, после чего скрылся. Интересно, что 20 июля коллегия отдела в составе Скрыпника, Яковлевой, Янушевского, Трепалова и Ротенберга (то есть без латышей) вынесла решение расстрелять Рубиса, а в отношении Виленкина – дело доследовать⁶⁶. Две недели спустя коллегия в составе Скрыпника, Вороницкого, Янушевского и Трепалова постановила применить высшую меру наказания к Бредису, однако тогда же расстрелян он не был. По мнению Здановича, Петерс в это время пытался использовать своего земляка в оперативной игре с англичанами⁶⁷. Виленкин же позднее по настоянию того же Петерса был расстрелян.

Интересно отметить, что вынесение решений в отношении арестованных поляков (например военнослужащих Польского легиона) коллегия Контрреволюционного отдела зачастую предоставляла работавшим в ВЧК их соплеменникам, особенно следователю при Президиуме по польским делам, члену СДКПЛ с 1903 г. Э.А. Прухняку (впоследствии члену ЦК Компартии Польши), а иногда и самому Дзержинскому⁶⁸.

Однако и более гуманное отношение к своим соплеменникам представителей нацменьшинств тоже играло свою роль. Возможно, этим руководствовался следователь Отдела по борьбе с контрреволюцией С.Е. Премыслер, который, как указывалось в постановлении президиума отдела, не ознакомившись с основанием ареста некоего Коганского, обвинявшегося в шпионаже (интересно, в чью пользу?), предлагал его освободить. В результате Коганский был заключен в концлагерь, а Премыслеру было поставлено на вид недопустимое отношение к делу⁶⁹.

Справедливости ради нужно отметить, что подобное различие в подходе к арестованным соплеменникам было характерно не только для евреев и латышей, но и довольно немногочисленных в ВЧК грузин. Так, на заседании ВЧК 15 апреля 1918 г. был заслушан доклад Дзержинского о предложении анархиста Кигурия, подлежавшего суду Военревтрибунала, об оказании услуг Комиссии по раскрытию фальшивомонетчиков и других преступных элементов. Десятью голосами против двух (Александровича и Евсеева) было решено на время командировки Дзержинского в Петроград принять меры к тому, чтобы Кигурия в тюрьму не заключался и был использован для обнаружения преступников. Однако когда спустя

неделю председатель ВЧК вернулся, то узнал, что Кигурия из помещения ВЧК совершил побег, подозрение в попустительстве к чему пало на комиссара Лазариашвили. Тогда Дзержинский дал Лазариашвили сутки на поиски Кигурии, угрожая в противном случае арестом и расследованием. Однако Кигурия так пойман не был. В ходе расследования попустительство Лазариашвили побегу было доказано (заодно выяснилось, что он шантажировал арестованного по одному из дел), и 29 апреля он был уволен и на месяц заключен в тюрьму, после чего выслан из Москвы, причем решено было оповестить сотрудников ВЧК и членов парторганизации о его поступках⁷⁰.

Тенденции в изменении национального состава ВЧК (1919–1922)

Серьезное изменение национального состава ВЧК началось в декабре 1918 г. Оно заключалось в значительном уменьшении численности латышей и было связано не только с сокращением центрального аппарата, но и с попыткой большевистского руководства советизировать Латвию. 6 декабря 1918 г. на заседании чекистского Партколлектива, выступавший от секретариата комитета К.Ю. Бредис доложил, что из-за того, что многие товарищи уезжают в Латвию, секретариат уделяет им половину своей работы и придется выбрать специальную партийную комиссию, которая будет вести только отъезжающими в Латвию⁷¹,*. Когда в январе 1919 г. большая часть территории Латвии была занята Красной Армией, в Риге была провозглашена Латвийская советская рес-

---

* Характерна биография латвийского социал-демократа с 1906 г. Я.А. Якобсона. В начале 1918 г. он занимал ответственные посты в госучреждениях Латвии, а после ее оккупации германскими войсками эвакуировался в РСФСР и, прибыв в Москву в мае 1918 г., был назначен комиссаром Отдела преступлений по должности ВЧК. На этом посту он проработал до начала декабря, а затем ЦК РКП был откомандирован обратно в Латвию на нелегальную работу (ГАРФ. Ф. 374. Оп. 23. Д. 71. Л.17).

публика и образованы ее министерства. Главный отдел учрежденного Министерства внутренних дел – Административный – был разделен на две части – внутреннюю охрану (милицию) и политическую (аналог российской ЧК). Для организации этих подразделов из Москвы была откомандирована большая группа чекистов-латышей. Так, инструктором для формировавшегося МВД направили комиссара ВЧК Я.П. Грицмана. С этой же целью в феврале 1919 г. в Ригу был послан ранее работавший следователем ВЧК и МЧК член большевистской партии с 1913 г. Я.К. Крауклис⁷². Притом это касалось не только оперативных и следственных работников. Так, Е.Л. Берзин, вступившая в партию в 1904 г., до революции работавшая в Риге ткачихой, в Москве в 1918–1919 гг. была помощницей заведующего столовой ВЧК, а в начале 1919 г. вернулась в Ригу, где возглавила столовую Нарпита (после падения Советской власти стала работать канцеляристкой в продкоме Великих Лук)⁷³.

После повторного занятия в конце мая 1919 г. немецкими войсками Риги и прекращения существования Латвийской советской республики подавляющее большинство бывших чекистов либо остались на подпольной работе, либо ушли в Красную Армию. Из вернувшихся в Москву очень немногие были вновь приняты на работу в ВЧК*. Во многом это было связано с переменами в чекистском руководстве. В марте 1919 г. Дзержинский отчасти благодаря значительному уменьшению численности и, соответственно, ослаблению влияния латышских большевиков сумел добиться снятия Петерса с поста зампреда ВЧК. 5 марта 1919 г. он был заменен на этом посту секретарем ВЧК И.К. Ксенофоновым⁷⁴. Оставаясь членом чекистской Коллегии, Петерс не получил в центральном аппарате никакой должности, являясь лишь сопредседателем Мосревтрибунала, а вскоре был направлен в Петроград комендантом Укрепрайона и начальником внутренней оборо-

---

* Некоторые лица, вернувшиеся из Латвии и принятые в ВЧК, ранее в этом учреждении не работали. Одним из них был член Латвийской социал-демократической партии с 1911 г. Я.Я. Рачен, в 1918–1919 гг. работавший в Риге сначала в качестве подпольного пропагандиста, а во время существования Латвийской советской республики – в местных партийных учреждениях. После падения Советской власти в Латвии он приехал в Москву и поступил в Управление Особого отдела в качестве помощника начальника Оргинструкторского отдела (ГАРФ Ф. 533. Оп. 2. Д. 1664. Л. 5).

ны города*. По мнению В. Тополянского, опала Петерса была связана со смертью от быстротечной «испанки» его покровителя Я.М. Свердлова⁷⁵. Однако последний умер 13 марта 1919 г., то есть спустя 8 дней после снятия Петерса. Поэтому если отсутствие его главного партийного патрона и негативно отразилось на его судьбе, то лишь в том, что вплоть до ликвидации ВЧК Петерс ни разу не занял в ее центральном аппарате руководящей должности. По нашему мнению, важным моментом в отставке Петерса, помимо уже упомянутого нами ослабления латышского «лобби», явилось желание Ленина, в целом поддерживавшего ВЧК, принести коммунистам, критиковавшим как ее деятельность, так и само существование, своего рода «искупительную жертву» в лице руководителя, выступавшего за полное сохранение ее полномо-

---

* В мае 1919 г. Петерс вернулся в столицу и Моссоветом был назначен единственным председателем Мосревтрибунала (Архив ВЧК. С. 697). С 28 мая 1919 г. в течение недели он также руководил Временным объединенным оперштабом ВЧК-МЧК по борьбе с контрреволюцией. Решался вопрос о переводе его в МЧК, в первую очередь для борьбы с особенно враждебными ему левыми эсерами. Однако 6 июня В.И. Ленин командировал Петерса чрезвычайным комиссаром в Петроград, и в результате отбытия из Москвы 12 июня он расстался с руководящими постами и в Оперштабе, и в трибунале (МЧК. С. 149–151; В.И. Ленин. Биохроника. Т. 7. М., 1976. С. 269). Далее Петерс, будучи членом Коллегии ВЧК, находился на различных должностях на Украине, Северном Кавказе и в Средней Азии, а в центральный чекистский аппарат вернулся только в 1922 г. после конфликта со своим заместителем Г.М. Привороцким, обвинившим его в ряде служебных упущений, в первую очередь в развале агентурной работы. В середине 1922 г. он был назначен начальником вновь организованного Восточного отдела ГПУ, однако это скорее был номинальный пост, больше призванный поднять значимость нового подразделения; основное руководство работой этого отдела было сосредоточено в руках его заместителей – более молодых сотрудников как по возрасту, так и по партийному и чекистскому стажу: сначала В.А. Стырне, затем Н.Л. Волленберга и Т.М. Дьякова. В начале 1922 г. Петерс обратился к Ленину с письмом о несвоевременности ликвидации ВЧК и попросил о личной встрече с ним по этому вопросу, но получил отповедь последнего в направленной ему 1 марта записке и отказ от встречи со ссылкой на болезнь (В.И. Ленин и ВЧК. С. 530). Мы видим, что и по вопросу о реорганизации ВЧК в ГПУ Петерс с Дзержинским расходились.

чий и к тому же наиболее ответственного за проведение «красного террора» в центре. Таким образом, в начале 1919 г. Петерс потерял в ВЧК не только административную власть (должность зампреда), но и партийную (руководителя Партколлектива), и уже не мог оказывать какое-либо серьезное влияние на подбор и расстановку чекистских кадров.

В апреле 1919 г. рассталось со своей должностью и другое ответственное лицо в ведомственной и партийной иерархии ВЧК – зав. и зам. зав. Транспортным отделом и секретарь Партколлектива Ю.Ю. Янель, откомандированная на партийно-журналистскую работу в Латвию⁷⁶.* Из остальных членов Партколлектива, сформированного Петерсом, никого, за исключением заведующего Финхозотделом Рамана, не было в центральном чекистском аппарате уже к январю 1919 г.⁷⁷ Позднее партячейку возглавил чекист относительно невысокого ранга С.Ф. Гусев. 32-летний Гусев, по профессии рабочий зеркалорезчик, был членом партии с 1907 г., в 1919 г. служил дежурным по связи при Президиуме ВЧК, в 1920 г. в этом же

---

* До революции Янель, помимо сельского училища, закончив бухгалтерские курсы, работала счетоводом сначала в родном Вольмарском уезде, а со времени Первой мировой войны – в Москве. Вступив еще в 1912 г. на родине в социал-демократическую организацию, с лета 1917 г. и до поступления в ВЧК в апреле 1919 г. она работала в партийной прессе, в частности входила в редакцию выходившей на национальном языке латышской газеты «Социал-демократ». Весной 1919 г. Янель в Риге была членом редколлегии коммунистической газеты «Циня». Затем она служила начальником информационного подотдела политотдела Армии Советской Латвии – 15-й армии и в Пскове заведовала информацией Загранбюро латвийской Компартии. С 1920 г. Янель находилась на нелегальной партработе в Латвии, где в 1921 г. была арестована, а в 1922 г. выслана в Россию. В 1925 г. она окончила факультет общественных наук 1-го МГУ, а затем аспирантуру РАНИОН, где после была ученым секретарем. С 1930 г. Янель была старшим научным сотрудником Комакадемии, преподавала литературу во 2-м МГУ. В 1931–1934 гг. она заведовала сектором литературы издательства «ИЗО», а с 1934 г. являлась заместителем ответственного редактора литжурнала «Целтне» латышского общества «Прометей», состояла членом Союза писателей СССР. Арестованная 30 ноября 1937 г., Янель была приговорена к высшей мере наказания Комиссией НКВД и Прокуратуры 25 января 1938 г., а расстреляна спустя 9 дней. Реабилитировали ее в 1956 г.

подразделении являлся помощником начальника отделения связи Президиума (начальником был П.А. Мюллер), а на следующий год возглавил чекистское Шифрбюро. Сохранилась его любопытная записка от 1 февраля 1921 г., в которой затронут национальный момент: «На вопрос товарища Беленького: спокойно ли у нас в ячейке, ответ мой: да, спокойно, и никакой заварушки нет, как это было раньше... Фактически мы боролись и... с товарищами латышами, которые и сейчас не довольны членами бюро ячейки, что взяли в руки русские. Но все же есть выпады отдельными товарищами латышами (так в тексте. – О.К.). Надеюсь, что при докладе бюро, когда будут перевыборы, и последних ликвидируем» (Гусев в характерной для рабочего с низким образовательным уровнем форме сообщает о стремлении к неизбранию на партийные должности в ВЧК латышей)⁷⁸.

В конце 1918–1919 г. в связи с событиями в Латвии происходила ротация латышских кадров и в Корпусе войск ВЧК. 23 декабря Президиум ВЧК, заслушав вопрос о командировках латышей из частей корпуса ВЧК в латышские части, постановил предложить Валоубуеву войти в переговоры с РВС об упорядочении командировок латышских солдат в свои национальные части, так как «та система командировок, которая теперь применяется, только дезорганизует отряды ВЧК»⁷⁹.

В 1919 г. для установления более тесной связи с военнослужащими-латышами Штаба ВЧК-ВОХР туда из центрального чекистского аппарата и МЧК было переведено некоторое количество оперативных, канцелярских и хозяйственных работников – их соплеменников. Так, 21 июля на должность шифровальщицы Оперода Штаба ВОХР была переведена из МЧК большевичка с 1918 г., состоявшая в партийной Латсекции, А.И. Аустринь⁸⁰. До революции трудившаяся в Латвии портнихой и швеей, в середине 1918 г. она поступила на должность экономки в Хозотдел ВЧК, а в декабре 1918 г. была переведена в МЧК, где сначала занимала аналогичную должность, а затем стала делопроизводителем-журналистом. Однако с шифровальным делом в Штабе ВОХР Аустринь справлялась, скорее всего, не очень успешно, так как 22 ноября 1919 г. она перешла в политотдел этого органа вновь на должность журналистки^{81,*}.

---

* Ее брат, член партии с 1907 г., Р.И. Аустринь в указанное время возглавлял Пензенскую губЧК, в 1920-е гг. являлся начальником отделений в Секретном отделе ВЧК-ОГПУ, а в

Вследствие как политического фактора, связанного с положением в Латвии, так и кадровых перестановок в руководстве ВЧК и в ее Партколлективе национальный состав центрального чекистского аппарата претерпел изменения. На июль 1919 г. среди 126 управленцев и специалистов ВЧК (без Особого отдела) доля нацменьшинств была следующей: латышей было 21 чел. (16,7%), евреев – 15 чел. (11,9%), поляков и литовцев – 4 чел. (3,2%)^{82,*}. Остальные нацменьшинства были представлены в ВЧК считанными единицами. По сравнению с сентябрем 1918 г. заметные изменения претерпела только удельная доля латышей, которая упала в три раза, что подтверждает наш вывод о первостепенном влиянии политического и личного факторов на изменение представительства различных народностей в чекистском ведомстве.

Осенью 1919 г. национальный состав ВЧК вновь претерпел серьезные изменения. В первую очередь они были связаны с заметным возрастанием среди чекистов, особенно следственных и оперативных работников, евреев. Так, на ноябрь 1919 г. среди 158 управленцев и специалистов ВЧК (не считая «особистов») было 33 еврея (20,9%), 23 латыша (14,6%), 7 поляков и литовцев (4,4%)⁸³. Более чем двукратное по сравнению с июлем увеличение евреев объяснялось сугубо территориальной причиной. Она была связана с эвакуацией осенью 1919 г. из занятых деникинскими войсками

1930-е руководил управлениями НКВД Северного края и Кировской области.

* Среди оперативных и следственных работников Президиума (включая руководителей данных подразделений) в начале июля было 11 русских (Ф.Я. Мартынов, Г.М. Иванов, Т.Т. Семенов, Г.В. Хрусталеv, А.П. Лебедев, А.О. Белов, А.И. Каузов, В.А. Уткин, И.Н. Чугунихин, И.В. Игнатьев, Г.В. Соловьев), 8 латышей (А.Я. Дальдер, И.И. Скраме, Л.М. Заковский, К.И. Вейс, А.Г. Битенек, А.П. Эрман, А.Ф. Глейтнер, Р.А. Зарин, Э.М. Удрис, 3 еврея (А.Я. Беленький, А.И. Гольдинфудин [Гольдин-Фудин] и И.А. Визнер), караим (С.Л. Пупко), поляк (И.И. Шимановский), белорус (В.В. Скоринко). В Президиуме в это время работал и представитель нетрадиционной для России национальности С.А. Гарин – сын обрусевшего шотландца А. Гарфильда, режиссера Большого театра (мать Гарина была русская – племянница известного композитора А.Ф. Львова). В начале 1920-х гг. он был комиссаром обороны Черного и Азовского морей, морских сил Дальневосточной республики, позднее находился на литературной и киносценарной работе в Ленинграде, где умер в 1927 г.

областей Украины сотрудников местных учреждений, в том числе чрезвычайных комиссий, среди которых преобладал еврейский элемент. В частности, 15 сентября 1919 г. Коллегия ВЧК решила «всех товарищей, эвакуировавшихся с Украины и находящихся в г. Гомеле без продуктивной работы, вызвать в Москву»^{84,*}. Наибольшее число вновь поступивших евреев являлись в прошлом сотрудниками Киевской губЧК. Так, инспектор Специального и ревизор Экономического и Секретного отделов ВЧК М.Л. Гринштейн ранее был в Киевской ЧК заведующим Спекулятивным подотделом, следовательно этого же подразделения ВЧК С.М. Цвибак (он прибыл в Москву и поступил в отдел еще раньше планомерного перевода украинских сотрудников) – заведующим Юридическим отделом, разведчик Секретного отдела центрального чекистского аппарата Б.А. Манькин в Киеве являлся заместителем Цвибака, а разведчик Спецотдела И.А. Гониодский заведовал Общей канцелярией Киевской ЧК^{85,**}. Украинцев же в Киевской,

* В качестве примера эвакуированного с Украины работника-еврея, поступившего в центральный аппарат ВЧК, можно привести биографию члена партии с 1906 г. Г.М. Привороцкого. В 1918–1919 гг. он занимал руководящие должности в Уральской и Вятской ЧК, а в июне 1919 г. как уроженец Киевской губернии, хорошо знавший Украину, Дзержинским был направлен во Всеукраинскую ЧК, но по прибытии в Киев был назначен председателем военно-окружного трибунала. При занятии белыми Киева в конце августа 1919 г. Привороцкий был эвакуирован в Москву, где сразу же получил должность следователя при Президуме ВЧК, а затем некоторое время исполнял обязанности начальника всей чекистской Следчасти (ГАРФ. Ф. 9503. Оп. 1. Д. 43. Л. 195–200). Привороцкий был мужем жены Л.М. Кагановича М.М. Привороцкой, что, возможно, впоследствии помогло ему, работавшему на руководящих должностях в системе арбитража, избежать репрессий.

** Киевской губЧК в 1919 г. руководил сначала командированный из Москвы еврей И.И. Сорин (по данным Болеросова, настоящая фамилия его была Блувштейн), а затем, после ее слияния с Всеукраинской ЧК, председателем последней был М.Я. Лацис. После возвращения в Москву в сентябре 1919 г. Лацис возглавил Секретный отдел, а Сорин стал членом коллегии вновь организованного Экономического отдела. То, что осенью 1919 г. наибольшее число чекистов-евреев были сотрудниками именно Секретного и Экономических отделов, является свидетельством того, что многие из них ранее работали под началом Сорина и Лациса на Украине.

как и в других губЧК Украины, было крайне незначительное количество, что во многом объяснялось их относительно малым участием в революционном движении. Поэтому в отличие от евреев их доля в центральном чекистском аппарате осенью 1919 г. возросла крайне незначительно*.

---

* При новом приходе в конце 1919 – начале 1920 г. Советской власти на Украину большевистское руководство, учитывая печальный опыт еврейских погромов весны-осени 1919 г., сделало попытки серьезно ограничить посылку туда советских работников (в том числе чекистов) из евреев, заменив их украинцами. Однако по причине серьезного дефицита национальных украинских кадров эта попытка не увенчалась успехом, и туда вновь посылались евреи, в том числе бывшие ранее на Украине (*Павлюченко С.А.* Военный коммунизм в России. М., 1997. С. 261). Так, из Москвы в Донецкую область был направлен Сорин, в Киев – И.Н. Шейнкман-Стодолин (правда, оба не на чекистскую работу), на Воынь – наряду с украинцем В.А. Балицким разведчик Секретного отдела ВЧК Б.А. Манькин и секретарь Секретно-оперативного отдела МЧК С.И. Западный (Кессельман) (в мае-августе 1919 г. он являлся секретарем Секретно-оперативного отдела Одесской ЧК, приехав в Москву, был направлен 9 октября 1919 г. в Секретный отдел ВЧК, где комиссаром проработал около полумесяца, а затем его перевели в МЧК). Секретарь другого отдела МЧК Н.Л. Рубинштейн вернулся на чекрабату в Киев, где ранее в ЧК был секретарем и заведующим Юротделом. Кроме того, для руководства Всеукраинской ЧК из МЧК были направлены русские В.Н. Манцев и Е.Г. Евдокимов и латыш К.М. Карлсон (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 12. Л. 32; д. 147. Л. 128; *Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьов В.* ЧК-ГПУ-НКВД в Україні: особи, факти, документи. Київ, 1997. С. 476, 470, 511, 484–485, 512). Манцев взял на Украину для борьбы с анархистами-боевиками и уголовниками бывшего комиссара при Президиуме ВЧК русского Ф.Я. Мартынова, теперь руководившего ударной группой по борьбе с бандитизмом, тоже преимущественно состоявшей из русских (большинство из них являлись бывшими солдатами чекистских воинских частей, расквартированных в Москве, только несколько – перевербованными анархистами), которые выехали с ним (подробно о Мартынове и его группе см.: *Березин Ф.Я., Кривец В.Д., Штутман С.М.* Федор Мартынов – гроза бандитов. М., 2009).

Нужно отметить, что некоторые московские евреи-чекисты ранее находились на Украине не на чекистской, а на другой советской или партийной работе и в 1920 г. на нее и вернулись. Характерным примером является биография члена партии с

В ноябре 1919 г. среди сотрудников незадолго до этого созданного Специального отдела был довольно высокий процент выходцев из Закавказья – армян и в меньшей степени грузин, тогда как в других подразделениях их почти не было⁸⁶. Спецотдел возглавил С.М. Тер-Габриэлян, в 1918 г. являвшийся председателем ЧК Бакинской Коммуны⁸⁷. После падения в конце июля 1918 г. Бакинской Коммуны часть сотрудников ЧК во главе с председателем была эвакуирована в Москву – они и составили костяк образованного в сентябре 1919 г. Спецотдела*.

Обращает на себя внимание и вновь увеличившееся осенью 1919 г. число латышей среди оперативно-надзорных работников Комендатуры, в обязанность которой, помимо надзора за заключенными, входило и приведение в исполнение расстрельных приговоров. Так, в октябре 1919 г. в Комендатуру на должности надзирателей из 1-й отдельной чекистской роты были откомандированы П.И. Магго (Маго), с 1920 по 1931 г. осуществлявший расстрелы на посту коменданта чекистских домов, а в течение последующего десятилетия вплоть до своей смерти – в качестве сотрудника по особым поручениям Комендатуры ОГПУ-НКВД, П.М. Берзин и А.А. Дунц. В итоге к концу 1919 г. 4 из 7 сотрудников старшего оперативно-надзорного персонала являлись лицами латышской национальности, включая коменданта К.И. Вейса (после Другова все коменданты ВЧК были латышами)⁸⁸. По нашему мнению, это было связано с усилением в период наступления

1905 г. И.М. Беседова. До весны 1918 г. он возглавлял волостную управу в родном селе Каменское Екатеринославской губернии. Прибыв после занятия Украины в Москву, он стал сначала руководить отделом вооружения и снабжения в Главном управлении милиции НКВД, а после образования МЧК стал следователем ее Предварительно-следственной части. В 1920 г. Беседов вернулся на родину и возглавил ту же самую структуру, именовавшуюся теперь волисполкомом (ЦАОПИМ. Ф. 64. Оп. 2. Д. 716. Л. 18; *Скоркин К.В.* НКВД РСФСР. С. 605).

* Тот факт, что из представителей национальностей Закавказья в годы Гражданской войны в чекистских органах, в том числе в центральном аппарате, работали в основном армяне и грузины, объясняется не только более высоким уровнем их общего и политического развития, но и широким, в отличие от мусульман, участием в российском революционном движении до 1917 г. и, соответственно, наличием у них большого партийного стажа и опыта нелегальной работы.

войск Деникина репрессивной политики, использования системы заложничества. В связи с этим, аналогично периоду официального «красного террора» осени 1918 г., ответственность за приведение в исполнение смертных приговоров была возложена на латышей, не имевших корней в России*. Можно согласиться с мнением американского историка Л. Герсона, писавшего, что была минимальная вероятность того, что среди жертв тюремщиков и экзекуторов из иностранцев и инородцев окажутся их родственники или члены семьи⁸⁹. Свою роль играло и определенное неприятие частью латышей русского народа, ассоциировавшегося у них с царской властью и Российской империей.

Уже к середине 1919 г. примерно половину управленцев и специалистов ВЧК составляли русские. Так, например, на ноябрь 1920 г. из 20 ответственных работников Транспортного отдела 4 (В.Л. Мазия, И.Н. Шейнкман-Стодолин, И.М. Гадло и К.С. Зильберман) были евреями, а остальные – русскими.

Главная причина этого состояла в том, что в условиях Гражданской войны основным источником пополнения кадров центрального аппарата стала столица, а подавляющее большинство москвичей были русскими, что подтверждается данными об этническом составе депутатов Моссовета в этот период. По данным на 1 марта 1920 г., среди городского депутатского корпуса было русских 89,8%, евреев – 4,1%, латышей – 3%, поляков – 2,1%⁹⁰. Таким образом, по сравнению с 1918 г. национальный состав ВЧК в 1919 г. в значительно большей степени соответствовал национальному составу городской номенклатуры и, соответственно, этническому облику столицы.

На протяжении 1919 г. в состав Коллегии ВЧК входили в общей сложности 17 чел. Из них было 10 русских (И.К. Ксенофонтов [Крайков], М.С. Кедров, К.М. Валобуев, И.Д. Чугурин, В.В. Фомин, И.П. Жуков, С.Г. Уралов [Кисляков], В.И. Савинов, В.Н. Манцев, С.Т. Ковылкин), 3 латыша (Я.Х. Петерс, М.Я. Лацис [Я.Ф. Судрабс] и А.В. Эйдук), 1 поляк (Ф.Э. Держинский), 1 еврей (Г.С. Мороз), 1 армянин (В.А. Аванесов [С.К. Мартиросян]), 1 белорус (Ф.Д. Медведь). Изменения, про-

---

* Члены ЦК Партии социалистов-революционеров в вышедшем в эмиграции сборнике, посвященном чрезвычайным комиссиям, отмечали высокую роль именно латышей в репрессивной работе Комендатуры, которую авторы сборника именовали тюремной администрацией (Че-Ка. Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий. Берлин, 1922. С. 152–153).

изошедшие в национальном составе центрального аппарата ВЧК в конце 1918 – начале 1919 г., привели к тому, что он стал в значительно большей степени соответствовать национальному составу высшего чекистского руководящего органа.

В нашем распоряжении нет данных о том, что большевистское руководство в годы Гражданской войны предпринимало какие-либо попытки регулировать национальный состав ВЧК. Достоверно известен только один подобный случай. 18 апреля 1919 г. на заседании Политбюро в составе Ленина, Крестинского, Сталина, Троцкого было заслушано заявление последнего о том, «что огромный процент работников прифронтовых ЧК, прифронтовых и тыловых исполкомов составляют латыши и евреи, что процент их на самом фронте сравнительно невелик и что по этому поводу среди красноармейцев ведется и находит некоторый отклик сильная шовинистическая агитация». По мнению Троцкого, необходимо было перераспределить партийные силы в смысле более равномерного распределения работников всех национальностей между фронтом и тылом. На заседании Политбюро было решено предложить Троцкому и И.Т. Смилге составить соответствующий доклад в качестве директивы ЦК комиссиям, ведающим распределением сил среди центральных и местных организаций и фронтом⁹¹. Нет никаких сведений о том, что данная директива была выпущена, а тем более о какой-либо ее реализации.

В этом основную роль сыграли сложности с подбором чекистских кадров и, соответственно, частое отсутствие альтернативных кандидатур русских по национальности на занятие должностей в карательном органе. Само же предложение Троцкого, с нашей точки зрения, нельзя объяснить, как это делает Л.Ю. Кричевский, его «еврейским комплексом»⁹². Во-первых, заявление касалось не только его соплеменников, но и латышей. Во-вторых, на заседании речь шла в основном о прифронтовых и армейских учреждениях, и лишь вскользь был упомянут центральный аппарат, где евреев и латышей было также большое количество. Поэтому стремление большевистского руководства ограничить представительство евреев и латышей именно в региональных чрезвычайных комиссиях, причем лежащих в прифронтовой полосе, можно объяснить борьбой с шовинистическими настроениями среди местного населения и красноармейцев.

Относительно евреев наш вывод также подтверждает приводимая в статье Кричевского записка заведующего Инст-

рукторским отделом и члена Коллегии ВЧК Г.С. Мороза, отправленная в ЦК РКП в апреле 1919 г. и касающаяся положения еврейских масс в Западном крае. Наряду с шагами по землеустройству евреев и проведением агитационных мероприятий Мороз предлагал провести и кадровые перестановки, заключавшиеся в том, чтобы официально убрать евреев с ответственных «комиссарских» постов в городах бывшей черты оседлости, наиболее зараженных антисемитизмом, а также призвать евреев-коммунистов в качестве рядовых в Красную Армию. «Думаю, – писал Мороз, – что настоящий доклад не вызовет обвинений меня в чем-либо. Нахожу нужным отметить, что я еврей, работавший и работающий все время среди еврейского пролетариата, с коим я связан тесными узами. Как бы мне не хотелось писать обо всем изложенном, но преданность Революции подсказывает мне это сделать»⁹³. При этом нет никаких свидетельств того, что тот же Мороз поднимал вопрос о большом количестве своих соплеменников в центральном аппарате. Это еще раз подтверждает то, что довольно робкие попытки регулировать национальный состав чекистских органов большевиками предпринимались с тем, чтобы, с одной стороны, не давать повода для пропаганды их противников в прифронтовых районах, а с другой – предотвратить еврейские погромы в местностях бывшей черты оседлости. Москва же не являлась прифронтовым городом, и число евреев, несмотря на его значительное увеличение с 1917 г., все же резко отличалось от Украины и Белоруссии – мест их традиционного проживания. Поэтому в центральном чекистском аппарате попытки регулирования национального состава предпринимались только внутри ведомства самим его руководителем – Дзержинским, и касались они не евреев, широко представленных, но не являвшихся доминирующей группой, а латышей.

На изменение национального состава чекистов в 1919–1920 гг. серьезное влияние оказывала военно-политическая обстановка в России. Результатом советско-польской войны стало увеличение в центральном аппарате ВЧК числа этнических поляков, прибывших с Западного фронта как с чекистской, так и с военной и партийной работы. Как правило, они становились сотрудниками подразделений, занимавшихся разведывательной и контрразведывательной деятельностью. Кроме того, на службу в ВЧК был принят ряд польских офицеров-перебежчиков из армии Пилсудского. Так, подпоручик Разведотдела Генштаба Польской армии И.И. Добржинский,

социалист по убеждениям, являвшийся резидентом в Москве, был в июне 1920 г. арестован ВЧК. После вербовки его Дзержинским в августе 1920 г. он был освобожден и направлен в Петроград, где ему удалось перевербовать другого резидента – В.С. Стецкевича. С 1 января 1921 г. под псевдонимом «Сосновский» Добржинский начал работать в Особом отделе ВЧК сначала в качестве сотрудника для поручений, а затем – уполномоченного по важнейшим делам. Также в Особом отделе стали работать В.С. Стецкевич (под фамилией «Кияковский») и еще ряд поляков, завербованных Добржинским⁹⁴.

Сыграла роль в увеличении в 1920 г. среди чекистов числа этнических поляков также работа по подготовке аппарата для будущей Польши в случае ее советизации.

По-видимому, именно увеличившаяся доля польских кадров дала повод бывшему ответственному дипломатическому работнику, ставшему в конце 1920-х гг. невозвращенцем, С.В. Дмитриевскому написать о доминирующей роли поляков в чекистском руководстве 1920-х гг.⁹⁵ И хотя данное утверждение было сильно преувеличенным (в число поляков Дмитриевский включил и Г.Г. Ягоду, ни по национальности, ни по месту рождения никакого отношения к Польше не имевшего), ему удалось подметить определенную тенденцию в подборе чекистов-поляков, вызванную советско-польской войной*.

В начале 1920-х гг. продолжался некоторый приток в центральный аппарат ВЧК и латышских кадров, в основном за счет коммунистов, вернувшихся с нелегальной работы из

---

* Эта тенденция чуть было не проявилась в назначении поляка-политработника, не служившего ранее в органах ЧК, главным чекистским администратором. 13 августа 1921 г. на заседании Президиума ВЧК Уншлихт предложил назначить начальником Адморгупра хорошо ему знакомого члена РВС Западного фронта Р.А. Муклевича, имевшего партстаж с 1906 г., ранее служившего комиссаром ряда штабов на этом фронте. Решение о назначении Муклевича преемником Ягоды, который уже месяц как совмещал этот пост с должностью управделами, было принято (Архив ВЧК. С. 465). Однако оно так и не состоялось, а Муклевич в столицу был переведен лишь год спустя и назначен по линии своего же ведомства комиссаром Военной академии РККА. Любопытно, что спустя месяц должность начальника АОУ все же была занята поляком. Но это был имевший двухлетний чекистский стаж С.Ф. Реденс. Ранее другой этнический поляк, но тоже не с Западного фронта – В.И. Плятт – стал начальником Оперода Западного фронта.

Латвии, а также военнослужащих, в том числе комсостава Красной Армии. Так, уроженец Курляндии Ю.Ю. Аплук, в феврале-сентябре 1921 г. возглавлявший инспекторский отдел Управления войск ВЧК, в годы Первой мировой войны на офицерских должностях служил в Латышском запасном полку. В 1918 г. он перешел в Красную Армию, а спустя год – в войска ВОХР, которые в январе 1921 г. были реорганизованы в войска ВЧК⁹⁶.

Нужно, однако, отметить, что высокий процент латышей сохранялся и в подразделениях, возглавлявшихся их соплеменниками, в частности М.Я. Лацисом*.

---

* В начале ноября 1918 г., когда с приезда Лациса с Украины прошло еще относительно немного времени, латышское участие в возглавлявшемся им Секретном отделе было относительно незначительным: оно было представлено членом коллегии К.М. Карлсоном, уполномоченным по политпартиям Л.П. Резаусским, разведчиком Ф.П. Гоба, заведующим музеем (!) Я.Я. Мацкаром и еще несколькими статистиками и конторщиками. Русскими же являлись, в частности, член коллегии отдела Г.М. Иванов, зав. Статистическим отделением Н.И. Кутын, следователь Ф.Ф. Крюковский, помощник следователя М.Я. Иванов, комиссары С.Г. Нефедьев, В.П. Субачев, М.Н. Орлов, разведчики Г.И. Уточкин и В.С. Шкурин, делопроизводитель В.В. Шибов и др. (один сотрудник был украинцем – инспектор В.А. Балицкий). Наконец, евреев, в том числе из-за перевода ряда из них с занятой белыми Украины, было примерно столько, сколько русских: помощник заведующего М.А. Дейч, уполномоченные Х.В. Пинес (по борьбе со спекуляцией), Ф.Д. Чайковская, З.И. Красильщик, Р.С. Каменецкая, следователь И.С. Фрид, комиссар И.М. Шамес, разведчики Б.А. Манькин и Л.Л. Зильберман, счетовод М.Г. Баренбойм, регистратор Е.Е. Кайдановский и некоторые др. (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 18. Д. 20. Л. 108–109). Однако к лету 1920 г. в отделе Лациса национальная «окраска» несколько изменилась. Состав руководителей подразделов стал полностью «интернациональным»: еврей Б.А. Бердичевский, русский Я.Н. Кожевников и латыш Л.П. Резауский, – однако уже среди уполномоченных, на которых ложилась основная тяжесть работы по политическому розыску, преобладали латыши: пятеро – Р.И. Боднек, Ю.Ф. Девингаль, А.А. Крафт, И.Я. Розе, В.Х. Штейнгардт, против четырех евреев (М.В. Бренер, Р.С. Каменецкая, З.И. Красильщик, Х.В. Пинес), русского В.В. Фортунатова и украинца В.И. Витлицкого (Витлицкий ранее состоял членом Коллегии, возглавлявшейся Лацисом Всеукраинской ЧК; впрочем, и там среди руководящих работников он и Балицкий были одними из

В составе Коллегии ВЧК, утвержденной 29 июля 1920 г., было 5 русских (И.К. Ксенофонтов, М.С. Кедров, В.Н. Манцев, Н.Н. Зимин и В.С. Корнев), 2 поляка (Ф.Э. Дзержинский и В.Р. Менжинский), 2 латыша (М.Я. Лацис и Я.Х. Петерс), 2 еврея (Г.Г. Ягода и С.А. Мессинг), 1 белорус (Ф.Д. Медведь) и 1 армянин (В.А. Аванесов). По сравнению с 1919 г. в нем несколько уменьшилась доля русских и латышей и увеличилась – поляков и евреев.

В связи с организационным реформированием ВЧК, начавшимся после окончания Гражданской войны, а затем реорганизации ее в ГПУ, а также более планомерным распределением ее кадров наметился и ряд новых тенденций в ее национальном составе. Созданный Иностранный отдел был полностью интернациональным, что можно хорошо видеть на примере расстановки управленцев и специалистов на март 1921 г.: армяне Р.П. Катанян и Я.Х. Давтян-Давыдов, русские Г.Е. Прокофьев и Н.Г. Самсонов, евреи К.С. Зильберман и Г.Е. Луцкий (Еланский), латыш Ф.Х. Булле, немец М.А. Краузе, – но все это были уроженцы Российской империи. Однако для серьезной организации внешней разведки и контрразведки требовались и иностранцы. В этой связи важным кадровым источником должны были стать политэмигранты из стран Западной и Восточной Европы, как правило, члены зарубежных компартий. Об этом, в частности, свидетельствовала направленная в ЦК в феврале 1921 г. записка председателя МЧК С.А. Мессинга и начальника Особого отдела МЧК И.Л. Леонова с просьбой откомандировать в распоряжение Особого отдела (в то время самостоятельного Иностранного отдела в МЧК не было) для ответственной работы надежных товарищей, исключительно иностранцев, на что Учраспред согласился выделить 5 товарищей^{97,*}.

немногих этнических малороссов). Что же касается состава канцелярских работников: статистиков, делопроизводителей, конторщиков, – то он (по крайней мере коммунисты) был почти полностью латышским. Схожим образом обстоит дело в это время и в Регистрационном отделе, во главе которого стоял Я.П. Роцен: больше половины рядовых канцеляристов-партийцев были латышами (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 290, Л. 9–10).

* Впрочем, нужно отметить, что как минимум один иностранец ранее уже работал в МЧК. Речь идет о французе Р.Ф. Шапоане. Деревообделочник по профессии, он работал до Первой мировой войны клепочником и бракером на фирмах во Франции, затем был призван в армию. В августе 1917 г. Шапоан был

В этом плане нельзя согласиться с И.И. Майдановым, назвавшим одним из важных отличий ВЧК от спецслужб буржуазных государств недопущение в нее на службу граждан других государств⁹⁸. Иностранные граждане принимались на службу в ВЧК, однако при этом они должны были доказать лояльность к большевистскому режиму и, как правило, состоять в компартии своей страны. В связи с этим чекистское руководство стремилось регламентировать поступление на службу в ВЧК иностранцев. Так, согласно приказу ВЧК от 4 февраля 1921 г., при приеме на службу в чекистские органы лиц финляндской национальности необходимо было предварительно запрашивать об их благонадежности в Российском бюро финской Компартии. Как указал в письме в Секретариат ЦК РКП начальник Адмотдела ВЧК Л.М. Брагинский, цель этого приказа состояла в том, чтобы не допустить агитации со стороны группы оппозиции финской Компартии⁹⁹. Из текста данного приказа видно, что попытки регулирования поступления на службу представителей народностей зарубежных стран имели под собой не национальную почву, а проверку в лояльности к власти и верности коммунистическим идеям.

Влияние различных направлений чекистской деятельности (разведка, политический розыск и т.д.) на изменение этнического облика чекистского ведомства можно рассмотреть на примере национального состава партийцев ряда подразделений ВЧК вскоре после преобразования ее в ГПУ (на апрель 1922 г., см. табл. на с. 167). Наиболее «интернациональными» были отделы, занимавшиеся зарубежной разведывательной и контрразведывательной деятельностью.

Необходимостью подбора кадров для контрразведывательной деятельности была вызвана направленная в июне 1920 г.

направлен во Французскую военную миссию в России, где в чине унтер-офицера служил артиллерийским инструктором и переводчиком. В феврале 1919 г. он покинул миссию и вступил во французскую коммунистическую группу, а спустя 2 месяца – и в РКП. В мае 1919 г. по просьбе Дзержинского французской группой Шапоан был направлен на работу в МЧК, где работал следователем по французским делам сначала в Отделе по борьбе с контрреволюцией, а затем в Иностранной секции Особого отдела. В МЧК он прослужил до расформирования весной 1919 г. Иностранной секции, когда перешел на должность специалиста Учетно-распределительного отдела Центрального управления лесопромышленности (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 270. Д. 5173. Л. 46, 81, 83, 85).

Национальный состав партячеек ряда подразделений ВЧК

	Аппарат Президиума ВЧК	Иностранный отдел	Особый отдел	Секретный отдел	Информационный отдел
Русские	37 (53,6%)*	20 (35,7%)	30 (38,5%)	42 (67,7%)	12 (46,2%)
Латыши	17 (24,6%)	14 (25%)	13 (16,7%)	4 (6,5%)	2 (7,7%)
Евреи	11 (15,9%)	16 (28,6%)	12 (15,4%)	7 (11,3%)	9 (34,6%)
Поляки	2 (2,9%)	1 (1,8%)	11 (14,1%)	2 (3,2%)	2 (7,7%)
Литовцы	1 (1,4%)	1 (1,8%)	4 (5,1%)		
Немцы			2 (2,6%)		
Эстонцы				2 (3,2%)	
Другие нац-ти			2 (2,6%)		
Нет данных	2 (2,9%)	4 (7,1%)	13 (2,6%)	5 (8,1%)	

* Включая украинцев и белорусов.

начальником Оперода Особого отдела ВЧК В.И. Плятом и заведующей Секретной частью Особого отдела МЧК Н.А. Рославец в Секретариат ЦК РКП просьба дать списки всех зарегистрированных национальных коммунистических групп с указанием их бюро¹⁰¹. Высокий процент поляков, а также литовцев и евреев – выходцев из Польши среди коммунистов Особого отдела объясняется тем, что в 1920-е гг. во внешней контрразведке польское направление было главным. Большое количество евреев в Иностранном и Особом отделах объяснялось также широким их участием в европейском коммунистическом движении и, соответственно, высоким процентом среди политэмигрантов, особенно из стран

Восточной Европы*. Наконец, еще одной причиной высокого процента евреев в Иностранном отделе было знание многими из них идиша, по своему составу схожего с немецким. Зная идиш, евреи не имели серьезных проблем с изучением немецкого языка, что было крайне необходимо в связи с тем, что немецкое направление являлось крайне важным в разведывательной деятельности советских органов госбезопасности в 1920-е гг. Сохранившийся в Иностранном и Особом отделах довольно высокий процент латышей также отчасти объяснялся знанием многими из них немецкого языка. Другая причина многонациональности отделов разведки и контрразведки состояла в том, что при отсутствии хорошо подготовленных специалистов по той или иной стране, владеющих ее языком, их функцию выполняли выходцы из этих стран. Многие из них были членами иностранных компартий и политэмигрантами. Наконец, работа по линии внешней контрразведки и разведки требовала и высокого общеобразовательного уровня, что также объясняет большое количество в подразделениях, выполнявших данные функции, евреев**.

* В качестве примера можно привести биографии уполномоченных Закордонной части ИНО ВЧК И.В. Мильграма и Н.С. Гринблата. Уроженец Польши, Мильграм после ее оккупации германскими войсками был депортирован в Германию, где работал слесарем на одном из заводов Круппа. В 1916 г. он вступил Социал-демократическую партию Германии и активно участвовал в немецком рабочем движении. В 1917–1920 гг. Мильграм находился на нелегальной работе в Голландии и Бельгии, где состоял членом местных компартий. Прибыв в Россию летом 1920 г., как имеющий опыт нелегальной заграничной работы и знающий несколько языков (помимо русского и идиш, он свободно владел польским, немецким и голландским), Мильграм был направлен сначала в военную разведку, а затем в марте 1921 г. переведен в ИНО ВЧК (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 29709. Л. 1–3; Антонов В.С., Карпов В.Н. Тайные информаторы Кремля-2. С них начиналась разведка. М., 2003. С. 145–149).

Гринблат, по профессии типографский наборщик, в 1904 г. вступил в родном городе Лодзи в Бунд, а спустя год перешел к большевикам. В 1910 г. он эмигрировал в Вену, где работал по специальности, являлся членом австрийской социал-демократии. В 1916 г. Гринблат перебрался в Швейцарию, откуда в июле 1917 г. с третьей группой эмигрантов вернулся через Германию в Россию. В 1918 г. он был направлен на нелегальную работу в Польшу, по возвращении из которой его зачислили в ИНО ВЧК (РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 526. Л. 6–8, 12).

Высокий процент евреев среди сотрудников Информационного отдела объяснялся главным образом их значительно более высоким образовательным уровнем. Достаточно сказать, что почти все управленцы и специалисты отдела – евреи имели образование не ниже среднего неполного, причем некоторые из них, в том числе начальники подотдела военной цензуры Б.Е. Этингер и отделения цензуры зрелищ Д.А. Черномординов, учились в высших учебных заведениях¹⁰². Большое количество евреев в 1921–1922 гг. было также среди ответственных чекистских сотрудников, выполнявших административную работу, требующую определенного уровня интеллекта. Так, в марте 1921 г. юристконсультантом при Президиуме был М.М. Луцкий, управделами – Г.Г. Ягода, начальником Контрольной комиссии этого подразделения – С.М. Шпигельгауз, начальником Адмотдела – Л.М. Брагинский, секретарем Административно-организационного управления – Я.И. Серебрянский и др.^{103,***} Определенная часть

** Так, помощник начальника 14-го спецотделения (работа по странам Востока) Особого отдела М.М. Великовский окончил три курса физико-математического факультета Московского университета, владел французским, немецким и английским языками. Назначенный в начале марта 1921 г. сотрудником для поручений 15-го спецотделения (работа против стран Антанты) Е.Л. Якобсон окончил частную еврейскую гимназию (ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 89. Л. 560об.–561; ф. 7523. Оп. 44. Д. 203. Л. 157–162; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 1653. Л. 184). Вступив в партию в 1919 г., Якобсон пришел на чекистскую службу в 1921 г. В том же году он в качестве следователя при Особополномоченном ВЧК Я.С. Агранове со своим руководителем был направлен в Петроград для расследования дела о Петроградской боевой организации. В этом качестве он допрашивал арестованного по данному делу Н.С. Гумилева, и по его докладу Коллегия ПетрогубЧК приговорила знаменитого поэта к расстрелу. С мая 1922 по 1923 г. Якобсон был уполномоченным Контрразведывательного отдела центрального аппарата, начальником 2-го спецотделения, начальником агентуры Особого отдела Петроградского ВО, а после ухода со службы в ГПУ работал ревизором по Северо-Западной области, но вплоть до 1937 г. состоял на особом чекистском учете (ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 44. Д. 203. Л. 157–162). Расстрелян в 1938 г. по приговору выездного заседания Военной Коллегии Верховного Суда СССР на Дальнем Востоке. Реабилитирован.

*** Многие из этих лиц до революции учились в высших и средних учебных заведениях. Так, Луцкий окончил юридический

евреев, поступивших в ВЧК после 1919 г., состояла из перешедших в годы Гражданской войны в РКП членов национальных левосоциалистических партий, чей опыт нелегальной работы, а также относительно высокий образовательный уровень были использованы на чекистской службе*.

От «линейных» подразделений по национальному составу резко отличались «исполнительные» отделы. Так, среди 96 членов партии Оперативного отдела, главная функция которого состояла в производстве арестов и обысков, было 48 русских (50%), 35 латышей (36,5%), 5 евреев (5,2%), 2 поляка (2,1%), 1 литовец (1%), 4 – не установлено (4,2%). В отделах же, занимавшихся охраной и надзором за заключенными, еще в большей степени преобладали русские и латыши. Так, среди 32 членов партячейки Комендатуры было 22 русских (68,8%), 9 латышей (28,1%), 1 еврей (3,1%), а в числе 56 коммунистов Тюремного отдела – 33 русских (58,9%), 16 латышей (28,6%), 3 венгра (5,4%), 4 – не установлено (7,1%)¹⁰⁴. Высокая прослойка русских в Комендатуре объясняется тем, что эта служба не требовала каких-либо специальных знаний

факультет Харьковского университета, Шпигельглаз – два курса юрфака Московского университета, Брагинский – реальное училище, помуправделами Я.Д. Березин – курс коммерческого института (ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 239. Л. 27; ф. 7523. Оп. 44. Д. 200. Л. 31; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 1624. Л. 157; д. 1834. Л. 197). При этом никто из них не был членом большевистской партии с дореволюционного времени. Так, Березин вступил в партию в 1917 г., Луцкий – в 1918 г., Брагинский – в 1919 г. (до этого был левым эсером), Шпигельглаз – только в 1921 г., Серебрянский в 1921 г. вообще являлся беспартийным (до 1919 г. он был членом правозэсеровской партии [Петров Н.В., Скоркин К.В. Указ. соч. С. 380]). Ягода во всех анкетах и автобиографиях указывал, что является большевиком с 1907 г. Однако, согласно данным Охранного отделения, в 1907–1912 гг. он был анархо-коммунист, а затем вплоть до 1917 г. вообще революционной деятельностью не занимался (там же. С. 459–460). Это свидетельствует о том, что на назначение на ответственные посты в ВЧК этих лиц главную роль сыграли их организаторские способности и довольно высокий уровень образования.

* Например, в 1921 г. Контрольно-инструкторский подотдел объединенного Финотдела НКВД-ВЧК возглавлял член Бунда с 1904 по сентябрь 1919 г., а затем перешедший в РКП А.И. Веледницкий (ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 89. Л. 554; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 1653. Л. 224).

и многие ее сотрудники до поступления в карательный орган были красноармейцами – выходцами из русской крестьянской среды. Работавшие тюремными надзирателями венгры также в прошлом являлись военнослужащими Красной Армии – солдатами «интернациональных» частей, наиболее верных большевикам, особенно при подавлении вооруженных восстаний. Сотрудники же Комендантского и Тюремного подразделений – латыши, включая начальников отделов К.И. Вейса и К.Я. Дукиса, в подавляющем своем большинстве были старыми работниками карательного ведомства, служившими в органах и войсках ВЧК еще с 1918 г.¹⁰⁵

На 1 декабря 1921 г. среди членов чекистской Коллегии и приравненных к ним руководящих работников было 4 русских (И.К. Ксенофонтов, М.С. Кедров, В.Н. Манцев и Г.И. Благонравов), 4 еврея (И.С. Уншлихт, Г.Г. Ягода, С.А. Мессинг и С.Г. Могилевский), 3 поляка (Ф.Э. Дзержинский, В.Р. Менжинский и С.Ф. Реденс), 3 латыша (М.Я. Лацис, Я.Х. Петерс и И.А. Апетер), 2 украинца (Г.И. Бокий и Т.П. Самсонов) и 1 белорус (Ф.Д. Медведь). Таким образом, к концу существования ВЧК ее высший руководящий состав оставался интернациональным, причем доля представителей национальных меньшинств заметно превышала число русских, даже если отнести к числу последних украинцев и белорусов. При этом чекисты-руководители являлись представителями национальных меньшинств, в большом количестве бывших среди сотрудников ВЧК в целом, – евреев, поляков и латышей.

С 1921 г. начала прослеживаться тенденция к существенному изменению национального состава ВЧК, предопределившая национальный состав органов госбезопасности в дальнейшем, что можно проследить на основе списка слушателей Курсов ВЧК (на сентябрь 1921 г.), где в числе ряда данных фиксировалась и их национальность. Из 189 курсантов русскими (включая украинцев) были 154 чел. (81,5%), евреями – 10 чел. (5,3%), латышами – 6 чел. (3,2%), грузинами – 4 чел. (2,1%), армянами – 3 чел. (1,6%), немцами – 3 чел. (1,6%), киргизами (до апреля 1925 г. Киргизским краем назывался Казахстан, и, вероятно, этнически это были казахи) – 3 чел. (1,6%), чувашами – 2 чел. (1,1%), поляками, эстонцами, венграми и австрийцами – по 1 чел. (0,5%)¹⁰⁶. Такой высокий процент русских среди курсантов объяснялся сугубо классовыми причинами: подавляющее число направленных на курсы ранее были рабочими, а крестьян и служащих было примерно одинаковое количество – 35 и 34 чел. соответствен-

но. Если учитывать то, что определенное количество выпускников было оставлено в центральном аппарате, мы можем говорить о значительном возрастании в нем доли представителей коренной национальности. Еще одна тенденция – это увеличение среди чекистов выходцев из Закавказья, а также появление представителей азиатских республик, чего не было в период Гражданской войны. Это объясняется тем, что советизация Закавказья и Средней Азии привела к необходимости подбора чекистских кадров для работы по этим регионам, в том числе и в составе центрального аппарата. Обращает на себя внимание и высокий образовательный уровень выходцев из Киргизии, что было обусловлено направлением на учебу из «туземных» областей наиболее грамотных работников, владеющих русским языком. Среди курсантов же, принадлежавших к «традиционным» для ВЧК национальностям, прослеживаются те же особенности, что среди их соплеменников – сотрудников центрального аппарата. Так, латышами являлись двое из трех слушателей с дореволюционным партстажем, а большинство евреев имели среднее, а некоторые и высшее образование, что свидетельствует о неизменности в целом причин, обусловивших продолжение поступления на службу представителей этих национальностей.

Таким образом, изменение национального состава было связано с переходом к значительно более планомерному распределению сотрудников, но не по национальному, а по социальному и политическому критериям.

Подводя итоги, нужно отметить, что по сравнению с 1918 г. национальный состав ВЧК в 1919–1922 гг. претерпел определенные изменения. Начавшееся в конце 1918 г. изменение конфигурации этнического облика ВЧК, приведшее к значительному уменьшению латышского элемента, было связано с попыткой советизации Латвии. Отъезд латышей на работу в Латвию дал возможность Дзержинскому сменить практически всех членов Партколлектива, добиться смещения Петерса с поста зампреда ВЧК и его удаления из центрального аппарата. Во все время существования ВЧК процент латышей оставался высоким, но начиная с 1919 г. они уже не были подавляющим большинством среди сотрудников, хотя при резком усилении репрессивной политики осенью 1919 г. их число вновь возросло среди работников Комендатуры, занимавшихся охраной заключенных и приведением в исполнение расстрельных приговоров.

В 1919–1920 гг., в период основной фазы Гражданской войны, усилилась роль регионального фактора, связанного с переброской чекистов из центрального аппарата в районы, контролировавшие Советской властью, или, наоборот, с эвакуацией из мест, занятых белогвардейскими либо другими антибольшевистскими силами. Этим и объяснялось увеличение осенью 1919 г. в центральном аппарате евреев, которые ранее являлись сотрудниками чрезвычайных комиссий Украины. Однако большинство сотрудников центрального аппарата к середине 1919 г. составили русские. Это было, главным образом, вызвано тем, что в условиях образовавшегося вокруг столицы кольца фронтов основным источником чекистских кадров стали москвичи, среди которых наиболее велика была доля русских. При этом процент украинцев, даже после эвакуации в Москву сотрудников ЧК Украины, в центральном аппарате оставался весьма низким, в первую очередь по причине их относительно малого участия в революционном движении. Это повлекло за собой серьезные проблемы с комплектованием чекистских учреждений Украины национальными кадрами после повторного установления в этом регионе Советской власти в начале 1920 г., так как одной из главных причин массовых погромов евреев был их крайне высокий процент в большевистских карательных органах.

Желая пресечь шовинистическую пропаганду со стороны своих противников, большевистское руководство предпринимало лишь отдельные попытки некоторого регулирования национального состава чекистских органов, касавшиеся, как правило, не центрального аппарата, а прифронтовых чрезвычайных комиссий. Однако из-за сохранявшегося значительного дефицита чекистских кадров и они не доводились до конца.

В 1920–1922 гг., после окончания Гражданской войны, в связи с начавшимся реформированием чекистского ведомства в сторону его специализации начался новый этап в изменении его национального состава, характеризовавшийся определенным разделением среди представителей различных национальных меньшинств уже не столько по методам работы (следствие и оперативная работа), сколько по направлениям деятельности. Результатом этого стали значительная «интернационализация» ряда «линейных» отделов (Иностранного, Особого) и сокращение общей доли этнических меньшинств в «исполнительных» отделах, таких как Оперативный и Комендантский. В этот же период в связи с началом более

планомерного подбора и распределения сотрудников, в частности путем их обучения на курсах, наметились тенденции, характерные для национального состава чекистских органов, в том числе и центрального аппарата, в будущем. Они заключались в увеличении среди курсантов доли русских, украинцев и белорусов и были вызваны классовыми мотивами: набором бывших рабочих и в меньшей степени крестьян. Кроме того, среди курсантов определенный процент составили выходцы из республик Закавказья и Средней Азии, что было вызвано советизацией этих регионов и, соответственно, потребностью для них в чекистских кадрах.

Подведем некоторые общие выводы. Принадлежность подавляющего большинства чекистов-латышей к латвийской социал-демократии обусловила их тесную связь со своими национальными организациями. Сотрудники же из поляков и евреев из-за разнородной партийной принадлежности и социального положения были значительно менее тесно связаны со своей национальной средой. Однако при этом нельзя говорить об их полной оторванности от нее, поскольку многие из них вплоть до революции находились в черте оседлости среди своих соплеменников, а также незадолго до поступления на чекистскую службу перешли к большевикам из национальных партий.

Можно согласиться с мнением американского историка Л. Герсона, считавшего, что для проводившейся ВЧК репрессивной деятельности было необходимо, большое количество в ее рядах инородцев и иностранцев в силу отчужденности их от широких масс рабочих и крестьян, чьи интересы она была призвана защищать¹⁰⁷. Представители национальных меньшинств проявляли неприязнь к русским, нередко ассоциировавшимся с царской империей и национальным угнетением, что вызывало у них жестокость в отношении арестованных лиц коренной национальности, особенно в прошлом имевших отношение к государственному аппарату царской России. С другой стороны, присущие латышам и евреям клановость и чувство национальной солидарности могли некоторым образом выражаться в более либеральном отношении к арестованным своим соплеменникам, чем к лицам других национальностей. Имевшее иногда место разное отношение сотрудников карательных органов – евреев и латышей – к подсудимым в какой-то мере можно проследить на материалах дела, приводимого в Приложениях к настоящему исследованию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализируя организационную структуру и кадровый состав ВЧК, можно прийти к выводу о том, что она была важнейшей частью большевистской диктатуры. Изменение ее структуры, расширение функций, перемены в кадровом составе были отражением основных политических процессов, происходивших в советском обществе.

Начальный период существования ВЧК характеризуется созданием отделов, занимавшихся борьбой с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией, и поиском ее организационных форм. С весны 1918 г. основная чекистская работа была сосредоточена в 4 главных отделах – по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, должностными преступлениями и Информационном, позже реорганизованном в Иногородний. Эти отделы, особенно Контрреволюционный, к середине 1918 г. превратились в гипертрофированные по своим функциям образования, что особенно ярко проявилось в разгар «красного террора» осенью 1918 г. В середине 1918 г. был создан ряд вспомогательных, технических подразделений, а также отделов, выполнявших временные поручения большевистской власти.

Отсутствие юридических документов, четко регламентировавших организационные формы, функции и права ВЧК, приводило к постановке перед ней как партийным, так и ведомственным руководством новых задач, расширению аппарата и созданию новых подразделений. В связи с этим в 1918 г. многократно выросла численность как руководящих, следственных и оперативных работников, так и канцелярского и обслуживающего персонала, значительно превзойдя численность сотрудников смежных ведомств – НКВД и Наркомюста, что говорит об исключительном положении карательного органа большевистской диктатуры.

В конце 1918 – начале 1919 г. на волне массовой критики деятельности ВЧК было проведено реформирование ее структуры, заключавшееся, в частности, в создании московского

органа и разделении отделов по специализации. Последнее выразилось в создании отделов, занимавшихся конкретными направлениями чекистской деятельности (Особого, Секретного, Транспортного, позднее Экономического). В изменении структуры ВЧК в годы Гражданской войны важную роль играли субъективные факторы, в частности понимание его задачами или иными чекистскими руководителями. Это свидетельствует о том, что ВЧК, фактически являясь органом большевистской партии, имела довольно широкую автономию.

С середины 1919 г. численность сотрудников центрального аппарата ВЧК, заметно сократившаяся после превода части из них в МЧК, вновь начала расти, что было вызвано созданием новых подразделений, эвакуацией из захваченных белыми районов местных чекистов, а затем укреплением большевистской власти и, соответственно, ее карательного органа.

С конца 1920 г. в силу ряда внутренних и внешнеполитических факторов начался новый этап эволюции чекистской структуры. Он характеризовался ее централизацией – объединением всех подразделений, ведавших административными, организационными и хозяйственными функциями, и унификацией – объединением в составе единого Секретно-оперативного управления Оперативного, Особого, Секретного и других отделов. К концу Гражданской войны в связи с выдвигавшимися перед ВЧК новыми задачами и расширением штатов – с одной стороны, и сохранявшимся дефицитом кадров – с другой, возникли серьезные сложности с комплектованием ряда ведущих отделов, что приводило к определенному торможению их работы.

Таким образом, созданная спустя полтора месяца после прихода большевиков к власти как временный чрезвычайный орган по борьбе с контрреволюционерами и саботажниками к концу Гражданской войны ВЧК превратилась в мощную специальную службу нового государства с колоссальными по объему задачами. Помимо своей главной функции – политического розыска, она включала внешнюю и военную контрразведку, внешнюю разведку, контроль за экономическими предприятиями и транспортом, осведомление партийного руководства, внутренние войска и т.д.

Социально-политический состав ВЧК, особенно в годы Гражданской войны, свидетельствует о противоречиях между основными принципами ее комплектования – партийностью и классовым подходом – и реальной ситуацией, вызванной дефицитом партийных кадров по причине нежелания

многих коммунистов идти на службу в карательный орган. Поэтому в ВЧК, несмотря на увеличившуюся к концу ее существования пролетарскую прослойку, доминирующей группой оставались служащие. Принцип классового подхода вел к значительным издержкам, главная из которых состояла в невысоком уровне образования чекистов – у большинства оно ограничивалось начальной школой.

Другой важнейший кадровый принцип – партийность при подборе чекистских кадров – удалось реализовать в значительно большей степени. Уже к концу 1918 г. состав ВЧК стал полностью однопартийным. По сравнению со смежными ведомствами – НКВД и Наркомюстом – в ВЧК был значительно более высокий процент коммунистов. Однако по причине дефицита сотрудников в ней продолжали служить, в том числе на оперативных и особенно следственных должностях, а также руководящих постах в «технических» отделах, и беспартийные, отвечавшие важнейшему принципу комплектования карательного органа – верности большевистской власти. Служба в ВЧК лиц, ранее состоявших в небольшевистских партиях, определялась их ценностью как работников, а также покровительством того или иного руководящего чекиста. При этом большая часть выходцев из небольшевистских партий являлась теми, чье пребывание в этой партиях не сыграло ощутимой роли в поступлении на службу в ВЧК. В отличие от других ведомств, в том числе НКВД и Наркомюста, ВЧК не могла привлекать в большом количестве на службу царских специалистов, что усиливало кадровый голод. Отсутствие царских специалистов частично было компенсировано революционерами-подпольщиками, знавшими методы работы царской охраны.

Основным источником пополнения чекистских кадров в период Гражданской войны были местные партийные и советские организации. Однако ЦК РКП в большей степени участвовал в подборе ответственных работников для ВЧК, чем для НКВД и Наркомюста, в силу лежавших перед ней значительно более важных, с точки зрения большевиков, задач.

Восполнить кадровый дефицит сотрудников ВЧК была призвана система личных рекомендаций, даваемых крупными партийными и советскими работниками и ответственными чекистами. Отсюда следовала важная роль в подборе кадров руководителями чекистского ведомства, например Ф.Э. Дзержинским или Я.Х. Петерсом. В частности, роль Петерса наряду с другими причинами объясняется яв-

ный перекося с представительством в ВЧК латышей в 1918 г. В целом служба в ВЧК представителей национальных меньшинств – латышей, евреев, поляков – была, с одной стороны, частью их участия в аппарате новой власти вообще, а с другой – их активным участием в революционном движении. Высокий процент в ВЧК латышей, поляков и евреев отчасти позволял реализовывать и главные кадровые принципы – партийности и классового подхода, поскольку среди представителей этих национальных меньшинств был крайне высокий процент коммунистов, большинство латышей до революции были пролетариями и батраками, то есть людьми «классово близкими», а среди евреев не было выходцев из привилегированных слоев царской России. Спецификой участия представителей национальных меньшинств в карательном органе было и то, что многие из них, поступая на службу, мотивировались также и неприязнью к русским, зачастую ассоциировавшимся у них с царским режимом и национальным угнетением, что приводило к жестокости в отношении лиц коренной национальности, особенно к бывшим представителям царского госаппарата.

Провозглашенная чекистским руководством сменяемость кадров в годы Гражданской войны носила не целенаправленный, а скорее спонтанный характер и определялась в первую очередь необходимостью чекистского работника на том или ином посту. Сменяемость сотрудников возрастала прямо пропорционально должностному положению. Поэтому к концу существования ВЧК среди работников высшего руководящего звена в центральном аппарате остался только один человек, занимавший ответственный пост в первые месяцы ее деятельности, – Дзержинский. Следственные и оперативные работники, а также руководители вспомогательных и технических подразделений менялись реже. Наиболее же постоянным в центральном аппарате был канцелярский и особенно административно-хозяйственный и обслуживающий персонал. Основными факторами ухода ответственных работников из центрального аппарата были их мобилизация на фронт, переброска на чекистскую работу в регионы и удаление за какие-либо политические или служебные проступки.

Особенностью ВЧК было отсутствие, за исключением редких случаев, служебного продвижения ее сотрудников от рядовых до руководящих должностей. На большинство постов в высшем и среднем управленческом звеньях назначались бывшие ответственные работники государственных, партий-

ных и военных учреждений, что вызывалось особой важностью чекистского ведомства для большевистской власти и ее стремлением опереться на хорошо известных и проверенных людей, а также борьбой с внутриведомственной клановостью.

Чекистское руководство утверждало, что единственной гарантией соблюдения законности является правильно подобранный состав чрезвычайных комиссий, однако как декларируемое соблюдение законности, так и «правильность подбора» нередко вступали в противоречие с реальной ситуацией, и это противоречие наблюдалось весь период существования ВЧК.

В заключение хотелось бы привести еще ряд данных, пусть даже и примерных и не за изучаемый период, дающих повод для размышления. Из упомянутых в настоящей книге сотрудников центрального аппарата ВЧК, оставшихся живыми после Гражданской войны, на следующей большой войне – Великой Отечественной – погибли, по нашим данным, только 5 чел. – лица различные по национальности, социальному положению, послечекистской биографии. Это были: погибший в 1941 г. в во время эвакуации из Эстонии при бомбардировке руководитель республиканского Верховного Суда, а в прошлом начальник отделения Секретного отдела ВЧК Л.И. Юргенс (он, впрочем, стал жертвой войны, скорее, как представитель мирного населения); умерший в госпитале в 1942 г. начальник автоотдела штаба 1-й Ударной армии К.М. Валобуев – бывший начштаба войск ВЧК; погибший в бою в 1942 г. индентант 3-го ранга Г.А. Левин (в прошлом комиссар Отдела по борьбе с контрреволюцией) – до войны он находился на экономической работе в Москве; скончавшийся от ран в 1944 г. на Белорусской фронте Я.Я. Фогель и казненный венгерской контрразведкой в 1944 г. Ф.В. Патаки*.

---

* В 1923 г. из Контрразведывательного отдела ГПУ, где был замначальника, он перешел на хозяйственную работу, а в 1930-х гг. находился на руководящих должностях в кинематографии, в частности на студии «Межрабпомфильм» был заместителем директора, которым являлся его бывший начальник в Секретном отделе Т.П. Самсонов, а затем в Комуниверситете трудящихся Востока. Однако в 1937 г. по политическим мотивам он сначала был перемещен на должность начальника отдела завода пластмасс на подмосковной станции Столбовая, а в следующем году после исключения из партии и вовсе остался без работы. Возвращен не только в партию, но и на чекистскую работу Патаки был в годы войны, когда его направили на неле-

Из других как минимум каждый пятый тоже погиб, но уже на другой войне – развязанной Сталиным и его окружением против своих «подданных»*. Однако они сами принимали участие в этой войне (иногда и против своих бывших сослуживцев), пока не приходил их черед.

Кто-то может увидеть в этих данных иллюстрацию распротраненного выражения, что Революция, подобно мифическому Хроносу, пожирает своих детей, а кто-то, вслед за Троцким, считать, что они, наоборот, пали жертвами Контрреволюции – термидора, совершенного сталинской бюрократией, хотя и в числе жертв «термидорианцев» было немало.

гальную работу в родную Венгрию по линии возглавлявшегося бывшим сослуживцем по центральному аппарату ВЧК Я.И. Серебрянским отделения в 4-м (разведывательно-диверсионном) управлении НКВД. Арестованному венгерской контрразведкой, ему не удалось избежать расстрела, как в Гражданскую войну по приговору военно-полевого суда Чехословацкого корпуса.

* Например, в годы Большого террора погибли почти все бывшие руководители Транспортного отдела ВЧК: Ю.Ю. Янель, В.В. Фомин, И.П. Жуков, Ф.И. Слюсаренко, С.Т. Ковылкин, Н.Н. Зимин, Г.И. Благонравов. Двое из трех следователей-партийцев ВЧК второй половины 1918 г., имевших юридическое образование, В.Н. Черный-Паниашвили и С.Л. Лукашин-Срапионян, находившиеся в 1930-е гг., соответственно, на должности директора НИИ пути и строительства НКПС в Москве и на ответственной работе в Грузии, были расстреляны в 1937 г., а третий – З.Б. Кацнельсон, последней должностью которого была замначальника ГУЛАГа, а до этого – замнаркома внутренних дел УССР, – в 1938 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Одно из дел периода «красного террора»

Проиллюстрировать некоторые положения настоящей книги, в том числе и о деятельности представителей различных национальностей в карательных органах большевистской власти, а также показать взаимоотношения ВЧК с некоторыми партийными и государственными учреждениями в период проведения «красного террора» в 1918 г., может одно из дел, находящихся в фонде Московского революционного трибунала Центрального государственного архива Московской области¹. Впервые оно было обнаружено в середине 1990-х гг. историком Я.В. Леонтьевым, который на его основе поместил заметку в газете «Неделя»². Мы же дадим материалы дела практически полностью, чтобы проследить, с чего оно началось, как развивалось и чем закончилось.

* * *

3 ноября 1918 г. в ВЧК явились двое членов коммуны дома № 23 по Уланскому переулку, которые привели задержанного «контрреволюционера». Первым был 32-летний Иван Васильевич Яшухин, большевик с 1906 г. Уроженец деревни Кузьминской Юрьевского уезда Владимирской губернии, он получил среднее образование и профессию техника-строителя, в годы Первой мировой войны в соответствии со своей специальностью по мобилизации служил в Ревельском отделе Квартирмейстерства, а в революцию в этом же городе входил в состав исполкома. В июне 1918 г. Яшухин приехал в Москву, став заместителем начальника орготделения ВСНХ. Его напарник Петр Архипович Чумак, уроженец одной из деревень Новомосковского уезда Екатеринославской губернии, был младше Яшухина на 12 лет и в Компартии состоял лишь месяцев, будучи принятым по рекомендации видного «известинца» Давида Эрде (Райхенштейна) и его жены. Рекомендация газетчика была не случайной – получив, как и Яшухин,

среднее образование, Чумак выбрал журналистскую стезю и после революции трудился в газетах «Вестник Украинской народной республики», «Таганрогский пролетарий» и «Вестник Таганрогского СРД». Однако, приехав в Москву, он, подобно Яшухину, поступил на службу в ВСНХ помощником инструктора организатора хозяйственного подразделения Металлургического отдела.

В ВЧК они доставили проживавшего со своей 68-летней матерью в доме по тому же адресу, где находилась коммуна, 24-летнего беспартийного Бенциана Файвеловича Чубайса. Чубайс родился в Москве, имел пятерых братьев (один из них – Матвей – является дедом всем известного Анатолия Борисовича Чубайса) и трех сестер³. Окончил он частное реальное училище, работал приказчиком и учился в негосударственном Московском юридическом институте. Однако получить диплом юриста ему не удалось: в начале 1916 г. его призвали в армию, и до мая 1917 г. солдатом Бессарабского полка он участвовал в боях под Двинском. Когда после свержения самодержавия для иудеев появилась возможность становиться офицерами, Чубайс по его личной просьбе был командирован в Алексеевское военное училище, по окончании ускоренного курса которого 1 октября 1917 г. в чине прапорщика стал служить младшим офицером в 251-м полку, расквартированном в Москве.

«После Октябрьского переворота, – показывал Чубайс, – я из полка вышел, жил дома и являлся... несколько раз в неделю в полк. Народу в полку служило все меньше и меньше, и, наконец, там никого не было, и помещения были забраны...»⁴ Чубайс жил дома и уже не справлялся о судьбе полка. Однажды он встретил командира полка подполковника Окулича, которого спросил, где можно получить послужной список, тот ответил, что определенно этого не знает. Затем на основании решения призывной комиссии Чубайс был признан негодным к военной службе, удостоверение о чем было выдано 19 августа 1918 г. военкоматом. Чубайс зарегистрировался на бирже труда, получая материальную помощь от старшего брата Марее Павловича (Израиля-Меера Файвеловича) Чубайса, заведовавшего подотделом школьного питания в Совдепе Бутырского района.

Когда Чубайса привели в Комиссию, то дежурный заявил, что не имеет права его принять, так как не был предъявлен ордер⁵. Пришлось Яшухину и Чумаку пойти уже к дежурившему непосредственно по Отделу по борьбе с контрреволюци-

ей, которым в тот день был начальник Оперчасти Жан Янович Шимкус, а Чубайс два с лишним часа просидел в комнате приема арестованных, пока Шимкус распорядился своим подчиненным выдать соответствующий ордер⁶. После этого явился комиссар Контрреволюционного отдела Добржинский, который по ордеру за номером 9376, на бланке которого стояли, естественно заранее поставленные, подписи зампреда ВЧК Екаба Петерса и секретаря Ивана Ксенофонтова, допросил теперь уже арестованного Чубайса, а затем отвел в Тюремный подотдел Комендатуры, передав местному дежурному комиссару Авенеку. Позднее Чубайс был отправлен в Бутырскую тюрьму⁷.

При опросе Добржинским Чубайса последний, помимо паспорта (естественно, еще Российской империи) и билета биржи труда, предъявил удостоверение, подписанное в августе 1918 г. комиссаром Московского военного округа старым большевиком Александром Мандельштамом*, о благонадежности. В нем говорилось, что Чубайсов Бенцион (так в документе) ему лично известен, он не контрреволюционер и подлежит немедленному освобождению или отпуску (в случае его ареста или задержания)⁸. Понятно, что на такое учреждение, как ВЧК, подобная «индальгенция» не распространялась и могла служить лишь одним из свидетельств в пользу арестованного. Другие свидетельства, по мнению Чубайса, могли исходить от живших по близости родственников и знакомых ему ответработников. Это были проживающая с ним 68-летняя мать Александра Борисовна (Цива-Сима), брат Марей, сестра Шейна Эстрина, руководители совдепа Горрайона старый большевик Александр Степанович Борщевский и уголовной милиции 2 районов Уменушкин и Франк и, наконец, еще один старый большевик – Семен Львович Дрейцер-Залетный, командовавший расквартированным в Москве 2-м советским полком⁹.

После отправки Чубайса в тюрьму все тот же Добржинский произвел обыск и выемку документов в его квартире. По их итогам было изъято: свидетельство для свободы проживания во всех городах Российской империи, выданное комиссаром 2-го советского участка от 13 мая 1918 г. за № 2172;

---

* Мандельштам принадлежал, так же как и Чубайс, к осевшей еще в XIX в. в Москве еврейской семье, правда, более зажиточной – не мещанской, а купеческой.

билет московской биржи труда за № 32272; удостоверение, выданное приемной комиссией при Городском районе за № 267; удостоверение бывшего офицера, выданное Московским Окружным Комиссаром по военным делам от 9 августа 1918 г. (без номера); удостоверение от командира 251-го пехотного запасного полка от 19 октября 1917 г.; 3 билета в театр К. Незлобина; 1 фотокарточка; кошелек с 33 рублями 25 копейками; 1 бланкнот № 28 и разные записки. Деньги Добржинский сдал по квитанции приемщику Отдела хранилищ Штрику¹⁰.

Допрос Чубайса состоялся на третий день после ареста. Производил его следователь Отдела по борьбе с контрреволюцией, большевик с апреля 1917 г. Петр Янович Валескалн*.

Поведав свою биографию, Чубайс показал следующее: «В воскресенье, 3 ноября, в половине 12 дня ко мне на квартиру явились два незнакомых мне человека и предъявили ордер [домкома], заявили, что я арестован, привели меня в ВЧК, где я дожидался ордера больше двух часов. Когда я спросил, за что меня арестовывают, они мне в грубой форме ответили, что “Там выяснишь”, и сказали, что арестовывают меня по постановлению общего собрания, какого не сказали». Записав показания Чубайса, Валескалн составил заключение, в котором предложил временно поддержать Чубайса для дальнейшего следствия по делу¹¹. Первоначально следствие развивалось примерно так, как описывал несколько позднее прошедший заключение в МЧК в 1919 г. сотрудник миссии Датского Красного Креста: «Вы ждете месяцами, а в редких случаях вдруг через 10 минут после ареста вас ведут в комнату следователя, где вы заполняете бланк – при каких обстоятельствах и за что арестованы. После этого вас ведут обратно в камеру, и вы ждете обвинения. Иногда три часа, иногда три дня, а иногда три месяца – как заблагорассудится властям»¹².

---

* П.Я. Валескалн родился в 1899 г. в семье латышского крестьянина Лифляндской губернии. Окончив волостную школу, Валескалн затем 2 года проучился в церковно-приходской школе, вероятно, в целях овладения русской грамматикой, после чего смог поступить в реальное училище. Однако учиться ему пришлось только до 5-го класса: в 1915 г. он был мобилизован на рытье окопов для находившейся на территории Лифляндии 12-й армии. В 1917 г. он становится секретарем и членом Президиума исполкома этой армии. Весной 1918 г. Валескалн прибыл из оккупированной Латвии в Москву и в мае поступил на следственную работу в ВЧК.

Но в чем же обвинялся Чубайс? Арестовавшие Чубайса Яшухин и Чумак были лишь исполнителями. Вдохновителем же являлся работник прессы Световостоков.

Ионе Никифоровичу Световостокову в ноябре 1918 г. шел 47-й год. Уроженец деревни Исяново Лукьянцевской волости Покровского уезда Владимирской губернии, у себя на родине он окончил начальную школу и несколько классов учительской семинарии, однако, обнаружив у себя склонность к рисованию и владению пером, предпочел работе педагога художественную и журналистскую деятельность. Перебравшись в Москву в начале 1890-х гг., он стал сотрудничать в газетах, в том числе с 1913 г. в политических газетах либерального направления: писать статьи, помещать заметки и рисовать карикатуры. После закрытия большевистской властью буржуазных газет Световостоков некоторое время оставался без работы, но затем в июне 1918 г. сумел устроиться помощником секретаря редакции «Известий ВЦИК». Месяцем позже по рекомендации музыкального мастера Безрукова и служащего топливного отдела совдепа Горрайона Федорова был принят в РКП.

С Чубайсом он познакомился незадолго до революции, когда поселился в том же доме № 23 по Уланскому переулку. В то время вместе с Чубайсом, помимо его матери, проживали двое из пяти братьев: Соломон и Израиль-Меер. В конце 1917 г., когда было сформировано жилищное правление, управдомом стал Соломон, а Световостоков – секретарем. В это время братья Чубайс начали чинить козни в отношении Световостокова, закончившиеся тем, что Соломон и Бенциан добились отказа Световостокову в получении карточек на ткань, а затем и отстранения с секретарского поста с заменой на Бенциана и вообще выводом из домкома¹³. Однако вскоре Соломон отбыл в Кострому, а Израиль съехал на другую квартиру, находившуюся в доме по 2-й Тверской-Ямской улице. Меблированные комнаты дома заселила группа служащих советских учреждений невысокого ранга – партийцев с небольшим стажем (за исключением Яшухина), которые постановили организовать в доме коммунистическое общежитие и избрали Световостокова преддомкома, а Чумака – секретарем. Чубайсу же было предложено, как единоличнику, освободить жилплощадь, но он отказался. Продолжавшийся конфликт привел к тому, что Световостоков в апреле 1918 г., зайдя по какому-то вопросу в Отдел по борьбе со спекуляцией ВЧК к начальнику его Секретной части Василию

Савинову, сообщил о живущем в доме бывшем офицере Чубайсе и поинтересовался возможностью установления за ним чекистского наблюдения, на что получил обещание разобраться, судя по всему, так и невыполненное. Объявленный в начале сентября 1918 г. «красный террор» и начавшиеся массовые аресты побудил журналиста к сбору более серьезного компромата на своего врага. И тут он вспомнил, что летом 1917 г. Чубайс был юнкером Алексеевского училища, из которого в июле Временное правительство посылало учащихся на усмирение восстания рабочих, вспыхнувшего в Нижнем Новгороде. Сопоставив это с отлучками Чубайса из Москвы в это время, Световостоков пришел к выводу, что тот участвовал в расстреле рабочих, а это для большевистской власти являлось довольно серьезным преступлением. 1 ноября на общем собрании коммунистов общежития (в составе 8 человек) по докладу преддомкома было решено выделить несколько человек для задержания Чубайса и препровождения его в ВЧК¹⁴.

О том, что произошло в доме № 23 по Уланскому переулку после ареста Чубайса, свидетельствуют материалы, позднее отправленные домкомом в Контрольно-ревизионную коллегию при ВЧК через Московский Союз советских журналистов, в котором состоял Световостоков¹⁵.

Через несколько часов после ареста Чубайса в квартиру 315, где проживали Яшухин и Чумак, явился незнакомец и, представшись коммунистом и комиссаром красноармейской части, устроил им скандал. Выяснилось, что это был брат Чубайса Израиль (Яшухин и Чумак вселились уже после его переезда и поэтому в лицо не знали), который угрожал не только квартирантам лично, но и всей жилкоммуне за арест брата. Наконец со словами: «Это вам не пройдет, я с вами расправлюсь... Погодите», – Чубайс, хлопнув дверью, покинул квартиру¹⁶.

«Наскандалив достаточно, – говорилось в заявлении домкома, – И. Чубайс из помещения коммуны скрылся. Не более как прошло часов 6–8 (это было 4 ноября 1918 г.), Чубайс снова явился в помещение коммуны и на этот раз сделал скандал еще крупнее, причем имел попытку расправиться оружием с женой Световостокова, находящейся в это время в помещении коммуны, и грозил жестоким мщением товарищу Световостокову...» Жена Световостокова и домработница Волкова показывали: «4 ноября к помещению коммуны дома 23 по Уланскому переулку подкатил на извозчике с сигарой в

зубах гражданин Гончарной Слободы Израил-Меер Чубайс, резко влетел в помещение коммуны с криком угроз коммуне, а особенно делал угрозы... смертью тов. Световостокову, в частности». Свидельницами были замечены выражения: «Я употреблю всевозможные средства, а отомщу Световостокову». Чубайс размахивал оружием, «объявляя себя комиссаром какой-то части», а затем «с криком бросался в квартиру Световостокова для расправы с последним». Находившаяся с Чубайсом мать «с трудом задержала его, и этим самым расправа из-за мести была устранена»¹⁷. «Натешившись достаточно над беззащитными женщинами, – показывали домкомовцы, – И. Чубайс в сопровождении своей матери удалился из коммуны и начал осуществлять свое обещание “мстить”»¹⁸.

Израиль-Меер Файвелович Чубайс, который, находясь на ответственной работе в Москве в 1918 г., переименовал имя и отчество на более ассимилированные – Марий (он же Марей) Павлович, родился в 1882 г., окончил городское училище, до революции работал продавцом трикотажа¹⁹. В 1916 г. он был призван в армию и, как многие его соплеменники, отправлен в запасной 251-й полк, расквартированный в Москве, в котором позднее оказался и брат Бенциан. Известна большая роль солдат запасных полков в революционных событиях, и Израиль не стал исключением – благодаря активности его избрали председателем ревкома части. В октябре 1917 г. он председательствовал на общем собрании 2-й роты полка, принявшего резолюцию с требованием передачи власти в стране советам с выражением готовности поддержать этот захват «в любой момент силою штыков»²⁰. Однако поддерживать новую власть полку пришлось недолго – как мы помним, он фактически развалился. Осенью 1917 г. Чубайс вступил в партию большевиков и вскоре после захвата власти стал членом президиума совета Городского района, где как человек, разбирающийся в торговле, принимал участие в борьбе со спекуляцией, а затем был переведен в Бутырский райсовет, в котором возглавил подотдел, ведавший организацией и снабжением школьных столовых, формально еще числясь комиссаром 251-го полка.

План действий Марей Чубайса, вполне естественно, имел своеобразные «программу-минимум» – добиться освобождения брата, и «программу-максимум» – покарать обидчиков последнего. Чтобы выполнить первое, он отправился на Лубянку. Пробыть на прием к зампреду ВЧК и, по сути, глав-

ному проводнику «красного террора» в карательном учреждении большевиков Петерсу оказалось крайне трудно. Петерс, что было вполне для него характерно, никакого положительного ответа не дал и отправил к заведующему Отделом по борьбе с контрреволюцией Николаю Скрыпнику. Попасть к нему, естественно, оказалось легче, но не намного результативней. В ходе долгих препирательств со Скрыпником Чубайс заявил прямо: «Я без брата не пойду: или арестуйте меня, или выпустите брата», – на что тот ответил, что «брата не освободить, а вас мы не арестуем и попросим курьера вывести вас».

Перед уходом Марей оставил в отделе заявление с просьбой ответить в письменной форме, в чем обвиняется Чубайс Бенциан Файвелович, арестованный 3 ноября без ордера и препровожденный в ВЧК в отдел КР²¹. Резолюцию на заявлении с требованием Оперчасти дать соответствующую справку поставил заместитель Скрыпника Вениамин Липшиц*, который, судя по всему, впоследствии и сыграет последнюю роль в судьбе данного арестанта.

Посоветовавшись, как он вспоминал впоследствии, с товарищами, Марей Чубайс решил обратиться к председателю Моссовета Льву Каменеву. Вот что он написал в заявлении, отправленном соответствующему адресату 11 ноября:

«Товарищ Каменев.

Не имея возможности лично посетить Вас, так как завален работой и трудностью доступа к Вам, обращаюсь к Вам с товарищеской просьбой.

В воскресенье 3 ноября с/г был а р е с т о в а н мой брат Бенциан Чубайс, прож. по Уланскому пер. мебл. комнаты Чер-

---

* Вениамин Вениаминович Липшиц родился в 1882 г. в Одессе в семье мелкого торгового служащего, рано потерял отца. Окончил он одесское ремесленное училище для еврейских мальчиков «Труд», получив профессию столяра-модельщика, и работал по ней. Вступив в Одессе в 1901 г. в РСДРП, участвовал в нелегальной деятельности на юге России. В 1917 г. в Херсоне Лившиц был избран членом Херсонского совета и председателем Совета профсоюза. А в первый период Советской власти на Украине он стал секретарем Коллегии торговли и промышленности Народного секретариата, который возглавлял известный ему по дореволюционной парторботе Николай Скрыпник. Его же заместителем, уже в Отделе по борьбе с контрреволюцией ВЧК, Липшиц стал в начале октября, несколько месяцев поработав следователем.

нолипец и отправлен в Всероссийскую Чрезвычайную комиссию. На другой день я посетил тов. Петерса, а также заведующего Контрреволюционным отделом тов. Скрыпник, каковы мне никакого определенного ответа не дали. При сем провождаю Вам стаж моей службы за истекший год – я полагаю, что заслужил доверие со стороны товарищей. А посему прошу как можно скорей освободить брата, так как никакие обвинения не могут убедить меня, что мой брат контрреволюционер. Вся его жизнь протекает на моих глазах, и за которого я отвечаю головой. Требуя о прекращении обвинения, я прошу освободить его мне на поруки. Я даю клятвенное обещание к о м м у н и с т а, что во всякое время доставлю моего брата на допрос, и если найдете, что мой брат – контрреволюционер, то одновременно с моим братом расстрелять и меня»²².

Далее в заявлении Чубайс привел краткую биографию брата, отметив, что тот во время Октябрьской революции ежедневно посещал казармы, приложив соответствующий документ, а затем описал обстоятельства ареста:

«Мы живем на квартире “Мебл комн. бывш. Чернолипец” по Уланскому пер. Семья наша: я, арестованный брат, мать – старуха 72 г.*

В этих же номерах проживает по сие время некий Световостоков, человек без определенных занятий, за последнее время он стал почему-то коммунистом и поселил в номерах восемь коммунистов, каковые образовали общежитие. Не заявляя ничего моему брату, они со слов Световостокова, без ордера Чрезвычайной комиссии арестовали его. Обвинение определено неправильное, так как брата обвиняют в расстреле рабочих в Нижнем Новгороде. Я торжественно заявляю, что мой брат никогда в Нижнем не был. Кто докажет, что он был в Нижнем, я позволю себя расстрелять как изменника. Вот какого рода обвинения, не заслуживающие никакого доверия, предъявили моему брату, который невинно сидит в Бутырской тюрьме, имея смертельную болезнь, астму в последнем периоде»²³.

На обороте Чубайс сделал довольно любопытную приписку: «Товарищ Каменев. Вы сами сидели безвинно в тюрьме.

---

* В других документах указано, что ей 68 лет. Возможно, что автор заявления сознательно прибавил ей несколько лет в целях вызова большей жалости. К тому же на самом деле жил он в это время уже отдельно.

Вы это хорошо испытали. Это и навело меня на мысль обратиться именно к Вам, хотя у меня имеется много личных знакомых в Совете. Я уверен, что обратился по месту, и Вы меня Вашим решением поставите в известность»²⁴.

Относительно того, что Каменев, до революции Розенфельд, сидел в тюрьме безвинно, Чубайс, мягко говоря, некорректен. Безвинно сидел с чьей точки зрения? Ведь он участвовал и очень активно в революционном движении, что по законам Российской империи, естественно, считалось преступлением, причем довольно тяжким, и наказывалось тюремным заключением или ссылкой. Однако Чубайс как в воду смотрел – Каменев еще отправится в тюрьму несправедливо, но это будет относительно нескоро – в декабре 1934 г., когда его обвинят в преступлениях против СССР, которые он не совершал, а затем в 1936 г. расстреляют!

К столь объемному заявлению были приложены два документа: подписанное Борщевским и заверенное по месту работы Чубайса удостоверение совдепа Горрайона от 4 июля 1918 г. в том, что он за все время существования солдатской секции состоял товарищем председателя, а также в Комиссии по борьбе со спекуляцией, и удостоверение, выданное 2 июля 1918 г. бывшим командиром, а ныне председателем Ликвидационной комиссии 251-го полка Окуличем, гласившее, что «с 1-го дня июля месяца прошлого года состоял на службе в полку, во время Октябрьской революции принимал деятельное участие в таковой в качестве члена военно-девиэ. революционного комитета полка, после революции был избран 2-й ротой членом Совета рабочих и солдатских депутатов Городского района как строевой работник, поддерживавший Советскую власть»²⁵.

Любопытно, что на самом деле не только первый документ, но и второй имел отношение явно к подателю заявления, но в то время часто не указывалось не то что имя-отчество, но даже инициалы, и они вполне могли сгодиться и для Бенциана, тем более что Бенциан тоже служил в 251-м полку.

На заявление Чубайса председатель Моссовета 15 ноября наложил резолюцию: «Тов. Скрыпнику Н.А. Очень прошу Вас о спешном рассмотрении дела. Л. Каменев». Дальше идет резолюция от 17 ноября уже самого Скрыпника, адресованная в Следчасть, чтобы ему срочно представили дело²⁶. Но за день до этого его заместитель Липшиц получил от Мареев Чубайса второй экземпляр заявления с собственноручной припиской: «Тов. Каменев поддерживает ходатайство о ско-

ром следствии его дела». Липшиц красной ручкой начертал резолюцию: «Срочно. Обязательно передать в трехдневный срок заключение о возможном освобождении гр. Чубайса под поручительство и также о завершенном освобождении его»²⁷.

Бумага с резолюцией заместителя заведующего отдела и с упоминанием мнения Каменева явно подействовала на следователя Валескална. Еще 15 ноября он отправил на запрос, вполне вероятно, того же Липшица, служебную записку, в которой указывал, что в связи с тем, что, с одной стороны, по делу Чубайса допрошены еще не все, а с другой – принимая во внимание серьезность обвинения, находит, что освобожден он быть не может²⁸. Спустя 3 дня резолюция того же Валескална, подготовленная к заседанию президиума отдела, была уже следующего содержания: «Чубайс Бенциан Файвелевич арестован 3 ноября по постановлению коммунистического общежития, бывш. Мебокомнат Чернолипец. Обвиняется он Коммунистическим общежитием, как произведенный в офицерский чин, за расстрел рабочих в Нижнем Новгороде, а также как бывший офицер-белогвардеец. При допросе Чубайс все это категорически отрицает*. Запрошено Коммунистическое общежитие о присылке по делу Чубайса обвинительных материалов. Об освобождении Чубайса ходатайствует его брат – зав. шк. питанием при Бутырском Совдепе – коммунист, его ходатайство поддерживает тов. Каменев**. Принимая во внимание все вышеизложенное, предлагаю Бенциана Файвелевича Чубайса освободить на поруки его брата, а дело возвратить в следственную часть для дальнейшего следствия»²⁹.

20 ноября президиум Отдела по борьбе с контрреволюцией, заслушав 6-м пунктом повестки дело № 2803 Бенциана Файвеловича Чубайса, постановил немедленно допросить на месте коммунистов, живущих в Комобщжитии, и потребовать от них представления доказательств обвинения. Освобождение Чубайса было решено поставить в зависимость от результатов его ареста, и в случае отсутствия основания к таковому, как ложных доносчиков «арестовать судивших Чубайса» (то есть тех, кто его отправил в ЧК)³⁰.

---

* Судя по всему, это был уже второй и последний чекистский допрос, протокол которого в настоящем деле отсутствует.

** На самом деле, как мы видели, в резолюции шла речь лишь об ускорении следствия, но подлинника, судя по всему, Валескалн не видел.

Нужно отметить, что как раз в это время в руководстве отдела произошла серьезная рокировка. В конце ноября Отдел по борьбе с контрреволюцией покинул Ян Янович Закис – человек, являвшийся, по сути, первым заместителем начальника и руководителем его Следственной части, лицом близким к Петерсу (не только как его соплеменник, но и как заместитель в чекистском парткоме) и, судя по всему, главным проводником репрессивной линии в данном чекистском подразделении. (Например, в конце октября Закис имел конфликт с зампредом Верховного трибунала Александром Галкиным по поводу невыдачи последнему дела арестованного Нестеровского; Галкин пригрозил возбудить в связи с этим дело уже против самого Закиса). Соответственно, возросла роль другого заместителя – Липшица, и ему оказалось проще повлиять на следователя, а затем и подключить к делу еще одного сотрудника.

Рассматривать дело Чубайса стал новый следователь – Иван Поликарпович Белобородов, судя по не очень грамотно составленным протоколам – бывший рабочий, которого, вероятно, привлек к расследованию непосредственно Липшиц. Ведь именно последний, заручившись на всякий случай подписями Петерса и Ксенофонтова, направил Световостокову повестку, в которой тому предлагалось явиться 22 ноября в 12 часов в Отдел по борьбе с контрреволюцией по адресу Большая Лубянка, 11, в комнату № 6 к следователю Белобородову для дачи показаний по делу 2803, и предупреждалось об ответственности за неявку в указанный срок³¹.

На допросе у Белобородова Световостоков заявил следующее:

«Арестовали мы граж. Чубайса Бенциан на основании того, а именно его прошлого: как-то он бывший офицер, образование военное получил в Алексеевском училище в Москве, и когда был юнкером, то из ихнего училища во время рабочего восстания в Нижнем Новгороде в июле прошлого года были командированы туда для умирения рабочих юнкера названного училища; если Чубайс не принимал участия в расстреле рабочих, то он был его соучастником, сведения эти я получил от его матери, потом он сам говорил. К тому же он всегда был ярый противник Советской власти и высказывал мне порицание за то, что я обращался как бывший секретарь домового к-та в то время за разъяснениями по некоторым вопросам в совет раб. депут., к тому же мы следили за Чубайсом

последнее время, и нам казалось странным то, что он часто уезжает из Москвы куда-то, и, основываясь на всем выше изложенном, мы сделали собрание коммунистов "общезития коммунистов" по Уланскому пер., д. № 23 и постановили единогласно представить гражд. Чубайса в ВЧК как бывшего офицера-белогвардейца, к тому же мне часто приходилось сталкиваться с гражд. Чубайсом на политической почве о текущем моменте, и он всегда меня укорял в том, что я неправильно поступаю, и также по инициативе его я был как коммунист исключен из членов домового к-та в январе 1918 г. и лишен получения карточек на ткань, в то время Чубайс был секретарем домового к-та, а брат его Соломон был председателем»³².

Допросил Белобородов и лиц, задержавших Чубайса. Яшухин показал:

«Чубайса я знал недели полторы до его ареста и сам живу по Уланскому пер., д. № 23 всего около месяца. По поводу ареста гражд. Чубайса я могу сказать то, что, согласно общего собрания коммунистов по Уланскому пер., д. 29 под председательством тов. Световостокова и также по заявлению его, мне и тов. Чумаку было поручено препроводить гражд. Чубайса в ВЧК как бывшего офицера. В дни восстания рабочих последний, будучи юнкером, был в Н. Новгороде в июле прошлого года, где участвовал в подавлении этого восстания. Эти сведения нам дал на общем собрании о гражд. Чубайсе тов. Световостоков, и... мы с тов. Чумак исполнили то, что нам было поручено сделать общим собранием коммунистов, что же касается того, что гр. Чубайс был ли в Н. Новгороде, и вообще его действий и биографии я не знаю, потому что мало, даже совсем не знаю гражд. Чубайс»³³.

Чумак же на допросе, явно поняв, что дело разворачивается не в их пользу, вообще минимизировал свое участие в истории: «По поводу ареста гражд. Чубайс могу сказать одно: что я исполнил лишь чисто административную роль в деле ареста Чубайса... я имею о нем же представление, что дал мне тов. Световостоков, а затем он осветил на общем нашем собрании его роль в Н. Новгор., после чего было возложено собранием на нас арестовать его. Арестованного я не знаю лично и увидел его только в момент ареста»³⁴.

На основе этих трех показаний, но, что интересно, не допросив самого подсудимого, в тот же день, 22 ноября, Белобородов заключил следующее:

«1) Из протокола допроса, снятого следователем Валескалн [с] обвиняемого гр. Чубайс 5 ноября 1918 года, видно то, что гр. Чубайс – действительно, бывший офицер и звание он это получил в Московском Алексеевском военном училище в 1917 году, но из протокола то не видно, был ли он командирован в июле прошлого года в Н. Новгород для усмирения восставших рабочих или нет, но по заявлению его брата видно, что гр. Чубайс в Нижнем Новгороде не был.

2) Из показаний свидетелей видно: основанием [для] ареста с их стороны гр. Чубайса послужило то, а именно, как видно из показаний свидет. Световостокова, что он хорошо знает семейство Чубайс и жил с ними вместе около четырех лет... Но когда по Уланскому пер., д. № 23 образовалось “общезитие” коммунистов, то они в одно время, т.е. накануне ареста Чубайса, решили сделать общее собрание коммунистов, на котором у них обсуждались текущие вопросы, а именно о разгрузке помещений “общезития” коммунистов от нежелательных и подозрительных для них жильцов, на что и было дано заявление председателя Световостокова о гр. Чубайс как подозрительном и бывшем офицере. И, как видно из показания Световостокова, у него с гр. Чубайс были какие-то расчеты. И вот он, мотивируя на то, что когда Чубайс был юнкером в Алексеевском военном училище прошлого года, и он ему говорил, что был в Н. Новгороде, когда там было восстание рабочих в июле 1917 года, и также ему говорила мать Чубайса. Согласно этих сведений гр. Световостоков и предложил подвергнуть аресту гр. Чубайса, и поручили это сделать тов. Яшухину и Чумаку, последние это исполнили, но отнюдь они не судили гр. Чубайс, а препроводили его в ВЧК, согласно заявлению Световостокова, принятому единогласно общим собранием. Что же касается показаний Яшухина и Чумака, то из них видно, что они не знали гр. Чубайс, о его деятельности их просветил тов. Световостоков на общем собрании и как секретарь коммунист. “общезития”. Тов. Чумак сделал заявление в ВЧК относительно гр. Чубайс, в котором было указано, что они были на показаниях председателя.

С своей стороны я вижу с этого дела следующее: поступок гр. Световостокова, как коммуниста, я считаю не совсем одобрительно, виной его послуживший арест гр. Чубайса, который основывали на его прошлом в бытность его юнкером, и приняв во внимание его прошлое и также тот разговор, когда-то происходивший между ними по поводу рабоче-

го усмирения в Н. Новгороде при правительстве Керенского, хотя из этого и можно обвинить гр. Чубайса, но тот факт не доказан, и к тому же гр. Световостоков не может это подтвердить в своем показании; я вижу заодно, что Световостоков просто из своих личных счетов и сделал то, что ему хотелось, не принимая во внимание то, что ему придется доказывать документально. Несмотря на обещания, которые были сделаны письменно, представить нужные сведения и документы, свидетели этого не сделали, а лишь ограничились своими показаниями. А поэтому я полагаю, как недоказанный факт по обвинению гр. Чубайс в участии его в подавлении рабочего восстания в июле 1917 г. в Н. Новгороде, освободить его из-под ареста; что же касается гр. Световостокова, то я его поступок считаю просто чисто необдуманным и из всего этого дела заключаю то, что оно отчасти и привлекает к ответственности гр. Световостокова. Но я со своей стороны это только поставил на вид. Но что же касается привлечения его к ответственности, то я это предполагаю сделать по вашему усмотрению. Яшухина и Чумака я считаю к этому делу непричастными»³⁵.

Подключивший Белобородова к этому делу Липшиц вполне резонно мог предполагать, что следователь нелатышского происхождения и не близкий к Закису даст иное заключение, чем его предшественник, что в конечном итоге и произошло. Спустя два дня после появления белобородовского заключения Чубайс вышел на свободу за недостаточностью улик и практически сразу получил работу конторщика в Петровско-Лефортовском комиссариате, а расследование его дела, как теперь уже и его «судей» из коммунистического общежития, продолжилось, хотя и в другом органе.

«Программа минимум» – освобождение брата Мареем Чубайсом – была выполнена. Но нужно было добиться полного прекращения его дела и, кроме того, покарать его преследователей. В связи с этим еще до освобождения Бенциана Марей обратился к председателю Следственной комиссии при Московском революционном трибунале Глузману*.

---

* Член партии с 1918 г. (позже стаж ему был «увеличен» до марта 1917 г.), Александр Григорьевич Глузман родился в 1881 г. в еврейской семье. Окончил гимназию, 4 года учился на юрфаке университета в Одессе. В 1917 г. был ответственным секретарем и товарищем председателя Минского совдепа. В октябре

Обращение Чубайса в орган при ревтрибунале не было случайным. Ведь в это время даже в большевистской среде в связи с массовыми арестами, нередко сопровождавшимися расстрелами, фактической бесконтрольностью, часто имевшей место в деятельности многих чрезвычайных комиссий, развернулась серьезная дискуссия об урезании их полномочий или о полной передаче функций судебным органам.

Комиссия при трибунале начала расследование и в конце ноября – начале декабря 1918 г. получила из ВЧК материалы дела³⁶. На основе принятого 4 декабря 1918 г. постановления Следственной комиссии Глузман вручил следователю Губерману ордер на проведение обыска, ревизии, выемки документов и книг, на наложение запрещения и ареста на товары Световостокова И.Н. и в случае надобности – на личное задержание его, а чинам наружной и уголовно-следственной милиции предписывалось оказывать в этом полное безотлагательное содействие³⁷. Губерман с милицией появился на квартире Световостоковых в ночь на 6 декабря, задержал журналиста и доставил на Солянку, 1, где в то время находился трибунал. Утром 6 декабря Световостоков был допрошен Глузманом и затем отправлен в одиночку 3-го Мясницкого арестного дома³⁸. Тогда же по докладу Губермана Следственная комиссия постановила дело в отношении Чубайса производством прекратить теперь уже за отсутствием состава преступления (то есть полностью) и одновременно привлечь к ответственности по обвинению в ложном доносе и незаконном лишении свободы Чубайса Световостокова Иону Никифоровича, заключив его под стражу, а в зависимости от дальнейшего ведения следствия привлечь к ответственности всех лиц, принявших участие в незаконном лишении свободы³⁹. В этот же день следователь получил в редакции «Известий» материалы об их сотруднике.

За последующую неделю, помимо Световостокова, подтвердившего все показанное ранее Глузману, Губерман допросил пятерых членов «коммунистического общежития», вклю-

---

1917 – феврале 1918 г. Глузман являлся комиссаром по внутренним делам Минского военно-революционного комитета и одновременно в начале 1918 г. в Минске был помощником начальника гарнизона. С эвакуацией ввиду наступления немцев прибыл в Москву и был назначен членом президиума Московского ревтрибунала и председателем Следственной комиссии, где проработал до марта 1919 г.

чая Яшухина, и, наконец, Бенциана и Марей Чубайсов. Бенциан показал, что месяца два назад у него в квартире был произведен обыск, причем ничего не было найдено, правда, обыск был проведен во всех номерах. Донос о Нижнем Новгороде, по его словам, сделал Световостоков, с которым они были в домовом комитете, но что послужило поводом для возведения обвинения – не знает⁴⁰. Марей представил свою версию визита в дом на Уланском переулке, естественно, отличающуюся от версии коммунаров. По его словам, к кому-то в общежитии он обратился с вопросом, кто арестовал его брата. Ему ответили, что по указанию Световостокова, который знал Чубайса Бенциана как контрреволюционера, они сочли своим правом его арестовать. Когда Марей им заявил, что они не имеют на это права, то получил ответ, что долг каждого коммуниста арестовывать белогвардейца; при этом свои фамилии собеседники отказались назвать⁴¹.

По результатам проведенных допросов Губерман 13 декабря вынес следующее заключительное постановление:

«Первое. Что произведенным по делу дознанием, дополненным отдельными следственными действиями, обстоятельства сего дела разъяснены достаточно точно.

Второе. Что Иона Никифорович Световостоков обвиняется в том, что, состоя членом коммунистической партии (большевиков) с июля 1918 года, до которого времени работал в буржуазных газетах “Русское слово” и “Раннее утро” до их закрытия по распоряжению советской власти и после чего поступил в редакцию газеты ВЦИКа в качестве помощника секретаря, подал ложный донос в Чрезвычайную комиссию на Бенциана Файвеловича Чубайса в том, что последний в июле 1917 года принимал участие в расстрелах рабочих в Нижнем Новгороде, за что был произведен в чин прапорщика. По личному признанию обвиняемого Световостокова последний подал упомянутый донос из-за невыдачи ему домовым комитетом по предложению Бенциана Чубайса мануфактурных карточек, за что считал нужным отомстить. Кроме того, Световостоков обвиняется в незаконном лишении свободы Бенциана Чубайса, не имея на то никакого права, и в дискредитировании советской власти, каковое выразилось в совокупности в указанных его преступных действиях, состоя в то время членом коммунистической партии и будучи на службе у советской власти

Члены Коммунистического общежития Акимов Федор Гаврилович, Буланов Илья Павлович, Баскаков Петр Трофимо-

вич, Березин Иван Данилович, Фельдман Клара Вольфовна, Чумак Петр Архипович, Яшухин Иван Васильевич обвиняются в принятии участия в постановлении о незаконном лишении свободы Чубайса Бенциана, не имея на то никакого права.

Третье. За что упомянутые Световостоков, Акимов Федор Гаврилович, Буланов Илья Павлович, Баскаков Петр Трофимович, Березин Иван Данилович, Фельдман Клара Вольфовна, Чумак Петр Архипович, Яшухин Иван Васильевич подлежат преданию по обвинению в описанном в предыдущем пункте преступлении суду Московского революционного трибунала...

И ввиду вышеизложенного я, следователь Губерман, постановил:

а) следственные действия по своему делу заключить;

б) предъявить обвиняемым Световостокову, Акимову, Буланову, Баскакову, Березину, Фельдман, Чумаку, Яшухину обвинение согласно п. 2 сего постановления, после чего препроводить настоящее дело через коллегия обвинителей в президиум Московского революционного трибунала;

в) принятую в отношении Световостокова меру пресечения – содержание под стражей – оставить без изменения»⁴².

«Только 16 декабря, – писал позднее Световостоков, – в штаб Московского военного округа, – я получил копию заключительного постановления следственной комиссии и узнал, что меня обвиняют в ложном доносе на Б. Чубайса, в том, что я вступил в члены РКП ради того, чтобы “пристроиться” к “Известиям ВЦИК”, где я работал в качестве помощника секретаря, что я работал в “Русском слове” и в “Раннем утре”, что я мстил Б. Чубайсу, своим доносом дискредитировал советскую власть... Меня не обвинили лишь в том, что я происхожу из крестьян Владимирской губернии»⁴³.

Изучив в течение 5 дней постановление, Световостоков передал через конторщика арестного дома прошение в Президиум Мосревтрибунала:

«16 декабря н.г. мной была получена копия заключительного постановления, составленная следователем при Мосревтрибунале Губерманом по моему делу». Рассмотрев предъявленные ему обвинения, обстоятельства ареста и причины, на основании которых возникло обвинение, он нашел, что:

1) «во время моего ареста в ночь с 5 на 6 декабря был нарушен закономерный порядок», выразившийся в том, что ему не был предъявлен ордер на арест и обыск;

2) арест и обыски были проведены следователем Губерманом без присутствия кого-либо из членов домкома;

3) обвинение в том, что он состоял сотрудником «Русского слова» и «Раннего утра» как буржуазных газет несущественны, потому что:

в «Русском слове» хотя он и работал, но «это было первый раз в 13 год, когда я во время поездки по Мурману дал несколько корреспонденций бытового характера, а второй раз – 15 году», когда после поездки в Архангельск он поместил в «Русском слове» статью-корреспонденцию в 150 строк экономического характера. «Что в 1913–1915 годов “Русское слово” не было буржуазным органом, можно судить потому, что вся русская пресса ввиду отсутствия партийных газет была в то время одинаково беспартийной»;

«в “Раннем утре” за все время существования газеты я не поместил ни одной строчки, а давал лишь карикатуры военного характера», причем в последнее время, после перехода газеты в руки «Крашенинникова и К» после Октябрьской революции, он не давал в ней ничего. Это можно установить путем осмотра редакции «Раннего утра»;

4) «Обвинение в том, что я вошел в партию коммунистов только ради того, чтобы пристроиться в “Известиях Центрисполкома”, также неверно по существу потому, что как в “Известиях”, так и в других органах советской власти работали и работают до сих пор непартийные, последовательно мог работать и я»; «при поступлении в “Известия” я указал секретарю редакции тов. Мордвинкину, что в общем я работал 25 лет в газетах и журналах и что между прочим я работал в “Русском слове” и “Раннем утре”... мое заявление о желании вступить в партию коммунистов было подано в апреле месяце на Пасху, в то время, когда о закрытии буржуазных газет не было и речи, билет же из партии был получен в июле только потому, что я не спешил в его получении»;

5) «обвинение в ложном доносе на Бенциана Чубайса несущественно, так как письменных заявлений, прошений на Чубайса я не подавал, а сообщил о нем все, чтобы знали, на общем конспиративном собрании коммунистов Коммунистического общежития, причем во время посещения Всерос. Чрезв. Комиссии по другому делу я говорил частным образом о Б. Чубайсе в секретном отделении ВЧК, но ни протокола, ни заявления тогда составлено не было и по поводу этого разговора, после я в ВЧК не вызывался»;

6) «обвинение в незаконном аресте Б. Чубайса направлено не по моему адресу. Арестовали его товарищи Чумак и Яшухин, в то время как я не советовал этого делать, так как

знал, что Б. Чубайс в скором времени должен был уехать из Коммунистического общежития»;

7) «обвинение в том, что я мстил Б. Чубайсу за то, что домовый комитет по его инициативе исключил меня из числа членов жилуправа на получение мануфактурных карточек, неосновательно, так как виновниками этого были все члены домового комитета, а главным образом председатель, допустивший противозаконное постановление»;

8) «обвинение в дискредитировании власти я считаю неосновательным ввиду того, что действовал не как лицо, занимающее какой-либо ответственный пост, а как простой рядовой работник, осведомивший товарищей о прошлом Б. Чубайса.

Принимая во внимание все вышеизложенное, прошу президиум Московского революционного трибунала:

1) признать мой арест и обыск, произведенный в моей комнате, незаконным с формальной точки зрения,

2) обвинение в том, что я работал в «Русском слове» и «Раннем утро» как буржуазных газетах признать голословным,

3) обвинение в том, что я вошел в РКП лишь ради того, чтобы пристроиться к советской печати, признать необоснованным,

4) обвинение в ложном доносе на Б. Чубайса неточно сформулированным, так как в данном случае можно видеть все признаки клеветы,

5) обвинение в незаконном аресте Б. Чубайса признать неправильным,

6) освободить меня из-под ареста как меры пресечения ввиду того, что для окружающих я не представляю никакой опасности,

7) обязать меня, если нужно, подпиской о невыезде;

8) все данные дела вместе со следственными материалами передать в местный народный суд, прекратить»⁴⁴.

На следующий день Световостоков отправил в трибунал еще одно письмо, но предназначалось оно уже лично его председателю Александру Михайловичу Дьяконову – 33-летнему большевику с апреля 1917 г., до революции учившемуся в Московском университете и работавшему адвокатом, а после, в феврале-марте 1918 г., состоявшему членом ВЧК.

Он писал, что первую статью Дьяконова прочел в редакции «Известий Всероссийского Центрального Комитета», где работал как помощник секретаря, а вторую – уже сидя в одиночной камере 3-го Мясницкого арестного дома, куда был

отправлен после допроса Мосревтрибунала. Далее он привел пример с запутавшимся в нитке воробьем, к которому слетаются с бессмысленным чириканьем его сородичи, отмечая, что он – такой же воробей, а именно воробей-коммунист). «Другие воробьи-коммунисты, – писал Световостоков, – мне равно ничем не помогают, и хотя я просил некоторых (Стеклова [редактора “Известий”. – О.К.] и секретаря редакции Киселева), но они не чирикают, а думаю... заняты разрешением мировых задач. Невольно начинаешь раздумывать, что партийная солидарность – фикция. И хотя во второй статье Вы писали, что товарищи, вышедшие из тюрьмы, вернутся в ряды РКП, но... Я работал 2 месяца по устройству “Коммунистического общежития” для товарищей и, следовательно, для партии. Теперь же после ареста я как-то странно и дико слушать слово “товарищи”... Относительно себя прошу вас лишь об одном – ознакомьтесь, пожалуйста, с моим делом, которое находится теперь в президиуме Мосревтрибунала, и сделайте то, что найдете возможным для воробья, запутавшегося в нитке». Подписался он как «почти не коммунист И.Н. Световостоков. 3-й Мясницкий арестный дом, одиночная камера»⁴⁵.

То, что с ним произошло в последующие дни, Световостоков опишет вскоре в обращении в штаб МВО:

«Редакция “Известий”, узнавшая о моем аресте, просила председателя Следственной комиссии Дамберга (вероятно, он занимал должность зампреда. – О.К.) улучшить, насколько возможно, мое положение, и 24 декабря... меня погнали по сугробам снега и под ругань красноармейцев вместе с кучей рецидивистов из 3-го Мясницкого арестного дома в концентрационный лагерь, где я сижу до сих пор. 4 февраля был назначен в Московском революционном трибунале надомной суд, но ввиду того, что в лагере не было конвоира, я в суд не явился, и дело было отложено на 18 февраля...»⁴⁶

В концлагере Световостокову в надежде на досудебное освобождение удалось собрать положительные характеристики со своей прежней работы и настоящего места пребывания. Первая, подписанная редактором «Известий» Юрием Стекловым и секретарем газеты И. Киселевым, сменившим взявшего на работу Световостокова Владимира Мордвинкина, удостоверяла, что он работал в редакции «Известий ВЦИК советов» в качестве помощника секретаря с 16 июля 1918 г. по день ареста, заведующим отделом извещений и некоторое время отделом партийной жизни, работу посещал аккуратно и

поручаемые ему задания выполнял удовлетворительно и вполне добросовестно⁴⁷. Вторая была от коменданта концлагеря «Новоспасский монастырь», где содержался Световостоков, И. Корчица и свидетельствовала о том, что, находясь под арестом во временном изоляционном лагере, он значится на хорошем счету, поведения хорошего, общественные работы выполняет аккуратно и добросовестно, дисциплинарным взысканиям не подвергался, ни в чем предосудительного замечено не было⁴⁸.

Прошение Световостокова было рассмотрено Президиумом Мосревтрибунала 17 января 1919 г. под председательством Дьяконова, членов Цивцивадзе*, Свободина**, Глумана при секретаре Абрамове. Было постановлено просьбу об изменении Световостокову меры пресечения и об освобождении его из-под стражи отклонить, и все другие его ходатайства считать не подлежащими удовлетворению⁴⁹.

4 февраля 1919 г. в Московский революционный трибунал пришла и бумага из ЦК РКП, подписанная помощником секретаря Клавдией Новгородцевой, с просьбой обратить внимание на данное дело, поскольку с обеих сторон в нем выступают коммунисты (с чубайсовской стороны таковым был только Марей), предлагалось выяснить через парторганизации, в которых те состоят, их партийный стаж и так далее⁵⁰. А днем раньше Владимир Загорский, занимавший пост секретаря МК партии, переправил в трибунал заявление коммунистов общежития с их пояснительной запиской и двумя листами свидетельских показаний, ранее направленных в Союз

---

* Большевик с 1903 г. Илья Венедиктович Цивцивадзе, которому вскоре суждено было председательствовать на суде над Световостоковым, родился в Кутаисской губернии в семье бедного грузинского крестьянина. В 1902 г., подобно Иосифу Джугашвили, был исключен из духовной семинарии за революционную пропаганду, во время первой русской революции вместе с Камо организовывал боевые дружины в Закавказье, подвергался арестам и ссылке. В 1917 г. он возглавлял Замоскворецкий ВРК, а затем был председателем Следственной комиссии, и, наконец, передав руководство ею прибывшему из Минска Глуману, стал зампредом Мосревтрибунала.

** Михаил Григорьевич Свободин (1880–1951) – по образованию горный техник, профессиональный большевистский революционер, член РСДРП с 1898 г., до работы в Мосревтрибунале возглавлял Рогожско-Симоновскую райЧК.

советских журналистов. «МК РКП, – писал Загорский, – просит расследовать по возможности скорее это дело и назначить его в кратчайший срок к слушанию»⁵¹.

Направлявшие вышеуказанные документы Чумак и Яшухин писали: «По принципу борьбы сильного со слабым последний оказался побежденным и беспомощно томится в тюрьме. Посему организация коммунистов просит областной комитет партии принять экстренные меры к освобождению страдающего коммуниста Световостокова, числящегося за Московским революционным трибуналом... Из означенного материала ясно видно всю картину данного дела»⁵².

В записке домкома об обстоятельствах дела говорилось куда более подробно, и предлагались пути его решения:

«...Члены коммуны неоднократно справлялись о причине ареста тов. Световостокова, и на эти вопросы трибунал отвечал, что тов. Световостоков арестован за ложное показание по отношению к Чубайсу. Насколько известно коммуне, что ни ВЧК, где прежде находилось дело, ни Московский революционный трибунал не могли... навести справок в Алексеевском училище... для установления факта виновности Б. Чубайса, а, как известно, отпустили на свободу Б. Чубайса, имеющего до сего времени (как было замечено коммунистами) против коммунизма, и заключили в тюрьму коммуниста Световостокова. Это означает, обменяли коммуниста на человека, противного коммунизму.

Нам говорят лица, работающие над вопросом следствия, что за Б. Чубайса ручается его брат – активист-коммунист И. Чубайс. Да отец, брат и сват – все эти лица, безусловно, будут выручать своих родных, но это будет несправедливо, а эта несправедливость в данном случае налицо. Нам говорят эти же следователи, что И. Чубайса как желательную личность подчеркнул тов. Каменев. Но приложенные здесь показания свидетелей показывают очевидно, что тов. Каменев на сей раз был введен в заблуждение. И И. Чубайс не желательная личность, а личность преступная (если принять во внимание все грязные выходки И. Чубайса). Но... причем же здесь И. Чубайс, если идет дело о виновности Б. Чубайса?

Заключив тов. Световостокова в тюрьму, где он находится и до сего времени, несмотря на то, что следствие как будто бы давно закончено, этим революционный трибунал связал руки Световостокову для его действий в направлении своих доказательств?

Имея в виду вышеозначенное, мы, организация коммунистов, надеемся, что... высшие организации РСФСР предпримут по данному вопросу соответствующие шаги и сделают все для справедливого решения по данному вопросу, также предотвратят дальнейшее мщение злобного И. Чубайса»⁵³.

Председатель Московского Союза советских журналистов Леонид Старк, впоследствии видный дипломат, направляя в Моссовет Каменеву копию пояснительной записки комобщезития, от имени своей организации просил содействия в возможно быстром расследовании дела Световостокова. Это обращение из Моссовета было «спущено» по инстанциям и в конечном итоге оказалось в Следкомиссии Мосревтрибунала. В резолюции Глузмана говорилось, что Световостоков перешел в РКП тогда, когда закрывались буржуазные газеты, и стал работать в «Известиях ВЦИК»; на Чубайса сделал он ложный донос в ВЧК на личной почве за неполучение продкарточек (на самом деле – мануфактурных) в бытность того в домкоме, причем «донос был сделан в дни “красного террора” и Чубайс мог пострадать»⁵⁴.

Хотелось бы обратить внимание на один момент пояснительной записки. Наиболее весомым документом в пользу Световостокова или, наоборот, Чубайса, чем показания каких бы то ни было свидетелей, могли стать документы Алексеевского училища, в которых, вероятно, содержались фамилии командированных в июле 1917 г. в Нижний Новгород юнкеров. Однако ни Валескалн, ни Белобородов, ни Губерман, ни их чекистские и трибунальские начальники не догадались запросить сведения из архива теперь уже бывшего училища в силу своего малого профессионализма (а не находившиеся на следственной работе домкомовцы догадались!) или же не сочли нужным это сделать по каким-то причинам (по каким? Просто решили не тратить время на просмотр архивной документации из-за бытовавшего в первые годы Советской власти весьма пренебрежительного отношения к бумагам или еще почему-то?). Но и в том, и другом случае это говорит явно не в пользу следователей (если бы кто-то из них все же обращался, но нужные документы просто не нашлись – в деле об этом наверняка было бы упомянуто).

По всей видимости, именно на поднятие документов военного училища надеялся и Световостоков, когда, будучи штатским лицом, обратился с письмом не куда-нибудь, а в штаб МВО, в котором изложил обстоятельства дела и свои заключения. Вот что он, в частности, писал:

«В июле 1917 года, когда в Нижнем Новгороде произошло восстание рабочих против правительства Керенского, то из этого училища были командированы туда для усмирения рабочих юнкера, в числе их Б. Чубайс. Что Б. Чубайс ездил в Нижний, я знал со слов его матери, которая высказывала мне опасения о том, что Б. Чубайса могут убить, и на мой вопрос почему, отвечала: "Там стреляют в рабочих, и они стреляют". Слово "там" относилось к Нижнему, так как я с ней говорил о нижегородских событиях. Б. Чубайс, приходивший до того времени домой, исчез на несколько дней, и когда появился снова, то на мой вопрос, что было в Нижнем, ответил... "Мы доехали до станции Нижний..." Вскоре после этого Б. Чубайс был произведен в офицеры. Что юнкера были посланы в Нижний не для постановки оперных спектаклей, а для усмирения и расстрела рабочих, о том знал каждый, кто следил в то время за жизнью рабочих организаций. Что Б. Чубайс во время поездки в Нижний, если и не принимал участия в расстреле рабочих, то был соучастником подавления волнений, в этом сомнений не было. После моего рассказа товарищи решили арестовать Б. Чубайса как бывшего офицера, как кадета, по моим наблюдениям, и, наконец, как белогвардейца по душе (! – О.К.), всегда презрительно отзывавшегося о коммунистах, советской власти.

Сообщая о Б. Чубайсе товарищам по общежитию, я руководствовался исключительно партийными соображениями, так как видел, что Б. Чубайс после Октябрьского восстания, не принимая никакого участия в общественной работе, был тем нетрудовым элементом, борьба с которым есть прямая обязанность каждого члена РКП, поддерживающего диктатуру пролетариата. Не работая нигде, он продолжал носить офицерские погоны до тех пор, пока товарищ Муралов (большевистский командующий Московским военным округом Николай Муралов. – О.К.) не дал каждому право срывать их. Тогда он их снял, но при всяком случае распространял слухи об успехах казаков и высмеивал советскую власть.

После моего рассказа двое из товарищей – Чумак и Яшухин – приблизительно через неделю арестовали Б. Чубайса и отвели его в ВЧК, где он просидел 3 или 4 недели и благодаря хлопотам его брата Морей Чубайса (грозившего в коммунистическом общежитии застрелить за арест брата меня и мою жену и разогнать все общежитие) был выпущен на свободу. В ночь на 6 декабря явившийся в коммунистическое общежитие следователь Московского революционного три-

бунала арестовал [меня] и произвел обыск, не представивший ордера и не вызвавший никого из членов коммунистического домового комитета, что явилось грубым нарушением существующих на этот счет постановлений...»

Завершая рассказ о своем деле, Световостоков писал:

«Все вышеизложенное – только небольшая часть тех мытарств и издевательств, какие я перенес и переносу с 6 декабря, со дня ареста. В общем, мое дело освещено крайне односторонне и сведено к тому, чтобы показать Кузькину мать мне как партийному работнику.

Состоится ли 18 февраля надо мной суд, я не знаю, возможно, что по чьей-нибудь вине его отложат еще на две недели, а я все буду сидеть в концентрационном лагере при Новоспасском монастыре, в этом “мертвом доме”, в этом рассаднике сыпного тифа.

Странным обстоятельством в моем деле является [то], что Б. Чубайс не привел никаких доказательств о том, что он не ездил в Нижний, и лишь его брат Морей Чубайс дал честное слово в особом заявлении, поданном лично т. Каменеву, что Б. Чубайс никогда из Москвы не выезжал, хотя я хорошо помню, что в январе или феврале Б. Чубайс ездил в Кострому на свадьбу к Соломону Чубайсу и летом н.г. несколько раз выезжал на одну из станций Ярославской жел. дор. на дачу какого-то родственника.

Таким образом, “ложный донос” основан только на “честном слове”, и я сижу 2 и $\frac{1}{2}$ месяца. Таким образом, я, хотя и маленький винтик советского механизма, бездействую, когда мог продолжить работу в “Известиях”, а нетрудовой элемент, которому место в концентрационном лагере, разгуливает на свободе»⁵⁵.

В тот же день через окружной штаб письмо Световостокова оказалось на столе помощника начальника Активного отделения Особого отдела ВЧК Гершенберга. Прочитав его, он распорядился послать своего представителя ознакомиться с материалами, но не Алексеевского военного училища, а дела Световостокова в трибунал, а спустя два дня передал прошение в Следчасть отдела⁵⁶.

Заседание революционного трибунала состоялось 19 февраля 1919 г. Приведем с сокращениями лишь повторов и некоторых фраз, имеющих отвлеченный смысл, его стенограмму⁵⁷.

Председательствует Цивцивадзе.

Председатель: Заседание Трибунала объявляю открытым. Состав трибунала следующий: Царев Д.А., Шамохин А.И., Фрейман К.Л., Стражевский Б.И., Смирнова А.О., Морозов В.Д. Будет рассматриваться дело Световостокова, Буланова, Яшухина, Баскакова, Акимова, Березина, Чумака и Фельдман.

Председатель читает обвинительный акт.

Председатель: Вы признаете себя виновным в предъявленном обвинении?

Световостоков: Нет. Хотя там, в предварительном следствии, я подписал свои показания, но я был в таком состоянии, что все подписал бы, чтобы мне ни предъявили, лишь бы поскорее отделаться, потому что меня взяли после двух бессонных ночей и не сказали за что. Я просидел у красноармейцев до утра, и утром спросили, работали ли в такой-то газете. Да, я работал, затем, когда сняли допрос, я подписал показания. Меня спросили, не было ли каких-нибудь стычек с Чубайсом на какой-нибудь почве. Я рассказал, но не сказал, что по поводу этих стычек с Чубайсом не было никакого смысла мстить, потому что по этому делу я привлекал весь домовый комитет, за лишения меня мануфактурных карточек. У меня имеется удостоверение председателя в том, что они меня лишили карточек. Я передал в юридический отдел Городского совдепа. Я... два с половиной месяца не мог двинуть это дело, но копии с этого имеются у меня в кармане.

Председатель: Вы не признаете себя виновным в ложном доносе. Почему вы не сказали, что побудило вас это сделать?

Световостоков: Меня товарищи по коммуне в одном из заседаний спросили, что представляет из себя Чубайс. Мне поручили организовать коммунистическое общежитие, и я два с половиной месяца работал по созданию в Уланском пер., дом № 23. Раньше там были мебелированные комнаты на восемнадцать комнат.

Председатель: В каком порядке вы организовали, по разрешению, данному отделом?

Световостоков: Президиумом Городского совета. Разрешение подписано членами президиума.

Председатель: Вы реквизировали и очистили от старых жильцов?

Световостоков: Мне пришлось все делать одному. Одни товарищи приезжали и находили помещение хорошим, дру-

гие – не хорошим, никто ничего не платил. Наконец образовалась небольшая кучка в десять-одиннадцать человек.

Председатель: Вы один пришли и заняли?

Световостоков: Я жил там четыре года и принялся за организацию. Когда составила небольшая кучка, что можно было открыть свой домовый комитет, то собралось человек девять. Одни приезжали и уезжали, несколько дней пробыли и уезжали, даже суточные жильцы были. Они предъявляли ордера, что они коммунисты. Я созвал своих постоянных жильцов, выбрали меня председателем, обсудили некоторые вопросы и на втором заседании возник вопрос, что такое представляет из себя Чубайс.

Председатель: Сколько чужих было, когда первый раз возникла мысль занять это помещение? Из восемнадцати комнат сколько было занято чужими?

Световостоков: Все были заняты суточными жильцами, а постоянных было бы два или три.

Председатель: Вы взяли разрешение на прекращение приема суточных жильцов?

Световостоков: Я получил разрешение на их выселение.

Председатель: Сколько пришлось выселить?

Световостоков: Никого не пришлось выселять, все уехали добровольно.

Председатель: Все комнаты были свободны?

Световостоков: В настоящее время все заняты коммунистами. Когда сделали ремонт, замазали стекла, тогда прекратили прием суточных жильцов, вывеску сняли, повесили другую. У нас был выработан порядок внутреннего распорядка, каждый должен что-нибудь для коммуны делать: доставлять дрова, работать по ремонту, причем плату за помещение измеряли площадью пола и арендную плату разложили по числу арендаторов. Так было намечено, а после моего ареста я не знаю, было ли так сделано.

Председатель: Жилищно-земельный отдел приходил и составил какой-нибудь акт?

Световостоков: Жилищно-земельный отдел выдал ордер на право занятия этого помещения, после того как коммунисты [уже] жили.

Председатель: Как пришлось выселять Чубайса?

Световостоков: Мы его не выселяли. Когда стали занимать помещение коммунисты, то старые жильцы стали уезжать... Я говорил товарищам, что у меня имеются сведения, что Чу-

байс уезжает приблизительно через неделю или полторы, связываться с ним не стоит.

Председатель: Почему вы думали, что их можно выселять?

Световостоков: Я рассчитывал на то, что раз мы получили ордер из жилищно-земельного отдела, то я хотел перед ними возбудить ходатайство о том, чтобы нам разрешили выселять всех.

Председатель: А если коммунисты жили?

Световостоков: Чубайс жили – мать и сын. Вопрос был поставлен относительно всех. Номера занимались исключительно коммунистами, но в конкретных случаях, когда были свободные номера, отдавались сочувствующим.

Председатель: Вы сделали это или нет?

Световостоков: Нет, потому что я был арестован. На втором заседании возник вопрос, что представляет из себя Чубайс. Меня спросили, я сказал, что Чубайса я знаю года четыре, пока я жил, когда он служил в Двинске простым солдатом. Когда он приехал в Москву и поступил в Алексеевское военное училище юнкером, и знаю до сих пор. Я знал, что в Алексеевском военном училище одно время юнкеров командировали в Нижний Новгород для усмирения рабочих, которое закончилось расстрелом. Я знал со слов матери Чубайса, что он ездил в Нижний Новгород в это время. Все это я рассказал товарищам, и товарищи решили [его] как офицера времен Керенского, после октябрьского восстания ни в какой общественной организации не принимавшего участия, арестовать, чтобы выяснить прошлое и отвести [в] ВЧК. Они привели его и посадили. Пробыл он три-четыре [дня], его выпустили, а меня посадили, и я сижу два с половиной месяца.

Председатель: Кто арестовал Чубайса? Вы полагали, что вам предоставлено право ареста?

Световостоков: Когда я рассказал все товарищам, то повторю то, что я говорил, что он скоро уезжает и что не стоит с ним связываться.

Председатель: Кто должен был арестовать? Вы знаете, что арестовывать без ордера никто не имел права?

Световостоков: У нас ордера не было.

Председатель: Вы знали, что он никогда не ездил в Нижний Новгород?

Световостоков: Я со слов его самого знал, что он ездил.

Председатель: Вы не показывали, что вы этого не знали.

Световостоков: Не помню...

Председатель: Вы назвали его белогвардейцем, откуда вы знали это?

Световостоков: По-моему каждый белогвардеец, раз он офицер и не принимает участия ни в какой общественной организации и упорно не признает советской власти, отрицательно относится к советской работе и находится в тылу. Это больше белогвардейца, который сражается на фронте. Этот скрытый белогвардеец говорил, что он нейтрален, и он может быть чем угодно и всадить нож в спину. Когда был старый домовый комитет и я обращался как секретарь за разъяснением некоторых вопросов относительно уплаты жильцами денег – или хозяину, или домовому комитету, то он за это высказал порицание на общем собрании за то, что я обращался к советской власти за разрешением разных вопросов, и все время агитировал за КД (кадетов. – О.К.) во время выборов в номерах. Он говорил, зачем выбирать С.Р. (эсеров. – О.К.), самое лучшее – КД партия, они дадут то-то и то-то, из этого я заключил, что он – белогвардеец и им до сих пор остался. Раз правительство Керенского произвело его в офицеры, то он таким и остался, того же образа мыслей.

Председатель: Вы работали в буржуазных газетах?

Световостоков: Я в буржуазных газетах работал с 1913 года.

Председатель: Вы на основании его прошлого судите?

Световостоков: Я думаю, что он нигде не служил.

Председатель: Вы знаете, что он уехал усмирять рабочих в Н.Н.?

Световостоков: Он сказал, что он доехал до ст. Нижний, и больше ничего не говорил.

Председатель: Что он вам сказал, что он поехал в Н.Н. расстреливать рабочих?

Световостоков: В этом никто не сомневался, что там расстрелы происходили и что юнкера посланы для расстрела, об этом все говорили, об этом знали из газет, что юнкера посылались для усмирения рабочих.

Председатель: Вы помните такое показание: «Зачем он ездил туда, мне неизвестно. Никаких определенных оснований я не имел обвинять Чубайса в том, что он действительно принимал участие в расстреле рабочих». Вы это правильно показали или нет?

Световостоков: Мне перед судом надо было ознакомить с этим делом, тогда я имел бы представление о последовательности. Я не знаю, кому я давал такие показания.

Председатель: Если кто-нибудь написал, помимо вас, вы могли заявить суду, что записали не то, что я говорил. Почему вы это показали, может быть, дадите объяснения какие-нибудь?

Световостоков: Я помню разъяснения самого следователя. Он предлагал указать конкретный случай. Я сказал [что], кроме слов его матери, я никаких данных не имею.

Председатель: Вы сейчас рассказывали о том, что вы никакой злобы не питали и мстить не хотели, в то же время вы сказали, что за то, что он мануфактурных карточек не дал, вы захотели отомстить.

Световостоков: Это понял так следователь. Я возражал, а он говорит, что это не важно, все выяснится на суде.

Председатель: По имеющимся у вас данным вы арестовали человека или по злости?

Световостоков: Злобы никакой нет.

Председатель: То по злобе доносить, а то по настоящему делу. Неужели вы не понимали, что подписывали? Вы указали определенный факт: «мне он отказал в выдаче карточек».

Световостоков: Это неверно записано. Судебный следователь спросил, не было ли каких-нибудь стычек?..

Председатель: Почему вы это сказали? Имеет смысл говорить иначе, чем вы сейчас говорите. Почему вы меняете показания?

Световостоков: Смысла мне не было никакого мстить. Я тогда объяснял ему.

Председатель: Вам известно, что он хоть и поехал, но не доехал до Н.Н.?

Световостоков: Я не знаю, где находится станция Нижний.

Судья: Почему вы, зная прошлое гр. Чубайса, до всей этой истории с мануфактурными карточками ни разу не подняли вопрос относительно [его] личности в соответствующем советском учреждении? Было бы очень естественно, зная, что он живет в номерах, бывший прапорщик, которого послали в Н.Н. для умирения, может быть он не доехал, человек нигде не работает, нигде не служит, агитирует за к.д. партию, почему вы как коммунист не подняли вопроса и не предложили установить наблюдение для выяснения [его] личности?

Световостоков: Это было случайно. Когда я заходил в чрезвычайную комиссию в секретное отделение, там был т. Савинов, заведующий секретным отделом*, я говорил, что у нас в

---

* Секретным отделением Отдела по борьбе со спекуляцией.

меблированных комнатах проживает офицер, он записал имя, отчество и фамилию и сказал, что мы проверим. Было ли это проверено, я не знаю. Это заявление было сделано на Пасху или вскоре после Пасхи. В то время, когда мной было сделано заявление, что я хочу вступить в партию.

Председатель: Вы часто с ним сталкивались?

Световостоков: Довольно долго, года 4.

Председатель: Из прошлого времен Керенского, до октябрьской революции, вы назвали один факт, что он ездил куда-то до Нижнего и не доехал. После октября вы знаете какой-нибудь факт антисоветской деятельности, и почему вы не указали?

Световостоков: Он все время был недоволен существующим порядком и при всяком удобном случае ругался на коммунистов мерзавцами, подлецами, радовался каждому случаю, если мы терпели поражение...

Председатель: С октября месяца почему вы не заявили об этом? Когда факт был налицо, что он поносил советскую власть, ваша обязанность коммуниста была донести.

Световостоков: Я протестовал и отказался от дальнейшего председательствования...

Председатель: Вы написали, что свое прежнее показание я подтверждаю.

Световостоков: Это я подтверждал свое старое показание.

Председатель: Вы со старыми показаниями не согласны?

Световостоков: Теперь не согласен.

Судья: Вы заявили в Чрезвычайную Комиссию в апреле месяце, но до этой истории прошло много времени. Вы когда заявили в чрезвычайную комиссию?

Световостоков: Я туда не подавал заявления.

Судья: Живя здесь, вы видели, что этот гражданин по-прежнему живет, и ни разу к нему с обыском не приходили, по-видимому, им не заинтересовались, он продолжал поносить советскую власть, не естественно было бы задать в чрезвычайную комиссию вопрос, почему вы ничего не делали? Вы этого не сделали.

Световостоков: У меня было мало времени, и затем работа в самих номерах. Мне пришлось бороться не только с такими элементами. В этих номерах жили бандиты, кокаи-нисты, которые грозили убить. Мне нужно было разрывать-ся на части?

Судья: Долг гражданина был заявить о том, что живут бандиты.

Световостоков: Я заявлял, несколько раз приходили с обыском, находили кое-что, и никакой пользы обыкновенно не было.

* * *

Председатель: Гр. Баскаков, вы признаете себя виновным в том, что без достаточных оснований подвергли лишению свободы Чубайса?

Баскаков: Нет, не признаю.

Председатель: Вы думаете, что имели право?

Баскаков: Я расскажу, как я попал в эту коммуны. Я крайне нуждался в помещении, жил в темном подвале. Состоял членом Городского района, увидел объявление, в котором говорится, что приглашаются в дом такой-то товарищи коммунисты для организации коммуны. Я поехал, посмотрел, нашел для себя подходящим это помещение и переехал. На первом для меня собрании был как раз поставлен... одним из вопросов о старых жильцах, которые проживают, что с ними делать: выселять или будут жить среди коммунистов. Решили принимать только коммунистов, но, прежде чем поселиться, я заехал в президиум и говорил с т. Познанским*, действительно ли было выдано разрешение на занятие этого помещения. Он подтвердил. Значит, я мог смело туда ехать.

Председатель: В этом нет никакого сомнения, что вы имели право занять помещение.

Баскаков: Когда возник вопрос о старых жильцах, как с ними быть, уместно ли им жить среди коммунистов, как раз общее собрание нашло уместным предложить им выселиться. В том числе возник вопрос о Чубайсе. Был вопрос, кто он и что из себя представляет. Когда каждого охарактеризовали, то [стало понятно, что] некоторые лица ни в чем не были замечены и на них не стоило обращать внимания. Постановлено предложить выехать по своему желанию и предоставить срок. Они выселились, но когда дошло до Чубайса, то о Чубайсе Световостоков сказал, что он был юнкером Алексеевского училища и якобы ездил в Н.Н. для усмирения рабочих во времена Керенского. Он сказал, что он заявил в чрезвычайную комиссию, чтобы выяснили, но до сих пор сведений не поступало. Мы себе поставили вопрос, что же сделать в таком случае? Взять и отправить в чрезвычайную комиссию, пусть разбираются, выясняют эту личность.

---

* Член Президиума, а затем и председатель Горрайсовдепа Яков Познанский.

Председатель: Вы Чубайса раньше не знали и судили только по словам т. Световостокова?

Баскаков: Да.

Председатель: Гр. Буланов, вы тоже принимали участие в аресте. Вы его знали?

Буланов: Никак нет.

Председатель: Все собрание судило на основании слов Световостокова?

Буланов: Когда он выступил с докладом, я спросил, есть ли данные на это, мы не ошибемся?

Председатель: Вы доверяли словам Световостокова?

Буланов: Доверяли.

Председатель: Вы арестовали или послали в Чрезв. Комиссию?

Буланов: Когда я попросил доказательство от Световостокова, то он ответил, на общем собрании было решено отправлять в В.Ч.К., и мы отправили в В.Ч.К.

Председатель: Вы как только постановили, сейчас же отправили в В.Ч.К. или заперли? Или сейчас же отвезли в В.Ч.К. и там составили протокол?

Буланов. Да.

Председатель: Трибунал постановил в отношении Березина, Буланова, Яшухина, Акимова, Чумака и Фельдман дело прекратить и допрашивать в качестве свидетелей.

* * *

Председатель: Ваша фамилия Чубайс?

Чубайс: Марий Павлович Чубайс. Я заведующий детским питанием Бутырского совдепа. Я коммунист, но сейчас в партии не состою. Был в партии, но когда солдатскую секцию распустили, то я подал заявление о зачислении меня в партию.

Председатель: В солдатской секции вы были в какой фракции?

Чубайс: Позвольте предъявить документ.

Председатель: Что вам известно по делу Световостокова?

Чубайс: Прежде чем дать объяснение, разрешите охарактеризовать личность Световостокова.

Председатель: Ваше субъективное мнение о Световостокове нас не интересует.

Чубайс: Я могу рассказать, как я начал ходатайствовать об освобождении моего брата, кроме этого, я ничего не знаю. Когда мне сказали, что мой брат арестован, я обратился в Чрезвычайную комиссию к т. Петерсу. Петерс с большим трудом меня принял, никакого положительного ответа не дал и

направил к т. Скрипенко*. Этот тоже меня строго принял, наконец, я сказал, что я без брата не пойду: или арестуйте меня, или выпустите брата. После долгих переговоров Скрипенко заявил, что брата не освободить, а вас мы не арестуем и попросим курьера вывести вас. Думая, что препирательство со Скрипенко не принесет пользы моему брату, я поговорил с некоторыми товарищами, которые посоветовали обратиться к Каменеву, и когда я обратился к Каменеву, то подал заявление.

Председатель: В чем обвинялся ваш брат?

Чубайс: В расстреле рабочих в Н.Н. В Н.Н. [он] никогда не был. Он сидел в окопах, потом был делегирован в Алексеевское училище и все время был на фронте. До этого он был мальчик, учился в реальном училище.

Председатель: Вы знали его политическое настроение, как он отнесся к советской власти?

Чубайс: Он беспартийный совершенно, без всякой политической окраски.

Председатель: Вам известно, что из его полка отправляли на усмирение?

Чубайс: Из Алексеевского военного училища очень многих отправляли. Он говорил, что это дело не юнкеров, а жандармов, и если бы пришлось, он не поехал бы. Его не назначили, потому что у него была астма.

Председатель: Во время выступлений его отношение какое было?

Чубайс: Я был председателем военного революционного комитета 251 полка. У него есть свидетельство, что за все время революции он посещал полк.

Судья: Ваш брат не хвалился между посторонними, что он умирлял, что он, дескать, вот что делал?

Чубайс: Брат никогда лгуном не был. Если кто-нибудь докажет, что мой брат был когда-либо в Н.Н., я разрешаю ко мне применить самые тяжелые меры.

Судья: Мать жила с ним все время. Она не говорила, что он ездил на усмирение?

Чубайс: С ним (имеется в виду Световостоков. – О.К.) никогда никто не говорил, потому что с личностью без определенных занятий никто дела не имеет. С лицом, не достающим деньги своим трудом, никто дела не будет иметь.

---

* На самом деле – Скрыпнику, украинское звучание фамилии «Скрыпник».

Судья: Чем вы объясняете заявление Световостокова на вашего брата?

Чубайс: Я сам поразился. Не будучи знаком со Световостоковым, я считал его человеком неглупым. Мания величия – лучшее доказательство [того], что он попал в коммунисты, когда он – человек без всякой политической окраски. Сидел с утра до ночи в своем грязном номере и ждал, пока жена принесет деньги, на которые он жил. Жена уходила с утра и до вечера и никаких документов не предоставляла, что она где-либо служила, так же как и он, если только не сфабрикует, как сфабриковал этот гнусный донос.

Председатель: Попросите Чубайса (Бенциана. – О.К.).

Председатель: Где вы учились?

Чубайс: В частном реальном училище Баженова, потом полгода побыл в московском Юридическом институте... Во времена временного правительства я был командирован в Алексеевское училище, и по окончании его я был переведен в 251 полк запасной пехотный в Москве. Во время революции я его ежедневно посещал и после был демобилизован.

Председатель: В октябрьской революции вы принимали участие?

Чубайс: Я никакого участия не принимал, я ежедневно посещал полк в помещении Великан. Мой полк принимал участие.

Председатель: Из Алексеевского военного училища отправляли в Нижний Новгород?

Чубайс: Вообще отправляли карательные экспедиции. Я был произведен в октябре, а в каком месяце был командирован, не могу точно сказать.

Председатель: Вы тоже были отправлены?

Чубайс: Я в Нижнем Новгороде не был за все время моего существования.

Председатель: Какое было ваше отношение к этому факту?

Чубайс: Я, как мог, протестовал против всякой отправки карательных экспедиций и говорил, что это функции не юнкеров, а жандармов. Мое личное отношение было против этого. Я не был командирован и протестовал против всяких командировок.

Председатель: В помещении коммунистов вы давно живете?

Чубайс: Я жил давно. Я жил до фронта и после пребывания на позиции.

Председатель: Какое было отношение к советской власти? Вы сочувствовали советской власти, или лояльно относились, или слишком враждебно?

Чубайс: Враждебного отношения не было, но просто я беспартийный и признавал ту власть, которая в данное время существует.

Председатель: Были случаи, когда вы в спорах высказывались резко по поводу советской власти?

Чубайс: Таких случаев не было.

Председатель: Какие отношения были со Световостоковым?

Чубайс: У меня с ним ничего общего не было. Был с ним знаком как живущий рядом в номерах в общежитии. Вместе с ним присутствовали на собраниях домового комитета, просто знакомые, здравствуйте, прощайте.

Председатель: Никаких недоразумений с ним не было?

Чубайс: Не было.

Председатель: Вы можете чем-нибудь объяснить донос на вас?

Чубайс: Я затрудняюсь ответить, в чем дело.

Председатель: Вы говорили, что вас отправляли на усмирение в Нижний Новгород?

Чубайс: Я не мог говорить, потому что меня никто не отправлял.

Председатель: Вы никогда не говорили с ним или с матерью?

Чубайс: Не говорил.

Председатель: Сколько лет вашей матери?

Чубайс: 68.

Председатель: Она здорова?

Чубайс: Она больна.

Председатель: Интересуется политической жизнью или нет?

Чубайс: Нет, не интересуется.

Председатель: Она знала, что отправляют на усмирение юнкеров в Н. Новгород?

Чубайс: Не знаю.

Председатель: С вами когда-нибудь приходилось говорить об этом?

Чубайс: Не приходилось.

Председатель: Она могла говорить о том, что вас отправляют на усмирение?

Чубайс: Нет, не могла. Я с ней на эту тему не говорил. Нет, этого она не могла говорить.

Судья: Вы знали, что в свое время, в мае или апреле 18 г., Световостоков сообщил в Чрезвычайную Комиссию относительно вас или не знали? На допросе Световостоков сообщил о том, что ваша личность возбуждает некоторые подозрения.

Чубайс: Я знал, что он донес приблизительно за две недели до моего ареста. Меня арестовали в ноябре, а я узнал в октябре.

Судья: О первом доносе вы не знаете?

Чубайс: Я знаю только один донос.

Судья: Когда вы были демобилизованы, вы чем стали заниматься?

Чубайс: Я все время был без работы. Был на бирже труда зарегистрирован.

Судья: Через биржу труда работу не получили?

Чубайс: Я был зарегистрирован в качестве конторщика.

Председатель: Сколько времени вы состояли на учете у биржи труда?

Чубайс: Два или три [месяца], а может, и больше. Я получал работу физическую, я был разносчиком корреспонденции.

Судья: Когда вы были демобилизованы?

Чубайс: Я не помню.

Судья: Каковы обстоятельства вашего ареста?

Чубайс: Я был арестован таким образом. 3 ноября в 11 часов утра, когда читал газету, являются ко мне в комнату два человека, мне незнакомые. Я их физиономии не знал. На мое приглашение войти в комнату, они ответили: «Т. Чубайс – вы? Вы арестованы». «Разрешите пойти отправиться». – «Одевайте шинель и фуражку». Я застегиваю сапоги и спрашиваю: могу узнать, за что меня арестовывают? Ответ: «Это там выяснится». Минут через 10 я беру шинель и фуражку и иду. В воротах они меня спрашивают: «Вы в Н. Новгороде были или нет?» Я ответил, что не был. Они арестовали меня без предъявления ордера. Когда мы проходили уже Чрезвычайную комиссию, я спросил, куда меня ведут: «Пройдемте». – Мы прошли дом № 11. «Если меня ведут в Чрезвычайную Комиссию, то мы ее прошли», – и я показал, где находится она. Они привели меня к комиссару, который отказался меня принять без предъявления ордера. Они показывают протокол заседания домового комитета и говорят, что мы могли бы дать объяснения, но просим вывести арестованного. На это комиссар заявляет, что «выводить его не будем, предъявите ордер». Они сказали, что «мы просим его задержать, потому что есть постановление домового комитета». Комиссар извиняется и просит пройти в какую-то комнату. Я остаюсь здесь же при комиссаре, а они уходят вверх в какую-то комнату. Прошло часа полтора, я задал вопрос комиссару, долго ли меня будут держать здесь? Он ответил, что не знает, «зачем вы по-

шли», и пойдет узнает сейчас сам. Пошел наверх. Приходит и говорит, поехали за ордером. Прошло еще полчаса. Я опять спрашиваю, и он говорит: «Сейчас за вами пришлют». Минут через 15 приходит комиссар, допрашивает и отправляет в Бутырскую тюрьму.

Председатель: На чьи средства жили, пока на бирже труда состояли?

Чубайс: На средства брата.

Председатель: Объявите свидетелям, что они могут войти. Больше никаких изъятий нет?

* * *

Световостоков: Я не имею ничего. Когда я общался с Чубайсом, мной не руководило чувство мести, а руководили только исключительно партийные соображения, так как я видел, что Чубайс после октябрьской революции не принимал никакого участия в какой-нибудь общественной работе, был тем нетрудовым элементом, борьба с которым была прямой обязанностью каждого члена. Вот на основании этого я действовал.

Председатель: Трибунал удаляется на совещание...

Председатель: Именем Российской социалистической федеративной советской республики московский Революционный Трибунал в заседании от 19 февраля 1919 г., рассмотрев дело гр. Световостокова, постановил: Световостокова И.Н. признать виновным в том, что, руководствуясь личными мотивами, сделал ложное заявление в В.Ч.К. на гр. Чубайса о том, что последний в июне 1917 г. принимал участие в расстреле рабочих в Н. Новгороде, тем ввел в заблуждение В.Ч.К., могущую на основании слов Световостокова применить в отношении гр. Чубайса высшую меру наказания и дискредитировать советскую власть, а посему выразить ему общественное порицание и приговорить к лишению свободы на 3 месяца с зачетом предварительного заключения и лишить его права занимать ответственные должности в советских учреждениях в течение 3 лет.

** *

Для Цивцивадзе дела, подобные делу Чубайса–Световостокова, не были рядовыми. Они являлись серьезным аргументом в пользу его позиции в дискуссии, развернувшейся в конце 1918 г. в партийных и советских учреждениях по вопросу о существовании ВЧК в связи с многочисленными эксцессами «красного террора», в частности о взаимоотноше-

нии ее с судебными органами. Вообще ликвидировать ВЧК предлагали председатель Мосревтрибунала Дьяконов, ранее входивший в состав чекистского руководства, и поддерживавший его начальник отдела Наркомюста Александр Хмельницкий (в начале 1918 г. он был комиссаром юстиции в Одессе в ее первый советский период, а позднее наркомом юстиции уже всей Украинской советской республики), о чем последний имел даже перепалку с Петерсом⁵⁸. Оппонентом того же Петерса, вскоре введенного в Мосревтрибунал (добившись этого, Дзержинский как бы «убивал двух зайцев» – направлял выразителя чекистской линии в часто противостоящий ей судебный орган и избавлялся от своего противника по многим вопросам непосредственно в руководстве лубянского ведомства), выступал и Цивцивадзе, поддерживавший члена-докладчика уже центрального судебного учреждения Николая Крыленко о подчинении ЧК ревтрибуналам⁵⁹.

Выступая 30 января 1919 г. на заседании Московской общегородской партконференции, посвященной вопросу взаимоотношений ЧК и трибуналов, Цивцивадзе, в частности, заявил:

«ЧК не раскрывают преступления, но создают их... Мы все несем ответственность за введение смертной казни, но когда ее применение находится в полной зависимости от следователя, тогда мы восстаем против такого ее применения, когда это бывает в ЧК. Здесь нет возможности проверить, расстреливается наш враг или же наш друг. Нам необходима гарантия, что ни один невинный не будет напрасно осужден... Тов. Ленин советует договориться с мелкой и средней буржуазией, чтобы привлечь ее на свою сторону, если она не борется против нас. Достигнуть этого мы можем тем, что дадим среднему классу (! – О.К.) уверенность в том, что Советская власть защитит их от всякого произвола и насилия без всякой вины с их стороны. Мы вовсе не советуем прекратить борьбу с нашими врагами, но советуем изменить отношение к нашим соседям, которых можно привлечь на нашу сторону. Однако всего этого мы не достигнем Чрезвычайными Комиссиями, которые созданы совершенно в другом духе, только Революционные трибуналы, созданные по проекту тов. Крыленко, могут помочь нашей работе в этом направлении»⁶⁰.

За два дня до оглашения приговора по делу Световостоква, 17 февраля 1919 г., ВЦИК ревтрибуналам передал право выносить приговоры по делам, возбужденным ЧК, за которыми было, однако, оставлено право не только применения

наказания в местностях, объявленных на военном положении, но и расправа в целях пресечения вооруженных выступлений. По мнению автора предисловия к публикации стенограммы вышеуказанного заседания К.И. Букова, на принятие ВЦИК указанного постановления оказала влияние в том числе дискуссия о взаимоотношениях ЧК и ревтрибуналов на Московской партконференции⁶¹. Впрочем, вскоре прежние права ЧК были восстановлены.

После вынесения приговора Мосревтрибунал известил коменданта концлагеря «Новоспасский монастырь» о том, что срок отбытия наказания Световостоковым истекает 6 марта 1919 г., когда он должен быть освобожден из-под стражи⁶². Спустя 3 дня после освобождения Световостокова Президиум этого судебного органа в том же составе, в котором ранее рассматривал прошение о досудебном освобождении, отклонил его просьбу о сокращении 3-годичного срока, в течение коего он был по приговору лишен права занимать ответственные посты в советских учреждениях⁶³.

А как развивалось начатое непосредственно перед судебным заседанием расследование дела особистами? Через неделю после вынесения приговора Гершенберг направил в Следчасть отдела следующую сводку: «Дело № 42/5а. По сообщению секретных сотрудников, состоявшийся 20.2. суд осудил Световостоковского на 16 дней. Чубайсис оказался псевдокоммунистом. К расследованию дела приняты меры»⁶⁴.

Как мы видим, в этой весьма краткой сводке было перевра́но все, что только можно, начиная с фамилий участников процесса. Отсюда напрашивается вывод о весьма низком уровне оперативной работы возглавлявшегося Михаилом Кедровым чекистского подразделения, бравшегося в период своего формирования за совершенно разные дела, зачастую весьма далекие от решения задач контрразведывательного обеспечения Красной Армии.

Сводка пробыла в Следственном отделении без движения до 17 апреля, когда его начальник Владимир Фельдман, наконец, наложил на нее резолюцию: «Разобраться и дать заключение. Запросить лагерь и т.д.», поручив это дело своему подчиненному Осипову⁶⁵. Составленная последним несколько дней спустя следственная сводка-заключение была гораздо подробнее и точнее оперативной:

«1919 года апреля 22 дня. Я, военный следователь Особого отдела ВЧК, рассмотрев переписку по делу Световостокова Ионы Никифоровича и Бенциана Чубайса, установил, что

г. Световостоков на одном из заседаний организованного им коммунистического общежития по Уланскому пер., д. 22, где был поднят вопрос, что представляет из себя Бенциан Чубайс, жилец, оставшийся от прежних хозяев, указал, что он Чубайса знает несколько лет, который был юнкером Алексеевского военного училища. В июле 1917 года, когда в Нижнем Новгороде произошло восстание рабочих против правительства Керенского, из Алексеевского военного училища были командированы туда для усмирения рабочих юнкера, в числе которых якобы был Чубайс. О поездке Чубайса Световостоков узнал якобы от его матери. После сделанного заявления приблизительно через неделю двое из товарищей коммунистического общежития – Чумак и Яшухин – арестовали Чубайса и отправили в ВЧК, откуда через 3 или 4 недели [тот] был освобожден. В [ночь] на 6 декабря следователем Московского революционного трибунала тов. Губерман был арестован Световостоков, который содержался в концентрационном лагере. Ныне гр. Световостоков, согласно приговору от 19.2. Московского революционного трибунала, где разбиралось дело, освобожден, а потому предлагаю всю имеющуюся переписку препроводить в Московский революционный трибунал к делу Световостокова и Чубайса»⁶⁶.

Спустя 2 дня Фельдман переслал в Мосревтрибунал переписку на 14 листах для приобщения к делу Световостокова⁶⁷. На этом участие в этом деле Особого отдела завершилось.

После освобождения Иона Световостоков вернулся на родину – во Владимирскую губернию. 11 ноября 1920 г. из города Юрьев-Польский, где он тогда проживал, со своего домашнего адреса: Большая улица, дом 11, им было направлено в Мосревтрибунал очередное прошение следующего содержания:

«19 февраля 1919 года Московским революционным трибуналом я был приговорен за ложный донос и дискредитирование советской власти к 3-х месячному заключению и лишен права в течение 3-х лет занимать ответственные должности.

На основании амнистии: ноябрьской 1919 года, майской 1920 года и ноябрьской 1920 года, а также инструкции о порядке применения последней амнистии народного комиссариата юстиции, опубликованной в “Известиях ВЦИК” № 250, прошу Московский революционный трибунал пересмотреть мое дело и известить меня, с какого времени я могу считать себя восстановленным в правах»⁶⁸.

Спустя некоторое время на телеграмме председателя Юрьевского уездисполкома Папанова, отправленной в тот же трибунал через МЧК, кем-то из представителей адресата была поставлена резолюция: «Допущен к должности, наказание трибунала снято»⁶⁹.

Дальнейшую судьбу Ионы Световостокова, как и его врага Бенциана Чубайса, установить не удалось. Больше известно про старшего брата последнего. Биографию Марeya Чубайса после 1919 г. можно проследить по заполненной им в январе 1927 г. анкете партийной переписи⁷⁰. В 1920–1922 гг. он заведовал отделением Мосэвакпункта. В период нэпа Чубайс перешел на хозяйственную работу. За период с 1922 по 1927 г. он успел побывать руководителем подразделений Мостранса и Моспогруза, заведовать отделом в ГУМе и поработать в Московском союзе потребительских сообществ. Чем занимался Чубайс в дальнейшем – неизвестно. Как летом 1999 г. рассказала автору падчерица заместителя начальника Иностранного отдела ОГПУ 1920-х гг. В.В. Бустрема Юфей Бустрем (урожденная Ша), в 1940-е гг. Марей Чубайс с семьей жил в Доме старых большевиков на Арбате, где до своей смерти в 1943 г. проживал и Бустрем.

Следователь Петр Валескалн после реорганизации Отдела по борьбе с контрреволюцией, последовавшей в декабре 1918 г., стал инспектором для особых поручений во вновь организованном Секретно-оперативном отделе, первый месяц руководимом все тем же Скрыпником. В марте 1919 г. Валескалн вернулся на следовательскую работу, став членом коллегии образованного в декабре 1918 г. Следственно-юридического отдела. С июля 1919 г. в течение 2 лет он попеременно работал то заведующим, то заместителем заведующего Следчастью при Президиуме ВЧК. Уйдя летом 1921 г. с чекистской службы, он решил продолжить образование, и не нигде-нибудь, а в МГУ. В Университете, а затем Институте Красной профессуры Валескалн проучился до 1928 г. За 7 следующих лет он успел побывать ректором областного Комуниверситета в Воронеже, замдиректора Института массового обучения партактива при ЦК ВКП(б), ответственным секретарем Центрального бюро секций научных работников. Пик его столичной карьеры пришелся на 1935–1937 гг. – в период руководства им ЦК Союза работников высшей школы и учреждений науки.

Валескална в отличие от многих его соплеменников, в том числе из числа бывших сослуживцев, напрямую не затронул

каток ежовских репрессий «по национальным линиям», но в его должности произошло явное понижение, когда после 2-месячного пребывания в распрямлении ЦК партии в январе 1938 г. он стал работать заместителем ответственного редактора журнала «Советская наука». Опала Валескална закончилась после начала советизации Латвии. В 1940-е гг. в Латвийской ССР он был наркомом-министром просвещения и министром Латвийской ССР, в 1950-е гг. – академиком, секретарем местной Академии наук, а с 1960 г. в течение 15 лет до выхода на персональную пенсию – там же вице-президентом, избирался в 1963 г. председателем республиканского Верховного Совета (7-го созыва). Умер Валескална в Риге в возрасте 88 лет, застав начало перестройки, приведшей к краху партии, которой он столько десятилетий верно служил, и лишь немного не дожив до времени, когда в премнице СССР – России внучатый племянник его бывшего подследственного Анатолий Чубайс станет ключевой фигурой экономической и во многом политической жизни.

Забравший следственное дело Чубайса у Валескална Вениамин Липшиц в декабре 1919 г. переходит во вновь созданную МЧК заместителем начальника объединенного Отдела по борьбе с контрреволюцией и преступлениями по должности Станислава Мессинга. 5 января 1919 г. он был направлен в распоряжение комиссии по снабжению Западного фронта. В том же году он был переброшен на восток и стал зам. начальника Военно-дипломатического управления Туркестанского фронта. Вернувшись после Гражданской войны в Москву, бывший чекист, как и многие его прежние сослуживцы, находился на крупных хозяйственных должностях, в частности был руководящим работником соляной промышленности и входил в состав правления Госбанка. Умер Липшиц в 1936 г. и был похоронен на Новодевичьем кладбище.

Возбудивший уголовное дело против Световостокова Глузман в Следственной комиссии Мосревтрибунала проработал до марта 1919 г. В марте 1919 г. он был назначен заведующим отделом юстиции Моссовета, который возглавлял до марта 1920 г. и от которого в мае 1919 г. вошел в Коллегию МЧК; в последней спустя месяц после вхождения и до весны 1920 г. также заведовал Следственным отделом. С марта 1920 г. в Коллегии МЧК Глузман представлял вновь организованный отдел управления московской власти, заместителем которого он стал, и одновременно с апреля в течение года руководил московской милицией. Затем он вернулся в

судебную систему и являлся членом и временно исполняющим обязанности председателя Военно-транспортной коллегии Верховного трибунала ВЦИК, а в 1923 г. возглавил Кассационную коллегию Верховного Суда РСФСР. Избежав репрессий, Глузман умер в 1940 г. и был похоронен на Новодевичьем кладбище.

Другая судьба ожидала коллегу Глузмана по Мосревтрибулу Илью Цивцивадзе. После Гражданской войны он ушел с судебной работы, был управделами грузинского Совнаркома, зампредом Тбилисского исполкома. Затем, снова прихав в столицу, Цивцивадзе возглавлял Москоммунхоз и Мособлтранс. В середине 1930-х гг. был направлен на работу в промышленность; последняя его должность – директор завода Остехбюро РККА. 8 сентября 1937 г. Цивцивадзе был арестован НКВД и 15 марта 1938 г. Военной Коллегией Верховного Суда СССР по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации приговорен к расстрелу и казнен в тот же день.

Таким образом, Цивцивадзе стал жертвой преемника учреждения, с которым он в свое время полемизировал. Правда, главного своего оппонента в том учреждении – Екаба Петерса – «преемник» также уничтожил. Посмертно признаны невиновными они были практически одновременно: Петерс – в марте, Цивцивадзе – в апреле 1956 г. на волне реабилитационной кампании после XX съезда.

О ротации кадров в центральном аппарате ВЧК

Обстановка Гражданской войны, расширение аппарата ВЧК, многочисленные ее реорганизации приводили к большой текучести кадров. К этому добавлялся и провозглашенный партийным руководством курс на кадровую ротацию. Сменяемость работников, перевод их после определенного срока на другую должность и в другую область деятельности были объявлены важнейшими условиями обеспечения успешности работы чрезвычайных комиссий. М.Я. Лацис обосновывал необходимость ротации кадров в первую очередь тем, что «как бы честен ни был человек и каким бы кристально

чистым сердцем он ни обладал, работа Чрезвычайных Комиссий, производящаяся при почти неограниченных правах и протекающая в условиях, исключительно действующих на нервную систему, дает о себе знать», и только редкие из сотрудников остаются вне влияния этих условий работы⁷¹. Однако анализ расстановки кадров, в том числе руководящих, в центральном аппарате ВЧК показывает, что ротация сотрудников носила скорее не планомерный, а спонтанный характер и была вызвана различными причинами.

В 1917–1918 гг. наиболее массовой сменяемость работников была в первый месяц существования ВЧК в связи с формированием ее аппарата и совмещением большинством сотрудников службы в Комиссии с занятием ответственных должностей в других ведомствах, а также командированием некоторых из них на места для участия в установлении Советской власти, в июле-августе – главным образом в связи с удалением из ВЧК, в том числе с руководящих постов, левых эсеров, и в декабре 1918 г. – по причине перехода части сотрудников во вновь образованную МЧК. Наиболее сменяемым был состав высшего руководящего звена. Так, из 19 чел., являвшихся членами ВЧК в начале мая 1918 г., к концу сентября этого года только 6 (Дзержинский, Петерс, Ксенофонов, Фомин, Полукаров и Савинов) по-прежнему оставались в ее составе. Остальные выбыли в связи с принадлежностью к партии левых эсеров (причем В.А. Александрович был расстрелян, а М.Ф. Емельянов и Д.И. Попов объявлены в розыск), отправлены на фронт или на работу в регионы, а В.В. Артишевский и П.Ф. Сидоров остались работать в ВЧК, но прекратили членство в руководящем ее органе (последний как левый эсер)*. В дальнейшем, с конца сентября по конец де-

---

* Из выбывших из числа членов ВЧК ранее наиболее интересной и загадочной была судьба левых эсера М.Г. Владимиров (К.А. Штримпфлера). До 23 марта 1918 г. он находился на ответственной работе в Отделе по борьбе с контрреволюцией. Затем он был переведен в Отдел по борьбе с должностными преступлениями и, по всей видимости, в связи с этим выбыл из состава членов ВЧК (Архив ВЧК. С. 189). Являясь членом последнего отдела, Владимиров, тем не менее, продолжал принимать участие в борьбе с контрреволюцией. Так, в конце мая 1918 г. вместе с Л.М. Заковским он ездил в Казань арестовывать антибольшевистскую организацию. Однако примерно через две недели после удачного завершения данной операции, 15 июня 1918 г., «Известия ВЦИК» сообщили о расстреле в ночь на

кабря 1918 г., из состава членов ВЧК было значительно меньшее в процентном отношении число лиц: в конце ноября – Полукаров, поступивший на учебу в Военную академию, В.П. Янушевский, перешедший на военно-партийную работу; в начале декабря – А.И. Пузырев, командированный в Воронеж для руководства прифронтовой ЧК*; в первых числах января 1919 г. – назначенный наркомом Госконтроля вновь провозглашенной Украинской советской республики Скрыпник. В 1918 г. выбывание как руководящих работников, так и специалистов в большинстве случаев было вызвано либо их увольнением (в ряде случаев с преданием суду) за те или иные служебные нарушения или политическую ненадежность, либо направлением их на чекистскую и реже партийную (как правило, подпольную) работу в провинцию**. Одним из та-

---

13 июня провокатора Штримпфлера, под именем Владимирова пробравшегося в Комиссию (*Ратьковский И.С.* Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб., 2006. С. 85; *Велидов А.С.* На пути к террору. С. 112). Штримпфлер скрыл свою принадлежность к жандармерии в прошлом, но в чем собственно руководство ВЧК увидело его провокаторскую деятельность, сказать сложно. Можно предположить, что поводом для расследования его деятельности стало письмо Урицкого Дзержинскому, в котором сообщалось, что отправленный в Петроградскую ЧК арестованный несовершеннолетний В. Аносов показал, что в Москве допрашивавшие его Владимиров, Трепалов и Ротенберг опрашивали с ним крайне грубо, причем особо отличился именно первый, угрожая ему револьвером и даже инсценируя расстрел (РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 10. Л. 1–1об.). Однако вряд ли только данный случай явился причиной для расследования деятельности Владимирова, приведшего к обнаружению его жандармского прошлого. Ответ на вопрос может дать лишь следственное дело Владимирова из Центрального архива ФСБ, если оно, конечно, сохранилось.

* Позже, с января по апрель 1919 г., Пузырев возглавлял Секретно-оперативный отдел Всеукраинской ЧК, а с апреля по август – аналогичное подразделение Одесской губЧК, погиб от руки петлюровцев в сентябре при эвакуации с Украины. Интересно, что 4 октября 1919 г., когда еще не дошли до ВЧК сведения о гибели Пузырева, Президиум решил по его прибытии временно назначить его для работы в Секретно-оперативный отдел МЧК, возглавлявшийся Н.А. Рославец (урожденной Ланговой).

** Например, в июле 1918 г. на Восточный фронт были командированы зав. Контрреволюционным отделом М.Я. Лацис и

ких работников был член ВЧК В.Л. Панюшкин, виновный в самовольном расстреле в Петрограде студентов; его отправка с отрядом в Тульскую губернию, правда, формально объяснялась активизацией в регионе антибольшевистского движения*. Вышеуказанное не дает основания говорить о проведе-

---

комиссар отдела Я.Я. Авен, ставшие, соответственно, председателем фронтовой ЧК и начальником ее Следчасти, чуть позднее помощник Лациса К.М. Карлсон был назначен уполномоченным ВЧК по Волге, а начальник Следчасти этого отдела А.И. Ротенберг – членом чрезвычайной комиссии по снабжению фронта (он вернулся в Москву в сентябре 1918 г. и был назначен членом чекистской Контрольно-ревизионной коллегии).

* Биография Василия Лукича Панюшкина была довольно любопытной. Родился он в 1888 г. в семье сельского столяра в Орловской губернии. До революции был рабочим, в том числе слесарем на Тульском оружейном заводе и занимался починкой механики в усадьбе помещика М.С. Сухотина (1850–1914), приходившегося зятем Л.Н. Толстому, с которым Панюшкину тоже довелось пообщаться. Призванный на Балтфлот в 1909 г., Панюшкин по рекомендации все того же Сухотина после нескольких лет службы поступил в военно-морское инженерное училище, по окончании которого стал мичманом на учебном судне «Океан». Однако еще в 1907 г. он вступил в большевистскую партию и в 1913 г., будучи морским офицером, организовал побег политзаключенных и сам сбежал за границу. В Париже работал на автозаводе «Рено» и познакомился с В.И. Лениным. В 1917 г. Панюшкин снова находился на Балтфлоте, теперь уже в качестве парторганизатора ЦК, затем являлся комиссаром Петроградского ВРК в Кронштадтской крепости. В декабре 1917 г. он стал сначала политическим, а затем и военным руководителем 1-го социалистического отряда при ВЦИК. В Тульской губернии весной-летом 1918 г. Панюшкин был чрезвычайным военкомом и уполномоченным ВЧК, затем чрезвычайным военкомом и начальником Особого отряда на Восточном фронте, был удостоен Ордена Красного Знамени № 2, а в 1920–1921 гг. заместителем начальника войск ВОХР. После объявления нэпа в знак протеста он вышел из РКП, но этим не ограничился и стал организатором нелегальной Рабоче-крестьянской соцпартии, ставившей целью свержение большевистского руководства. Организация была раскрыта Московской ЧК, Панюшкин 7 июля 1921 г. был арестован и по приговору Верховного трибунала при ВЦИК получил два года принудительных работ, однако уже в декабре 1921 г. попал под амнистию. После беседы с Лениным он был восстановлен в партии и направлен на ответственную

нии какой-либо серьезной целенаправленной политики замены чекистских кадров в центральном аппарате в 1918 г.

Рассмотрим ротацию кадров в самом главном отделе ВЧК – по борьбе с контрреволюцией – во второй половине 1918 г.

18 июля коллегия отдела, рассмотрев заявление секретаря В.Г. Вороницкого о переводе его на следственную работу, постановила удовлетворить его просьбу, когда подыщется сменщик. Однако Вороницкий настаивал на своем. Когда 27 июля его начальник Скрыпник снял вопрос с очереди, он объявил, что уйдет и без постановления заведующего и коллегии. Кончилось это прикомандированием Вороницкого помощником к заведующему канцелярией отдела К.А. Рацину⁷². В тот же день вместо отправлявшегося на Восточный фронт А.И. Ротенберга временно исполняющим обязанности начальника Следчасти был назначен Э.Э. Линде, который в

работу в Донбасс, в частности возглавлял в комиссию по борьбе со взяточничеством в местной угольной отрасли. Далее в 1920-е гг. он являлся уполномоченным Президиума ВСНХ по спецзаказам для металлургии и работал в Берлинском торгпредстве. Если в начале 1930-х гг. он еще занимал крупные посты в промышленности, возглавляя в Москве НИИ машиностроения и объединение «Промсвязь», то затем карьера его пошла вниз, и в середине 1930-х гг. он возглавлял семеноводческий совхоз в Крыму. В сентябре 1937 г. он был арестован и после 3-годового пребывания в тюрьме Симферополя получил длительный лагерный срок, который отбывал в Вятлаге и Сиблаге; в 1950 г., еще до окончания первого срока, Панюшкин был привезен в Москву и после 2-годового следствия МГБ получил новый срок, который на сей раз отбывал в Тайшете до середины 1954 г., когда был переведен в ссылку в сельскую местность Красноярского края. Реабилитирован он был вскоре после XX съезда КПСС, после чего приехал в Москву, вышел на пенсию и умер в 1960 г. Подробная биографическая справка о В.Л. Панюшкине, правда с незначительными неточностями о времени чекистской службы, приведена в книге: *Скоркин К.В.* НКВД РСФСР. С. 705–707. Любопытно, что революционная работа Панюшкина во время службы на Балтфлоте стала основой для вышедшего на экраны в год его смерти художественного фильма «Мичман Панин», и, вероятно, он стал одним из прототипов отбывавшего лагерный срок бывшего комбрига войск ВЧК из рассказа писателя Г.И. Шелеста «Самородок», сюжет которого был использован в выпущенной в середине 1960-х гг. кинокартине «Если ты прав».

начале сентября сдал дела бывшему руководителю Следчасти Спекулятивного отдела Я.Я. Закису, ставшему уже не только главным следователем, но и заместителем Скрыпника.

Объявление «красного террора» привело к увеличению численности отдела путем привлечения новых сотрудников и повышению в должности уже работавших рядовых работников. Так, 12 сентября в качестве следователей были приняты бывший инженерно-технический работник механического завода и начальник химобороны пехотной дивизии, до революции окончивший 3 курса петроградского Политехнического института Н.И. Кутын, в тот же день вступивший и в партию; бывший политработник Восточного фронта М.Б. Нудельман, состоявший в партии со времени большевистского переворота. В тот же день группа рядовых работников была повышена до комиссаров и старших канцеляристов (среди последних был назначенный подборщиком материалов большевик с 1917 г. Е.П. Предтечный, ранее редактировавший в одном из украинских городов «Известия Совдепа», а после прихода кайзеровских войск скрывавшийся в Крыму, а также большевик с 1914 г. В.Я. Озол, утвержденный делопроизводителем Следчасти, – впоследствии он стал следователем Секретного отдела). 23 сентября разведчик, большевик с 1917 г. Я.И. Понаровский стал помощником комиссара, а на следующий день канцеляристка, член партии с 1915 г. М.И. Янсон – следователем^{73,*}.

В середине ноября 1918 г. обрушившийся на ВЧК вал критики в связи с массовыми арестами и многочисленными расстрелами и неясность будущего существования ЧК вообще привели к оттоку из отдела сотрудников. Так, 14 ноября президиум отдела удовлетворил личные просьбы об увольнении по состоянию здоровья ответственных работников Новгородова, Г.А. Миронова и Д.Г. Алешковского (правда, вскоре он вернулся на чекистскую службу и работал следователем МЧК), а Я. Гульбиса – в связи с переходом на работу в Росбюро ЦК Латвийской социал-демократии⁷⁴. Расстался с чекистской службой через два с лишним месяца после поступления и вышеупомянутый Нудельман. Дела он вел, судя по всему,

---

* При всем этом специалистов все равно не хватало. Например, 24 сентября, заслушав вопрос об откомандировании комиссара Э.К. Зиксте, Президиум постановил отклонить просьбу ввиду громадного недостатка опытных следователей (Архив ВЧК. С. 274).

довольно неумело, потому 26 октября президиум отдела постановил одно из них вернуть для более понятного заключения, а 14 ноября руководство Нудельмана заслушало просьбу о переводе его в комиссары, но отказало ему. Вскоре он вообще расстался с ответственной должностью и оказался в Регистрационном бюро, причем рядовым конторщиком. На этом месте бывший следователь явно вообще не желал соблюдать служебную дисциплину и 2 декабря по заявлению Манцева о самовольной отлучке Нудельмана и докладу непосредственной начальницы последнего Дороговой об общем нерадении по службе он был арестован на 3 суток с обязательным исполнением ежедневно своих обязанностей, а затем и уволен со службы⁷⁵.

Данные о расстановке чекистских кадров в 1919–1921 гг. подводят к выводу о том, что ротация сотрудников центрального аппарата в это время возрастала прямо пропорционально их должностному положению. Наибольшая сменяемость имела место среди членов Коллегии и руководителей «линейных» отделов, а наименьшая – среди работников канцелярского и обслуживающего персонала. Из 8 утвержденных СНК в марте 1919 г. членов Коллегии ВЧК – руководителей центрального аппарата (Дзержинский, Ксенофонтов, Кедров, Уралов, Эйдук, Чугурин, Мороз и Валобуев) лишь двое (Дзержинский и Ксенофонтов) при следующем утверждении СНК в июле 1920 г. вошли в Коллегию в качестве управленцев центрального аппарата, а к началу 1922 г. из них остался один Дзержинский. Членами Коллегии к моменту расформирования ВЧК по-прежнему оставались руководящие работники 1918–1919 гг. – Ксенофонтов, Лацис, Петерс и Кедров, однако они уже не занимали никаких постов в центральном аппарате. С марта 1918 по декабрь 1921 г. на посту заведующего Транспортным отделом сменилось 8 заведующих, включая временно исполняющих обязанности: И.П. Жуков (28 февраля – март 1919 г.), И.Д. Чугурин (март-май 1919 г.), В.В. Фомин (май-август 1919 г.), Ф.И. Слюсаренко (врио) (сентябрь 1919 г.), снова И.П. Жуков (сентябрь-декабрь 1919 г.), С.Т. Ковылкин (декабрь 1919 – январь 1920 г.), П. Портнов (врио) (январь-февраль 1920 г.), Н.Н. Зимин (февраль-ноябрь 1920 г.), Г.И. Благонравов (с ноября 1920 г.). Реже менялись руководители вспомогательных и особенно обслуживающих подразделений. Так, за период с декабря 1918 по декабрь 1921 г. сменилось 4 коменданта: Я.М. Дабол (до апреля 1919 г.), В.С. Вильнераг (апрель-сентябрь 1919 г.), М.П. Стендер (сен-

тябрь-октябрь 1919 г.), К.И. Вейс (с октября 1919 г.) – и 3 начальника Автоотдела (переименованного в конце 1920 г. в Гараж ВЧК): В.Д. Гарш (до января 1919 г., когда он стал помощника отдела)*, после него Кубецкий и затем П.А. Яковлев (на июль 1919 г. он уже являлся руководителем отдела)**.

Основными причинами ухода ответственных работников из центрального аппарата ВЧК в 1919–1920 гг. были их переброска на чекистскую работу в регионы и мобилизация на фронт (как правило, для работы во фронтовых и армейских Особых отделах)***. Так, в начале 1919 г. на Украину для орга-

---

* Гарш вскоре перешел в Транспортный отдел, где некоторое время работал следователем, а затем в мае 1919 г. был направлен в Курск в качестве инструктора-организатора Транспортной ЧК Московско-Курско-Воронежской железной дороги.

** Петр Александрович Яковлев до 1918 г. был электромонтером Сормовского завода, затем служил красноармейцем на Казанском фронте. В ВЧК был направлен в декабре 1918 г. и стал помощником начальника Автоотдела. Чекистскую службу начал как беспартийный – в партию вступил в 1919 г. Автомобильное подразделение он возглавлял до 1922 г., после в 1922 г. возглавил правительственный Гараж. В 1924 г. бывший электромонтер в ОГПУ стал помощником начальника службы связи. Однако к руководству «автомобильным» подразделением чекистского ведомства он регулярно возвращался, в 1931 г. вновь возглавил Гараж ОГПУ, а с 1934 г. стал начальником Автобазы ОГПУ-НКВД. Наконец, в августе 1941 г. капитан госбезопасности Яковлев получает должность другого плана – сотрудника для особых поручений Комендатуры НКВД, главной функцией которого было приведение в исполнение расстрельных приговоров. С 1946 г. и до своего увольнения в отставку по возрасту (в звании полковника) в мае 1954 г. он был помощником коменданта МГБ (с 1953 г. – МВД) (Сведения о Яковлеве взяты: Буяков А.М. Ведомственные награды ОГПУ-НКВД. 1932–1940. Владивосток, 2008. С. 453–454).

*** Некоторые из ответственных работников ВЧК по несколько раз перебрасывались как с одной должности на другую внутри центрального аппарата, так и из центра в регионы и обратно. Так, С.Ф. Реденс, поступивший в ВЧК в сентябре 1918 г. в качестве следователя Контрреволюционного отдела, после его расформирования в декабре 1918 г. стал личным секретарем Дзержинского. В апреле 1919 г. вместе с М.Я. Лацисом он был командирован во Всеукраинскую ЧК, где стал заместителем начальника Иногородного отдела, а затем в июле возглавил Юротдел Одесской губЧК. После занятия Украины денikinцами в

низации ЧК была откомандирована группа местных уроженцев (преимущественно евреев)*. Когда 3 мая 1919 г. ЦК РКП

сентябре 1919 г. он вернулся в Москву, где был назначен на прежнюю должность секретаря председателя ВЧК. В феврале 1920 г. после повторного прихода в Одессу Красной Армии Реденса вновь направили туда (на этот раз вместе с членом коллегии Секретного отдела М.А. Дейчем и начальником Информационной части Особого отдела МЧК, а в прошлом – комиссаром при Президиуме ВЧК Л.М. Заковским), где он стал председателем губЧК. После этого Реденс последовательно руководил Харьковской и Крымской губЧК, а в июле 1921 г. в третий раз был возвращен в центральный аппарат и назначен заместителем начальника, а в сентябре и начальником Административно-организационного управления.

И.И. Сорин (Блувштейн?) начал службу в ВЧК в сентябре 1918 г. в качестве помощника следователя, а затем следователя Отдела по борьбе со спекуляцией. После организации в декабре МЧК его назначили заместителем начальника ее Спекулятивного отдела, но уже в январе 1919 г. вернули в центральный аппарат для руководства Ревизионной комиссией Иногородного отдела. В марте 1919 г. во главе группы чекистов Сорин был направлен на Украину, где возглавил Киевскую губЧК. После возвращения в сентябре 1919 г. в Москву его назначили членом коллегии вновь организованного Экономического отдела. В январе 1920 г. постановлением Оргбюро ЦК Сорина вновь командировали на Украину, на сей раз в Донецкий бассейн.

Были случаи, когда переброшенных в регионы ответственных чекистских сотрудников на местах переводили на другую работу. Так, направленный на Украину следователь Следственно-юридического отдела Г.М. Меламед в апреле стал зав. Юротделом Одесской губЧК, а спустя месяц был назначен заведующим отделом управления местного губисполкома.

* Среди сотрудников-русских, не имевших до этого отношения к Украине, был командированный в Киев ответственный работник Транспортного отдела С.А. Херувимов, уроженец Перми, живший также в Рязанской губернии, на Кавказе и в Москве (*Кочевых С.* Указ. соч.). Правда, вскоре он вернулся в Москву и на март 1921 г. вновь работал в Транспортном отделе ВЧК, теперь уже уполномоченным (ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 89. Л. 567). Другой отправленный на Украину сотрудник этого отдела – А.П. Альпов, выходец из вятского дворянства, до революции работавший в Казани, а после – в чекистских органах Царицына и Саратова, в 1920–1922 гг. возглавлял Екатеринославскую, Киевскую, Николаевскую губЧК и Одесский губотдел ГПУ (*Скоркин К.В.* Обречены проиграть. С. 761–762).

решил сформировать в образованной в конце февраля Литовско-Белорусской республике ЧК, в Минск из Москвы был командирован большевик с сентября 1917 г. белорус И.В. Тарашкевич, владевший не только родным, но и польским языком, который с 6 августа 1918 г. работал в ВЧК следователем сначала в Отделе должностных преступлений, а с декабря в Юридическо-следственном отделе. В Литовско-Белорусской ЧК Тарашкевич возглавил Юротдел, а 27 мая, сменив «местного» руководителя, стал председателем (11 августа в связи с сокращением контролируемой большевиками территории она была переименована в Минскую губчека). В августе 1919 г. Смоленский губком партии обратился к Держинскому с просьбой об укреплении губчека более опытными работниками. В это время в Смоленск эвакуировался председатель ЧК Литвы и Белоруссии, который 26 августа 1919 г. был назначен председателем Смоленской губчека и возглавлял ее, а затем соответственно губотдел ГПУ до апреля 1923 г., когда сдал дела своему прошлому сослуживцу по центральному аппарату Д.М. Иванову (большевик с июня 1918 г., Иванов в ВЧК служил с марта 1918 г., на осень 1918 г. являлся комиссаром Отдела по борьбе с контрреволюцией, а затем занимал ту же должность в Оперчасти при Президиуме)*.

Нужно отметить и тот факт, что в декабре 1918 – феврале 1919 г. большое количество сотрудников-латышей для установления Советской власти было отправлено на родину, хотя некоторым чекистам-латышам, как, например, начальнику телеграфа П.А. Мюллеру, в откомандировании в Латвию 24 февраля 1919 г. Президиумом ВЧК было отказано⁷⁶. В 1920 г. П.А. Мюллер возглавил при Президиуме ВЧК отделение свя-

---

* Иосиф Владиславович Тарашкевич (1884–1950) происходил из белорусских крестьян, до революции был рабочим, с 1915 по 1918 г. служил в армии, затем заведовал жилконторой Горрайсовдепа Москвы, которым и был рекомендован в ВЧК. После Смоленска он возглавлял Пенский губотдел ГПУ (до 1928 г.). С конца 1920-х и до середины 1930-х гг. Тарашкевич последовательно являлся начальником Вятского окротдела ГПУ, помощником полпреда ОГПУ по милиции по Нижегородскому краю, начальником Саровского ИТЛ ГУЛАГа, а затем, расставшись с чекистской службой, перешел на хозяйственную работу (ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Л. 244, 645; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 191. Л. 29, 31; *Скоркин К.В.* На страже завоеваний Революции. С. 364, 372, 484; дополнительные сведения о Тарашкевиче автору сообщены А.В. Мельник).

зи, объединившее телеграф, телефонную станцию и Шифр-бюро, то есть, по сути, то же самое подразделение, которым он руководил в Иногороднем отделе⁷⁷. Однако после 1920 г. в списках сотрудников центрального аппарата ВЧК он не значится, и судьба его с этого времени не совсем ясна. В книге И. Лосева фигурирует П.А. Мидлер – лицо, чьи дореволюционные биографические данные весьма схожи с данными Мюллера. Лосевский Мидлер в 1920-е гг. работал в конторах «Аркоса» в Лондоне и «Совторгфлота» в Германии, но в 1928 г. был арестован ОГПУ за связь с контрразведкой Скотланд-Ярда, и дело его было передано в феврале 1929 г. на рассмотрение Особого Совещания. Какой приговор оно вынесло, автор не удосужился установить, предположив, что Мидлер был расстрелян⁷⁸. Можно предположить, что Мидлер и Мюллер – одно и то же лицо.

В период Гражданской войны знание работником того или иного региона являлось определяющим для его направления туда. Отправка же на фронт нередко была своеобразным наказанием для проштрафившихся сотрудников. Например, 9 января 1919 г. было принято решение ввиду «допущенного неоднократного безобразия» уволить со службы в ВЧК и отправить на фронт управляющего домами лубянского ведомства А.А. Минейко⁷⁹. Нужно отметить, что в 1919–1922 гг. сотрудники ВЧК, отправленные в Красную Армию, помимо Особых отделов, попадали в военную разведку, на военно-судебную или политическую работу. Характерной является судьба И.О. Матулевича. Он родился в Петербурге в 1895 г. в семье литовца-чернорабочего, окончил 3-классное городское училище, до 1917 г. работал литейщиком на петроградских заводах. Согласно заполненной им в сентябре 1918 г. анкете служебной переписи, в большевистскую партию вступил в марте 1917 г., однако уже спустя 3 месяца в анкете теперь уже партийной переписи партстаж он «поднял» до 1915 г., и он таковым оставался до его исключения из КПСС в 1955 г.

По нашему мнению, он просто хотел представить себя коммунистом с подпольным стажем, хотя в последней анкете указывал, что в 1916 г. был арестован и после 4-месячного следствия освобожден, но интересно, что в наградной автобиографии 1937 г. Матулевич, относительно подробно описывая дореволюционную автобиографию, об аресте не упоминает, а говорит только об увольнении с завода за участие в забастовке; кроме того, он утверждает, что в партию его принял во время работы на заводе «Дюфлон» руководитель

местной большевистской ячейки А.К. Скороходов, который в начале 1919 г. возглавил ПетроЧК, а затем после конфликта с Г.Е. Зиновьевым был снят с должности и отправлен на Украину, где осенью был расстрелян белыми – соответственно опровергнуть слова Матулевича он не мог.

В 1917 г. Матулевич являлся казначеем и помощником заведующего лавкой рабочего кооператива «Вперед». После Октябрьского восстания (во главе отряда красногвардейцев завода «Дюфлон» он участвовал в штурме Зимнего дворца) Матулевич стал членом президиума Комитета по борьбе с пьяными погромами при Петросовете, с которым в марте 1918 г. в правительственном поезде переехал в Москву. По приезду комитет был упразднен, а Матулевич вместе с другими его членами переведен в ВЧК, в которой последовательно являлся комиссаром в Отделе по борьбе с контрреволюцией, Секретно-оперативном отделе, а после выделения из последнего Оперчасти – при Президиуме. Летом 1918 г. его направили инструктором в политотдел переформировывавшейся после Восточного фронта для отправки на Южный 7-й стрелковой дивизии, где спустя полгода он стал комиссаром бригады, но весной 1920 г., явно учитывая чекистское прошлое, был переведен на воено-юридическую работу – следователем реввоентрибунала запасных частей 13-й армии, где и началась его судебная карьера*.

---

* В 1921–1922 гг. Иван Осипович Матулевич являлся членом Коллегии реввоентрибула 6-й армии, в 1921–1922 гг. – войск Украины и Крыма, в 1922 г. – председателем реввоентрибунала расквартированной в Одессе 51-й дивизии, а в последующие 6 лет – зампредом воентрибунала 1-й Туркестанской дивизии, председателем воентрибулов 32-й дивизии и 19-го корпуса. Наконец, в октябре 1928 г. он вошел в состав Военной Коллегии Верховного Суда СССР, а спустя 4,5 года стал ее зампредом. Непосредственным начальником Матулевича здесь был В.В. Ульрих – тоже в прошлом работник центрального аппарата ВЧК: в 1918–1920 гг. – заведующий объединенным Финотделом, а в 1921–1922 – замначальника Особого отдела. Под председательством последнего корвоенюрист Матулевич участвовал, в частности, в открытых политических процессах: так называемых «Объединенного троцкистско-зиновьевского центра» (август 1936 г.), «Параллельного троцкистского центра» (январь 1937 г.), «Правотроцкистского блока» (март 1938 г.). Среди приговоренных к расстрелу под председательством уже самого Матулевича находились его бывшие начальники и сослуживцы, на-

Некоторые сотрудники ВЧК, отправленные на работу в армейские Особые отделы, затем в армии переходили на политработу в силу частичной схожести функций особистов и комиссаров. Характерным примером здесь может служить судьба Я.Я. Фогеля, который упоминался в нашей книге, в частности, в связи с расследованием им обстоятельств убийства начальника Контрразведывательного бюро К.А. Шевары*.

пример член первого состава ВЧК и первый председатель Военной Коллегии Верховного Суда СССР В.А. Трифонов (15 марта 1938 г.) – отец знаменитого писателя Ю. Трифонова, и Е.Х. Петерс (25 апреля 1938 г.). «Чистки» прибалтов не затронули Матулевича: в анкетах с середины 1930-х гг. свою национальность он указывал как русскую (по матери), а в наградной автобиографии 1937 г., хотя не скрывал литовское происхождение отца, но специально подчеркивал, что тот с малых лет в жил в Петербурге, тем самым явно намекая на отсутствие связей с Литвой.

После затухания Большого террора Матулевича в 1940 г. несколько понизили в должности и отправили руководить военным трибуналом Харьковского военного округа. В годы Великой Отечественной войны он председательствовал в трибуналах Южного, Северо-Кавказского и Кавказского фронтов. Однако после войны Матулевич вновь был введен в члены Военной Коллегии, а когда начался новый виток репрессий, в 1948 г. снова стал вторым ее лицом и председательствовал на таком крупном процессе, как «Ленинградское дело» (29 сентября – 1 октября 1950 г.). После реабилитации репрессированных по этому делу в 1954 г. его сняли с должности, а в следующем году вместе с двумя бывшими членами Военной Коллегии исключили из партии и лишили генеральского звания «за нарушение социалистической законности» (по иронии судьбы 22 августа 1937 г. ему был вручен орден Ленина с формулировкой «за успешную работу по укреплению революционной законности и охране интересов государства»). После смерти в 1961 г. Матулевич не удостоился чести быть похороненным на престижном Новодевичьем кладбище, а нашел свое «последнее пристанище» на Донском (сведения взяты из следующих источников: ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Л. 416; ф. 7523. Оп. 7. Д. 451. Л. 63–68; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 242. Л. 233; там же. Оп. 65. Д. 191. Л. 29; *Скоркин К.В.* Обречены проиграть. С. 823; *Смирнов Н.Г.* Репрессированное правосудие. М., 2001. С. 137, 348 и некоторые др.).

* Ян Янович Фогель родился в 1898 г. в селе Вольмарского уезда Лифляндской губернии в семье латышского крестьянина, в большевистской партии состоял с 1914 г. В 1917 г. он служил

Работников ВЧК нередко переводили и на транспорт в силу чрезвычайности его деятельности, особенно после назначения наркомом путей сообщения Ф.Д. Дзержинского. Одними из первых «посланцев» на железнодорожный транспорт, переведенными еще до назначения Дзержинского, наряду с экс-руководителем Транспортного отдела В.В. Фоминым были секретарь при Президиуме Г.Н. Левитан* и Ж.Я. Шимкус, с

рядовым в латышском стрелковом полку, затем красногвардейцем, сотрудником отдела формирования Центрального штаба Красной гвардии. С мая 1918 г. Фогель находился на чекистской службе: сначала недолго сотрудником для поручений при председателе ВЧК, затем следователем Отдела должностных преступлений ВЧК, в качестве представителя ВЧК выезжал в Вологодскую и Северную губернии, с декабря состоял членом коллегии Транспортного отдела ВЧК, с января по сентябрь 1919 г. служил следователем Особого отдела ВЧК. Во время наступления денikinских войск на Москву он был отправлен на фронт и стал замначальника Особого отдела 14-й армии. Летом 1920 г. Фогель служил комиссаром Ганжинского полка, затем был начальником политбюро (ЧК). С сентября 1921 г. он являлся начальником Секретного отдела одной из губЧК. С марта 1922 г. Фогель находился на командных и политических должностях в Красной Армии: от командира эскадрона до комиссара 6-й кавалерийской дивизии и военкома Одесской кавалерийской школы. После окончания Военной академии РККА им. Фрунзе в 1933 г. его назначили командиром 38-й дивизии, и в 1935 г. ему было присвоено звание комбрига. В феврале 1938 г. Фогель был арестован, провел под чекистским следствием 3 года и 3 месяца, а затем был оправдан Военным трибуналом Северо-Кавказского военного округа. Более года после этого находился в запасе, затем был возвращен в Красную Армию, в 1943 г. был отправлен на фронт, в качестве командира 120-й гвардейской стрелковой дивизии (3-я армия, 2-й Белорусский фронт) и в 1944 г. был аттестован в качестве генерал-майора. Погиб Фогель в бою 17 июля 1944 г. в ходе Белостокской наступательной операции и указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1945 г. был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

* В марте 1919 г. Гутман Нафта́льевич Левитан перешел в систему путей сообщения: служил уполномоченным при штабе железнодорожных войск Северного фронта, комиссаром для поручений и комиссаром ряда отделов Центрального управления военных сообщений, а с 1920 г. являлся помощником комиссара одной из инспекций НКПС. В 1920-е гг. Левитан активно уча-

лета 1918 г. руководивший Оперчастью Контрреволюционного отдела, а с декабря 1918 г. он в Секретном отделе сначала заведовал иногородней информацией и был инспектором особых поручений, а затем секретарем (в 1920 г. из Центрального управления военных сообщений он перешел в исполком Коминтерна, где заведовал шифрами).

Наконец, некоторая часть работников в конце Гражданской войны после укрепления РКП как правящей партии была переведена на работу в ЦК. Так, бывший зампред ВЧК Ксенофонтов 15 июля 1921 г. стал управляющим делами ЦК партии, а 26 августа того же года заместителем руководителя статистической части Управделами была назначена заведующая Бюро статистики Регистрационно-статистического отделения Оперативного отдела ВЧК Е.Г. Смиттен*.

Стал в троцкистской оппозиции, за что в декабре 1927 г. Краснопресненским райкомом был исключен из партии. Позднее он заведовал проектированием оргработ строительства БАМа в городе Свободный. В апреле 1933 г. по делу о троцкистской организации «И.Н. Смирнова, Е.А. Преображенского, В.А. Тер-Ваганяна и других» Левитан был осужден Особым Совещанием на 3 года лишения свободы (аналогичный срок получили такие видные троцкисты, как А.А. Константинов, Я.О. Охотников и Р.Н. Сахновский). В октябре 1937 г. по приговору «тройки» УНКВД Дальстроя Левитан был расстрелян. Реабилитировали его по последнему делу в 1968 г., а по делу 1933 г. вместе с подавляющим большинством подельников – только в разгар перестройки в 1989 г. и спустя год восстановили в партии. Любопытно, что в вышедшем в 1973 г. на экран художественном фильме «Петерс» (соавтором сценария являлся бывший ответственный работник ОГПУ-НКВД-МГБ М.Б. Маклярский) секретарь Президиума ВЧК Левитан был показан в качестве одного из положительных героев, правда, ошибочно назван левым эсером, не поддержавшим мятеж своих сослуживцев-однопартийцев (на самом деле в ПСР он никогда не состоял, а с апреля 1917 г. являлся членом большевистской партии). Таким образом, можно констатировать, что консультанты из КГБ, среди которых был и биограф Дзержинского А.В. Тишков, «проглядели» нереабилитированного в партийном отношении, а в юридическом – только частично персонажа.

* Елена Густавовна Смиттен (1883–1942) родилась в Витебске в семье управляющего таможи. Окончила Мариинскую женскую гимназию в Витебске и в 1911 г. Высшие Бестужевские женские курсы в Петербурге. Вступив в 1904 г. в РСДРП, она примкнула к большевикам и в годы первой русской революции

Таким образом, ротация кадров в центральном аппарате в 1919–1921 гг., как и ранее, носила не целенаправленный характер, а диктовалась обстановкой Гражданской войны, а в отдельных случаях была вызвана субъективными обстоятельствами, как, например, в случае с отставками Кедрова и Эйдука с поста руководителей Особого отдела в августе 1919 г.

Характерной особенностью кадров центрального аппарата ВЧК, особенно периода Гражданской войны, было отсут-

---

была помощницей секретаря Петербургского комитета Р.С. Землячки. С 1911 г. Смиттен работала статистиком в Бюро переписи начальных школ в Петербурге и являлась членом редколлегии выходивших в Петербурге журналов «Просвещение» и «Вопросы страхования». В 1914 г. она была за революционную деятельность арестована и после 4-месячного пребывания в тюрьме сослана в Красноярск, где работала в области статистики в местном переселенческом управлении. Вернувшись весной 1917 г. в Петроград, Смиттен работала статистиком в земской управе. После захвата власти большевиками она была секретарем Центросовета фабзавкомов, а с августа 1918 г. заведовала подотделом профессиональной статистики Наркомтруда. В ноябре 1919 г. она перешла в ВЧК, где являлась заместителем заведующего (и некоторое время в начале 1920 г. заведующей) Регистрационным отделом, затем с мая 1920 г. – Регистрационно-статистическим отделом, а с января 1921 г. в последнем, незадолго до этого ставшем отделением Оперода Секретно-оперативного управления, возглавляла Бюро статистики. С сентября 1921 г. она в выделенном в самостоятельное подразделение Статистическом отделе ЦК партии была заместителем заведующего, а с ноября 1924 – и заведующей. С начала 1930-х гг. Смиттен руководила сектором проверки и исполнения Колхозцентра СССР и участвовала в редактировании журнала «Крестьянка», состояла старшим научным сотрудником Института истории Академии наук СССР, руководила календарной редакцией в социально-экономическом издательстве. С 1917 г. Смиттен была замужем за Станиславом Станиславовичем Пилявским, с которым познакомилась в красноярской ссылке. 26 ноября 1937 г. он был расстрелян по приговору Военной Коллегии Верховного Суда СССР, а Смиттен была в 1938 г. как ЧСИР арестована и затем осуждена к заключению, которое, по воспоминаниям дочери Пилявского Софьи Пилявской – знаменитой актрисы МХАТа, отбывала в Карлаге, где и умерла (ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 89. Л. 560об.; ф. 393. Оп. 18. Д. 20 [ч. 2]. Л. 111об.; Архив ВЧК. С. 705–706; *Пилявская С.С.* Грустная книга. М., 2001. С. 18, 155, 173, 214).

ствие их служебного продвижения от рядовых до высших руководящих должностей. Почти на все руководящие посты в нем назначались лица, пришедшие с ответственной работы в государственных, советских, партийных и военных учреждениях, и в гораздо меньшем числе председатели (или зампреды) региональных ЧК. Последние в большинстве случаев в центральном аппарате назначались руководителями среднего и низшего звеньев*. Многие же лица, в 1918 г. занимавшие должности следователей и комиссаров, оставались на этих (или аналогичных им по функциям) постах без повышения вплоть до конца 1921 г., а карьера младших следственных и оперативных работников (помощников следователей и разведчиков) в течение существования ВЧК в центральном аппарате ограничивалась переводом в следователи и комиссары. Точную причину этого явления установить не представляется возможным. Вероятно, сказывались стремление большевистского руководства опереться на знакомых и неоднократно проверенных людей и желание уменьшить клановость внутри учреждения.

Ротация происходила внутри аппарата. Так, 31 марта 1918 г. ВЧК, рассмотрев вопрос о дальнейшем сотрудничестве в делах Контрреволюционного отдела Н.Е. Гальперштейна, арестованного Комиссией за нераспорядительность в связи с делом «Бима и Бома» (речь шла о руководстве им получившего скандальную известность чекистского налета на московский цирк во время выступления дуэта клоунов с антивластной сатирой, в результате чего один из артистов был застрелен), постановила сотрудничество допустить при условии не назначения комиссаром на обыски. Гальперштейн стал работать следователем в Контрреволюционном отделе, а позднее был отправлен уполномоченным в Центротекстиль. Но и там он, судя по всему, сумел себя скомпрометировать, потому что 26 декабря 1918 г. Президиум ВЧК постановил сообщить, что представителем ВЧК он там больше не явля-

---

* Так, М.А. Дейч, с февраля 1918 г. являвшийся членом коллегии Саратовской ЧК, а с марта 1919 г. – ее председателем, в конце мая 1919 г. по просьбе Держинского был переведен в Москву и назначен секретарем межведомственного Оперштаба по борьбе с контрреволюцией, а в августе 1919 г. после его ликвидации стал помощником начальника и членом коллегии Секретного отдела (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 4. Л. 21, 72, 79; д. 6. Л. 85; ЦАГМ. Ф. 2184. Оп. 1. Д. 505. Л. 13).

ется. Позднее он сделал попытку вернуться на чекистскую работу, хотя бы на канцелярскую должность. Но и в последнем 10 января 1919 г. он получил отказ⁸⁰. 23 сентября 1918 г. следователь Отдела по борьбе с контрреволюцией С.Е. Премыслер был переведен в Оперчасть на должность комиссара для производства дознания на местах, а 14 ноября возвращен на прежнюю должность⁸¹. Ф.И. Мильтер, наборщик по профессии, вступивший в июле 1918 г. в партию (в 1907–1910 гг. состоял в латвийской социал-демократии), осенью 1918 г. стал работать экспедитором в «Еженедельнике ВЧК», в 1919 г. являлся помощником заведующего Информбюро при Президиуме, в 1919 г. служил статистиком в Секретном отделе, а в начале 1921 г. – старшим делопроизводителем в ИНО^{82,*}.

Некоторые сотрудники перемещались не только по должностям, но и по отделам. Например, комиссар Петроградской ЧК И.Н. Шейнкман-Стодолин, тяжело раненный в 1918 г. при операции по аресту британского военно-морского атташе Ф. Кроми, после длительного лечения оказался в центральном аппарате ВЧК, где в 1919 г. состоял членом коллегии Транспортного отдела, а затем был отправлен в Особый отдел Туркестанского фронта, где стал членом коллегии Секретного отделения, от которого участвовал в 1-м съезде Особых отделов в Москве, проходившем с 22 по 25 декабря 1919 г. В Среднюю Азию он, судя по всему, не вернулся. После восстановления большевистской власти на Украине в начале 1920 г. он был направлен сначала в родной Киев, где был, правда, уже не чекистом, а помощником секретаря губкома, а затем переведен в Николаев, в котором работал заместителем секретаря губкома, заведовал Коммуналделом и отделом управления⁸³.

Иногда из внештатных сотрудников переводили в штатные и обратно. Ярким примером служит судьба П.Я. Березина. Будучи комиссаром ВЧК в Петрограде, в январе 1918 г. он убил арестованного. ВЧК поручила своему члену М.Ф. Емельянову ознакомить наркомюста И.З. Штейнберга с материа-

---

* К внешнеполитической разведке имела отношение и послечекистская деятельность Мильтера: он работал в Коминтерне, где последней его должностью была заведующий подотделом службы связи. В июле 1937 г. он был арестован и ровно полгода спустя по приговору Военной Коллегии Верховного Суда расстрелян.

лом о преступлении Березина. Вскоре против последнего Петроградским ревтрибуналом было возбуждено дело. Однако уже в Москве 9 апреля 1918 г. ВЧК, заслушав вопрос об отношении к сотруднику Комиссии Березину, постановила «ввиду полезности» оставить его в составе сотрудников, переведя в случае необходимости в разряд секретных сотрудников»⁸⁴. В результате Березин оказался внештатным сотрудником Отдела по борьбе со спекуляцией. Однако и здесь он дал волю своим преступным наклонностям, правда, в ином плане. Вместе со своим осведомителем – бухгалтером торговой фирмы Е. Григорьевым – пытался организовать провокацию против командующего Московским округом Н.И. Муралова и комиссара по гражданской части Москвы М.И. Рогова, за что был арестован и осужден (вкуне с предыдущим преступлением) в конце декабря 1918 г. Мосревтрибуналом к 10 годам принудительных работ⁸⁵.

Нужно сказать, что ряд следственных и оперативных работников ВЧК во второй половине 1918 г. были осуждены к расстрелу. Большинство их казней вполне логично совпало с пиком «красного террора»: в сентябре были расстреляны прослуживший менее недели следователь П.И. Хайдин за взятки, помкомendanта С.А. Смирнов (Рыбнин) за присвоение денег, комиссар Ю.К. Пискунов за продажу оружия. Еще за более любопытное преступление 29 ноября 1918 г. был приговорен другой комиссар – С. Пужицкий. Будучи польским социалистом по партийной принадлежности, он связался с анархистами-боевиками и получил от них закумуфлированное под ящик с конфискатом взрывное устройство, которое пронес в кабинет председателя ВЧК. Оно должно было сработать во время заседания руководства, но своевременно было обнаружено и обезврежено⁸⁶.

Несмотря на декларируемую партийным и чекистским руководством частую сменяемость чекистов, сохранявшийся серьезный дефицит работников не позволял проводить в центральном аппарате ВЧК планомерную замену служащих.

«На самом же деле он шпик и следователь ВЧК» (штрихи к биографии О.М. Брика)

Известен факт службы в начале 1920-х гг. в Московской ЧК журналиста, киносценариста и критика Осипа Максимовича (Мееровича) Брика (1888–1945), в первую очередь прославившегося тем, что его официальная супруга Лили Юрьевна Брик (урожденная Каган) являлась неофициальной женой Владимира Маяковского. Однако в публикациях имеются серьезные разночтения в названии подразделения его службы и занимаемой должности.

Биограф Лили Брик В.В. Катанян, знавший ее с детства, пишет: «О.М. Брик в 1920–1921 годах работал в юридическом отделе МЧК, но был уволен за нерадивую работу и происхождение – сын коммерсанта-ювелира»⁸⁷. Известный публицист и писатель А.И. Ваксберг приводит несколько отличную версию чекистской службы Брика: «8 июня 1920 года политотдел Московского ГПУ (в то время была еще ЧК. – О.К.) выписал ему сохранившееся в архиве служебное удостоверение, подтверждающее, что Осип Брик назначен юристконсультантом зловещей ЧК...» Далее, приводя приписываемую Сергею Есенину эпиграмму «Вы думаете, что Ося Брик – исследователь русского языка. На самом же деле он шпик и следователь ВЧК», Ваксберг предполагает, что следователем ВЧК он не был. Наконец, данный автор, сообщая, что «31 декабря 1923 года Осип расстался с ГПУ – формально потому, что (как сказано в служебной аттестации) был “медлителен, ленив, неэффективен”», вопрошает: «Какая, к примеру, эффективность должна и может быть в работе юрисконсультанта этого ведомства? Ни одного судебного или арбитражного дела, где юрисконсультант Брик мог бы проявить свою эффективность или неэффективность, ГПУ отродясь не вело...»⁸⁸

В отличие от утверждений публицистов версии историков литературы о чекистской должности О.М. Брика не столь категоричны. Шведский русист Б. Янгфельдт, составитель и публикатор переписки Маяковского и Лили Брик, ссылаясь на архив последней, в 1982 г. писал: «Осип Брик одно время работал в ВЧК, вероятнее всего, в качестве юридического эксперта. Судя по удостоверению Политотдела московского ГПУ, Брик служил в этой организации с 8 июня 1920 по 1 января 1924 г.»⁸⁹ Версия Янгфельдта со ссылкой на его книгу повторяется в вышедшей в 1993 г. биографической работе о Брикe, принад-

лежащей перу казахстанского библиофила А.В. Валуженича⁹⁰. Таким образом, в хранящемся в личном архиве Лили Брик чекистском документе должность ее мужа не указана, и Янгфельдт, а вслед за ним и Валуженич лишь сделали предположение о работе юрисконсультантом, которое потом Ваксберг превратил в практически неоспоримое утверждение.

Хранящееся в РГАСПИ в фонде ЦК партии личное дело работника Брика, снятого с номенклатурного учета, может в какой-то мере пролить свет на обстоятельства поступления Брика на работу в МЧК и уточнить занимавшуюся им там должность⁹¹.

Во время советско-польской войны поступило распоряжение о мобилизации на фронтовую политработу ряда сотрудников Наркомпроса – партийцев, в том числе Осипа Брика. 2 мая 1920 г. заместитель наркома по просвещению М.Н. Покровский обратился в ЦК РКП с просьбой, ввиду нахождения заведующего Отделом изобразительных искусств Д.П. Штеренберга в отъезде, разрешить заместителю последнего Брику временно остаться в Москве до возвращения Штеренберга, так как отсутствие в отделе заведующего и его заместителя будет в ущерб работе отдела. Коммунистическая фракция ведомства за подписью председателя и секретаря присоединилась к ходатайству руководства НКП в ЦК РКП, прося высший парторган сделать соответствующее распоряжение⁹². 18 мая 1920 г. Коллегия Наркомпроса, заслушав вопрос о мобилизации замзаведующего Музыкальным отделом М.Н. Миклашевского и замзаведующего Отделом изобразительных искусств О.М. Брика, постановила: ввиду соглашения между НКП и ПУРом, результатом которого стала передача всей музыкальной и художественной работы в Красной Армии Наркомпросу, а также принимая во внимание необходимость ведения этой работы усиленным темпом по обслуживанию Западного фронта, согласно постановлению СНК от 4 мая 1920 г., поручить фракции РКП при НКП возбудить соответствующее ходатайство об оставлении Миклашевского и Брика в Москве в распоряжении Политуправления РВСР⁹³. Данное постановление на следующий день Покровский и управделами НКП В. Маркус отправили в оба отдела ведомства и его комфракцию.

Спустя две недели Брика все же мобилизовали, но не в военное ведомство. 2 июня 1920 г. Московским комитетом партии он был направлен для работы в МЧК, где приступил к исполнению своих обязанностей спустя 6 дней⁹⁴. Вероятно,

перевод Брика в Московскую ЧК был связан с принятым месяцем ранее постановлением МК РКП(б) «предложить районам посылать в МЧК коммунистов на работу в качестве следователей и комиссаров»⁹⁵, хотя в данном случае «посылка» была произведена не райкомом, а непосредственно горкомом.

Приведем полностью содержание заполненной Бриком 24 июня 1920 г. Регистрационной карточки для членов (сочувствующих, кандидатов) Российской коммунистической партии (большевиков) (Хамовнический район).

1. Фамилия: Брик
2. Имя и отчество: Осип Максимович
3. Адрес: Полуэктов пер. 5, кв. 23, т. 5-06-52
4. Семейное положение: женат
5. Возраст: 32
6. Национальность: еврей
8. С какого времени член РКП: с марта 1917 г.
9. Состоял ли членом друг. партий, когда и сколько времени: —
10. Подвергался ли репрессиям, когда и сколько времени: —
11. Какую работу исполнял:
  - а) в Красной армии: —
  - б) в деревне: —
  - в) на парт. работе: лектор, организатор
  - г) в совет. учрежд.: замест. зав. отделом изд. Н.К. пр.
  - д) в проф. движении: —
  - е) в кооперации: —
12. Какую работу исполняет:
  - а) в Красной армии: —
  - б) в деревне: —
  - в) на парт. работе: лектор
  - г) в совет. учрежд.: следователь МЧК с 8/VI
13. Исполнял ли какие-либо обязанности по выборам: член президиума исполкома служащих Н.К. пр.
14. Какую работу может исп.: лекторскую, организационную
15. Образование: окончил Моск. университет (юрист)
16. Какие знает языки: французский, немецкий
17. Какие местности России знает хорошо; был ли за границей: был три раза в Туркестане; был в Германии и Италии
18. Оклад жалованья: 4800
19. Имеет ли побочные заработки: имею литературную работу⁹⁶.

Таким образом, из заполненной Бриком партийной карточки следует, что в МЧК он был отнюдь не юристконсультантом, а именно следователем. Таким образом, приписываемая Есенину эпиграмма в этом плане верна. В регкарточке не было указано подразделение МЧК. Не считая Особого отдела, в котором Брик точно не служил, в июне 1920 г. следователи имелись в первых трех из семи отделений Секретно-Оперативного отдела и, естественно, в руководимом Александром Глузманом Следственным отделе. Однако к началу образования в феврале 1922 г. Московского губотдела ГПУ, судя как по указанному Янгфельдтом названию подразделения – политический отдел, так и по данным, с которыми мы еще ознакомимся, это был имевший политические функции Секретный отдел, в который после выделения оперативной части был реорганизован Секретно-оперативный отдел.

Следует обратить внимание и еще на один пункт регкарточки: партстаж, который Брик отсчитывает с марта 1917 г. Он представляется крайне сомнительным, поскольку еще в декабре 1917 г. в газете «Новая жизнь» он не только писал, что ни в какой партии не состоит, но и серьезно критиковал большевиков за мероприятия в области культуры⁹⁷. Скорее всего, в РСДРП(б) Брик вступил при приеме на службу в Наркомпрос в начале 1918 г., а партстаж, за отсутствием серьезного контроля в это время в данном учреждении, самовольно указал с того момента, как после февральских событий 1917 г. стал придерживаться социал-демократических взглядов.

В партии, однако, Брик состоял недолго. 30 июля 1921 г. бюро объединенной партиячейки ВЧК-МЧК исключило его из партии⁹⁸. Однако, судя по всему, вскоре Брик был восстановлен, поскольку во время проверки и «чистки» личного состава партии, состоявшейся осенью того же года, он вновь расстался с партбилетом «как чуждый элемент»⁹⁹, на сей раз уже навсегда.

Работа исключенного из партии в чекистском подразделении, осуществлявшем политический розыск, тем более на ответственной (хотя и не руководящей) должности, не была естественным явлением, но в редких случаях имела место, как и получилось с Бриком. Нужно отметить, что не все его коллеги из числа ответственных работников МЧК, исключенные из партии во время «чистки», остались на прежних должностях. Так, объявленный «морально разложившимся элементом» секретарь МЧК, состоявший в партии с 1919 г. Виктор Алексеевич Збруев, чья фамилия стояла следующей после

Брика в списке исключенных, был переведен в северную столицу заместителем заведующего Секретным отделом ПетроЧК. Восстановленный в РКП(б) спустя несколько месяцев высшими парторганами, Збруев, тем не менее, был отправлен в провинцию, где возглавлял отделения ряда губотделов ГПУ. В Москву (но уже в центральный чекистский аппарат) он был возвращен в январе 1925 г. и возглавил 2-е отделение Экономического управления.

В конце декабря 1923 г., когда Московский губотдел ГПУ был влит в состав центрального чекистского аппарата, первые два отделения Секретной части губотдела были переданы в Секретный отдел ОГПУ (3-е – в Контрразведывательный). В Секретном отделе центрального аппарата Брик стал уполномоченным (после начала реорганизации в 1921 г. ВЧК в целях некоторой шифровки функций так стали именоваться следователи) 7-го отделения¹⁰⁰. В задачи этого отделения, возглавлявшегося Александром Славатиным, входила работа по антисоветским элементам в журналисткой, литературной, театральной жизни, неполитических общественных организациях и учебных заведениях. В Секретном отделе он стал официальным подчиненным Якова Агранова, являвшегося первым заместителем начальника этого чекистского подразделения, который, как известно, вскоре войдет в близкий круг его семьи. Однако служба в ОГПУ центра Брика продлилась крайне недолго и закончилась весьма любопытно: с 15 января 1924 г. он стал «прогуливать» работу, за что приказом по Административно-организационному управлению от 10 марта того же года был обвинен в дезертирстве и вскоре со службы уволен¹⁰¹.

Так закончилась служба Брика, во всяком случае официальная, в чекистском учреждении.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ *Лацис М.Я. (Судрабс)*. Два года борьбы на внутреннем фронте. Популярный обзор двухгодичной деятельности чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. М., 1920; *его же*: Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М., 1921; *Малицкий А.* Чека и ГПУ. Харьков, 1923.

² К 20-летию ВЧК-ОГПУ-НКВД. М., 1937; 20 лет ВЧК-ОГПУ-НКВД. М., 1938; *Бычков Л.* ВЧК в годы Гражданской войны. М., 1940; *Парфенов В.* Разгром «левых эсеров» в Москве. М., 1940; *Софинов П.Г.* Карающая рука советского народа: к 25-летию ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1917–1942.

³ Из истории ВЧК: Сборник документов. 1917–1921. М., 1958; Из истории войск ВЧК и пограничной охраны: Документы и материалы. 1917–1922. М., 1958.

⁴ *Софинов П.Г.* Очерки истории Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917–1922). М., 1960.

⁵ *Голиченко В.Д.* Коммунистическая партия – организатор и руководитель Всеукраинской чрезвычайной комиссии (ВУЧК). 1918–1922 гг. Дисс... канд. ист. наук. Киев, 1962; *Сенюшкин В.В.* Руководство Коммунистической партией органами ЧК в период гражданской войны и иностранной интервенции (по материалам Юга Украины. Янв. 1918 – февр. 1922 г.). Одесса, 1967.

⁶ *Велидов А.С.* Коммунистическая партия – организатор и руководитель ВЧК. М., 1967.

⁷ *Ирошников М.П.* Председатель Совета Народных Комиссаров В.И. Ульянов (Ленин): Очерки государственной деятельности в 1917–1918 гг. Л., 1974.

⁸ *Трукан Г.А.* Рабочий класс в борьбе за победу и упрочение советской власти. М., 1975; *Волкова Г.В.* Материалы переписи служащих г. Москвы 1918 г. как источник для характеристики роли рабочего класса в формировании кадров ВЧК. – Проблемы методологии, историографии, источниковедения советского рабочего класса. М., 1986. С. 89–95.

⁹ *Титов Ю.П.* Создание ВЧК, ее правовое положение и деятельность. М., 1981; *Голинков Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1980. Кн. 1–2.

¹⁰ Чекисты. Сборник. М., 1970; Военные контрразведчики. М., 1978; *Бударин М.Е.* Чекисты. Омск, 1987; Нет чести выше... Статьи, очерки и зарисовки об ивановских чекистах. Ярославль, 1987;

Риекстиньш Я. В авангарде тайной борьбы. Рига, 1987 (на лат. языке); Чекисты: Сборник. М., 1987; Чекисты Татарии. Казань, 1990; *Хацкевич А.Ф.* Солдат великих боев. Жизнь и деятельность Ф.Э. Дзержинского. Минск, 1970; *Тишков А.В.* Дзержинский. М., 1985; Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография. М., 1987; Солдат революции: Военная и политическая деятельность Ф.Э. Дзержинского. М., 1987; *Пластинин В.Н.* Коммунист Кедров. Архангельск, 1969; *Гладков Т.К., Смирнов М.А.* Менжинский. М., 1969; *Алексеева Т., Матвеев Н.* Доверено защищать революцию (О Г.И. Бокии). М., 1987; *Шмыров Н.П.* Степан Ковылкин. Саратов, 1987; *Штейнберг В.А.* Екаб Петерс, М., 1989 и др.

¹¹ *Сулейманов С.И.* Руководство Коммунистической партией органами госбезопасности Дагестана в 1920–1925 гг. Махачкала, 1974; *Майданов И.И.* Коммунистическая партия – организатор и руководитель чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией (1917–1921 гг.). На материалах Белорусской ССР. М., 1977; *Романенко В.В.* Создание, развитие и деятельность органов ЧК и внутренних войск Советской республики в Среднем Поволжье и Приуралье в 1918–1922 гг. Куйбышев, 1977; Губчека. Сб. докладов и материалов из истории Саратовской губернской ЧК. 1917–1921. Саратов, 1980; *Клименко В.А., Морозов П.М.* Чрезвычайные защитники революции (Из истории ВЧК). М., 1980; *Литвин А.Л., Панюков В.Н., Титов Л.Н.* Защищая революцию (Чекисты Татарии в первые годы советской власти. 1917–1922). Казань, 1980; *Долгополов Ю.Б.* Война без линии фронта. М., 1981; *Лебедев А.Г.* Руководство Коммунистической партией органами ВЧК. 1918–1920 (на материалах партийных организаций Калужской и Тульской губерний). Тула, 1981; *Васильченко Э.А.* Партийное руководство деятельностью чекистских органов по борьбе с контрреволюцией на Дальнем Востоке. 1920–1922. Владивосток, 1982; *Романенко В.В.* В борьбе с контрреволюцией (Из истории создания чрезвычайных комиссий Поволжья и Урала в 1918–1922 гг.). Саратов, 1985; *Литвин А.Л.* «Дело сдать в архив...» Казань, 1986; *Маймескулов Л.Н., Рогожин А.И., Сташис В.В.* Всеукраинская Чрезвычайная комиссия. 1918–1922. Харьков, 1990.

¹² *Некрасов В.Ф.* На страже интересов Советского государства. История строительства войск ВЧК-ОГПУ-НКВД-МВД. М., 1983.

¹³ *Штутман С.М.* Боевой отряд охраны революции. М., 1989.

¹⁴ *Кутузов В.А., Лепетюхин В.Ф., Седов В.Ф., Степанов О.Н.* Чекисты Петрограда на страже революции. Л., 1987; *Кутузов В.А., Степанов О.Н.* По поручению партии. – Вопросы истории КПСС, 1988, № 12; *Степанов О.Н.* Коммунистическая партия – организатор и руководитель Петроградской ЧК в период иностранной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.). Дисс... канд. ист. наук. Л., 1983.

- ¹⁵ Gerson L.D. The Sekret Police in Pussia Philadelphia. 1976.
- ¹⁶ Leggett G. The Cheka: Lenin's political police. Oxford, 1981.
- ¹⁷ Patterson M. Moscow Chekists during the Civil War, 1918–1921. Simon Fraser University, 1991.
- ¹⁸ Parrish M. Soviet security and intelegency organizations; 1917–1990: A bibliogr. dictionary a review of literature in English. N.Y., 1992.
- ¹⁹ Альбац Е.М. Мина замедленного действия (Политический портрет КГБ). М., 1992; Провинциальная ЧеКа (сборник статей и материалов). Харьков, 1994. Например, Альбац характеризует чекистов как подонков из народа, вынесенных революцией на просторы Отечества.
- ²⁰ Петров М.Н. ВЧК-ОГПУ: первое десятилетие (на материалах Северо-Запада России). Новгород, 1995; он же. Формирование и деятельность органов ВЧК-ОГПУ. 1917 – середина 1920-х гг. (на материалах Северо-Запада России). Дис... д-ра ист. наук. Новгород, 1995.
- ²¹ Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1917–1922 гг. Казань, 1995.
- ²² Кричевский Л. Евреи в аппарате ВЧК-ОГПУ в 20-е годы. – Вестник Еврейского университета в Москве, 1995, № 1 (8); Евреи и русская революция. Материалы и исследования. М.–Иерусалим, 1999. С. 320–350.
- ²³ Рассказов Л.П. ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД в механизме формирования и функционирования политической системы советского общества, 1917–1941 гг. СПб., 1994; Олех Г.Л. Кровные узы: РКП(б) и ЧК/ГПУ в первой половине 1920-х годов: механизм взаимоотношений. Новосибирск, 1999.
- ²⁴ Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы 1917–1920 гг. М., 1998. С. 159.
- ²⁵ Данилов А.Ю. Местные чрезвычайные комиссии в 1918–1922 гг. (на материалах Ярославской и Рыбинской губерний). Ярославль, 1999.
- ²⁶ Леонов С.В. Рождение советской империи: государство и идеология 1917–1922 гг. М., 1997; он же. Государственная безопасность советской республики в пору Октябрьской революции и гражданской войны (1917–1922 гг.). – Государственная безопасность России: История и современность. М., 2004 и др.
- ²⁷ Плеханов А.М. ВЧК-ОГПУ. 1921–1928 гг. М., 2003.
- ²⁸ Павлов Д.Б. Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х годов. М., 1999.
- ²⁹ Зданович А.А. Отечественная контрразведка (1914–1920): Организационное строительство. М., 2004.
- ³⁰ Санковская О.М. Исторический опыт формирования кадров Всероссийской чрезвычайной комиссии. 1917–1922 гг. (На материалах центрального аппарата ВЧК). Архангельск, 2004.

³¹ Из истории Вятских спецслужб и полиции. Киров, 1997; Из истории спецслужб Бурятии. Улан-Удэ, 1997; От ЧК до ФСБ. 1918–1998: Сб. документов и материалов по истории государственной безопасности Тверского края. Тверь, 1998; *Мардамшин Р.Р.* Башкирская чрезвычайная комиссия (страницы истории). Уфа, 1999; Верой и правдой. ФСБ. Страницы истории. Ярославль, 2001 и др.

³² *Солженицын А.И.* Двести лет вместе. Ч. II. М., 2002.

³³ *Новоселов Д.С.* Кризис ВЧК в конце 1918–1919 года. – Отечественная история, 2005, № 6. С. 66–77; «Приступить немедленно к ликвидации ВЧК...» (Публикация Д.С. Новоселова). – Военно-исторический журнал, 2006, № 12. С. 51–55.

³⁴ *Скоркин К.В.* НКВД РСФСР: 1917–1923. – МВД России: Люди, структура, деятельность. Т. II. М., 2008.

³⁵ *Скоркин К.В.* На страже завоеваний Революции. История НКВД-ВЧК-ГПУ РСФСР. 1917–1923. М., 2011.

³⁶ *Макаров В.* ВЧК: первые пять лет. – Родина, 2007, № 12. С. 3–10.

³⁷ *Войтиков С.С.* Отечественные спецслужбы и Красная армия. 1917–1921. М., 2010.

³⁸ *Павлюченков С.А.* «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М., 2008; *Мозохин О.Б.* Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ СССР (1918–1953). М., 2011.

³⁹ *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М., 2007.

⁴⁰ *Рабинович А.* Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2007.

⁴¹ *Симбирцев И.* ВЧК в ленинской России. 1917–1922. М., 2008.

⁴² *Березин Ф.Я.* Секретарь Московской ЧК. М., 2006; *он же.* Неизвестное о Московской ЧК. М., 2007; *Зданович А.А., Измо- зик В.С.* Сорок лет на секретной службе: жизнь и приключения Владимира Кривоша. М., 2007; *Леонтьев Я.* Первый заместитель Дзержинского. – Военно-исторический архив, 2008, № 10 (94). С. 63–72; *Генис В.Л.* Федор Павлович Другов. – Вопросы истории, 2010, № 3. С. 55–75.

⁴³ Отчет ВЧК за четыре года ее деятельности. Организационная часть. М., 1922.

⁴⁴ Организация чрезвычайных комиссий. Постановления Всероссийского съезда чрезвычайных комиссий в Москве. Пермь, 1918; Сборник важнейших приказов и распоряжений ВЧК. 1917–18–19 гг. М., б/г; Сборник приказов и распоряжений ВЧК при Совнаркоме: с 1 января по 1 июля 1920. М., 1920.

⁴⁵ В.И. Ленин и ВЧК: Сборник документов (1917–1922 гг.). М., 1987.

⁴⁶ Внутренние войска советской республики (1917–1922 гг.). Документы и материалы. М., 1972; МЧК. Из истории Московской чрезвычайной комиссии. Сборник документов (1918–1921 гг.). М., 1978.

⁴⁷ Левые эсеры и ВЧК. Сборник документов. Казань, 1996.

⁴⁸ Архив ВЧК: Сборник документов. М., 2007.

⁴⁹ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926. М., 2007.

⁵⁰ Там же. С. 18.

⁵¹ Там же. С. 93, 113.

⁵² Там же. С. 23, 739.

⁵³ Там же. С. 770.

⁵⁴ Там же. С. 19.

⁵⁵ Там же. С. 715, 734, 798.

⁵⁶ Подробно о жизни Дмитриевского см.: *Генис В.Л.* Неверные слуги режима: первые советские невозвращенцы (1920–1933). Кн. 2. М., 2012. С. 155–251.

⁵⁷ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 40.

⁵⁸ См., например: *Березин Ф.Я.* Неизвестное о Московской ЧК. С. 16–17.

⁵⁹ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 719.

⁶⁰ Там же. Л. 145.

⁶¹ Там же. С. 365, 760, 765.

⁶² Там же. С. 759.

⁶³ Там же. С. 122, 198.

⁶⁴ Там же. С. 327, 776.

⁶⁵ Там же. С. 770.

⁶⁶ Там же. С. 520, 745.

⁶⁷ Там же. С. 261, 767.

⁶⁸ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 89. Л. 551.

⁶⁹ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 323.

⁷⁰ Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник. М., 2003.

⁷¹ *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. М., 1999; *Штутман С.М.* Внутренние войска: история в лицах. М., 2004.

⁷² Архив ВЧК. С. 661–717; *Скоркин К.В.* НКВД РСФСР. С. 589–779; *он же.* Обречены проиграть (Власть и оппозиция 1922–1934). М., 2011. С. 509–876. О том, что в сборнике документов ВЧК именной комментарий подготовлен при непосредственном и активном участии именно Скоркина, написано в археографическом предисловии (Архив ВЧК. С. 74), об этом же говорит полная или почти полная идентичность многих биографических справок в сборнике и двух вышеуказанных его книгах. Из именных комментариев других авторов следует отметить достаточно

подробную биографику Дзержинского, составленную В.К. Виноградовым, а также справки об В.А. Александровиче (Дмитриевском) и Д.И. Попове (там же. С. 629–660, 663–666, 698–699). К сожалению, ряд других справок, составленных явно не Скоркиным, даны крайне поверхностно и неполно (достаточно сказать, что некоторые из них просто заимствованы без всяких дополнений из советского сборника «В.И. Ленин и ВЧК»).

⁷³ Скоркин К.В. На страже завоеваний Революции.

⁷⁴ Буюков А.М. Ведомственные награды ВЧК-НКВД (1922–1940). Ч. II. Ведомственные награды ОГПУ-НКВД. 1932–1940. Владивосток, 2008; Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008; Тумшиш М.А., Золотарев В.А. Евреи в НКВД СССР. 1936–1938 гг. Опыт биографического словаря. Самара, 2012; Леонтьев Я.В., Люхудзаев М.И. Комментарии к сборнику: партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1917–1925 гг. Т. 2. Ч. 1. М., 2010; Гвардейцы Октября. Роль коренных народов стран Балтии в установлении и укреплении большевистского строя. М., 2009. С. 393–457.

⁷⁵ Лацис М.Я. Товарищ Дзержинский и ВЧК. – Пролетарская революция, 1926, № 9; Петерс Я.Х. Воспоминания о работе ВЧК в первый год революции. – Пролетарская революция, 1924, № 10; он же. Воспоминания к 10-летию ВЧК-ГПУ. – Огонек, 1927, № 52 и др.

⁷⁶ Ф.Э. Дзержинский в ВЧК (Воспоминания). М., 1967; Дзержинская С.В., Ривин Л.Б. Я все выдержу и вернусь. Тула, 1984; Дымов З.А. Мои дорогие друзья. М., 1985; Мальков П.Д. Записки коменданта Кремля. М., 1987; О Феликсе Дзержинском: Воспоминания, очерки, статьи современников. М., 1987; Особое задание: Сборник. М., 1988 и др.

⁷⁷ Аронсон Г. На заре красного террора. Берлин, 1929; Иванов-Разумник Р.В. Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. М., 2000; Клементьев В.Ф. В большевистской Москве. М., 1998; Красный террор в Москве. М., 2010; Локкарт Р.Б. История изнутри: мемуары британского агента. М., 1991; Трубецкой С.Е. Минувшее. М., 1991; Че-ка. Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий. Берлин, 1922 и др.

⁷⁸ Агабеков Г.С. Секретный террор: Записки разведчика. М., 1996; Беспалов Н. Исповедь агента ГПУ. Прага, 1925; Другов Ф.П. С Дзержинским в ВЧК. – Иллюстрированная Россия, 1931, № 6–10; Думбадзе Е. На службе Чека и Коминтерна. Париж, 1930.

⁷⁹ Лубянка. С. 42.

⁸⁰ Капчинский О.И. ВЧК: организационная структура и кадровый состав (1917–1922 гг.). М., 2005.

Глава I

¹ Велидов А.С. Коммунистическая партия – организатор и руководитель ВЧК. С. 38–42; Титов Ю.П. Создание ВЧК, ее правовое положение и деятельность. С. 7–10; Рассказов Л.П. Карательные органы в процессе формирования... С. 57, 58.

² Леонов С.В. Государственная безопасность советской республики. С. 346–347.

³ Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 гг. М., 2006. С. 90.

⁴ Лацис М.Я. Наш взгляд на взаимоотношение исполкомов и чрезвычайкомов. – Красный террор, 1918, № 1; ВЧК уполномочена сообщить. М., 2004. С. 277.

⁵ Литвин А.Л. ВЧК в современной исторической литературе. – Архив ВЧК: Сборник документов. С. 57.

⁶ Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. С. 90–91.

⁷ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 8. Л. 1; ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 7. Д. 451. Л. 66.

⁸ См., например: Комментарии. – Архив ВЧК. С. 670.

⁹ В.И. Ленин и ВЧК. С. 23–24.

¹⁰ Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров. С. 100.

¹¹ Королькова М.Н. Некоторые аспекты организационного становления аппарата ВЧК в декабре 1917–1918 гг. – Государственный аппарат России в годы революции и гражданской войны. М., 1998. С. 71–73.

¹² ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 31. Л. 107, 109.

¹³ Архив ВЧК. С. 161, 163. Составители сборника протоколов ВЧК неправильно дали его фамилию – Гельежан.

¹⁴ Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров. С. 194.

¹⁵ Там же. С. 298, 497.

¹⁶ Архив ВЧК. С. 164.

¹⁷ Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров. С. 300, 358.

¹⁸ Там же. С. 362, 470.

¹⁹ Архив ВЧК. С. 153.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 154, 162.

²² ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 31. Л. 109; Другов Ф.П. С Дзержинским в ВЧК. С. 1.

²³ Королькова М.Н. Указ. соч. С. 73.

²⁴ Архив ВЧК. Л. 162.

²⁵ Королькова М.Н. Указ. соч. С. 73.

²⁶ Другов Ф.П. Указ. соч. С. 1.

²⁷ Архив ВЧК. С. 154.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 994. Л. 1.

- ²⁹ Отчет ВЧК. С. 82, 274.
- ³⁰ Там же. С. 82.
- ³¹ Там же. С. 18.
- ³² Архив ВЧК. С. 174.
- ³³ *Клименко В.А.* Чекисты на защите Октября (Становление системы чекистских органов столицы в 1917–1920 гг.). М., 2003. С. 15.
- ³⁴ МЧК. Из истории Московской чрезвычайной комиссии. Сборник документов (1918–1921 гг.). М., 1978. С. 17.
- ³⁵ ЦГАМО. Ф. 4619. Оп. 2. Д. 141. Л. 7, 10, 15.
- ³⁶ Там же. Д. 140. Л. 39, 51об; д. 141. Л. 15.
- ³⁷ Архив ВЧК. С. 175, 198.
- ³⁸ Там же. С. 175–179.
- ³⁹ ЦГАМО. Ф. 4619. Оп. 2. Д. 141. Л. 51–52.
- ⁴⁰ Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. С. 310–311.
- ⁴¹ ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Подсчитано на основании анкет сотрудников Контрреволюционного отдела.
- ⁴² Архив ВЧК. С. 253.
- ⁴³ Там же. С. 266.
- ⁴⁴ *Леонов С.В.* Рождение советской империи. С. 251.
- ⁴⁵ Из истории ВЧК. М., 1958. С. 154; Красная книга ВЧК. Т. 1. М., 1989. С. 257.
- ⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 168. Л. 4.
- ⁴⁷ Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 264.
- ⁴⁸ *Леонов С.* Дзержинский – Троцкий: кто кого? – Родина, 2008, № 12. С. 36.
- ⁴⁹ Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 298.
- ⁵⁰ Левые эсеры и ВЧК. С. 83.
- ⁵¹ Выписка из данного документа имеется в тетради бывшего преподавателя Высшей школы КГБ, кандидата исторических наук И.И. Васильева, хранящейся в архиве Общества изучения истории спецслужб.
- ⁵² ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Л. 779.
- ⁵³ Архив ВЧК. С. 266, 273.
- ⁵⁴ Там же. С. 276.
- ⁵⁵ *Виноградов В.К.* История формирования архива ВЧК. – Архив ВЧК. С. 6.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ *Капчинский О.* Госбезопасность изнутри. М., 2005. С. 136.
- ⁵⁸ Архив ВЧК. С. 227.
- ⁵⁹ Там же. С. 275–276.
- ⁶⁰ Отчет ВЧК. С. 23.
- ⁶¹ ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Л. 712.
- ⁶² Там же. Л. 195; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 246. Анкета переписи работников совучреждений – членов РКП (1918 г.) А.П. Дороговой.

- ⁶³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 248. Л. 41.
- ⁶⁴ *Виноградов В.К.* История формирования архива ВЧК. С. 6.
- ⁶⁵ История советских органов государственной безопасности. М., 1977. С. 22.
- ⁶⁶ Отчет ВЧК. С. 18, 20, 24. О И.А. Визнере: *Скоркин К.В.* НКВД РСФСР. С. 621; *Księga polaków uczestników Rewolucji październikowej 1917–1920. Biografie.* Warszawa, 1967. S. 923.
- ⁶⁷ Лубянка. С. 303–305.
- ⁶⁸ Отчет ВЧК. С. 20.
- ⁶⁹ Архив ВЧК. С. 202, 214.
- ⁷⁰ Там же. С. 180, 182.
- ⁷¹ Там же. С. 216.
- ⁷² ЦГАМО. Ф. 4619. Оп. 2. Д. 140. Л. 51об.
- ⁷³ Отчет ВЧК. С. 20.
- ⁷⁴ Там же; Лубянка. С. 313.
- ⁷⁵ Из истории ВЧК. С. 137.
- ⁷⁶ Отчет ВЧК. С. 19, 20, 22.
- ⁷⁷ В.И. Ленин и ВЧК. С. 78–79.
- ⁷⁸ МЧК. С. 87–88.
- ⁷⁹ Еженедельник ВЧК, 1918, № 6. С. 6–8. – ВЧК уполномочена сообщить... С. 241.
- ⁸⁰ ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Л. 159, 312, 395, 608.
- ⁸¹ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 27. Л. 2.
- ⁸² *Клименко В.А.* Указ. соч. С. 21–23.
- ⁸³ Отчет ВЧК. С. 19.
- ⁸⁴ *Велидов А.С.* Коммунистическая партия – организатор и руководитель ВЧК. С. 197.
- ⁸⁵ Архив ВЧК. С. 253.
- ⁸⁶ Организация чрезвычайных комиссий. Пермь, 1918. С. 37.
- ⁸⁷ Еженедельник чрезвычайных комиссий, 1918, № 3. 2-я стр. обложки.
- ⁸⁸ ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Л. 576; РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 7. Л. 6.
- ⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 40047. Л. 3–4.
- ⁹⁰ Правда, 14 февраля 1919.
- ⁹¹ *Штутман С.М.* Боевой отряд охраны революции. С. 37, 38, 176.
- ⁹² Отчет ВЧК. С. 20, 274.
- ⁹³ Там же. С. 274–275.
- ⁹⁴ Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 264.
- ⁹⁵ *Штутман С.М.* Боевой отряд охраны революции. С. 39.
- ⁹⁶ Внутренние войска советской республики (1917–1922 гг.). С. 5, 39; *Штутман С.М.* Боевой отряд охраны революции. С. 40.
- ⁹⁷ Лубянка. С. 313.
- ⁹⁸ *Штутман С.М.* Боевой отряд охраны революции. С. 43, 177–178.

- ⁹⁹ *Штутман С.М.* Боевой отряд защиты революции. М., 1984. С. 184.
- ¹⁰⁰ *Литвин А.Л.* Красный и белый террор в России. С. 119.
- ¹⁰¹ ГАРФ. Ф. 4390. Оп. 4. Д. 111. Л. 39.
- ¹⁰² Там же. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Л. 92; *Słownik biograficzny działaczy polskiego ruchu robotniczego*. Т. 1. Warszawa, 1985. S. 200.
- ¹⁰³ Архив ВЧК. С. 176–177.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 205, 221.
- ¹⁰⁵ ЦГАМО. Ф. 4619. Оп. 2. Д. 140. Л. 51.
- ¹⁰⁶ Установлено на основании анкет сотрудников отдела (ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10).
- ¹⁰⁷ ЦГАМО. Ф. 4619. Оп. 2. Д. 140. Л. 51об.–52.
- ¹⁰⁸ Архив ВЧК. С. 169.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 200.
- ¹¹⁰ Там же. С. 231.
- ¹¹¹ Там же. С. 240, 249.
- ¹¹² ЦГАМО. Ф. 4619. Оп. 2. Д. 140. Л. 51.
- ¹¹³ Установлено на основании анкет сотрудников ВЧК (ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10) и др. источников.
- ¹¹⁴ ЦГАМО. Ф. 4619. Оп. 2. Д. 140. Л. 51–52.
- ¹¹⁵ Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров. С. 346–348, 380.
- ¹¹⁶ Архив ВЧК. С. 208.
- ¹¹⁷ ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 1. Д. 391. Л. 52, 53, 75, 77.
- ¹¹⁸ Архив ВЧК. С. 254.
- ¹¹⁹ *Зданович А.А.* Свои и чужие – интриги разведки. С. 123.
- ¹²⁰ ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 1. Д. 195. Л. 161.
- ¹²¹ Там же. Д. 195а. Л. 156–157.
- ¹²² Там же. Ф. 4619. Оп. 2. Д. 141. Л. 33, 38.
- ¹²³ Архив ВЧК. С. 163–164.
- ¹²⁴ Там же. С. 167.
- ¹²⁵ *Зданович А.А.* Свои и чужие. С. 86.
- ¹²⁶ *Леонов С.В.* Дзержинский – Троцкий: Кто кого? С. 35, 38.
- ¹²⁷ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 168. Л. 2.
- ¹²⁸ Архив ВЧК. С. 167.
- ¹²⁹ *Зданович А.А.* Свои и чужие. С. 90.
- ¹³⁰ *Велидов А.С.* На пути к террору. С. 109.
- ¹³¹ *Ирошников М.П.* Председатель Совета народных комиссаров В.И. Ленин. С. 156–157, 342; *Литвин А.Л.* Указ. соч. С. 72; Великая Октябрьская социалистическая революция: энциклопедия. М., 1987. С. 111 и др.
- ¹³² ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10.
- ¹³³ Там же. Подсчитано автором на основании анкет.
- ¹³⁴ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2560. Л. 7–8.
- ¹³⁵ ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 16, 17, 39, 40. Подсчитано автором на основе анкет служащих ВЧК, НКВД и Наркомюста.

- ¹³⁶ *Королькова М.Н.* Указ. соч. С. 74.
- ¹³⁷ Архив ВЧК. С. 219; ЦГАМО. Ф. 4619. Оп. 2. Д. 140. Л. 51.
- ¹³⁸ Отчет ВЧК. С. 83.
- ¹³⁹ Архив ВЧК. С. 277.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 26.
- ¹⁴¹ МЧК. С. 112.
- ¹⁴² ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 241–250.
- ¹⁴³ Архив ВЧК. С. 294.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 294.
- ¹⁴⁵ Лубянка. С. 16.
- ¹⁴⁶ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 89
- ¹⁴⁷ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 201. Л. 1.
- ¹⁴⁸ Архив ВЧК. С. 307.
- ¹⁴⁹ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 35. Л. 40; ф. 1235. Оп. 93. Д. 202. Л. 175.
- ¹⁵⁰ Там же. Ф. 1235. Оп. 94. Д. 176. Л. 402.
- ¹⁵¹ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 39. Л. 1.
- ¹⁵² ГАРФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 35. Л. 41.
- ¹⁵³ *Трубецкой С.Е.* Минувшее. С. 187.
- ¹⁵⁴ *Борман А.А.* Москва – 1918 (из записок секретного агента в Кремле). – Русское прошлое. Кн. 1. М., 1991. С. 117, 127.
- ¹⁵⁵ *Любимов Л.Д.* На чужбине. Ташкент, 1965. С. 98.
- ¹⁵⁶ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 94. Д. 176. Л. 395–396.
- ¹⁵⁷ Там же. Л. 258.
- ¹⁵⁸ В.И. Ленин и ВЧК. С. 141–142.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 238–239, 242.
- ¹⁶⁰ *Шмыров Н.П.* Степан Ковылкин. Саранск, 1987. С. 89.
- ¹⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 6. Л. 178.
- ¹⁶² Там же. Д. 3. Л. 9.
- ¹⁶³ Лубянка. С. 17.
- ¹⁶⁴ Архив ВЧК. С. 363–364.
- ¹⁶⁵ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 94. Д. 176. Л. 258.
- ¹⁶⁶ *Крыленко Н.В.* За пять лет. С. 507–525.
- ¹⁶⁷ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 201. Л. 1.
- ¹⁶⁸ Там же. Оп. 94. Д. 176. Л. 249, 258.
- ¹⁶⁹ Там же. Л. 195.
- ¹⁷⁰ Архив ВЧК. С. 338.
- ¹⁷¹ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 94. Д. 176. Л. 195.
- ¹⁷² Отчет ВЧК. С. 96.
- ¹⁷³ Там же. С. 121.
- ¹⁷⁴ Отчет ВЧК. С. 96.
- ¹⁷⁵ Архив ВЧК. С. 346.
- ¹⁷⁶ РГВА. Ф. 33. Оп. 12. Д. 5. Л. 17.
- ¹⁷⁷ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 94. Д. 176. Л. 195; Отчет ВЧК. С. 96.

- ¹⁷⁸ РГВА. Ф. 33. Оп. 12. Д. 5. Л. 37.
- ¹⁷⁹ Отчет ВЧК. С. 96.
- ¹⁸⁰ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 18. Д. 20. Л. 4. Подсчитано автором на основании финансовых ведомостей отдела.
- ¹⁸¹ Отчет ВЧК. С. 96.
- ¹⁸² ГАРФ. Ф. 393. Оп. 18. Д. 20. Л. 107–108. Подсчитано автором на основании финансовой ведомости отдела.
- ¹⁸³ Отчет ВЧК. С. 96.
- ¹⁸⁴ Там же. С. 119.
- ¹⁸⁵ РГВА. Ф. 33. Оп. 12. Д. 5. Л. 38.
- ¹⁸⁶ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 18. Д. 20. Л. 3. Подсчитано автором на основании финансовой ведомости отдела.
- ¹⁸⁷ Сборник приказов и распоряжений Всероссийской Чрезвычайной Комиссии при Совнарком: с 1 января по 1 июля 1920. С. 158–161, 164.
- ¹⁸⁸ *Зданович А.А.* Отечественная контрразведка. С. 131.
- ¹⁸⁹ Там же. С. 153.
- ¹⁹⁰ Там же. С. 138; Лубянка. С. 330.
- ¹⁹¹ *Зданович А.А.* Отечественная контрразведка. С. 153.
- ¹⁹² Отчет ВЧК. С. 98–104.
- ¹⁹³ *Зданович А.А.* Отечественная контрразведка. С. 199–200.
- ¹⁹⁴ Там же. С. 165.
- ¹⁹⁵ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 94. Д. 176. Л. 249.
- ¹⁹⁶ *Зданович А.А.* Отечественная контрразведка. С. 171.
- ¹⁹⁷ РГВА. Ф. 33. Оп. 12. Д. 5. Л. 20.
- ¹⁹⁸ *Зданович А.А.* Отечественная контрразведка. С. 175.
- ¹⁹⁹ РГВА. Ф. 33. Оп. 12. Д. 5. Л. 20, 40–45.
- ²⁰⁰ Там же.
- ²⁰¹ Там же. Ф. 4. Оп. 8. Д. 180. Л. 1.
- ²⁰² *Зданович А.А.* Отечественная контрразведка. С. 190.
- ²⁰³ ГАРФ. Ф. 4390. Оп. 15. Д. 32. Л. 12.
- ²⁰⁴ Отчет ВЧК. С. 121.
- ²⁰⁵ Лубянка. С. 334–336.
- ²⁰⁶ ЦАОПИМ. Ф. 64. Оп. 2. Д. 716. Л. 16. Подсчитано автором на основании списка сотрудников.
- ²⁰⁷ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 18. Д. 20. Л. 30–34. Подсчитано автором на основании финансовой ведомости отдела.
- ²⁰⁸ В.И. Ленин и ВЧК. С. 267.
- ²⁰⁹ Там же. С. 266–267; Из истории ВЧК. С. 354–356.
- ²¹⁰ РГВА. Ф. 33. Оп. 12. Д. 5. Л. 27, 47; Отчет ВЧК. С. 109–110.
- ²¹¹ Лубянка. С. 19; Отчет ВЧК. С. 122; Архив ВЧК. С. 393.
- ²¹² ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 44. Д. 71. Л. 41.
- ²¹³ Отчет ВЧК. С. 111.
- ²¹⁴ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 18. Д. 20. Л. 110. Подсчитано автором на основании финансовой ведомости отдела; Отчет ВЧК. С. 119.

²¹⁵ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 18. Д. 20. Л. 177об. Подсчитано автором на основе финансовой ведомости отдела; Справочник центр. и местных учреждений РСФСР, парт. орг-ий и проф. союзов. М., 1920. С. 217.

²¹⁶ РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 2. Д. 2–5002. Ч. 3. Л. 222.

²¹⁷ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 94. Д. 176. Л. 39.

²¹⁸ Архив ВЧК. С. 349.

²¹⁹ ГАРФ. 393. Оп. 18. Д. 20. Л. 183.

²²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 10. Л. 35.

²²¹ Отчет ВЧК. С. 114.

²²² РГАСПИ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 5. Л. 2, 25.

²²³ Там же. Л. 9, 34.

²²⁴ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 18. Д. 20. Л. 109об., 175об.

²²⁵ Архив ВЧК. С. 337.

²²⁶ Справочник центр. и местных учреждений РСФСР. С. 215–217.

²²⁷ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 194–195.

²²⁸ Лубянка. С. 19.

²²⁹ Там же.

²³⁰ Архив ВЧК. С. 370.

²³¹ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 199, 262.

²³² ГАРФ. Ф. 393. Оп. 18. Д. 20. Л. 1–34, 102–118. Подсчитано автором на основе ведомостей чекистских подразделений Финотдела НКВД. Особый отдел имел свою финансовую службу, и в материалах Финотдела НКВД в его ведомости отсутствуют.

²³³ Отчет ВЧК. С. 117–119.

²³⁴ Там же. С. 201.

²³⁵ Архив ВЧК. С. 399.

²³⁶ Там же. С. 202–204; ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 89. Л. 541. О Я.Д. Березине см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 1624. Л. 157; *Постников Л.А.* Краткий очерк истории Высшей школы КГБ им. Ф.Э. Дзержинского. М., 1990. С. 8; *Березин Ф.Я.* Неизвестное о Московской ЧК. С. 16–17, 38–55.

²³⁷ Лубянка. С. 19, 374.

²³⁸ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 89. Л. 551–555.

²³⁹ Отчет ВЧК. С. 206.

²⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 149. Л. 3.

²⁴¹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 562–564. Подсчитано автором на основе штатной структуры и списка сотрудников отдела.

²⁴² ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 89. Л. 539–568. Подсчитано автором на основе штатной структуры и списка сотрудников.

²⁴³ Там же. Л. 561.

²⁴⁴ Архив ВЧК. С. 123.

²⁴⁵ Там же. С. 401.

²⁴⁶ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 223–224.

- ²⁴⁷ Отчет ВЧК. С. 205.
- ²⁴⁸ Архив ВЧК. С. 439.
- ²⁴⁹ Отчет ВЧК. С. 206.
- ²⁵⁰ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 89. Л. 565–566. Подсчитано автором на основе штатной структуры и списка сотрудников отдела.
- ²⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 108. Л. 2.
- ²⁵² ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 89. Л. 565; Лубянка. С. 20.
- ²⁵³ Лубянка. С. 22.
- ²⁵⁴ Там же. Ф. 76. Оп. 3. Д. 7. Л. 18.
- ²⁵⁵ Отчет ВЧК. С. 207.
- ²⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 227. Л. 57.
- ²⁵⁷ Лубянка. С. 23; «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 1. Ч. 2. С. 1002–1003.
- ²⁵⁸ Отчет ВЧК. С. 208.
- ²⁵⁹ Лубянка. С. 24.
- ²⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 617. Л. 1; там же. Оп. 68. Д. 632. Л. 233об.–234. Подсчитано автором на основе списков членов партийки отдела.
- ²⁶¹ Лубянка. С. 24.
- ²⁶² РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 149. Л. 3.
- ²⁶³ Архив ВЧК. С. 415–416.
- ²⁶⁴ Мозохин О.Б. ВЧК-ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. М., 2004. С. 72.
- ²⁶⁵ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 89. Л. 556–558об. Подсчитано автором на основе штатов и списка сотрудников управления.
- ²⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 66. Д. 102. Л. 232.
- ²⁶⁷ Архив ВЧК. С. 464.
- ²⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 222. Л. 1.
- ²⁶⁹ Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 195. Л. 5.
- ²⁷⁰ Отчет ВЧК. С. 207; ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 89. Л. 564.
- ²⁷¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 633. Л. 6.
- ²⁷² Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 284.
- ²⁷³ Архив ВЧК. С. 458.
- ²⁷⁴ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 279, 360–361.
- ²⁷⁵ Лубянка. С. 22.
- ²⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 145. Л. 27.
- ²⁷⁷ Там же. Ф. 76. Оп. 3. Д. 42. Л. 18.
- ²⁷⁸ Архив ВЧК. С. 451.
- ²⁷⁹ Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 182. Л. 13.
- ²⁸⁰ Кокурин А., Петров Н. ВЧК (1917–1922). – Свободная мысль, 1998, № 6. С. 112.
- ²⁸¹ Там же. С. 111.
- ²⁸² Słownik biograficzny działaczy polskiego ruchu robotniczego. Т. 1. S. 296–297.

- ²⁸³ Отчет ВЧК. С. 208.
- ²⁸⁴ В.И. Ленин и ВЧК. С. 384.
- ²⁸⁵ РГВА. Ф. 16011. Оп. 1. Д. 33. Л. 5–7.
- ²⁸⁶ Там же. Подсчитано автором на основании штатной структуры управления.
- ²⁸⁷ Кокурин А., Петров Н. Указ. соч. С. 110.
- ²⁸⁸ Там же. С. 112; ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 89. Л. 562об.
- ²⁸⁹ РГВА. Ф. 16011. Оп. 1. Д. 25. Л. 144.
- ²⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 42. Л. 33–36.
- ²⁹¹ Отчет ВЧК. С. 208.
- ²⁹² Там же; Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 261–262.
- ²⁹³ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 89. Л. 539.
- ²⁹⁴ Там же. Л. 548–560. Подсчитано автором на основании штатной структуры и списка сотрудников ВЧК.
- ²⁹⁵ Там же. Л. 538.
- ²⁹⁶ Там же. Л. 569–570; В.И. Ленин и ВЧК. С. 398.
- ²⁹⁷ Лубянка. С. 384–385.
- ²⁹⁸ Леонов С.В. Рождение советской империи. С. 298–299.
- ²⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 617. Л. 22. Подсчитано автором на основе списка членов партийной структуры управления.
- ³⁰⁰ Леонов С.В. Реорганизация ВЧК в ГПУ. – Исторические чтения на Лубянке. 1999 год. Отечественные спецслужбы в 1920–1930-х годах. М.–В. Новгород, 2000. С. 38–41.
- ³⁰¹ В.И. Ленин и ВЧК. С. 517–518.
- ³⁰² Там же. С. 522–523.
- ³⁰³ Из истории ВЧК. С. 471.

Глава II

- ¹ В.И. Ленин и охрана государственной границы СССР. М., 1970. С. 237.
- ² В.И. Ленин и ВЧК. С. 92.
- ³ Лацис М.Я. (Судрабс). Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. С. 10–11.
- ⁴ Patterson M.J. Moscow chekists during the Civil War. P. 32.
- ⁵ Отчет ВЧК. С. 261.
- ⁶ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 31. Л. 107.
- ⁷ Другов Ф.П. С Дзержинским в ВЧК. С. 4.
- ⁸ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 32.
- ⁹ Архив ВЧК. Л. 211.
- ¹⁰ Там же. С. 222.
- ¹¹ ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1 Д. 10. Л. 183.
- ¹² Отчет ВЧК. С. 262, 266. Подробности биографии Г.Г. Делафара описаны в следующих публикациях: Капчинский О.И. Агент из «Мирографа». – Родина, 2002, № 1. С. 73–75; Лубянка, 2. Из

истории отечественной контрразведки. М., 1999. С. 166; Приложение № 2. – Хилл Дж. Моя шпионская жизнь. С. 315–316; Шумихин С.В. Примечания. – Амфитеатров-Кадашев В. Страницы из дневника. – Минувшее: Исторический альманах. 20. М.–СПб., С. 615.

¹³ Рабинович А. Большевики и самоубийство левых эсеров. – 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 190.

¹⁴ В.И. Ленин и ВЧК. С. 34.

¹⁵ Там же. С. 555, 571, 605.

¹⁶ Архив ВЧК. С. 178, 181, 231.

¹⁷ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 23.

¹⁸ Левые эсеры и ВЧК. С. 53, 58.

¹⁹ Там же. С. 49.

²⁰ Лацис М.Я. Чрезвычайные комиссии. С. 10–11.

²¹ Велидов А.С. На пути к террору. – Велидов А.С. К истории ВЧК-ОГПУ. С. 113.

²² ЦАОПИМ. Ф. 64. Оп. 2. Д. 716. Л. 21.

²³ Из истории ВЧК. С. 112–113, 116–117; В.И. Ленин и ВЧК. С. 52–53.

²⁴ ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Л. 776.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 11. Л. 19.

²⁶ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 202. Л. 46.

²⁷ Там же. Л. 36.

²⁸ Там же. Л. 125.

²⁹ ЦАОПИМ. Ф. 64. Оп. 2. Д. 716. Л. 22.

³⁰ Там же. Л. 26.

³¹ Там же. Л. 55, 57об.

³² Там же. Л. 26.

³³ Там же.

³⁴ Там же. Л. 24.

³⁵ Там же. Л. 54, 60.

³⁶ Там же. Л. 55.

³⁷ Там же. Л. 59.

³⁸ Там же. Л. 32.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 11. Л. 3.

⁴⁰ Там же. Л. 4.

⁴¹ Там же. Л. 12об.

⁴² Там же. Л. 20; Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. С. 75.

⁴³ Лацис М.Я. Товарищ Дзержинский и ВЧК. – Пролетарская революция, 1926, № 9. С. 88.

⁴⁴ Лацис М.Я. Чрезвычайные комиссии. С. 11.

⁴⁵ ЦАОПИМ. Ф. 64. Оп. 2. Д. 716. Л. 34.

⁴⁶ Велидов А.С. Коммунистическая партия – организатор и руководитель ВЧК. С. 157.

- ⁴⁷ ЦАОПИМ. Ф. 64. Оп. 2. Д. 716. Л. 60–61.
- ⁴⁸ Там же. Л. 36.
- ⁴⁹ Там же. Л. 37.
- ⁵⁰ Там же. Л. 64–64об.
- ⁵¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 168. Л. 3–4.
- ⁵² Там же. Л. 4.
- ⁵³ Там же. Л. 2–3.
- ⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 168. Л. 3–4.
- ⁵⁵ ЦАОПИМ. Ф. 64. Оп. 2. Д. 716. Л. 62.
- ⁵⁶ Там же. Л. 42.
- ⁵⁷ Там же. Л. 43.
- ⁵⁸ Литвин А.Л. Указ. соч. С. 95.
- ⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 194. Л. 7.
- ⁶⁰ Еженедельник ВЧК, 1918, № 1. – ВЧК уполномочена сообщать... С. 62.
- ⁶¹ Петерс Я.Х. Пролетарский якобинец. – Страж Октября: Сборник. М.–Л., 1926. С. 13.
- ⁶² Петерс Я.Х. Из воспоминаний о работе в ВЧК в первый год революции. – Утро страны советов. Л., 1988. С. 251.
- ⁶³ ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10, 16, 17, 39, 40. Подсчитано автором на основании данных анкет служащих ВЧК, НКВД и НКЮ. Анализ социально-политического состава ВЧК на основании этих анкет ранее производился М.П. Ирошниковым и Г.А. Труканом (см. Введение). Эти авторы при своем анализе не выделяют солдат воинских частей и работников подведомственного ВЧК магазина, что делает далеко не бесспорными их выводы как о социальном, так и партийном составе ВЧК. Поэтому, по нашему мнению, вряд ли можно принять их выводы о партийном и социальном составе чекистского учреждения.
- ⁶⁴ ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Л. 155, 416, 421, 718.
- ⁶⁵ Там же. Л. 63, 163, 532, 716.
- ⁶⁶ ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Л. 129.
- ⁶⁷ Аникеев В.В. Деятельность ЦК РСДРП(б) – РКП(б) в 1917–1918 годах (хроника событий). М., 1974. С. 163, 278; он же. Деятельность ЦК РКП(б) в 1918–1919 годах (хроника событий). М., 1976. С. 96–97.
- ⁶⁸ Петров М.Н. ВЧК–ОГПУ. С. 49.
- ⁶⁹ Соловьев О.Ф. Современная буржуазная историография о подавлении контрреволюции в Советской России. – Исторический опыт Великого Октября. М., 1975. С. 416.
- ⁷⁰ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 89. Д. 334. Л. 40–41.
- ⁷¹ Там же. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Л. 92; Ф. 4390. Оп. 4. Д. 110. Л. 15; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 1836. Л. 239.
- ⁷² ЦАОПИМ. Ф. 64. Оп. 2. Д. 716. Л. 34.
- ⁷³ ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Л. 139.

⁷⁴ Внутренние войска советской республики (1917–1922 гг.). С. 685.

⁷⁵ ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Л. 729.

⁷⁶ ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Подсчитано автором на основании анкет сотрудников.

⁷⁷ Правда, 15 февраля 1919.

⁷⁸ ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10, 16, 17, 39, 40. Подсчитано автором.

⁷⁹ Там же. Подсчитано автором.

⁸⁰ Петерс Я.Х. Из воспоминаний о работе в ВЧК в первый год революции. С. 250.

⁸¹ ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Л. 191.

⁸² Там же. Л. 358.

⁸³ Известия, 9 июля 1918.

⁸⁴ ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 16. Л. 50.

⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 243. Л. 299.

⁸⁶ Известия, 9 июля 1918 г.

⁸⁷ Еженедельник ВЧК, 1918, № 4–5. – ВЧК уполномочена сообщить... С. 168, 202–203; Леонтьев Я.В. «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и ее литературные попутчики. М., 2007. С. 100, 104.

⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 15324. Л. 3.

⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 249. Л. 170; оп. 65. Д. 191. Л. 31; ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 242. Л. 1–8.

⁹⁰ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 94.

⁹¹ Там же. С. 118.

⁹² Лацис М.Я. Чрезвычайные комиссии. С. 11.

⁹³ ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 1. Д. 649; Велидов А.С. Домыслы и факты о деятельности ВЧК. Внесудебные полномочия ВЧК. – К истории ВЧК-ОГПУ. Без вымысла и купюр. С. 286–287.

⁹⁴ Правда, 14 февраля 1919; Известия, 14 февраля 1919; Крыленко Н.В. За пять лет. С. 507, 523, 524. На основе речи Крыленко о данном деле говорится в «Архипелаге ГУЛАГ» А.И. Солженицына.

⁹⁵ Правда, 15 февраля 1919.

⁹⁶ ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Л. 313.

⁹⁷ Правда, 18 февраля 1919.

⁹⁸ Илья. Еще о трибуналах и чрезокомах. – Правда, 18 февраля 1919.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 241–250. Подсчитано автором на основании анкет сотрудников ВЧК.

¹⁰¹ Там же. Оп. 65. Д. 191. Л. 26–35.

¹⁰² Старцев В.И. Очерки по истории петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. М.–Л., 1965. С. 255.

¹⁰³ Leggett G. Op. cit. P. 257.

- ¹⁰⁴ Красная Москва: 1917–1920. С. 43.
- ¹⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 99. Регистрационный бланк члена ВКП(б) № 0055966.
- ¹⁰⁶ Там же. Оп. 100. Д. 21936. Л. 1.
- ¹⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 2. Д. 802. Л. 3–5.
- ¹⁰⁸ Из истории ВЧК. С. 475.
- ¹⁰⁹ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 901. Л. 1–3.
- ¹¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 99. Регистрационный бланк члена ВКП(б) № 0094980.
- ¹¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 249. Л. 119; ф. 124. Оп. 1. Д. 1970. Л. 3.
- ¹¹² Там же. Оп. 99. Регистрационный бланк члена ВКП(б) № 0052203.
- ¹¹³ Там же. Оп. 4. Д. 241. Л. 67.
- ¹¹⁴ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 18. Д. 20. Л. 4; РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 2. Д. 24. Л. 1–7.
- ¹¹⁵ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 18. Д. 20. Л. 107; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 1698. Л. 13; ЦАГМ. Ф. 2184. Оп. 1. Д. 505. Л. 12.
- ¹¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 10. Л. 35.
- ¹¹⁷ Там же. Оп. 66. Д. 89. Л. 155.
- ¹¹⁸ Фридман В. Часовой республики. – Чекисты Башкирии. С. 41.
- ¹¹⁹ Внутренние войска советской республики... С. 683.
- ¹²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 66. Д. 89. Л. 113.
- ¹²¹ Малая энциклопедия Латв. ССР. Т. 1. Рига, 1967. С. 698 (на лат. языке).
- ¹²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 161. Л. 65.
- ¹²³ Там же. Л. 62.
- ¹²⁴ ЦАОПИМ. Ф. 64. Оп. 2. Д. 721. Л. 19–21. Подсчитано автором.
- ¹²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 290. Л. 9. Подсчитано автором.
- ¹²⁶ Там же. Оп. 66. Д. 65. Л. 108.
- ¹²⁷ Там же. Оп. 112. Д. 101. Л. 96.
- ¹²⁸ Там же. Л. 4.
- ¹²⁹ Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. С. 144, 173.
- ¹³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 137. Л. 4, 111.
- ¹³¹ Там же. Д. 145. Л. 18.
- ¹³² Там же. Л. 2.
- ¹³³ Там же. Оп. 66. Д. 102. Л. 189.
- ¹³⁴ Там же.
- ¹³⁵ Там же. Оп. 9. Д. 1801. Л. 174.
- ¹³⁶ Там же. Ф. 124. Оп. 1. Д. 502. Л. 3.
- ¹³⁷ Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 179. Л. 55.
- ¹³⁸ Там же. Л. 56.
- ¹³⁹ Там же. Л. 3, 54.
- ¹⁴⁰ Там же. Д. 145. Л. 27.

- ¹⁴¹ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 246. Л. 1–2.
- ¹⁴² Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 160. Л. 5.
- ¹⁴³ Там же. Д. 162. Л. 1.
- ¹⁴⁴ Там же. Д. 195. Л. 2.
- ¹⁴⁵ Там же. Оп. 68. Д. 632. Л. 232, 234, 238.
- ¹⁴⁶ Там же. Л. 234. Биографические сведения о Д.А. Черномордикове приводятся по справочному изданию: Российская еврейская энциклопедия. Т. 3. М., 1997. С. 336.
- ¹⁴⁷ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 332–333.
- ¹⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 227. Л. 57.
- ¹⁴⁹ Там же. Оп. 112. Д. 206. Л. 2.
- ¹⁵⁰ Архив ВЧК. С. 470.
- ¹⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 632. Л. 233–234.
- ¹⁵² Там же. Оп. 66. Д. 102. Л. 232.
- ¹⁵³ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 89. Л. 556–558. Подсчитано автором на основании штатного расписания и списочной численности сотрудников управления.
- ¹⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 66. Д. 102. Л. 167.
- ¹⁵⁵ Там же. Оп. 65. Д. 290. Л. 11. Подсчитано автором на основании списка партийной ячейки отдела.
- ¹⁵⁶ Там же. Оп. 68. Д. 632. Л. 232–233. Подсчитано автором на основании списка сотрудников-коммунистов.
- ¹⁵⁷ Там же. Оп. 4. Д. 241–250. Подсчитано автором на основании анкет переписи служащих советских учреждений – коммунистов.
- ¹⁵⁸ ЦАОПИМ. Ф. 64. Оп. 2. Д. 721. Л. 2–9об. Подсчитано автором на основании профессионального списка членов партийной ячейки ВЧК-МЧК.
- ¹⁵⁹ Материалы по статистике личного состава РКП. М., 1921. С. 80.
- ¹⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 632. Л. 230–238. Подсчитано автором на основании списка сотрудников-коммунистов.
- ¹⁶¹ Там же. Подсчитано автором.
- ¹⁶² Там же. Подсчитано автором.
- ¹⁶³ ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Подсчитано автором на основании анкет переписи служащих.
- ¹⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 290. Л. 6–12; ЦАОПИМ. Ф. 64. Оп. 2. Д. 721. Л. 17–18. Подсчитано автором на основании списков членов партийных чекистских отделов.
- ¹⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 2. Л. 146; Лубянка. С. 346–347.
- ¹⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 66. Д. 89. Л. 252.
- ¹⁶⁷ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 226–227.
- ¹⁶⁸ Рассказов Л.П. ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД в механизме формирования и функционирования политической системы советского общества. 1917–1941 гг. Дисс. докт. ист. наук. СПб., 1994. С. 122.

- ¹⁶⁹ ЦАОПИМ. Ф. 64. Оп. 2. Д. 719. Л. 61.
- ¹⁷⁰ Там же. Л. 66.
- ¹⁷¹ РГВА. Ф. 16011. Оп. 1. Д. 33. Л. 5–7.
- ¹⁷² Там же. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 34. Л. 2–3.
- ¹⁷³ Там же. Д. 207. Л. 2.
- ¹⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 617. Л. 1, 40, 40об. Подсчитано автором на основании списков коммунистов отделов. Данные об общем количестве сотрудников данных отделов в это время взяты из книги: *Леонов С.В.* Рождение советской империи. С. 299.
- ¹⁷⁵ *Плеханов А.М.* ВЧК-ОГПУ. 1921–1928 гг. М., 2003. С. 199.
- ¹⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 290. Л. 7–12. Подсчитано автором на основании списков членов партячек.
- ¹⁷⁷ *Терне А.* В царстве Ленина. М., 1991. С. 39.
- ¹⁷⁸ *Patterson M.J.* Op. cit. P. 31.
- ¹⁷⁹ *Плеханов А.М.* Указ. соч. С. 211.
- ¹⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 227. Л. 59.
- ¹⁸¹ ЦАОПИМ. Ф. 685. Оп. 1. Д. 41. Л. 66.
- ¹⁸² Там же.
- ¹⁸³ РГВА. Ф. 10. Оп. 4. Д. 169. Л. 1–2, 12.
- ¹⁸⁴ Справочник партийного работника. Вып. 2. М., 1922. С. 78.
- ¹⁸⁵ *Плеханов А.М.* Указ. соч. С. 199.
- ¹⁸⁶ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 127. Л. 3–4; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 632. Л. 234; ЦАОПИМ. Ф. 64. Оп. 2. Д. 721. Л. 19.
- ¹⁸⁷ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 239. Л. 1–2, 5–8, 27–29.
- ¹⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3 Д. 230. Л. 6.
- ¹⁸⁹ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 1567. Л. 1–2, 3–6.
- ¹⁹⁰ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 250–251.
- ¹⁹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 106. Л. 26.
- ¹⁹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 271. Л. 28.
- ¹⁹³ Подробно о судьбе Я.И. Серебрянского: *Капчинский О.* Командарм нелегальной армии. Трижды становился узником Лубянки... чекист Яков Серебрянский. – Независимое военное обозрение, 2005, № 5 (275). С. 7.
- ¹⁹⁴ Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 347, 373, 383, 394–395.
- ¹⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 107. Регистрационный бланк члена КПСС № 07087979.
- ¹⁹⁶ Там же; ЦАГМ. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 1021. Л. 13.
- ¹⁹⁷ *Дмитриевский С.В.* Судьба России: Письма к друзьям. Стокгольм, 1930. С. 214.
- ¹⁹⁸ *Patterson M.J.* Op. cit. P. 32.
- ¹⁹⁹ *Зданович А.А., Измозик В.С.* Сорок лет на секретной службе: жизнь и приключения Владимира Кривоша. С. 206–210.
- ²⁰⁰ *Соболева Т.А.* История шифровального дела в России. М., 2002. С. 417, 419.

²⁰¹ Трубецкой С.Е. Минувшее. С. 267.

²⁰² Велидов А.С. Ленинская концепция советских органов государственной безопасности (исторический очерк). – Проблемы и суждения, 1990, № 2. С. 25.

²⁰³ Левые эсеры и ВЧК. С. 79–85.

²⁰⁴ Еженедельник ВЧК, № 6. – ВЧК уполномочена сообщить... С. 240

²⁰⁵ Там же. С. 243.

²⁰⁶ Из истории ВЧК. С. 246

Глава III

¹ Нечипоренко О.М. Жизнь в конспирации. М., 2011. С. 23.

² Трубецкой С.Е. Минувшее. С. 217.

³ Аронсон Г. На заре красного террора. С. 68, 166.

⁴ Агурский М.С. Идеология национал-большевизма. М., 2003. С. 18.

⁵ «Птицегонство надоело до смерти...» Из дневника И.И. Литвинова. 1922 г. – Неизвестная Россия. XX век. Книга четвертая. М., 1993. С. 94.

⁶ Солженицын А.И. Двести лет вместе. Ч. II. С. 127.

⁷ Велидов А.С. Коммунистическая партия – организатор и руководитель ВЧК. С. 124.

⁸ Кричевский Л.Ю. Евреи в аппарате ВЧК-ОГПУ в 20-е годы. – Евреи и русская революция. С. 327–329.

⁹ Там же. С. 344.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8, 9.

¹² ГАРФ. Ф. 102. Именной каталог «Центральный справочный алфавит».

¹³ ЦАГМ. Ф. 2165, 2184–2192; ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2, 3; РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1, 2; ф. 17. оп. 99, 100.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Подсчитано автором на основании анкет служащих ВЧК.

¹⁵ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. СПб., 2003. С. 42.

¹⁶ Леонов С.В. Рождение советской империи. С. 215.

¹⁷ Варава М. К вопросу о численности латышей в России в 1918–1926 годах. – Коммунист Советской Латвии, 1990, № 11–12. С. 140.

¹⁸ Раевский В.Р. Латышские секции РКП(б). Рига, 1976. С. 82.

¹⁹ Ларин Ю. Евреи и антисемитизм в СССР. М.–Л., 1929. С. 116.

²⁰ ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 241–244, 250. Установлено на основании анкет сотрудников-евреев.

²¹ Бруцкус Б.Д. Еврейское население под коммунистической властью. – Евреи и русская революция. С. 306.

²² ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 16, 17. Подсчитано автором на основе анкет служащих НКВД.

²³ Там же. Л. 39, 40. Подсчитано автором на основании анкет служащих НКЮ.

²⁴ *Леонов С.В.* Указ. соч. С. 215–216.

²⁵ Красная Москва: 1917–1920. С. 43–44.

²⁶ *Солженицын А.И.* Указ. соч. С. 81.

²⁷ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2, 3. Подсчитано автором на основании личных дел членов ОПК.

²⁸ ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10, 16, 17, 39, 40. Подсчитано автором на основании анкет служащих ВЧК, НКВД и НКЮ.

²⁹ Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. Национальный состав членов партии. Вып. 5. М., 1924. С. 9, 63.

³⁰ ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Подсчитано автором на основе анкет следственных и оперативных работников трех ведущих отделов ВЧК.

³¹ Вывод сделан на основании анализа анкет коммунистов-евреев, служивших в ВЧК (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 246–250).

³² *Хилл Дж.* Моя шпионская жизнь. М., 2000. С. 253.

³³ *Leggett G.* The CheKa: Lenin's political police. P. 263.

³⁴ *Томан Б.А.* За свободную Россию, за свободную Латвию. М., 1975. С. 133–135.

³⁵ ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Л. 170; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 97. Д. 402. Л. 13, 18–19; ф.124. Оп.1. Д. 528. Л. 3.

³⁶ ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Подсчитано автором на основании анкет обслуживающего персонала.

³⁷ Там же. Л. 97–99, 160–162.

³⁸ *Мельгунов С.П.* Красный террор в России. С. 177.

³⁹ Там же.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Л. 225, 656.

⁴¹ *Другов Ф.П.* С Дзержинским в ВЧК. С. 1.

⁴² ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Л. 221.

⁴³ Там же. Д. 10. Подсчитано автором на основании анкет служащих ВЧК.

⁴⁴ Там же. Л. 169, 219, 221.

⁴⁵ Там же. Л. 445.

⁴⁶ ЦАОПИМ. Ф. 64. Оп. 2. Д. 716. Л. 58.

⁴⁷ Там же. Л. 32.

⁴⁸ Там же. Л. 63об.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 168. Л. 4.

⁵⁰ *Мельгунов С.П.* Указ соч. С. 177.

⁵¹ *Хацкевич А.Ф.* Солдат великих боев. Жизнь и деятельность Ф.Э. Дзержинского. Минск, 1970. С. 23.

⁵² *Радек К.* Дзержинский. – Луначарский А.В., Радек К.Б., Троцкий Л.Д. Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 285.

⁵³ Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 100.

⁵⁴ ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Л. 183.

⁵⁵ Leggett G. Op. cit. P. 264.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Л. 546; РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1599. Л. 3.

⁵⁷ Słownik biograficzny działaczy polskiego ruchu robotniczego. S. 419.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10, 16. Установлено на основании анкет служащих ВЧК и НКВД.

⁵⁹ Локкарт Р.Б. История изнутри. Мемуары британского агента. М., 1991. С. 305.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1 Д. 10. Подсчитано автором на основании анкет сотрудников.

⁶¹ Там же. Л. 453.

⁶² ЦАОПИМ. Ф. 64. Оп. 2. Д. 716. Л. 64об.

⁶³ Велидов А.С. Коммунистическая партия – организатор и руководитель ВЧК. С. 123–124, 132.

⁶⁴ Архив ВЧК. С. 255–304.

⁶⁵ Там же. С. 280, 285.

⁶⁶ Там же. С. 258.

⁶⁷ Зданович А.А. «Латышское дело». – Военно-исторический журнал. С. 28–29.

⁶⁸ Архив ВЧК. С. 274, 282.

⁶⁹ Там же. С. 270.

⁷⁰ Там же. С. 213, 229, 239.

⁷¹ ЦАОПИМ. Ф. 64. Оп. 2. Д. 716. Л. 43.

⁷² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 66. Д. 89. Л. 95; ф. 17. Оп. 97. Д. 402. Л. 13, 18–19; ф. 124. Оп. 1. Д. 528. Л. 3.

⁷³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 41. Д. 33. Л. 325.

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 4390. Оп. 15. Д. 32. Л. 14.

⁷⁵ Тополянский В. Как-то незаслуженно забытым оказался один из главных исполнителей – Яков Петерс, расстрелянный своим же ведомством в 1938 г. – Новая газета, 4 сентября 2008.

⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 4. Д. 387. Л. 253–261; Скоркин К.В. Обречены проиграть. С. 752.

⁷⁷ Установлено по спискам партячейки ВЧК (РГАСПИ. Ф. 17. оп. 65. Д. 191. Л. 26–35).

⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 193. Л. 4.

⁷⁹ Архив ВЧК. С. 305–306.

⁸⁰ РГВА. Ф. 42. Оп. 1 Д. 48. Л. 1–2.

⁸¹ Там же. Л. 5.

⁸² ГАРФ. Ф. 393. Оп. 18. Д. 20. Л. 1–34.

⁸³ Там же. Л. 102–118. Подсчитано автором на основании списков сотрудников ВЧК.

⁸⁴ Архив ВЧК. С. 339.

⁸⁵ Там же. С. 108, 115. Сведения о должностях, занимавших-ся этими лицами в Киевской губЧК, взяты из показаний ее бывшего следователя М.И. Болеросова в деникинской Особой комиссии (Чекист о ЧК. – На чужой стороне. Т. 9. 1925. С. 116–121).

⁸⁶ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 18. Д. 20. Л. 114.

⁸⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 99. Регистрационный бланк № 0069379 члена ВКП(б) С.М. Тер-Габриэляна.

⁸⁸ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 18. Д. 20. Л. 111об., 178.

⁸⁹ *Gerson L.D.* The Secret Police in Lenin's Russia. P. 61.

⁹⁰ Красная Москва. С. 47.

⁹¹ Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Т. 4. М., 1990. С. 189.

⁹² Л.Ю. Кричевский. Указ. соч. С. 340.

⁹³ Там же. С. 338–339; Павлюченков С.А. Указ. соч. С. 259.

⁹⁴ Папчинский А.А., Тумшис М.А. Щит, расколотый мечом. М., 2001. С. 153–157, 295–296; Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. С. 390–391; Сафонов В.Н. Неизвестная тайная война, или Особый отдел против 2-го отдела Генштаба Польши. – Исторические чтения на Лубянке. 1998 год. М., 1999. С. 109–114.

⁹⁵ Дмитриевский С.В. Судьба России. Стокгольм, 1930. С. 209–210.

⁹⁶ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 34. Л. 2–3.

⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 66. Д. 102. Л. 234.

⁹⁸ Майданов И.И. Органы государственной безопасности в 20-х годах: на материалах БССР. Диссертация докт. ист. наук. М., 1994. С. 37.

⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 102. Л. 150.

¹⁰⁰ Там же. Оп. 8. Д. 617. Л. 1, 14–14об., 16, 23, 28–29, 40–40об. Подсчитано автором на основании списков членов ячеек отделов.

¹⁰¹ Там же. Оп. 66. Д. 89. Л. 167.

¹⁰² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 632. Л. 234–234об. Подсчитано автором на основании списка специалистов отдела – членов партии.

¹⁰³ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 89. Л. 540, 541, 550, 551, 568.

¹⁰⁴ Там же. Оп. 8. Д. 617. Л. 16, 30–32. Подсчитано автором на основании списков членов ячеек отделов.

¹⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2 Д. 15. Установлено на основании протоколов партпроверки ячеек Комендатуры и Тюремного отдела ГПУ (январь 1925 г.), за три года серьезных изменений не претерпевших.

¹⁰⁶ ЦАОПИМ. Ф. 64. Оп. 2. Д. 733. Л. 1–8. Подсчитано автором на основании списка курсантов.

¹⁰⁷ *Gerson L.D.* Op. cit. P. 62.

Приложения

¹ ЦГАМО Ф. 4613. Оп. 1. Д. 12.

² *Леонтьев Я.* Чубайс выиграл суд у журналиста. Журналист получил срок. – Неделя, 1998, № 27.

³ ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 1. Д. 12. Л. 22.

⁴ Там же. Л. 47.

⁵ Там же. Л. 86.

⁶ Там же. Л. 20

⁷ Там же. Л. 25, 27, 86.

⁸ Там же. Л. 22, 26

⁹ Там же. Л. 22.

¹⁰ Там же. Л. 21, 23.

¹¹ Там же. Там же Л. 47, 48.

¹² *Г.В. Лубянка 14–10.* – Красный террор в Москве. М., 2010.

С. 175.

¹³ ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 1. Д. 12. Л. 28.

¹⁴ Там же. Л. 72–73.

¹⁵ Там же. Л. 152–156, 188.

¹⁶ Там же. Л. 155.

¹⁷ Там же. Л. 156.

¹⁸ Там же. Л. 188.

¹⁹ РГАСПИ. Ф 17. Оп. 9. Д. 2046. Л. 18.

²⁰ *Деревенская правда* (Москва), 1917, № 9. С. 4.

²¹ ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 1. Д. 12. Л. 45.

²² Там же. Л. 51.

²³ Там же. Л. 51об.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Л. 41–42.

²⁶ Там же. Л. 51.

²⁷ Там же. Л. 46.

²⁸ Там же. Л. 50.

²⁹ Там же. Л. 40.

³⁰ Там же. Л. 39.

³¹ Там же. Л. 36.

³² Там же. Л. 28.

³³ Там же.

³⁴ Там же. Л. 29об.

³⁵ Там же. Л. 30.

³⁶ Там же. Л. 49.

³⁷ Там же. Л. 52.

³⁸ Там же. Л. 214.

³⁹ Там же. Л. 62.

⁴⁰ Там же. Л. 85–86.

⁴¹ Там же. Л. 87.

⁴² Там же. Л. 102.

- ⁴³ Там же. Л. 214.
- ⁴⁴ Там же. Л. 105.
- ⁴⁵ Там же. Л. 106–107.
- ⁴⁶ Там же. Л. 214–215.
- ⁴⁷ Там же. Л. 163.
- ⁴⁸ Там же. Л. 164.
- ⁴⁹ Там же. Л. 110.
- ⁵⁰ Там же. Л. 159.
- ⁵¹ Там же. Л. 150.
- ⁵² Там же. Л. 151.
- ⁵³ Там же. Л. 188.
- ⁵⁴ Там же. Л. 189.
- ⁵⁵ Там же. Л. 214–215.
- ⁵⁶ Там же. Л. 214.
- ⁵⁷ Там же. Л. 191–204.
- ⁵⁸ *Алинин К. «ЧЕКА». – Красный террор глазами очевидцев.* М., 2009. С. 117–118.
- ⁵⁹ *Клименко В.А. Чекисты на защите Октября. (Становление системы чекистских органов столицы в 1917–1920 гг.)* М., 2003. С. 13.
- ⁶⁰ Из истории взаимоотношений чрезвычайных комиссий и революционных трибуналов. – Вопросы истории, 1990, № 7. С. 159.
- ⁶¹ Там же. С. 156.
- ⁶² ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 1. Д. 12. Л. 206об.
- ⁶³ Там же. Л. 207.
- ⁶⁴ Там же. Л. 211.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Там же. Л. 210.
- ⁶⁷ Там же. Л. 209.
- ⁶⁸ Там же. Л. 222.
- ⁶⁹ Там же. Л. 221–221об.
- ⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 2046. Л. 18.
- ⁷¹ *Лацис М.Я. (Судрабс). Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией.* С. 11.
- ⁷² Архив ВЧК. С. 256, 260.
- ⁷³ ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 10. Л. 469, 508, 523, 781; Архив ВЧК. С. 267–268, 275.
- ⁷⁴ Там же. С. 291, 293.
- ⁷⁵ Там же. С. 282, 287, 304.
- ⁷⁶ Там же. С. 321.
- ⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 290. Л. 8.
- ⁷⁸ *Лосев И. Указ. соч.* С. 31–35, 420–433.
- ⁷⁹ Архив ВЧК. С. 318.
- ⁸⁰ Там же. С. 195, 307, 319.
- ⁸¹ Там же. С. 272, 294.

⁸² ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 89. Л. 565; ф. 393. Оп. 18. Д. 20 (ч. 1). Л. 10; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 242. Анкета переписи 1918 г. члена РКП Ф.И. Мильтера; оп. 65. Д. 290. Л. 9.

⁸³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 147. Л. 128; 1-й Всероссийский съезд особых отделов фронтов и армий 22–25 декабря 1919. Краткий отчет. М., 1920.

⁸⁴ Архив ВЧК. С. 164, 208.

⁸⁵ Велидов А.С. Домыслы и факты о деятельности ВЧК (Вне-судебные полномочия ВЧК). – К истории ВЧК-ОГПУ. С. 281–285.

⁸⁶ Там же. С. 287; Ратьковский И.С. Указ. соч. С. 211.

⁸⁷ Катанян В.В. Лиля Брик. Жизнь. М., 2002. С. 77.

⁸⁸ Ваксберг А.И. Загадка и магия Лили Брик. М., 2003. С. 89, 91, 136.

⁸⁹ Янгфельдт Б. Любовь – это сердце всего: В.В. Маяковский и Л.Ю. Брик. Переписка 1915–1930. М., 1991. С. 210.

⁹⁰ Валюженич А.В. Осип Максимович Брик. Материалы к био-графии. Акмола, 1993. С. 19.

⁹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 6/н/90759. Л. 1–5.

⁹² Там же. Л. 4.

⁹³ Там же. Л. 5.

⁹⁴ Там же. Л. 1.

⁹⁵ МЧК. С. 228.

⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 6/н/90759. Л. 1–2.

⁹⁷ Валюженич А.В. Указ. соч. С. 15.

⁹⁸ ЦАОПИМ. Ф. 64. Оп. 2. Д. 719. Л. 61.

⁹⁹ Там же. Ф. 685. Оп. 1. Д. 41. Л. 66.

¹⁰⁰ Лубянка. С. 35.

¹⁰¹ Там же.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

I. Сборники и отдельные публикации документов

1. Архив ВЧК: Сборник документов. М.: Кучково поле, 2007.
2. Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. В 4-х тт. М.: Терра, 1990.
3. Внутренние войска советской республики (1917–1922 гг.). Документы и материалы. М.: Юрид. лит., 1972.
4. Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. Национальный состав членов партии. Вып. 5. М.: Красная новь, 1924.
5. ВЧК-ГПУ. Документы и материалы. М.: Изд-во гуманитарной лит-ры, 1995.
6. ВЧК уполномочена сообщить... Жуковский–М.: Кучково поле, 2004.
7. Гвардейцы Октября. Роль коренных народов стран Балтии в установлении и укреплении большевистского строя. М.: Индрик, 2009.
8. Губчека. Сб. док-тов и м-лов из истории Саратовской губернской ЧК. 1917–1921. Саратов, 1980.
9. Дело Фани Каплан, или Кто стрелял в Ленина. М.: X-History, 2003.
10. Деятельность Центрального Комитета партии в документах (события и факты). 25 марта – 24 июня 1919 г. – Известия ЦК КПСС, 1989, № 12.
11. Деятельность Центрального Комитета партии (события и факты). Март 1919 г. – Известия ЦК КПСС, 1989, № 8.
12. Дзержинский Ф.Э. Государственная безопасность. М.: Алгоритм, Эксмо, 2008.
13. Дзержинский Ф.Э. Избранные произведения. Т. 1: 1897–1923. М.: Политиздат, 1977.
14. Ф.Э. Дзержинский и охрана границ советского государства. Сборник документов и статей. М.: Воениздат, 1977.
15. Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926. М., 2007.
16. Из истории взаимоотношений чрезвычайных комиссий и революционных трибуналов (Предисловие и примечания К.И. Букова). – Вопросы истории, 1990, № 7.
17. Из истории войск ВЧК и пограничной охраны: Документы и материалы. 1917–1922. М.: Госполитиздат, 1958.
18. Из истории ВЧК: Сборник документов. 1917–1921. М.: Госполитиздат, 1958.
19. Красная книга ВЧК. М.: Политиздат. Т. 1: 1989; т. 2: 1990.

20. Крыленко Н.В. За пять лет. Обвинительные речи по наиболее крупным процессам, заслушанным в Московском и Верховном революционных трибуналах. М.–Пг.: Госиздат, 1923.
21. Левые эсеры и ВЧК. Сборник документов. Казань, 1996.
22. В.И. Ленин и внутренние войска (сборник документов и материалов в помощь руководителям групп марксистско-ленинской подготовки и политических занятий). М., 1981.
23. В.И. Ленин и ВЧК: Сборник документов (1917–1922 гг.). М.: Политиздат, 1987.
24. В.И. Ленин и охрана государственной границы СССР. Сборник документов и статей. М.: Воениздат, 1970.
25. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. М.: МФД, 2003.
26. Материалы по статистике личного состава РКП. М., 1921.
27. МЧК. Из истории Московской чрезвычайной комиссии. Сборник документов (1918–1921 гг.). М.: Московский рабочий, 1978.
28. На защите революции: Из истории Всеукраинской ЧК. 1917–1922 гг.: Сборник документов и материалов. Киев, 1971.
29. Новые документы Ф.Э. Дзержинского. – Пограничник, 1972, № 18.
30. «Необходимо сделать все, чтобы унижить церковь в глазах народа». Докладная записка М.И. Лациса. 1920 г. (Публикация М.Ю. Крапивина). – Исторический архив, 2011, № 2.
31. Организация чрезвычайных комиссий. Постановления Всероссийского съезда чрезвычайных комиссий в Москве. Июнь 1918. Пермь, 1918.
32. Отчет ВЧК за четыре года ее деятельности. Организационная часть. М.: Издание ВЧК, 1922.
33. От ЧК до ФСБ. 1918–1998: Сб. документов и материалов по истории государственной безопасности Тверского края. Тверь, 1998.
34. Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1917–1925 гг. Т. 2. Ч. 1. Апрель-июль 1918 г. М.: Роспэн, 2010.
35. 1-й Всероссийский съезд особых отделов фронтов и армий 22–25 декабря 1919. Краткий отчет. М., 1920.
36. Пограничные войска СССР. 1918–1928. Сборник документов и материалов. М.: Наука, 1973.
37. Правда для служебного пользования. Из документов личного архива Ф. Дзержинского (публикация Г.А. Бордюгова). – Неизвестная Россия. XX век. М.: Историческое наследие, 1992.
38. «Приступить немедленно к ликвидации ВЧК...» (публикация Д.С. Новоселова). – Военно-исторический журнал, 2006, № 12.

39. Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 гг. М.: Роспэн, 2006.
40. Рабочее оппозиционное движение в большевистской России 1918 г.: Собрания уполномоченных фабрик и заводов: документы и материалы. М., 2006.
41. Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918–1919 гг. М.: Русский мир, 1997.
42. Сборник важнейших приказов и распоряжений ВЧК. 1917–18–19 гг. М. Издание ВЧК, б/г.
43. Сборник приказов и распоряжений ВЧК при Совнарком: с 1 января по 1 июля 1920. М. Издание ВЧК, 1920.
44. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 1. 1922–1923 гг. Ч. 1–2. М.: ИРИ РАН, 2001.
45. Циркулярные письма ВЧК № 4–6. 1920. М. Издание ВЧК, б/г.
46. В.Д. Фельдман – руководитель курсов ВЧК. 1922–1923 гг. (Публикация О.И. Капчинского и В.Н. Сафонова). – Исторический архив, 2011, № 2.
47. Чекист о ЧК. – На чужой стороне. Т. 9. Берлин–Прага, 1925.
48. Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР, Генеральный комиссар государственной безопасности. Сборник документов. Казань, 1997.
49. Ягода Г. ВЧК-ГПУ. Историческая роль и задачи (Публикация В. Макарова). – Родина, 2007, № 12.

II. Дневники и мемуары

1. Амфитеатров-Кадашев В. Страницы из дневника (Публикация С.В. Шумихина). – Минувшее: Исторический альманах. 20. М.–СПб.: Atheneum, Феникс, 1996.
2. Аронсон Г. На заре красного террора. Берлин, 1929.
3. Бениславская Г.А. Дневник. Воспоминания. Письма к Есенину. СПб.: Фонд «Содружество», 2001.
4. Беспалов Н. Исповедь агента ГПУ. Прага: Изд-во Воли России, 1925.
5. Бонч-Бруевич В.Д. Как организовывалась ВЧК. – Огонек, 1927, № 3.
6. Борман А.А. Москва – 1918 (из записок секретного агента в Кремле). – Русское прошлое. Кн. 1. Л., 1991.
7. Вацетис И.И. Выступление левых эсеров в Москве. – Этапы большого пути. М., 1963.
8. Глобачев К.И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М.: Роспэн, 2009.
9. Готье Ю.В. Мои заметки. – Вопросы истории, 1991, № 12.

10. Данилов И. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков. – Архив русской революции. Т. 14. М., 1992.
11. Дзержинская С.С. В годы великих боев. М.: Мысль, 1965.
12. Дзержинская С.В., Ривин Л.Б. Я все выдержу и вернусь. Тула: Приокское кн. изд-во, 1984.
13. Ф.Э. Дзержинский в ВЧК (Воспоминания). М.: Библиотечка журнала «Пограничник», 1967.
14. Дмитриевский С.В. Судьба России: Письма к друзьям. Стокгольм: Стрела, 1930.
15. Другов Ф.П. С Дзержинским в ВЧК. – Иллюстрированная Россия, 1931, № 6–10;
16. Думбадзе Е. На службе Чека и Коминтерна. Личные воспоминания. Париж: Мишень, 1930.
17. Дымов З.А. Мои дорогие друзья. М.: Политиздат, 1985.
18. Иванов-Разумник Р.В. Тюрьмы и ссылки. М.: Новое литературное обозрение, 2000.
19. Кедров М.С. Из Красной тетради об Ильиче. – Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. М.: Политиздат, 1990.
20. Клементьев В.Ф. В большевистской Москве. М.: Русский путь, 1998.
21. Кобяков С. Красный суд. – Архив русской революции. Т. 7. М., 1991.
22. Красный террор в Москве: свидетельства очевидцев. М.: Айрис-пресс, 2010.
23. Красный террор глазами очевидцев. М.: Айрис-пресс, 2009.
24. Кремль за решеткой: Подпольная Россия. Берлин: Скифы, 1922.
25. Лацис М.Я. Товарищ Дзержинский и ВЧК. – Пролетарская революция, 1926, № 9.
26. Локкарт Р.Б. История изнутри: Мемуары британского агента. М.: Новости, 1991.
27. Ломоносов Ю.В. В народном комиссариате путей сообщения. Ноябрь 1919 – январь 1920. (Отрывок из воспоминаний и неизданная корреспонденция В.И. Ленина). – Минувшее: Исторический альманах. 10. М.–СПб.: Atheneum, Феникс, 1992.
28. Любимов Л.Д. На чужбине. Ташкент: Узбекистан, 1965.
29. Мальков П.Д. Записки коменданта Кремля. М.: Воениздат, 1987.
30. Мельгунова-Степанова П.Е. Там, где не слышно смеха. Типы, нравы и быт ЧК. Отрывки из воспоминаний (1917–1922 гг.). Париж, 1928.
31. Орлов В.Г. Двойной агент: Записки русского контрразведчика. М.: Современник, 1998.
32. Особое задание: Сборник. М.: Московский рабочий, 1988.

33. О Феликсе Дзержинском: Воспоминания, очерки, статьи современников. М.: Политиздат, 1987.
34. Петерс Я.Х. Воспоминания о работе ВЧК в первый год революции. – Пролетарская революция, 1924, № 10.
35. Петерс Я.Х. Воспоминания к 10-летию ВЧК-ГПУ. – Огонек, 1927, № 52.
36. Пилявская С.С. Грустная книга. М.: Вагриус, 2001.
37. «Птицегонство надоело до смерти...» Из дневника И.И. Литвинова. 1922 г. (Публикация В. Гениса и А. Ершова). – Неизвестная Россия. XX век. Книга четвертая. М., 1993.
38. Рассказы о Менжинском. М.: Библиотечка журнала «Пограничник», 1969.
39. Рыцарь революции. Воспоминания современников о Ф.Э. Дзержинском. М.: Политиздат, 1967.
40. Страж Октября: Сборник. М.–Л.: Госиздат, 1926.
41. Терне А. В царстве Ленина: Очерки современной жизни в РСФСР. М.: Скифы, 1991.
42. Трубецкой С.Е. Минувшее. М.: ДЭМ, 1991.
43. Уншлихт И.С. О Владимире Ильиче. – Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 7. М.: Политиздат, 1991.
44. Утро страны советов. Л.: Лениздат, 1988.
45. Фомин Ф.Т. Записки старого чекиста. М.: Политиздат, 1964.
46. Хилл Дж. Моя шпионская жизнь. М.: ЛГ Информэйшнл Груп, Олма-пресс, 2000.
47. Че-ка. Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий. Берлин, 1922.
48. Чекистка. Воспоминания Веры Петровны Брауде (Публикация А. Сыченковой). – Гасырлар Авазы (Эхо веков), 2002, № 3–4 (электронная версия).

III. Периодические издания

1. Вестник НКВД. 1918.
2. Власть Советов. 1919.
3. Еженедельник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. 1918, № 1–6.
4. Известия ВЦИК. 1918–1919.
5. Правда. 1918–1919.

IV. Архивные документы

1. **Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)**
Ф. 102: Департамент полиции МВД. Именной каталог «Центральный справочный алфавит» (сведения об участниках рев. движения).

Ф. 130: Совнарком РСФСР. Оп. 2. Д. 103; оп. 5. Д. 89.

Ф. 374: Рабкрин. Оп. 23. Д. 71 (анкеты сотрудников); оп. 25 (личные дела сотрудников). Д. 227, 361.

Ф. 393: НКВД РСФСР. Оп. 1. Д. 7, 35, 36; оп. 6. Д. 11; оп. 18. Д. 20, 21; оп. 25. Д. 5, 6; оп. 26. Д. 70; оп. 31. Д. 5, 142; оп. 85. Д. 1199; оп. 86. Д. 306а, 410, 849; оп. 86а. Д. 45; оп. 89. Д. 334, 336.

Ф. 533: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Оп. 1. Д. 1239, 1304; оп. 2. Д. 127, 239, 334, 533, 671, 901, 1379, 1567, 1637, 1664, 1785, 1853, 2056; оп. 3. Д. 242, 643, 840, 977

Ф. 601: Николай II. Оп. 2. Д. 31 (документы о В.В. Яковлеве).

Ф. 1235: ВЦИК. Оп. 5. Д. 49, 50; оп. 93. Д. 29, 201, 202; оп. 94. Д. 176.

Ф. 3524: Комиссия по проверке служащих и сотрудников сов. учреждений при ВЦИК. Оп. 1. Д. 10, 16, 17, 39, 40.

Ф. 4390: Наркомгоскон. Оп. 4. Д. 49, 58, 89, 109–112, 110, 111, 112, 176, 177; оп. 15. Д. 32; оп. 21. Д. 177.

Ф. 5144. Экономический институт Красной Профессуры. Оп. 2. Д. 1338, 1984 3904,

Ф. 7511: Комиссия советского контроля. Оп. 2 (личные дела сотрудников). Д. 59, 338, 764.

Ф. 7523. Верховный Совет СССР. Оп. 2 (личные дела депутатов Верховного Совета СССР). Д. 500; оп. 7 (личные дела награжденных орденом Ленина). Д. 451; оп. 44 (дела по лишению гос. наград). Д. 38, 71, 200. 203.

Ф. 9503. Коллекции документов старых большевиков. Оп. 1. Д. 43.

Ф. 10035: Управление КГБ по Моск. области. Оп. 1 (следственные дела). Д. 12856, 23452.

2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Ф. 4: Документы о деятельности В.И.Ленина. Оп. 2. Д. 526, 1111, 2185.

Ф. 5: Секретариат В.И. Ленина. Оп. 1. Д. 994, 2558, 2560, 2563, 2567; оп. 2. Д. 168.

Ф. 17: ЦК РКП(б). Оп. 3. Д. 2, 153, 155, 223, 225, 227, 232, 235, 239, 256, 259, 261, 267; оп. 4. Д. 194, 240–250; оп. 8. Д. 180, 546–548, 617; оп. 9. Д. 816, 856, 1543, 1588, 1605, 1610, 1614, 1617, 1618, 1620, 1624, 1625, 1648, 1653, 1655, 1656, 1674, 1687, 1688, 1696, 1698, 1732, 1734, 1746, 1762, 1773, 1758, 1796, 1797, 1799, 1800, 1801, 1825, 1828, 1834, 1835, 1836, 1837, 1844, 1848, 1852, 1855, 1867, 1876, 1921, 1924, 1928, 1931, 1935, 1936, 1937, 1939, 1941, 1942, 1964, 1965, 1981 1982, 1995, 2006, 2010, 2018, 2020, 2023, 2025, 2026, 2028, 2044, 2045, 2046, 2062, 2069, 2071–2074, 2799; оп. 34. Д. 206; оп. 35. Д. 275, 361, 372, 873; оп. 41.

Д. 17, 23, 90; оп. 65. Д. 2, 104, 191, 290; оп. 66. Д. 65, 89, 99, 102; оп. 68. 630, 632; оп. 84. Д. 227, 228, 231, 232, 271, 393; оп. 97. Д. 74, 238, 402; оп. 99: Регбланки членов ВКП(б) № 0036730, 0052203, 0055966, 0094980, 0587149, 1205131, 1228325, 1229635, 1239033, 1242192, 1243508, 1673000 2197465, 2727065, 3150034; оп. 100. Д. 1322, 2625, 29709, 3251, 4627, 6204, 6332, 15674, 15863, 21936, 40047, 40284, 92822, 90759, 133777, 196037, 28774, 100110, 118108, 127932, 151406, 160610, 163656, 196037, 234371; оп. 107: Регбланки членов КПСС № 00209225, 07087979; оп. 109. Д. 13; оп. 112. Д. 1–14, 20, 35, 52, 53, 54, 57, 61, 66, 69, 72, 75, 82, 87, 94, 95, 98, 101, 103, 106, 108, 118, 110, 119, 134, 137, 139, 143, 145, 147, 151, 152, 153, 159, 160, 161, 162, 163, 166, 168, 172, 178, 179, 180, 182, 188, 189, 192, 195, 196, 197, 199, 202, 205, 206, 208, 224, 245, 254, 263, 276.

Ф. 70: Истпарт. Оп. 4. Д. 387.

Ф. 76: Дзержинский Ф.Э. Оп. 3. Д. 5, 7, 10, 15, 24, 27, 37, 39, 40, 42, 50, 78, 80, 95, 149, 184, 193, 220, 222, 230, 235, 246; оп. 4. Д. 7, 58, 59.

Ф. 124: Всесоюзное общество старых большевиков. Оп. 1. Д. 82, 357, 502, 514, 526, 528, 556, 624, 666, 672, 729, 827, 852, 878, 891, 940, 1071, 1128, 1163, 1200, 1205, 1210, 1259, 1266, 1474, 1501, 1569, 1576, 1598, 1599, 1602, 1692, 1748, 1777, 1781, 1803, 1913, 1970, 2018, 2223, 2232, 2237, 2235, 2243; оп. 2. Д. 17, 22, 85, 345, 366, 537, 604, 739, 802, 858, 873, 966, 1014, 1032.

Ф. 153: Стучка П.И. Оп. 1. Д. 5.

Ф. 495: Исполком Коминтерна. Оп. 65а. Д. 12918, 12932, 14388, 5758; оп. 199. Д. 6927; оп. 252. Д. 325, 11369; оп. 270. Д. 5173.

Ф. 532: Комуниверситет трудящихся Востока. Оп. 12. Д. 3714 (личное дело Ф.В. Патаки).

Ф. 564: ЦК партии левых эсеров. Оп. 1. Д. 11.

Ф. 588: Коллекция документов по истории России. Оп. 2. Д. 24, 82, 111, 154.

Ф. 589: КПК ВКП(б). Оп. 2. Д. 2–5002 (перс. дело члена ВКП(б) С.М. Тер-Габриэляна).

Ф. 613: ЦК ВКП(б). Оп. 1. Д. 19, 20, 22; оп. 2. Д. 15, 20, 24, 25.

3. Российский государственный военный архив (РГВА)

Ф. 1: Управделами Наркомвоена. Оп. 3. Д. 37.

Ф. 4: Управделами РВСР. Оп. 8. Д. 180

Ф. 7: Штаб РККА. Оп. 7. Д. 184.

Ф. 11: Всероглавштаб. Оп. 8. Д. 1126.

Ф. 10: Высшая военная инспекция. Оп. 2. Д. 285; оп. 4. Д. 123, 169, 320.

Ф. 33: ЦУПВОСО. Оп. 12. Д. 5.

Ф. 42: Войска ВОХР-ВНУС. Оп. 1. Д. 48.

Ф. 16011: Управление войск ВЧК. Оп. 1. Д. 25, 33.

Ф. 33988: Секретариат РВСР. Оп. 2. Д. 203, 228, 419. 633.

Ф. 37976: Коллекция личных дел. Оп. 1. Д. 34, 207, 383.

4. Центральный архив г. Москвы (ЦАГМ)

Фонды комиссий по делам дружинников 1905 года, красногвардейцев и красных партизан при исполкомах райсоветов:

Ф. 2165 (Октябрьского). Оп. 1. Д. 1519.

Ф. 2184 (Бауманского). Оп. 1. Д. 85, 505.

Ф. 2185 (Дзержинского). Оп. 1. Д. 65, 206, 968, 998, 1021, 1044.

Ф. 2191 (Фрунзенского). Оп. 1. Д. 394.

Ф. 2192 (Сокольнического). Оп. 1. Д. 53.

5. Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО)

Ф. 4613: Мосревтрибунал. Оп. 1. Д. 12, 68, 76, 169, 195, 195а, 288, 297, 391, 437, 616, 649, 678, 1205, 1210.

Ф. 4619: Управление делами Совнаркома Москвы и области. Оп. 2. Д. 140, 141.

6. Центральный архив общественно-политической истории Москвы (ЦАОПИМ)

Ф. 64: Городской райком РКП(б). Оп. 2. Д. 716–722, 733, 740.

Ф. 685: Комиссии по проверке и чистке личного состава партии. Оп. 1. Д. 5, 6, 41, 46.

Ф. 8654: Коллекция документов личного происхождения участников революционных событий. Оп. 1. Д. 41, 101, 320, 455, 482, 616, 704, 722, 792, 1211, 1217, 1289, 1290.

Литература

І. Книги и статьи

1. Абрамов В. Евреи в КГБ. М.: Яуза, Эксмо, 2005.
2. Авдонин А.Н. В жерновах революции. Документальный очерк о комиссаре В.В. Яковлеве. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995.
3. Агурский М.С. Идеология национал-большевизма. М.: Алгоритм, 2003.
4. Академия ФСБ России. 80 лет. М.: Межрегиональный общественный фонд поддержки Академии ФСБ РФ, 2001.
5. Алексеева Т., Матвеев Н. Доверено защищать революцию (О Г.И. Бокии). М.: Политиздат, 1987.
6. Альбац Е.М. Мина замедленного действия: Политический портрет КГБ. И.: Русслит, 1992.
7. Аникеев В.В. Деятельность ЦК РКП(б) в 1918–1919 годах (хроника событий). М.: Мысль, 1976.
8. Антонов В.С., Карпов В.Н. Тайные информаторы Кремля-2. С них начиналась разведка. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2003.

9. Арибжанов Р.М., Артюхов Е.А., Штутман С.М. Дивизия имени Дзержинского. М.: Яуза, Эксмо, 2007.
10. Бережков В.И. Питерские прокураторы. Руководители ВЧК-МГБ. 1918–1954. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1998.
11. Березин Ф.Я., Кривец В.Д., Штутман С.М. Федор Мартынов – гроза бандитов. М.: Иньерреклама, 2009.
12. Березин Ф.Я. Неизвестное о Московской ЧК. М.: Галерея, 2007.
13. Березин Ф.Я. Секретарь Московской ЧК. М.: Галерея, 2006.
14. Боева Л.А. Деятельность ВЧК-ОГПУ по формированию лояльности граждан политическому режиму (1921–1924 гг.). М.: Компания «Спутник+», 2003.
15. Боева Л.А. «Особенная каста». ВЧК-ОГПУ и укрепление коммунистического режима в годы нэпа. М.: АИРО-XXI, 2009.
16. Борисов А.В. Ф.Э. Дзержинский об идейно-политическом воспитании сотрудников органов внутренних дел. М.: Академия МВД СССР, 1989.
17. Бруцкус Б.Д. Еврейское население под коммунистической властью. – Евреи и русская революция. Материалы и исследования. М.–Иерусалим–Гешарим, 1999.
18. Бударин М.Е. Чекисты. Омск: Книжное изд-во, 1987.
19. Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М.: Роспэн, 2005.
20. Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М.: Роспэн, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010.
21. Бушуев В.М. Грани. Чекисты Красноярья от ВЧК до ФСБ. Красноярск, 2000.
22. Буюков А.М. Структура и руководящий состав государственной политической охраны ДВР. 1920–1921 гг. – Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Сб. научных трудов. Т. X. Владивосток, 2007.
23. Бычков Л. ВЧК в годы гражданской войны. М.: Воениздат, 1940.
24. Варава М. К вопросу о численности латышей в России в 1918 – 1926 годах. – Коммунист Советской Латвии, 1990, № 11–12.
25. Васильченко Э.А. Партийное руководство деятельностью чекистских органов по борьбе с контрреволюцией на Дальнем Востоке. 1920–1922. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1984.
26. Велидов А.С. ВЧК-ОГПУ. Без вымысла и купюр. СПб.: Алетейя, 2011.
27. Велидов А.С. Домыслы и факты о деятельности ВЧК. – Военно-исторический журнал, 1990, № 4.
28. Велидов А.С. Коммунистическая партия – организатор и руководитель ВЧК (1917–1920 гг.). М.: Войсковая часть 33965, 1967.

29. Велидов А.С. Ленинская концепция советских органов государственной безопасности (Исторический очерк). – Проблемы и суждения, 1990, № 2.
30. Велидов А.С. На страже завоеваний Октября. – История СССР, 1970, № 1.
31. Велидов А.С. Похождения террориста: Одиссея Якова Блюмкина. М.: Современник, 1998.
32. Велидов А. Шестое июля. Что необходимо напомнить в интересах исторической правды о мятеже левых эсеров. – Переписка на исторические темы: Диалог ведет читатель. М.: Политиздат, 1989.
33. Верой и правдой. ФСБ. Страницы истории. Ярославль: Юанс, 2001.
34. Виноградов В.К., Виноградова Н.А. Газета «Известия ВЦИК» как источник по истории ВЧК. – История СССР, 1978, № 6.
35. Виноградов В.К. История формирования архива ВЧК. – Архив ВЧК: Сборник документов. М., 2007.
36. Военные контрразведчики. М.: Воениздат, 1978.
37. Войска называются внутренними. Краткий исторический очерк. М.: Издательство ДОСААФ, 1982.
38. Войтиков С.С. Высшие кадры Красной Армии. 1917–1921 гг. М.: Эксмо, Алгоритм, 2010.
39. Войтиков С.С. Отечественные спецслужбы и Красная армия. 1917–1921. М.: Вече, 2010.
40. Войтиков С.С. Троцкий и заговор в Красной Ставке. М.: Вече, 2009.
41. Воробьева Л.М. История Латвии: От Российской империи к СССР. Кн. 1. Фонд «Историческая память», российский институт стратегических исследований. М., 2009.
42. Воронцов С.А. Спецслужбы России: учебник. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008.
43. Генис В.Л. Неверные слуги режима: первые советские невозвращенцы (1920–1933). Опыт документального исследования в 2-х кн. Кн. 1: «Бежал и перешел в лагерь буржуазии...» (1920–1929). М., 2009. Кн. 2: «Третья эмиграция» (1929–1933). М., 2012.
44. Генис В.Л. Федор Павлович Другов. – Вопросы истории, 2010, № 3.
45. Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы 1917–1920 гг. М.: Институт Российской истории РАН, 1998.
46. Гимпельсон Е.Г. Становление и эволюция советского государственного аппарата управления. М.: ИРИ РАН, 2003.
47. Гладков Т.К. Артур Артузов. М.: Молодая гвардия, 2008.
48. Гладков Т.К., Смирнов М.А. Менжинский. М.: Молодая гвардия, 1969.

49. Голдин В.И. В.В. Бустрем: Судьба профессионального революционера и разведчика. – Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 4. М., 2008.
50. Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск: Боргес, 2000.
51. Голдин В.И. Советские спецслужбы: эпоха становления. – Гражданская война в России и на русском Севере: Проблемы истории и историографии. Архангельск: Солти, 1999.
52. Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1980. Кн. 1–2.
53. Городецкий Е.Н. Рождение советского государства (1917–1918 гг.). М.: Наука, 1987.
54. Гуль Р. Дзержинский, Менжинский, Петерс, Лацис, Ягода. М.: Терра, 1991.
55. 20 лет ВЧК-ОГПУ-НКВД. М.: ОГИЗ, 1938.
56. Дегтев С.И. Политический надзор в уездах и губерниях непсковской России. – Власть и общество России в прошлом и настоящем. Сборник статей по материалам научных чтений, посвященных 90-летию со дня рождения профессора Д.С. Бабурина. 22–23 сентября 1999 г. М.: МПГУ, 2000.
57. Демидов А.М. Политический фактор создания Всероссийской чрезвычайной комиссии. – Исторические чтения на Лубянке: 15 лет. М., 2012.
58. Ф.Э. Дзержинский: Биография. М.: Политиздат, 1987.
59. Дикий А. Евреи в России и в СССР. Исторический очерк. Новосибирск: Благовест, 1994.
60. Долгополов Ю.Б. Война без линии фронта. М.: Воениздат, 1981.
61. Дмитриев С. По следам красного террора (О С.П. Мельгунове). – Наш современник, 1991, № 1.
62. Драма российской истории: большевики и революция. М.: Новый хронограф, 2002.
63. Дунаева А.Ю. Реформы полиции в России начала XX века и Владимир Федорович Джунковский. М.: Объединенная редакция МВД России, 2012.
64. Епихин А.Ю., Мозохин О.Б. ВЧК-ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921–1928). М.: Кучково поле, Гиперборея, 2007.
65. Загайнова В.Л. К.А. Мячин. Амнистия судьбы. – Исторические чтения на Лубянке. 2004 год. Руководители и сотрудники спецслужб России. М., 2005.
66. Загайнова В.Л. Основные направления деятельности органов ВЧК-ОГПУ на Урале в 1920-е годы. – Исторические чтения на Лубянке. 2007 год. Руководители и сотрудники спецслужб России. М., 2008.

67. Зданович А.А. Генрих Ягода в Особом отделе ВЧК. – Диалог, 1999, № 2.
68. Зданович А.А. «Латышское дело». – Военно-исторический журнал, 2004, № 3.
69. Зданович А.А. Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК-ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М.: Икс-Хистори, Кучково поле, 2008.
70. Зданович А.А. Отечественная контрразведка (1914–1920): Организационное строительство. М.: Крафт+, 2004.
71. Зданович А.А. Свои и чужие – интриги разведки. М.: ОЛМА-ПРЕСС, ЗАО «Масс Информ Медиа», 2002.
72. Зданович А.А. Свой или чужой? – свой! – Исторические чтения на Лубянке. 1999 год. Отечественные спецслужбы в 1920–1930-х годах. М.: Великий Новгород, 2000.
73. Зданович А.А., Измозик В.С. Сорок лет на секретной службе: жизнь и приключения Владимира Кривоша. М.: Икс-Хистори, Кучково поле, 2007.
74. Зуб Э.И. Харьковская ЧеКа. Прощание с мифами. Харьков: ПП «Райдер», 2012.
75. Зубов Н.И. Ф.Э. Дзержинский. Биография. М.: Политиздат, 1965.
76. Зубов Н.И. Они охраняли Ленина. М.: Молодая гвардия, 1984.
77. Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918–1958 (социально-экономический и политико-правовой аспекты). М.: Наука, 2006.
78. Из истории Вятских спецслужб и полиции. Киров, 1997.
79. Из истории спецслужб Бурятии. Материалы научно-практической конференции, посвященной 80-летию ВЧК-ФСБ. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 1997.
80. Измозик В.С. Английский шпионаж: реальный и мнимый. Дело Поля Дюкса. Исторические чтения на Лубянке. 2009. М., 2010.
81. Измозик В.С. Глаза и уши режима. Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 годах. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета экономики и финансов, 1995.
82. Ирошников М.П. Председатель Совета Народных Комиссаров В.И. Ульянов (Ленин): Очерки государственной деятельности в 1917–1918 гг. Л.: Наука, 1974.
83. История советских органов государственной безопасности. М.: ВШ КГБ, 1977.
84. К 20-летию ВЧК-ОГПУ-НКВД. М., 1937.
85. Капчинский О. Агент из «Мирографа». – Родина, 2002, № 1.
86. Капчинский О. Батя под колпаком ЧК. – Родина, 2001, № 3.
87. Капчинский О.И. К вопросу о службе в ВЧК-ОГПУ уголовных элементов. – Обеспечение государственной безопасности:

- история и современность: Матер. Межвед. научно-практич. конф. Ч. 1. М.: МПИ ФСБ России, 2007.
88. Капчинский О.И. Командарм нелегальной армии. Трижды становился узником Лубянки... чекист Яков Серебрянский. – Независимое военное обозрение, 2002, № 5 (275).
  89. Капчинский О.И. Кто служил в ВЧК-ОГПУ. – Военно-исторический архив. Вып. 7 (22). М., 2001; вып. 9 (24). М., 2001.
  90. Капчинский О. Сотрудники Центрального аппарата ВЧК-ОГПУ – члены ОПК (1921–1934). – Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев: образование, развитие, ликвидация. 1921–1935. Материалы международной научной конференции (26–28 октября 2001 г.). М.: Общество «Мемориал», Звенья, 2004.
  91. Капчинский О.И. Петр Сидоров-Шестеркин: от подпольного анархиста до кадрового чекиста. – Исторические чтения на Лубянке. 2004 год. М., 2005.
  92. Карнаевич В.Г., Свиридов Г.А. Курская губчека: 1918–1922 гг. Курск: ФГУИПП «Курск», 2005.
  93. Клименко В.А. Чекисты на защите Октября (Становление системы чекистских органов столицы в 1917–1920 гг.). М.: Компания «Спутник +», 2003.
  94. Клименко В.А., Морозов П.М. Чрезвычайные защитники революции (Из истории ВЧК). М.: Знание, 1980.
  95. Кокурин А., Петров Н. ВЧК (1917–1922). – Свободная мысль, 1998, № 6.
  96. Колпакиди А. Прохоров Д. Внешняя разведка России. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
  97. Колпакиди А. Прохоров Д. КГБ: Приказано ликвидировать. Спецоперации советских спецслужб 1918–1941. М.: Яуза, Эксмо, 2004.
  98. Коняев Н.М. Гибель красных Моисеев. (Начало террора. 1918 год.). М.: Вече, 2004.
  99. Коровин В.В. История отечественных органов безопасности. Учебное пособие. М.: Норма-Инфра, 1998.
  100. Кочевых С. Урал и три поколения Херувимых. – Петербургский генеалогический портал (<http://www.petergen.com/publ/heruvimov.Shtml>).
  101. Кравченко В.Ф. Под именем Шмидхена. М.: Сов. Россия, 1970.
  102. Крапивин М.Ю. А.Ф. Филиппов и «Исполнительный комитет по делам духовенства всея России» (1919–1920 гг.). – Исторические чтения на Лубянке: 15 лет. М., 2012.
  103. Кричевский Л.Ю. Евреи в аппарате ВЧК-ОГПУ в 20-е годы. – Евреи и русская революция. Материалы и исследования. М.–Иерусалим–Гешарим, 1999.

104. Кузько В.А. Ксенофонов. – История СССР, 1967, № 4.
105. Куняев С. Человеческое и тоталитарное. – Молодая гвардия, 1989, № 10.
106. Кутузов В.А., Лепетюхин В.Ф., Седов В.Ф., Степанов О.Н. Чекисты Петрограда на страже революции. Л., 1987.
107. Кутузов В.А., Степанов О.Н. По поручению партии. – Вопросы истории КПСС, 1988, № 12.
108. Ларин Ю. Евреи и антисемитизм в СССР. М.–Л.: Госиздат, 1929.
109. Лацис М.Я. (Судрабс). Два года борьбы на внутреннем фронте. Популярный обзор двухгодичной деятельности чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. М.: Госиздат, 1920.
110. Лацис М.Я. (Судрабс). Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М., 1921.
111. Леонов С.В. Государственная безопасность советской республики в пору Октябрьской революции и гражданской войны (1917–1922 гг.). – Государственная безопасность России: История и современность. М., 2004.
112. Леонов С. Дзержинский – Троцкий: кто кого? Борьба за контрразведку. – Родина, 2008, № 12.
113. Леонов С.В. История советских спецслужб 1917–1938 гг. в новейшей историографии (1991–2006). – Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 3. М., 2007.
114. Леонов С.В. К проблеме создания Особого отдела ВЧК. – Исторические чтения на Лубянке. 2007 год. М., 2008.
115. Леонов С.В. Реорганизация ВЧК в ГПУ. – Исторические чтения на Лубянке. 1999 год. Отечественные спецслужбы в 1920–1930-х годах. М.–Великий Новгород, 2000.
116. Леонов С.В. Рождение советской империи: государство и идеология 1917–1922 гг. М.: Диалог-МГУ, 1997.
117. Леонов С.В. Создание ВЧК: новый взгляд. – Исторические чтения на Лубянке. 1998 год. Российские спецслужбы на переломе эпох: конец XIX века – 1922 год. М.–Великий Новгород, 1999.
118. Леонов С.В. Создание и реорганизация ВЧК. – Исторические чтения на Лубянке: 1997–2008. М., 2008.
119. Леонтьев Я. Первый заместитель Дзержинского. – Военно-исторический архив, 2008, № 10 (94).
120. Леонтьев Я. В. «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и ее литературные попутчики. М.: АИРО-XXI, 2007.
121. Леонтьев Я. Чубайс выиграл суд у журналиста. Журналист получил срок. – Неделя, 1998, № 27.
122. Линдер И.Б., Чуркин С.А. Диверсанты. Легенда Лубянки – Яков Серебрянский. М.: РИПОЛ классик, 2011.

123. Линдер И.Б., Чуркин С.А. История специальных служб России XX–XXI веков. М.: РИПОЛ классик, 2005.
124. Литвин А.Л. ВЧК в советской исторической литературе. – Вопросы истории, 1986, № 5.
125. Литвин А.Л. «Дело сдать в архив...» Казань: Татарское книжное издательство, 1986.
126. Литвин А. За кулисами «Красной книги». ВЧК в современной исторической литературе. – Родина, 2007, № 12.
127. Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М.: Эксмо, Яуза, 2004.
128. Литвин А.Л. От анархо-коммунизма к ГУЛАГУ: к биографии Генриха Ягоды. – 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998.
129. Литвин А.Л., Панюков В.Н., Титов Л.Н. Защищая революцию. (Чекисты Татарии в первые годы советской власти. 1917–1922). Казань: Татарское книжное издательство, 1980.
130. Лосев И. ОГПУ против Скотланд-Ярда. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб., 2005.
131. Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки. М.: Изд-во объединения «Мосгорархив», АО «Московские учебники и Картолитография», 1999.
132. Маймескулов Л.Н., Рогожин А.И., Сташис В.В. Всеукраинская Чрезвычайная комиссия. 1918–1922. Харьков: Основа, 1990.
133. Макаревич Э. Профессиональная хватка ВЧК или история о том, как бывший начальник отдельного корпуса жандармов генерал Джунковский помог чекистам организовать работу. – Диалог, 1998, № 2.
134. Макаревич Э. Яков Агранов – чекист, пришедший к интеллигентам. – Диалог, 2000, № 7.
135. Макаров В. ВЧК: первые пять лет. – Родина, 2007, № 12.
136. Малицкий А. Чека и ГПУ. Харьков: Путь просвещения, 1923.
137. Мардамшин Р.Р. Башкирская чрезвычайная комиссия (страницы истории). Уфа: Китан, 1999.
138. Мельгунов С.П. Красный террор в России. 1918–1923. М.: СП «Рiисо», P.S., 1990.
139. Мельник А. «Самогон, яичница, шомпола и угроза оружием». ВЧК-ОГПУ и РКП(б) в Смоленской губернии в годы нэпа. – Родина, 2011, № 12.
140. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
141. Млечин Л.М. КГБ. Председатели органов госбезопасности. Рассекреченные судьбы. М.: Центрополиграф, 2001.
142. Мозохин О.Б. ВЧК-ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. М.: Яуза, Эксмо, 2004.

143. Мозохин О.Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ СССР (1918–1953). М.: Кучково поле, 2011.
144. Назаров М. За кулисами «русской» революции. – Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция. М.: Русская идея, 2005.
145. На страже границ Отечества. История пограничной службы. Краткий очерк. М.: Граница, 1998.
146. Недава И. Вечный комиссар. М.: Корунд, 1991.
147. Не жалея жизни. Алма-Ата: Казахстан, 1977.
148. Некрасов В.Ф. На страже интересов Советского государства. История строительства войск ВЧК-ОГПУ-НКВД-МВД. М.: Воениздат, 1983.
149. Некрасов В.Ф. Тринадцать «железных» наркомов: Художественно-документальное повествование. М.: Версты, Государственная фирма «Полиграфресурсы», 1995.
150. Нет чести выше... Статьи, очерки и зарисовки об ивановских чекистах. Ярославль: Верхне-Волжское книжное изд-во, 1987.
151. Нечипоренко О.М. Жизнь в конспирации. М.: Кучково поле, 2011.
152. Новоселов Д.С. Кризис ВЧК в конце 1918 – начале 1919 года. – Отечественная история, 2005, № 6.
153. Новоселов Д.С. О судьбе чекиста Мартина Лациса (1921–1938). – Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 4. М., 2008.
154. Олех Г.Л. Кровные узы: РКП(б) и ЧК/ ГПУ в первой половине 1920-х годов: механизм взаимоотношений. Новосибирск: НГАВТ, 1999.
155. Остряков С. Военные чекисты. М.: Воениздат, 1979.
156. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 2: 1917–1933 годы. М.: Международные отношения, 1997.
157. Павлов Б.В. Термин «диктатура партии» и его употребление в 1918–1924 гг. – Российская история XX века: проблемы науки и образования. Материалы научной конференции. М.: МПГУ, 2004.
158. Павлов Д.Б. Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х годов. М.: Роспэн, 1999.
159. Павлюченков С.А. «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М.: Собрание, 2008.
160. Павлюченков С.А. Экономический либерализм в пределах политического монополизма. – Россия неповская. М.: Новый хронограф, 2002.
161. Папчинский А.А., Тумшис М.А. Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК. М.: Современник, 2001.
162. Парфенов В. Разгром «левых эсеров» в Москве. М., 1940.

163. Петров М.Н. ВЧК-ОГПУ: первое десятилетие (на материалах Северо-Запада России). Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 1995.
164. Петрушин А. Герой или палач . – Литературная Россия, 12 июня 2009.
165. Петрушин А.А. «Мы не знаем пощады...» Тюмень, 1999.
166. Пластинин В.Н. Коммунист Кедров. Архангельск, 1969.
167. Плеханов А.М. ВЧК-ОГПУ. 1921–1928 гг. М.: X-History, 2003.
168. Плеханов А.М. Дзержинский. Первый чекист России. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007.
169. Поляков А.В. Развитие реформы ВЧК. – Новый исторический вестник, 2002, № 2.
170. Портнов В.П. ВЧК. 1917–1922. М.: Юридическая лит-ра, 1987.
171. Постников Л.А. Краткий очерк истории Высшей школы КГБ СССР им. Ф.Э. Дзержинского. М.: ВШ КГБ, 1990.
172. Провинциальная ЧеКа (сборник статей и материалов). Харьков. Спецвыпуск журнала «Клио», 1994.
173. Профессиональный революционер, чекист, государственный деятель (Манцев В.Н.). – История СССР, М., 1968, № 2.
174. Рабинович А. Большевики и самоубийство левых эсеров. – 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998.
175. Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М.: АИРО-XXI; Новый хронограф, 2007.
176. Рабинович А. Моисей Урицкий: Робеспьер революционного Петрограда. – Отечественная история, 2003, № 1.
177. Радек К. Дзержинский. – Луначарский А.В., Радек К.Б., Троцкий Л.Д. Силуэты: политические портреты. М., 1991.
178. Раевский В.Р. Латышские секции РКП(б). Рига: Лиесма, 1976.
179. Рассказов Л.П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в советском государстве (1917–1941 гг.). Уфа, 1994.
180. Ратьковский И.С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006.
181. Реэнт Ю.А. История правоохранительных органов: полицейские и тюремные структуры России. Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2002.
182. Риекстиньш Я. В авангарде тайной борьбы. Рига: Avots, 1987 (на лат. языке).
183. Романенко В.В. В борьбе с контрреволюцией (Из истории создания чрезвычайных комиссий Поволжья и Урала в 1918–1922 гг.). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985.
184. Рыжиков А.В. Первый председатель Ивано-Вознесенской ГУБЧК В.Н. Наумов. – Исторические чтения на Лубянке. 2004 год. М., 2005.

185. Сафонов В.Н. Неизвестная тайная война, или Особый отдел ВЧК против 2-го отдела Генштаба Польши. – Исторические чтения на Лубянке. 1998 год. М.–В. Новгород, 1999.
186. Седунов А.В. «Отвечая на угрозы из-за кордона». – Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 2. М., 2006.
187. Скоркин К.В. На страже завоеваний Революции. История НКВД-ВЧК-ГГПУ РСФСР. 1917–1923. М.: ВивидАрт, 2011.
188. Скоркин К.В. НКВД РСФСР: 1917–1923. – МВД России: Люди, структура, деятельность. Т. II. М.: Объединенная редакция МВД России, 2008.
189. Скоркин К.В. Обречены проиграть (Власть и оппозиция 1922–1934). М.: ВивидАрт, 2011.
190. Служим Отчизне. М.: Воениздат, 1968.
191. Смирнов Н.Г. Высшие суды революции (Центральные революционные трибуналы. 1918–1922 гг.) М.: Знание, 1990.
192. Смирнов Н.Г. Репрессированное правосудие. М., 2001.
193. Соболева Т.А. История шифровального дела в России. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2002.
194. Солдат революции: Военная и политическая деятельность Ф.Э. Дзержинского. М.: Воениздат, 1987.
195. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. Т. 1. М.: Инком Н.В., 1992.
196. Солженицын А.И. Двести лет вместе. Ч. 2. М.: Русский путь, 2001.
197. Соловьев О.Ф. Современная буржуазная историография о подавлении контрреволюции в Советской России. – Исторический опыт Великого Октября. М., 1975.
198. Софинов П.Г. Карающая рука советского народа: к 25-летию ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1917–1942. М.: Госполитиздат, 1942.
199. Софинов П.Г. Очерки истории Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917–1922). М.: Госполитиздат, 1960.
200. Спреслис А.И. Латышские стрелки на страже завоеваний Октября. 1917–1918 гг. Рига: Зинатне, 1967.
201. Старцев В. И. Очерки по истории петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. М.–Л.: Наука, 1965.
202. Суворов В.П. Тверские анархисты в губернской и уездных ЧК. – Исторические чтения на Лубянке. 2004 год. М., 2005.
203. Суворов М.В. Тверские чекисты и «преступления по должности» (1918–1921 годы). – Вестник Тверского госуниверситета. Сер. «История». 2011. Вып.1.
204. Сулейманов С.И. На страже завоеваний Октября. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1974.
205. Сысоев Н.Г. Жандармы и чекисты. От Бенкендорфа до Ягоды. М.: Вече, 2002.

206. Тарасов И.Д., Зенцова С.П. Петр Иванович Зенцов. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1966.
207. Титов Ю.П. Создание ВЧК, ее правовое положение и деятельность. М.: ВЮЗИ, 1981.
208. Тепляков А.Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М.: АИРО-XXI, 2007.
209. Тепляков А.Г. Опричники Сталина. М., 2009.
210. Тишков А.В. Дзержинский. М.: Молодая гвардия, 1985.
211. Томан Б.А. За свободную Россию, за свободную Латвию. М.: Политиздат, 1975.
212. Тополянский В. Как-то незаслуженно забытым оказался один из главных исполнителей – Яков Петерс, расстрелянный своим же ведомством в 1938 году. – Новая газета, 4 сентября 2008.
213. Трифонов Ю.В. Отблеск костра. Документальная повесть. – Трифонов Ю.В. Исчезновение: Сборник (Отблеск костра, Старик, Исчезновение). М.: Московский рабочий, 1988.
214. Трукан Г.А. Рабочий класс в борьбе за победу и упрочение советской власти. М., 1975.
215. Тумшис М.А. 1937. Большая чистка. НКВД против ЧК. М.: Яуза, Эксмо, 2009.
216. Уралов С.Г. Моисей Урицкий. Биографический очерк. Л.: Красная газета, 1929.
217. Хацкевич А.Ф. Солдат великих боев. Жизнь и деятельность Ф.Э. Дзержинского. Минск: Наука и техника, 1970.
218. Хитрово Л.К. С.А. Гарин (Гарфильд). – Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1. М., 1989.
219. Хлобустов О.М. Госбезопасность России от Александра I до Путина. М.: Ин-фолио, 2007.
220. Чанцев А.В. С.А. Басов-Верхоянцев. – Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1. М., 1989.
221. Чекисты: История в лицах. М.: Кучково поле, 2008.
222. Чекисты. Сборник. Л.: Лениздат, 1967.
223. Чекисты. Сборник. М.: Мол. гвардия, 1970.
224. Чекисты: Сборник. М.: Мол. гвардия, 1987.
225. Чекисты Башкирии. Очерки, статьи, воспоминания. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1967.
226. Чекисты Дона: Очерки. Ростов н/Д, 1980.
227. Чекисты Татарии. Казань, 1990.
228. Чигиринский Б.М. Руководство органами ВЧК-ГПУ в период разгрома внутренней контрреволюции начала 20-х годов. – Партийные организации Нижнего Поволжья в борьбе за социализм. Волгоград, 1975.
229. Чудакова М.С. Органы госбезопасности России: сравнительный анализ деятельности. – Вестник Томского государственного университета, 2007, № 304.

230. Чудакова М.С. проблемы становления региональных органов госбезопасности России (1917–1922 гг.). – Известия Алтайского госуниверситета, 2007, № 4/3.
231. Шаповал Ю. І., Золотарьов В.А. Всеволод Балицкий. Особа, час, отточення. Київ: Стило, 2002.
232. Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьов В. ЧК-ГПУ-НКВД в Україні: особи, факти, документи. Київ: Абрис, 1997.
233. Шишкин В.И. Енисейской губернская чека в 1920 году: дела и нравы. – Гуманитарные науки в Сибири. Сер. «Отеч. история», 1994, № 2.
234. Шкляев И.Н. История Одесской губЧК. 1917–1922 гг. Одесса: Студия «Негоциант», 2002.
235. Шляхами чекістської доли: Збірник. Київ: Політвидав України, 1988.
236. Шмыров Н.П. Степан Ковылкин. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1987.
237. Штейнберг В.А. Екаб Петерс. М.: Политиздат, 1989.
238. Штутман С.М. Боевой отряд защиты революции (Из истории строительства внутренних войск. 1918–1920 гг.). М., 1984.
239. Штутман С.М. Боевой отряд охраны революции (Из истории внутренних войск Советской республики [1918–1920 гг.]). М.: Издательство ДОСААФ СССР, 1989.
240. Шульгин В.В. «Что нам в них не нравится...»: Об антисемитизме в России. СПб.: Хорс, 1992.
241. Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М.: Nota Bene, 1992.
242. Andrew C. and Mitrokhin V. The Mitrokhin Archive. The KGB in Europe and the West. London, 1999.
243. Dziak J. Chekisty. A history of the KGB. Lexington Books. Toronto, 1988.
244. Gerson L.D. The Secret Police in Lenin's Russia. Philadelphia: Temple University Press, 1976.
245. Knight W. The KGB, police and politics in the Soviet Union. Boston: Unwin HYMAN, 1990.
246. Leggett G. The Cheka: Lenin's political police. The All-Russian Extraordinary Commission for Combating Counter-Revolution & Sabotage (December 1917 to February 1922). Oxford: Clarendon Press, 1981.
247. Parrish M. Soviet Security and intelligence organizations, 1917–1990: A biblogr. dictionary and review of literature in English. N.Y.: Greenwood Press, 1992.
248. Yost G. The KGB: The Russ. Secret police from the days of the czars to the present. N.Y.–Oxford: Factsonfile, 1989.

II. Диссертации, авторефераты и депонированные рукописи

1. Васильченко Э.А. Партийное руководство деятельностью специальных органов по борьбе с контрреволюцией Дальневосточной республики (1920–1922 гг.). Дисс... к.и.н. Свердловск, 1978.
2. Голиченко В.Д. Коммунистическая партия – организатор и руководитель Всеукраинской чрезвычайной комиссии (ВУЧК). 1918–1922 гг. Дисс... к.и.н. Киев, 1962.
3. Данилов А.Ю. Местные чрезвычайные комиссии в 1918–1922 гг. (на материалах Ярославской и Рыбинской губерний). Дисс... к.и.н. Ярославль, 1999.
4. Дунаева А.Ю. В.Ф. Джунковский: Политические взгляды и государственная деятельность (конец XIX – начало XX в.). Автореф. дисс... к.и.н. М., 2010.
5. Иванов А.А. Контрразведка в системе военного управления противоборствующих сторон в условиях Гражданской войны (На материалах Европейского Севера России в 1918–1920 гг.). Автореф. дисс... к.и.н. СПб., 2010.
6. Капчинский О.И. ВЧК: организационная структура и кадровый состав. 1917–1922 гг. Дисс... к.и.н. М., 2005.
7. Клименко В.А. Борьба пролетарского государства с контрреволюцией в советском тылу в 1918–1920 годы (исторический опыт на материалах Москвы). Дисс... д.и.н. М., 1988.
8. Клименко В.А. Борьба с контрреволюцией в Москве (октябрь 1918 – июль 1918 г.). Дисс... к.и.н. М., 1970.
9. Кобелева Е.А. Место и роль органов ЧК в процессе становления Советского государства. 1918 – начало 1922 г. (На материалах Пермского Прикамья): Дисс... к.и.н. Пермь, 2005.
10. Лебедев А.Г. Подбор, расстановка и воспитание кадров чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности (1918–1922 гг.) (На материалах организаций РКП[б] Калужской и Тульской губерний). Калуга: Калужский гос. пед. Институт им. К.Э. Циолковского, 1980. Рукопись депон. в ИНИОН РАН.
11. Лебедев А.Г. Руководство коммунистической партией органами ВЧК. 1918–1920 (на материалах партийных организаций Калужской и Тульской губерний). Тула, 1981. Автореф. дисс... к.и.н. Тула, 1981.
12. Майданов И.И. Коммунистическая партия – организатор и руководитель чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией (1917–1921 гг.). На материалах Белорусской ССР. Дисс... к.и.н. М., 1977.
13. Майданов И.И. Органы государственной безопасности в 20-х годах: на материалах БССР. Дисс... д-ра ист. наук. М., 1994.

14. Мардамшин Р.Р. История Башкирской чрезвычайной комиссии (1917–1922 гг.). Дисс... к.и.н. Уфа, 1995.
15. Ненин А.Е. Подбор и расстановка чекистских кадров руководящих кадров наркомата внутренних дел и ВЧК. 1917–1920. Горький: Горьковский политех. ин-т, 1990. Рукопись депон. в ИНИОН РАН.
16. Петров М.Н. Формирование и деятельность органов ВЧК-ОГПУ. 1917 – середина 1920-х гг. (на материалах Северо-Запада России). Дисс... д-ра ист. наук. Новгород., 1995.
17. Пластинин В.Н. Революционная, военная и партийно-государственная деятельность М.С. Кедрова. Автореф. дисс... к.и.н. Воронеж, 1967.
18. Плеханов А.М. Деятельность органов ВЧК-ОГПУ в первой половине двадцатых годов (1921–1925). М., 1995.
19. Рассказов Л.П. ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД в механизме формирования и функционирования политической системы советского общества, 1917–1941 гг. Дисс... д-ра ист. наук. СПб., 1994.
20. Ратьковский И.С. Всероссийская Чрезвычайная комиссия и политика красного террора в Советской России в 1918 г. Дисс... к.и.н. СПб., 1995.
21. Романенко В.В. Создание, развитие и деятельность органов ЧК и внутренних войск Советской республики в Среднем Поволжье и Приуралье в 1918–1922 гг. Куйбышев, 1977.
22. Санковская О.М. Формирование кадров Всероссийской чрезвычайной комиссии, 1917–1922 гг. (На материалах центрального аппарата ВЧК). Автореф. дисс... к.и.н. Архангельск, 2004.
23. Свиридов Г.А. Становление и деятельность территориальных органов государственной безопасности 1918–1941 гг. (на примере Курского региона). Автореф. дисс... к.и.н. Курск, 2006.
24. Сеньюшкин В.В. Руководство Коммунистической партией органами ЧК в период гражданской войны и иностранной интервенции (по материалам Юга Украины. Янв. 1918 – февр. 1922 г.). Дисс... к.и.н. Одесса, 1967.
25. Степанов О.Н. Коммунистическая партия – организатор и руководитель Петроградской ЧК в период иностранной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.). Дисс... канд. ист. наук. Л., 1983.
26. Сулейманов С.И. Руководство Коммунистической партией органами госбезопасности Дагестана в 1920–1925 гг. Дисс... к.и.н. Махачкала, 1974.
27. Чупринова Т.А. Чрезвычайные формы регулирования хозяйственно-экономической жизни Советской России в годы гражданской войны (по материалам ВЧК). Автореф. дисс... к.и.н. М., 2009.

28. Patterson M.J. Moscow Chekists during the Civil War, 1918–1921. Simon Fraser University, 1991.

III. Справочные и энциклопедические издания

1. Аникеев В.В. Деятельность ЦК РКП(б) в 1918–1919 годах (хроника событий). М.: Мысль, 1976.
2. Аникеев В.В. Деятельность ЦК РСДРП(б) – РКП(б) в 1917 – 1918 годах (хроника событий). М.: Мысль, 1974.
3. Асабин Е.П. Под знаменем революции. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1991.
4. Буяков А.М. Ведомственные награды ВЧК-НКВД (1922–1940). Ч. I. Ведомственные награды ВЧК-ОГПУ (1922–1932). Владивосток: Информационно-рекламное агентство «Комсомолка ДВ», 2002; ч. II. Ведомственные награды ОГПУ-НКВД. 1932–1940. Владивосток: Русский остров, 2008.
5. Великая Октябрьская социалистическая революция: энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1987.
6. Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1987.
7. Деятели СССР и революционного движения России: энциклопедический словарь Гранат. М.: Сов. энцикл., 1989.
8. История внутренних войск. Хроника событий (1811–1991). М.: ЦА ВВ, 1995.
9. Колпакиди А.И., Серяков М.Л. Щит и меч. Руководители органов государственной безопасности Московской Руси, Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации. СПб.: Нева; М.: Олма-Пресс Образование, 2002.
10. Красная Москва: 1917–1920. М.: Издание Московского совета, 1920.
11. Кулеш А.Р., Пименов Л.В., Валаханович И.А. Руководители органов государственной безопасности Белоруси. Краткий биографический справочник. Минск: Беларуская энцыклапедыя, 1997.
12. В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 5–12. М.: Политиздат, 1975–1982.
13. Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник. Составители Кокурин А.И. Петров Н.В. М.: МФД, 2003.
14. Лурье В.М., Кочик В.Я. ГРУ: дела и люди. СПб.–М., 2002.
15. Малая энциклопедия Латвийской ССР. В 3-х тт. Рига, 1967–1970 (на лат. языке).
16. МВД России. Энциклопедия. М.: Объединенная редакция МВД России, Олма-ПРЕСС, 2002.
17. Музалевский М.М. Почетные чекисты (1923–1932). Т. 1–2. М.: РИЦ, Кавалер, 2009.

18. Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. М.: Звенья, 1999.
19. Пограничная служба России: Энциклопедия. Биографии. М.: Ассоциация «Военная книга», Кучково поле, ПНИЦ ФСБ России, 2008.
20. Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М.: Большая Рос. энциклопедия, 1993.
21. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М.: Роспэн, 1996.
22. Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М: Роспэн, 2008.
23. Российская еврейская энциклопедия. В 3-х тт. М.: РАЕН, Эпос, 1994–1997.
24. Седов В.Ф., Степанов О.Н. Руководители Санкт-Петербургского Управления безопасности. 1918–1996. СПб., 1996.
25. Скоркин К.В. На страже завоеваний Революции. Местные органы НКВД-ВЧК-ГПУ РСФСР. 1917–1923: Справочник. М.: ВивидАрт, 2010.
26. Соратники. Биографии активных участников революционного движения в Москве и Московской области. М.: Московский рабочий, 1985.
27. Справочник партийного работника. Вып. 2. М.: Издательское отделение ЦК РКП, 1922.
28. Справочник центр. и местных учреждений РСФСР, парт. орг-ций и проф. союзов. На 22 января 1920 г. М.: ВЦИК, Справочный отдел, 1920.
29. Тартаковский Ж. Руководство СССР (1917–1991) (Справочник в 2-х тт.). Т. 2. Кто был кто в СССР. Тель-Авив–М., 2002.
30. Тумшис М.А., Золотарев В.А. Евреи в НКВД СССР. 1936–1938 гг. Опыт биографического словаря. Самара, 2012.
31. Штутман С.М. Внутренние войска: история в лицах. М.: Газо-ил пресс, 2004.
32. Ksiega polakow uczestnikow Rewolucji pazdziuenikowej 1917–1920. Biografie. Warszawa: Ksiazkal Wiedza, 1967.
33. Słownik biograficzny działaczy polskiego ruchu robotniczego. Warszawa: Ksiazkal Wiedza, 1985–1987. Т. 1–2.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абакумов В.С. 5
Аббакумов 65
Абезгауз Д.М. 206
Аблесимов 113
Абрамов 302
Абрамович (Рейн) Р.А. 215
Аванесов В.А. (Мартirosян С.К.) 4, 97, 110–111, 120, 153, 157, 184, 196, 260, 265
Авен Я.Я. 328
Авенек 283
Аверин В.К. 45–47, 49–50
Авотин Я.Ю. 231
Агранов Я.С.(Ш.) 110, 125, 190, 208, 269, 348
Акимов Ф.Г. 297–298, 307, 314
Аксельрод А.Е. 45
Алгасов (Бурдаков) В.А. 48, 76, 151
Александров 54
Александрович В.А. (Дмитриевский П.А.) 4, 22, 47–48, 51, 57, 64, 66, 73, 76, 78–82, 148–150, 155, 160, 180, 233, 235, 250, 326
Алексеев Н.Н. 26, 48, 204–205
Алешковский Д.Г. 330
Алиев М. 224
Алленов 82–83
Альпов А.П. 113, 184, 333
Андреева-Горбунова (урожд. Ашихмина) А.А. 207
Андропов Ю.В. 5
Аникеев В.В. 168
Аносов В. 327
Антонов А. 69, 83, 88
Антонов В.С. 163
Антонов (Герман) М.Д. 49
Апетер И.А. 123, 128, 131, 135, 140, 189, 271
Аплок Ю.Ю. 198, 264
Аралов С.И. 108–109
Аргунов А.А. 29–30
Арефьев 49
Аронсон Г.Я. 214, 249
Аросев А.Я. 52, 89
Артишевский В.В. 51–52, 54, 77, 150, 174, 180, 235, 326
Артузов (Фраучи) А.Х. 109–110, 186
Асабин Е.П. 42
Атарбеков (Атарбекян) Г.А. 110, 213
Аустринь А.И. 255
Аустринь Р.И. 255
Ашмарин (Архамович) В.Ф. 137
Баевский А.М. 136
Байковский С.А. 202
Балашев Н.П. 112–113
Балицкий В.А. 106, 258, 264
Барда П.А. 109
Баренбойм М.Г. 264
Бари В.А. 177
Бартошевич К.М. 138
Баскаков П.Т. 297–298, 307, 313
Басов-Верхоянцев С.А. 202
Батманов К.А. 199
Батулин П.В. 42, 100
Баумгарт М.Р. 173, 243
Безруков 285
Бейлин А.Г. 245
Беленький А.Я.(Х). 28, 65, 89, 100, 108, 118, 153, 167, 184, 193, 244, 155–256
Белобородов И.П. 228, 292–293, 295, 304
Белов А.О. 100, 256
Беляев В.Ф. 188

- Бениславская Г.А. 117
 Бениславский А.К. 117
 Бердичевский Б.А. 105–106, 264
 Березин А.Я. 54
 Березин И.Д. 298, 307, 314
 Березин П.Я.(А.) 342–343
 Березин Ф.Я. 42
 Березин Я.Д. 22, 30–31, 122, 270
 Берзин Е.Л. 252
 Берзин П.М. 259
 Берзин Р.Ф. 173
 Берзин Э.П. 31
 Берзин Я.К. (Кюзис П.И.) 30–31
 Берия Л.П. 4–5
 Беседов И.М. 259
 Бизне Ю.Ф. 116
 Битенек А.Г. 100, 256
 Благоднаров Г.И. 139, 271, 280, 331
 Блок А.А. 202
 Блюмкин Я.Г. 56–58, 71, 158, 160, 205–206, 235
 Богданов М.А. 235
 Боднек Р.И. 106, 264
 Бокий Г.И. 4, 10, 134, 139, 186, 196, 271
 Болеросов М.И. 257
 Бонч-Бруевич В.Д. 45, 53, 166
 Борисов А.В. 173
 Борман А.А. 93
 Бортновский Б.Б. 136–137, 191
 Борщевский А.С. 283, 290
 Борщевский В.Л. 51, 100
 Боярский С.Р. 106
 Брагинский Л.М. 26, 123, 173–174, 189, 203, 266, 269–270
 Браже Л.А. 238
 Бредис К.Ю. 251
 Бредис Ф.А. 60–61, 249–250
 Бренер М.В. 106, 124, 264
 Брик (урожд. Каган) Л.Ю. 344–345
 Брик О.М. 344–348
 Брут М. 174
 Бруцкус Б.Д. 221
 Будницкий О.В. 16
 Буйкис Я.Я. 59–61, 231
 Буков К.И. 321
 Буланов И.П. 297–298, 307, 314
 Булле Ф.Х. 129, 265
 Буркгард И.И. 174
 Бурцев И.А. 60
 Бустрем В.В. 323
 Бустрем Ю.В. 42, 323
 Буяков А.М. 35
 Бялогородский Я.А. 73, 170, 173, 227–228
 Вайсберт С.В. 232
 Ваксберг А.И. 344–345
 Вaleyчик П.Л. 124
 Валескалн П.Я. 100, 103–105, 118, 123, 284, 291, 193, 304, 323–324
 Валоубуев К.М. 4, 27, 72, 96, 102–103, 184, 255, 260, 279, 331
 Валуженич А.В. 345
 Вардин И.В. (Мгеладзе) 191
 Васильев (Южин) М.И. 97
 Васильевский В.Н. 46
 Вевер Э.Я. 234
 Вейс К.И. 100, 119, 256, 259, 271, 332
 Веледницкий А.И. 270
 Велидов А.С. 8, 20, 151, 182, 206, 246
 Великовский М.М. 126, 269
 Венгеров М.А.(С.) 54, 80, 177–178
 Вербов А.А. 126
 Визнер И.А. 64–65, 83, 100, 210, 217, 227, 229, 240, 256
 Виленкин А.(Ю.)А. 249–250
 Вилистер П.М. 106
 Вильнераг В.С. 73, 331
 Виноградов В.К. 26, 61–63

- Витлицкий В.И. 106, 264
Владимиров-Штримпфер М.Г. 65, 150, 161, 180, 235, 326–327
Войтиков С.С. 22, 42, 100, 108
Волков В.Д. 47, 149–151, 180, 235
Волкова 286
Волкова Г.В. 9
Волленберг Н.Л. 253
Вороницкий В.Г. 174, 250, 329
Воронов В.Ю. 42
Воронский А.К. 191
Воронцов Г.Б. 167
Ворошилов К.Е. 150–151
Врангель 94
- Гадло И.М. 63, 113, 260
Гайле В.А. 54
Гайлит В.И. 109
Галкин А.В. 151, 292
Гальперштейн Н.Е. 49, 54, 341
Ганецкий (Фюрстенберг) Я.С. 114
Гарин (Гарфильд) С.А. 98–99, 105, 184, 256
Гарфилд 256
Гарш В.Д. 75, 171, 227, 332
Геликман 249
Генкин Я.М. 124, 188
Герсон В.Л. 15, 193, 260
Герсон Л. 12
Гершенберг 306, 321
Гжельщак Ф.Я. 5, 47, 150–151, 180, 235, 241
Гилев Ф.С. 113
Гимпельсон Е.Г. 17–18
Гиршфельдт Р.Б. 75, 201
Глебов-Авилов Н.П. 45
Глейтнер А.Ф. 100, 256
Глузман А.Г. 295–296, 302, 304, 324–325, 247
Гоба Ф.П. 106, 264
Гобов К.С. 66, 113
Голинков Д.Л. 9
- Гольдинфудин (Гольдин-Фудин) А.И. 100, 256
Гониодский И.А. 257
Гончаров В.А. 35
Горб (Розман) М.С. 26, 204–205
Горбатов Ф.В. 54, 167
Горбунцев А.Н. 68–69
Гордон (Шайкес) А.Г. 189
Горожанин (Гамбург) В.М. 26
Горький (Пешков) А.М. 156, 176
Гостимиров Х. 224
Готье Ю.В. 210
Гравин Н.А. 232
Гразкин Д.И. 63, 67, 167
Григорьев 54
Григорьев Е. 343
Грипис М.К. 234
Грикман Т.К. 92, 127
Гринблат Н.С. 268
Гринштейн М.Л. 106, 257
Грицман Я.П. 231, 252
Гриш В.Г. 63, 76–77, 151, 235
Гришин (см. Гриш В.Г.)
Гришнят А.С. 99
Гришнят К.С. 99
Губерман 296–298, 304, 322
Гудзь Б.И. 42
Гузик И.Я. 129
Гукало И.К. 50, 54
Гульбис Я. 330
Гумилев Н.С. 269
Гуркин М.Н. 64–65, 73, 77, 149–150, 152, 180, 235
Гусев С.Ф. 100, 254
- Дабол Я.М. 54, 73, 217, 227, 331
Давтян Я.Х. 127–131, 134, 265
Давыдов Я.Х. (см. Давтян Я.Х.)
Дальдер А.Я. 100, 256
Дамберг (Дамкумкалн) А.Э. 301
Данилов А.Ю. 18
Даниловский И.К. 63, 91, 112–113

- Девингталь Ю.Ф. 106, 264
 Дейч М.А. 6, 32, 99, 106, 184, 264, 333, 341
 Дейч Я.А. 6
 Делафар (Де Ла Фар, Де Лафар, Лафар) Г.Г. 49, 64, 147, 149–150, 240
 Деникин А.И. 118, 126, 144, 260
 Дерибас Т.Д. 188
 Джугашвили (см. Сталин И.В.)
 Джунковский В.Ф. 209
 Дзержинский Ф.Э. 4–6, 10, 12, 19, 21, 27–30, 32–33, 38, 45–48, 50, 52–54, 56–59, 64, 66, 70–71, 73, 76, 78–81, 88, 90, 96, 98, 102, 110–112, 114, 116, 188–122, 124, 126–131, 133–134, 137–140, 146–150, 152–153, 155–164, 166, 169, 176–179, 181–182, 184–185, 190–191, 193–196, 199, 203, 207, 214, 233, 235–242, 248–253, 257, 260, 262–263, 265–266, 271–272, 277–278, 320, 326–327, 331–332, 334, 338–339, 341
 Дмитриевский С.В. 29–30, 208, 263
 Добржинский 283–284
 Добржинский И.И. 262–263
 Добрынин 50
 Добряков 113
 Догадов А.И. 133
 Додзин М.А. 173–174, 201, 235
 Долман К.Я. 50, 169, 234
 Дорогова А.П. 63, 88, 331
 Дрейцер-Залетный С.Л. 283
 Дроздов 66
 Другов Ф.П. 22, 36, 47–49, 51, 54, 73, 118, 147–148, 150, 259
 Дукат О.А. 106
 Дукис К.Я. 271
 Дунаева А.Ю. 209
 Дунц А.А. 259
 Дьяков Т.М. 253
 Дьяконов А.М. 133, 150, 180, 235, 300, 302
 Евдокимов Г.Е. 14
 Евдокимов Е.Г. 14, 258
 Евсеев Д.Г. 46–48, 50–51, 55, 62–63, 73, 76–77, 146, 148–150, 180, 210, 217, 235, 250
 Егорова Е.Н. (Лепинь М.Э.) 186
 Ежов Н.И. 5
 Емельянов М.Ф. 73–74, 77, 148–150, 155, 180, 235, 237, 326, 342
 Есенин С.А. 117, 347
 Жариков 129
 Жербин М. 50
 Живаго М.И. 28
 Жиделев Н.А. 45–47
 Жилинский-Шталь Я.Г. 230
 Житомирский Д.И. 220
 Жуков И.П. 4, 90, 96, 107, 113, 116, 119, 183–184, 260, 280, 331
 Забельский А.Я. 227
 Забельский В.Я. 55, 66, 227, 234
 Загорский (Лубоцкий) В.М. 302–303
 Зазубрин (Зубцов) В.Я. 212
 Зайцев 63
 Закис Я.Я. 55, 61, 63, 153, 159–160, 168–169, 217, 227, 234, 292, 295, 330
 Заковский Л.М. (Штубис Г.Э.) 53, 70, 73, 100, 233–234, 256, 326, 333
 Закс Г.Д. 4, 54, 64, 68, 70, 76–77, 148, 150, 152, 175, 180, 205, 235, 237
 Залин Л.Б. (Левин З.М.) 132
 Залуцкий П.А. 136, 200
 Заноза (Строганов) И.В. 82, 161

- Западный (Кессельман) С.И. 258
- Запорожец (Гарькавый) И.В. 26, 204
- Запорожец Н.И. 42
- Зарин Р.А. 256
- Зарх 249
- Заславский Д.И. 28–29
- Захаров-Мейер Л.Н. 20
- Збруев В.А. 347–348
- Зведре О.Ю. 233
- Зданович А.А. 19, 60, 80, 109–110, 250
- Землячка (Залкинд) Р.С. 21, 340
- Зензинов В.М. 204
- Зиксте Э.К. 330
- Зильбер Р.М. 173
- Зильберман Л.Л. 106, 264
- Зильберман К.С. 113, 129, 260, 265
- Зименков 113
- Зимин Н.Н. 4, 114–115, 120, 139, 196, 265, 331
- Зинде М.М. 220
- Зиновьев Г.Е. (Радомысльский Е.А.) 156, 336
- Золотарев В.А. 35
- Зорин И. 109
- Зоссен И.В. 100
- Зыбин И.А. 208
- Иваненко 54
- Иванов Г.М. 100, 105–106, 256, 264
- Иванов Д.М. 334
- Иванов М.Я. 106, 264
- Иванов-Разумник Р.В. 202, 232
- Ивановский В.Я. 65
- Игнатъев А.Д. 100
- Игнатъев И.В. 256
- Ильин И.И. 47–50, 73, 77, 146, 148, 150, 155, 180, 235
- Ирошников М.П. 9, 20, 82
- Ихновский М.К. 4, 28, 65, 91, 99, 116–117, 119, 132–134, 181, 194, 227–228
- Каганович Л.М. 257
- Кадомцев Э.С. 186
- Кадушин И.А. 100
- Казakov И.П. 129
- Кайдановский Е.Е. 264
- Калинин Н.И. 125
- Каменев (Розенфельд) Л.Б. 6, 288–291, 303–304, 306, 315
- Каменецкая Р.С. 106, 264
- Каменщиков В.В. 72, 150, 180, 235
- Каминский И.И. 176
- Камков (Кац) Б.Д. 160
- Камо (Тер-Петросян С.А.) 302
- Капаля М.В. 173
- Каплан Ф.Ф. 167
- Каплун С. 116
- Карелин В.А. 160
- Карлсон К.М. 99, 105–106, 154, 258, 264, 328
- Карпинский В.А. 192
- Карпов В.Н. 163
- Карповиц Э.И. 69, 181, 227
- Каррьер А. 117
- Катанян В.В. 344
- Катанян Р.П. 128–129, 265
- Каузов А.И. 33, 100, 256
- Кацнельсон З.Б. 181, 280
- Каширин М.М. 100, 118
- Кедров М.С. 4, 10, 12, 19, 27, 89, 96, 108–110, 120, 139, 156, 181, 184, 196, 213, 260, 265, 271, 321, 331, 340
- Керенский А.Ф. 174, 204, 295, 305, 309–310, 312–313, 322
- Кигурия 250–251
- Кизильштейн И.С. 52, 70, 77, 148, 150, 180, 235
- Кикодзе (З.И.?) 54
- Кингисепп В.Э. 56, 62, 153, 217
- Киселев И. 301

- Кияковский (см. Стецкевич В.С.)
 Климов М.Е. 123
 Клышко Н.К. 98
 Клявин Я.Ю. 67, 100, 106, 217, 227
 Клягин А.С. 113
 Ковальский К.И. 172
 Ковылкин С.Т. 4, 10, 97, 113–114, 183, 260, 280, 331
 Коган Е.Б. 220
 Коганский 250
 Кожевников Я.Н. 106, 124, 188, 264
 Кожура В. 54
 Козловский М.Ю. 78–79, 91, 97–99, 117
 Кокорев К.Я. 106
 Кокурин А.И. 34–35, 42
 Колчак А.В. 126, 144
 Комлев А.И. 100
 Конопко Ю.В. 171
 Константинов А.А. 339
 Копыт Ю.С. 171–172
 Корнев В.С. 4, 120, 137, 196, 265
 Коровкин 249
 Коротков С.А. 68–69
 Корчиц И. 302
 Косарев Ф.М. 101–102, 177–178
 Косой 50
 Кочик В.Я. 35
 Кошельков Я. 86–87
 Кравченко В.Ф. 59–61
 Красиков П.А. 241
 Красильщик З.И. 106, 264
 Краузе М.А. 129, 265
 Крауклис Я.К. 252
 Крафт А.А. 106, 264
 Крестинский Н.Н. 204, 261
 Кривош-Неманич В.И. 22, 208
 Кривошеин А.В. 94
 Кричевский Л.Ю. 16, 20, 216, 261
 Кромби Ф. 342
 Крумин К.П. 109
 Крупп 268
 Крупская Н.К. 4
 Крыленко Н.В. 117, 132–134, 167, 194, 320
 Крымов А.И. 189
 Крюковский Ф.Ф. 106, 264
 Ксенофонов (Крайков) И.К. 4, 27–28, 45–48, 50, 73, 76, 89, 96, 99, 120, 130, 139–140, 150, 156, 166, 171–172, 180, 184, 196–197, 235, 252, 260, 265, 271, 283, 292, 326, 331, 339
 Кубецкий 332
 Кудрейко 65
 Кузнеценко В.Н. 207
 Куйбышев В.В. 133
 Кун Б. 21
 Курбатов Н.А. 113
 Кутузов В.А. 11
 Кутузов Ф.Н. 99
 Кутын Н.И. 105–106, 228, 330
 Кушелевская (урожд. Дзержинская) Я.Э. 163
 Кушнер М.Г. 75, 201, 227
 Лазарев Н.М. 63
 Лазариашили 251
 Ландер К.И. 110
 Лапшин М.Я. 61
 Лапшина 153–154, 162
 Ларин Ю. (Лурье М.З.) 219, 249
 Лацис А.И. 92
 Лацис М.Я. (Судрабс Я.Ф.) 3–4, 6, 12, 36, 44, 55, 57, 62, 77, 89, 92, 96, 102, 104–108, 119–120, 139, 145, 150–152, 155–157, 176–177, 180, 184, 187, 196, 235–236, 240, 242–243, 249, 257, 260, 264–265, 271, 325, 327–328, 331–332
 Лашков К.И. 55, 60
 Лебедев А.Г. 10
 Лебедев А.П. 100, 256
 Лебедев В.Т. 63

- Лебедев С.Н. 63
 Левин Г.А. 127, 172, 279
 Левитан Г.Н. 76, 227, 244, 338–339
 Леггетт Дж. 12–15, 179, 230, 241
 Ленин (Ульянов) В.И. 6, 9, 25, 32, 38, 44–46, 50, 57–58, 68, 81, 86, 89, 104, 113, 141, 145, 147, 153, 155, 160, 163, 167, 182, 210, 221, 230, 237, 245, 253, 261, 320, 328, 337
 Леонов И.Л. 265
 Леонов С.В. 18, 42–44, 81, 141
 Леонович В.И. 173–174, 235
 Леонтьев Я.В. 35, 42, 281
 Лепинлауск (Лепин-Лауск) Э.Д. 154, 234
 Либерт Ф.М. 101, 228
 Лившиц Я.А. 10
 Лидэ А.М. 76, 158–159, 227, 237, 242
 Линде Э.Э. 88, 217, 227, 231, 234, 329
 Липшиц В.В. 61, 240, 288, 290–292, 295, 324
 Литвин А.Л. 16, 44, 94
 Литвинов (Литвин) И.И. 215
 Логинов Д.И. 100
 Локкарт Р. 31, 243
 Лосев И.В. 230, 335
 Лосев М.Ю. 63
 Лукашин (Срапионян) С.Л. 92, 181, 229, 280
 Лурье А.Я. 122
 Лурье Я.М. 65–66, 122
 Луцкий (Еланский) Г.Е. 129, 265
 Луцкий М.М. 269–270
 Львов А.Ф. 256
 Любимов Д.Н. 94
 Любимов Л.Д. 94
 Люхудзаев М.И. 35
 Ляхин Н.Е. 99, 170, 228
 Магго (Маго) П.И. 259
 Магеровский Д.А. 4, 51–52, 150, 172, 180, 235
 Маздревич Д.Ф. 86–87, 225
 Мазия В.Л. 68, 112–113, 226, 260
 Майданов И.И. 266
 Макаров В. 22
 Маклярский М.(И.)Б. 339
 Малаховский В.М. 100
 Малаховский Ф.М. 106
 Малиновский 49–50
 Малицкий А.Л. 3
 Мальков П.Д. 157, 176
 Мандельштам А.В. 283
 Мандельштам О.Э. 56–57
 Манцев В.Н. 4, 55, 98, 120, 139, 195–196, 204, 234, 258, 260, 265, 271, 331
 Манькин Б.А. 106, 257–258, 264
 Маргилевич А.Н. 113
 Марков 54
 Маркус В. 345
 Мармузов П.К. 133, 194
 Мартынов Ф.Я. 86–87, 100, 256, 258
 Маршан Н.К. 31
 Маршан Р. 31
 Матросов П.П. 74
 Матулевич И.О. 54, 167, 335–337
 Мацкар Я.Я. 264
 Маяковский В.В. 344
 Медведь Ф.Д. 4, 70, 96–97, 118, 120, 139, 184, 196, 260, 265, 271
 Межин Ю.Ю. 31
 Мейер 20
 Мейчик Е.Н. 80
 Меламед Г.М. 229, 333
 Мельгунов С.П. 232, 238
 Мельник А.В. 42, 334
 Мельник Ф.А. 54, 167
 Менгель А.П. 234
 Менжинский В.Р. 4, 10, 12, 45–50, 110–111, 119–120, 122–

- 123, 128, 130, 134, 138, 190,
196, 265, 271
- Мессинг С.А. 4, 139, 196, 265,
271, 324
- Мещеряков Н.Н. 63, 99, 118,
197
- Мидлер П.А. 335
- Мизикин Н.И. 83
- Миклашевский М.Н. 345
- Мильтграм И.В. 130, 268
- Мильтер Ф.И. 100, 342
- Минейко А.А. 49, 335
- Мирбах В. 56, 58, 158, 210
- Миронов Б.Н. 218
- Миронов Г.А. 330
- Мирский Б. 215
- Мовчан В.М. 118
- Могилевский С.Г. 125, 131, 134,
139, 271
- Мозохин О.Б. 22
- Молотов (Скрябин) В.М. 140,
189–190, 194
- Мордвинкин В.Ю. 299, 301
- Мороз Г.С. 4, 28, 32, 63, 67, 90,
96, 99, 101–102, 104, 118,
158, 184, 211, 226–227, 260,
262, 331
- Морозов В.Д. 307
- Морозовы 94
- Мстиславский (Масловский) С.Д.
78
- Муклевич Р.А. 263
- Муравьев М.В. 202
- Муралов Н.И. 53, 305, 343
- Мурнек Г.М. 76, 156, 234
- Мухаметов А. 224
- Мюллер П.А. 66–67, 90, 100,
227, 242, 255, 334
- Назаренко Н.Л. 101
- Назаров В.Н. 107
- Намнек К.Г. 73
- Наумова О.П. 105
- Незлобин К. 284
- Некрасов В.Ф. 11
- Некрасов Ф.С. 116
- Немзер Н.С. 223, 226, 243
- Нестеровский 292
- Нефедьев С.Г. 106, 264
- Низковский М.С. 172
- Николаев В.Н. 117
- Николаев И.Н. 150, 235
- Новгородов 330
- Новгородцева К.Т. 302
- Новоселов Д.С. 21, 42
- Нудельман М.Б. 330–331
- Одинь И.Я. 129
- Озол В.Я. 106, 330
- Оккер 50
- Окулич 282, 290
- Олех Г.Л. 16–17
- Олехно 54
- Ольминский М.С. 211
- Орджоникидзе Г.К. 46
- Орлинский Б.И. (см. Орлов В.Г.)
- Орлов В.Г. 79
- Орлов М.Н. 106, 264
- Осипов 321
- Охотников Я.О. 339
- Очаковский Ю.Я. 33
- Павлов Д.Б. 19
- Павлуновский И.П. 109–111,
119, 186
- Павлюченков С.А. 22, 42
- Паличкевич В.Ф. 54
- Панюшкин В.Л. 52–53, 64, 77,
150, 171, 180, 135, 328–329
- Папанов 223
- Парфенов В. 5
- Патаки Ф.В. 137–138, 279
- Патек С. 201
- Паттерсон М. 13–15, 146, 200
- Пепел Я. 212
- Перельштейн 228
- Перемышленникова Н.М. 26
- Пестковский С.С. 167, 244
- Петерс Я.(Е.)Х. 4, 7, 10, 12–13,
36, 46–48, 60–61, 64, 66, 69,

- 74, 77, 79, 86, 90–91, 96, 120, 139, 150, 153–159, 163–169, 172, 174–175, 178, 180, 184, 196, 211, 233–137, 239–240, 242–243, 246–248, 250, 252–254, 260, 265, 271–272, 277, 283, 288–289, 292, 314, 320, 325–326, 331, 337, 339
- Петерсон К.А. 46–47, 146
- Петров М.Н. 15–16, 168
- Петров Н.В. 34, 42
- Петровский Г.И. 45, 92, 203
- Пече Я.Я. 29
- Пешков М.А. 176
- Пилсудский 262
- Пилявская С.С. 340
- Пилявский С.С. 32, 116, 240, 340
- Пименов 113
- Пинес Х.В. 63, 103, 105–106, 217, 264
- Пинка (Пинкус) А.П. 250
- Пискунов Ю.К. 54, 343
- Плеханов А.А. 27
- Плеханов А.М. 18, 27, 202
- Плотников (Плотник) И.С. 100
- Плятт В.И. 185, 203, 263, 267
- Подвиц 193
- Познанский Я.М. 313
- Покровский М.Н. 345
- Полис Ф.М. 100, 242
- Полукаров И.Н. 47–48, 54–55, 68, 72–73, 76–77, 86, 150, 180, 217, 235, 326–327
- Поляков А.Я. 71, 82
- Понаровский Я.И. 330
- Попов Г.К. 208
- Попов Д.И. 4, 58, 71, 77, 150, 160, 180, 235, 326
- Портнов П. 115, 331
- Потоцкий У. 50
- Предтечный Е.П. 330
- Премыслер С.Е. 220, 250, 342
- Преображенский Е.А. 185, 339
- Привороцкая М.М. 257
- Привороцкий Г.М. 253, 257
- Прокофьев Г.Е. 129–130, 265
- Прокофьева С.Е. 129
- Протасов Л.Г. 35
- Прошьян П.П. 155
- Прудников 113
- Прухняк Э.А. 217, 250
- Пужицкий С. 343
- Пузырев А.И. 64–65, 77, 83, 150, 152, 180, 217, 235, 327
- Пуйсен 236
- Пульяновский И.Ю. 63, 76, 150, 167, 180, 235
- Пупко С.Л. 100, 175–176, 256
- Пусловский 56–57
- Пчелкин Б.И. 100
- Пэрриш М. 15
- Пюкинен У.И. 124
- Пятаков Г.(Ю.)Л. 193
- Пятницкий А.П. 74, 150–151, 235
- Пятницкий (Таршис) И.А. 90
- Рабинович А. 22
- Радек (Собельсон) К.Б. 131, 191, 193, 239
- Раковский Х. (Станчев К.)Г. 203
- Раман А.Я. 74, 169, 227, 234, 237, 254
- Раскольников Ф.Ф. 55–57
- Распутин (Новых) Г.Е. 78
- Рассказов Л.П. 16–17
- Рацен К.А. 329
- Рацен Я.Я. 234, 252
- Реденс С.Ф. 28, 76, 118, 139, 194, 241, 263, 271, 332–333
- Резаусский Л.П. 106, 264
- Ремишевский А.Ю. 124
- Ржевский Б.М. 78–79, 161, 163, 176
- Рогов М.И. 80, 343
- Розе И.Я. 106, 264
- Розенгольц А.П. 32, 114, 129
- Розенталь К.Г. 106
- Розенталь М.Г. 79

- Розенштейн А.Я. 229
 Романов Б.А. 112
 Романовский М.К. 91, 105–106, 119, 181, 210, 228
 Романовский К. 228
 Рославец (урожд. Ланговая) Н.А. 267, 327
 Ротенберг А.И. 32, 54, 101, 217, 220, 250, 327–329
 Роцен Я.П. 106–107, 109, 119, 265
 Рубинштейн Н.Л. 258
 Рубис К.Б. 249
 Рудников 129
 Рутенберг А.А. 74, 277, 234
 Рутенберг Э.П. 74
 Рязанов П.И. 150, 235
- Саблер В.К. 50
 Саблин Ю.В. 64
 Савельева А.В. 192
 Савинков Б.В. 204
 Савинов В.И. 4, 50, 63, 70, 77, 92, 98–99, 101, 104, 118, 150, 160, 171, 180, 235, 260, 285–286, 311, 326
 Самсонов Н.Г. 129, 265
 Самсонов (Бабий) Т.П. 105, 124, 139, 187–188, 190, 207, 271, 279
 Санковская О.М. 19
 Сахновский Р.Н. 339
 Свердлов А.Я. 157
 Свердлов Я.М. 45–46, 152, 156–157, 167, 171, 197, 253, 302
 Световостоков И.Н. 285–287, 289, 292–304, 306–318, 320–324
 Свободин М.Г. 302
 Семашко Н.А. 167
 Семенов С.М. 116
 Семенов Т.Т. 100, 256
 Сенюшкин В.В. 7
- Сергачев 171
 Сердюк П.Е. 113
 Серебряков Л.П. 187
 Серебрянский А.Я. 42
 Серебрянский Я.И. 33, 123, 205–206, 269–270, 280
 Сержант М.К. 100
 Сидоров-Шестеркин П.М. 206–207
 Сидоров П.Ф. 74, 77, 149–150, 175, 180, 235, 326
 Симбирцев И. 22
 Скоринко В.В. 74, 100, 256
 Скоркин К.В. 21, 34, 42, 51
 Скороходов А.К. 156, 336
 Скрабе Ж.Ф. 224
 Скраме И.И. 100, 219, 256
 Скрипник Н.А. 5, 55, 77, 88–89, 152, 180, 234–235, 340, 250, 288–290, 315, 323, 327, 329–330
 Скуйскумбре Л.Ф. 125, 127
 Славатинский А.С. 348
 Слепченко И. 188
 Слюсаренко Ф.И. 63, 112–113, 119, 280, 331
 Смилга И.Т. 261
 Смирнов 65
 Смирнов А.П. 46, 146
 Смирнов В.А. 82
 Смирнов И.Н. 339
 Смирнов М.И. 83
 Смирнов М.Н. 67–69, 91, 113
 Смирнов (Рыбнин) С.А. 73, 343
 Смирнов С.И. 113
 Смирнова А.О. 307
 Смиттен Е.Г. 107, 339–340
 Солженицын А.И. 20, 215, 223, 244
 Соловьев Г.В. 100–101, 256
 Сомов Г.И. 113
 Сонье-Доманский А.С. 200–201, 240
 Сопранцев Г.П. 100

- Сорин (Блувштейн?) И.И. 116–117, 257–258, 333
 Сосновский И.И. (см. Добрянский И.И.)
 Сосновский Л.С. 167, 172, 191
 Софинов П.Г. 6
 Спрадзе А.Я. 63
 Спрогис Я.Я. 59, 217, 231
 Срубов А. 212
 Сталин (Джугашвили) И.В. 5, 45, 50, 110, 261, 302
 Старк Л.Н. 304
 Старцев В.И. 179
 Стасова Е.Д. 187
 Стеклов Ю.М. (Нахамкис О.М.) 191–192, 301
 Стендер М.П. 331
 Степанов В.А. 50
 Степанов О.Н. 11
 Стецкевич В.С. 263
 Стивено 63
 Стражевский Б.И. 307
 Стуков И.Н. 135–136, 152, 191
 Стучка П.И. 56, 117, 119, 160
 Стыра Я.Р. 73
 Стырне В.А. 253
 Субачев В.П. 106, 264
 Сухотин М.С. 328
 Сырцов С.И. 126, 194
 Таланов 113
 Танский М.С. 100
 Тарашкевич И.В. 334
 Тейфельман О.В. 106
 Тепляков А.Г. 22, 42
 Тер-Ваганян В.А. 339
 Тер-Габриэлян С.М. 4, 116–119, 184, 259
 Терентьева А.Н. 54, 74–75, 85
 Терне А. 199
 Титов 54
 Титов Ю.П. 9
 Тихон (в миру Белавин В.И.) 232
 Тишков А.В. 339
 Тобиас 63
 Толстой Л.Н. 328
 Тополянский В. 253
 Травягин Б.И. 100
 Траукман М.А. 232
 Трей П.И. 234
 Трепалов А.М. 54–55, 76, 86–88, 174, 177, 227, 250, 327
 Трилиссер М.А. 131–132
 Трифонов В.А. 46–47, 49, 337
 Трифонов Ю.В. 337
 Троцкий (Бронштейн) Л.Д. 33, 45, 56, 60, 108, 110, 244–245, 261, 280
 Трояновский А.А. 249
 Трубецкой С.Е. 93, 208, 214
 Трукан Г.А. 9
 Трутовский В.Е. 48
 Тумшис М.А. 35
 Тыркова-Вильямс А.В. 93
 Угаров Н.Ф. 132
 Угаров П.И. 172
 Удре Г.Х. 100
 Удрис Э.М. 100, 256
 Ульрих В.В. 336
 Ульман Ф.А. 106
 Уменушкин 283
 Уншлихт И.С. 4, 7, 12, 32, 131, 138, 142, 189–190, 193, 196, 200, 209, 240, 263, 271
 Уралов (Кисляков) С.Г. 4, 96, 104–105, 163, 184, 260, 331
 Урицкий М.С. 4, 12, 22, 48, 51, 79, 162, 245, 327
 Успенская 172
 Успенский 50
 Устинов А.М. 204
 Устинов С.М. 8
 Уткин В.А. 100, 256
 Уточкин Г.И. 106, 235, 264
 Ушаков 214
 Фаберже 219
 Федоров 285

- Фельдман Б.М. 14
 Фельдман В.Д. 14, 109–110, 123, 321–322
 Фельдман И.Д. 14
 Фельдман К.В. 298, 307, 314
 Филиппов А.Ф. 162–163, 176
 Фогель Я.Я. 82, 279, 337–338
 Фомин В.В. 4, 7, 47–49, 63, 67–68, 73, 77, 83, 86, 88–90, 97, 112, 146, 148, 150, 180, 183–184, 217, 235, 260, 280, 326, 331, 338
 Фортунатов В.В. 106, 264
 Франк 283
 Фрейман К.Л. 307
 Френкель 129
 Фрид И.С. 106, 264
 Фридман И.А. 220
 Фрумкин М.И. 249
 Фрунзе 338
 Футорян Б.М. 108

 Хайдин П.И. 343
 Хайконен Х.Ф. 167
 Хвостов А.Н. 78
 Херувимов С.А. 112–113, 184, 333
 Хилл Дж. 230
 Хмельницкий А.И. 320
 Холшевников А.А. 209
 Хржонц Б.Э. 63, 100, 107, 241
 Хрусталев Г.В. 100, 256

 Царев Д.А. 307
 Цвибак С.М. 116, 257
 Целиков Н.Н. 99
 Цивцивадзе И.В. 178, 302, 307, 319–320, 325
 Цимек У.Я. 240

 Чайковская Ф.Д. 106, 264
 Чеботарь М.А. 113
 Чекмазов Н.М. 113
 Черепенников 78
 Черкашин 53–54

 Чернов В.М. 64, 71, 73
 Чернов С.П. 47–48, 77, 150, 169, 180, 235
 Чернолипец 288–289, 291
 Черномордилов Д.А. 192, 269
 Черный (Паниашвили) В.Н. 175, 181, 229, 280
 Чибисов И.Ф. 65, 170
 Чистилин С.С. 100
 Чичинадзе 161
 Чубайс А.Б. 282, 324
 Чубайс А.(Ц.)Б. 283
 Чубайс Б.Ф. 282–288, 290–300, 303–311, 313–314, 316–319, 321–324
 Чубайс М.П. (И.Ф.) 282–283, 285–290, 295–297, 302–306, 314–316, 323
 Чубайс М.Ф. 282
 Чубайс С.Ф. 285, 293, 306
 Чугунихин И.Н. 100, 105, 256
 Чугунихин Ф.Н. 54, 58, 113
 Чугурин И.Д. 4, 91, 96, 99, 112, 183–184, 260, 331
 Чумак П.А. 281–282, 285–286, 293–295, 298–299, 303, 305, 307, 314, 322

 Шамес И.М. 106, 264
 Шамохин А.И. 307
 Шанин А.М. 20
 Шапоан Р.Ф. 265–266
 Шаров В.Ф. 113
 Шатковский В.Л. 106
 Шатковский Л.Л. 106
 Шворина С.А. 63
 Шевара (Шеваро-Войццкий) К.А. 80–82, 161, 176, 337
 Шевцов Л. (Шварцман Л.И.) 215
 Шейнкман-Стодолин И.Н. 113, 258, 260, 342
 Шейнкман Я.С. 56
 Шелест Г.И. 329
 Шепелинский Ф.Н. 74

Шерстобитов А.П. 54, 167
Шестеркин П.М. (см. Сидоров-Шестеркин П.М.)
Шибов В.В. 71, 106
Шилов И.В. 74, 152, 171
Шилова Е.Н. 74
Шимановский И.И. 100, 172, 256
Шимкус Ж.Я. 55, 211, 227, 283, 338
Шкурин В.С. 106, 264
Шмидт 61
Шотман А.В. 45
Шпаровский Ю.А. 240
Шпигельглаз С.М. 269–270
Шпицберг И.А. 124
Шрейдер А.А. 78
Штаркман Г.Р. 42
Штейнберг В.А. 156
Штейнберг И.З. 53, 149, 342
Штейнбрюк О.О. 186
Штейнгадт В.Х. 106, 108, 264
Штеренберг Д.П. 345
Штерин (Штерн) Я.И. 205
Штрик И.П. 284
Штутман С.М. 11, 34, 42
Шуган У.Л. 241
Шульгин В.В. 93, 214

Щепкин 125
Щербаков А. 116
Щукин С.Е. 47–48, 50, 54, 65, 150, 180, 235

Эйдук А.В. 4, 96, 104, 109–110, 184, 260, 331, 340
Эйдукевич (Эйдукиявичус) П.В. 125, 241
Эйдукиявичус П.В. (см. Эйдукевич П.В.)
Эйхманс Ф.И. 109,
Эльберт Л.Г. 135–137
Эндзелин Л.И. 171
Энин Р.П. 154
Эрде (Райхенштейн) Д.И. 281

Эрман А.П. 100, 256
Эру Ш.Э. 107
Эстрина (урожд. Чубайс) Ш.Ф. 283
Этинггоф Б.Е. 136, 269

Юденич Н.Н. 118
Юргенс Л.И. 124, 279
Юровский Я.М.(Х.) 70, 227

Ягода Г.Г. 4–6, 19, 42, 60, 111, 120, 122, 124, 127, 138, 186, 196, 201, 203, 263, 265, 269–270–271
Якобсон В.Ю. 234
Якобсон Е.Л. 269
Якобсон Я.А. 251
Яковлев В.В. (Мячин К.А.) 14, 46–50
Яковлев И.Я. 237
Яковлев М.П. 100
Яковлев П.А. 332
Яковлев (Эпштейн) Я.А. 14
Яковлева В.Н. 5, 32, 52, 55, 77, 152, 167, 180–181, 235, 250
Якушенко Н.И. 54, 74–75, 170–171
Янгфельдт Б. 344–345, 347
Янель Ю.Ю. 66–67, 90, 153–154, 159–160, 168, 211, 217, 227, 234, 237, 254, 280
Янсон Л.И. 100
Янсон М.И. 330
Янушевский В.П. 51–52, 54–55, 58–60, 77, 89, 150, 174, 180–181, 235, 250, 327
Янушевский П.С. 58–59
Яроцкий В.Я. 29–30
Ярощук (В.Н.?) 152
Яункалн К.И. 55, 61, 227, 231
Яхонтов В.И. 249
Яшухин И.В. 281–282, 285–286, 293–295, 297–299, 303, 305, 307, 314, 322

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Организационная структура ВЧК	43
Формирование структуры и численность центрального аппарата ВЧК в 1917–1918 годах	43
Изменение организационно-штатного и численного состава ВЧК (1919–1920)	95
Глава II. Социально-политический состав ВЧК	145
Социальный, образовательный и партийный состав чекистских кадров (1917–1918)	145
Эволюция социально-политического состава ВЧК в 1919–1922 годы	183
Глава III. Национальный состав центрального чекистского аппарата	214
Проблема национального состава чекистских кадров (1917–1918)	214
Тенденции в изменении национального состава ВЧК (1919–1922)	251
Заключение	275
Приложения	281
Одно из дел периода «красного террора»	281
О ротации кадров в центральном аппарате ВЧК	325
«На самом же деле он шпик и следователь ВЧК» (штрихи к биографии О.М. Брика)	344
Примечания	349
Библиография	377
Именной указатель	401

Научное издание

Капчинский Олег Иванович

Гвардейцы Ленина

*Центральный аппарат ВЧК:
структура и кадры*

Отв. за выпуск А.А. Румынский
Редактор Е.А. Белова
Оформление Л.П. Митич

Подписано в печать 02.04.2014. Формат 84х108/32.
Бумага офсетная. Печ.л. 13+0,5 (вкладка).
Тираж 500 экз. Заказ № 5519

ООО Издательство «Крафт+»
E-mail: kraft2010@list.ru, mnogoknig2011@yandex.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59